

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

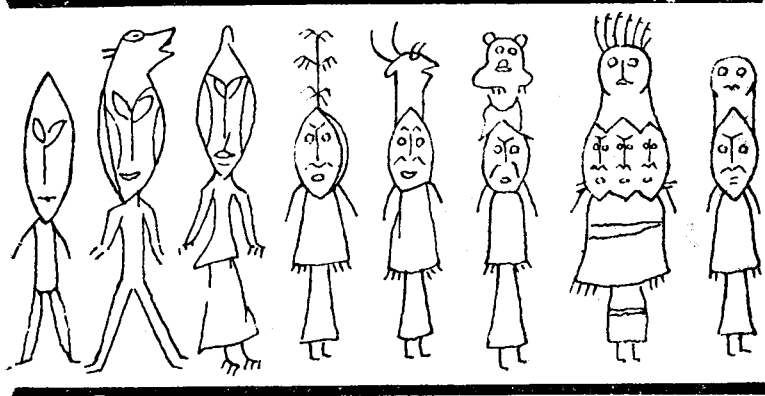
**сказки
и
мифы
народов
востока**

*Серия основана
в 1964 году*

«Наука»

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ ХАНТОВ И МАНСИ

*Перевод с хантыйского,
мансийского, немецкого языков*

Главная редакция восточной литературы
Москва 1990

ББК 82.3 Хан + Ма
М68

Редакционная коллегия серии
«Сказки и мифы народов Востока»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Г. А. ЗОГРАФ,
Е. М. МЕЛЕТинский (председатель),
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (отв. секретарь),
Е. С. НОВИК, Б. Л. РИФТИН, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление,
предисловие и примечания
Н. В. ЛУКИНОЙ

Под общей редакцией
Е. С. НОВИК

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер.
М68 с хантыйского, мансийского, немецкого языков.
Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под об-
щей редакцией Е. С. Новик.— М.: Наука. Главная
редакция восточной литературы, 1990.— 568 с.
(Сказки и мифы народов Востока).
ISBN 5-02-016771-1

Широкая публикация повествовательного фольклора
близкородственных народов Северо-Западной Сибири — хан-
тов и манси. Сопровождается вступительной статьей и при-
мечаниями.

Рассчитана на взрослого читателя.

4702670500-196
М $\frac{013(02)-90}{135-91}$

ББК 82.3 Хан + Ма

ISBN 5-02-016771-1

© Главная редакция
восточной литературы
ИПКО «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ханты и манси — два близкородственных народа, живущие в Северо-Западной Сибири. Этнонимы «ханты» и «манси» образованы от самоназваний народов хантэ, кантах и маньси. В качестве официальных названий они были приняты после Великой Октябрьской социалистической революции, а в старой научной литературе и в документах царской администрации хантов называли остяками, а манси — вогулами. Эти названия использовались в течение нескольких веков и стали привычными не только для окружающего русского населения, но и для самих хантов и манси. Этнонимы «остяки» и «вогулы» нередко можно встретить и в современной зарубежной литературе.

Для обозначения хантов и манси как единого целого в научной литературе утвердился еще один термин — обские угры. Первая его часть указывает на основное место проживания, а вторая происходит от слова «Югра, Югория». Так называлась в русских летописях XI—XV вв. территория на Полярном Урале и в Западной Сибири, а также ее жители. Лингвисты ввели этот термин в генеалогическую классификацию, назвав языки хантов и манси угорскими (югорскими); в эту же группу входит родственный венгерский язык. Угорские языки наряду с прибалтийско-финскими, волжскими, пермскими и саамскими языками составляют финно-угорскую группу уральской языковой семьи (в нее кроме финно-угорских входят самодийские языки, на которых говорят венцы, селькупы, энцы, нганасаны).

Происхождение и этническая история. Для понимания характера и особенностей культуры в целом, в том числе и устного народного творчества, хантов и манси необходимо иметь представление об их этногенезе. Проблема эта очень сложна, и исследователи по целому ряду вопросов не могут прийти к единому мнению. Исходя из того, что хантыйский и мансийский языки относятся к финно-угорской группе уральской языковой семьи, предполагается, что некогда существовала и общность людей, говорившая на этом языке.

Вопрос о том, где жила эта общность, занимает умы исследователей с середины прошлого века. Тогда была выдвинута гипотеза азиатского происхождения финно-угорских и самодийских языков. Позднее получила широкое распространение теория европейской прародины, выработанная в основном финскими и венгерскими учеными. Одни из них предполагали, что прародина могла находиться в Северо-Восточной Европе, не очень далеко от Урала, по мнению других, эта территория простиралась от Балтийского моря до Урала.

Известный советский археолог и этнограф В. Н. Чернецов предложил в 1940-х годах гипотезу, согласно которой история уральцев возводится к западносибирскому неолиту. Эту же концепцию по лингвистическим и палеонтологическим данным разрабатывает в последние годы венгерский академик П. Хайду [97, с. 138—190], которого поддерживают и другие венгерские ученые. Основываясь на названиях деревьев и спорово-пыльцевом анализе, они полагают, что в VI—IV тысячелетиях до н. э. уральцы жили в Западной Сибири. В дальнейшем прауральский язык разделился на несколько обособленных групп. Первым этапом было отделение предков самодийцев от финно-угров на рубеже V и IV тысячелетий до н. э. Затем наступила финно-угорская эпоха, когда относительное единство сохраняли только предки современных финно-угорских народов. Процесс деления продолжался, и в начале II тысячелетия до н. э. завершилось формирование угорского праязыка — предка венгерского, хантыйского и мансийского.

В этот период происходят климатические изменения, вследствие которых граница степи сдвигается на север. Происходит, вероятно, и географическая передислокация угорских племен: часть из них сдвигается несколько на юг, где усиливаются их связи с южными соседями — праирапцами, и переходит, возможно под влиянием последних, от присваивающего к производящему хозяйству — животноводству и земледелию.

Вероятно, угры уже на очень раннем этапе разделились на две ветви: южную, в которой можно усматривать предков венгров, и северную — предков современных хантов и манси. В исследованиях последнего времени эта дифференциация объясняется причинами экономического характера, связанными с изменениями климата. Из-за нового потепления на рубеже II и I тысячелетий до н. э. граница тайги и лесостепи сдвинулась к северу примерно на 300 км. Область расселения угров стала непригодной для комплексного животноводческо-земледельческого хозяйства. Одна часть угорского населения (предки венгров) перешла к кочевому животноводству, а другая (предки хантов и манси) переселилась ниже по Оби, в оставшиеся пригодными для земледелия районы, и сохранила комплексное хозяйство. Несколькими столетиями позже, начиная с VII в. до н. э., наступило похолодание, и тайга вновь достигла своих прежних южных границ. В этот период началось движение венгров на юг, а во время великого переселения народов (V в. н. э.) они были увлечены на запад. Предки же обских угров с наступлением похолодания оказались в таежной зоне. В результате их расселения на запад от Уральских гор и в зону тундры они смешались с местным охотничье-рыболовецким населением, отказались от земледелия и животноводства и возвратились к присваивающему хозяйству. Они ассимилировали местное население, языковая принадлежность которого не установлена.

Несмотря на неясность и противоречивость в решении многих вопросов происхождения хантов и манси, исследователи единодушны в мнении о двухкомпонентности их культуры, вобравшей в себя традиции местных сибирских племен и пришлых с юга угров.

Важным фактором формирования и развития предков обских угров были контакты с другими этносами. Лингвисты говорят о возможности древних связей уральской языковой семьи с индоевропейской и тюркской, выявляют параллели между уральскими и юкагирскими, чукотско-камчатски-

ми, эскимосско-алеутскими языками. Для угорской эпохи обнаружены языковые следы угорско-праиранских культурно-исторических связей; исследуется вопрос об угорско-тюркских и угорско-пермских языковых параллелях.

Этническая история хантов и манси в XVI—XIX вв. прослеживается уже по письменным источникам. В XVI в., по данным русских летописей и документов, остяки (ханты) жили по средней и нижней Оби и на притоках Казыме, Куновате, Сыне, Северной Сосьве с Ляпином, возможно, на верхней Лозьве и на Тазу, по Иртышу и его притоку Демьянке. Они упоминаются также на Конде, в верховьях и среднем течении Туры, на Чусовой и ее притоках Сылве и Ирени, на Нице, в Пелымском уезде. Вогулы (манси) в это время проживали по Чусовой, Тагилу, Нейве, Кокою, Баранче, Вишере, Печоре, средней и нижней Лозьве, Сосьве, Ляле, Конде. Примерно так же расселялись ханты и манси в XVII в. (здесь и далее см. [91]).

После разгрома Сибирского ханства Кучума в конце XVI в. западная часть Сибири — по Оби и Иртышу с притоками — была присоединена к Московскому государству, и татары стали уходить с некоторых угорских земель. В XVII в. началось освоение Западной Сибири русскими. Вначале здесь были сооружены остроги, позднее превратившиеся в города (Березов, Обдорск, Тюмень, Сургут, Нарым, Томск и др.). Начавшееся затем переселение крестьян привело к тому, что к концу XVII в. численность русского населения стала выше, чем коренного. Хантов в начале XVII в. было 7859 человек, манси — 4806 человек. В конце XIX в. хантов насчитывалось 16 256 человек, манси — 7021 человек. Возрастание численности происходило не столько за счет естественного прироста, сколько за счет выявления новых ясачных плательщиков. В этот период обско-угорское население постепенно переселялось с юга на север и с запада на восток. В XVIII—XIX вв. все этнографические группы хантов и манси были в разной степени смешаны: южные ханты и манси — с татарами, западные манси — с русскими и хантами, северные ханты — с ненцами и хантами более южных районов, средние и верхнеобские ханты — с южными хантами и селькупами, ваховские ханты — с селькупами и отчасти кетами. В XIX — начале XX в. шел сравнительно быстрый процесс ассимиляции некоторых групп обско-угорского населения.

В настоящее время ханты и манси живут в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах Тюменской области, а небольшая их часть — в Томской, Свердловской и Пермской областях. Ханты населяют бассейны средней и нижней Оби с притоками: Васюган, Вах, Аган (с Тромъеганом), Юган, Пим, Салым, Иртыш (с Кондой и Демьянкой), Казым, Назым, Сыня, Куноват. Манси живут между Уральскими горами и Обью: по бассейну нижней Оби, по притоку Оби Северной Сосьве (с Ляпином), притоку Иртыша Конде (с Юковдой), по Тавде и ее притокам — Лозьве, Вагилу, Пелыму. По данным переписи 1979 г., хантов насчитывалось около 21 тыс., а манси — более 7,5 тыс. человек.

В занятиях, материальной и духовной культуре (включая фольклор), в социальной организации у разных групп имеется своя специфика. По наиболее общей классификации, манси разделяются на южную, западную, северную и восточную группы, а ханты — на южную, северную и восточную. Эти крупные этнографические группы делятся на более мелкие, на-

зываемые обычно по месту проживания — реке или административному центру (например, сосьвинские манси — по реке Северная Сосьва, березовские ханты — по поселку Березово, бывшему уездному, а ныне районному центру и т. д.).

Язык хантов и манси состоит из множества диалектов, различающихся иногда настолько, что их носители не понимают друг друга. Новейшая классификация обско-угорских языков принадлежит крупнейшему венгерскому финно-угроведу П. Хайду [97, с. 36—48]. В хантыйском языке он выделяет северную группу диалектов, распространенных между устьем Оби и поселком Шеркалы: обдорский, ляпинский, сынский диалект хантов поселка Мужи, шурышкарский, казымский, шеркальский; к южной группе он относит диалектную область на юг от Шеркалов до устья Иртыша с его нижним течением: иртышский, кондинский и демьянский диалекты (сейчас почти исчезнувшие) и переходные к северной группе низямский и кеушинский диалекты; к восточной — диалекты, расположенные в Среднем Приобье: салымский, сургутский (тромъеганский, юганский, малоюганский, пимский), ваховский, васюганский, вартовский. У манси северный диалект расчленяется на ряд более мелких говоров: ляпинский, сосьвинский, обской, верхнелозьвинский; западные диалекты распространены по берегам средней Лозьвы, нижней Лозьвы, Целыма и Вагила (часть из них ныне уже исчезла); к восточным диалектам относятся нижне-, средне-, верхнекондинский; в южную диалектную группу входят манси Тавды (ныне их можно считать практически исчезнувшими).

Письменность и литературный язык начали создаваться для хантов и манси с 1930-х годов. Единого литературного хантыйского языка не существует, издания базируются на разных диалектах из-за больших различий между ними. Мансийский литературный язык ориентирован на северный диалект.

В антропологическом отношении ханты и манси являются наиболее характерными представителями уральского антропологического типа, к которому относятся также селькупы и западные ненцы. По своим основным признакам этот тип занимает промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими расами.

Территория проживания хантов и манси, расположенная к востоку от Уральского хребта, представляет собой в основном обширную низменность, прорезанную многочисленными реками бассейна крупнейшей реки Сибири — Оби. Большую часть территории покрывают громадные болота. Климат суровый, резко континентальный. Леса главным образом хвойные, богаты зверем и птицей, реки — рыбой.

Традиционное хозяйство и материальная культура хантов и манси конца XIX — начала XX в. сохранили многие свои черты до настоящего времени. Большая часть населения ведет типично таежный образ жизни. Это полуседлые охотники и рыболовы, занимающиеся, кроме того, оленеводством на севере и скотоводством на юге. В зависимости от местных географических условий на первый план выступал один из названных видов занятий. У жителей бассейна Оби и низовой ее притоков основным занятием было рыболовство, а в верховьях рек занимались главным образом охотой. Практиковалась сезонная рыбная ловля на Оби, куда выезжали на лето семьи, живущие по ее притокам. Здесь они добывали рыбу

не только для личных нужд, но и на продажу. Круглогодичный лов рыбы для пропитания велся и в близлежащих от жилья водоемах. Наиболее древним традиционным способом был лов с использованием заграждений из кольев и прутьев (запоры), с давних пор известны также уды и сетные ловушки.

Охотничий промысел включал добычу мясных и пушных животных. Среди мясных первое место занимали лось и олень, боровая и водоплавающая птица. Медведя промыслили лишь изредка. Пушная охота издавна имела товарное значение, здесь на первом месте стояла добыча белки. Практиковались так называемые «пассивные» и «активные» способы добычи: в первом случае охотник ставил ловушку (черкан, слопец, плашку, капкан и др.) и проверял ее время от времени; во втором он преследовал зверя и убивал копьем, из лука или ружья.

Оленеводство у большинства групп служило транспортным целям, и оленей в хозяйствах было немного. В качестве основной эта отрасль была известна лишь у нижнеобских хантов и у манси, живущих в предгорьях Урала. Другим домашним животным была собака; их использовали на охоте и запрягали в нарты.

Основным средством передвижения по воде служили лодки-долбленки (обласки) и большие дощатые каюки. Зимой использовали лыжи, ручные, собачьи и оленьи наргы.

Большая часть хантов и манси вела полукочевый образ жизни. У охотников и рыболовов для каждого времени года имелось сезонное поселение и жилище. С наступлением соответствующего сезона семья переезжала и жила, как правило, весь сезон на одном месте. Оленеводы перекочевывали чаще.

У хантов и манси удивительно много типов жилищ. Одни из них были временными, разборными, а другие — постоянными. Для почлега в пути летом сооружали временный навес или заслон у костра, а зимой выкапывали снежную яму. Постройки с каркасом из жердей и покрытием из бересты очень разнообразны по форме. Это и шалаш с двускатной и односкатной крышей, и полусферические, полуконические и конические постройки — чумы. Чум покрывали не только берестой, но и шкурами, а в настоящее время для этого используют брезент. Постоянными, неразборными жилищами служили землянки или полуземлянки и наземные постройки из бревен и досок. Из них особенно интересны древние полуземлянки с опорными столбами и шатровой крышей. В древности они имели вход через крышу. Срубные постройки различались по конструкции крыш: плоской, односкатной, двускатной. Во временных постройках очагом служил костер, а в постоянных — чувал, напоминающий камин, сделанный из обжаренных глиной бревен. На улице ставили глинобитную печь для выпечки хлеба.

Во временных постройках на спальные места настилали циновки и шкуры. В постоянных жилищах имелись нары, также застилаемые. Полот из ткани изолировал семью и, кроме того, защищал от холода и комаров. Своего рода «микрожилищем» для ребенка служила колыбель — деревянная или берестяная. Непременной принадлежностью каждого дома был столик на низких или высоких ножках.

Для хранения домашней утвари и одежды устраивали полки и подставки, вбивали в стены деревянные штыри. Каждый предмет находился на

отведенном ему месте, некоторые мужские и женские вещи хранились раздельно.

Разнообразны были хозяйственные постройки: амбары — дощатые или бревенчатые, навесы для вяления и копчения рыбы и мяса, конические и односкатные хранилища. Строились также укрытия для собак, сарай с дымокурами для олсней, загон для лошадей, стойки и хлева. Для привязывания лошадей или олсней устанавливали столбы, во время жертвоприношений к ним привязывали жертвенных животных.

Кроме бытовых существовали общественные и культовые сооружения. В «общественном доме» хранились изображения предков данной социальной группы, устраивались праздники или собрания. Наряду с «гостевыми домами» они упоминаются в фольклоре. Существовали особые постройки для менструирующих женщин и рожениц — так называемые «маленькие дома». В поселках или глухих, труднодоступных местах строились амбарчики для хранения предметов культа. У северных групп обских угров имелись миниатюрные домики, в которые помещали изображения умерших. В некоторых местах строили навесы для хранения медвежьих черепов.

Предметы домашнего обихода изготовлялись почти исключительно из местных материалов. Каждая семья имела множество берестяных емкостей разной формы и назначения: плоскостенные сосуды, кузова, коробки, табакерки и т. д. Из дерева мужчины вырезали блюда, ступы, кадушки, черпаки, ложки. Оригинальны были коробки и тарелки, плетенные из корней кедра или из расщепленных веток черемухи (сарги). Из привозной посуды ценились котлы и фаянсовые чайные чашки. В мешках и сумках разных размеров, сшитых из шкур и тканей, хранили одежду и мелкие предметы. Женщина имела игольник и нитки из сухожилий. Необходимой принадлежностью в хозяйстве были стружки, которыми вытирали посуду, лицо и руки, перекладывали бьющуюся посуду, использовали их и как гигроскопический и перевязочный материал. Наструганные и измельченные гнилушки подкладывали под ребенка в колыбель.

Основной пищей у хантов и манси в прошлом были рыба и мясо. Рыбу ели сырой (свежепойманную и мороженую), вареной и жарено-суповой или вяленой. Из внутренностей вытапливали рыбий жир, употреблявшийся с разными продуктами — рыбой, ягодами, мучными изделиями. Основным источником мяса были крупные промысловые звери — лось и дикий олень. Домашнего оленя забивали для пропитания только владельцы больших стад. Почки, печень, костный мозг, глаза, уши, губы, а иногда и мясо ели сырыми, но обычно мясо варили. Боровую и водоплавающую птицу ели в вареном виде или вялили и коптили. Из дикорастущих потребляли главным образом ягоды, собирали и некоторые растения. Грибы считались «нечистыми», их не ели. Глубокие корни имеют у хантов и манси традиции приготовления некоторых блюд из муки и круп, но хлеб стал широко потребляться только в недавнее время. Напитками служили вода, отвар чаги и другие растительные отвары. Очень популярен был плиточный чай. Многие курили, нюхали и сосали табак.

В одежде хантов и манси некоторые виды были одинаковыми у мужчин, женщин и детей. Вместе с тем здесь более, чем в других предметах материальной культуры, заметны были межгрупповые различия. Так, у северных групп в верхней мужской одежде преобладала глухая (без разреза

спереди, надеваемая через голову), у южных и восточных — распашная. Глухая меховая одежда, не имеющая разреза спереди, была трех видов: малица, гусь (кумыш) и парка. Первую носили мехом к телу, а гусь и парку — мехом наружу. Парка была нарядной одеждой, а кумыш надевали в дорогу поверх малицы. Мужчины подпоясывали все виды верхней одежды поясами. Женщины повсеместно носили распашную верхнюю одежду, но у каждой группы был свой покрой. Некоторые виды женской одежды (штаны, рубаха, халат, платок, обувь) не отличались от мужской; специально женскими были набедренный пояс-повязка, двойная шуба из оленьих шкур, большие головные платки. На севере зимнюю одежду шили по большей части из оленьих шкур, а южнее — из сборного меха в сочетании с тканями. В старину использовали еще один оригинальный материал — рыбы кожи. Из них шили штаны, рубахи, кафтаны. Мужчины летом носили верхнюю одежду из тканей (шабур, кафтап, халат) либо выношенную зимнюю из меха — глухого покроя.

Обувь была разных покровов: для лета — поришевидная (с загнутой подошвой, присборенной над ступней), короткие черки и черки с пришитым длинным голенищем из ткани или кожи; зимой носили длинную обувь, целиком сшитую из камусов — шкур с ног крупных животных. Внутрь клали травяные стельки, надевали шерстяные либо меховые чулки.

Головным убором служили капор, платок или капюшон малицы и гуся. Своеобразны были так называемые ложные косы — пучки волос, перевитые цветным шнурком. В некоторых районах было принято стричь волосы особым образом либо их носили нестриженными. Мужчины и женщины очень любили кольца, особенно из белых металлов. Женщины носили также нагрудные и особые наконечные украшения.

Одна из особенностей материальной культуры обских угров — широкое распространение орнамента. Узорами украшали одежду, обувь и вязаные чулки, рукавицы, головные уборы, шейные и нагрудные украшения, пояса, игольницы, подушки, сумки, коробки, кузова, колыбели, мелкие предметы из кости, ткацкие станки, луки и колчаны, выбивалки снега, лодки и весла, металлические и костяные пряжки и многие другие предметы, даже лепешки из черемухи.

Особенно богат и разнообразен орнамент на берестяных изделиях, выполняемый различной техникой. Вероятно, самой древней была техника выскабливания. Любопытно, что в одной из мифологических сказок (№ 25) это искусство передает своей человеческой дочери медведица; для подошедших охотников выброшенная из берлоги орнаментированная коробочка служит знаком, что они имеют дело не с животным, а с человеком. Для изделий из бересты характерно введение в орнамент упрощенных изображений животных, изредка — всадников. Прямолинейным геометрическим узором на бересте близок и мозаичный орнамент на меховой одежде. Вышивки на одежде южных хантов богаче и разнообразнее по мотивам, чем на севере. Некоторые старинные рубахи здесь почти сплошь покрыты вышивкой. Повсеместно одежду украшали бисером. Резьба по дереву и кости не имела у хантов широкого распространения.

При всем локальном разнообразии декоративное искусство хантов и манси отличается внутренним единством. Лучшее исследование по этому вопросу принадлежит С. В. Иванову [62, с. 43—162].

Социальная организация обских угров — дискуссионная проблема (см. [92]). Одни авторы подчеркивали существование у них родового строя, другие — дуально-фратриальной организации; высказывалась точка зрения о наличии элементов феодализма в обско-угорском обществе. Для реконструкции общественных отношений у предков хантов и манси использовались и фольклорные данные. Особенно подробно это сделал С. К. Патканов, опираясь на героические сказания и песни иртышских хантов, относящиеся, по его мнению, к XIV — XV вв. [41]. Судя по ним, ханты находились на рубеже классового общества, а страна была разделена на мелкие «княжества» с городком в центре и с богатырем-воином во главе. Некоторые из воспеваемых городков С. К. Патканов соотносит с реально существующими археологическими памятниками-городищами.

По мнению М. Ф. Косарева [65], социальная структура, описанная в героических сказаниях хантов, начала складываться с рубежа бронзового и железного веков (I тысячелетие до н. э.). Это связано с выходом таежного населения на крупные западносибирские реки («большие дороги») и усилением связей с югом, где в это время возрастает спрос на пушнину. В обмен на нее поступают предметы роскоши, которые скапливаются в руках родовой верхушки и военной знати. Усиливается политическая власть последних. На смену мирной жизни приходит эпоха захватнических войн и грабительских походов. Вся Западная Сибирь покрывается городками-крепостями. Например, в районе г. Сургут, на участке протяженностью 8—9 км, открыто шестьдесят городищ и сотни поселений, относящихся к периоду с конца бронзового века по средневековье. При раскопках городищ, расположенных обычно на возвышенностях, обнаруживают оборонительные сооружения в виде валов и рвов, окружающих сравнительно небольшое поселение.

Укрепленные городки богатырей, военные союзы южных хантов известны по фольклорным и ранним историческим источникам. Фольклорные же материалы северных хантов и манси и восточных хантов рисуют более архаичную картину. Здесь общественные отношения выглядят демократичнее, роль женщины — выше. Архивные источники XVII в. также свидетельствуют о социальной дифференциации у отдельных групп обских угров. Русские застали в Западной Сибири какие-то объединения, которые были положены в основу введенного позднее административного деления на волости. Во главе поселков (юрт) и волостей стояли «лучшие люди», «князцы» — должностные лица, назначенные администрацией. Большая их часть происходила из влиятельных семей.

В разных источниках зафиксировано деление хантов и манси на «роды» и «поколения», «фамилии» и «породы»; в названиях крупных территориальных групп включалось также понятие «народ». В. Н. Чернецов, обобщив литературные данные и богатый собственный материал, пришел к выводу о существовании у обских угров в прошлом фратрии и рода [99; 103]. Об этих же социальных единицах писал В. Штейниц по хантыйским материалам [130]. Под фратриями подразумевались две группы, на которые делились северные ханты и манси — Пор и Мось, характерной особенностью которых был запрет на заключение брака внутри группы. Мужчина Мось мог жениться только на женщине Пор, и наоборот. Члены одной фратрии считались кровными родственниками и вели свое происхождение от одного

мифологического предка. У фратрии Пор предком считался медведь, у Мось — женщина Калтась, которую представляли в виде зайца или гусыни. Они являлись главными тотемами, но кроме них были и тотемы других уровней: у Пор — кедр, лиственница и растение *порых*, у Мось — Мир-сусне-хум (сын Калтась) и береза. У каждой фратрии был собственный центр: у Пор — Вежакоры, у Мось — Белогорье, оба селения располагались на Оби. Они считались местообитанием тотемов, здесь проводились общекфратриальные празднества и обряды. Одним из правил для членов фратрии было соблюдение тайны обрядов и священных сказаний.

Фратрии Пор и Мось, их общественные и религиозные функции зафиксированы только у северных обских угров, а в других районах экзогамные группы имели свои особенности. Например, у восточных хантов групп было не две, а три, и они носили названия Лоси, Бобра и Медведя. Нет сведений о существовании Пор и Мось у южных хантов и манси.

Дискуссионным является и вопрос о роде у обских угров. В. Н. Чернецов выделил у них такие признаки рода, как экзогамия, родовое имя или самоназвание по имени тотема, богатери или выдающегося человека, общеродовой знак (тамга), личные имена родового происхождения, вера в общего предка и родовой культ его, наличие родового кладбища и кровная месть за убитого сородича. Позднее вопрос о роде был подробно исследован З. П. Соколовой [92; 93 и др.]. Она пришла к выводу о большой аморфности родовой системы хантов и манси в XVII—XIX вв. и предположила, что род как экзогамная единица так и не выделился из недр дуально-экзогамной организации. Вместо рода, считает З. П. Соколова, у обских угров существовала локально-тотемическая, или генеалогическая, группа. По своим признакам она весьма близка роду, но в отличие от него не обладает собственной экзогамией.

Основными единицами обско-угорского общества в XVII—XIX вв. были семья и юрта-поселок [92]. В это время существовали большие семьи, состоящие из нескольких брачных пар, проживающих в одном доме и сообща владеющих угодьями. Наряду с большими были и малые семьи. Семья была патриархальной: главой считался мужчина, счет родства велся по мужской линии, дети при разводе оставались у отца, женщина во многом зависела от мужчины. Однако говорить о приниженной роли женщины было бы неправильно. Имеются данные и об относительно свободном положении женщины в семье, возможности для нее развода, при котором дети оставались у матери, о культе женщины-родоначальницы и т. п.

Поселки были, как правило, небольшими и состояли из одной или нескольких семей. В XIX—XX вв. часть угодий находилась в коллективном владении, а часть — в семейном. К началу XX в. стали оформляться территориальные общины. В этот период получила дальнейшее развитие социальная дифференциация, особенно на Оби и Иртыше, где хозяйничали русские рыбопромышленники и торговцы, и начинали складываться патриархально-феодалные отношения. Ко времени Октябрьской революции среди хантов и манси уже наметились элементы классового расслоения, но эксплуатация нередко носила скрытые формы и была замаскирована традициями первобытнообщинных отношений в виде взаимопомощи. Как и в других сферах жизни, в социальной организации и общественных отношениях у отдельных групп обских угров имелись определенные различия.

Религиозные воззрения и обряды. Религия и фольклор хантов и манси были тесно переплетены, что свойственно обществам на ранних стадиях исторического развития. Их мифология была системой первобытного мировосприятия и включала зачатки донаучных представлений о мире и человеке, об истории общества, разные формы искусства, философии и религии. Поэтому нередко исследователи религии и мировоззрения обских угров привлекают в качестве источника фольклор, для понимания которого, в свою очередь, важны верования и обряды. Им посвящено множество сообщений, статей и ряд монографий [56; 57; 67; 68; 81; 101; 102; 115; 118—120; 124; 131 и др.].

Попытаемся кратко изложить систему религиозных верований хантов и манси, уделяя особое внимание тем моментам, которые важны для целей нашего сборника,— представлениям о сверхъестественных существах, выступающих и в качестве фольклорных персонажей, и как объекты почитания в верованиях.

Вера в духов, или анимизм, пронизывает всю религиозную систему обских угров. Поражает число этих духов, сложная картина их взаимоотношений. Лучший знаток этого вопроса К. Ф. Карьялайнен писал в начале XX в.: «У современных остяков мир духов очень богат, настолько богат, что, наверно, никогда никому не удастся выявить число и имена всех этих духов, являющихся... предметом почитания и страха» [119, с. 4]. Он разделяет духов на три категории: «домашние», «местные» и «всеобщие». Мы начнем их характеристику с последней категории, так как «всеобщие» духи фигурируют в космогонических мифах, открывающих сборник.

Традиционные космологические представления основаны на практических наблюдениях и географически ограничиваются собственной областью проживания и ее ближайшим окружением. Вселенная расчленена на три главные космические зоны: небо *торум*, землю *мун* (хант.), *ма* (манс.) и подземный мир *кали-торум* (хант.), *тамал-ма* (манс.). В соответствии с этим троичным членением выделяются три главных божества. Паптеон возглавляет небесный бог, его самые известные названия—Торум (Тором, Турым, Торэм) и Нум-Торум. Полисемантический термин *торум* означает «небо», «вселенная», «край», «погода», «эпоха», «высшее существо»; *нум* — «верхний», «южный»; Нум-Торум «верхний бог».

В мифологии имя бога имеет много синонимов и употребляется с разнообразными эпитетами, причем в некоторых из них вообще нет слова Торум. У хантов его называют Ент-Торум «Великий Торум», Санки-Торум «Светлый Торум», Сорни-Торум «Золотой Торум», Йем-Савки «Добрый свет», Алле-ики «Большой старик», Наги-ики «Белый старик» и т. д. Мансийские обозначения: Явы-Торум «Великий Торум», Вайкан-Торум «Белый Торум», Нум-пос, Сорви-пос «Верхний золотой блеск», Пойрыхщ «Господь» и др. Особенно значительное положение он занимает в мансийском фольклоре, хотя в актуальных верованиях его культ более выражен у хантов [119, с. 258—259].

Небесный бог является создателем земли, подателем дневного света, охранителем морали и миропорядка. Он достал солнце и луну, вызвал «священный потоп». Кроме того, он определяет срок жизни каждого человека, дает удачу в промыслах, к нему обращаются с просьбами о здоровье и т. д.

Каким предстает небесный бог в народной фантазии, отчасти видно по текстам сборника. В мансийском фольклоре он рисуется следующим образом. На верхнем (иногда на седьмом) небе выстроен его священный дом «с серебряным дымоходом, золотым дымоходом». Дом его полон богатства, в нем семь отделений, в одном отделении хранятся книги судьбы, куда занесены жизненные пути каждого человека. Перед домом — столб для привязывания верховых лошадей. На священном лугу с золотой травой пасутся лошади, коровы и олени. Небесный бог охотится в обширных лугах и лесах. У него есть и слуги, а также кузнецы и плотники; Крылатый (ая) Калм обеспечивает быструю передачу приказов и повостей. Внешне небесный бог — седой старец в сияющих золотом одеждах. Сидя на небе на золотом стуле, он держит в руке посох с золотым набалдашником и наблюдает в дыру за жизнью на земле. Его глаза, подобные восходящему солнцу, величиной «с Обь, с море», его уши «величиной с лист кувшинки, как уши черной дикой утки с тонким слухом».

В триаду главных божеств наряду с Нум-Торумом входит Калтась-анки, Мых-ими (хант.), Калтась-эква, Ма-апква, Йоли-Торум-сянь (манс.). В фольклоре ее эпитеты — «кожистая земля, волосатая земля». Это богиня земли, защитница от болезней и подательница детей (в последней функции ей близка восточнохантыйская Пугос, считающаяся также матерью огня). До создания мира ее жилищем служил город, укрепленный на семи цепях между обоими мирами. Оттуда она была спущена Нум-Торумом на землю (или сброшена туда за проступок, из-за ссоры и т. д.). По ее просьбе Нум-Торум создал светила и остановил качающуюся землю, она оживила людей дыханием и выпросила для них у неба пищу.

Под именем Калтась у северных обских угров известен также местный дух женского рода, святилище которого находилось в юртах Калтасянских, в низовьях Оби. Хантыйская Пугос также, по одним данным, живет на небе, а по другим — в верховьях р. Вах. Под влиянием христианства Калтась стала восприниматься как «божья мать».

В фольклоре хантов имеется образ Торум-матери, но всегда в сочетании с Торумом-отцом. Анализируя этот образ, К. Ф. Карьялайнен возражает С. К. Патканову, считавшему его «небесной матерью», женой Торума, и расценивает слово Торум-анки только как параллелизм, поэтическое добавление для выражения одного понятия Торум-отец — Торум-мать [119, с. 303]. По материалам восточных хантов, эти понятия все-таки различаются, и Торум-анки выступает вместе с Торумом — создателем людей, но в верованиях она действительно не фигурирует.

Нижний мир — мир мертвых, царство болезней и смерти, место обитания брата (или сына) Нум-Торума, известного под именами Куль, Кынь-лунк (хант.), Хуль-отыр (манс.). В космогонических мифах он выступает то как партнер Нум-Торума, то как носитель враждебного людям начала. В мифах творения Куль противостоит Торуму: выпрашивает у него и прячет светила, вредит при создании людей, соблазняет их на нарушение заповедей и указаний Торума, создает вредоносных животных и т. д. Он забирает в свое царство тех людей, которых обрек на смерть Торум. По одним данным, Куль сброшен отцом с неба, по другим — родился под землей. У него есть большой город, золотой дом, дети. В мансийских представлениях он несколько обособлен, его считают водяным или лесным дьяволом, чертом

[115, с. 126]. Как и Калтась, Куль был не только всеобщим, но и местным духом-покровителем манси в сел. Исунт. Этого духа изображали в виде антропоморфной фигуры из дерева с заостренной головой.

Небо с землей и земля с подземным миром соединяются отверстием. В фольклоре упоминаются «городской столб», олицетворяющий мировой столп, и лестница, по которой можно подняться на небо. Посредничество между космическими зонами осуществляют культурный герой — младший сын Торума и Крылатый (ая) Калм.

Наряду с вертикальным членением мира в мифах имеется и горизонтальное, отражающее, вероятно, более ранние воззрения [67, с. 171]. Герои — посредники между мирами путешествуют и в горизонтальном и в вертикальном направлении. На юге, в полуденной стороне, находится Мортим-ма «южная земля» (манс.), где живет пара стариков — Мортим-эква и Мортим-ойка. Туда прилетают на зиму перелетные птицы, которые становятся красивыми, когда их пропустит между колен Южная старуха. Старики оживляют птиц, бросая их кости и пух в озеро с живой водой, в нем они омолаживаются и сами. Вход в Мортим-ма загораживает камень и железный перенос. Сенер отождествляется с нижним миром — миром мертвых. По бытующим воззрениям северных хантов и манси, душа умершего уходит вниз по Оби в море, где у мыса Хом (манс. Хомавёл) находится отверстие в нижний мир. Посреди моря имеется земля *щоращ топал ма* (манс.), где живут души мифологических существ менквов (см. ниже).

Общая трехчастная вертикальная картина мироздания усложнена у некоторых групп обских ургов дополнительными членениями. Так, согласно мансийской мифологии, над землей возвышаются три неба: ближайшее к земле — это уже известный нам Нум-Торум, выше расположен Корс-Торум, а еще выше — Косир-Торум [10, с. 20]. По хантыйским представлениям, небо состоит из семи ярусов. Наиболее сложная картина строения мира зафиксирована у васюганских хантов: первый из семи этажей неба здесь рисуется состоящим из нескольких частей, ближайшая к земле называется «сосновое болото середины неба», затем «хребет березовой горы середины неба» и «водянистое море середины неба» [119, с. 263].

У северных обских ургов троячность деления распространяется и на подземный мир. О двух самых нижних его ярусах известно очень мало; у манси второй ярус называется «мир вышиной с хорей», а третий — «мир вышиной с собачий хвост» [10, с. 20—21].

В ряде версий главный верхний дух Нум-Торум — третий из наследных небесных божеств; у манси он считается сыном Корс-Торума и внуком Косир-Торума, а у северных хантов — сыном Нум-Курьса и внуком Нум-Сивеса. Узлами родства связаны и другие персонажи мансийского пантеона: братьями и сестрами Нум-Торума считаются божество подземного мира Куль-отыр, высшее женское божество Калтась-эква (в других вариантах она — жена Нум-Торума), богиня огня Най-эква, а также божество солнца Хотал-эква «Солнце-старуха» (у хантов ее имя Хатл-ими, Катль-ими) и божество месяца Эпос-ойка «Ночной свет-старик» (у хантов Тылась-ики «Месяц-старик»). Солнце олицетворяет жару, а месяц — холод; в мифах они иногда рисуются как супружеская пара.

Небесные светила почти не фигурируют в верованиях [120, с. 53—55; 115, с. 87], а божество огня, наоборот, занимает в религиозных верованиях

весьма значительное место, но фольклорных произведений о нем немного. Персонафикация огня проявляется в названиях Най-эква (манс.), Пугос-анки, Най-анки (хант.) «Огонь-мать» (най употребляется также в значении «героиня», «владычица»). В некоторых районах существовали представления и об особом духе огня. Повсеместно огонь являлся объектом более или менее значительного культа, наиболее развитые его формы существовали на Иртыше. С огнем обращались почитательно и заботливо, ему приносили жертвы. С помощью огня угадывали будущее, на нем клялись, огнем или дымом отпугивали злых духов [120, с. 54—68]. В фольклоре огонь фигурирует главным образом в космогонических мифах. Роль его в сотворении мира, представление о вечности и неуничтожимости огня, образ жидкого огня (огненного потопа) и идея конца мира сближают обско-угорскую традицию с иранской [110]. Из природных явлений почитанием пользовались ветер (особенно у южных групп) и гром, убивающий молнией злых духов из лука-радуги.

Среди всеобщих духов, стоящих рангом ниже, хорошо известны лесной дух Унт-тонх, Вонт-лунк (хант.), Кумпэленг (манс.), которого в песнях называют «волосатоглазый, волосатоногий». Считается, что он имеет человеческий облик, живет в чащобе и помогает в охоте. Ему приносят жертвы весной и осенью.

Более значительным является водяной дух Йенк-тонх, Йенк-ики (хант.), или «водяной царь» Вит-хон (манс.). Водяной дух, как и лесной, вездесущ, т. е. может проживать в любом водоеме, в то время как водяному царю приписывается определенное местожительство — в устье Оби, на территории ненцев. В воде у него город, населенный многими жителями, и имеют дети; на его дочери женится культурный герой, который соревнуется в хитрости с сыновьями водяного царя (№ 136). Вит-хон фигурирует главным образом в мансийских мифах, которые о происхождении его самого умалчивают, — видимо, не случайно К. Ф. Карьялайнен считает, что водяной царь стал фольклорным персонажем под влиянием извне [119, с. 234]. По бытующим воззрениям, водяной дух и водяной царь дают людям рыбу, но первого можно просить и о лесной добыче; для того и другого устраивают жертвоприношения. Изображений лесного и водяного духов не делали, известно лишь об изображении водяного царя на привозном серебряном блюде (см. № 160).

Ко всеобщим относятся и духи болезни, среди них упомянутый выше Куль, Кынь-лунк, живущий на земле или под землей, и дух Тяри. Кроме того, были известны дух оспы и духи других болезней. Точных данных о культе этих существ нет.

Следующая категория духов — это сверхъестественные существа, имеющие силу на определенной территории или оказывающие влияние на ту или иную социальную группу, по терминологии К. Ф. Карьялайнена — «местные» и «родовые». Они живут везде, где поселился или ходит за добычей человек. Их основная обязанность — помощь в добыче пропитания. У отдельных духов есть определенная «специализация», т. е. одни дают главным образом дичь, другие охраняют олених стада и т. д. Они обеспечивают также счастье и благополучие (что более характерно для личных духов). Отношение к духу чрезвычайно просто, и человек считает себя вправе наказать его, если дух недостаточно усердно исполняет просьбы. Чтобы

умилостивить духа, к нему следует относиться соответственно: приносить подарки, не называть обидными словами, не осквернять местожительства духа. «Дух добр, милостив и готов помочь, пока человек ведет себя правильно по отношению к нему... Разгневанного духа нужно умилостивить, восстановить прежние добрые отношения, ибо без помощи духа, а особенно при его немилости жизнь становится для человека задачей, превосходящей его силы» [119, с. 35].

К наиболее значительным духам этой категории относятся «дети» Торума. Сведения о них содержатся главным образом в фольклоре. Чаще всего упоминаются семь сыновей Торума и одна дочь; в некоторых местах считается, что дочерей вообще нет; в фольклоре хантов Васюгана упоминается один сын. Дети были спущены Торумом на землю для управления делами людей, и некоторые из них стали местными духами-покровителями.

Имена детей различаются у разных групп хантов и манси. Например, на Югане ими считался Кон-ики «Господин-старик», Ягун-ики «Юганский старик», Ас-ики «Обской старик», Вой-ортики «Звериный хозяин-старик» и Лар-ики «Низины старик». На Иртыше особым почитанием пользовался Ас-ики. У северных манси имена семи сыновей Торума (по старшинству): Полум-Торум «Пелымский Торум», Ас-ях-Торум «Обского народа Торум», Нёр-ойка «Урала старик», Аут-отыр «Реки Аут богатырь», Ай-Ас-Торум «Малой Оби Торум», Тахткотль-Торум «Середины Сосьвы Торум» и младший Мир-сусне-хум «За миром наблюдающий человек».

Последний из них занимает особое положение в пантеоне обских угров — это их культурный герой и главный покровитель. В религиозных воззрениях он носит имена Орт-лунк «Князь-дух», Орт-ики «Князь-старик», Мастерко, Ворт «Господин, Князь, Герой», Нум-сорни «Верхний-золотой», Сорни-орт «Золотой князь», Кон-ики «Господин-старик», Кантых-кан «Хантыйский князь», Торум-пах «Торума сын», Торум-тонх-ики «Бог-дух-старик», Эны-ики «Большой старик», Тронтьс-ики «Троицы-старик», Пайрыхсы (перевод неясен).

Особенно важная роль отводится этому образу у манси. Его мифологические и культовые имена: Тарыг-пещ-нималы-сов (точного перевода нет), Сорни-отыр «Золотой богатырь», Сорни-хон «Золотой владыка», Отыр «Князь, Богатырь», Мастыр, Отыр-ойка «Князь-старик», Лунт-отыр «Гусь-богатырь» с эпитетом «Золотой, в образе золотого гуся», Лусн-хум «Всадник», Али-хум «Верхний человек» (т. е. живущий в верховьях реки), Ас-талях-хум «Верховьев Оби человек». В качестве эпитета чаще всего встречается северомансийское Мир-сусне-хум «За миром наблюдающий человек»; у северных хантов ему соответствует Мир-сэвити-хо, а у южных хантов — редко встречающееся «Человек многих стран, странник многих стран». Сказочное имя этого героя у хантов — Ими-хиты «Бабушкин внук» (Тетин племянник), Альви, Альвали; у манси — Эква-пырысь «Женщины сынок», или Эква-пырысь «Сынок сына женщины». С его именем в сказках обычно употребляется эпитет «В песнях прославляемый человек, в сказках прославляемый человек».

В верованиях и обрядовой поэзии он рисуется как всадник на белом восьмикрылом коне, объезжающий мир на высоте облаков, это «царь идущих облаков». Когда он спускается на землю, под ноги коню нужно ставить серебряные тарелочки; по этому элементу образ Мир-сусне-хума свя-

зывают с солярным культом. Его зооморфный облик, в котором он выступает и в фольклоре и в верованиях,— речной гусь. Главное святилище этого духа было на Оби, в устье Иртыша, в сел. Белогорье, где русскими был построен Троицко-Белогорский погост. Там хранилось антропоморфное изображение духа, сделанное из дерева, рядом с ним находился отлитый из железа гусь. На других культовых предметах Мир-сусне-хум изображается в виде всадника на коне. По велению отца он наблюдает за жизнью людей, заботится о них, выступает посредником между людьми и богами; у северных групп его обычно призывают шаманы. Под влиянием христианства Мир-сусне-хума стали отождествлять с Николаем-чудотворцем или Христом.

В мифах он предстает перед нами как культурный герой, которому приписывается инициатива творения земли, создание человека, обучение промыслам, другим важным знаниям и навыкам. Он был первым охотником на лося, создал огонь, полезные растения и животных, велел птицам прилетать летом на север. По велению отца он добывает в нижнем мире солнце и луну (или этот подвиг приписывается его брату Полум-Торуму). Главенство над старшими братьями Мир-сусне-хум получает, когда он, совершив свои подвиги, первым предстает перед Нум-Торумом.

Особенностью религиозно-мифологической системы обских угров является то, что местные духи считаются у них духами-предками, богатырями древних времен. Герой-богатырь обозначается в фольклоре словами *матур*, *урт* (хант.), *отыр*. (манс.), а богатырши — *най* (манс.). Кроме того, в их имена включаются термины *хой*, *ики* (хант.), *хум*, *ойка* (манс.) в значении «мужчина, старик» или *лук*, *тонх* (хант.), *тов* (манс.) в значении «дух», реже *торум* (манс.) «бог». Героиня, ставшая духом, называется *ими* (хант.), *эква* (манс.) «женщина, старуха, хозяйка». В повседневной речи, обращаясь к ним, употребляют термины родства, например «дядя», «дед»; обобщенное их название *акйанув-акванув* «дяди-тети».

В мифологии северных манси насчитывается шесть наиболее важных местных духов, из которых первые четыре были сыновьями Торума (некоторые упоминались выше). Это Полум-Торум, или Полум-ойка, Топал-ойка,— охранитель мест по реке Пелым; Ай-Ас-Торум — охранитель бассейна реки Малая Обь; Нёр-ойка, или Нёр-Торум,— охранитель Урала; Тахт-котль-ойка, или Тахт-котль-Торум,— охранитель мест по среднему течению Северной Сосьвы; Тэк-Торум, или Тэк-ойка,— богатырь сел. Тегн на Оби; Хангласам-най-эква — хозяйка селения Хангласам на Северной Сосьве. Как отмечает Е. И. Ромбандеева, территориальные владения этих «первоначальных» *най* и *отыров* совпадают с границами диалектных групп мансийского народа [88, с. 125].

Следующее поколение выдающихся духов-предков — это дети первых богатырей либо пришельцы из других мест, а также те, кто при жизни совершил поступки, значимые для социальной группы, имел большое потомство и т. д. К ним относят, например, исторических (квазиисторических) богатырей, живших в городках, остатки которых сохранялись до недавнего времени. Например, у хантов реки Конда особым почитанием пользовались два героя из городка на Стерляжской протоке — Йега-тей-икенген «Старик истоков реки». В конце XIX в. их местопребыванием считались остатки городков около юрт Шумиловских и Нюркеевских в Мало-Кондинской волости [41, с. 114]. Если названные выше мансийские богатыри первого по-

коления были спущены с неба, то у хантов Конды богатыри стали почитаемыми духами после того, как были взяты богом на небо.

Вопрос о превращении выдающихся предков (их душ) в духов-покровителей рассматривался многими исследователями [56; 57; 88; 99; 103; 117; 119; 127 и др.]. В фольклоре они фигурируют в разных жанрах, приблизительно по такой схеме: богатыри высокого ранга (сыновья бога) — в мифах, а герои земного происхождения — в преданиях. Обычно в конце повествования герой превращается в духа и поселяется в своем «священном городке». В фольклоре священные городки и духи описываются обычно с постоянными для них эпитетами, так что каждый слушатель знает, о каком духе идет речь. Чаще всего называется собственное имя духа. В сфере культа «священным городкам» соответствуют специальные жертвенные места и святилища¹. Одни из них расположены рядом с поселением, другие — в отдалении. Некоторые священные места содержались в такой тайне, что даже не все почитатели посещали их. (Причиной этого было стремление уберечь святыню от разорения.) Чаще всего святилища находились в местах, каким-либо образом выделяющихся из окружающего ландшафта: на возвышенностях, островах, высоких берегах. К священным местам относились с почетом, уважением и страхом. Здесь запрещалась любая хозяйственная деятельность, так как растения и животные считались собственностью местного духа. Всякий проезжающий мимо должен оставить ему дар. Многие святилища были запретны для женщин, и в народной поэзии им дается определение «священная земля, куда не должна ступать ни одна женщина». Однако существовали и специально женские священные места.

В отличие от всеобщих духов местные и родовые имели изображения, чаще всего из дерева. Это и простые столбы, и деревья, и антропоморфные либо зооморфные фигуры. Известны также изображения из металла, кости, тряпок. Большинство идолов имели одевание и атрибуты. Искусствоведческий анализ этих изображений дан в книге С. В. Иванова «Скульптура народов Севера Сибири» [63]. Изображения идолов были важнейшим предметом на священном месте. Они прикреплялись к дереву, хранились под открытым небом либо в сундучке, на нарте, а чаще всего в амбарчиках; в гористой местности для этой цели использовались и пещеры. Имеются сведения о существовании в прошлом особых культовых домов, где не только хранились идола и сопутствующие им предметы, но и проводились коллективные обряды, культовые церемонии.

Для примера приведем сведения об одном из священных мест, принадлежавшем духу Ворсик-ойка «Трясогузка-старик» — покровителю мансийского селения Манья [56, с. 16—25]. В кедровнике находится амбарчик, внутри которого, у задней стенки, хранятся главные фигуры святилища — Ворсик-ойка и его жена Ворсик-эква. Основу первой составляет деревянная антропоморфная фигурка, а второй — три зооморфные фигурки; то и другое обернуто многочисленными кусками ткани. Сверху лежит груда разноцветных лоскутов. В левом углу амбарчика — два шаманских бубна с колушкой, в правом — более 20 медвежьих черепов. Ближе к выходу сложено разнообразное оружие (боевой топор, ножны, меч, сабля, стрелы и др.), модели деревянных и металлических луков со стрелами. Кроме того, в амбаре находится палка для состязания в перетягивании, папиросы, чай, посуда.

Следующая категория духов — семейные; они принадлежат отдельному человеку или семье. Их задача — оказание содействия своему хозяину в промыслах, так как именно от них зависят счастье, успех и здоровье. Власть домашнего духа не слишком велика, и если нужна помощь в важных жизненных ситуациях, то ее следует искать у духов более высоких рангов. Домашние духи различаются по своей силе и способностям. Если в одной и той же местности один человек добывает больше другого, это объясняется отнюдь не его ловкостью, а в первую очередь действенностью его домашнего духа. Семейные духи имеют изображения. Чаще всего это антропоморфные фигурки из дерева, реже — из металла, кости или тряпок. В качестве их «помощников» встречаются зооморфные фигурки. Обычно изображение семейного духа изготовил не сам владелец, а по его поручению другой человек, иногда шаман. Духа положено одевать и кормить, оказывать ему соответствующие почести. Если дух упрямится, небрежно и равнодушно относится к делам своего хозяина, тот может оставить его голодным, наказать физически или даже изгнать вообще. «Жилище» домашних духов и место хранения сделанных им подарков — деревянный сундук или берестяной сосуд, находящиеся на почетном месте в жилище.

Церемонии, которыми обские угры стремились добиться расположения или содействия духов, не отличаются разнообразием; в основном это жертвоприношение. Смысл словесных формул, сопровождающих подношение, сводится к следующему: «Дай, и тебе будет дадено» [119, с. 125]. Объем жертвоприношений зависит от многих обстоятельств, прежде всего от ранга и силы духа, от важности дела и средств пожертвователя. Первое и важнейшее место среди жертвований занимает животное — олень, лошадь, а на юге — и другие домашние животные. Их убивали и предлагали духу взять животное целиком или его кровь, мясо, шкуру и т. д.

Кроме этого — кровавого — жертвоприношения существовала и другая форма — угощение пищей. Это либо была самостоятельная церемония, либо она входила составной частью в кровавое жертвоприношение. Различие указанных жертвоприношений подчеркивалось терминологически: кровавое называлось *йир*, а угощение — *поры*; встречалось и двойное название — *йир-поры*. Угощали домашними продуктами, причем считалось, что духи принимают не саму пищу, а видимый или незримый поднимающийся пар — «силу» пищи.

Пожертвованием служили и различные предметы быта, одежда, пушнина, ткани, деньги. Особенно ценным подарком для духа считались изделия из серебра — металла, наиболее почитаемого хантами и манси. На некоторых святилищах скапливалось много весьма ценных вещей. У хантов считалось, что их можно взять «взаимы», а затем вернуть.

Жертвоприношения устраивались индивидуально, семьей или большим коллективом. Частью этой процедуры являлись призывные песни для духов и молитвы, произносимые после того, как услаждающий запах кровавой жертвы и жертвенной пищи, а также отрадный вид пожертвованного предмета востраст духа благосклонно. В молитве излагались потребности и желания подателя жертвы. Произносили ее сам жертвователь либо особое лицо. Присутствующие издавали трех- и семикратные крики, совершали поклоны и повороты по ходу солнца. В конце церемонии принесенная в жертву пища съедалась.

Среди сверхъестественных существ, зафиксированных в воззрениях обских угров, выделяется еще одна примыкающая к духам группа, которую К. Ф. Карьялайнен называет «демонами», а А. Каннисто — «социальными сверхъестественными существами». Из них наиболее известен *менкв*, *менкве* (у восточных хантов — Сэвэс, Сэвс-ики). Е. Коренчи считает это слово заимствованием из иранских языков в период с III в. до н. э. по VI — VII вв. н. э. [122, с. 60—61]. Менквы — это первые люди, неудачно созданные Нум-Торумом из лиственницы и убежавшие в лес, где, как считается, живут до сих пор. Их эпоха называется *менквенг-торум* «менквов эпоха» (манс.). Внешний облик менквов подобен человеческому, но у них заостренные головы (от одной до семи), железное тело, длинные ногти. Они живут в лесу, имеют семьи, охотятся, ходят только цепком. На медвежьем празднике (см. ниже) они выступают в высоких масках из конских хвостов, громко кричат и хохочут. В фольклоре они часто рисуются людоедами.

По представлениям сосыньских манси, у менквов существуют своего рода общины со старшиной и десятником, они платят налоги Мир-суснехуму [115, с. 207—208]. Менквы — большие и сильные, но глупые и неумелые, это тип «глухих чертей» [76, с. 64]. По другим версиям, менквы — это погибшие в лесу люди, их почитание в качестве духов отмечено у обских угров лишь в некоторых местах. По данным В. Н. Чернецова, у манси менквы тесно связаны с тотемом фратрии Пор — медведем и во время фратриальных церемоний они играют важную роль: несут культовые предметы к месту хранения, оканчивают церемонии и т. д. [131, с. 308]. У хантов В. Штейниц не мог найти ясных указаний о менквах как предках фратрии Пор [51, с. 149].

У северных обских угров много рассказов о существах *миш* (хант.), *мис* (манс.). Они близки лесным духам, на Сосьве их считают детьми менквов. У других групп они называются просто лесными людьми. Они живут в лесу, имеют семьи, их женщины отличаются красотой и приветливостью. Лесные люди охотятся на зверей, имеющих особые признаки, собакой им служит медведь или соболь с шелковым шнурком на шее. Жилище лесных людей очень богато, обложено мехами, у них много собольих шкур. Они дают охотничье счастье.

Из всех животных у хантов и манси наибольшим почитанием пользовался медведь, который занял значительное место в их мифологических представлениях, верованиях, обрядах и изобразительном искусстве. Как уже говорилось, медведь считался мифологическим предком фратрии Пор; по другим вариантам, он имеет небесное происхождение (его отец — Нум-Торум). О других мифологических функциях медведя см. ниже, в разделе, посвященном анализу текстов о медведе.

Самым ярким проявлением его культа были спорадические и периодические обряды, называемые медвежьим праздником или играми. Этот этнографический феномен описан и исследован многими известными угроведами [25; 57; 64; 77; 82; 101; 111; 115; 116 и др.]. Одной из особенностей обрядовых церемоний обских угров, отличающей их от медвежьих обрядов у других народов (культ медведя распространен очень широко — от Скандинавии до Канады; см. [132]), были драматические представления, особые мифы, сказки и «медвежьи песни», исполнявшиеся в ходе собственно обрядовых действий (отдельные тексты и целые тома «мед-

вешьх песен», записанных у хантов и манси, опубликованы венгерскими и финскими учеными; см. [24; 25; 115 и др.]).

Этот сложный и не до конца выясненный культ получил в литературе разные объяснения. Одни видят в медвежьих церемониях желание помирить медведя (душу) с убившими его охотниками (что обусловлено представлениями о медведе как о предке), другие — стремление к его возрождению; в медвежьем празднике проступают и элементы погребального обряда.

Основная схема спорадических обрядов, устраиваемых всякий раз, как на охоте бывает убит медведь, по данным В. Н. Чернецова [101], сводится к следующему. Добыв медведя, охотники делают вид, что случайно встретили своего «младшего брата». С медведя снимают шкуру с головой и лапами и доставляют ее домой. При этом следуют очистительные обряды, в доме медведя встречают и угощают. Вечером начинается праздник, который длится пять ночей, если добыт медведь, четыре — если медведица, и два-три — если медвежонок. Каждая ночь начинается с того, что три человека исполняют песни или рассказывают сказания о происхождении медведя и его жизни. За ними следуют «танцы предков» отдельных социальных групп, мужские, женские и коллективные танцы, драматические действия сатирического, но часто и сексуального характера, снова мужские, женские и коллективные танцы, после чего приступают к поеданию мяса медведя. Затем выполняются очистительные обряды. Последняя ночь считается особенно важной и делится на две части. Первая часть проходит по обычной программе, после чего все начинается как бы сначала: поют песни и рассказывают сказания про медведя, но затем появляются предки самых высоких рангов: Калтась, Мир-сусне-хум и др. После традиционных мужских, женских и коллективных танцев начинаются драматические представления, но это уже не фарсы, а скорее мистерии, наполненные глубоким социально-религиозным смыслом. Действа заканчиваются перед самым утром. После жертвоприношений и различных церемоний голову медведя уносят на священное место и вешают на дерево. Здесь же складываются берестяные маски, посохи, палицы и прочие предметы, которыми пользовались на празднике.

Кроме этого спорадического медвежьего праздника существовал и иной, периодический цикл обрядов, исполнявшихся в селениях Вежакоры (хант. Пем-вош, манс. Ялп-ус «Священный город») и Теги. Первое считалось культовым центром фратрии Пор, где обитает дух Пем-вош-ойка, Ялп-ус-ойка, имеющий два облика. Как человек он называется «Старик Священного города», а как медведь — «Когтистый старик». Здесь находится общинный дом, предназначенный для обрядов и празднеств. Обряды (игры) в Священном городе происходили в строгой периодичности: они повторялись в течение семи лет, после чего наступал семилетний перерыв. Игры начинались в конце декабря и заканчивались в весеннее равноденствие. В них выделяется несколько периодов.

В фольклорном отношении наиболее интересен первый период, длящийся четыре ночи. Он отводился песням и сказаниям про медведя и танцам родовых предков. Здесь особое значение придавалось сказаниям о происхождении людей Пор, об установлении обрядов медвежьего празд-

ника и табуации мяса медведя. В последующий период «игралн», время от времени исполняя различные танцы, но главным образом устраивая драматические представления. Самой важной была завершающая фаза. По содержанию она напоминает вторую половину последней почти спорадического медвежьего праздника, но количество драматических сценок значительно больше, а их сюжеты — разнообразнее. Окончания же действий сильно различались. Завершался периодический праздник сценой прихода менквов, которые уносили используемые во время игр предметы в культовый амбарчик, находящийся в лесу. По мнению В. Н. Чернецова, спорадический медвежий праздник более позднего происхождения и является сокращенным вариантом календарных фратриальных действий.

Описанные обряды несли не только сакральную нагрузку. Одновременно это был праздник, на котором радуются большой добыче и воздают должное мужеству охотника и его отваге при убийстве медведя; ведь в представлениях народа он причисляется почти к сверхъестественным существам. Не менее важно и то, что медвежий праздник служил удобным поводом для встречи людей в этих малонаселенных местах. Эти обряды вносили разнообразие в трудную повседневную жизнь, снимали напряжение, комически-критические сцены играли воспитательную роль.

По современным понятиям, это был фольклорный праздник. На нем требовалось исполнить 300 песен и сцен. Кроме собственно «медвежьих» сюда входили и призывные песни духам, исполнявшиеся обычно на их священных местах, героические песни, сказки, а в последние годы — частушки. Таким образом, медвежий праздник стал как бы аккумулятором фольклорной традиции, призванным сохранить и развить ее. Со временем, особенно после установления Советской власти, он стал терять свое религиозное значение и приобретать черты светского праздника. В настоящее время отдельные сцены медвежьего праздника исполняются на концертах во время официальных праздников, на фестивалях народного творчества и т. д.

Почитание других животных имело менее развернутые формы (см. работы К. Ф. Карьялайнена [120] и А. Каннисто [115]). У некоторых групп хантов и манси почти равное положение с медведем занимал лось. Ему приписывалось небесное происхождение и понимание человеческой речи, в разговорах о нем употреблялись подставные названия. Существовал и «лосиный праздник», но в более скромных формах, чем медвежий [67, с. 86]. Для обеспечения удачного промысла изображением лося подносили жертвы.

Волк считался у манси созданием злого духа Куля. Его тоже называли лишь описательно, на его шкуре клялись и выявляли воров. Особым было отношение к пушным зверям: лисе, кунице, росомaxe, бобру, выдре, соболю, а также и к птицам: гагаре, вороне, филину, рыбчику, кукушке, ласточке, синице, дятлу. Пресмыкающиеся, как порождение нижнего мира, вызывали опасение. Змею, ящерицу и лягушку запрещалось убивать или мучить. Определенные запреты соблюдались в обращении с рыбами.

В фольклоре и верованиях обских угров наряду с реальными представителями животного мира фигурировали и мифические зооморфные существа. Повсеместно было известно гигантское животное Вэс, Мүз-хор (хант.), Виткась (манс.), переводимое обычно на русский язык как «ма-

монт». Он рисовался в облике рыбы, лося, медведя, собаки, останками его считаются бивни, находимые по берегам рек. Считалось, что мамонт живет в воде, в водоворотах рек и озерах, в него превращаются очень старые звери и рыбы. У манси Северной Сосьвы это и водяной дух. Другое мифическое животное — Юр — уподобляется мамонту и ящерике. У северных хантов известен, кроме того, Вурес, лежащий поперек Оби и мешающий ходу рыбы.

У всех обских угров широко известен образ птицы Карс, или Тухланг-Карс (хант.), Товлын-Карс (манс.) «Крылатый Карс» [41: 98]. Ее представляли подобной гигантскому орлу или грифу. Ханты реки Аган рассказывали нам об очевидцах прилета Карс в те места. По описаниям иртышских хантов, это птица «гигантской величины, имеющая человекоподобную голову с большим клювом. Непосредственно за руками у нее два сильных крыла, а на руках длинные и острые когти. Тухланг-Карс обладает необычайной силой — ей ничего не стоит перенести на спине человека. Кроме того, птица обладает разумом и человеческой речью. Ее родина — теплые моря и воды на юге, откуда она иногда прилетает на север» [41, с. 133]. Эта мифическая птица не является объектом почитания. По отношению к людям Карс выступает чаще всего как враждебное существо.

Следует упомянуть и об особом отношении к некоторым домашним животным, в первую очередь к собаке. По воззрениям хантов и манси, она способна вступать в связь с миром духов и миром мертвых. Однако в первую очередь она считалась тесно связанной с человеком, настолько, что убийство собаки приравнивалось к убийству человека. Очевидно, этим отношением обусловлен тот факт, что у обских угров собаку приносили в жертву лишь в исключительных случаях [79]. Лошадь, напротив, играла очень важную роль в качестве жертвенного животного даже у тех групп хантов и манси, которые не могли содержать лошадей в силу суровых природных условий. Некоторые значительные духи, в первую очередь Мир-сусне-хум, представлялись всадниками; согласно мифам, табунами коней владеет и небесный бог. Очевидно, это пережиток тех далеких времен, когда у части предков обских угров существовало коневодство. Определенным почитанием пользовался и домашний олень. Любопытно, что у некоторых групп зафиксировано особое отношение к кошке, хотя держать ее в доме не было принято.

Мир сверхъестественных существ в верованиях хантов и манси очень разнообразен, и можно назвать еще целый ряд зооморфных и антропоморфных образов. Время показало, что предположение К. Ф. Карьялайнена оправдалось: вряд ли удастся кому-либо составить полную картину этого фантастического мира, хотя современные этнографы и продолжают получать некоторые сведения о духах.

Остановимся на представлениях хантов и манси о сущности человека, его рождении и смерти (этому вопросу посвящено много работ; см. в основном [67; 102; 115; 118]). Нет единого мнения о сущности души или душ, их количестве и взаимосвязи. По мнению К. Ф. Карьялайнена, существовало две души: душа-дыхание (хант. *лиль*; манс. *лили*) и душа-тень (хант. *ис*, *ильт*; манс. *ис*, *исзор*). В. Н. Чернепов выделяет у мужчин пять душ: душа-тень, уходящая душа, сонная душа, путешествующая во

время сна в образе глухарки (*улум ис*), реинкарнирующаяся (т. е. возвращающаяся) душа, пятой была еще одна реинкарнирующаяся либо ею считалась сила; у женщин были первые четыре души. Рождение, здоровье, болезнь, сон, обморок, смерть, потусторонняя жизнь — все это связывалось с наличием, временным или окончательным уходом либо разрушением души (жизненной силы).

Рождение детей зависело, по воззрениям хантов и манси, от женского духа, посящего имена Калтась, Торум-анки, Пугос. Она дает новорожденному душу, *лили, лиль*, и после появления ребенка на свет ей приносят жертву. У северных групп было принято, чтобы женщина во время беременности жила в отдельном «маленьком» доме. Это было связано с обычаем самоизоляции женщины в определенные периоды. Заметим, что и в обычное время женщина должна была соблюдать ряд запретов: не переступать через некоторые предметы, особенно через охотничьи снаряжение мужчины, не приближаться к изображениям некоторых духов и т. д.

Важнейшей причиной заболеваний считалось «попадание в беду» одной из душ, отделившейся от тела. Ее могли увести умерший родственник, духи нижнего мира или другие духи, желающие причинить человеку зло. При лечении применялись такие меры, как окуривание (жилища или человека), прием целебных снадобий, магические действия и жертвоприношения. В тяжелых случаях вернуть душу мог только шаман.

Час смерти, как считалось у хантов и манси, определен человеку небесным богом или духом Калтась. Родственники сразу после наступления смерти начинали готовить покойного к последнему путешествию. На него надевали лучшие одежды, закрывали ему глаза. Умершего оплакивали, в знак траура распускали волосы, надевали налобные повязки и т. п. Покойник находился в доме недолго, его выносили в тот же день или, самое позднее, на третий день. Последним прибежищем мертвому служили гроб либо лодка. Детей хоронили и в колыбелях, а мертворожденных заворачивали в платок и помещали в дупло дерева. В гроб клали необходимые предметы обихода, пищу, табак, деньги и пр. Перед выносом гроба устраивали угощение умершего, вынос происходил по определенному ритуалу. Гроб либо несли, либо везли на оленях или лошадях, тянули на нартах или доставляли на лодке.

Кладбище располагалось недалеко от поселения, на возвышенном месте. Гроб, завернутый в бересту, опускали в могилу, и над ней строили избушку. В северных районах иногда тело клали прямо на землю, в избушку. В ней было окошечко для угощения умершего во время поминков. На могиле или рядом с ней оставляли крупные предметы, принадлежащие умершему: лыжи, лук, нарты и т. д.; при этом многое намеренно повреждали. В некоторых районах сразу после погребения у могилы устраивали угощение с закланием домашнего оленя. Иногда это делали позже. В ходе похорон и некоторое время после них следовало соблюдать определенные предосторожности, чтобы умерший не унес с собой чью-либо душу. В жилище умершего ночью горел огонь, в темноте никто не выходил из дома. Траур продолжался и после похорон. Для удовлетворения жизненных потребностей, которые умерший якобы сохранял некоторое время, ему неоднократно устраивалось угощение — по-

мняки. Считалось, что он сам может потребовать поминок, давая об этом знать звоном в ушах. У северных групп существовал своеобразный обычай изготовления куклы — изображения умершего. Некоторое время ее хранили в доме, а затем помещали в специально построенную избушку либо зарывали в землю.

Согласно обско-угорским представлениям, жизнь человека не заканчивается со смертью. Умерший и отделившаяся от него душа жили на кладбище, а если человек умер на чужбине, то на родное кладбище возвращалась его душа. Нижний мир как прибежище умерших представлялся только вариантом земного: в общем там все так же, хотя безрадостнее, чем на земле. Свет там очень слабый или отсутствует вообще, дичи мало. Постепенно сложилось мнение, что покойника ожидают там страдания, наказание за зло, совершенное на этом свете, и т. д. Появились представления и о небе как прибежище умерших [118, с. 184—189].

«Однако не все покойники попадают в приют мертвецов, будь он под землей или над землей, на небе», — замечает К. Ф. Карьялайнен [118, с. 191]. Считалось, что полное уничтожение тела и души наступало при сжигании трупа, невозможна была жизнь после смерти и при снятии скальпа. Последний способ расправы с врагом, фигурирующий в фольклоре, означал, таким образом, его полное уничтожение. Мертворожденный ребенок, умерщвленный плод (или ребенок), а также человек, проклятый матерью, не попадали в мир умерших; некоторые из них превращались в сверхъестественные существа, например в Почак (см. № 60).

В некоторых районах существовало представление, что жизнь в мире мертвых течет наоборот и человек, уменьшившись до минимальных размеров, умирает окончательно, превращается в жука и в этом облике является родственникам. Иногда душа покойного может начать новую земную жизнь, вселившись в новорожденного ребенка.

В народных верованиях бывший герой либо человек, обладавший при своей земной жизни выдающимися способностями или властью, становится почитаемым духом. Народная поэзия дает немало описаний того, как герой-победитель, а иногда и побежденный превращается в «духа, принимающего кровавые жертвы и жертвы из пищи». Именно с умершими связывают происхождение большинства духов, особенно локальных.

Одной из характерных черт обско-угорской религиозной практики является существование многих категорий особых лиц, выделяющихся своими сверхъестественными способностями, имеющих дар общения с духами и обладающих возможностью воздействовать на человека и его судьбу. Их можно или нельзя назвать шаманами в зависимости от того, что понимать под терминами «шаман» или «шаманизм». Авторы XVIII в. пишут об остяцких «жрецах», или «священниках», а более поздние — о «шаманах» и, кроме того, о волшебниках, колдунах и т. д. Следует отметить, что сведений о подобных лицах в литературе сравнительно немного. Видимо, этот общественный институт у обских угров был мало заметен для наблюдателей в силу своей неразвитости. Наиболее подробные сведения о подобных людях приводят К. Ф. Карьялайнен [120], А. Каннисто [115] и В. М. Кулемзин [68].

В. М. Кулемзин считает шаманами (хант. *йолта-жу*, манс. *найт-хум*) особых лиц, выделяющихся из среды соплеменников следующими чер-

тами: избранничество духами и приобретение от них шаманского дара, способность входить в общение с духами и быть посредниками между ними и людьми, приведение себя в экстатическое состояние для отступления в связь с духами, наличие особого ритуального костюма, относительное разнообразие функций [68, с. 123]. Автор убедительно показывает, что в отличие от многих других народов Сибири у хантов и манси шаманство имело слабо развитые формы. У них редко встречалось наследование шаманского дара и отсутствовал единый способ его приобретения, функции шаманов были довольно ограниченными и не выработался специфически шаманский способ лечения, не сложился единый тип шаманской одежды и бубна, шаманство не стало еще профессией [68, с. 118—134].

Очевидно, слабым развитием шаманства объясняется малое количество записанных и опубликованных рассказов о шаманах. Редко упоминаются они и в наших текстах. Возможен, впрочем, и такой подход, при котором в фольклоре обнаружится немало следов шаманства. Например, изготовление Эква-пырисем стрелы из голени, потеря им частей тела на пути к водяному царю интерпретируются как символы шаманской инициации [123, с. 21].

У хантов и манси зафиксированы и другие категории особых лиц, из них для нашей темы особенно интересны фигуры сказочника и певца. К сказочнику (хант. *маньгье-ку*) иногда обращались за помощью больные. Он рассказывал сказки, в которых упоминались возможные причины заболевания, и в эти моменты больной чувствовал облегчение, передававшееся сказочнику. Он давал совет больному, что нужно сделать для излечения или предупреждения болезни. Исполнителю мифологических и героических песен (хант. *арэхта-ку*) приписывалась способность предсказывать судьбу, излечивать больного с помощью духов, вызванных игрой на 3—5-струнном щипковом музыкальном инструменте *нарс-юх*, *панан-юх* (хант.), *санкылтан* (манс.), либо посредством одних лишь звуков, извлекаемых из инструмента². Считалось, что игре на музыкальных инструментах может научиться далеко не каждый, а лишь тот, кто вступил в связь с духами (см. № 57).

Существовали также «мухоморщики» (хант. *панкал-ку*), вступавшие в связь с духами после съедения нескольких мухоморов и исполняющие особые «мухоморные» песни. Мухоморы употребляли и шаманы. Заметной фигурой был также наследственный или назначенный на определенный срок хранитель идолов на священном месте (хант. *тонх-урт* «господин, служитель духа»). Упоминаются и специальные собиратели пожертвований для значительных духов. Выделялись также люди, обращавшиеся к богам и духам во время коллективных жертвоприношений (хант. *мулты-ку* «молящийся человек»). Широко известны были провидцы, ворожеи, лекари и другие категории (хант. *чепэнын-хой* «ворожей, лекарь», *терген-хой*, *чирта-ку* «предсказатель»; манс. *кэйлынг* «ворожей», *качипкар* «знахарь», *шуркэн-хум* «колдун» и т. д.). Возможно, это были предшественники шамана, вбравшего в себя их функции, атрибутику и приемы [68, с. 125—126].

История изучения обско-угорского фольклора. Начало собиранию произведений устного народного творчества хантов и манси

положили их родственники по языку — финны и венгры (обзор опубликованных материалов см. в [66; 70; 71; 107; 121; 134]). Известный финский исследователь А. М. Кастрен во время путешествий к хантам в 1843—1844 и 1845 гг. наряду с лингвистическими и этнографическими материалами записывал образцы их фольклора; опубликованы лишь некоторые из них [49]. Первым выдающимся собирателем был венгерский ученый А. Регули, работавший среди северных хантов и разных групп манси в 1843—1844 гг., однако свой огромный материал он не смог при жизни ни опубликовать, ни даже расшифровать. В 1858, 1877 и 1880 гг. фольклорные тексты северных хантов и некоторых групп манси записал финский ученый А. Алквист. Они опубликованы после его смерти [12; 13]. В 1886 г. начались трехлетние поездки русского этнографа С. К. Патканова к разным группам хантов и манси, в ходе которых он записал в 1888 г. южнохантыйские тексты, опубликованные затем на хантыйском, немецком и русском языках [41]. Этот том остается вплоть до настоящего времени единственной вышедшей в нашей стране солидной научной публикацией обско-угорского фольклора с текстами на языке оригинала.

В 1888—1889 гг. для расшифровки записей А. Регули и дальнейшего изучения мансийского языка и фольклора венгерская Академия наук направила в экспедицию Б. Мункачи. Обе задачи были выполнены, и в итоге были подготовлены четыре тома мансийского фольклора с переводом на венгерский язык и три тома комментариев со словарем. Они вышли в 1892—1963 гг. [29—35]. Два из них [33; 35] были изданы после смерти Б. Мункачи Б. Кальманом.

К хантам с аналогичной целью поехал в 1898—1899 гг. Й. Папай. Он расшифровал северохантыйские записи А. Регули и собрал новый богатый материал. Ему, как и Мункачи, не удалось увидеть при жизни не только публикации, но и полной подготовки к печати результатов своих трудов. После смерти Й. Папай издание его наследия продолжили Й. Фазекаш и И. Ердейи, а хантыйских материалов А. Регули — М. Жирай и Д. Р. Фокон-Фукс. Эти тома публиковались с 1905 по 1972 г. на хантыйском, венгерском и немецком языках [37—40; 44—46].

В конце прошлого столетия (1898 г.) началось и в начале нашего века закончилось длительное путешествие к хантам К. Ф. Карьялайпена, а в 1901—1902 гг. среди них работал Х. Паасонен. Оба финских ученых рано умерли, не подготовив к изданию свои фольклорные материалы. В 1970-х годах в рамках финско-венгерского культурного соглашения венгерская исследовательница Э. Вертеш начала подготовку этих материалов к изданию, некоторую помощь ей оказал советский лингвист Н. И. Терешкин. В результате южнохантыйские тексты обоих собирателей уже вышли в свет [28; 36], а в настоящее время к печати готовятся восточнохантыйские материалы.

В 1901—1902 гг. у разных групп хантов и манси был собран огромный материал еще одним финским ученым — А. Каннисто. Он лишь частично подготовил его к публикации, а довел до конца шеститомное издание М. Лиимола, седьмой том (словарь) вышел при участии В. Эйрас; вся серия издана в 1951—1982 гг. [21—27].

Если в дореволюционный период значительный вклад в собрание обско-угорского фольклора внесли зарубежные ученые, то после Великой Октябрьской социалистической революции изучением языка и фольклора народов Севера, в том числе хантов и манси, активно занимались отечественные специалисты. Среди них в первую очередь необходимо назвать В. Н. Чернецова. В 1927—1938 гг. он неоднократно записывал образцы фольклора разных групп манси. Небольшая часть текстов, переведенная им на русский язык, была опубликована в 1935 г. [10], но основной материал хранился в его личном архиве, поступившем после кончины ученого в Томский университет. Кроме записей на мансийском языке в архиве имеются переводы на русский, некоторые из них вошли в наш сборник. В 1933—1934 гг. среди сосвинских и ляпинских манси занимался сбором фольклорного материала И. И. Авдеев, опубликовавший в 1936 г. медвежьи песни в переводе на русский язык [1]. В эти же годы на Сосьве и Оби изучал устное народное творчество манси А. Н. Баландин, а в 1938 г. он записал тексты у хантов реки Вах. Он издал два небольших сборника мансийских сказок и песен с переводом на русский язык [3; 4]. В 1934—1937 гг. образцы северохантынского фольклора записал немецкий ученый В. Штейниц, работавший в Институте народов Севера (г. Ленинград) и побывавший в хантыйских селениях. Его материалы изданы на хантыйском и немецком языках в 1939—1950 гг. и переизданы в 1970-х годах [50; 51].

С 1940-х годов начинается собирание произведений устного народного творчества хантов и манси представителями национальной интеллигенции. С 1947 по 1959 г. большое количество текстов северных и восточных хантов записал Н. И. Терешкин, они хранятся в семейном архиве, и лишь некоторые из них опубликованы. Среди манси в 1951—1955 гг. работала Е. А. Кузакова. Большая часть ее материалов впервые публикуется в нашем сборнике. В ходе нескольких поездок 1956—1965 гг. к северным манси собран значительный материал Е. И. Ромбандеевой. Он хранится в личном архиве собирательницы.

В 1957, 1958 и 1968 гг. венгерский ученый Б. Кальман при сборе данных по языку и фольклору работал с мансийскими студентами и аспирантами (северный и восточный диалекты), учившимися в Ленинграде. Тексты вскоре были опубликованы на мансийском, немецком и венгерском языках [19; 20]. Одно издание подготовлено им совместно с Е. И. Ромбандеевой [47]. Соотечественник Б. Кальмана К. Реден записал в 1964 г., тоже в Ленинграде, произведения устного народного творчества от молодых хантов реки Казым; они увидели свет на хантыйском, английском и немецком языках в 1960-х годах [42; 43].

Этнографы В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина во время экспедиций 1969—1983 гг. записали и опубликовали рассказанные по-русски фольклорные тексты восточных хантов [6; 7]. В 1979—1982 гг. у северных хантов побывала венгерская исследовательница Е. Шмидт, собиравшая главным образом песни. Можно назвать еще ряд научных изданий, а точнее, переизданий материалов, публиковавшихся ранее [15; 16; 48 и др.]. Мелкие публикации прозаических текстов, как отдельные, так и помещенные в сборниках или монографиях, в нашем обзоре не учитывались.

Заслуживают упоминания многие советские собиратели старшего поколения, чьи материалы не публиковались либо издавались небольшим тиражом и остались малоизвестными. Это А. А. Алелеков, В. В. Сепкевич-Гудкова, П. К. Животилов, Д. В. Зальцберг, Л. И. Калинина, Н. К. Каргер, А. И. Картина, Е. А. Немысова, М. Ошаров, А. Г. Подлетин, Н. Ф. Прыткова, Ю. Н. Русская, А. И. Сайнахова, П. Е. Хатанзеев, К. А. Хватай-Муха, И. Я. Чернецова, П. Е. Шешкин. Много образцов фольклора своего народа записали мансийский поэт Ю. Шесталов, хантыйский писатель Е. Айпип. В наши дни их дело продолжают молодые представители национальной интеллигенции, такие, как Н. В. Сайнахова, В. И. Соловар (Ивашкеева), Л. А. Тарагупта и др.

Говоря о собирании, публикации и анализе обско-угорского фольклора, нужно иметь в виду, что это делали главным образом лингвисты и этнографы, которые воспринимали фольклор как источник языковой и исторической информации, фольклористическим же аспектам уделялось значительно меньше внимания. Между тем фольклор хантов и манси — это уникальный памятник, в котором отразились вся сложность и своеобразие культуры двух сибирских этносов, связанных древними корнями со многими финно-угорскими народами, проживающими в Европе. В полной мере оценить его значимость трудно, так как он слабо изучен. Но заметим, что исследователи очень быстро отказались от первых, поверхностных и не очень высоких оценок устного народного творчества хантов и манси, высказанных, например, А. Алквистом и О. Финшом. Уже в XIX в. их поэзия по нравственной и научной ценности соизмерялась с Калевалой.

Фольклорные жанры и исполнительские традиции. Трудность изучения хантыйского и мансийского фольклора связана со сложностью вопроса о жанре в целом. В рамках архаического фольклора трудно разграничить даже миф и сказку, на что не раз указывали знатоки древних мифологий. М. И. Стеблин-Каменский пишет: «Несмотря на то что исследование мифов занимается целый ряд наук... и что существует обширнейшая литература о мифе, основное в нем остается загадочным» [95, с. 4].

Для отделения мифа от сказки выдвигались различные критерии. Е. М. Мелетинский предложил выделить из оптимального набора различных признаков (названных представителями разных точек зрения) самые коренные, специфические, необходимые черты, т. е. их минимальный набор и его возможные варианты. Этот минимальный набор включает, по его мнению, прежде всего следующие признаки (сказке условно соответствует негативная оценка): достоверность — недостоверность, наличие этиологизма — его отсутствие, коллективность (космичность) объекта изображения — его индивидуальность [74, с. 139—148].

У обских угров дело осложняется еще и тем, что целый ряд их мифов и преданий исполнялись в песенной форме, а некоторые культовые песни, в частности песни медвежьего праздника, имеют сюжетную организацию и, таким образом, оказываются тесно связанными с повествовательными фольклорными жанрами.

Классификация жанров устного народного творчества обских угров разработана слабо (см. [7; 29; 41; 53; 54; 64; 69; 107]).

Как известно, при определении жанра могут наблюдаться расхождения

у народа — носителя фольклора — и у специалистов. У самих хантов и манси существуют специальные термины для различных фольклорных жанров³. Нас будут в первую очередь интересовать обозначения, использующиеся применительно к различного рода повествовательным формам, т. е. к тем, в которых есть сюжет. Это прежде всего термины: 1) *маньт*, *мось*, *моньсь* (хант.), *мойт* (манс.) — сказание, сказка; 2) *арых* (хант.), *эрыг* (манс.) — песня; 3) *потыр*, *ясынэ* (хант.), *потыр* (манс.)⁴.

Подкатегории этих основных категорий выражаются дополнительными определениями, например: манс. *япинг-мойт* — священное сказание, *япинг-эрыг* — священная песня; хант. *йис-потыр*, *йис-ясынэ* — старинный рассказ; манс. *пес-йис-мойт-потыр* — старинных времен сказание-рассказ; хант. *тарнынэ-арых* (*моньсь*); манс. *тарнинг-эрыг* (*мойт*), *алланте-мойт* — героические или военные песни (сказания).

Интересна семантика термина *ар-арых-эрыг*, известного во всех диалектах хантыйского и мансийского языков в значении «песня», «старинная песня», «петь». У хантов он выражает также понятие «старый, древний». Они называют своих предков *ар-ях*, *арэх-ях* (*ях* «народ»); один из наших информантов перевел это как «первобытные ханты». По сообщению Е. Шмидт, по отношению к давно сделанной вещи в песнях могут употреблять формулу «сделана песенным человеком». О культовой функции пения и рассказывания мы уже говорили в связи с особой категорией лиц, совмещавших в себе роли сказителя и прорицателя-врачевателя⁵.

Термины *потыр* и *ясынэ* (хант.) — «рассказ» являются однокоренными со словами «речь», «разговаривать», «сообщать» и т. д.

Термины *моньсь*, *мойт* приняты обычно переводить как «сказка». Следует, однако, учесть, что в фольклористике одним из критериев выделения сказки служит обычно наличие или отсутствие веры в действительность рассказа. В. Я. Пропп, сравнивая миф и сказку, писал: «Одно из характерных свойств сказки состоит в том, что она основана на художественном вымысле и представляет собой фикцию действительности. В большинстве языков слово „сказка“ есть синоним слова „ложь“, „враки“ [85, с. 149]. Это суждение, касающееся европейской волшебной сказки, неприменимо к фольклору хантов и манси. Для всех жанров обско-угорского фольклора характерна установка на достоверность, так как верят во все рассказанное, хотя в народе существует и такое мнение: в прозе выдумывать (врать) можно, а в песне — нельзя. По справедливому замечанию А. Н. Баландина, в представлениях самих хантов и манси понятие «сказка» имеет более широкое значение. Он считает, что если рассматривать мансийскую *мойт* с точки зрения восприятия и осмысления народа с учетом ведущих социальных мотивов и формальных особенностей, свойственных их различным видам, то следует выделить три основных типа: мифологические, героические и бытовые [54, с. 11]. Близкое деление отражено, с нашей точки зрения, и в народной терминологии: к первым относятся старинные или священные сказания *йис-моньсь* (хант.), *япинг-мойт* (манс.); ко вторым — героические или военные сказания *тарнынэ-моньсь* (хант.), *алланте-мойт*, *тарнынэ-мойт* (манс.); к третьим — просто сказки *моньсь*, *мойт*.

При соотношении обско-угорских наименований жанров с принятыми в фольклористике получается следующая картина. Священные и старинные сказания попадают в жанр мифов; героические сказания и старинные

рассказы — это так называемые «богатырские сказки» (по терминологии Е. М. Мелетинского) и предания; рассказы *потыр*, *ясына* — это бытовые рассказы и былички; понятие бытовой сказки во многом совпадает в народной и научной классификации.

В народной жанровой классификации обско-угорского фольклора отражены представления о существовании нескольких эпох: 1) самая древняя эра, время первотворения (манс. *ма-унте-йис* «земли творение»); 2) «богатырская эпоха»; 3) «эпоха хантыйско-мансийского человека». Время действия предков фратрий северных обских угров Пор и Мось иногда выделяется в самостоятельный период, но чаще оно причисляется к «богатырской эпохе». В хорошем тексте всегда ясно, о какой из эпох идет речь, поскольку в народной классификации существует определенная связь между временем действия и темой повествования. Так, рассказы о происхождении земли, о потопе, о деяниях духов высокого ранга, о путешествии культурного героя в разные миры, о спуске медведя с неба, о превращении героев в духов и назначении им культовых мест — все это священные или старинные сказания.

Повествования о богатырях, их военных походах и сражениях — это военные или героические сказания о богатырях. В них часто указываются определенные места действия — городки и поселения, иногда существующие и ныне, а в конце сообщается, что герой стал духом-покровителем этой территории.

Сюжеты старинных рассказов посвящены встречам людей с духами — объектами верований; им нередко присущ нравоучительный пафос. В быличках и рассказах о недавних событиях называются конкретные лица, с которыми произошли описываемые происшествия.

Определенным ориентиром при выделении жанра могут служить также имена и функции действующих лиц. Так, самый популярный герой мансийского фольклора в мифах о дочеловеческой эре выступает как культурный герой и иногда носит труднопереводимое имя Тарыг-пещ-нималья-сов; в героическую эпоху он имеет различные богатырские имена, например Богатырь, Носящий Одежду с Воротником из Черного Соболиного Меха. В человеческую эпоху в сфере верований он выступает как общеплеменное божество, посящее чаще всего имя Мир-сусне-хум, а в сказках он — ловкий трикстер по имени Эква-пырьсь, который дурачит своих противников, или национальный герой, борющийся против угнетателей.

Предложенная классификация жанров является весьма условной, она ни в коей мере не может считаться окончательной и безоговорочной.

Разделение на жанры по признаку сюжета и героя затрудняется, например, тем, что мифологические фигуры (духи, божества) часто, как говорилось, выступают в образе богатырей *отыров*, т. е. не всегда можно отделить мифологическое сказание от богатырской эпикки. Последняя, будучи прикреплена к духам-покровителям, функционирует в качестве сакрального жанра, т. е. является не просто «преданием». Героизация мифологических персонажей оказалась настолько сильной, что развилась целая серия вторичных эпических песен и сказаний, относящихся не к мифологической, а к богатырской эре.

Сюжеты об Эква-пырьсе или Ими-хиты, о Мось и Пор называются в народе *маньгь*, *мойг*, т. е. просто сказками, но среди них имеются и тек-

сты, к которым, с нашей точки зрения, более подошло бы обозначение «миф» (например, № 25, 124, 133, 135), а наряду с ними и сказки явно позднего происхождения (№ 141, 143).

У хантов и манси получили широкое распространение сказки, заимствованные у восточноевропейских или степных народов; особенно много их у южных групп. Популярны и русские сказки *русь-моньсь* (хант.), *русь-мойт* (манс.). В них обычно действуют цари и солдаты, попы и купцы, фигурируют различные волшебные предметы и т. д. Однако даже заимствованные сказки нередко подвергаются мифологизации в силу действия установки на достоверность повествования. По наблюдению Е. Шмидт, хороший сказитель может привязать русскую сказку к своим героям и закончить формулой: «пошли и стали такими-то духами». Сходные примеры есть и среди публикуемых текстов (см. № 10).

Вопрос о жанрах осложняется еще и тем, что в обско-угорском фольклоре один и тот же сюжет мифа или предания может быть исполнен либо в песенной форме, либо в прозаической, либо в форме ритмизованной прозы [14, с. 9]. Показательно, что песенная форма была характерна для ритуальной обстановки, т. е. как бы в присутствии сверхъестественного существа, в честь которого и исполнялась песня. Те произведения, которые высвободились из ритуального комплекса, скоро утратили и песенную форму, хотя продолжали сохранять некоторые обрядовые черты, табуировались и т. д. Можно предположить, что в древности существовала речитативная форма исполнения, где музыкальный «мотив» состоял всего из нескольких слогов (3—5 слогов = полупопевка) и имел два-три близких варианта, которые бесконечно повторялись, организуя текст по метрическим правилам. Такое исполнение представляет собой нечто среднее между песней и прозой и звучит в определенном тембре и с определенной интонацией. Следы этого типа иногда наблюдаются у северных хантов и манси, а также у восточных хантов [108 и устное сообщение Е. Шмидт].

А. Н. Баландин приводит мнение А. Каннисто, что по форме различие между мансийской песней и «сагой» (т. е. сказанием) часто очень незначительно [54, с. 13]. В песне между явными стихами может вставляться отрывок чистой прозы, а сами саги могут иметь обильные поэтические украшения, ритм, параллелизмы и аллитерации, так что иногда трудно определить, имеем ли мы дело с песней или с сагой [54, с. 13].

По наблюдениям Е. Шмидт, мифологическая песня отличается от сказания не только формой исполнения, но и большей канонизацией. Выучить дословно крупное произведение невозможно, и потому, несмотря на стремление точно воспроизвести текст, даже самые священные песни варьируются. Однако в песенной эпике такие элементы, как композиция, сюжетные ходы, функции героев, эпитеты, формулы, параллелизмы и т. д., сохраняются лучше. Менее устойчивы элементы микроуровня художественной ткани: распределение вставок для соблюдения метрики и структуры параллелизмов (они могут меняться даже у одного и того же исполнителя в разных «редакциях» произведения). Иногда меняются формы изложения событий с точки зрения разных лиц или вообще лицо исполнителя (например, 1-е на 3-е), места включения диалогов и др. Варьирование макроструктурных элементов (мотивов, а иногда и целых сюжетов)

выражается в том, что они могут прикрепляться к другим героям; однако такие вариации не встречаются у одного и того же исполнителя.

В качестве примера различий, которые при этом возникают, приведем рассказ В. Штейница из практики записи им фольклора у хантов. Старый хант спел ему песню, где речь шла о семи каменноглазых женщинах Пор. Затем для записи он решил ее не спеть, а рассказать. Фратриальные имена Пор и Мось ханты скрывают от чужих, и в рассказе вместо женщин Пор фигурировали просто «женщины, собирающие ягоды». На прямой вопрос собирателя, не были ли эти женщины Пор, сказитель ответил отрицательно. На следующий день В. Штейниц попросил его спеть несколько строк, чтобы записать мелодию. В песне снова назывались женщины Пор. В. Штейниц заключает: «Я правильно рассчитал: в нем, где передается твердо установленная традиционная форма, он ничего не мог изменить!» [130, с. 105].

По мнению Е. Шмидт, высказанному в устной беседе, прозаическое сказание и рассказ также различаются степенью художественной оформленности: по ее выражению, у них разный «художественный код». Сказанию присущи определенные формулы, их излагают так, как будто читают книгу, быстро, с особой интонацией, а рассказ излагается более свободно, он похож на простую речь. Священное сказание (миф) следует рассказывать по определенным правилам, иначе это не миф. Поэтому возникают такие ситуации, когда исполнитель может, например, сказать: «Это героическая песнь, но я исполню ее как сказание». (По сообщению Н. И. Терешкина, в его фольклорных материалах героические песни записаны в форме прозы). Или: «Это — сказание, но я могу исполнить только как рассказ, так как не знаю формул». Возможен и простой пересказ сюжета, что имеет место, в частности, при рассказывании на русском языке.

Жанровые особенности текстов обуславливали место и время их исполнения, а также состав слушателей. Мифы рассказывались довольно редко, обычно на общественных празднествах. Так, мифы о происхождении медведя были составной частью медвежьего праздника. Сакральная часть некоторых мифов, где говорилось о становлении духов, была запретной для женщин и детей (например, окончание мифа о возникновении земли); они не должны были слышать и полный текст некоторых других мифов. Тайной для представителей чужой фратрии оставались сказания о происхождении предка и обрядов собственной фратрии. В дневнике В. Н. Чернецова описан случай, когда рассказчик прервал рассказ, сказав, что дальше он *ялынг* — «священный».

Исполнение героических песен возможно только в состоянии особого воодушевления, они уводят человека от повседневных забот в седую древность. Поэтому они звучали лишь несколько дней в году: на праздниках в честь духов-покровителей и медведя, на свадьбах и ярмарках. Героические сказания или сказки можно было услышать чаще, так как они не требуют от человека такого умственного и эмоционального напряжения. Их рассказывали вечерами, когда все отдыхали, при этом женщины иногда занимались рукоделием.

Повествования о давно прошедших временах были лучшим отдыхом после напряженного труда для охотников и рыбаков, оторванных от дома и живущих в лесной избушке или шалаше. Начатый вечером рассказ

мог длиться всю ночь, а иногда продолжался и на следующие сутки. Во время экспедиций последних лет мы неоднократно наблюдали традицию ночного рассказывания сказок. В относительно больших селениях дети даже устанавливали на сказочницу очередь. В доме, где она почевала, собирались слушатели, готовилась мягкая и вкусная пища. В традиционной обстановке иногда слушатели-дети разделялись; например, мальчикам рассказывал сказки мужчина у одного костра, а девочкам — женщина у другого костра. Разделение слушателей происходит и у учащихся школ-интернатов, когда они в спальнях перед сном рассказывают сказки.

По некоторым сведениям, рассказывать сказки днем было запрещено (иначе вылезут волосы, потеряется память и т. д.), но все-таки это практиковалось. Например, считалось, что сказка укорачивает путь во время длинных переездов на лодке. На Васюгане человек, съевший голову глухаря, сваренного в общем котле, обязан был рассказать сказку. В ходе нашей экспедиционной работы нередко приходилось слышать былички, которые рассказывались как иллюстрация к религиозным верованиям, обрядам, запретам.

У хантов и манси не было профессиональных исполнителей, но были выдающиеся сказители и певцы, чаще мужчины. Еще в детстве они выделялись необычайной памятью, и им предсказывали судьбу сказочника или певца (одни лучше запоминали сказки, другие — песни). Нередко это были младшие родственники известных исполнителей, как, например, известная ныне мансийская сказительница А. М. Конькова, наследовавшая традицию своей бабушки (на которую она похожа даже внешне). Как уже отмечалось, сказителям и певцам приписывались необычайные способности влиять на здоровье и успехи человека.

Вообще слову, мысли, образу придавалось особое значение.

У хантов и манси существовало представление о материальности слова и даже мысли. Считалось, что слово может оказать определенное влияние на отношение людей как друг к другу, так и к отдельным объектам внешнего мира. В одном из опубликованных текстов [7, с. 172] речь идет о том, что женщина вслух выразила желание остаться на месте сбора ягод. Сказанное должно осуществиться, поэтому ее муж ушел домой, оставив ее одну в лесу. Рассказчик прокомментировал это следующим образом: «Раньше было так: слова зря не скажи». В другом случае мальчику, выразившему желание съесть огромную щуку, приходится делать это, хотя он не в силах справиться с ней.

При свойственных хантам и манси представлениях о том, что слова и мысли могут материализоваться, считалось обязательным исполнение мифа или сказки целиком, не опуская деталей. В результате возникают почти беспрецедентные для устной традиции случаи (в первую очередь это относится к священным мифам), когда тексты, записанные в разное время и от разных рассказчиков, совпадают почти дословно. Такие примеры есть и в нашем сборнике (см. № 105, 106). Однако, как видно и из публикуемых мифов, текст их мог быть изложен и упрощенно. Отчасти это объясняется тем, что, как говорилось, для непосвященных из мифа специально выбрасывались сакральные моменты. То же самое иногда происходит, если текст записывают представители другой национальности, для которых излагается лишь схема сюжета. Детям было принято рассказывать сокра-

щепные варианты больших произведений либо специальные детские сказки.

Особым вниманием пользовался тот рассказчик, который обладал артистичностью и выразительностью, в совершенстве владел искусством передачи текста, соблюдал последовательность изложения, употреблял традиционные обороты, сохранял детали лексики и стиля.

Судя по публикациям А. Н. Балаудина и В. Н. Чернецова и устному сообщению А. М. Коньковой, рассказчики различались по темпераменту. А. Н. Баладин приводит в качестве примеров известных ему сказителей Сайнахова и Гыдыбина. Первый — жизнерадостный, веселый, склад психики с ярко выраженной эротической направленностью. Он рассказывает сказку быстро, оживленно, при подражании образу героя часто подпрыгивает и жестикулирует. Манера рассказывания — прерывистая, неуравновешенная, с подвижной композицией и частой сменой эпизодов, среди которых особенно акцентируются любовные. Второй рассказчик — спокойный, медлительный, с логическим осмыслением всего окружающего. Он ведет сказ спокойно, последовательно, как бы нанизывая одну строку за другой, эпизод за эпизодом [53, с. 66].

Исполнение некоторых произведений сопровождалось особым церемониалом. Существовал обычай, согласно которому, как сообщила А. М. Конькова, детям предварительно задавали несколько вопросов. По числу отгаданных загадок тому или иному ребенку обещали рассказать соответствующее число сказок, хотя слушали их, конечно, все.

Сказитель, исполняющий священные мифологические сказания о происхождении земли, одевался в нарядную одежду, на стол выкладывались священные предметы. Мужчины слушали с глубочайшим вниманием и уважением, считалось, что невнимательного слушателя постигнет какое-нибудь наказание. Рассказчику создавали всевозможные удобства, давали что-либо из припасов.

Героические песни исполнялись под аккомпанемент музыкального инструмента *наркас-юх* (хант.), *сангваалтап* (манс.). Очевидцы отмечают, что передача значительных по размеру героических сказаний в песенной форме требовала огромного напряжения и часто последняя часть, а то и добрая половина излагалась прозой, но и при этом к концу голос исполнителя становился охрипшим. Иногда перед началом исполнения певец съедал несколько мухоморов, отчего впадал в иступление и мог петь всю ночь напролет даже, казалось бы, давно забытые сказания. Утром он падал в изнеможении, а слушатели были довольны, что услышали песни своих отцов, пропеты с таким чувством [84, с. 12].

Особая форма исполнения и атрибутика были присущи и медвежьим песням, которые называются у хантов *вой-ар* «звериная песнь», *пули-арых* «медвежья песнь», у манси *уй-эрыг* «звериная песнь», *уй-анчух-эрыг* «зверя-старика песня»⁶. Сведения об этом находим у разных авторов [57; 116; 120; 131]. Отношение к медвежьим песням было чрезвычайно серьезным, женщинам и молодым мужчинам петь их запрещалось. Само же пение обставлялось особым церемониалом. Перед медведем становились трое: в середине — певец, по бокам — его помощники. На них была специально для этого предназначенная яркая и нарядная одежда, головы обязательно покрывались платком или шапкой. Певца и помощников окури-

вали, они отвечивали медведю низкий поклон и, сцепившись мизинцами, начинали петь без музыкального сопровождения. После окончания очередной песни хозяин дома звонил в колокольчик или ударял в металлическую доску, после чего следовал короткий перерыв и новая песня. Пел главным образом только стоящий в середине, а помощники ему вторили. Когда средний уставал, его заменял крайний или кто-нибудь из присутствующих. Зрители усаживались по краям нар или стояли вдоль стен. Они молчали и с глубоким вниманием слушали. Когда необходимое количество песен было пропето, исполнителей снова окуривали, затем певец и его помощники опоясывались специальными поясами, наматывали на руки платки и танцевали. Затем танцевали и другие присутствующие. Вторая часть вечера отводилась драматическим представлениям. В них входили некоторые сценки на фольклорные сюжеты, например о Мось-нэ и филине (см. № 131).

Приведем интересные сведения об исполнении культовых песен, сообщенные нам венгерской фольклористкой Е. Шмидт (1986 г.). Культовая (и даже простая) песня исполняется в ином психическом состоянии, чем другие произведения. Прихотливо варьирующий монотонный мотив, частые повторы не только строк, но и более крупных фрагментов приводят в состояние, близкое экстазу. Почти полностью выключаются все механизмы восприятия и отражения действительности, отсюда — невозможность изменять текст на ходу. Особое психофизиологическое состояние выражается в непроизвольном покачивании взад и вперед, в дрожании (подрагивании тела), в неподвижности или затуманивании глаз, слезах и т. д. Музыкальные мотивы не имеют концовки, и сам сюжет тоже имеет тенденцию к максимальной продолжительности. Словесное действие почти полностью растворяет в себе действительность, и в результате создается впечатление, будто певец превратился в персонаж, от имени которого он поет (точнее, тот вселился в него). Вероятно, отсюда и форма пения от первого лица. Одновременно создается ощущение, будто давно прошедшие события происходят заново, певец уносит слушателей в давние эпохи, «создавая» их своим пением. Продолжительное пение отключает и певца и публику от реальности. Очнувшись, они чувствуют себя так, будто и они, и весь миропорядок рождены заново, т. е. происходит нечто вроде катарсиса.

В сказке, как и в песне, степень вхождения рассказчика в образ была столь велика, что рассказ о событиях прошлого идентифицировался с самими событиями. Рассказчик иногда прерывал повествование, чтобы выразить свое отношение к происходящему (как будто он сам участвует в нем) и пригласить слушателей к соучастию. Один из них, дойдя до места, где герой был сброшен в ледяную воду, прервал свое изложение отступлением: «В воде знаешь как холодно!» [7, с. 7]. Поэтому и финальная формула «закончилась его песня, закончилась его сказка» означала окончание существования героя, его гибель.

Такой принцип повествования становится более понятным, если его сопоставить с изобразительным творчеством хантов. Художник стремится изобразить любой предмет не так, как он выглядит со стороны, а таким, каким он его знает. Он как бы находится внутри изображаемого предмета, и в таком случае все его стороны оказываются «доступны» взору. Поэтому, когда ханты видят фотографию или рисунок, выполненные в соответствии

с современными правилами, они говорят, что изображена лишь половина предмета.

С этим, как кажется, связана и драматизированная форма изложения текста. По наблюдениям М. Б. Шатилова, у хантов реки Вах отдельные картины передавались сказочниками чрезвычайно живо и образно, некоторые фрагменты изображались «в лицах», с соответствующей мимикой и жестами [106, с. 76—77]. В. Н. Чернецов рассказывает о мансийском сказителе Н. Сампильталове, от которого была записана сказка про двух собак (№ 193): «Когда он передавал диалог этих двух собак, он делал это с таким мастерством, что перед глазами так и рисовались картины разговора собак, как они дрожат от зимнего холода, тощие и худые, решают летом непременно сделать маленький запор для рыбы и тем самым обеспечить себя пищей; и затем как летом, ленивые и разжиревшие, они возмущаются уже при одном упоминании о запоре: «Ну, друг, кто запоры делает!» [64, с. 183].

Уже говорилось о том, что для обско-угорского фольклора характерна вера в реальность всего происходящего в рассказе — будь то миф или сказка. Момент сопереживания подчеркнула М. П. Вахрушева-Баландина (устное сообщение, 1985 г.). Люди верили, что богатыри, вожди, воины, умные и добрые герои эпических сказок живы и сейчас, что они готовы прийти на помощь, поэтому их ждут. Слушатели переживали за героев: кто-то — за одного героя, кто-то — за другого. Победленного богатыря тоже жалели: «Зачем его уничтожили?!» Глубина этой веры, вызывающей такое чувство, будто рассказчик заново создает события и героев, отражена и в популярной формуле «кто тебя напел сюда, кто тебя насказал сюда».

В обско-угорском фольклоре можно наблюдать переход формул из одного жанра в другой. Например, в позднейшей сказке (№ 141) Эква-пырищ говорит: «*Настанет древнее время человеческой жизни*: ни к какому купцу, ни к какому царю пусть не ходит народ работать» (выделенная курсивом формула — из мифа).

Фольклорное творчество хантов и манси не являлось самостоятельной эстетической ценностью, оно органически связано с системой верований и с насущными потребностями людей, входит в повседневную жизнь коллектива, регулируя ее и выступая как важный социализующий фактор. Его своеобразие состоит в сочетании глубокой архаичности функционирования с изысканностью и даже изощренностью поэтического стиля и формул. Так, художественный стиль обско-угорского фольклора отличаются обилие параллелизмов (например, «супруга-гусыня, супруга-утка»; «белые, как небесный лед, белые, как небесный снег»; «долго шли, коротко шли» и т. д.), ритмика, аллитерации, постоянные эпитеты, тавтологии (например, «пока вскипит кипящий котел»; «на площади города, имеющего площадь»; «жердяная пристань, состоящая из множества жердей» и т. д.), метафоры. Особенно много метафор в медвежьих песнях, где они выступают как подставные обозначения, эвфемизмы: глаз медведя называется «звездой», ухо — «пеньком» и т. д.; другие примеры метафор: «сушить пот» — ждать угощения; «мясная неделя» — радостная неделя; «с добрыми пожеланиями вперед, с добрыми пожеланиями назад» — со всевозможными пожеланиями на будущее и т. д. (подробнее см. [54]).

Важнейшая черта этого художественного стиля — параллелизмы — имеет чрезвычайно глубокую прафинно-угорскую (а возможно, и урало-алтайскую) перспективу (см. [61, с. 65]).

Анализ текстов. Наш сборник посвящен прозаическим жанрам *моньсь-мойт* и *потыр-ясын*, но в него вошла также группа песен о медведе из категории *арых-эрыг*. Это объясняется тем, что мифы о медведе, занимавшем исключительно большое место в религиозных воззрениях, обрядности и фольклоре обских угров, исполнялись в стихотворной, точнее, песенной форме, а повествование велось в них от первого лица.

Тексты сборника разбиты на две части — хантыйскую и мансийскую. В каждой из них они сгруппированы по жанровому и сюжетно-тематическому принципам. В начале каждой части помещены мифы и мифологические сказания. К ним примыкают и частично входят в них три сюжетно-тематические серии: 1) медвежьи песни; 2) сюжеты о Мось — Пор; 3) тексты о самом популярном персонаже — культурном герое-трикстере, носящем имена Ими-хиты, Эква-пырьис и др. Далее следуют героические сказания (богатырские сказки). Предания, бытовые рассказы и былички помещены в следующем разделе, а завершает каждую часть сборника раздел сказок.

Следует, однако, иметь в виду, что деление это, как и размещение текстов внутри разделов и серий, достаточно условно, поскольку в мифах обских угров довольно много сказочных элементов, героические сказания (особенно те из них, в которых действуют сыновья или дочери верховных божеств) близки к мифологическим, темы преданий и бытовых рассказов часто переплетаются, причем провести четкую границу между двумя последними группами тоже не всегда удастся; более обособлены заимствованные и детские сказки. Кроме того, как говорилось выше, некоторые персонажи действуют как в мифологическую, так и в нынешнюю, человеческую эпоху, а именно с этими эпохами тесно связано членение жанров у самих носителей фольклора. Все это объясняет принципиальную невозможность вытянуть в одну цепочку трехмерное пространство, в котором отдельные тексты противопоставляются друг другу (или сближаются) по трем координатам — сюжетной, тематической, жанровой.

Остановимся подробнее на каждой из групп текстов. Первую из них образуют мифы и священные мифологические сказания о происхождении земли, небесных светил и звезд, природных стихий и животных, о перволюдях, культурном герое, создании первых благ, установлении норм поведения, обрядов и т. д.

Отдельные этапы космогонии изображаются в разных, нередко противоречащих друг другу версиях. Больше всего внимания уделяется в них созданию земной тверди из первичной водной стихии (любопытно, что эта водная, туманная стихия в одном из мифов (№ 107) названа «Сибирью»).

В воде находился холм из древнейшей тундровой земли, и на нем в доме жили старик со старухой. Современная земля появилась из кусочка ила, который принесли в клюве птицы — гагары или кулик, нырявшие на дно первичного океана (№ 2). В одних вариантах (№ 105, 106) они ныряют без чьего-либо приказа, в другом (№ 107) — их посылает верхний бог Нум-Торум либо его сын.

Принесенная птицей земля постепенно стала разрастаться, и старик тундрового холма послал белого ворона осмотреть ее. В первый день ворон облетел землю за полчаса, во второй — за полдня, в третий — за целый день и при этом почернел, так как съел падаль.

Земля в мифах предстает вначале как жидкая и раскачивающаяся, затем Нум-Торум по просьбе старшей сестры Йоли-Торум-сянь опустил на землю свой пояс; земля осела в воду и стала неподвижной, а на месте пояса возник Уральский хребет (№ 112). У южного отрога гор (видимо, Уральских) старик Торстор пробил стрелой проход для перелета птиц с севера на юг (№ 10).

Нижний мир образовался по воле Торума для того, чтобы умершие уходили туда, освобождая землю для новых поколений (№ 107). По другой версии, подземный мир стал царством болезней и смерти, когда туда ушел через отверстие в земле злой дух Кынь-лунк.

Солнце, луна и звезды, по одной версии, были созданы Корс-Торумом, по другой — их достал Мир-сусне-хум из-под земли, из царства Куль-отыра (№ 108). Имеются рассказы о спрятанных, а затем освобожденных светилах (№ 4, 128). Солнце и луна в мифологии обских угров персонифицированы: солнце — женщина, луна — мужчина. Происхождение лунных фаз объясняется тем, что жена-солнце и преследовательница ее мужа вырывают его друг у друга и разрывают пополам; с тех пор месяц то умирает, то возрождается (№ 5, 6). В других вариантах солнце и месяц живут на небе каждый своей семьей и отдают дочерей в жены культурному герою (№ 105, 106). У обских угров известен широко распространенный сюжет о происхождении пятен на луне; здесь это пошедшие за водой и дразнившие луну дети (№ 7); намек на этот эпизод имеется в мансийском тексте (№ 109) о приходе луны на землю, обосновывающем запрет заигрывать с луной.

Из астральных мифов у обских угров наиболее распространен рассказ о созвездии Большая Медведица, называемом обычно Нё, Нёх «Лось», и Млечном Пути — лыжне охотника на лося. В мифическое время первотворения лось был шестиногим и бегал так быстро, что его не могли бы догнать люди. Чтобы сделать возможной охоту на него, сын Торума (№ 8), а по другой хантыйской версии — старик Торстор (№ 10) догнал лося и отрубил у него две ноги. У манси в этой роли выступает Мось-хум, опередивший менква (№ 110), или человек Пастэр [115, с. 89] ⁷. По другой хантыйской версии (№ 9), за лосем охотились три человека и Большая Медведица — это котел, брошенный одним из них. В некоторых текстах объединены сюжеты о происхождении звезд и экзогамных объединений Пор — Мось. Медведица с медвежатами, родившая первую женщину Пор или Мось, — это три звезды на небе (№ 124, 125) либо, по другому варианту, созвездие из семи звезд (возможно, Малая Медведица) ⁸.

Персонифицированной мифической фигурой выступает в фольклоре дух ветра Ват-лунк (хант.), Луи-вот-ойка «Северный ветер-старик» (манс.). В мансийском мифе «Про Северный ветер» (№ 111) повествуется о потеплении ветра после победы над ним человека. Этот мотив встречается в измененном виде и в хантыйском тексте (№ 12), где старик, живущий «в доме с запертой дверью», отправляет по очереди дочерей к Северному ветру; лишь младшей удастся пройти все испытания, стать его женой и обеспечить тем самым тепло на земле.

Огонь, по публикуемой в сборнике версии, был высечен сыном Торума из камня (№ 1). В мифологии огонь выступает не только как благотворная, но и как разрушительная сила, особенно в мифах об огненном потопе (№ 11, эпизод в № 105). Название потопы у хантов — чек-най «бедственный

огонь», у манси — *япынг-вит* «священная вода». Его относят к мифическим временам первотворения, когда Торум наслал потоп за непослушание древних богатырей или своего младшего сына. В варианте, представленном в данном сборнике (№ 11), сын Торума сумел предотвратить потоп, в других мифах во время бедствия погибла растительность и большая часть живых существ, в том числе и мифических богатырей (или людей). Спаслись лишь те, кто оказался на семислойном плоту; сам Торум, искупавшись в огненном потоке, помолодел, и у него родилось семь сыновей.

Некоторые мифы о потоке имеют эсхатологический характер: в них повествуется о конце мира после второго потопа, который должен прийти через две тысячи лет после первого (см. примеч. к № 11). Последующая судьба людей рисуется в соответствии с религиозными представлениями о судьбе души после смерти человека. Те, у кого кончился срок пребывания в виде тени, после потопа восстанут и проживут еще один срок своей жизни, затем превратятся в жучка и наконец в прах, что и будет означать полный крах мира [57, с. 50].

Первыми насельниками земли были духи, лесные сверхъестественные существа менквы и древние богатыри (продолжительность тех времен, как и последующей человеческой эры, измеряется тысячелетиями). Духи предсказали наступление в будущем «древней человеческой эпохи, вечной человеческой эпохи» и установили правила поведения людей, назначили им для почитания духов и определили местожительство последних. О расселении духов у хантов бассейна реки Демьянка рассказывается так: «Много лет назад собрались духи Тонх на маленьком притоке Демьянки, чтобы посоветоваться, куда должен отправиться каждый. Совет длился полмесяца. На холме, где состоялось собрание, еще и сегодня не растет трава; небольшая река стала настолько священной, что, переплывая через нее, собака теряет шерсть. Область была разделена так: один пошел в чужую сторону, другой остался в родных местах, а у кого были крылья — взлетел на небо» [119, с. 5].

В большинстве антропогонических мифов создание людей приписывается Нум-Торуму или его сыну, культурному герою. В качестве инициатора или участника этого акта называется и верховное божество женского рода Торум-анки (хапт.), Поли-Торум-сянь (манс.); противник бога Кульотыр неудачно подражает творцу или портит его творения (№ 113, 114). В обско-угорских мифах фигурируют разные способы и материалы для сотворения человека. Версии таковы: в людей превратились две березовые ветки (№ 13); люди сделаны из сердцевины лиственницы либо слеплены из сучьев тальника и затем обмазаны глиной [57, с. 47—48]; они нарисованы и затем образовались из горсти черной земли (№ 114); их вынули из разреза в икре ноги [7, с. 18]; сопли бога превращаются в червя, а тот — в человека (№ 107); наконец, люди возникли от мысли верховных богов или спущены ими на ниточке на землю (см. примеч. к № 13).

У первых людей оболочка была древесной (№ 107), роговой либо в виде рыбьей чешуи (остатки ее — ногти), а также в виде шкуры, позднее вывернутой внутрь (№ 114). Для оживления в людей была помещена душа или накачан воздух. Встречается библейский мотив о нагих людях, съевших запретное растение (ягоду, шишку), согрешивших и понесших наказание (№ 1).

Согласно некоторым мифам, создание людей происходило в два и даже в три этапа. Перволюди *йис-ял* «древние люди» (хант.) жили тысячу лет, затем погибли во время потопа, а оставшиеся дали начало новому поколению. Древние люди — огромного роста и без пупка — были бессмертными; смертными их сделали Куль-отыр, Кынь-лунк, соблазнив сторожившую их собаку (№ 14, 114), либо люди Пастэр, возрождение которых стало невозможным из-за их ленивых жен (№ 115). Современные люди в отличие от древних — с обрезанным пупком, «кукольнолицы», это куклы богов, которыми они забавляются.

Этиологических мифов о растениях и животных, их качествах и видоизменениях немного (№ 16, 17, 24). Чаще рассказы об их происхождении входят как эпизоды в мифы творения или превращаются в мифологические сказки. Мотив творения их божеством или его сыном наиболее полно представлен в нашем сборнике двумя текстами; в хантыйском основное внимание уделено растениям (№ 1), в мансийском — животным (№ 108). Бог или его сын создает полезных людям животных и растения, а его главный противник Кынь-лунк, Куль-отыр — вредных (№ 114). Однако, как явствует из хантыйского мифа № 1, хотя последний и противостоит сыну бога и подговаривает людей есть другие растения, тем не менее и эти растения относятся к числу полезных. Добывание рыб и перелетных птиц путем женитьбы культурного героя на дочери водяного владыки и южной женщины фигурирует в мифах о возникновении земли (№ 105, 106). Появление некоторых элементов культуры связывается не с мифическими существами, а с обыкновенными людьми. Так, построение первой оленьей нарты приписывается «одному ханту» (№ 21).

Следующая группа текстов посвящена мифам и мифологическим песням о медведе. В нашем сборнике они представлены № 22—24 и 116—122. Медвежьи песни делятся в зависимости от функции и времени исполнения на песни доставки, песни внесения медведя в дом, пробуждения, песни выноса и др. Основные их темы — происхождение медведя (№ 24, 116, 117); первое его добывание культурным героем (№ 118); знаменитые добыватели (№ 119—122); рождение медведицей первой женщины Мось (№ 25, 124, 125); нарушение медведем запретов и наказание его людьми (№ 116, 120); нарушение людьми запретов или клятв и наказание их медведем (№ 24, 119); добыча конкретного медведя в данной местности, перевоз его в поселок или описание пути медведя после окончания праздника и т. д.

В обско-угорской мифологии существует несколько версий происхождения медведя [120, с. 9—10; 1, с. 29; 115, с. 333—334; 131, с. 288]. По одним из них, медведь рожден духом земли либо появился из яйца гагары (красношейной поганки — *Columbus auritus*). По другим — медведь рожден женщиной (иногда упоминается, что ее взял в жены медведь или менкв). Личность женщины трактуется по-разному: она либо безымянная, либо Мось (№ 117), Сапыр, Тяпар, Вушп. Имеются рассказы о превращении в медведя заблудившегося юноши — богатыря, перелезшего через колоду (№ 22). Но чаще всего (особенно в медвежьих песнях) повествуется о небесном происхождении медведя; по одной версии, он родился через три дня после небесного бога, по другой, наиболее распространенной, медведь — сын или дочь небесного бога (№ 23, 24, 116). В № 116 Торум и сам принимает черты медведя: когда он приходит в ярость, у него вырастают клыки.

Сюжеты о небесном происхождении медведя, особенно популярны у северных обских угров, сводятся, по данным А. Каннисто [116], к рассказу о житие медведя (или медведицы) на небе, его играх. Медведь нарушает запрет отца и выходит из дома; увидев землю через дыру в небе, он приходит в восторг и просит отца отпустить его на землю. Отец соглашается, но дает ему наказ: не разорять амбары, не забирать добычу охотника, не отпугивать женщин и детей от лесных ягод и т. д. Он не должен трогать святилища и мертвецов. В песнях на предостерегающих примерах показывается, что при нарушении правил медведь всегда будет добычей охотника, хотя для него, конечно, будет устроен почетный праздник и впредь его будут изображать в песнях. Но самое плохое, что может совершить медведь, — это ранить или убить охотника. Тогда во исполнение долга кровной мести его, несомненно, убьет родственник охотника, праздника же не будет, медведя сожгут и тем самым уничтожат его душу, не дадут возможности возродиться. В медвежьих песнях устанавливаются и обязательства людей по отношению к медведю: охотник не должен хвалиться легкостью победы над медведем, плохо о нем говорить — за это медведь рассердится и отомстит. Особенно опасно дать ложную клятву в отношении медведя — он разорвет клятвopреступника.

По существу, эти песни, исполняемые обычно от первого лица, т. е. от лица самого медведя, представляют собой мифы об установлении обрядов медвежьего праздника; их пение во время праздника должно служить доказательством осведомленности людей о его сверхъестественной сущности.

Сюжеты о знаменитых охотниках на медведя также представлены в нашем сборнике (№ 24, 118, 119, 121, 122). Некоторые мотивы мифологических и героических медвежьих песен встречаются в быличках и сказках (о них речь пойдет ниже). В песнях о конкретной охоте на медведя описывается весь путь от места охоты до поселка. В них точно указываются малейшие особенности местности, приводятся названия каждого холма, горы и т. д. Рассказывается о почестях, воздаваемых медведю при его переноске: охотники в пути делают остановки и ритуальные выстрелы, на затесах деревьев вырезают ножом идеографические рисунки — сведения о числе охотников, собак и убитых медведей [1, с. 28—29]. В медвежьих песнях отражено и обрядовое выпроваживание священного животного. У хантов Югана, где существует представление об уходе медведя (души) после праздника не на небо, а в лес, нам приходилось слышать о песнях, описывающих этот путь.

В медвежьих песнях широко использовались термины-табу из «медвежьего языка», который насчитывал около 500 слов, из них 132 были подставными названиями самого медведя [111].

Следующая группа текстов — о людях Мось и Пор — включает № 25—29, 123—132. Она начинается с мифа о рождении женщины от медведицы; эти события относятся к дочеловеческой эпохе. Начало сказания в хантыйской (№ 25) и мансийской (№ 124) версиях различается. В первой одинокая женщина Мось бродит в поисках своей шубы и погибает, во второй она живет с братом, тот женится, но женщина Мось убивает невестку и подменяет ее собой, у них рождается сын; узнав истину, брат убивает сестру и ребенка. Далее сюжет развивается по единой схеме: душа женщины Мось превращается в растение *порых*, его съедает медведица, у нее рождаются

два медвежонка и человеческая девочка. Вариант начала мансийского мифа представлен в виде отдельного текста (№ 123). Его основная идея заключается в отказе брата жить с сестрой как с женой. Здесь уместно привести слова Е. М. Мелетинского: «Миф об отказе от инцестуального брака в пользу экзогамного и есть яркий пример социогенного мифа» [75, с. 60]. Социогенный характер рассматриваемых мифов проявляется и во второй их части, где рассказывается о том, как девушка, рожденная медведицей, становится женой Усын-отыра (Городского Богатыря), и тем самым устанавливаются обряды медвежьего праздника (№ 124) и экзогамии (№ 125).

В хантыйской части сборника далее следует мифологическая сказка о рождении первого мужчины Мось из колена женщины (№ 26). Он выступает спасителем народа от сверхъестественных существ — людоедов Яляней. Следующий рассказ — о противоборстве сына женщины Мось и каменпоглазных богатырей (№ 27). По определению В. Штейница, записавшего текст, это типичное героическое сказание, но оно имеет мифологическую концовку о превращении основных персонажей в главнейших местных духов: мать героя и ее брат — это Калтась и Когтистый старик, а герой похож на Назымского духа (он же — Ими-хиты) [51, с. 245].

Затем в хантыйской и мансийской частях сборника идут тексты, объединенные вокруг сюжетного стержня о противостоянии Пор и Мось (№ 28, 126—130). Один из них (№ 126) — на актуальную в наши дни тему, а именно об экологическом равновесии. События в нем относятся ко времени, когда люди были бессмертными. Пор-нэ озабочена тем, что размножившимся людям будет недоставать пищи; Мось-нэ предлагает сделать реки масляными, а Пор-нэ видит выход в том, чтобы люди стали смертны (в другом мифе позицию Пор-нэ занимает небесный бог — см. № 1). Концовка рассказа звучит так: «Пор-нэ хоть и злая, но умная, а Мось-нэ глупая, хоть и добрая». Нужно заметить, что здесь выражена оппозиция Мось — Пор, обратная общепринятой у обских угров: «Мось-нэ — очень умная и хитрая женщина, Пор-нэ глупее» (№ 130). Их соперничество связано с поисками мужей и распространяется на детей. Эти рассказы близки к сказкам: герои выступают в виде животных, имеются эпизоды с волшебными предметами, превращающимися в непроходимые препятствия (№ 28, 128), однако мотивы их замужества несут мифологическую окраску и социогенный оттенок. Так, два мансийских текста, записанные от одного и того же сказителя, демонстрируют функциональную параллельность Мось-нэ и Пор-нэ: та и другая являются объектом сватовства филина (№ 131, 132), но в первом случае брак неудачен, а во втором — удачен.

Третья группа текстов (№ 30—34, 133—143) посвящена наиболее популярной фигуре обско-угорского фольклора, известной более всего под именами Мир-сусне-хум, Ими-хиты, Эква-пырьис и др. (характеристику его как персонажа верований см. выше; см. также работы разных авторов [3; 10; 57; 98; 115; 119 и др.]). С ним мы уже встречались в космогонических и отчасти социогонических мифах (см. № 105, 106), где он выступает как единственный сын старика и старухи тундрового холма, вокруг которого образовалась земля, или как седьмой, любимый сын верховных божеств Нум-Торума и Калтась (№ 133). Иногда его образ сливается с самим Нум-Торумом (№ 2), а в других версиях герой оказывает противодействие своему отцу, например останавливает потоп, спущенный на людей (№ 11).

В текстах посвященной ему серии обычно говорится, что герой живет с бабушкой или тетей. Отсюда и некоторые его имена. У манси это Эква-пырьсь (Эква-пыгрищ, Эква-пыгрис, Эква-пырищ «Женщины сынок» или Эква-пы-пырьсь «Женщины сына сыночек», т. е. внучек⁹). Второе имя — Эква-пы-пырьсь — соотносится с началом мифологических сказок о культурном герое-трикстере, где сообщается, что он живет с бабушкой.

У западных хантов имя героя — Ими-хиты. В. Штейниц пишет, что термин трудно понять, и переводит его как «тетин племянник» [51, с. 249]. Одна из наших рассказчиц перевела его как «бабушкин внук», такое же толкование термину дал Н. И. Терешкин (устное сообщение).

Мансийский текст № 133 проливает свет на происхождение этого имени. Здесь герой — сын Торума, который, поссорившись с женой, изгоняет ее на землю, где она рождает сына; сестра Торума находит их и после примирения супругов уходит с племянником на Обь. С этого момента тетя замещает ему мать, учит его обращаться с луком и стрелами и т. д., а герой именуется «племянником» (ср. также хантыйские тексты № 27 и 31, где герою покровительствует его дядя — брат матери).

У восточных хантов герой называется Альви, Альвали. Возможно, здесь имеется связь с именем героя Ульба-песь-малы-сов¹⁰. Оно созвучно кетскому Альба (который подобен хантыйскому Альви). В сказках обских угров герой имеет еще несколько имен: Качалка-старик, Миленький, Ванька, Мучная Крупишка, Сын Живого Лесного Воробья и др.

В хантыйском мифологическом сказании (№ 30) герой посит имя «Желанный Богатырь, Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света», что связано с его функцией посредника между мирами: посетив верхний и нижний миры, он узнает правила человеческого общежития, а в конце превращается в духа — объект почитания и жертвоприношений.

В мифологической сказке (№ 135) Эква-пырьсь живет с сестрой на тундровом холме (т. е. здесь пара первопредков представлена братом и сестрой, но мотив incesta отсутствует: герой выдает сестру замуж), а затем, как и в мифах № 105, 106, совершает путешествие в Южную страну Мортим-ма, тем самым открывая перелетным птицам путь на север, к морю. Однако здесь этот этнологический мотив лишь подразумевается, а в центре сюжета оказывается женитьба героя в его зооморфной ипостаси гуся на гусыне — дочери хозяйки Птичьей страны.

Мифологический фон весьма ощутим и в текстах № 31—32, 134, 136 и 138, но если в мифах герой создает животных, то в текстах этой серии (особенно в № 32 и 138) бабушка или тетя сообщает ему названия добытых им зверей, учит охоте, отправляет рыбачить. Герой-ребенок предстает здесь как сирота — внук или племянник, не имеющий отца и матери, и как трикстер, по-мансийски *оцмар-хум* «выдумщик, волшебник, обманщик». Его проделки направлены в основном против сил, враждебных людям. В текстах № 32—34, 138—140 рассказывается о встречах Ими-хиты, Альвали, Эква-пырься с людоедами-менквами, Сэвс-ики. Чаще всего они выступают в функции антагонистов, но иногда и товарищей героя, как это имеет место в тексте № 138. В одном из рассказов его уносит людоедка под именем Женщина с Кузовом. Герой хитростью заставляет детей своих противников освободить себя, убивает их (или варит в котле, предназначенном для него самого), а затем хитростью побеждает и людоеда, из плеча которого возникают

комары. В ряде текстов (№ 32, 137) герой проявляет шаманские способности, во многом тоже трикстерского характера.

В некоторых мансийских текстах герою противостоит Усын-отыр «Городской князь» (он фигурировал и в мифах о медведе и фратриальных предках Мось — Пор). Здесь он — вождь, хозяин города, а в Эква-пырисе, в свою очередь, проступают черты героя, которого Е. М. Мелетинский называет «демократическим» [73]. Мифологические черты проявляются в заданиях Усын-отыра. Одно из них связано с птицей Товлынг-карс «Крылатый карс», живущей посреди моря на высокой лиственнице. В публикуемом здесь рассказе Эква-пырись взбирается на дерево в облике горностая, убивает железную лягушку, которая грызла крылья птенцов карса; в благодарность за это карс помогает герою, а тот, в свою очередь, помогает ему вернуть маховые перья, оставшиеся у мамонта (№ 134).

Дальнейшее развитие образа Эква-пыриса, а вместе с тем и превращение мифологической сказки в бытовую прослеживаются в мансийских текстах № 141—143. Сказки такого рода специально проанализированы А. Н. Баладиным (см. [3]). Здесь наиболее выпукло проявляются черты Эква-пыриса как «низкого» героя (по терминологии Е. М. Мелетинского). Он — бедняк, купеческий или царский работник, плохо одет, у него новое имя Ванька и уничижительный признак — сопливый нос, но по сообразительности, уму и находчивости он превосходит всех остальных и, как водится, выходит победителем в любой ситуации. Герой защищает бедняков от угнетателей, одурачивая или побеждая хитростью и смекалкой богача Усын-отыра, шамана, русского богатыря, купца, царя, попа и т. д. В этих текстах уже нет мифологических деталей, действие происходит в городе (по образцу города Березова) с царским домом, церковью, лавками, тюрьмой и т. п. Эти сказки, как отмечает А. Н. Баладин, выросли и развились в новых социально-экономических условиях, сформировавшихся после присоединения Сибири к России, в условиях ясной политики и торгово-промышленного капитала. В представлениях народа этот герой жив и сейчас. Один из наших рассказчиков закончил повествование об Альвали словами: «Он и сейчас рядом с нами, он всегда рядом с лунком (духом), который упосит людей» [6, с. 22]. Пожилые манси считают, что сметливость Эква-пыриса (Мир-сусне-хума) проявляется и в наши дни: именно он подал людям идею строить самолеты и спутники [56, с. 114]. Таким образом, этот персонаж принадлежит одновременно двум мирам — миру предков и миру живущих — и двум временам — сакральному (т. е. эпохе первотворений) и профаническому (т. е. текущему).

Переходим к следующей группе произведений устного народного творчества хантов и манси — героическим сказаниям или богатырским сказкам. Напомним, что у обских угров героическое сказание имеет много общего с героической песней, и исследование этих жанров трудно разграничить. Героическим сказаниям и песням посвящены работы С. К. Патканова [41; 83; 84], их анализ дается авторами, собравшими или подготовившими тексты к публикации в многотомных сериях хантыйского и мансийского фольклора: Б. Мункачи, А. Каннисто, П. Папан, В. Штойницем, Э. Вертеш и др. (см., например, [126; 135]). Вопрос о богатырской сказке обских угров рассмотрен Е. М. Мелетинским в связи с проблемой происхождения героического эпоса [76]. Типологии героических песен манси и северных хантов

посвящены работы И. П. Демень [112; 113]. В нашем сборнике лучшим образом героические сказаний представлены № 35—37, 144, 145, 148.

Основные темы героических сказаний типичны для богатырской сказки. Это военные походы богатырей с целью сватовства либо кровной мести, сражения с другими богатырями или с иноплеменниками, иногда с мифологическими существами. Повествование начинается с выезда героя из дома и заканчивается либо прибытием его в иной город, иную землю, либо возвращением домой (В. Я. Пропп считал такую форму композиции древнейшей [86, с. 92]).

В ряде случаев встречается тема героического детства (№ 35), а в незавершенном тексте № 37 дается развернутая картина трехкратного чудесного рождения богатыря. Герои носят прозвища, указывающие на характерные черты их внешности или нрава. Прозвище может быть связано и с сюжетными коллизиями. Так (№ 35), дед дает внуку имя Богатырь с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы после того, как тот совершает свой первый подвиг — в данном случае охотничий: убивает одним выстрелом сразу семь рыб, напав на стрелу (мотив стрелы богатыря, которая убивает сразу по 100 вражеских воинов, часто встречается и в других текстах).

Противниками героев выступают в основном не демонические существа (намек на очищение героями земли от чудовищ, мешающих плаванию по рекам, вскользь упоминается в тексте № 36), а богатыри — родственники невесты или ее похитители, поэтому слова «сват» и «воин», «свадьба» и «война» оказывались синонимами (сцена мирного сватовства, переросшего в сражение, дана в тексте № 36). Перед походом устраивалось жертвоприношение. Способы ведения войны и оборонительные меры были различными. Тактика зависела от обстоятельств. Применялись разведка, стремительное нападение, захват врага врасплох, осада укрепленных мест и т. д. Особенно красочно обрисованы поединки богатырей. Победитель забирал доспехи и снимал скальы убитого врага, иногда съедал его сердце. Скальирование приносило победителю славу, а побежденному — унижение.

Богатырские походы и поединки занимают основное место в текстах этой группы, однако определенную роль играют и сверхъестественные силы: по просьбе героев бог Торум насылает жару на стан противника (что вынуждает осажденных жителей городка открыть ворота и спуститься к реке, где нападающие получают возможность похитить девушку), бросает попавшему в западню герою кольчугу (№ 27), дает богатырю кнут, топор и живую воду для спасения погибшего брата (№ 146), дает своему сыну — «Много Страпствующему Мужу» — три зернышка, чтобы жена бездетного богатыря родила наследника (№ 37), и т. д. Некоторые герои обладают способностью превращаться в животных, оживать, но эти мотивы, как и колдовские трюки, столь характерные для повествований о культурном героетрикстере, здесь достаточно редки.

Одной из особенностей героических сказаний обских угров является то, что их герои-богатыри нередко отождествляются с родоначальниками территориальных групп, которые, как уже говорилось, в ряде случаев совпадают с персонажами пантеона — детьми Нум-Торума. Так, в мансийских текстах № 144—147 действуют именно эти мифологические персонажи, становящиеся в конце повествования духами-покровителями определенной местности. Особенно сильна мифологическая семантика в сказании «Жеп-

щина-богатырка (№ 144), где в центре коллизий оказывается тема преодоления инцеста между братом и сестрой (некоторые мотивы этого текста перекликаются с мифами). В других случаях эта связь героев-богатырей с фигурами пантеона лишь слегка улавливается, как в тексте № 148, где один из братьев носит прозвище Дух Ходившей-Летавшей Мысли и называет себя «в песнях прославляемым человеком». Впрочем, некоторые тексты заканчиваются не этиологическим финалом, констатирующим превращение героев в духов-покровителей, а типичным для сказок пиром.

Интересно в этом отношении сравнить два мансийских текста. Первый из них (№ 145) был записан в 1904 г., второй (№ 146) — в 1955 г. в одном и том же районе — на реке Конде.

Элементы	1-й вариант	2-й вариант
Начальная форма	«В одном углу семи-десяти семи миров появилась Каменная гряда, Уральская гряда, родился сын, рожденный Сибирской Женщиной Резаное Железо»	«В деревне ли, в городе ли жили-поживали два брата-богатыря»
Герой	Богатырь высокого ранга, сын бога	Богатырь, дух местного значения
Антигерой	Отец и мать невесты	Похититель невесты
Местожительство героя	Каменная гряда, Уральская гряда	Деревня-город
Способ получения информации	Ворожба	Сообщение старика и старухи
Цель богатырской поездки	Добывание невесты	Добывание невесты
Способ достижения цели	Военное сражение	Военное сражение и волшебные предметы
Конечная ситуация	Невеста получена, герой становится духом, приносят жертву богу	Невеста получена, герой устраивает пир для людей

Из сравнения следует, что для первого варианта характерна мифологизация, а для второго — уклон в сторону позднейшей сказки.

Еще одна особенность текстов этой группы заключается в том, что действие в них происходит на земле, причем очень часто указываются географически конкретные местности (реки Конда, Обь, Казым и т. д., Уральский хребет) и поселки. С. К. Патканов, анализируя эпизод героической песни, в котором невеста в облике филина сообщает своему нареченному, где ее нужно искать, отмечает, что ее монолог содержит подробное изложение того пути, по которому герой доберется до места ее жительства: он должен спуститься по реке Эмдер до Оби, потом подняться до устья Иртыша, а затем по Иртышу до реки Конда, на южном берегу которой и находится ее город (см. [41, с. 98]). Такие топографические увязки могут создать впечатление «историчности» жанра героических сказаний, по которым, как уже отмечалось, делались попытки реконструировать картину жизни предков хантов и манси [39; 83; 84].

Такова краткая характеристика «классических» героических сказаний обских угров, сложившихся большей частью в период распада доклассового общества. Е. М. Мелетинский считает, что им свойственны и общие черты эпического стиля, но это еще не героический эпос, так как здесь отсутствует настоящий эпический фон, изображение общенародных судеб [76, с. 94].

Наряду с героическими сказаниями в фольклоре обских угров имеются исторические предания о сражениях богатырей с угнетателями или захватчиками. Одни из них посвящены междоусобным схваткам собственных богатырей (№ 39—41, 150, 151, 153), другие — борьбе с иноплемениками (№ 48—52, 155, 157). Среди последних фигурируют «самоеды» (ненцы), татары, этнос Ахыс-ях («низовой народ») и русские казаки.

Предания о богатырях-предках (матурах, отырах и др.) включают те же темы родовой мести, похищения женщин, осады городков или поединков воинов, но действия, происходящие в них, отнесены ко времени человеческой эры, связываются с конкретными районами расселения хантов и манси и призваны объяснить миграции определенных социальных групп, происхождение элементов окружающего ландшафта или культовых мест. Иногда героями предания являются не отдельные личности, а социальная или территориальная группа; в таком случае противоборствующие стороны обозначаются этнонимами, например: «Раньше жители Агана воевали с Ахыс-ях» и т. п. В ряде случаев топонимические и этногенетические мотивы выступают самостоятельными темами преданий (№ 42—45, 47, 154, 156, 158, 159). В этот же раздел мы включили предание, в котором объясняется отсутствие грамоты у хантов (№ 53).

В преданиях о событиях менее отдаленного прошлого нередко отражены и реальные события и факты, в том числе освоение Сибири русскими, начавшееся в XVII в. Как известно, некоторые хантыйские и мансийские князьки оказали сопротивление русским казакам. Предания об этом имеются и в нашем сборнике (№ 51, 52). Однако в них присутствует и мотив замирения, а в некоторых рассказах даже подчеркивается, что «остяки с Ермаком не воевали» [7, с. 40]. Вообще современному населению присуще понимание необходимости жить мирно. Один из наших рассказчиков так закончил повествование о прошлых военных столкновениях: «Сейчас пенцы, ханты — все вместе живут».

Следующие разделы обеих частей сборника непосредственно связаны с актуальными верованиями обских угров (№ 54—78, 159—177). В них включены рассказы, в которых нашли отражение представления хантов и манси о духах, о шаманах, о душе и судьбе умерших, о сверхъестественных существах, обитающих в заброшенных жилищах, водоемах, тайге и т. д.

Среди этих текстов встречаются как былички, так и бывальщины. Былички либо рассказываются очевидцами, либо в них излагаются события, происшедшие с какими-либо другими конкретными лицами. В последнее время рассказчики, особенно молодые, стали указывать источником информации не отдельных лиц, а ссылаться на «хантов», имея в виду старшее поколение (см., например, № 58). Считается, что все описываемые в этих рассказах события имели место в действительности, хотя, с нашей точки зрения, реальные факты часто переплетаются здесь с фантастикой. В архивных материалах В. Н. Чернецова имеется такая запись: «В Нижних Нарыкарах я встретил старика И. П. Яркина, который в присутствии взрослых и детей

убежденно рассказывал о том, как он однажды повстречался с одноголовым менквом» [11, № 869, д. 38, л. 49]. Подобную убежденность в реальности своих рассказов высказывали и наши информанты.

Былички, вошедшие в сборник, за редким исключением, относятся к мифологическим, по терминологии Е. М. Мелетинского [76].

Если в быличках человек лишь фиксирует присутствие духа или сверхъестественного существа либо слегка соприкасается с ним (причем для ее героя этот контакт бывает, как правило, вынужденным: в отличие от героя мифа или сказки он не стремится помериться с ними силами), то в бывальщинах герой вступает с этими существами в непосредственный контакт и даже противоборство. В них повествуется о посещении иных миров, удачных или неудачных браках, взаимных услугах или состязаниях. Многим из этих рассказов присущ правоучительный пафос, они истолковывают правила поведения, преследуют воспитательные цели.

В рассказе о путешествии семьи шаманов на небо (№ 55) отражены представления о его чистоте: туда можно попасть только с новыми, чистыми вещами (согласно религиозным верованиям хантов, жертвы небу и небесным богам должны быть белого цвета). В рассказе «Обиженный огонь» (№ 54) на первый план выступает правоучительный аспект: как дорого приходится платить человеку за нарушение правил обращения с этим важнейшим «существом».

Рассказ «Музыкальный мыс» (№ 57) бессюжетен, это, собственно, этнографическое сообщение. Но он представляет интерес для понимания значимости музыки как части устного народного творчества. Умение играть на музыкальных инструментах изображается как сверхъестественный дар, связанный с миром духов. Подобные воззрения проступают и в других текстах нашего сборника (см., например, № 66).

Рассказы о встречах с мамонтами Вэс (№ 58, 59) интересны тем, что в них выражено разное отношение к описываемым событиям и тем самым раскрывается судьба фольклорной традиции. Один из них ведется от первого лица, т. е. это своего рода «первоисточник». Но «очевидец» — это молодой хант, окончивший школу, и он критически относится к рассказам стариков, считает их преувеличениями. Он находит компромиссное решение: «Вэс может заглотить целый пароход — ханты говорят, старики. Они неграмотны, я в это не верю. Но лодку перевернуть Вэс может». В другом случае рассказу придан юмористический оттенок, отвлекающий внимание слушателей от главного события — встречи с Вэс — и тем самым понижающий значение этого факта.

Особую тематическую группу образуют рассказы о контактах живых с миром мертвых, иллюстрирующие представления хантов и манси о смерти и последующей судьбе умершего. Мысль о том, что умерший продолжает существовать и с ним (его душой) можно встретиться, отражена в текстах № 60—62, 64—66, 162—163, 165. Из них следует, что умершие (их души) продолжают вести обычный образ жизни: едят, пьют вино, играют на музыкальных инструментах, имеют своего шамана и т. д. Вместе с тем мир мертвых противопоставляется миру живых не только внешними условиями («когда у вас ночь, у нас день»), но и в социальном плане. Впрочем, последний момент объясняется скорее не традиционными верованиями, а заимствованными идеями (например, идея возмездия).

Еще одна группа текстов посвящена «лесным людям» (№ 69—72, 169, 170). Они известны под разными именами: мис, миш, Унху, Вор-лунк и др. У манси различаются Вор-Мис-нэ «Лесная женщина Мис» и Вит-Мис-нэ «Водяная женщина Мис». Иногда рассказчики называют их духами, но чаще подчеркивается, что это «такие же люди, как мы». События в рассказах развиваются практически по одной схеме: герой (героиня) встречается с лесной или водяной женщиной (мужчиной), которые уводят человека в лес либо приходят к нему в дом и выступают в качестве «чудесного супруга». Обычно человек стремится обратно домой, его отпускают и награждают охотничьим счастьем, но вскоре после этого он умирает.

У хантов и манси существует большой цикл рассказов о менквах (Сэвс-ики) — сверхъестественных существах, считавшихся в некоторых районах родителями лесных людей. В рассказах повествуется о встречах людей с этими существами. В нашем сборнике одна часть рассказов помещена в группе текстов об Эква-пырисе (Альвали), а другая — в разделе, где действуют обычные люди. Из них становится ясным, какими рисовались в воображении народа менквы — Сэвс-ики — и их взаимоотношения с людьми. По наиболее распространенному мнению, это антропоморфные существа, однако в некоторых хантыйских рассказах выступают зооморфные черты менквов (№ 73, 75). В фольклоре северных обских угров менквы тесно связаны с медведем. Прекрасной иллюстрацией этому служит мансийский рассказ «Человек с реки Казым» (№ 166). Основной его смысл сводится к запрету присутствовать на фратриальных медвежьих обрядах представителям другой экзогамной половины, в данном случае — зятю. Нарушителя уносят с праздника менквы и по распоряжению Ялп-ус-ойки едва не доводят своими танцами до смерти. В тексте № 73 менкв самостоятельно наказывает человека за то, что тот мучает зверей, т. е. за нарушение экологического запрета.

Один из хантыйских текстов (№ 76) интересен в жанровом отношении. Это диалог человека и Менк-ики, состязание в отгадывании загадок. Как эпизод он встречается и в мансийском тексте (№ 172). Обращает на себя внимание, что у манси менквы рисуются менее враждебными по отношению к людям, чем у хантов.

Менкв, излюбленный персонаж хантыйских и мансийских суеверных рассказов, фигурирует и в сказках. Впрочем, грань между ними и сказками не всегда легко провести. В нашем сборнике раздел сказок условно начинается с № 77 (ханты) и № 179 (манси). Одни сказки включают национальные мифологические мотивы, другие являются переработкой заимствованных сказок, в которые введены элементы и приметы исконного быта и мировоззрения; некоторые тексты совмещают в себе то и другое. К лучшим образцам обско-угорской сказки в нашем сборнике можно отнести текст № 88 («Подобно Осиновому Листу Верткий Муж»).

И в хантыйских и в мансийских сказках наиболее популярны такие сказочные персонажи, как лесная ведьма (№ 83—85, 180, 181), неверная сестра (№ 89, 186), младший брат (№ 83, 85, 187, 188).

Тексты о лесной ведьме Кирп-юлуп-ими (Сопливноносая женщина, или Длинноносая женщина) и женщинах-людоедках близки рассмотренным выше группам о менквах и Мось-Пор. В рассказах такого рода, как

и в некоторых героических сказаниях, бросается в глаза определенная натуралистичность в сценах расправы с врагом: развешивание кишок, протыкание живота, снятие скальпа и т. п. Объяснение этому можно видеть в условиях жизни и истории народа: охотник и рыболов, постоянно убивающий и разделывающий дичь, воспринимает подобные детали более естественно, чем представители иного уклада жизни.

Публикуемые материалы могут дать фольклористам немало информации о процессе развития обско-угорской сказки. Для примера сравним изложение международного сюжета о неверной сестре (АТ 315). В хантыйской сказке (№ 89) события развиваются в лесу в небольшом поселении; персонажами являются старик со старухой, их дочь (неверная сестра), сын, жена сына, сверхъестественное существо Сэвс-ики, медведица, лосиха, собака, лосенок, медвежонок; из предметов фигурируют молоко, пуговница, зуб животного, подушка, дом с семью комнатами. Как герой, так и предметы в основном относятся к привычному окружению и образу мыслей хантов. В мансийской же — более поздней — сказке (№ 186) к обычному месту действия (лесу) добавляется морской берег и царский дом, к предметам — кринка, умывальник, инструменты для подковки коня, волшебный клубок и т. д. Вместо лесного существа Сэвс-ики действует богатырь, появляются такие персонажи, как служанки и работники, среди животных упоминаются свинья, курицы, и вводится образ «чудесной» супруги — лебедя. Любопытна еще одна деталь. В хантыйской сказке неверная сестра умерщвляет брата, подкладывая в его подушку зуб животного, который вонзается ему в ухо. В мансийской сказке сестра с мужем обматывают героя проволокой, и «этот зверь-проволока врезался ему в тело». Новый элемент — проволока — ассоциируется здесь с привычным понятием — зверь. Композиция мансийской сказки усложнена по сравнению с хантыйской включением многих новых сюжетных ходов, иногда кажущихся искусственными вставками.

Остановимся на образе «низкого», «не подающего надежд» героя. Этот вопрос был затронут выше, при характеристике серии рассказов об Эква-пырисе. В сказках образ «низкого» героя проявляется более отчетливо и многосторонне. Вероятно, появление его в фольклоре обских ургов объясняется, с одной стороны, внутренними процессами развития (появление социально обездоленной личности как проявления начал классового расслоения), а с другой — иноэтничным влиянием или прямым заимствованием. Примером первого рода может служить сказка о Ратпархо-Хишпархо, младшем брате, сидящем целый день у очага и копающемся в золе (№ 85). В заимствованных же сказках «низкий» герой имеет и другие уничижительные признаки: долго не взрослеет, у него парша, он «неправильно» выполняет работу — запрягает коня задом наперед, вырывает деревья с корнями и т. д. Однако в серии испытаний он выходит победителем, причем заимствованному «низкому» герою иногда приписывают поступки персонажей из обско-угорского фольклора. Например, в сказке «Плешивая Голова» «низкий» герой встречается с птицей Карс, как и мифологический Эква-пырьс [6, с. 28].

К числу восточноевропейских сказок, в незначительной мере переработанных на собственный лад, относятся хантыйские тексты № 90—92 и мансийские № 181—189.

Завершают разделы детские сказки и стишки-диалоги. Это короткие рассказы почти исключительно о животных. Среди них — очень распространенный у разных народов мотив о лисе, крадущей пищу. Хантыйский текст (№ 94) выглядит более традиционным, в нем отражены реалии охотничье-рыболовецкого быта. В мансийском тексте (№ 194) соединены два эпизода; один из них повторяет хантыйский рассказ, а другой несет в себе черты новых веяний: во-первых, в нем Лис превращается в «сопливого, паршивого мальчишку», т. е. приобретает черты «низкого» героя; во-вторых, здесь фигурируют заимствованные элементы быта: крещение ребенка, хранение жира в кринке и др.

Сказки «Воробышек с сестренкой» (ханты, № 95) и «Мышонок — Земляной Братец» (манси, № 192) привлекают внимание сходством героя с Альвали и Эква-пырисем. В первой герой вступает в противоборство с Сэвс-ики и побеждает его. Во второй Мышонок живет с бабушкой, выступает создателем благ (лодки и весла); концовкой служит широко распространенный эпизод с омолаживанием бабки.

Другие сказки повествуют о различных событиях в жизни зверей и их взаимоотношениях. Здесь истории о запугивании и хвастовстве (№ 96, 97, 191), о неуживчивости и поисках друга (№ 195, 196), о лени (№ 193). Стишки-диалоги, обычно состоящие из вопросов и ответов, несут в себе информацию о явлениях природы и животных (№ 101, 102, 197—199). Так, ноги птички сравниваются с подпорками шалаша, нос — с лопаточкой, язык кошки — с подпилком и т. д. Благодаря форме изложения подобные тексты легко запоминались детьми. Завершают разделы детских сказок как в хантыйской, так и в мансийской частях рассказы о двух-трех товарищах (платок, ягода и т. д.), их дружбе-противостоянии и гибели (№ 103, 104 и 200).

Локальные особенности и связи. Рассматривая устное творчество двух народов, следует хотя бы вкратце остановиться на сходстве и различиях в этой сфере. Многие исследователи обско-угорской культуры считали как бы эталоном северные группы, где много сходного у хантов и манси. Много общего у этих групп и в народной поэзии, чем объясняют, в частности, большое число слов, заимствованных из сестринского языка [117, с. 187]. В предисловии же к новейшему венгерскому изданию хантыйских и мансийских сказок отмечено, что хантыйский фольклор, несмотря на огромное сходство, отличается от мансийского. Он более архаичен и историчен, более дифференцирован по жанрам, у него богаче мифологический пласт, много неразгаданных отрывков и имен. Если у манси ощущается какой-то «слабый европейский ветерок», то ханты законсервировали «более суровые палеосибирские ветры» [14, с. 88]. И на материалах нашего сборника можно заметить, что у манси больше заимствованных европейских мотивов и целых сказок.

Определенные различия существуют и в фольклоре разных групп одного и того же народа. Например, у восточных манси в отличие от северных нет рассказов об Эква-пырисе, не упоминается об оленеводстве, больше распространены русские сказки [66, с. 87].

При всем своеобразии обско-угорского фольклора в нем, разумеется, встречаются и сюжеты, образы, мотивы, известные у других народов. К их числу относятся, например, мотив ныряния птиц за землей или

облет ее вороном, происхождение созвездия Большая Медведица, превращение женщины в кукушку из-за непослушания детей, поиск собакой хозяина и много других.

Сложный процесс формирования обско-угорской мифологии и фольклора можно проиллюстрировать на примере многогранного образа Мир-сусне-хума (он же Эква-пырьсь, Альвали и пр.). Еще Б. Мункачи высказал мысль, что небесный всадник Мир-сусне-хум — это солнечное божество [119, с. 191]. Версия получила развитие в работах других авторов, новейшая из которых принадлежит В. Н. Топорову. Он связывает Мир-сусне-хума с иранским Митрой по следующим признакам: это всадник на белом коне, седьмой сын верховного божества, посредник между небом (богом) и землей (людьми), который дружелюбен с ними; наконец, его отношение к Калтась как к матери и сестре напоминает связь Митры и Анахаты, столь характерную для иранской мифологии [96].

Мир-сусне-хум в более заземленной фигуре «разорителя гнезд» встречается в рассказах о птице Карс. Эти тексты во многом соответствуют кетскому мифу о разорителе гнезд, который рассматривается как след архаического мифа, занесенного в Америку еще с первыми волнами миграций из Евразии [60, с. 132—141]. В некоторых обско-угорских текстах герой назван Плешивоголовым. Образ плешивого паршивца очень популярен в сказках народов Средней Азии, встречается у тюркских и монгольских народов. Под именем Эква-пырьсь (Альвали) тот же герой выступает в роли трикстера, в которой он особенно близок енисейскому трикстеру и селькупскому Иче; параллели имеются также в иганасанском и энецком фольклоре. В конце многих рассказов об Эква-пырьсе (Альвали) имеется мотив сжигания людоеда и превращения его пепла в комаров, широко распространенный у народов Сибири и известный у индейцев Южной и Северной Америки. Наконец, в позднейших сказках русского происхождения Эква-пырьсю приписываются имя и поступки Иванушки-дурачка.

Исследование типологических и генетических связей обско-угорского фольклора — задача будущего, а приведенные примеры лишь показывают, сколько открытий может ожидать здесь специалистов.

* * *

Исходя из того, что это первое крупное издание повествовательного фольклора на русском языке, мы стремились по возможности полно представить его сюжетно-тематический состав и попытаться отразить традицию в ее различных проявлениях. При отборе и подготовке текстов учитывались следующие соображения и обстоятельства.

В этнографической литературе хантов и манси нередко описывают вместе, но фольклор их публикуется раздельно. В данном издании объединены оба подхода: при общем предисловии тексты разделены на хантыйскую и мансийскую части. Учтено и деление обоих народов на крупные диалектно-этнографические группы: мы стремились включить в сборник тексты каждой из них. При отборе материалов использовались и старые и новые записи — как опубликованные, так и архивные, чтобы проследить живучесть фольклорной традиции и ее трансформацию в течение почти полутора веков.

Реальность обско-угорской фольклористики такова, что в этих источниках не оказалось достаточного количества русских переводов с полноценных фольклорных записей. Современные же лингвисты и собиратели, даже владеющие родным и русским языками, испытывают трудности в переводе из-за большого числа архаизмов, отсутствующих в живой речи¹¹; по некоторым диалектам специалистов вообще не оказалось. Поэтому при подготовке издания проведен широкий поиск источников и привлечены материалы 29 собирателей, но, несмотря на это, подборку текстов нельзя считать равноценной. Лучшими образцами являются рассказы прекрасных знатоков фольклора, записанные на национальном языке и переведенные на русский специалистами, владеющими обоими языками. В ряде случаев переводы сделаны совместно рассказчиком и собирателем. Для того чтобы достаточно полно представить в сборнике сюжетный состав обско-угорского фольклора, пришлось сделать перевод некоторых текстов не с оригинала, а с его немецкого перевода¹². Кроме того, в издание вошли тексты, рассказанные по-русски (что отражает и современное состояние самой фольклорной традиции). Это главным образом записи последних лет у восточных хантов, по которым практически отсутствуют публикации на национальном языке; они могут быть полезны своей информацией о сюжетах и героях.

Как уже отмечалось, часть материалов публиковалась ранее, в том числе и на русском языке, но в настоящее время эти издания почти недоступны. Многие тексты специально переведены для данного сборника и публикуются впервые.

Название, если оно отсутствовало у рассказчика, было дано собирателем либо составителем. Народные названия чаще всего даются по имени главного героя, например «Женщины Мось сказка» или «Эква-пырьсь»; но содержание одноименных сказок может быть самым разным, поэтому в некоторые названия необходимо было внести уточнения.

Многие имена, отражающие происхождение, внешний образ, привычки героев, даны в русском переводе, например Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света¹³. Наряду с такими антропонимами имеются и имена без нарицательного значения (Альвали, Лампаск), которые трудно перевести на русский язык. Но чаще всего герои безымянны и указаны лишь их родственные взаимоотношения: старик и старуха, тетя и племянник и т. п. У северных групп нередко в мансийское имя героя включены хантыйские слова, и наоборот. Рассказчику и слушателям это понятно, но перевести бывает трудно, так как не всегда известно, из какого языка взята та или иная часть имени. Из-за трудностей с переводом некоторые имена в текстах нашего сборника оставлены в той форме, в какой они записаны на родном языке.

Лингвистические цели при подготовке издания не преследовались. Тексты записаны у носителей нескольких диалектов хантыйского и мансийского языков одновременно, многими собирателями, с применением разных транскрипций, поэтому могут встречаться различия в написании одних и тех же терминов. Мы стремились наиболее часто встречающиеся термины привести в текстах к единообразию, а в словаре дать и варианты.

В опубликованные ранее тексты иногда вносились лексические и орфографические уточнения, сделана небольшая правка с учетом характера

издания, убраны затрудняющие чтение скобки (в скобках оставлены лишь пояснения рассказчиков, данные ими в процессе изложения). Сложные имена на национальных языках даются через дефис; на русском языке компоненты имен собственных пишутся с прописной буквы.

В примечаниях к текстам указаны имена собирателя и переводчика, время и место записи, имя и возраст рассказчика, ссылка на публикацию. Имя переводчика не указано в тех случаях, когда оно неизвестно либо запись сделана с рассказа по-русски. О некоторых рассказчиках даны более подробные сведения в отдельной части (после примечаний).

Неопубликованные записи А. Баландина, И. Ерныхова, Е. Кузаковой, А. Пики, Н. Сайнаховой, В. Соловар хранятся в их личных или семейных архивах. Материалы Н. Лукиной, Г. Пелих, В. Чернецова взяты из архива Музея археологии и этнографии Сибири при Томском университете, а текст И. Каскина — из архива Тобольского гос. историко-архитектурного музея-заповедника. Часть архивных материалов подготовлена к сдаче в наш сборник не собирателями или переводчиками, а другими лицами (М. Вахрушева-Баландина подготовила № 106, 108, 112, 148, 150, 152; Е. Мартынова — № 42; Н. Лукина — № 4, 110, 116, 117, 123, 124, 138, 139, 149, 153, 155, 158, 159, 166, 171—173, 175, 176, 190, 192—194; 197—200).

В примечания включены также комментарии, раскрывающие смысл тех или иных эпизодов и формул, бытовые реалии и религиозные представления, исторические факты, места происходящих событий и т. п. (все это комментируется при первом употреблении или упоминании). Часто встречающиеся этнографические термины и имена персонажей разъяснены в словаре, куда вошли также и топонимы.

При подготовке комментариев и словаря использованы сведения, приведенные собирателями и переводчиками. Особенно широко привлекались данные И. Авдеева, С. Патканова, В. Чернецова, В. Штейница; к текстам, переведенным Е. Шмидт, почти все комментарии составлены ею.

Выражаем глубокую признательность венгерской фольклористке Еве Шмидт за ценнейшие консультации и конкретные сведения по обско-угорскому фольклору, а также кандидату исторических наук Е. С. Новик за серьезную помощь в ходе всей работы над сборником. С благодарностью приняты и конкретные предложения по доработке книги, высказанные в рецензиях кандидата филологических наук Е. А. Хелимского и кандидата исторических наук В. Я. Петрухина.

Н. В. Лукина

Примечания

¹ Они упоминаются в самых разных источниках по религии обских угров. Первые подробные сведения приводятся в книге Гр. Новицкого [81]; новейшая работа, посвященная специально культовым местам манси, написана И. Н. Гемуевым и А. М. Сагалаевым [56].

² У обских угров известны и другие музыкальные инструменты: 9—13-струнная арфа (хант. *тороп-юх*, *тоорсап-юх*; манс. *торысь-йив*), 1—2-струнная скрипка (хант. *нерь-юх*, *кукуль-юх*; манс. *нэрнэ-йив*) и скрипочка (хант. *нинг-юх*), музыкальный лук (манс. *ёв*), деревянный или косяной варган (хант. *тумран*, *конколь-лонколь*; манс. *тумра*), деревянная трещотка (хант. *тори-нёдэль*; манс. *гарих-нёле*), деревянная жужжалка (манс. *ныгалака*), деревянная чуринга-завывалка (манс. *вот-вовнэ-тоул-парт*),

бубен (хант. *куюл*; манс. *коюл*), свистки, дудки, пищалки из дерева, тростики, кости, пера [55, стб. 1026].

³ Сведения о народной терминологии почерпнуты нами из опубликованных и устных сообщений М. П. Вахрушевой-Баладиной, А. М. Коньковой, Н. В. Сайнаховой, Н. И. Терешкина и Е. Шмидт; пользуясь случаем выражаем им свою признательность за помощь.

⁴ В жанровой терминологии манси Е. Шмидт выделяет еще одну специальную группу терминов для обозначения более мелких и однородных массивов текстов. Большинство жанров, обозначенных подобными терминами, связано со словесной магией, именно поэтому для манси важны их различия и точные названия [109, с. 52]. Эта терминология дифференцирована, поскольку основой деления выступает здесь функция без указания на форму произведения, а один и тот же жанр может обозначаться несколькими терминами. Обычно термин включает одно-два слова, но изредка они состоят из четырех и более слов, например *сатмил-кастул-кай-сов* «слово-призыв к богу». Кроме того, существует особый термин для загадок *аматси, моньсюпсы, муйвыты* (хант.); *амьсы, омэлиш* (манс.).

⁵ Е. Коренчи возводит обско-угорскую праформу слова «песня» к староиранскому периоду (IX—III вв. до н. э.) и сравнивает его с близким египетским термином, обозначающим «отправление церковной службы» и «пение» [122, с. 40, 52—53]. Более широкие фонетические и семантические связи лексики с корнем *ar-ir* приводит Е. А. Алексеев [52], обнаруживал их в тюркском (начиная с общедревнетюркского), праенисейском и финно-угорских (включая венгерский) языках, что позволяет отнести их к эпохе урало-алтайской общности.

⁶ Это только одна из групп песен, вообще же *арых-эрыг* включают множество жанровых и тематических групп, в том числе песни-импровизации отдельных лиц, песни с устоявшимся текстом, песни, сопровождающие танцы, и т. д. (их классификация впервые была предложена Б. Мупкачи [29], другой вариант дан В. Н. Чернецовым [64], новейший подход к этому вопросу изложен Е. Шмидт [107]).

⁷ В нашем сборнике имеются рассказы об охоте двух мужчин, предков рода Пастэр, на лося, но без эпизода с отрубанием ног; этимологический финал этих рассказов объясняет не происхождение созвездий, а расселение рода на различных территориях (см. № 43, 158).

⁸ Интересно, что изображения лося в сочетании с солярным символом и охотничьей загородкой имеются на наскальных писаницах Урала, а изображения медведя (и других животных) в сочетании с солярным и астральным символом — на ритуальных палицах, применяемых во время медвежьих праздников. В. Н. Чернецов, анализируя эти рисунки, приходит к заключению, что в них нашла отражение календарность обрядов, связанных с охотничьей и промысловой магией [100, с. 89].

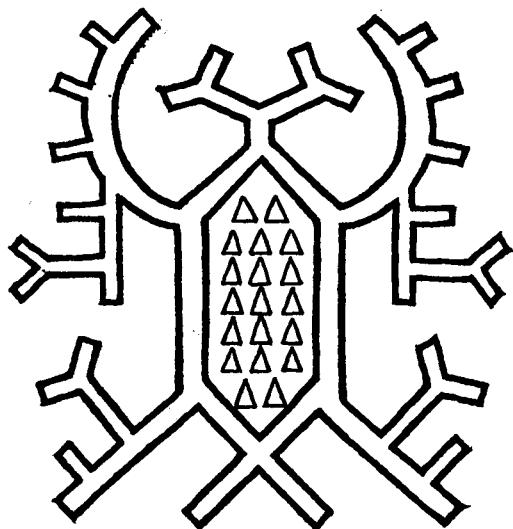
⁹ По поводу первого из имен можно отметить, что его составные элементы фигурируют и как два разных имени — первого мужчины Пырьис и первой женщины Эква, от которых пошел «весь вогульский род». Вероятно, это обстоятельство дало основание А. Н. Баладину считать имя Эква-пырьис мифологическим, более ранним по сравнению с именем Мир-суснехум. По его мнению, буквальный перевод Эква-пырьис «Сынок женщины» указывает на древний характер происхождения антропонима; в современной номенклатуре родства этот термин отсутствует [3, с. 66].

¹⁰ Оно содержится в неопубликованном мифе, хранящемся в Тобольском музее-заповеднике. Сюжет мифа совпадает с № 105—106.

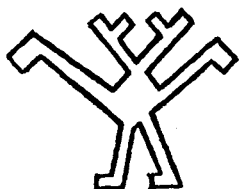
¹¹ О языке фольклора см. [54].

¹² Ряд из них — на диалектах северных хантов и северных манси — проверены по оригиналу с Е. Шмидт (№ 26, 27, 28, 31, 35). При этом выяснилось, что только в одном из изданий [48] немецкий перевод был несколько упрощен; в частности, в нем выпущены фольклорные формулы.

¹³ Об именах фольклорных персонажей см. [133].

**МИФЫ,
ПРЕДАНИЯ,
СКАЗКИ
ХАНТОВ**

1. Сотворение мира

Не было ни земли, ни воды, был только один Нум-Торум. Был у Торума дом в воздухе; на расстоянии трех аршин от дверей лежала доска, и только по этой доске ходил Торум, когда он выходил из дома. И ел и пил он только мед и сур. День и ночь он бывал дома, только два-три раза в день выходил гулять. Когда он приходил с прогулки, то садился на место-перину, садился и думал.

Однажды во время его размышлений капнула капля сверху на стол. Капля скатилась со стола, упала на пол, и вышел младенец — женщина Еви¹. Маленькая девочка открыла дверь и вошла в другую комнату. Когда она оделась в этой комнате в платье, неизвестно откуда полученное, и вышла к Нуму, то он бросился ей на шею, поцеловал ее и сказал:

— Будем с тобою век жить.

Долго жили, коротко жили, у них родился сын. Сын рос очень быстро, потому что такие люди быстро растут, и вышел однажды на преддверную доску гулять. Отец и мать говорили ему:

— Далеко не ходи, ты можешь с этой доски упасть.

Он их успокоил, говоря, что не упадет. Вдруг сверху спустилась бумага² прямо к сыну Нума и прильнула к ладони правой руки. Бумага эта поднялась вместе с ним кверху, и он пришел к дедушке. Тот его спросил:

— Ты пришел ко мне?

— Да, я пришел.

— Как поживаешь?

— Ничего живу.

Дедушка спросил его:

— Что у тебя есть там, внизу, кроме домика, широко ли там или узко?

И он ответил ему:

— Ничего не знаю, широко или узко.

— А есть ли вода или земля?

— Ничего не знаю. Вниз смотрю: везде широко, не видно ни земли, ни воды.

Тогда дедушка дал ему в руки земли и ту бумажку, с которой он поднялся кверху, и спустил его обратно в домик к Нум-Торуму, сказав на прощание:

— Когда ты спустишься вниз, то сбрось с преддверной доски землю вниз.

Когда он спустился, то землю всю высыпал вниз и пришел в дом, который был золотым. Тогда отец и мать спросили его, где он так долго ходил. Он им ответил, что был на улице, на доске, и играл. На другой день дедушка сам спустился в золотой дом Нум-Торума. Его напоили и накормили. Дедушка спросил у мальчика:

— Знаешь ли ты, кто больше — сын или отец?

Он ответил ему, что отец-бог выше сына. Отец и мать стали спорить, что есть один бог. Дедушка сказал им:

— У вас ума нет, маленький умнее вас.

Затем дедушка скрылся. На другой день мальчик опять вышел на ту же доску, посмотрел вниз и увидел землю, но леса нет. Тогда он прибежал к родителям и сказал, что увидел землю, и стал просить спустить его вниз. Его посадили в золотую люльку и спустили на веревке вниз. Когда он, спустившись, правую ногу выставил из люльки на землю, то нога стала тонуть как будто бы в няше. Тогда отец обратно поднял его. Мальчик рассказал, что спустился, но земля жидкая. Мать стала говорить:

— Ну ладно, сынок, завтра вместе спустимся, сама посмотрю.

Назавтра, утром раненько, спустились оба в люльку. Спустились оба вниз, и вот мать действительно увидела, что земли нет, а есть жидкое болото. Она сначала стала на ноги, потом пришлось нагнуться и уцепиться руками. И вот стала она тонуть и скоро совсем скрылась. Мальчик остался и заплакал. Наконец он потянул за веревку, отец его поднял и стал спрашивать:

— Почему плачешь и где мать?

— Мать, — говорит он, — утонула в болоте.

Отец стал его утешать и сказал:

— Скоро ли, не скоро ли, но все равно все умрем.

Скоро, однако, мать вышла из комнаты смеющаяся и стала говорить сыну:

— Зачем ты плакал? Все равно, когда мир будет на земле, то дети будут также оплакивать своих родителей. Скоро будут деревья и трава на земле, потом народятся везде люди.

На другой день, поутру, мальчика опять опустили на землю. Он вышел из люльки и побежал по земле: болота не было, земля укрепилась. Мальчик из земли сделал двух людей — мужчину и женщину. Когда он на них дунул, они ожили. Потом Торум создал морошку и бруснику — красную ягоду. И сказал Нум-Торум людям:

— Вот вам морошка и красная ягода — питайтесь ими.

Потом он им сказал:

— Когда я уйду от вас, то придет Куль и будет вас соблазнять. Вы ему не верьте, пока я не приду сам; когда приду сам, то скажу иначе.

Он пошевелил веревкой, его подняли кверху. Тогда Куль пришел к вновь созданным людям и стал спрашивать:

— Что? Торум повелел вам есть морошку и красную ягоду?

И он дал им горсть черемухи и сказал:

— Вы едите морошку и красную ягоду — от нее сытости нет, а вот если съесть эту горсть черемухи, то от нее навсегда будешь сыт.

Они не думали есть, но Куль уговорил их. Они съели и почувствовали, что сыты. Куль скрылся. Они продолжали есть черемуху. Когда Торум пришел на землю и стал спрашивать, что они едят, они показали.

— Зачем вы послушались Куля: он соблазнил вас!

Торум пошевелил их рукой, они упали в разные стороны замертво. Торум дунул на них, они опять ожили. Потом он им сказал:

— Я вас оживил. Смотрите, придет опять Куль, будет вас соблазнять — вы его не слушайте, ешьте морошку и красную ягоду, которые я повелел вам есть раньше.

Затем он создал зайца и сказал им:

— Этого можно есть.

Затем позволил им есть и малину.

— Смотрите, — сказал он им на прощание, — не давайте себя соблазнять Кулю; ведь вы уже были мертвые, верьте, что потому, что дали себя соблазнить Кулю. Теперь я вас опять оставлю здесь, и, если Куль будет вас соблазнять, не слушайте его слов, пока я не приду.

И показал он им три дерева: сосну, лиственницу и березу. После ухода Торума явился Куль и стал спрашивать:

— Зачем вам есть эту малину, что в ней сытного? А вот есть кедр — высокое дерево, на нем шишки. Возьмите эту шишку, и будет у вас полная горсть орехов, и вы будете сыты.

Когда они съели эту шишку, то увидели, что они нагие, и стали друг друга стыдиться, потом соблазнились друг другом и согрешили. После этого они спрятались в траву. Когда пришел Торум и стал их звать, они откликнулись чуть слышно.

— Почему вы спрятались? — спросил он их.

Когда он подошел к ним, они оба сидели на земле и не могли встать на ноги. И сказал им Торум:

— Вот я создал для вас оленей, овечек, зайцев, коров и лошадей; кожей их вы будете одеваться. Я говорил вам, что не нужно есть, вы не послушались, теперь оставайтесь на земле.

Не оставил Торум им ни огня, ни котла, оставил только сырое мясо и сам ушел вверх, на небо. Спустя некоторое время Торум посмотрел с неба вниз и увидел неисчислимое количество людей на земле — столько, что им стало тесно и они начали воевать друг с другом. «Что из этого выйдет? — подумал Торум. — Надо дать им зиму, чтобы они мерзли». И народ стал мерзнуть и умирать от мороза. Потом Торум стал размышлять, отчего осталось так мало народу. И он опять спустился на землю.

Ходил он по земле и думал. Увидел камень и приложил руку к этому камню, и пошел жар от камня. Возле него лежал маленький камень. Когда он взял маленький камень и ударил о большой, то большой рассыпался — и из него вышла женщина-огонь. От камня пошла дорога, неизвестно куда ведущая, но очень широкая. Еще из камня образовалась не целая лодка, то ли нос, то ли корма ее — неизвестно. Взял Торум опять камешки и стал друг о друга ударять, и показался огонь. Тогда Торум сделал из березовой коры трут, изрубил дерево, наколот дров и развел огонь. Когда он развел огонь, то собрал народ и стал отогревать у этого огня.

Потом стал он думать о том, что нельзя людям жить без варева, и сделал котел (из железа ли, из камня ли — неизвестно). И он принес в этот котел воды, повесил котел на палки, убил скотину (то ли корову, то ли овцу — неизвестно). Когда все сварилось, Торум сам сел, закусил, и ему показалась пища вкусной. Накормил он остальных, оставшихся в живых, сказав им:

— Вот я вам показал пример, как вам варить: вот огонь, вот вода; как я делал, так делайте и вы. Если будете зябнуть, разложите огонь — отогреетесь. Что добудете и что где достанете — вот так варите и пеките. Питайтесь той пищей, которую я вам посоветовал.

Потом он им показал, как добывать птицу перевесами, рыбу — гимгами, как неводить, как колыданить и всякие промыслы. Затем сказал народу:

— Больше я не приду к вам, так и живите³.

Когда Торум поднялся вверх, то спустя некоторое время стал опять смотреть вниз на землю. Видит, что народ размножился, все трудятся. И стал думать: «Вот сколько расплодилось народу, соблазнил их дьявол». Позвал Торум к себе Куля и говорит:

— Ты без моего позволения никого не тронь, не соблазняй, пока не скажу. Когда скажу, укажу на старого или молодого, того и возьмишь⁴. Половину народа ты возьмишь, а половина останется мне.

2. Как кулик землю достал

Всех зверей ханты убивают, только кулика-люли не убивают. Он землю наверх поднял, когда наводнение было. В Ханты-Мансийске есть семь холмов, это он поднял их. Когда чек-най¹ был, земли после этого не стало. Кон-ики-пах² — ему негде охотиться — думал, думал. Люли послал и говорит:

— Хотя бы землю достать для охоты.

Люли нырял, вынырнул без земли. Второй раз — опять без земли. Третий раз вышел с землей. Кон-ики-пах там охотился.

3. Черт и бог

Черт пришел к богу и говорит:

— Дай мне то, что я у тебя попрошу.

Бог сказал:

— А это у меня есть?

Черт сказал:

— Есть.

Бог сказал:

— Ну ладно, дам.

Черт сказал:

— Дай мне солнце и месяц.

Бог отдал черту солнце и месяц. Черт стал в темноте людей есть. Так легче темные дела делать, разбойничать стал. Сын к богу пришел и говорит:

— Зря ты отдал солнце и месяц, пойдя и заведи назад.

Бог говорит:

— Да неудобно теперь, раз уж отдал.

Сын говорит:

— Раз вы теперь друзьями стали, то почему неудобно?

— А как я возьму?

Сын говорит:

— Раньше черт жил без месяца и солнца, он не знает, что такое тень. Попроси у него тень. Если не отдаст, то ты солнце и месяц заведи.

Пришел бог к черту и говорит:

— Дай мне то, что я попрошу у тебя.

— А это у меня есть?

— Есть,— говорит бог.

Вот сели, сидят. Бог показывает на тень и говорит:

— Дай мне вот это.

Черт ловил и не мог поймать. Тогда бог забрал солнце и месяц, снова светло стало.

4. Сюнькан-икиган

Сюнькан — солнце, ики — месяц (старик). Старик приехал к снохе и говорит:

— Сшей мне лисью шубу.

И просит еще сшить шубу из волка, зайца, горноста. Сноха склеила эти шкурки¹ и дала старику. Старик надел и стал кататься с горы на гору. Шуба на четвертый раз порвалась. Все шкуры стали зверьими и разбежались. Он голым пришел к снохе и отругал ее:

— Пойду на твоего отца войной.

Собрал он воинов. А сноха взяла крючок, поддела солнце с месяцем и спрятала в сундук. Старику стало темно идти войной. Он несколько дней не ел, не пил, пришел к снохе:

— Отпусти солнце, мне поесть и попить надо.

Она говорит:

— Ты же хотел на моего отца войной идти.

— Не буду воевать.

Тогда спиха отпустила солнце и месяц. Старик воевать не стал.

5. Дочери солнца и месяца

У старика со старухой были сын и дочь. Дочь в деревне всех людей глотала. Мальчик узнал об этом и спрашивает у матери:

— Кто тебе больше нравится — сын или дочь?

Та отвечает:

— Дочь.

Он заплакал, ушел. Дочери солнца пришли в озеро купаться, а он шкуру лебедя надел на себя и плавает. Дочери солнца его с собой взяли. Он живет на солнце, одна за него замуж вышла. Он днем уходил от солнца и плакал. Дочери солнца спрашивают у него:

— Что ты плачешь?

— Я обо что-то ударился.

Солнце пришло в то место и спрашивает у того:

— Ты зачем его обидел?

А тот отвечает:

— Он по дому скучает, потому и плачет.

Солнце говорит:

— Ты почему не говорил, что по дому скучаешь? Сходи домой.

Дочь солнца дает ему гребешок и камушек. Когда он ехал домой на землю, его сестра уже родителей съела и их черепами играла. Всю деревню съела и теперь черепа родителей кидает. Если вверх лицом упадет, значит, брат придет; хотела брата тоже съесть. Приехал он, а сестра ногу у лошади вытащила и хотела съесть. Он вскочил на коня — и удирать. Она гонится за ним, уже близко. Он гребешок бросил — лес густой вырос позади него. Пока она дорогу рубила, лошадь немного отдохнула. Он едет, она опять догоняет. Он камень бросил — скала выросла. Пока она камни разбивала, лошадь отдохнула. Уже догоняет его сестра. Она схватила его в том месте, где сердце, а тут солнце схватило парня, но уже без сердца. Солнце домой парня принесло, откачивать, лечить стало. Парень то оживет, то умрет, поэтому месяц то вырастает, то пропадает.

6. Происхождение месяца

Один мужик жил, ни жены, никого еще у него нет. Потом думает: «Один я в лесу живу или еще люди есть, надо сходить посмотреть».

Думал, думал, переночевал, утром встал, чаю попил, оделся и пошел. Шел, шел, смотрит — в лесу избушка, там живет одна женщина. Стал с ней жить. Живет, живет, смотрит, что у этой женщины жизнь короткая, а у него длинная. Думает:

— Пойду дальше.

Идет днем и ночью. Опять впереди избушка. Пришел и видит: одна женщина там живет. Смотрит — опять у этой женщины жизнь короткая, а у него длинная. И сказал женщине:

— Я пойду дальше.

И пошел. Идет днем и ночью. Встретил опять в лесу избушку, там живет одна женщина. Она без отца, без родителей. Стали вместе жить. Он видит, что у них жизнь одинаковая. Жили, жили, он говорит:

— Я пойду домой свою избушку посмотреть.

А женщина его не пускает. Он собрался и пошел. Сходил, дом посмотрел, пошел обратно. Встретил дом, где первая жена жила, смотрит — избушки нет. Откуда-то первая жена выскочила и погналась за ним. Он от нее убежал. Бежал, бежал, смотрит — где-то тут вторая жена жила и избушка здесь была. Откуда-то вторая жена выскочила, обе погнались за ним. Бежал, бежал, смотрит — третья жена в избушке на курьих ножках сидит, руки-ноги спустила с двери. Он крикнул:

— Дверь открой!

Она дверь открыла, он наполовину залез, жены его на две части разорвали. Одна половина осталась тем двум женам, другая — у третьей. Он стал с третьей женой жить; он — месяц, а она — солнце. Он когда вырос до конца, тогда она одну половину мужа вверх бросила. Если так — пусть будет месяц, а сама стала солнцем.

7. О людях солнца и месяца

Есть у солнца такой народ, только там жарко. Хлеб не ест, только поставит перед собой, смотрит, ртом откидывает. Тоже промышляет — добывает пушнину, рыбу.

На месяце парисовано такое. Ребятишки ночью, когда месяц только взшел, пошли за водой. Не доходи до порога дома, стали хвастать:

— Вот как хорошо мы живем: и рыба у нас есть, и вода!

Месяц их подцепил на небо. Сейчас ребятишкам говорят:

— Не надо ночью баяваться, а то месяц вас на небо утянет.

8. Шестиногий лось

Бог создал лося шестиногим-шестируким¹. Младший сын бога думает: «Вот беда, создал шестиногим-шестируким. Когда появятся люди на свете, никто не сможет есть его мяса, настолько

быстрым он сотворен». Он женился, у жены отец и мать. Тесть обижает его, не любит, называет его «желудком, булькающим налимьим супом, желудком, булькающим окуновым супом». Это ему не нравится.

— Я,— говорит,— пойду искать лося. Он моим отцом сотворен таким быстрым! Где же он живет? Поищу-ка я его пастбище.

Его тесть говорит:

— Что может сделать такой слабый человек, как ты?

— Я все-таки пойду, попробую.

Говорит он тестю:

— Пойдем-ка со мной. Надень кузов с пищей за спину.

— Ладно, ладно, я иду,— говорит его тесть,— ну вот, накормишь меня мясом. Что ты можешь сделать — желудок, булькающий налимьим супом, желудок, булькающий окуновым супом!

Вот пошел. Подошел к пастбищу лося. Вот это место, где лось живет. Он подкрался, лось его заметил, испугался, так побежал, что лишь следы остались. Кончиком лука он потрогал следы, они уже давно затвердели. Настолько затвердели, что при прикосновении звенели, будто ворон кричал. Он рассердился, думает: «Ну и быстрым ты создаи, лось! Только я подкрался, а ты убежал, ушел. Мой отец создал тебя быстрым. „Будь очень крепким,— такие слова мне слышны.— На берегу священной реки, что в середине мира, есть озеро без деревьев в округе, без трав на берегу. Спустись к тому озеру“».

Шел, шел он по этой протоптанной дороге, пришел к озеру. Это озеро всегда замерзшее. На том берегу озера сверкают рога лося, продуваемые ветром. Когда он побежал к озеру, то задел следы лося кончиком лука.

— Эй ты, быстрый, все еще ходишь там?! Поторопись, мои старые кости еще не устали, хотя я старый человек.

Лось перепрыгнул через наклоненное дерево, на той стороне попал в снег и прошел через него, остался след, как от протянутой по глине сети. Лось перепрыгнул через наклоненное дерево, и он перепрыгнул, на другой стороне оказался. Выпел из снега, и от него остался черный след, как от законченного котла.

— Давай беги,— говорит.

Он пошел дальше. Сверху, с веток деревьев, свисают куски меха величиной с оленью шкуру. Это пройденное лосем место.

Гонит его дальше.

— Добирайся прямо до чистого озера без деревьев, до чистого озера без трав, что на самом дальнем конце питающей реки, на дальнем конце многорыбной реки, к чистому озеру, близ чистого озера.

Шел, шел, дошел до того озера. Тот лось проходит по середине озера.

— Эй ты, быстрый лось, все еще ходишь там? Иди быстрее, я еще не устал.

Лось на том берегу перепрыгнул через изогнутое дерево, оказался с другой стороны, красный след остался, как от протянутой по глине сети. И он перешагнул через это дерево, на той стороне, побежал по снегу, и остался след, как от закопченного котла. Голос говорит:

— В дальнем конце многорыбной реки, питающей реки, есть чистое озеро без деревьев, чистое озеро без трав. Туда добрайся.

Когда лось ушел оттуда, он стал разыскивать один его след за пятью лесами с ловушками на белку, за пятью лесами с ловушками на соболя. Думает: «Если этот уйдет от меня, то как же будущий человек его убьет?»²

Он тронулся на лыжах, подшитых шкурой с живота темного зверя, быстро двинулся в сторону дома. Как одну ногу поднимет, так перешагнет через пять лесов с ловушками на белку, другую ногу поднимет — перешагнет через пять лесов с ловушками на соболя. Шел-шел в дальний конец питающей реки, многорыбной реки. На краю чистого озера без деревьев, чистого озера без трав, на берегу озера — лесистый пригорок. Поднялся на вершину пригорка, в лесу холм. Поднялся туда, смотрит в сторону озера: лось не видать. Думает: «Вот ушел, куда девался?» Снова посмотрел вниз: лось пробирается под холмом. Лось пробирался через это место. Тот кончиком лука его тронул.

— Ну ты, быстрый, я еще не устал.

В середине озера — остров, к нему погнал лось, тронул кончиком лука. Его заднюю часть срезал:

— Будь четырехногим, четырехруким. С шестью ногами, с шестью руками даже меня измучил, а будущему человеку как же быть?

Снял шкуру, думает: «Что мне делать с этим мясом?» Разложил мясо по воде озера, только сердце и язык взял. Шкуру прикрепит к небу.

— При появлении белых кукол, черных кукол³ будешь обзачать зарю.

След лось, по которому он шел, прибил кончиком лука к небу, чтобы люди видели⁴.

— Пусть устанет лось, когда его будет гонять человек, пусть не сможет отдохнуть. Если медлительный человек его не догонит, то на второй день пусть догонит.

Думает: «Мой тесть идет за мной, очень обидел меня, но я принесу ему сердце и язык». И пошел обратно. Шел, шел, не нашел старика. Где конец питающей реки, там озеро, а старика все нет. В конце реки он пришел к озеру, наполненному женскими слезами, там тоже его нет. Только туда старик добрался, где он спугнул лось.

— Ну, убил лось?

— Да, старик, и убил: он за одним деревом, за двумя деревьями⁵. Я принес сердце и язык. Ты, усталый старик, свари их где-нибудь подальше. Я пойду домой, а ты иди к куче мяса.

Старик очень обрадовался. Старик ушел, он говорит:

— Ты когда-то обидел меня, хотя твоя дочь — моя жена и мы живем с ней дружно. Ты только свою дочь любишь, а меня обижаешь. Поэтому сегодня ночью ты съешь язык и сердце лоса, а потом заблудись навсегда в лесу и погибни там. Все.

9. Происхождение созвездий

Здесь было три крылатых человека: один — на Вахе, другой — на Оби, третий — не знаю где, может быть, на Енисее. Они хотели соревноваться, кто раньше добежит на подволоках. Снег был глубиной в три ладони. Бежали за годовалым лосем, он молодой и бежит быстро. Бежали, бежали. Ваховский бежит и перелетает через деревья высотой по пояс человеку. Ваховский бросил котел, чтобы легче бежать. Ваховский первый догнал лоса. Теперь на небе три звездочки: это охотники бегут за лосем, а ковш — это котел, который один из них бросил.

10. Старичок Торстор

- Старичок Торстор, старик, что же ты ищешь?
- Я ищу тонкую шубку, сшитую из гладкого, как стрела, меха олененка.
- Старичок Торстор, старичок, что же ты ищешь?
- Я ищу кисы, пестрые, как шкурка со спинки бурундука.
- Старичок Торстор, старик, что же ты ищешь?
- Я ищу крепкий лук свой, свою добрую стрелу с костяным наконечником.
- Старичок Торстор, старик, что же ты ищешь?
- Я ищу свой хороший посох, сделанный умельцем.
- Старик Торстор, старик, что же ты ищешь?
- Я ищу один куженек с костями вороны, один куженек с костями сороки.
- Старичок Торстор, старик, что же ты ищешь?
- Я ищу лыжи-подволоки, подбитые шкурой взрослой выдры.

Старичок надевает на себя тонкую шубку, сшитую из гладкого, как стрела, меха олененка. Надевает на себя кисы, пестрые, как шкурка со спины бурундука. Надевает на ноги лыжи-подволоки, подбитые шкурой взрослой выдры. Берет один куженек с костями вороны, один куженек с костями сороки. Вешает на спину крепкий лук с железной спинкой, берет в руки добрый посох, сделанный умельцем.

После того как собрался, зашагал вперед. Куда бы ни поставил свой добрый посох, сделанный умельцем, там появляется множество речек со свежей наледью, множество болот со свежей наледью. Долго шел — никто не видел, коротко шел — никто не

видел. Когда он так шел, нашла след соболя. По следу соболя идет и однажды пришел к концу южного отрога гор.

Долго шел — никто не знает, коротко шел — никто не знает. И однажды увидел своим видящим оком, своим замечающим оком зверя¹, предназначенного ему для добычи. И вот он снимает один куженек с вороньими костями, один куженек с сорочьими костями. И вот он снимает свой крепкий лук с железной спинкой, свою добрую стрелу с костяным наконечником. И вот натягивает он свой крепкий лук с железной спинкой, накладывает на тетиву свою добрую стрелу с костяным наконечником. И после того как выпустил свою стрелу, ворожит над ней:

— Пусть одну лапу зверя она унесет в утреннюю зарю, пусть одну лапу зверя она унесет в вечернюю зарю, пусть образ того зверя запечатлится на небе² для моего великого батюшки-бога.

Так и гремела стрела старичка Торстора семь дней. От летевшей стрелы образовался проход в горе. И по этому проходу совершает свой перелет множество птиц, летящих на север, множество птиц, летящих на юг.

11. Огненный потоп

Вверху, на небе, живет бог Торум. Его жене пришло время рожать, и, как водится, она родила сына. Положила его в колыбель и укачивает. Тут проходил мимо бог Торум и приказал:

— Запри этого ребенка в круглый каменный дом.

Затем повернулся к сыну и сказал:

— Когда-нибудь я приду и достану тебя, но когда — мое дело.

Схватили они мальчика и унесли. Заперли в дом, а дверь загрызли на замок. Короткое время был он заперт, долгое время был он заперт, вдруг приподнялся в колыбели и так сказал:

— Мой отец, бог Торум, не обращает на меня внимания, хотя он говорил: «Когда-нибудь я приду и достану тебя».

Дальше сидит. Долго ли сидел, коротко ли сидел, наконец оцупал свое лицо. Опять поднялся, говорит:

— Я уже стал взрослым, бородатым человеком, но никто не смотрит на меня. Может быть, моего отца, бога Торума, уже нет в живых! Я не могу здесь больше оставаться, я стану здесь совсем ленивым и вялым!

Сказал так и стал двигаться. Одним движением разрушил каменный дом, так что и осколка не осталось. Затем начал осматриваться. Увидел солнце, заметил, что в городе возвышается золотой дом. «Это, конечно, дом моего отца», — подумал он и пошел туда. Пришел, открыл дверь, не успел еще и войти, как отец ему навстречу:

— Сын мой, зачем ты пришел? Я сказал, что приду, когда надо, и заберу тебя. А теперь ты мне больше не нужен, иди ку-

да хочешь. Если тебе встретится сильный человек или хитрый человек — твоя вина. Только смотри — справишься ты с ним или нет. Если бы ты подождал, пока я тебя найду, то не было бы человека сильнее тебя и хитрее тебя.

Парень тоже разозлился и так ответил отцу:

— Справлюсь я с ним или нет — мое дело.

Сказал, повернулся и вышел. Ушел и переехал в дом прислужника своего отца Торума. Там он и проводил дни. Но однажды, кто его знает, связался с женой прислужника. Это раскрылось. Отец Торум созвал народ и приказал:

— Убейте его!

— Как мы его убьем? — спросили мужчины Торума.

— Пусть все лошади, сколько их есть в городе, навозят дров. Сложите дрова в костер и сожгите его на костре! Пусть он сгорит, пусть пропадет! Такой человек недостойн жить!

Народ так и сделал. Разожгли большой костер, бросили юношу в середину пламени. Он не сказал ни слова, не пролил ни слезинки, а огонь горел день и ночь. Когда его потушили, бог Торум приказал народу:

— Идите и посмотрите, что с ним стало!

Мужчины тотчас пошли, посмотрели, и вот они видят: на месте огня появилось маленькое озеро, а по озеру туда-сюда плавают маленький гусенок. Мужчины идут назад, бог Торум спрашивает их:

— Ну, что вы видели?

— На месте огня появилось озеро, а по озеру плавают маленький гусенок. Это может быть только сын бога!

— Если это так, то стреляйте в него, — приказал тогда бог Торум, — идите и застрелите его.

Народ идет туда. Они стреляли целую ночь, выстрелы трещали целый день, наконец даже порох кончился, но с маленьким гусем ничего не случилось! Он был хитрее их, они ничего не могли с ним сделать!

Прошло немного времени, и вдруг мужчины видят: маленький гусенок вышел на берег и разгуливает там. Посмотрели еще раз и видят: маленький гусь исчез, а по дороге к городу идет сын Торума. Приходит, входит в дом прислужника и говорит ему так:

— Вот я, убей меня! Ну, когда же ты меня убьешь? Так убивай же. теперь ты можешь убить меня голыми руками!

Прислужник рассердился и приготовился к борьбе. Начали они бороться. Сын Торума одной рукой схватил голову прислужника и так повернул ее, что она сразу свалилась с шеи. Прислужник был мертв. Тут юноша собрался и опять отправился к отцу. Только он ступил на порог дома, а отец уже ему навстречу:

— Сыночек, что ты опять наделал?! Что ты сделал с моим прислужником? Небесная обитель тебе не впрок! Уходи. Видишь, там, внизу, там тоже земля, там тоже живет народ. Спус-

кайся к ним, будь их повелителем. Они будут тебя почитать, они будут тебе молиться.

Тогда сын бога, сын Торума спустился с неба, пришел на эту землю. Он взял народ под свою защиту, лечил его, если тот болел. Народ начал ему поклоняться. Это заметил бог Торум, небесный отец:

— На меня этот народ больше не смотрит. Из-за их коварного повелителя они забыли меня. Я должен убить их вместе с их повелителем, я пошлю на землю огненный потоп.

Так начал он размышлять. Это услышал сын Торума. Он сказал своему народу:

— Наш отец Торум хочет нас уничтожить, он хочет наслать на землю огненный потоп.

Народ сына бога стал умолять своего повелителя:

— Мы умоляем тебя, мы дадим тебе много драгоценного шелка и семь чаш золота. Мы забьем тебе в жертву семь пестрых коней, мы убьем семь черных лис. Возьми их, поднеси твоему небесному отцу.

Так умолял народ и принес свои жертвы. А сын отправился к своему отцу, зашел и начал так говорить:

— Бог Торум, небесный отец, мой народ просит тебя. Взгляни на эти жертвы и не убивай нас!

— Лучше замолчи! Через неделю я пошлю на землю огненный потоп!

Тут и сын разгневался и так ответил отцу:

— Если хочешь наслать огненный потоп, то сделай это. Я не оставляю свой народ в беде!

Затем попрощался:

— Будь здоров! — И вернулся на землю.

Народ его сразу же спрашивает:

— Что за новости ты принес?

— Через неделю наш отец Торум наслет на землю огненный потоп.

Испугался тут народ, мужчины и женщины начали плакать. Сыну Торума жалко их.

— Дети мои, — говорит он им, — не плачьте. Принесите мне жертву из ваших белых и пестрых коней. Принесите мне жертву и из вашего белого и пестрого скота!

Настал седьмой день. Народ везде приносил жертвы. Семь черных лис, семь чаш золота, семь шелковых занавесей подарили они сыну Торума. День клонился к вечеру, когда они закончили жертвоприношения. Затем пошли домой. Вечером услышали: гром гремит с неба, сверкает молния и где-то бушует вода. Вода обрушивается. Сын Торума говорит народу:

— Эта вода обрушится на землю через неделю.

Народ опять начал плакать. Сыну Торума стало их жаль.

— Дети мои, не плачьте, — снова утешал он их, — пока я жив, вам нечего бояться.

После этого они немного успокоились, хотя целую неделю над головой был слышен шум воды. Вода бушевала и бушевала, но не достигая земли. Уже седьмой день клонился к вечеру, и все же вода не пришла на землю.

Небесный отец тоже смотрит вниз:

— Куда же девалась вода, которую я послал вниз?

Посмотрел получше и видит: между обеими землями, между верхним небом и землей, толстое медное корыто. В нем и собралась вода чудовищного потопа.

А у бога Торума, небесного отца, нет больше воды в небе, которую он мог бы послать на землю. Так земля и осталась до сегодняшнего дня такой, какой она была.

12. Дом с закрытой дверью

В красивом божественном лесу жил человек с тремя дочерьми. Он всегда жил в доме с запертой дверью¹. Однажды говорит старшей дочери:

— Доченька, я замерзаю. Сходи за озеро к Северному Ветру, попроси, чтобы не очень дул. Пока не дойдешь до другого берега, завязки на шубе и кисах не завязывай². Встретишь медведей — поцелуй их и дальше шагай. Когда придешь в дом, в дровянике найдешь два топора — острый и тупой. Руби дрова тупым топором, острый не трогай. После этого сама выбирай, как быть.

Старшая дочь отправилась в путь. На озере она сразу завязала шубу и кисы, думает: «Что это я буду по морозу с незавязанной шубой и кисами шагать?» Перешла старшая дочь озеро, разогнала медведей и дальше пошла. Долго ли, коротко ли шла, наконец пришла в дом, построенный из сырых лиственниц. В дровянике действительно она нашла два топора — острый и тупой. Наколола дров острым топором, занесла в дом, разожгла огонь. Когда подметала пол, нашла кусочек лосиного мяса, кусочек соболиного мяса и тут же съела. Наступил вечер. В дом вернулся хозяин, пояс его был весь увешан соболями. Он спросил, не видела ли она точило.

— Нет, — ответила она.

Начали они снимать шкуры с соболей. Пока она обдирала одну шкуру, хозяин все шкуры ободрал. Сварили они соболиное мясо. Мужчина наполнил мясом две чашки и сказал:

— Эту чашку унеси в соседний дом.

Вышла старшая дочь на улицу, от одного дерева к другому шла, но соседей не нашла. Стали они мясо соболиное есть. Пока хозяин ел один кусочек мяса, она всю тарелку с мясом опустошила. Скоро настал следующий день. Перед уходом в лес мужчина сказал:

— Если до моего приезда не сошьешь шубу из соболиных шкур, не быть твоей голове на месте.

Хозяин ушел в лес. Думает старшая дочь: «Что же я могу сделать за такой короткий срок?» Растопила она клей и стала шкуры склеивать. В это время вошла в дом женщина и попросила:

— Невестка, поинци у меня в голове.

— Некогда мне искать у тебя в голове,— ответила она.

Гостя ушла ни с чем. Так она и склеила шубу клеем. Вечером вернулся хозяин дома. Надел новую соболиную шубу, только дошел до двери — шуба расклеилась. Рассердился хозяин, и старшая дочь старика простилась с жизнью.

Сильнее прежнего стал мерзнуть человек за закрытой дверью. «Видно, не выполнила дочь моих советов»,— подумал горестно отец. Отправил он среднюю дочь, чтоб задобрила она Северный Ветер. Но не выполнила и средняя дочь просьбы отца. Пришлось ему отправлять младшую дочь к Северному Ветру. Наказал ей перед дорогой, как вести себя в пути. Отправилась в дорогу младшая дочь. Как только переняла озеро, плотно завязала шубу и кисы. Навстречу ей попались медведи, она их обняла, расцеловала и дальше пошла. В дровянике нашла два топора — тупой и острый. Тупым топором дров нарубила и огонь в избе разожгла. Когда подметала пол, нашла кусочек лосиного мяса и кусочек соболиного мяса, положила их на подоконник. Вечером в дом вернулся хозяин. Весь его пояс был увешан соболями. Пока муж спимал шкуру с одного соболя, она сняла шкуры со всех соболей. Говорит он:

— Ты не видела точноло?

Жена принесла ему кусочки лосиного и соболиного мяса. Это, оказывается, было его точило. Сварили они соболиное мясо, и муж попросил отнести одну чашку к соседям. Младшая дочь отнесла мясо к соседям. После этого они стали есть мясо. Пока она ела один кусочек, муж съел все мясо. Наступил следующий день. Перед тем как уйти в лес, муж ей наказал:

— До моего прихода спишь из этих соболей шубу.

Осталась она одна и думает: «Что же я могу сделать за такое короткое время?» Скоро вошла в дом женщина и попросила:

— Невестка, поинци у меня в голове.

Стала она искать у женщины в голове и видит: за одним ухом женщины обрабатывают шкуры, мнут их, шьют шубу. Удивилась она этому. Пока в голове искала, шуба уже готова была. Видимо, служанки-невидимки помогли ей справиться с работой. Пришел вечером с охоты муж. Надел новую шубу, прошел по избе, понравилась она ему. С тех пор младшая дочь осталась жить с Северным Ветром, а у человека в доме тепло стало.

13. Происхождение человека

Не на земле, а в небе живет один человек — Кон-ики. Он живет один. Думает, что надо человека сделать. Взял глину, сделал. Как его оживить? Тот не дышал. Оставил его, пошел к отцу.

— Вот, отец, надо как-то, чтобы человек жил.

— Ты ему воздух пакачай, он оживет.

Пришел, у него руки и ноги оказались переломанные.

— Эй, сын, человек вечно не живет, он заболеет. Нарочно у тебя так вышло?

— Как нарочно? Я его оставил целого.

— Нет, человек живет, живет и умрет.

Он пришел обратно, дал ему воздух, человек ожил. Как быть? Кон-ики опять один живет. Тёрас-най¹ одна живет. Этот человек пошел к ней, и они вместе стали жить.

На земле людей вообще не было. Они две березовые ветки сломали, дома положили, потом эти ветки людьми стали².

14. Как человек стал смертным

Медведь ведь проклят, не знаю кем. А собака Торумом проклята. Раньше человек умирал, а потом оживал всегда. Один раз он умер, а собака пошла к Торуму и спрашивает, как его оживить. Торум говорит:

— Положи ему на ноги камень, а на голову гнилушки, он и оживет.

Собака понесла гнилушки и камень человеку, а навстречу черт:

— Кладь гнилушки на ноги, а камень на голову.

Собака так и сделала. Когда человек встал, камень ему лоб пробил, и он совсем умер. Собака снова пошла к Торуму:

— Я камень ему на голову положила, а он совсем умер.

Тогда бог ее проклял:

— Неси шубу и, что хозяин во двор положит, то и ешь!

Раньше собака человеку настоящим товарищем была, из одной посуды с ним ела, чистой была.

15. Пронехождение скопы

Еще у Торума был сын Сюхэс. Теперь это птица, которая высоко летает, — скопа. Торум послал сына с неба на землю хорошие дела творить и наказал, чтобы он хорошо оделся. Тот не послушался, говорит, что не замерзнет. Подлетел к земле, а Торум за непослушание мороз напустил. Сын упал. Тогда Торум жаль его стало, он превратил его в птицу. И теперь она высоко летает, но подняться до неба не может.

16. Пронехождение кукушки

Однажды муж Казым-ими уехав на рыбалку, а она с мальчиком и девочкой дома осталась. Захотела Казым-ими пить, попросила детей принести ей кружку воды, но дети не принесли.

Казым-ими превратилась в кукушку. Дети гонялись за ней по лесу с кружкой и просили Казым-ими выпить воды, но кукушка улетала от них все дальше и дальше.

Вдруг Казым-ими увидела своего мужа, возвращающегося с рыбалки. Она села к нему в облас, а муж так сильно ударил кукушку веслом, что облас у него раскололся пополам и весло сломалось. С тех пор кукушка все время говорит:

— Рыт чоп, луп чоп — половина обласа, половина весла.

17. Почему у глухаря глаза красные

Когда-то жили все птицы вместе и не улетали в теплые края. Стало холодно, собрались птицы улетать на юг. Собрались все вместе и решили завтра лететь. Глухарь почевал отдельно. Утром он прилетел туда, откуда должны были улетать птицы, но место было пустое, птицы уже улетели. Глухарь так долго плакал, что у него покраснели глаза. Весной птицы прилетели. Он рассказал, как провел зиму. Боровая птица решила больше не улетать на юг. Водоплавающая птица не поняла глухаря и стала на зиму улетать.

18. Белое мясо рябчика

Рябчик раньше был большой птицей. Однажды он внезапно вспорхнул и напугал Торума. Торум рассердился и порвал его на семь частей, на семь сторон света раскидал по кусочку. Из одного кусочка стал tenerшний рябчик. И с тех пор белое рябчиковое мясо есть у всех зверей и птиц. У глухаря есть белое мясо, у лося вдоль хребта тоже идет белое мясо рябчика.

19. Летучий зверь-налим

Давно-давно, очень давно это было — в стародавние времена. Древние старики нашим прадедам рассказывали, что с тех времен прошло много десятков тысяч веков, а может быть, еще больше прошло с момента образования земли и появления зверей и птиц на земле. Это, говорят старики, было еще тогда, когда звери человеческий язык понимали; когда таежный хозяин — медведь — в родстве у хантов был; когда в роду у Сапар-ях медведь желанным гостем был.

Вот в те стародавние времена среди летучих зверей и птиц Летучий зверь-налим был, очень и очень большой и страшный зверь. Он отличался от всех зверей тем, что летал по небу, как птица. Сядет на море, плавает, как морское животное. Сядет на сушу, ходит, как зверь лесной.

И вот однажды Летучий зверь-налим, летая по небу, увидел: по обширной и ровной болотистой тундре едет кто-то на пяти запряженных оленях. Это низовой ненец¹. Нарта его новая, видать, сделана из чистой кремлевой листовницы. Семисаженный хорей с копьём стальным, видать, сделан из бивней мамонта².

Летучий зверь-налим думает: «А что, если я съем этого ездока?» С этим замыслом он вмиг на лету схватил ездока с оленьми и нартой, все сожрал. Досыта наевшись, он расположился спать. Трое суток он спал. Затем подвинулся и полетел по скалистым горам и долинам, по полям и по рыбным рекам и озерам. Долго ли, коротко ли так он летал, однажды утром, на восходе солнца, вдали, на опушке леса, он увидел: идет лыжник. Стал внимательно всматриваться в него. Оказывается, это дровосек-хант. За поясом, видать, висит топор. Рукавицы на солнце поблескивают, верх у них вязан из чистого серебра. Лыжи, видать, сделаны из годовалой березы с подклейкой из тюленьей шкуры. Идет лыжник в лес, с опаской поглядывает на страшного зверя. Кружится над лыжником Летучий зверь-налим и думает: «А что, если я этого лыжника съем?» С этим замыслом коварным он на лету хватает и проглатывает ханта, как чайка рыбешку. Проглотив ханта, Летучий зверь-налим дальше полетел.

Долго ли, коротко ли он летал, однажды, летая над большим городом, он взглянул вниз. Видит: на окраине города кто-то идет. Летучий зверь-налим стал всматриваться в него. Это, оказывается, старейший поп с большим крестом серебряным на груди. Летучий зверь-налим кружится, парит над попом и думает сожрать и попа-старика. С этим замыслом коварным налетает на попа и проглатывает его, как морская чайка рыбешку. Проглотив попа с крестом, зверь-налим летучий дальше полетел³.

Это злодейство Летучего зверя-налима городской народ, конечно, видел. Жители этого города с поклоном и жалобой обратились к семи старцам семи городов и просили избавить город от хищного зверя-налима.

Собрались семь старцев семи городов. Судили-рядили, все зверства Летучего зверя-налима отметили на дощечках и решили с этим обратиться с просьбой к Солнцу дня и Солнцу ночи, предать суду Летучего зверя-налима. И вот семь старцев семи городов семь дней подряд молили и просили Солнце дня наказать коварного злодея — Летучего зверя-налима. Семь старцев семи городов семь дней подряд приносили в дар Солнцу дня семь жертв и ставили семь котлов с разными кушаньями. Семь ночей подряд молили и просили Солнце тьмы и ночи наказать коварного злодея Летучего зверя-налима. Семь старцев семи городов семь ночей подряд совершали Солнцу тьмы и ночи семь жертв и ставили семь столов с разными кушаньями да сладкими напитками.

Разыскали Летучего зверя-налима и представили на суд Солнцу дня и Солнцу ночи. На одной стороне Летучего зверя-налима стояла вооруженная стража Солнца дня, на другой сто-

роне Летучего зверя-налима стояла вооруженная стража Солнца ночи.

Солнце дня рассмотрело жалобу семи старцев семи городов, отмеченную на дощечках, и сказало:

— В этих письменных дощечках доказываются все злодеяния Летучего зверя-налима: первое преступление — это нападение на пенца-ездок, которого он сожрал вместе с оленями; второе преступление — это нападение на дровосека-ханта, которого он с палета сожрал; третье преступление гласит: нападение на пона-старца, которого тоже сожрал. Кто свидетелем этих злодеяний может быть?

Солнце ночи рассмотрело жалобу семи старцев семи городов, письменность на дощечках и сказало:

— Я могу быть свидетелем по этому делу. Злодейство Летучего зверя-налима мне все известно. Я само видело, как Летучий зверь-налим напал на пенца-ездок на оленях и сожрал его вместе с оленями. В другой раз опять утром, с восходом солнца, с хантыйских юрт шел на лыжах хант-дровосек в лес. Летучий зверь-налим напал на него и сожрал. Много ли, мало ли времени прошло. Однажды, во время заката солнца, над большим городом летая, Летучий зверь-налим напал на пона-старца и сожрал его. Все эти преступления не проходили мимо моих очей. Эти преступления надо вот здесь рассмотреть и коварство этого злодея-налима совсем ослабить и не дать возможности ему множиться. Если это злодейство коварного зверя оставим безнаказанно, то он со временем все живое и прекрасное на земле уничтожит. Надо его наказать.

— Правильно, — говорит Солнце дня, — надо его наказывать. Я придумало ему такое наказание: превратить его в маленькую рыбку — в рыбу-налима. За то, что он губил людей, пусть для людей будет рыбой. Пусть этой рыбой питаются люди. Пусть будет так.

Солнце дня и Солнце ночи приказали своей страже:

— Огрубить крылья Летучего зверя-налима и вырвать семь перьев с хвоста. Затем пустить его в Обскую губу, в воду Ледяного моря. Пусть там будут множиться и плавать по большим рекам да речушкам и протокам. Люди его будут ловить неводами и сетями, гитгами да крючками.

По сему приказу Летучего зверя-налима превратили в рыбу-налима. Так и доныне эту рыбу-налима ловят люди и едят ее вареной и жареной, в консервах и копченой. Вот и весь сказ о налиме-звере летучем⁴.

20. О появлении оленей

Когда-то поспорили казым-ях и ахыс-ях¹, кому достанется больше оленей. Хозяйкой всех оленей была Казым-ими. Было два больших оленя — важейка и хор. Они были в два раза боль-

ше нынешних оленей, от них все олени пошли. Их хозяйкой была Казым-ими. Этих оленей запрягали в двустороннюю нарту — хоть с той стороны запрягай, хоть с другой². Собрались тазовцы и казымцы, праздник хотели устроить, жертвоприношение; не человека в жертву принести, а оленя. Поспорили, кому этих больших оленей отдать. Тазовские говорят, что им надо отдать, а казымцы тоже требуют, у них на этих двух оленей есть своя богиня — Казым-ими. Казымцы говорят:

— Эта женщина (Казым-ими) кому принадлежит, тому надо и оленей этих отдать.

Так они спорят. Привязали этих больших оленей вчетверо сложенным арканом, и олени стали прыгать. Олени рванули аркан, порвали и сразу убежали в сторону Тарко-сале. Все маленькие олени за ними. Ночью половину стада вернули. Из этого стада у хантов олени появились, кому один, а кому десять досталось. Больших оленей взяли у ахыс-ях, и тогда Казым-ими стала их хозяйкой. Казымцы ездили в погоню не на больших оленях. Там стадо наполовину собаками рассекли и угнали. Эта двусторонняя нарта называется лунк-ауль, ее надо у ахыс-ях искать, она у них осталась.

21. Первая оленья нарта

Два ханта решили построить нарту. У них есть олени, и они где-то слышали, что на оленях надо ездить. Пошли в лес, два хвойных дерева срубили. Один мужик ничего не обтесал, с сучками ствол, другой все снял и сделал гладко. Сделал нарту, она одного человека держит. Один поехал — только пыль столбом; у другого олени тянут, тянут — и никак: сучки обратно тянут. Олени оглянулись на хозяина и говорят человеческим голосом:

— Ты нас послушай. Посмотри на своего товарища, у него все гладко сделано, а мы весь лес вместе с талой землей тащим за собой, у нас силы нет.

С того времени стали обстругивать гладко все снизу.

22. Богатырь-медведь

Медведь произошел на свет, по преданию стариков, через обращение или видоизменение человека-богатыря. Это обращение человека в медведя произошло по следующему обстоятельству и таким образом. Был один богатырь, который в жизни своей любил ходить часто в лес. Много раз он так ходил в лес и всегда возвращался из леса домой. Однажды также пошел богатырь в лес, где и заблудился: зашел так далеко в глубь леса и в такое место, где ему выйти из такого места никак невозможно было — ни взад, ни вперед. Представлялась ему еще одна только возможность выйти из непроходимого места — перелезть через ог-

ромную колоду, тут бывшую и поросшую на одну четверть мхом. Богатырь при всех своих попытках не смог, однако ж, перелезть через эту колоду в своей одежде, какая была на нем. Он употребил последнее к тому средство: снял с себя для достижения своей цели — перелезть через колоду — верхнюю и нижнюю одежду, положил ее около колоды и перелез через нее нагишом.

Как только он перелез через колоду, то в тот же миг почувствовал тяжесть в своем теле. Стал он осматривать себя и увидел, что тело его покрылось такой шерстью, какую мы видим теперь на медведях. Видя свое тело, обросшее шерстью, богатырь испугался и решил по этому случаю воротиться назад через эту же колоду к своей одежде, чтобы прикрыть свое тело и не было бы видно на нем шерсти. Когда же богатырь перелез снова через колоду и стал искать положенную им ранее свою одежду, то ее, к несчастью его, нигде не оказалось: ни на том месте, где он положил ее, ни на другом каком-либо месте. Одежду богатыря, по объяснению остяков, унес дьявол; шерсть образовалась на теле богатыря из моха, когда он перелезал через колоду. Да и человек-богатырь стал медведем тоже по хитрости и действиям дьявола. Богатырь, не имея человеческой одежды и будучи покрыт шерстью, не пошел в таком виде жить к людям, но стал остальной свой век скитаться по лесу и питаться тем, что только найдет себе в лесу. Вот первое на свет появление медведя, по преданию остяков.

23. Происхождение медведей

Не знаю, правда или нет, что медведь раньше был богом, у него были дети. И вот (дети есть послушные и непослушные) одного непослушного медвежонка бог выгнал и сказал:

— Иди куда хочешь.

Маленький медведь упал на землю, но до земли не долетел и застрял в развилке дерева. Думает: «Пропаду теперь: ни вверх нельзя продвинуться, ни на землю опуститься. Съедят меня, наверно, черви». И правда, подох медведь, стали из него выпадать черви на землю. Из больших червей вырастали медведи с длинными хвостами — большие таежные медведи, а из маленьких червей — маленькие северные медведи без хвостов.

24. Медвежья смерть

От моего отца, мужа семибездного неба¹, я на конце дорогой железной цепи спустился на землю. За узким и длинным озерком находится небольшой островок суши, покрытый роцшей из смешанной березы. Когда я туда пришел, там возвышалась черемуховая гривка, родящая прекрасную черемуху, возвышалась шиповниковая гривка, родящая прекрасный шиповник. В изобилии здесь родился шиповник величиной с перекладину весла,

в изобилии родилась черемуха величиной с лосиные губы. Пришли двое мужей из города Городского Князя. Один муж говорит:

— За узким и длинным сором находится небольшой островок суши, покрытый рощей из смешанной липы. Я пойду добывать кремлевое дерево для кремлевого лука².

Другой муж говорит:

— За узким и длинным сором находится небольшой островок суши, покрытый рощей из смешанной липы. Я пойду туда взять березового дерева для березового лука.

Когда они, севши в лодку с тремя отделениями³ и обхвативши крепким обхватом славной полой руки весло, снабженное пальцеобразной перекладиной, опускают его в воду у славного носа носатой лодки, то оно выходит на поверхность у кормы лодки, снабженной кормой, подобно тому как большая скопа вытаскивает из воды рыбу.

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, поросший рощей из смешанной липы. Когда они пришли к этому островку, один муж добыл кремлевого дерева для кремлевого лука, другой муж достал березы для березового лука⁴. Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, поросший рощей из смешанной липы. На небольшом островке, покрытом рощей из смешанной липы, поднималась черемуховая гривка, производящая черемушник, и шиповниковая гривка, производящая шиповник. Шиповник величиной с перекладину весла и черемуха, крупная, как лосиные губы, родилась здесь в изобилии.

Когда оба мужа одного роста, одной высоты пришли на площадь родного города, они привезли многочисленным женщинам города дважды сложенную складчатую весть об этом⁵. Многочисленные женщины города, многочисленные женщины с проворными руками отправились туда со славными берестяными корзинами с зубчиками в отверстиях, со славными туесами с обручами в отверстиях. Они оттолкнули от берега большую лодку, изукрашенную изображениями птиц, которую Городской Князь берет с собой в день войны. Они взяли с собой девочку в люльке, в славную середину лодки, имеющей середину, они ее поставили. Они взяли с собой мальчика в берестяном лукошке⁶, в самую середину лодки, снабженной серединой, они его положили.

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, покрытый рощей из смешанной березы, небольшой островок суши, покрытый рощей из смешанной липы. Славным носом лодки, имеющей нос, они там пристали к берегу. Многочисленные женщины с проворными руками выпрыгнули на берег, подобно самцам-зайцам с легким задом. Многочисленные женщины с левыми руками поползли на берег на четырех дорогих концах своих ножен⁷. Они взяли с собой девочку в люльке. На славной сухой ветви дерева там они ее повесили. Они взяли с собой мальчика в лукошке. На славной сухой ветви дерева там

они его повесили. Многочисленные женщины с проворными руками и многочисленные женщины с ленивыми руками побежали к черемуховой гривке, поросшей черемухником.

Когда многочисленные женщины с ленивыми руками устлали славное допышко берестяной корзины ягодами, а многочисленные женщины с проворными руками дошли до середины корзины, я, подобно лесному зверю, зарычал тогда на них из большого горла. Многочисленные женщины с проворными руками прыгнули в сторону, подобно самцам-зайцам с легким задом. Многочисленные женщины с ленивыми руками еле уползли на дорогих концах своих четырех колен. Нос остроконечной, принадлежащей Городскому Князю, расписной и изукрашенной изображениями птиц лодки они в страхе обратили в корму, а из кормы лодки, снабженной кормой, они сделали пос. У них была с собой девочка в люльке. На славной сухой ветви дерева там они ее оставили. У них был с собой мальчик в берестяном лукошке. На славной сухой ветви дерева там они его оставили.

К девочке-бедняжке, мертвой от страха, я подошел:

«Девочка-бедняжка, ты мертва, ты мертва!

Твоя мать для меня плясала,

В худой одежде из кедровой коры она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала,

В худой одежде из еловой коры она для меня плясала⁸.

Твоя мать в честь меня плясала,

С животом из бересты⁹ она, подобно жеребенку, для меня плясала».

Девочку-бедняжку, мертвую от страха, я бросил в свой полный рот с двадцатью зубами.

И захрустел зубами, как будто она была утенком.

К мальчику-бедняжке, мертвому от страха, я подошел:

«Мальчик-бедняжка, ты мертвец, ты мертвец!

Твоя мать в честь меня плясала,

Со звенящим серебром она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала,

В сукошном кафтане, пушистом, как беличий мех, она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала,

В обуви, украшенной бисером, подобно коготкам белки, она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала,

В рубашке с изображением птиц она для меня плясала,

В платке, изукрашенном изображениями лесных птиц, она для меня плясала.

Когда сила моей правой руки истощится,

Я своей левой рукой тогда за люльку возьмусь¹⁰.

В то время как на мальчика-бедняжку напал великий страх перед лесным зверем, в полом рту зверя, снабженном двадцатью зубами, собиралась темная пена.

Когда многочисленные женщины города пришли на площадь родного города, они принесли многочисленным мужам города дважды сложенную складчатую весть. Многочисленные мужи города снарядились тогда на военную ногу с прекрасными суставами. В славную середину лодки, снабженной серединой, они по-

садили двух охотничьих собак, подобных годовалым телятам оленей.

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, покрытый рощей из смешанной липы. Славный нос острокопечной лодки они держали высоко, подобно тому как держит свою высокую шею плывущий олень. Если бы конец славной кормы лодки, имеющей корму, не был бы снабжен рулевым веслом, то как бы славный нос остроносой лодки вошел в священную воду с семью концами? ¹¹.

Когда они добрались до небольшого островка суши с рощей из смешанной березы и с рощей из смешанной липы, многочисленные мужи с медвежьим сердцем ¹² прыгнули на берег, подобно зайцам-самцам с легким задом, а многочисленные мужи с женским сердцем ¹³ еле поползли туда на дорогих кощах своих четырех колен. Тогда на меня спустили двух охотничьих собак, подобных годовалым оленьим телятам. В то время как я подошел к мальчику-бедняжке, мертвому от страха, на меня бросились две охотничьи собаки, похожие на годовалых оленьих телят. Когда я пал на двух охотничьих собак, похожих на годовалых оленьих телят, на меня пошли с принадлежащими Городскому Князю и вынутыми из отверстия колчана двух- и однокопечными стрелами. В то время как я пошел навстречу вынутым из отверстия колчана двух- и однокопечным стрелам, на меня выступили охотники с односторонней, связанной ремнем рогатиной ¹⁴; а когда я пошел против одностороннего, связанного ремнем копыя, они на меня пошли с обухом топора, изъеденного огнем. Когда я пошел навстречу обуху топора, изъеденного огнем, тогда я скончался великой смертью медведя.

Когда я скончался великой смертью медведя, тогда с меня сняли шкуру, подобно тому как сдирают шкуру с дубравной сойки. Мою священную малицу ¹⁵ медведя посадили в самую середину лодки, снабженной серединой. К славной площади родного города, принадлежащего Городскому Князю, мы направились с целой процессией из девиц. Когда мы пришли к городской пристани, многочисленные женщины города, сотни пожилых женщин стояли, подобно судомойкам, с мокрыми руками перед моей головой с пробором, производящей множество волос. Многочисленные женщины города, многочисленные мужчины города подняли там к небу славное облако из массы воды ¹⁶. Священную игру медведя они тут стали играть.

Когда меня ввели в самую середину дома, снабженного огнем, зажженным остижкой женщиной, тогда устроили священный пир медведя. Когда священный пир медведя прошел, они стали плясать священную пляску медведя. Меня одели в пушистый суконый кафтан с длинным пушком, меня украсили звенящим серебром. Когда священный праздник в честь медведя окончился, я по дорожному концу железной цепи, звенящей, подобно серебру, поднялся наверх к моему отцу, мужу семибездного неба ¹⁷.

25. Женщина Мось

В одинокой избушке жила когда-то женщина Мось. Однажды, когда пришла весна, она повесила сушить на солнце свою красивую вышитую и украшенную шубу. «Пусть еще немного подсохнет», — подумала она, затем пошла в дом и занялась работой.

Когда настал вечер, она вышла и видит: шуба исчезла! Направо смотрит, налево смотрит, но нигде не находит шубы. И ветра не было, куда же она подевалась? Неужели ее человек забрал? Везде и всюду осматривает, но не видит никого. Тогда она начинает плакать.

— Зачем только я ее вывесила? Еще моя мать ее шила, наверно, уже лет двадцать пять. Но она бы не порвалась еще целых тридцать! Не украл ли ее наземный четвероногий зверь? Или с ней улетела пернатая небесная птица? Где я ее найду? — причитала она себе под нос.

Потом легла, но никак не могла уснуть. Рано утром она быстро встала, поела, попила, повязала голову платком и отправилась в путь куда глаза глядят. Долго шла, коротко шла, наконец чувствует, что ее оставляют силы. Оглядывается: позади идет дым. Дым из избушки. Три ее столба в землю входят, а три — возвышаются в небе. Женщина Мось идет к избушке, но не отваживается заходить. Кто его знает, кто там живет — человек или злой дух. Она прислушивается. Внутри слышно только потрескивание огня. Она начинает плакать. Тут открывается дверь, и навстречу выходит женщина.

— Кто ты? — спрашивает она у женщины Мось.

— Я женщина Мось из одинокой избушки, — отвечает женщина Мось.

Тут женщина подбежала к ней.

— Госпожа, что тебя сюда привело? — спросила она.

— Шуба, которую шила моя мать, потерялась, исчезла.

— Как это потерялась? — спросила женщина.

— Я ее вывесила сушить, и она исчезла. Не знаю, украл ли ее четвероногий наземный зверь, или с ней улетела пернатая небесная птица. Теперь иду ее искать куда глаза глядят, — ответила женщина Мось.

Но женщина поцеловала ее, ввела в дом, дала ей поесть и напиться. Женщина Мось поела, но, сколько ела, столько и плакала.

— Не плачь, с плачем ты ее никогда не разыщешь, — успокаивала ее женщина.

— Конечно, никогда я ее не разыщу, — повторяла женщина Мось.

— Подожди, пока придет твой деверь, может быть, он ее где-нибудь видел, — утешала женщина.

И только она это проговорила, как они услышали, что кто-то пришел. Пришел муж женщины. Он вошел, но ничего не сказал.

— Ты не замечаешь,— набросилась женщина на мужа,— что у нас находится кто-то, кого мы знаем?

— Мои глаза еще слепые от весеннего ветра, но теперь я вижу: здесь женщина Мось из одинокой избушки,— сказал муж.

Затем спросил женщину Мось:

— Наверно, ты ищешь что-то? Рыбача и охотясь, я прохожу по земле, я странствую по дальним дорогам, странствую по ближним дорогам, но ничего не находил.

— Шуба, которую шила моя мать, потерялась, и теперь я иду ее искать.

— Здесь шатаются еще только злые духи, но не люди,— сказал на это мужчина.

— И все же ты ничего не видел? — снова спросила женщина Мось.

— Если бы ее увесли туда, где проходит его дорога, он бы ее обязательно увидел,— ответила вместо мужа женщина.

Тут и муж взял слово:

— Жена, дай своей сестре летнюю шкурку куницы. В далекой земле, там, в одинокой земле, живет ее младшая сестра. Может быть, у нее есть что-нибудь сказать?

С этим они легли. Поутру встали. Муж уже давно ушел. Иней, как шкурка белки, покрывал его ложе¹. Обе женщины сразу же поднялись, начали есть. Но женщина Мось, сколько ела, столько и плакала.

— Я хочу разыскать свою шубу! Я хочу ее найти, даже если это будет стоить мне жизни! — так жаловалась она своей сестре.

Затем поцеловала ее сестра, женщина Мось отправилась и пошла своей дорогой. Долго ли шла, коротко ли шла, наверно, несколько недель пла. Но однажды у нее опять кончились силы. «Если я сегодня не умру, то завтра обязательно умру», — думает она про себя. И тут, когда она посмотрела вперед, опять увидела избушку. Три столба в землю входят, три возвышаются в небе. Идет она к избушке, но от слабости не может открыть дверь. И вдруг дверь открывается изнутри, выходит женщина, берет женщину Мось за руку и вводит в дом.

— Госпожа, дорогая сестра, сестричка моя, что у тебя произошло? — спрашивает она.

— У меня глаза опухли, и говорить я не могу. Дай мне сначала прийти немного в себя, тогда смогу тебе все рассказать,— отвечает ей женщина Мось.

Тут женщина готовит ей ложе, дает поесть. Женщина Мось сразу уснула так глубоко, что проснулась, только когда пришел деверь. Открылась дверь, и кто-то лохматый, как медведь, переступил порог. Подходит к ней совсем близко, обнимает ее, рассматривает. Женщина Мось испугалась.

— Разве чужой пришел или что, почему ты так принюхиваешься? — напала женщина на мужа.

Женщина Мось снова открыла глаза, и что она видит?! Там на крюке висит медвежья шкура, а перед ней стоит князь-герой

редкой красоты. Правда, она еще никогда не видела такого мужчину! Теперь начинает и говорит мужчина:

— Женщина Мось из одинокой избушки, что ты ищешь в этой далекой земле, куда и птице не залететь?

— Я ищу свою шубу, которая досталась мне от матери, — отвечает женщина Мось.

— Не твоя ли любимая шуба потерялась?

— Как раз. Ах, я в этой шубе прошла всю созданную Торумом землю, и она даже не износилась, даже не порвалась. Ах, что это была за шуба! И теперь потерялась.

— Твоя шуба далеко отсюда, — предупредил деверь женщину Мось, — даже птице туда не долететь, не то что слабой, как ты, женщине.

— Я хочу разыскать свою шубу, даже если это стоит жизни!

— Ну, если у тебя есть ум, то, может быть, это не будет стоить тебе души, — ответил деверь женщине Мось.

Затем они поели и легли отдыхать. Поутру, когда они встали, мужчина тотчас приказывает жене:

— Жена, дай своей сестре летнюю шкурку белки!

Затем поворачивается к женщине Мось и спрашивает:

— Что тебе дал старший деверь?

— Он дал мне летнюю шкурку куницы, — ответила женщина Мось.

— Твой старший деверь, наверно, знал, что тебе дать! А теперь отправляйся в путь. В пути на Оби и на берегу моря ты скоро встретишь много людей. Но не слушай их, даже не смотри на них. Когда оставишь их позади, встретишь город. На краю города стоит дерево, и на вершине дерева — дом². На балке под окном этого дома на вершине дерева — тут твоя шуба. Когда подойдешь близко к дереву, положи шкурку куницы, которую дал тебе старший деверь. По обе стороны дерева лежат в ряд собаки, но не бойся их, они тебя не заметят. Иди спокойно дальше. Затем взбрайся на дерево и бери свою шубу. Накройся шкуркой летней белки, но чтобы при этом не думала: «Ну наконец-то моя шуба со мной» — иначе собаки тебя вмиг разорвут на куски. Ну иди, да не забудь, что я тебе сказал.

Женщина Мось отправилась в путь. Долго ли шла, коротко ли шла, наконец, когда у нее уже устали ноги, увидела она на берегу Оби людей, они рыбачили сетью. Один пел, другой смеялся. Но ей нечего здесь было искать, она даже не остановилась, а шла все дальше. Шла, шла, пока наконец не увидела перед собой что-то подобное городу. Перед городом — дерево, а на вершине дерева — едва заметный домик. Подходит она ближе, кладет шкурку летней куницы и начинает взбираться. По бокам дерева лежат собаки в железных цепях. Между ними расстояние едва ли будет фут, едва ли можно пройти. Но женщина Мось все-таки идет, берет свою шубу — не видно ни одной человеческой души, кладет шкурку летней белки и, как будто она и есть летняя белка, отправляется в обратный путь. Когда добирается

до подножия дерева, думает про себя: «Ну наконец! Я все же разыскала свою шубу». Но в тот же миг, как она подумала, набросились на нее собаки и проглотили на месте. Женщина Мось умерла, ее шуба осталась там, а душа побрела дальше. Душа побрела, пришла к дому младшей сестры, стукнула в дверь.

— О горе, она умерла! — сказала сестра и начала плакать.

Душа побрела дальше. Она добралась до дома старшей сестры, тоже стукнула в дверь.

— О горе, она умерла, та из моих, которая была вдаль! — вскричала старшая сестра и начала плакать.

Но душа опять побрела дальше, в свою собственную избушку. Там она проползла между многими шкурами диких зверей и многими шкурами куницы. Но напрасно заползла она туда, она не могла возродиться. Так и ушла опять из дома. Как раз земля начала обновляться, пришла весна, и душа женщины Мось заползла в землю. Там, где она заползла, скоро начал расти красный цветок. Он рос и рос все больше. Тут проходила медведица и съела красный цветок. Едва душа женщины Мось — это и был красный цветок — попала в медведицу, медведица забеременела и родила ребенка. Затем она родила еще одного, а в третий раз медведица произвела на свет хантыйскую девочку — женщину Мось из одинокой избушки.

— Я родила хантыйскую девушку, небесную девушку! — вскричала медведица.

Шло время, и она воспитывала ее вместе с другими. Когда девочка подросла, то надрала бересты и сшила из нее такую узорную берестяную коробочку, что просто чудо! Пока они так дни проводили, поднимается однажды медведица и говорит:

— Моя хантыйская девушка, моя небесная девушка, уходи отсюда, уходи куда-нибудь. Я чувствую, придут люди и убьют нас.

— Я вас не оставлю, — возразила ей девочка. — Ты мать, и лучше пусть они убьют меня, а вы останетесь жить.

— Моя хантыйская девушка, моя с неба пришедшая девушка, бог Торум определил день моей смерти, ты не можешь меня от этого избавить. Но потом, когда ты придешь к людям-хантам и во время пира они будут есть мое мясо, тогда ты, хантыйская девушка, моя небесная девушка, спрячь в тихом месте на берегу наши руки и ноги, наши прекрасные, как кедровые ветви, ногти³, чтобы наши души нашли их после смерти. Даже если будешь плакать, не забудь об этом!

Пока они так разговаривали, вдруг услышали, что снаружи расхаживают люди. Затем медведица-мать продолжала:

— Хантыйская девушка, моя небесная девушка, ты нас еще увидишь! Как только наступят сумерки, ты увидишь наши души в виде семи звезд на небе. Если тебя спросят, то скажешь только: «Это Дом Медведицы». Мы станем семью звездами.

В этот миг народ на улице начал ломать дом, дверь дома.

— Моя маленькая девочка, отойди подальше, чтобы они вместе меня тебя не обидели! — крикнула медведица-мать девочке.

Но девочка идет к двери и бросает перед домом украшенную берестяную коробочку. Когда люди увидели берестяную коробочку, начали спрашивать:

— Как сюда попала эта берестяная коробочка?

— Ее выбросили из дома, — сказал один.

Они рассматривают коробочку, не узнают ее. Такого рисунка никто у них не делал.

— Еще никогда мы не видели таких коробок из бересты. Как она попала туда, внутрь? Не живет ли человек в берлоге?!

Тут девочка выбросила еще берестяную коробку. Люди удивились:

— Как это так? Еще никогда не было берестяных коробок в медвежьем доме!

Тогда медведица-мать во второй раз крикнула дочери:

— Моя маленькая девочка, уходи отсюда!

Но и в этот раз девочка не послушалась ее, а вышвырнула в дверь третью берестяную коробочку. Опять среди людей некоторые закричали:

— В берлоге человек, как иначе бы сюда попали берестяные коробки?!

— Как может оказаться здесь человек?! — кричали между тем другие. — Злой дух здесь живет, злой дух, а не человек.

В доме медведица-мать опять кричит:

— Моя маленькая девочка, отойди подальше!

Тут люди втолкнули в дом бревно. Медведица-мать хочет наброситься на них сквозь отверстие в берлоге, но ее удерживает девочка:

— Мамочка, дай мне выйти первой!

Медведица-мать не слушает ее. Пришел день ее смерти, как определил бог Торум, она должна умереть. Итак, она вышла из берлоги, люди напали на нее и убили. Затем люди начали кричать снова:

— Там еще два маленьких брата! Еще два медвежонка остались!

И воткнули в берлогу кривое бревно. Старший медвежонок схватил его, но девочка крикнула ему:

— Брат, дай мне выйти!

— Сестренка, хантыйская девушка, небесная девушка, после нас они и тебя разорвут, оставайся здесь, — ответил он девочке.

Тут люди вытащили и молодого медведя, а снаружи убили его. Теперь девочка начала умолять младшего брата:

— Брат, я девушка, послушай меня! Дай вытащить меня вместо тебя!

Но он этого не допустил.

— Пусть они сначала вытащат все-таки меня. Так я умру раньше, и обоим моим глазам не придется смотреть, как они мучают тебя.

Тогда люди вытащили и второго брата, убили его. Внутри, в доме, девочка разразилась слезами. Люди подходят ближе, прислушиваются: из медвежьей берлоги доносится человеческий плач!

— Как это может быть? — спрашивают они друг друга.

Прислушиваются получше. Действительно, человеческий плач! Они уже хотят уходить, как девочка говорит громче:

— Вы убили всех моих! Почему вы не убьете наконец и меня?

— Человек! Нужно его вытащить! Но только как?! — кричат они наперебой.

Тут младший сын Городского Князя собирается с духом, идет в берлогу и выводит плачущую девушку. Что они видят: девушка одета в княжескую кунью шубу, в шелковый платок! Тут люди начинают перешептываться:

— Волшебницу, женщину Мось из одинокой избушки, ее достал сын Городского Князя из берлоги.

Так беседовали люди. А парень посадил девушку на свои сани слева, туда, где сажают жену, натянул повод, и они поехали. Короткое время он ехал с ней, долгое время ехал он с ней, наконец прибыли они в княжеский город. В городе уже рассказывают там и тут:

— Волшебницу, женщину Мось из одинокой избушки, ее достал в жены младший сын Городского Князя-старика.

— И правильно сделал, — сказал Городской Князь-старик.

И они ввели девушку в дом. Сделали ей занавес из шелка, отделили ей женский уголок, и с тех пор жила девушка у них.

Между тем мужчины привезли и ее мать, и братьев. С громкими, радостными криками собирается народ, начинают снимать шкуры. В это время игрок играет, певец поет, ворожей ворожит — каждый делает свое⁴. Затем едят, пьют и танцуют. Но девушка все плачет и плачет за занавесом. Она плакала так сильно, что ее глаза совсем опухли. Затем, когда тапек кончился, она начинает наблюдать. Она замечает, куда люди разбрасывают когти медведей, кедрововетвистые когти их рук, идет туда, собирает их и все уносит в тихий лес на берегу. Там она их укладывает — пусть их души возродятся.

Когда она идет назад, то вдруг слышит, как к ней подходят медведица-мать, ее братья-медведи. Она слышит, как их души говорят друг другу:

— Я родила хантыйскую девушку, небесную девушку. На когти с моих рук, на когти с моих ног нельзя наступать ногами! О горе, хантыйский мужчина ей понравился, она, наверно, уже забыла мой приказ!⁵

Когда они ближе подходят, она опять слышит:

— Хантыйская девушка, небесная девушка, нас сюда привел твой плач. Смотри, мы нашли наши когти с ног, мы нашли и наши когти с рук. Посмотри, сейчас наши души полетят на небо! Хантыйская девушка, моя небесная девушка, на небе по-

явится семь звезд. Смотри, седьмая звезда — это я! Справа и слева от меня двое моих детей. Дом Медведицы⁶ — так ты должна называть это созвездие, а как только твои слезы высохнут, тотчас ты должна сказать это и народу. Ведь он еще ничего не знает об этом. Тебя скоро спросят: «Почему это созвездие называется Дом Медведицы?» Тогда ты должна им сказать: «Она родила хантыйскую девушку, небесную девушку. Волшебница, девушка Мось из одинокой избушки, — это была ее дочь, поэтому это называется Дом Медведицы». Теперь же ты должна идти. Потом тебе завтра скажут: «Ешь!» Но ты должна им ответить: «Я не ем мяса своей матери, я не могу есть мяса своей матери-медведицы. И если вы меня будете заставлять семь зим и семь лет — все равно я не съем ни кусочка. Если я не могу здесь остаться, ну, тогда я пойду дальше, куда глаза глядят».

Так девушка и сделала. Она пошла в дом и сказала, как ей велели, слова матери. Это испугало Городского Князя-старика.

— Моя маленькая девушка, моя маленькая спеха, ты же не для того пришла, чтобы уйти?! Наверно, мы найдем какую-нибудь пищу, которая тебе разрешена!

Так женщина Мось осталась у них. И с тех пор как она к ним пришла, народ здоров и счастлив. На охоте дичь бежит как раз через дорогу, а во время рыбалки за хорошим уловом всегда приходит еще лучший. Потом девушка родила им и ребенка. Этого ребенка она еще и сегодня растит. Я уже сам бывал у них!

26. Мужчина Мось, рожденный из колена женщины

Жили-поживали женщина и мужчина. Они были уже старики, но у них не было ни сына, ни дочери. На старости лет они уже не думали больше о ребенке. Пока они так проводили дни, у женщины вдруг набухло колено. Ночью она не может спать и днем не может спать, а только рычит, как идол, как чудовище. И наконец говорит мужу:

— Муж, проткни мне колено! Может быть, тогда мне станет лучше.

Но муж не хочет этого делать.

— Как же я проткну человеческое мясо ножом?

Однако женщина не отстает от него:

— Наточи свой острый нож и проткни мне колено!

Муж наточил свой острый нож и проткнул колено жены. Но оттуда вышел не гной, а камень. Тут мужчина говорит:

— Странно! Как в человеческом мясе вырос кусок камня?

Рассматривает его и думает про себя: «Он такой большой, что из него выйдет хороший точильный камень». Взял камень и бросил его на угловую полку. Дальше проводят они дни и ночи.

Наступил вечер, они попили и поели, мужчина лег спать. Женщина еще прибрала пищу на столе и тоже легла. На другое

утро они встали. Но когда они решили поесть и попить, то их пищи не оказалось на столе.

— Как странно, муж! Кто здесь был? Съел всю нашу пищу! И вот когда наступил вечер, женщина сказала:

— На этот раз я нарочно оставляю пищу на столе. А ночью не буду спать.

Наступил вечер, и они легли. Мужчина скоро уснул, а женщина лежит, не спит. Пока она так лежит, вдруг с угловой полки спрыгнул семи- или десятилетний мальчик, побежал к столу, начал есть и пить. Когда он все съел, взобрался опять на полку. Наступило утро, они встали. И тут жена говорит своему мужу:

— Муж, сегодня ночью я видела ребенка. Но так как у нас нет ребенка, то давай схватим этого.

— Не говори глупостей, — отвечал муж, но жена говорит:

— Посмотри сам! Вечером мы опять оставим пищу на столе, но не ляжем спать, а подождем. Как только он сидит к столу, чтобы есть и пить, ты должен его схватить, муж.

Наступил вечер. Женщина и мужчина растянулись на нарах, но лежат без сна. Вдруг около полуночи с угловой полки спрыгнул чужой ребенок величиной с мужчину, чужой княжеский сын. Он подошел к столу и уселся есть и пить. Тут жена толкнула мужа:

— Иди и сцапай его!

Мужчина подошел и хотел схватить мальчика. Но они столкнулись и начали бороться. То мужчина берет верх, мальчик оказывается почти на нарах, то мальчик берет верх и почти затаскивает мужчину на угловую полку. Так они боролись и боролись почти до рассвета. Тут мальчик поднимается и говорит:

— Мать, отец, что вы мучаетесь! Я хочу спуститься и жить у вас. Не вам я хотел показать свою силу. С тех пор как я вырос, то хотел выйти померить свои силы. Далеко на вашей земле, на вашей воде живут четырехголовые старики Яляни. Они живут на мясе хантыйских мужчин, на мясе хантыйских женщин. С этим народом я хочу помериться силами. Если я выйду победителем, то жизнь хантыйских мужчин, хантыйских женщин станет свободной.

Жена и муж долго раздумывали, и наконец мужчина сказал:

— Сыночек мой, нужно много сил, чтобы победить стариков Яляней тех земель. С тех пор много взрослых мужчин пробовали свои силы, это нам не помогло. Но это правильно, мой сыночек, если хочешь, то иди. Может быть, иссякнут слезы хантыйских мужчин и хантыйских женщин.

Тут оделся сын и попрощался с ними. Затем отправился в путь помериться силами с четырехговыми стариками Ялянями. Долго ли шел, коротко ли шел, вдруг слышит жалующийся голос, как плач сороки. Мужчина Мось, рожденный из колена женщины, пошел туда. Тут встал на дыбы зверь Вурес двухголового старика Яляня. Старик Ялянь поднимается и говорит:

— Что, черт возьми, ты там увидел? Наверно, увидел мужчи-

ну Мось, рожденного из колена женщины, и думаешь, что он силен?

С этим старик Ялянъ спрыгивает со своего зверя Вуреса и подходит к мужчине Мось:

— Ты пришел, чтобы помериться силами?

— У меня нет силы. Давай только поочередно поборемся.

— Встань сначала на каменное, железное место! Я только хочу коснуться твоей головы.

Тут мужчина Мось вскочил на каменное, железное место. Вмиг старик Ялянъ вдавил его так, что он погрузился по поясной шов. Затем старик Ялянъ снова поднимается на своего зверя Вуреса, но мужчина Мось поднялся и говорит:

— Куда ты идешь?

Когда старик Ялянъ оглянулся, мужчина Мось стоял рядом:

— Теперь твое время пришло!

Старику Яляню не оставалось ничего другого, как встать на каменное, железное место. Мужчина Мось, рожденный из колена женщины, ударил его по голове так, что старик погрузился по пояс в каменное, железное место. Затем мужчина Мось взял свою саблю и срубил ему две головы, так что они упали по двум сторонам, покатались в два угла земли. Затем он поднялся снова и проговорил:

— Когда наступит время человеческих лиц¹, пусть не будет таких чудовищ на земле!

Затем он пошел дальше. Он прошел многие земли, многие воды, провел сотни, тысячи войн с мучителями хантыйского народа, пока вдруг не появился трехголовый старик Ялянъ. Он был еще сильнее, еще мощнее прежнего. Когда старик Ялянъ приблизился, его зверь Вурес начал вставать на дыбы и не хотел больше делать ни шага.

— Мой старый дружок Вурес, ты же прошел многие земли, многие воды, что с тобой случилось, чего ты испугался? — сказал старик Ялянъ. — Не бойся, это же мужчина Мось, рожденный из колена женщины.

Старик Ялянъ подошел, спрыгнул со зверя Вуреса и сказал мужчине Мось:

— Давай поборемся! Конечно, ты отправился, чтобы помериться силами с другими.

— У меня нет силы. Но если бороться, то давай поборемся.

Тут старик Ялянъ велел мужчине Мось встать на каменное, железное место, затем схватил его за голову и вжал его, вдавил по горло в камень и железо. После этого старик Ялянъ хотел взобраться на своего зверя Вуреса, но мужчина Мось поднялся и проговорил:

— Теперь твое время пришло!

Когда старик Ялянъ оглянулся, мужчина Мось стоял около него. Мужчина Мось схватил его за голову и вжал так, что он по шее погрузился в камень и железо. Тогда он поднял свою саблю и срубил все три головы, так что они покатались по трем сторо-

нам, по трем углам земли. Сделав это, мужчина Мось отправился в путь домой. Его путь пролегал через далекую землю, его путь пролегал через близкую землю; долго ли шел, коротко ли шел, вдруг услышал что-то подобное реву идолов, подобное реву духов. Подошел ближе. И вот видит: как кипящая вода на очаге хантыйской женщины — такая идет борьба. Семиголовый старик Ялян борется на семь сторон, так что кровь ручьями льется везде по кровавым питающим местам. Тут мужчина Мось громко вскрикнул:

— Мой семиголовый старик-дедушка, что ты хочешь от хантыйского мужчины, от хантыйской женщины? Если хочешь помериться силами, то подходи.

Мужчина Мось вынимает саблю и стоит в ожидании. Старик Ялян натянул поводья своего зверя Вурса, но зверь Вурс не хочет идти дальше.

— Что с тобой? Неужели ты чуешь мою смерть? Мы прошли многие воды, многие земли и уже видели кое-какую человеческую силу. Неужели ты боишься мужчины Мось? Тебе его нечего бояться!

Но как старик Ялян ни погонял своего зверя Вурса, он не мог его туда направить. Тогда он спустился и подошел к мужчине Мось. Началась дикая борьба. Если берет верх старик Ялян, то мужчина Мось почти теряет под ногами дарующую силы землю². Если берет верх мужчина Мось, то он почти вбивает в землю старика Яляна с его семью головами. Боролись они, боролись, и вот старик Ялян сказал:

— Давай закончим, у нас равные силы.

Но мужчина Мось ответил:

— Нет. Ты сожрал много мяса и крови. Пока я стою на этой священной земле, до тех пор хантыйские мужчины, хантыйские женщины не должны больше видеть крови, до тех пор не должны проливаться их слезы.

Начали они снова бороться. Мужчина Мось срубил семь голов старика Яляна, но его руки и ноги боролись не менее ловко. Вскоре старик Ялян опять стал сильнее, а мужчина Мось почти потерял под ногами дарующую силы землю. Вдруг задвигалась священная земля, кожистая земля. Тут почувствовал мужчина Мось, что он стал еще сильнее, чем прежде. Он поднял вверх старика Яляна и вбил его вместе с руками и ногами в землю. Затем зажег пламенный огонь и бросил в него старика Яляна. Его пепел развеял по ветру, из него появились комары и мошки³.

Затем он пошел к хантыйскому народу. Там сделал большое бескровное жертвоприношение, большое кровавое жертвоприношение, и было устроено огромное пиршество. Тут они дали ему в жены девушку с черемухоподобными косами, с розоподобными косами. С этой прекрасной женщиной он отправился в путь к своему отцу-матери. Там они живут в богатстве и изобилии по сей день.

27. Камень семпыр

Живет мужчина Мось с сестрой. Долгое время живут долго, короткое время живут коротко. Пока они так живут-поживают, брат за многие созданные Торумом дни наполняет шкурами амбары в лесу, наполняет амбары в горном лесу¹. Однажды, когда брат ушел в лес, вошел Богатырь Высотой Семь Соболей, говорит сестре мужчины Мось:

— Поищи у меня в голове!²

Женщина начала искать у него в голове. Долго или коротко искала, говорит:

— Хватит, иди домой! Мой брат придет, будет ругаться.

Едва кончилась эта ночь, женщина ушел. Слышно, что пришел брат. Свои пятью шкурами лося обклеенные лыжи ударяет друг о друга, как будто они раскалываются — раздается эхо семь раз, как будто они раскалываются — раздается эхо шесть раз³. Затем стряхивает брат кусочки льда и комочки снега, входит в дом.

— Ах, сестра, в твоём доме в глазах рябит, в ушах шумит⁴.

Сестра говорит:

— Я надела нечистые одежды⁵.

На этом брат оставил ее в покое. Поели, попили, легли спать. Утром встали, поели, попили. Брат за многие созданные Торумом дни наполняет многие амбары в горном лесу, наполняет многие амбары в лесу. Только брат ушел, заходит Богатырь Высотой Семь Соболей, говорит женщине:

— Поищи у меня в голове!

Женщина начала искать в голове. Долго ли, коротко ли искала женщина у него в голове, говорит:

— Иди домой, мой брат придет, это позор для меня.

Богатырь Высотой Семь Соболей пошел домой. Едва он вышел, пришел брат. Свои пятью шкурами лося обклеенные лыжи ударяет друг о друга, как будто они раскалываются — раздается эхо семь раз, как будто они раскалываются — раздается эхо шесть раз. Входит брат в дом, говорит сестре:

— В твоём доме в глазах рябит, в ушах шумит.

Сестра говорит:

— Я надела нечистые одежды.

На этом брат оставил ее в покое. Затем они поели, попили. Затем обернули голову и глаза, легли спать⁶. Утром встали, поели, попили. Брат пошел в лес. Когда брат ушел, входит Богатырь Высотой Семь Соболей, входит Богатырь Высотой Шесть Соболей⁷. Женщина начала искать у него в голове. Он вертит головой в ту и другую сторону, женщина говорит:

— Хватит, иди домой! Мой брат скоро придет.

Богатырь Высотой Семь Соболей еще глубже забирается головой в ее подол. Недолго пробыли они так, приходит брат. Слышно, как он гневно ударяет свои пятью шкурами лося обитые лыжи, как будто они раскалываются — грохочет эхо семь раз, как

будто они раскалываются — грохочет эхо шесть раз. Затем отряхивает кусочки льда и комочки снега, входит в дом. Богатырь Высотой Семь Соболей быстро встал:

— Будь здоров, старший брат героини, старший брат героя⁸. Не сердись! Я пришел, чтобы забрать твою сестру.

Мужчина Мось говорит:

— Что я могу поделывать? Если моя сестра хочет, пусть идет. Я не держу ее!

Затем они поцеловались и разошлись. Богатырь Высотой Семь Соболей встал, сдвинул свою жену, засунул в сумку, затем пошел дальше. Долго или коротко шел, пришел домой. Вытащил жену из сумки, бросил ее на пол. И вот она стоит, величиной с большую женщину, и вот она стоит, высотой с высокую женщину⁹.

Долгое время жили они долго, короткое время жили они коротко, родился у жены сын. Мать сшила ему колыбель из бересты, украшенную погастыми зверями, сшила ему колыбель, украшенную крылатыми зверями. Положила сына в колыбель. Когда малыш пошевелился, колыбель развалилась. В это время зашел Богатырь Высотой Семь Соболей, топором с рукояткой, топором с обухом бьет он жену:

— Проклятая баба! Если бы это был от меня сын, как бы он так сделал?!

Затем отец сделал ему деревянную колыбель. Мать положила его в деревянную колыбель. Когда мальчик пошевелился, деревянная колыбель развалилась. Богатырь Высотой Семь Соболей схватил свой топор с рукояткой, схватил свой топор с обухом, начал бить жену:

— Проклятая баба! Если бы это был от меня сын, как бы он это сделал?!

Затем отец приказал своим железо обрабатывающим людям, своим металл обрабатывающим людям сделать железную колыбель, сделать металлическую колыбель. Железная колыбель была готова, металлическая колыбель была готова. Мать положила его в железную колыбель, лопнула железная колыбель, железные осколки полетели туда-сюда. Богатырь Высотой Семь Соболей схватил свой топор с рукояткой, схватил свой топор с обухом, начал бить жену:

— Девушка без отца, без матери! Если бы это был от меня сын, как бы он это сделал?!

После этого ушел муж, оставил свою жену.

Мальчик подрастает за день на пядь, за день на ширину ладони. Наступил день, ворвался посланник:

— Богатырь Высотой Семь Соболей приглашает тебя завтра играть в камень семцыр¹⁰.

Наступил вечер, обернули они с матерью голову и глаза, легли спать. Утром сын встал, суконный халат с татарским воротником был давно готов. Надел — как раз по его размеру. Оторвал три куска от лесного духа, оторвал четыре куска от лесного духа, затем вышел. На улице столько народу — роится, как густая гуча

мошек, как густая туча оводов. Сыновья, рожденные от Богатыря Высотой Семь Соболей, кричат:

— Ну, младший из сыновей, рожденных от Богатыря Высотой Семь Соболей! Мы метнем камень семпыр, а ты лови!

Тогда говорит он своему светлому отцу на седьмом небе о коньковой балкой и дымоходом¹¹:

— Если ты действительно определил меня над сотнями крылатых духов, если ты действительно определил меня над сотнями ногастых духов, то пусть этот кинутый камень упадет перед моим носом!

Едва кончилась эта речь, камень семпыр упал перед его носом и увлек за собой одну полу его суконного халата. Он метнул камень назад. Половина народа, многочисленного, как густая туча мошек, как густая туча оводов, была унесена. Затем он пошел в свой дом. Едва он вошел, как зашел Богатырь Высотой Семь Соболей; топором с рукояткой, топором с обухом бьет он мать:

— Девушка без отца, без матери! Если бы это был от меня сын, как бы он так сделал?! Мои люди все убиты.

Сын говорит:

— Ты отец, позвал меня играть в камень семпыр. Моя мать не сделала ничего плохого!

После этого Богатырь Высотой Семь Соболей молча исчез. Наступил вечер, он и его мать обернули голову и глаза, легли спать. Утром сын встал, халат с татарским воротником давно готов. Сын надел его — точно по размеру! В этот момент заходит посланник:

— Твой отец приглашает тебя играть в камень семпыр.

Затем он вышел. Сколько тут нового народу было, еще больше прежнего! Сыновья, рожденные от Богатыря Высотой Семь Соболей, говорят:

— Мы метнем камень семпыр, ты лови!

Метнули камень семпыр, он говорит:

— Если я моим светлым отцом, живущим на седьмом небе с коньковой балкой и дымоходом, определен над сотнями крылатых духов, над сотнями ногастых духов, то пусть камень семпыр упадет перед моим носом.

Едва закончилась эта речь, камень семпыр упал перед его носом и увлек с собой одну полу его халата. Затем он схватил каменный мяч семпыр, метнул его назад. Половина народу его отца была вся унесена. После этого он пошел в дом. Едва он вошел, как заходит Богатырь Высотой Семь Соболей; топором с рукояткой, топором с обухом бьет его мать:

— Проклятая баба! Если бы твой сын был от меня рожден, как бы он так сделал?!

Сын говорит:

— Ты меня позвал, моя мать не сделала ничего плохого.

После этого отец молча исчез. Наступил вечер, они обернули голову и глаза, легли спать. Утром сын встал, халат с татарским

воротником давно готов. Сын надел — как раз по его размеру! В этот момент вошел посланник:

— Отец приглашает тебя играть в камень семпыр.

Затем он вышел. Сколько нового народу здесь было, теперь еще больше народу! Сыновья, рожденные от Богатыря Высотой Семь Соболей, метнули камень семпыр. Он сказал затем:

— Мой светлый отец на седьмом небе с коньковой балкой и дымоходом! Если я действительно определен над сотнями крылатых духов, над сотнями ногастых духов, то пусть камень семпыр упадет перед моим носом!

Едва кончилась эта речь, камень семпыр упал перед его носом. Он поднимает его, взвешивает на ладони:

— Брошу его в лежащие в той далекой местности, в тех далеких странах горячеводные семь морей с одним устьем, в шесть морей с одним устьем. Пусть там упадет камень семпыр!

Затем он метнул его, каменный мяч семпыр упал в горячеводное море. На этом закончилась его песня, его сказка ¹².

Наступил день, зовет его к себе отец — Богатырь Высотой Семь Соболей. Пошел он к отцу, отец говорит:

— Поезжай со своими братьями в гости в город, населенный семью каменноглазыми богатырями, шестью каменноглазыми богатырями ¹³. Пусть семь твоих братьев сядут на весла, а ты — на корму.

Сын пошел домой. Пришел домой, говорит матери:

— Отец посылает меня в гости в город, населенный семью каменноглазыми богатырями, шестью каменноглазыми богатырями. Мой отец взял жену из города семи каменноглазых богатырей, его жена родила семь сыновей.

Мать говорит:

— Что поделаешь, ты хозяин. Если идешь, то иди, я тебя не держу. Иди с богом. Иди со светлой рукой, иди со светлой ногой, возвращайся со светлой ногой, со светлой рукой!

Мать говорит:

— Я буду ждать тебя долгим ожиданием.

Мать взяла из угла украшенный меховой мешок, дала его сыну. Сын засунул его в нагрудный карман. Затем поцеловала его мать, обняла, и он пошел.

Когда он пришел к лодке, все его братья сидели на носу лодки. Поцеловали его отец и вторая жена отца, обняли, отец посадил его на корму. Затем они поплыли. Долгое время ехали они долго, короткое время ехали они коротко. Пока они так ехали, попали в город. Младший сын, рожденный от Богатыря Высотой Семь Соболей, держит нос лодки прямо, держит корму лодки прямо. Какой-то старик, зацепив их лодку лыжным посохом ¹⁴, подтащил ее к берегу. Старик забрел в воду, вынес своего племянника на берег, вынес его на берег. Дядя (старший брат его матери) кормит его, поит. Дядя взял из угла коробочку, засунул ее племяннику в нагрудный карман, поцеловал его и проводил до реки. Его братья сидели в лодке. Дядя посадил его на корму.

Его братья стали дальше грести. Долгое время они ехали долго, короткое время они ехали коротко. Пока они так ехали, прибыли в город, населенный семью каменноглазыми богатырями. Его братья говорят:

— Мы выйдем на берег продать шкуры. Ты оставайся здесь до нашего возвращения.

После того как его братья ушли, он поставил на песчаном берегу изготовленный его матерью снабженный колокольчиками полог¹⁵. Пока он валяется в пологе, слышит, что подходят двое мужчин-ровесников.

Один говорит:

— Я схвачу его.

Другой говорит:

— Я схвачу его.

Один говорит:

— Ты его упустишь.

Другой говорит:

— Ты его упустишь, я схвачу.

Так споря, они подходят. Навалились на крышу полога. Он нырнул в воду. На середине Оби всплыл, вскрикнул священным голосом железной гагары, металлической гагары¹⁶. Затем снова нырнул, у пристани города своего дяди вынырнул наверх. Священным голосом железной гагары вскрикнул он, священным голосом металлической гагары вскрикнул он. Затем встряхнул головой и снова нырнул, в нырке проплыл один за другим семь прямых, шесть прямых отрезков Оби. Всплыл у пристани своего города, вскрикнул священным голосом железной гагары, металлической гагары. Затем вышел на берег, величиной со взрослого человека стоял он тут, ростом с высокого человека стоял он тут. Затем пошел на берег. Короткое расстояние он прошел, длинное расстояние прошла навстречу ему мать¹⁷. Поцеловала его, обняла.

Недолго он прожил, его отец посылает посланника.

— Твой отец зовет тебя!

Он говорит посланнику:

— Иди, я приду.

После того как посланник ушел, он пошел в дом своего отца.

Отец говорит ему:

— Поедем вместе!

Затем он пошел домой. Пришел домой, говорит матери:

— Отец приглашает меня ехать в город, населенный семью каменноглазыми богатырями.

Мать говорит:

— Поезжай! Что я могу поделать — поезжай!

Поцеловала его мать, обняла, затем он вышел. Когда он пришел к реке, его отец был уже в лодке. Отец сел за весла, его посадил на корму. Затем они двинулись. Долгое время ехали они долго, короткое время ехали они коротко. Пока они так ехали, прибыли в город. Он держит нос лодки прямо, корму лодки прямо. Их лодку подтаскивает к берегу старик. Его дядя забрел и

воду, вытащил лодку за корму на берег. Вынес своего племянника на берег, накормил, напоил. Дядя взял из угла старую коробочку, засунул ее племяннику в нагрудный карман. Проводил его дядя к реке, посадил на корму лодки. Дядя совсем не заботится о своем свояке¹⁸. Затем он попрощался со своим племянником.

Двинулись они дальше. Долгое время ехали они долго, короткое время ехали они коротко. Пока они так ехали, прибыли в город. Он и отец — оба вышли на берег. Они вышли, пошли в дом, населенный семьёю каменноглазыми богатырями. Поздоровались с ними. Обоих посадили за стол с пивом, за стол с медом. После того как они встали с пивной головой, с медовой головой, говорят семь каменноглазых богатырей:

— Мы дадим тебе в жены без калыма, в жены без выкупа младшую из трех наших сестер, воспитанных в доме камсар. Мы приведем тебя в отдельный дом¹⁹, тебе не придется жить с братом жены.

Едва кончилась эта речь, как его привели в другой дом. Посадили его на нары с занавесом²⁰, повесили на огонь семидонный котел²¹, наполнили доверху лосиным мясом. Пока он валялся на нарах, на дымоходное отверстие дома опустилась птичка²²:

— Сиски тев, тев. В четырех углах твоего дома положен огонь. Он вскочил, прогнал птичку:

— Зверь без отца, без матери, почему ты обманываешь? Я получу жену без калыма, жену без выкупа.

Затем топит он большой семидонный котел, валяется на нарах с пологом. Пока он валялся, опустилась на дымоходное отверстие птичка:

— Сиски тев, тев. В четырех углах твоего дома положен огонь.

Он прогнал птичку:

— Зверь без отца, без матери, почему ты обманываешь? Я получу жену без калыма, жену без выкупа.

Затем начал топить большой семидонный котел, бросился на нары с пологом. Пока он там валялся, опустилась на дымоходное отверстие птичка:

— Сиски тев, тев. В углах твоего дома появилось пламя.

Он вскочил, подбежал к двери, хоть он и толкнул дверь, она только загудела. Тогда стал он молить своего светлого отца на седьмом небе с коньковой балкой и дымоходом о панцире с кольцами²³, как мелкая рыба чешуя. Едва кончилась эта речь, со звоном упал панцирь с кольцами, мелкими, как рыба чешуя. Вместе с ним он набросил на себя меч, подол его панциря кончался у щиколоток. Он оперся на меч, вскочил. Когда он вскочил, то тут стоят семь каменноглазых богатырей с телами голыми, как их мать родила. Его светлый отец на седьмом небе с коньковой балкой и дымоходным отверстием облил его чашкой темной крови, мрачной крови²⁴; он начал рубить. Долгое время рубил он долго, короткое время рубил он коротко.

Вдруг он почувствовал: из него посыпались вши. Он взобрался на дерево, снял кожу с головы, начал убивать вшей. В этот миг его дядя под деревом громко засмеялся:

— Племянничек, что ты делаешь?

Тот испугался и быстро натянул кожу на голову²⁵. Он спустился, его дядя говорит:

— Первую половину моего города ты уже всю убил. Почему ты такой сердитый? Я стряхнул на твою голову коробочку, полную вшей²⁶.

Дядя поцеловал его, обнял, затем они разошлись. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Если падает снег, это напоминает ему о зиме; если идет дождь, это напоминает ему о лете. Долго ли, коротко ли шагал, пришел домой. Три угла дома его матери уже совсем обвалились. Он взобрался к дымовому отверстию: у матери осталась единственная искорка огня. Если он пришел летом, то с конца его весла упала капля воды, если пришел зимой, то с конца его лыжного посоха упала снежинка. Его мать заплакала:

— То ли сверху пришедший бродяга, то ли снизу пришедший бродяга затушил искорку, которую видел еще мой сын.

Тут сын рассмеялся:

— Мать, еще и трех дней не прошло после моего ухода, а ты уже ругаешься.

Мать выбежала к сыну, чтобы его поцеловать. Сын толкнул ее ногой и отбросил. На этом конце поля она заплакала, с того конца поля появилась. Она стала трехлетней маленькой женщиной, углы ее платка стелются вниз²⁷. Сын отрубил от лиственницы лиственничную щепку, отрубил от пихты пихтовую ветку. Бросил ее семь раз через голову — появился семисаженный дом; бросил шесть раз через голову — появился шестисаженный дом; в его окна стучит дятел, в его печи прыгает лягушка.

Пока они так жили-поживали, говорит мать сыну:

— Наколдуй своего дядю в гости²⁸.

Племянник вызвал его. Дядя свалился к ним, как издали падающая капля дождя, как издали падающая снежинка. Они устроили большой пир для всей деревни, устроили большой пир для всего города. Месяц или неделю ели они. Богатая женщина, богатый мужчина облизывали пальцы; бедная женщина, бедный мужчина унесли еды на месяц, унесли еды на неделю. Дядя говорит племяннику:

— Иди в страну своего обитания! Вечером принимай не принятую утром жертву, утром принимай не принятую вечером жертву²⁹.

Дядя говорит своей сестре:

— Иди к своему самовсплывающему холму с гнездом озерной гагары, иди к своему самовсплывающему холму с гнездом гагары! Вечером принимай не принятую утром жертву, утром принимай не принятую вечером жертву³⁰.

Дядя говорит:

— Я пойду в свой город в форме несущейся лошади, пойду в свой город в форме бегущей лошади. Сижу там, держа души маленьких девочек, сижу там, держа души маленьких мальчиков³¹.

Затем они поцеловались, обнялись, пошли по трем сторонам земли. И до сегодняшнего дня живут в счастье, благополучии.

28. Женщина Мось и женщина Пор

Живут лиса и зайчиха. Наступил день, они начали готовить каток. На другой день пошли к катку кататься на санках. Лиса всегда едет первой. Два-три раза съехала первой, говорит зайчихе:

— Поезжай ты первой.

Зайчиха говорит:

— Я не поеду первой.

Затем зайчиха говорит:

— Вчера же ты первой ехала, что с тобой сегодня случилось?

Начали спорить. Одна говорит:

— Ты поезжай первой.

Другая говорит:

— Ты поезжай первой.

Хотя зайчиха стояла печальная и грустная, она съехала первой. Не доехала она и до середины склона, как ее переехала лиса, сломала ей хребет.

Двое детей зайчихи так ждали свою мать, так ждали — она все не идет. Они подкрались к дымоходу лисы и смотрят через дымоход вниз¹. Кипит котел. Слышно, как дети лисы требуют:

— Дай мне этот глазной жир, дай мне этот глазной жир!

Слышно, как мать детям:

— Жрите глазной жир ее двух детей!

Они отползли от дымохода, пошли домой с плачем, с воем. Старшая сестра говорит младшему брату:

— Побежали быстрее!

Они взяли гребень, взяли оселок, взяли кремень. Долго идут, коротко идут, показалась лиса. Сестра оглянулась: лиса вот-вот тут их схватит, вот-вот там их схватит. Сестра бросила гребень:

— Если нашей песне, нашей сказке продолжаться², пусть вырастет такой густой лес, что носу не проникнуть, глазу не проникнуть.

Оглянулись — ничего не видно. Сестра говорит брату:

— Она, конечно, отстала.

Опять оглянулись и видят, что лиса идет. Только разодранные волосы развеваются на ветру. Вот-вот тут их схватит, вот-вот там их схватит. Сестра бросила оселок:

— Если нашей песне, нашей сказке продолжаться, пусть возникнет такая большая гора, что до неба достанет, до Торуа достанет. Ногтями за нее не схватиться, зубами за нее не схватиться!

Оглянулись — ничего не видно. Сестра говорит брату:

— Она, конечно, отстала.

Прошло совсем немного времени, лису опять стало видно, язык весь наружу свисает. Вот-вот тут их схватит, вот-вот там их схватит. Сестра бросила оставшийся камень:

— Если нашей песне, нашей сказке продолжаться, пусть возникнет такой большой огонь, что до неба достанет, до небосвода достанет!

Оглянулись — лисы и след простыл. Сестра говорит брату:

— Теперь она точно отстала.

Сняла сестра брата с плеч, начали они есть морошку. Долго ели, коротко ели — кто это видел? Брат начал кричать:

— Сестра, мои ножки увязли в земле!

Сестра дальше ест морошку. Немного погодя брат снова начал кричать:

— Сестра, сестра, я уже по пах в землю ушел!

Сестра как ни в чем не бывало дальше ест морошку. Немного погодя брат опять начал кричать:

— Сестра, сестра, я по горло ушел, вытяни меня!

Сестра глянула туда: действительно, он по горло ушел. И хотя она поспешила туда, брат исчез в земле.

И вот идет она с плачем, с воем, куда голова ведет, куда глаза глядят. Шла, шла и ударила кулаком по гнилому пню березы. Оттуда выскочила женщина Пор:

— Кумушка, кумушка, почему ты разрушаешь мой дом?³

Они объединились. Долго шли, коротко шли — кто это видел? Подошли к озеру. Женщина Пор говорит женщине Мось⁴:

— Кумушка, кумушка, искупаемся?

Женщина Мось говорит:

— Я не хочу.

— Что значит — не хочу! Раздевайся!

Женщина Пор разделась, прыгнула в воду. Женщина Мось хоть и стояла печальная и грустная, но все же начала раздеваться. Только она вошла в воду, женщина Пор выпрыгнула на берег, одела соболиные одежды, меховые одежды женщины Мось. Женщина Мось поднялась на берег:

— Почему ты надела мои одежды?

Женщина Пор бросила женщине Мось свои корыстные одежды. Женщина Мось говорит:

— Принеси сюда мои одежды!

Женщина Пор говорит:

— Я тебе не отдам, надевай эти одежды.

Женщина Мось говорит:

— Если всю не отдашь, то на завязке шубы висит маленький мешочек, дай его сюда!

— Кумушка, кумушка, на что мне твой мешочек? Бери!

После того как женщина Мось взяла свой мешочек, она оделась в такие же соболиные одежды, меховые одежды.

Долго шли, коротко шли — кто это видел? Женщина Пор говорит женщине Мось:

— Мы идем, идем и придем к городу. Сын Городского Дере-

венского старика и сын Тонтон-старика⁵ стреляют на улице стрелами.

Женщина Пор говорит женщине Мось:

— Ты там возьми стрелу сына Тонтон-старика, я возьму стрелу сына Городского Деревенского старика.

Вот они идут, идут и действительно приходят к городу. Оба сына — Тонтон-старика и Городского Деревенского старика — стреляют на улице стрелами. Хотя женщина Пор хотела поднять стрелу сына Городского Деревенского старика, женщина Мось оттолкнула ее в сторону. Стрелу сына Городского Деревенского старика взяла женщина Мось, стрелу сына Тонтон-старика взяла женщина Пор. Женщина Мось пошла к дверям дома Городского Деревенского старика. Слышит, как Городской Деревенский старик говорит дочерям:

— Идите, введите свою невестку!

Женщину Мось взяли за обе руки, ввели в дом.

Долго жили, коротко жили, Тонтон-старик пришел в дом Городского Деревенского старика и говорит:

— Завтра нужно город обмотать.

Настало утро. Женщина Пор сплела камышовый канат, его хватило только на половину города. Женщина Мось сплела такой канат, что его хватило обвить город два раза, три раза.

Долго жили, коротко жили, у женщины Мось родился сын. Женщина Мось говорит своему свекру:

— Когда я сюда пришла, моего младшего брата затащило в землю, пойду посмотрю это место.

Наступил следующий день, свекор запряг ей трех черных, как сажа с котла, быков-олений. Женщине Пор ее свекор запряг трех рыб-усачей, они стремятся затащить ее в ледяную лунку. Долго ехали, коротко ехали, женщина Пор говорит:

— Я уже прибыла к цели.

Она вошла в свой прежний гнилой пенек березы. Женщина Мось долго ехала, коротко ехала, прибыла на место, где ее брат ушел в землю. Какой дом здесь стоит, да так сверкает, да так блестит! У двери рычит, ворчит собака. Внутри слышно женщину:

— Если это желанный мне человек, оближи ему снежные комья, ледяные комья и втолкни внутрь! Если это нежеланный мне человек, разорви его в пух и прах⁶.

Собака слизала женщине Мось снежные комья, ледяные комья, втокнула ее в дом. Там сидит женщина с шитьем. Эта женщина спрашивает:

— Откуда пришла, гостя?

Женщина Мось говорит:

— Когда в прошлый раз здесь проходила, моего брата затащило в землю.

Женщина говорит:

— Если у тебя был брат — это дом твоего брата.

Прошло немного времени, слышно — к дому человек пришел. Немного погода вваливается медведь! Два-три раза попрыгал в

доме, снял свою шкуру. Брат обнял за шею сестру, от радости не знает, как они встретились; сестра обняла за шею брата, от радости не знает, как они встретились. Они поцеловались, обнялись.

Сын женщины Мось — человек песни, человек сказки долго ли растет? ⁷ Достиг возраста бега ⁸. Дядя сделал ему такую стрелу: сюда выстрелит — она звенит, туда выстрелит — она звенит!

Долго жили, коротко жили, говорит женщина Мось своему брату:

— У меня с сыном тоже есть своя земля!

Наступил следующий день, брат запряг женщине Мось шестилетних белоснежных быков-олений со спинами как жерди ⁹. Говорит сестре:

— Не оглядывайся, пока этот дом не исчезнет.

И вот женщина Мось ехала, ехала и подумала, что дом исчез. Оглянулась: позади идет оленье стадо, начала его не видно, конца его не видно. Добралась она до прежнего места. Выскочила женщина Пор; ее старшие братья запрягли ей трех усачей. Прибыли они в город. Тонтон-старик и Городской Деревенский старик спорят на улице. Тонтон-старик говорит:

— Сначала прибудет моя сноха, она сворачивает на мою дорогу.

Городской Деревенский старик говорит:

— Сначала прибудет моя сноха, она сворачивает на мою дорогу.

Они доехали до развилки, женщина Мось прибыла к двери дома Городского Деревенского старика, женщина Пор прибыла к двери дома Тонтон-старика. И сегодня они живут в счастье, благополучии.

29. Три Пор-нэ

Жили-были три Пор-нэ. Так жили, так были, ходили к манть-ку воровать рыбу на реку. Так они идут, так они поют:

Один мой подол рэп-рэп-рэп,

Другой мой подол рэп-рэп-рэп.

Пришли к забору манть-ку, подняли морду, посмотрели, что в ней. Сколько рыбы они вытащили, столько увезли домой.

Однажды манть-ку заметил это дело. Манть-ку пошел вслед за Пор-нэ. Видит, что они заходят в дом, варят пищу. Манть-ку забрался на крышу дома, достал мухомор, накрошил в котел. Потом Пор-нэ начали есть, съели рыбу с мухомором и опьянели ¹. Первая Пор-нэ так поет:

— Женщина зашивающая, женщина зашивающая, женщина зашивающая гнилую обувь, попортившуюся обувь.

Средняя Пор-нэ поет:

— Девушка с дровами, женщина с дровами, девушка с дровами, женщина с дровами.

Третья Пор-нэ поет:

— Я вижу себя висящей на вершине черемухового куста, ря-

бинового куста, я вижу себя на вершине черемухового куста, рябинового куста.

Поднялся вихрь. Дом подняло на воздух. Первую Пор-нэ унесло на середину реки, закинуло в водоворот. Другая Пор-нэ, средняя Пор-нэ, зацепилась за дерево, там осталась. Третью Пор-нэ тоже поднял ветер, она зацепилась косой за вершину дерева.

Вихрь кончился. Посветлело. Пришел манть-ку. Первую Пор-нэ вытащил с середины реки, среднюю Пор-нэ посадил рядом с первой, а самую младшую Пор-нэ снял за косы с вершины дерева. Всех Пор-нэ он унес в свой дом. Младшая Пор-нэ стала его женой, старшая Пор-нэ стала швеей, средняя — женщиной, таскающей дрова.

30. Священное сказание о Желанном Богатыре — Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света

На земле без дерева, на земле без травы¹ Желанному Богатырю — Купцу Нижнего Света, Купцу Верхнего Света и его супруге-гусыне, супруге-утке² бог Торум, бог Етым³ предназначили одну-единственную дочь. Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, Верхнего Света много сотен зимних дней, много сотен летних дней ходит по своей купеческой дороге нижнего света, по своей купеческой дороге верхнего света.

Однажды его великий небесный отец, его великий небесный батюшка устроил большой праздник, посвященный небу, большой праздник, посвященный земле. Сели они за стол с неисчерпаемым пивом, сели за стол с неисчерпаемой медовухой. Выбирая вкуснейшие куски, как гусь, выбирая вкуснейшие куски, как утка, его жена говорит:

— Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, пока ты расхаживаешь по своей купеческой дороге нижнего света, пока ты расхаживаешь по своей купеческой дороге верхнего света, ты продаешь-покупаешь дорогой товар русского человека, дорогое имущество русского человека. А ведь нам богом Торумом, богом Етымом назначена одна-единственная дочь. В будущем от богатыря с какого-нибудь края реки, от богатыря с какого-нибудь края земли придет за ней свадебный поезд, придет за ней войско. Ты подумай-ка, старик, если летом придут за нашей дочерью, то в пустую лодку ее будут сажать, если зимой придут, то в пустые сани будут ее сажать. А ее отец называется Купцом Нижнего Света, Купцом Верхнего Света. Потом все именитые с речного края, все именитые с земного края будут говорить: «Зря его называют Желанным Богатырем — Купцом Нижнего Света, зря его называют Желанным Богатырем — Купцом Верхнего Света». Ты, старик, пока ходишь да продаешь дорогое имущество русского человека, покупаешь дорогой товар русского человека, из товаров получше отложил бы для нее по куску ткани, чтобы помаленьку собрать ей сотни вещей невесты, сотни вещей девушки на выданье!

Кто сосчитает проведенные ими ночи, кто сосчитает проведенные ими дни? В течение долгого века их жизни, пока Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света ходил по купеческой дороге нижнего света, по купеческой дороге верхнего света, бог Торум, бог Етым действительно одарил их одной-единственной дочерью. Он при случае откладывает по куску ткани из дорогого имущества русского человека, из дорогого товара русского человека; так и наполнил богатством шесть жердей из лиственницы, так и наполнил богатством шесть жердей из ели⁴.

Когда они так жили-поживали, заходящие многие вестники-мужчины, заходящие многие вестники-женщины говорят им однажды:

— Из залива Северного моря, из края Северного моря, темноводного священного моря, темноводного благословенного моря выплыло множество лодок с берестяными бортами; с громом едут они по шести обским городам, по семи обским городам⁵. У кого хорошая дочь — того покидает хорошая дочь, у кого хороший сын — того покидает хороший сын. С каждой зарей все ближе они, с каждым закатом все ближе они!

Такая весть распространилась, такой слух распространился. Пока эта песня звучала, пока эта сказка звучала, лодки дошли уже до края деревни, до края города, где проживал Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света. У кого маленькая дочь — его маленькую дочь стреляют, у кого маленький сын — его маленького сына стреляют стрелами величиной с чешую сырка⁶.

Пока они ночи проводят, пока они дни проводят, им бог Торум, бог Етым предназначил одну-единственную дочь, она тоже была тронута стрелой величиной с чешую сырка. Маленькой стрелой величиною с лист дерева в нее стреляют. Родители кормят ее наваром с гусиного мяса, кормят ее наваром с утиного мяса. Все напрасно. Ее душа угасает.

Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света со своей женой-гусыней, со своей женой-уткой давятся горькими слезами, давятся печальными слезами. Ну как же, ведь бог Торум предназначил им одну-единственную дочь! Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, отец за свою долгую жизнь, когда он ходил по веселой купеческой дороге нижнего мира, когда он ходил по веселой купеческой дороге верхнего мира, дорогими товарами русского человека, дорогим имуществом русского человека завешал семь жердей из лиственницы, завешал семь жердей из ели. Но куда ему деть сотни вещей невесты, сотни вещей девушки на выданье? Сколько поместилось на ее тело, сколько закрыло ее тело, надели на нее. А куда увозить остальные вещи? Унесли за леса, унесли за поля⁷, положили в ее могилу. Три раза плача, они сидят, три раза горюя, они сидят после того, как ее унесли за леса, за поля. Так провели семь ночей, так провели семь дней.

Прошло много зимних дней, прошло много летних дней, и он

свою веселую купеческую дорогу верхнего света, веселую купеческую дорогу нижнего света совсем забросил.

Потом жена и муж свою стопечальную думу стали забывать, свою многорестную мысль стали забывать. Кто сосчитает проведенные ими ночи, кто сосчитает проведенные ими дни? Однажды, когда они ели еду, когда они пили воду, жена говорит:

— Мой муж, Желанный Богатырь Нижнего Света, мой муж, Желанный Богатырь Верхнего Света, до каких пор мы будем сидеть с печальной думой, до каких пор мы будем сидеть с горестной мыслью? Что делать? Долго мы печалимся, долго мы горюем — она никогда не вернется. Может быть, мы будем жить подольше. Одного добытого зверя, одной пойманной рыбы хватит ли на сотню дней нашей жизни? Ты теперь, мой муж, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, разыскал бы свою веселую купеческую дорогу нижнего света, свою веселую купеческую дорогу верхнего света.

— Ну правда, жена, все мои мысли уже притупились.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света начал готовить в дорогу двух коней. Приготовил коней, дорогой товар русского человека, дорогое имущество русского человека. Нагрузил на двое саней, придавил бастрыком, как сено. Нагрузил сани, вывел коней, запряг их, с женой они дважды прощаются, трижды прощаются, обмениваются ста крепкими поцелуями в нос, ста крепкими поцелуями в ухо. Затем Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света направился в дорогую сторону северной Оби. Заезжает в этот город, заезжает в эту деревню. «Ну, в этом городе, в этой деревне часто обманывают. Во время прежних приездов взяли у меня, а не заплатили».

Так он едет семь ночей, едет семь дней. Вот миновал беловодную питающую Обь, где поднимается рыба, вот миновал беловодную многорыбную Обь, где поднимается рыба. В устье черноводного благословенного моря, где поднимается рыба, он приехал. По пути находит след мыши — выслеживает ее, находит след ласки — выслеживает ее. Вот и кончилось черноводное священное море, где поднимается рыба, вот и кончилось благословенное море, где поднимается рыба. Забрался в такую даль, где рассвет как осенняя ночь, а на закате совсем темно. Остановил он коней:

— До каких пор мне идти? Куда ведет теперь моя дорога?

Туда повернется, сюда повернется:

— Кто будет плакать обо мне? Где-нибудь так и погибну.

Затем дальше погнал коней. Пока ехал долгий век, пока ехал короткий век, видит: как будто кто-то мелькает там. Видит, приближается оленья упряжка, уже очень близко подъехала. Запряжены два холощенных быка, белых, как небесный лед, два холощенных быка, белых, как небесный снег. Сидит на нарте человек в парке, белой, как небесный лед, белой, как небесный снег. Съехались они. Тот остановил оленью упряжку, а этот остановил коней.

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Бога-

тырь Верхнего Света,— говорит оленный человек,— что за сила тебя сюда пригнала, что за сила тебя принесла, здравствуй!

— А, не говори, друг, я не знаю дорогу. Пытаюсь вернуться, да не найду обратную дорогу.

— Ну чего ты идешь-то, что везешь-то?

— А что я везу? Дорогой товар русского человека, дорогое имущество русского человека я везу.

— Давай поменяемся на твой дорогой товар русского человека, на твое дорогое имущество русского человека.

— Давай поменяемся. Твои шкурки красного зверя, твои шкурки черного зверя где?

— Мои шкурки красного зверя, мои шкурки черного зверя дома. Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, давай поедem в мою землю. Смотри, там кони отдохнут и ты отдохнешь. Моя земля рядом, не очень далеко.

Он думает: «Забрался на далекую землю, недоступную даже лосю, где моя земля, где она осталась? Ну, если идти, то идти».

И погнался за человеком. Олени, белые, как небесный лед, белые, как небесный снег, выбивают снежные комья величиной с черпак, снежные комья величиной с чашку. Пока они ехали долгий век, пока они ехали короткий век, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света слышит: кто-то приближается, деревья с корнями выдергивая, и слышно, как несет с собой; если попадаетея дерево с твердой сердцевиной, то слышно, как ломается пополам, если попадаетея дерево с мягкой сердцевиной, то шумит-изгибается, как на ветру. Раз крикнет — и уже здесь, раз свистнет — и уже тут. Его проводник остановил оленей и так говорит:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, встань-ка быстрее под подгрудок моих оленей. Он остановился, еле успел спрятаться под подгрудок оленей, как подскочило что-то. Оказывается, это длинный мертвец с края кладбища, это тонкий мертвец с края кладбища. Засмеялся мертвец:

— Эге-ге-ге, милый Желанный Богатырь, странник по рекам, странник по землям. Странствуя по рекам, странствуя по землям, ты принес мне свежее мясо, свежую кровь⁸.

Оленный человек говорит тихим голосом:

— Ага, в место, назначенное богом, я везу, а в не назначенное богом место чего я повезу? Дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека я везу сзади, если надо, то возьми.

Длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища перегнулся, туда заглядывает, сюда заглядывает:

— Нет, это мне не нужно.

Повернулся и ушел в ту сторону с криками, с воплями, выдергивая деревья с корнями, деревья с ветвями. Человек, сидящий на оленьей нарте, говорит:

— Ну, иди, иди, садись на свои сани.

Что ему делать: если сядет, то беда, и не сядет, то беда. Думу думающего человека он думает: «Разве я могу вечно носить свою душу?»⁹ Сел в сани.

Побежали олени, белые, как небесный лед, белые, как небесный снег. Пока они едут долгий век, пока они едут короткий век, снова что-то кричит — и вот уж здесь, снова что-то свистит — и вот уж тут. Снова слышно, как, выдергивая деревья с корнями, выдергивая деревья с ветвями, кто-то идет. Ехавший впереди человек остановил оленей, говорит неохотно:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, вставай скорее, опять на нас идут, встань под животом моих оленей.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света встал под животом оленей. Снова подскочил длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища и засмеялся:

— Эге-ге-ге, милый Желанный Богатырь, странник по рекам, странник по землям. Странствуя по рекам, странствуя по землям, ты принес мне свежее мясо, свежую кровь.

Оленный человек говорит тихим голосом:

— Ага, в место, назначенное богом, я везу, а в не назначенное богом место чего я повезу? Дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека я везу сзади, если надо, то возьми.

Длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища перегнулся, туда-сюда заглядывает:

— Нет, это мне не нужно.

Повернулся и ушел в том же направлении, выдергивая деревья с корнями, выдергивая деревья с ветвями. Закричит — и вот уж там, засвистит — и вот уж далеко. Говорит человек, сидящий на оленьих нартах:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, садись на конные сани.

Он сел в сани. Побежали олени, и сзади бегут кони. Едут они долгий век, едут они короткий век, снова слышится, как кто-то идет; кричит — и вот уж здесь, засвистит — и вот уж тут. Едущий впереди человек снова остановил оленей, говорит тихо:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, встань скорее на выступы копыт моих оленей.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света влез на выступы копыт оленей. Так же, выдергивая деревья с корнями, выдергивая деревья с ветвями, подскочил мертвец, засмеялся:

— Эге-ге-ге, милый Желанный Богатырь, странник по рекам, странник по землям. Странствуя по рекам, странствуя по землям, ты принес мне свежее мясо, свежую кровь.

Оленный человек говорит тихим голосом:

— Ага, в место, назначенное богом, я везу, а в не назначенное богом место чего я повезу? Дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека я везу сзади, если надо, то возьми.

Длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища перегнулся, туда-сюда заглядывает:

— Нет, это мне не нужно.

Повернулся и пошел, выдергивая деревья с корнями, выдергивая деревья с ветвями, закричит — и все дальше, засвистит — и все дальше. Человек, сидящий на оленьей нарте, говорит:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, садись в сани, поедем.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света сел в сани, олени побежали.

Не так уж долго они ехали. Подъехали к дому с амбаром.

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, — говорит оленный человек, — вставай и заходи.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света слез с саней и зашел. Оказывается, в переднем углу сидит старик, его волосы стали белыми, стали желтыми. На той стороне, где полки, сидит женщина. Зашел Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света и приостановился у дверей. Говорит старик, сидящий в переднем углу:

— Ну, странник по рекам, странник по землям, разве ты пришел, чтобы стоять у дверей? Заходи, заходи, садись впереди.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света зашел, сел. Пока он так сидит, старик говорит:

— Этому страннику по рекам, этому страннику по землям до каких пор сушить пот? ¹⁰

Женщина тут же взялась за дело с водой, за дело с едой, ходит туда, ходит сюда. Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света оглядывает женщину с головы до ног. Ему с женой, пока жили на своей земле, бог Торум, бог Етым предназначил одну-единственную дочь. По женской фигуре, по женскому телосложению и по надетой одежде и по надетым нарядам это как будто его дочь. Зашел человек, который привез его. Женщина закончила дело с водой, закончила дело с едой. Поставили самобраный стол с пивом, самобраный стол с медовухой.

— Ну, гость, раздевайся, садись есть-пить, — говорит старик.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света разделся, приготовился. Сели они есть и пить. Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света берет кусочек и все смотрит на женщину, берет два куска и все глаз не отводит от нее. Пока они так едят, говорит человек, который привез его.

— Ну, — говорит, — странник по рекам, странник по землям, что ты смотришь на мою жену?

— Как мне не смотреть, — говорит, — кажется, что бог создал похожих людей. Нам с женой, пока мы жили на своей земле, бог Торум, бог Етым предназначил одну-единственную дочь. По ее надетой одежде, по надетым нарядам, по ее женской фигуре, по женскому телосложению это как будто точно она.

Говорит человек, который его привез:

— А по-твоему, кто она?

— Это она и есть,— говорит он.

Подскачили друг к другу, обнимаются, целуются. Тройным плачем плачут, тройными слезами обливаются, плачут да ревут. Поплакали-поплакали, человек, который привез, и его отец-старик говорят:

— Ну, хватит, хватит, сколько вы плачете, ревете. Тесть наш¹¹, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, теперь слушай. Когда появится мальчик на свете, когда появится девочка на свете, пусть они держат это в памяти. Человек, имеющий дочь, сотни вещей невесты заранее пусть не готовит, сотни вещей девушки на выданье заранее пусть не готовит; человек, имеющий сына, сотни вещей жениха, сотни вещей искателя невесты тоже пусть не готовит — это не нравится богу. Когда ты жил на своей земле и был Богатырем-Странником Нижнего Света, Богатырем-Странником Верхнего Света, ты объехал веселую купеческую дорогу нижнего света, веселую купеческую дорогу верхнего света, покупая-продавая нескончаемое дорогое богатство русского человека, нескончаемый дорогой товар русского человека, ты приготовил для своей дочери сотню вещей невесты, сотню вещей девушки на выданье. Вы со своей женой говорили так: «В будущем приедет свадебный поезд от какого-то богатыря из-за рек, богатыря из-за земель. Если летом приедет свадебный поезд, то нашу дочь поставят на борт пустой лодки; если зимой приедет свадебный поезд, ее посадят в пустые сани». Я услышал этот разговор и приготовил множество лодок с берестяными бортами. С многочисленным войском, отмеченным зарубками на всей счетной палке, мы сели в многие лодки с берестяными бортами, по многим городам на берегу Оби, по многим городам на берегу сора, с шумом-громом начинающейся грозы, с шумом-громом идущей грозы мы поплыли вверх по Оби. У кого дочь была хорошая — хорошую дочь у него забирали, у кого сын был хороший — хорошего сына забирали. Так посадили и твою дочь в глубокую выемку лодки. А вы говорите, что свою дочь схоронили за лесами, за полями вместе с сотней вещей невесты, вместе с сотней вещей девушки на выданье. Мы потом на своих многочисленных лодках с берестяными бортами повернули назад. Отныне, мой зять, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, человек, имеющий дочь, человек, имеющий сына, пусть совсем не готовит сотню вещей невесты, сотню вещей девушки на выданье.

После этого они сидели с хмельной от пива головой, с хмельной от медовухи головой. Мясных семь дней они блаженствовали, мясных шесть дней они блаженствовали.

Потом стали жить-поживать. Кто сосчитает проведенные ими ночи, кто сосчитает проведенные ими дни? Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света мясную неделю прожил будто один день, две мясные недели прожил будто два дня. Валяется и катается у своей дочери в гостях. Со своими сватами нескончаемое пиво, нескончаемую медовуху принимают. Пока они так

живут, пока они так поживают, целое мясное полугодие прошло, целый костный год¹² прошел. Раз говорит Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света:

— Ну, сваты и доченька моя! Долгий век живем, короткий век живем, с вами жить мне не скучно. А кто у меня есть на оставленной земле, на оставленной стороне моей? Хотя у меня есть там дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека, об этом я не горюю. Бог Торум, бог Етым определил нам с женой вместе быть, а она живой век живет или нет — не знаю. Я человек, имеющий свою землю, я человек, имеющий свою реку, начинаю скучать по своей земле, начинаю скучать по своей реке. Теперь, доченька, в виде живущей женщины, в облике живущей женщины я тебя узнал. Теперь мне нужна земля, чтоб возвратиться, где я возьму землю, чтоб возвратиться? Если приеду домой, я обязательно расскажу эту весть, расскажу эту новость.

Пока его старый сват так стоит, так сидит, старик говорит:

— Ну-ка, родственник-свойственник, одним лишь воспоминанием об этой далекой земле, недоступной и лосю, как мог бы ты отправиться, как мог бы ты поехать? Среди этих злых духов как ты пробыл? Проведи-ка еще ночь, проведи-ка еще день, а мы подумаем так и эдак, как увезти тебя на твою землю.

Вот он провел ночь, вот он провел день, и его зять говорит:

— Ну, мой тесть, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, как ты поедешь на своих конях? Я надумал запрячь тебе объезжающих реки моих желанных оленей, объезжающих земли моих желанных оленей. Если они доведут тебя до твоей земли, то доведут, а если не доведут, то не доведут.

Говорит его сват-старик:

— Родственник-свойственник, ты валяйся-катайся, а мне-то что тебе подарить? Сейчас найду тебе что-нибудь.

Его сват ходил, пока блюдо остынет, ходил, пока котел сварится. Зашел, принес сапоги с семислойной медной подошвой.

— Ну, родственник-свойственник, что хорошего у меня, чтобы тебе дать? Надень эти сапоги, надень эту шапку, окаймленную мехом черного зверя, в подарок и возьми еще семисуставную палку. Теперь я пойду готовить тебе оленей.

Запряг он оленей.

— Ну, свойственник-родственник, я закончил.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света оделся-нарядился, со своей дочерью обменялись ста крепкими поцелуями в нос, ста крепкими поцелуями в ухо. Со своими свойственниками тоже расстались с добрыми пожеланиями вперед, расстались с добрыми пожеланиями назад¹³. Вышел на площадь деревни; там уже запряжены олени, белые, как небесный лед, белые, как небесный снег. У них привязано семь кожаных вожжей.

— Свойственник-родственник, — говорит ему старик, — если столкнешься с какой-нибудь могучей силой, то шесть вожжей ты

разорви, а если седьмую разорвешь, то мы тебя больше не знаем.

На этом делают они два прощания, делают три прощания.

— Не горюй о конях, я увезу их на твою землю.

С этим он сел на оленью нарту. Олени побежали. Пока они так шли долгий век, шли короткий век, начали приближаться к тому месту, где последний раз останавливались. Кто-то раз крикнет — и уж здесь, раз свистнет — и уж тут. Идет, выдергивая деревья с корнями, идет, выдергивая деревья с ветвями. Хватая за один волос, начинает догонять, хватая за два волоса, начинает догонять.

— Распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, прошлый раз ты вырвался, а теперь для тебя нет лестницы, чтобы подняться на небо, нет дырки, чтобы спуститься в землю.

Четыре вожжи хоть и разрывает, тот не отстает от него, так ощущивает, так хватается за него. Разорвал пятую вожжу, тот отвязался от него.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, тебе, наверно, какой-нибудь любящий тебя человек запряг двух оленей, объезжающих реки, объезжающих земли, если бы не он, то я бы тебя съел-испил.

С этой вестью, с этим слухом он и отстал от него. Олени, успокоясь, побежали. Бежали они долгий век, бежали они короткий век, начали приближаться ко второму месту, где они тогда останавливались. Снова слышно стало, как кто-то выдергивает деревья с корнями, выдергивает деревья с ветвями. Раз крикнет — и уж здесь, раз свистнет — и уж тут.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, прошлый раз ты вырвался, а теперь я тебя тут же съем. Захочешь подняться в небо — лестницы нет, захочешь залезть в землю — дыры нет.

Хватая за один волос, начинает догонять, хватая за два волоса, начинает догонять. Хотя он пять вожжей разрывает, тот не отстает от него, так ощущивает, так царапает. Разорвал шестую вожжу, и тот отвязался.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, ты нашел себе любящего человека, который запряг тебе двух оленей, объезжающих реки, двух оленей, объезжающих земли.

С этой вестью, с этим слухом он и отстал от него. Олени, успокоясь, побежали тише. Бежали долгий век, бежали короткий век, начали приближаться к тому месту, где тогда первый раз останавливались. Там кто-то выдергивает деревья с корнями, выдергивает деревья с ветвями. Раз крикнет — и уж здесь, раз засмеется — и уж тут. Начинает догонять его, хватая за один волос, начинает догонять, хватая за два волоса.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, от тех двух ты вырвался, а от меня захочешь подняться в небо — нет лестницы, захочешь залезть в землю — нет дыры.

Он начал разрывать вожжи. Пять вожжей разорвал, шестую вожжу хотя и разрывает, тот все не отстает от него. Вот пойма-

ет его, сейчас поймает его. Хотя сват и не разрешал разрывать седьмую вожжу, он разорвал ее. Разорвал, и небо на глазах исчезло, земля на глазах исчезла.

Было так с ним долгий век, было так с ним короткий век. Потом очнулся, открыл глаза, оказывается — такой же лунный мир, такой же солнечный мир¹⁴. Темный мир, через который ехал, остался позади. Олени, оказывается, стоят, тыча носами в снег. Как он ни погоняет их, олени говорят устами хантыйского человека, говорят языком хантыйского человека:

— Чего ты нас погоняешь, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света? Силы рук¹⁵, чтобы дальше идти, у нас нет, силы ног, чтобы дальше идти, у нас нет. Твой сват не разрешал разрывать седьмую вожжу, а ты разорвал. Сила наших рук вот и разорвалась, сила наших ног вот и разорвалась. Там дальше стоит семь берез, выросших из одного пня, ты их обойди. За это время мы что-нибудь придумаем. Может быть, мы станем сильными в руках, может быть, мы станем сильными в ногах.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света думает: «Ну как же я обойду эти семь берез, выросших из одного пня?»

Взял он семисуставную палку, подаренную сватом, и пошел. Семь ночей идет, семь дней идет. Когда идет снег, ему вспоминается зима; когда идет дождь, ему вспоминается лето. Наконец он так устал, что если на его нос навесить прутник, то он не удержится, если навесить травинку, то она не удержится¹⁶.

— Ну, поищу-ка я место отдохнуть, сколько я еще буду идти-то?

Видит, недалеко стоит гнилой березовый пенёк. Пошел туда, откуда-то выскочила старуха, белая, как заячья шкура. Обожженным тупым топором как снизу махнет — он прыгает вверх, как сверху махнет — бросается вниз.

— Остановись, остановись, убьешь меня! Разве не ходят люди мимо тебя?

— Распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, ты пришел со злым намерением, разрушил трубу чувала.

— Ну и забавная труба у вас, откуда я мог знать?!

— Ну, тогда иди, тогда заходи.

Зашли они. Оказывается, дом у старухи, белой, как заячья шкура, такой: в него черные звери заходят, красные звери заходят¹⁷.

— Ну, раздевайся, раздевайся, гость.

Посадила она его на место, куда гостей сажают, поставила его на место, куда гостей ставят. Он снял сапоги с семислойной медной подошвой, подаренные сватом. Оказывается, они продырявились. Взглянул тут на семисуставную палку, подаренную сватом. Оказывается, только рукоятка ее осталась, настолько она изнасилась. Поставила самобраный стол с пивом, самобраный стол с медовухой. Пока они блаженствуют, пока они наслажда-

ются изобилием, старуха, белая, как заячья шкура, говорит:

— Знаменитый богатырь с края рек, знаменитый богатырь с края земель, куда ты идешь?

— А, свояченица-родственница¹⁸, куда я иду — это дело моей жизни, моего существования. Пока я шел многие дни жизни, пока я шел многие дни века, так и шло дело моей жизни.

— Ну, свойственник-родственник, проводи ночь, проводи день, я пока какую-нибудь одежду сошью тебе.

Старуха села, взялась за дело с иголкой, взялась за дело с наперстком, сшила ему меховую обувь из камусов хора. Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света расслабил сустав руки, пришедшей из далекой земли, расслабил сустав ноги, пришедшей из далекой земли. Вышел, освежился и охладился, снова вошел. Сидят они у самобраного стола с пивом, сидят они у самобраного стола с медовухой. Старуха говорит:

— Свойственник-родственник, ты по какой нужде ходишь по этой далекой земле, недоступной и лосю?

— По какой нужде хожу, сейчас расскажу тебе. Дорога моей жизни, дорога моего существования задержалась. Как ни погоняю своих двух оленей, объезжающих реки, моих двух оленей, объезжающих земли, устами хантыйского человека они говорят, языком хантыйского человека они говорят. «У нас,— говорят,— силы рук, чтобы идти дальше, не стало, силы ног, чтобы идти дальше, не стало. Ты,— говорят они,— обойди эти семь берез, выросших из одного пня, мы за это время немного подумаем, может быть, станем сильными в руках, может быть, станем сильными в ногах».

Старуха говорит:

— М-м-м, что за семь берез, выросших из одного пня? Как будто не знаешь, что всю эту священную землю, изогнутую в виде круга, с края неба ты обходил¹⁹. Ну, сейчас уже большее расстояние прошел, меньшее расстояние еще осталось.

Они сидели с хмельной от пива головой, с хмельной от медовухи головой. Старуха подбросила ему меховую обувь из камусов хора:

— На!

Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света надел обувь из камусов хора. Встал на задний конец дощатого пола, многие вещи одетого человека надел. Со старухой начали они расставаться с добрыми пожеланиями вперед, с добрыми пожеланиями назад. Дважды прощались, трижды прощались. Вышел он на площадь деревни, вышел он на площадь города и пошел вперед. Семь ночей идет, семь дней идет. Долго шел, коротко шел, пришел к оленям, прикинул, насколько они повеселели. Сел на оленью нарту, вожжами поддал. Олени бегут вперед, выбивая снежные комья величиной с черпак, снежные комья величиной с чашку.

Шли они долгий век, шли они короткий век. Вот он смотрит вперед, видит: весь белый свет целиком светится. Олени остано-

вились на бегу, перешли на шаг, потом совсем стали. Как он ни погоняет оленей, говорят они устами хантыйского человека, говорят они языком хантыйского человека:

— Чего ты нас погоняешь, смотри вперед, что там светится?

— Я не знаю, что там светится.

— Если не знаешь, то знай, это город из красной меди²⁰. Теперь наша дорога ведет к этому городу. Потом поедем через этот медный город, потом побежим по улице медного города, придем к середине медного города, и из медного дома три медных человека выйдут. Потом скажет человек, стоящий в середине: «Поймайте, поймайте оленей, распроклятый их отец, распроклятый их предок! Какие легкие ноги принесли их сюда?»²¹ Когда нас поймают эти три медных человека, нас разрубят на куски величиной с кусочки обуви, нас разрубят на куски величиной с кусочки рукавиц. А ты, если мы нужны тебе, возьми кончики наших носов, достань кончики наших ушей. Обними ноги стоящего в середине человека. Если он простит нас, то простит, если не простит, то не простит.

Он погнал оленей, те побежали вперед. Долго шли, коротко шли, и вразравду их дорога ведет к медному городу. По улице медного города бегут олени. Приехали к середине медного города. Знаменитый дом деревни куда может деться? Знаменитый дом города куда может деться? Из знаменитого дома деревни, из знаменитого дома города вышли три медных человека. Стоящий в середине человек просит:

— Поймайте, поймайте оленей, распроклятый их отец, распроклятый их предок! Какие легкие руки, какие легкие ноги их принесли сюда?!

Схватили их, разрубили в пух, разрубили в прах. Он взял кончики их носов, взял кончики их ушей. Обнял ноги в середине стоящего человека. Тот туда-сюда волочит его, сюда-туда волочит его. Вот говорит стоящий в середине человек:

— Погодите, погодите, люди, остановитесь! А ты встань. Кто тебя напел сюда, кто тебя насказал сюда?²²

— Ха, невинных моих оленей вы разрубили в пух, разрубили в прах, а теперь куда лежит моя дорога?

— Ну, если у тебя есть какая-нибудь хитрость, какой-нибудь фокус, то сделай что-нибудь с рожденными без отца, без матери оленями.

Вот он осмотрелся, занес кончики ушей и носов за голову, опустил сзади. И вот во весь рост рослого оленя, во всю высоту высокого оленя они встали. Стоящий в середине человек подошел, спинкой своей дорогой сабли, истекающей пивом, зарубил им на носу: как зарубка — то три зарубки, как зарубка — то четыре зарубки²³.

— Распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок, слушайте хорошенько. В дальнейшем настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время, потом с темноводного священного моря, с темноводного благословенного моря, где вы

живете, выедет множество лодок с берестяными бортами. Соберут души-тени девочек с косами, соберут души-тени красивых мальчиков из семи городов на берегу Оби, из шести городов на берегу сора. Назначенных нами сажайте в глубокие зарубки в середине лодки, не назначенных нами не сажайте²⁴.

Потом дважды они прощались, трижды они прощались:

— Ну, иди, иди на ту реку, куда идешь, на ту землю, куда едешь, а вам, олени, распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок, хорошо, что такой человек попался, а то здесь мы бы закончили вашу песню, закончили вашу сказку.

Он сел на оленью нарту. Олени побежали вперед. Едут через медный город, олени выбивают снежные комья величиной с черпак, снежные комья величиной с чашку. Долго ехали, коротко ехали, он смотрит вперед: как раньше светилось, еще больше светится. Олени бегут-бегут, переходят на шаг и совсем останавливаются. Как он ни погоняет их, они говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Что нас гонишь, что нас погоняешь, посмотри вперед, что там светится?

— Откуда я знаю, что там светится.

— Если не знаешь, то знай: там виднеется серебряный город. Дальше наша дорога ведет в серебряный город и идет по улице серебряного города. В середине серебряного города из серебряного дома выйдут три серебряных человека. Стоящий в середине человек тоже начнет просить: «Поймайте, поймайте этих оленей, распроклятый их отец, распроклятый их предок». Нас потом схватят. Так же разрубят в пух, так же разрубят в прах, а ты потом, если мы нужны тебе, так же возьми кончики наших носов, кончики наших ушей, опять сделай так, как раньше делал.

С этим подались вперед и бегут. Выбивают снежные комья величиной с черпак, выбивают снежные комья величиной с чашку. Приехали в серебряный город, бегут по улице серебряного города. Приехали в середину серебряного города. Знаменитый дом деревни куда может деться, знаменитый дом города куда может деться? Из серебряного дома вышли три серебряных человека. Стоящий в середине человек говорит:

— Поймайте, поймайте оленей, распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок! Какие легкие руки принесли вас сюда, какие легкие ноги принесли вас сюда?

Три серебряных человека схватили их, разрубили в пух, разрубили в прах.

— А, распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок, какие легкие руки вас принесли сюда, какие легкие ноги вас принесли сюда?

Он взял кончики их носов, кончики их ушей. Обнял ноги стоящего в середине человека. Тот куда-суда волочит его, куда-туда волочит его. Стоящий в середине человек говорит:

— Погодите, погодите, люди, остановитесь! Ну, вставай, вставай! Кто тебя напел сюда, кто тебя насаждал сюда?

Сказали они друг другу привет вперед, сказали они друг другу привет назад.

— Ха, невинных моих оленей во что превратили? А теперь куда лежит моя дорога?

— Ну, если у тебя есть какая-нибудь хитрость, какой-нибудь фокус, то сделай что-нибудь с рожденными без отца, без матери оленями.

Он осмотрелся, занес кончики ушей и носов за голову и опустил сзади. И вот во весь рост рослого оленя, во всю высоту высокого оленя они встали. Стоящий в середине человек подошел, спинкой своей дорогой сабли, истекающей пивом, зарубил им на носу: как зарубка — то три зарубки, как зарубка — то четыре зарубки.

— Распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок, слушайте хорошенько. В дальнейшем настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время, до окончания песни, до окончания сказки ²⁵, с темноводного священного моря, с темноводного благословенного моря выплывет множество лодок с берестными бортами, соберут души-тени девочек с косами, соберут души-тени красивых мальчиков из семи городов на берегу Оби, из шести городов на берегу сора. Назначенных нами сажайте, не назначенных нами не сажайте.

После этого расстаются они с добрыми пожеланиями вперед, с добрыми пожеланиями назад. Дважды прощались, трижды прощались.

С этим он сел на оленью нарту, олени побежали. Серебряный город кончился. Олени выбивают снежные комья величиной с черпак, снежные комья величиной с чашку. Пока они шли долгий век, пока они шли короткий век, как раньше светилось — еще больше светится. Олени бежали-бежали, перешли на шаг и совсем остановились. Как он ни пошевеливает их, говорят они устами хантыйского человека, говорят они языком хантыйского человека;

— Чего нас пошевеливаешь, чего нас погоняешь? Смотри туда вперед, что там светится?

— Откуда я знаю, что там светится.

— Теперь на двух местах нас простили, а на третьем — кто его знает. Если не знаешь, то знай: это золотой город. Наша дорога ведет в золотой город. Когда мы побегим по улице золотого города, так же приедем к середине золотого города, из золотого дома выйдут три золотых человека. Потом так же скажет стоящий в середине человек: «Поймайте, поймайте оленей, распроклятый их отец, распроклятый их предок». Потом схватят нас, так же разрубят в пух, разрубят в прах. Как раньше делал, то же сделай теперь.

С этим побежали вперед. Выбивают снежные комья величиной с черпак, выбивают снежные комья величиной с чашку. Приехали в золотой город, поднялись на возвышенность золотого города. Бегут по улице золотого города. Знаменитый дом деревни

куда может деться, знаменитый дом города куда может деться? Из золотого дома вышли три золотых человека. Говорит стоящий в середине человек:

— Поймайте, поймайте, люди, распроклятый их отец, распроклятый их предок! Какие легкие руки принесли их сюда, какие легкие ноги принесли их сюда?

Схватили их, разрубили в пух, разрубили в прах. Он взял кончики их носов, кончики их ушей. Пал к ногам стоящего в середине человека, обнял. Тот туда-сюда волочит его, сюда-туда волочит его. Стоящий в середине человек говорит:

— Постойте, постойте, люди, остановитесь! Кто тебя напел сюда, кто тебя наговорил сюда?

Сказали они друг другу привет вперед, сказали они друг другу привет назад.

— Ха, дорогие люди, моих безвинных оленей вы уничтожили, погубили, теперь куда лежит моя дорога?

— Ну, если у тебя есть какая-нибудь хитрость, какой-нибудь фокус, то сделай что-нибудь с рожденными без отца, без матери оленями.

Он поднял кончики их носов, кончики их ушей, занес за голову, опустил сзади, и вот во весь рост рослого оленя, во всю высоту высокого оленя встали они там. Стоящий в середине человек подошел, спинкой своей дорогой сабли, истекающей пивом, зарубил им на носу: как зарубка — то три зарубки, как зарубка — то четыре зарубки.

— Распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок, слушайте хорошенько. С темноводного священного моря, с темноводного благословенного моря, где вы живете, в дальнейшем, когда настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время, выплывет с моря множество лодок с берестяными бортами, начнут собирать души-тени маленьких девочек с косами, начнут собирать красивые души-тени маленьких мальчиков из семи городов на берегу Оби, из шести городов на берегу сора. Это высказанное мною железом зарубленное священное слово, медью зарубленное священное слово не говори, что не слышал. Назначенных мной сажайте, не назначенных не сажайте.

Еще стоящий в середине человек говорит:

— Ну-ка, постой немного.

Сунул руку в карман, выпул золотой бумажный лист, выпул золотой карандаш, положил на колено, пачал писать. Писал-писал, бумага кончилась. Сложил пополам, положил в конверт.

— На, возьми эту бумагу. Потом, когда приедешь на край твоей реки, когда приедешь на край твоей земли, и наступит какой-нибудь священный день, священный день на все небо, священный день на всю землю, и с живущими в деревне многими мужчинами, с живущими в деревне многими женщинами вы будете его праздновать, с каким-нибудь напитком будете праздновать, с какой-нибудь едой будете праздновать. В это время ты прочитай эту бумагу.

Дважды они прощались, трижды они прощались. Сел он на оленью нарту, олени побежали вперед. Они несли его через золотой город. Золотой город кончился. Олени выбивают снежные комья величиной с черпак, снежные комья величиной с чашку. Шли они долгий век, шли они короткий век, приехали к двум мужчинам. Один пришел к другому, они говорят и говорят о чем-то. У того, кто дома, есть струг, а с пришедшим человеком вдруг что-то сделалось, он придавил хозяина, схватил струг и давай его стругать. Стругал-стругал, от того ничего не осталось.

— Ха,— говорит Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, это что за фокус?

Олени снова говорят устами хантыйского человека:

— А что, ты не знаешь?

— Откуда я знаю?

— Если не знаешь, то знай: это последнее место, куда мы пришли, это мы идем из возвеличенного золотого города, где живет наш светлый отец, имеющий в доме золотое дымовое отверстие²⁶. Пока мы шли долгий век, пока мы шли короткий век, из твоего мира, где ты живешь, попали в нижний мир. Вот этим мужчинам приговор такой: в светлом человеческом мире, где и ты жил, этот истругающий человек имел струг. У пришедшего человека струга не было. Он пришел, о каком-то деле они разговаривают, беседуют: «Ну, друг, есть у тебя струг? Дай-ка мне, то-се постругать». — «Ха, ты, рожденный без отца, без матери! Когда я доставал этот струг, где же ты был?» Второй человек ни с чем пошел домой. И вот в этом мире приговор исполнился.

Олени подняли головы, побежали дальше. Шли долгий век, шли короткий век, пришли еще в одно место. Там человек что-то делает, у него есть круглое точило. Издали пришел другой человек, о чем-то говорят. С пришедшим человеком вдруг что-то сделалось, он придавил хозяина, положил на точило и начал точить, только куски мяса, как в котле, кипят. Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света сидит на своих оленьих нартах:

— Ха, это что за фокус?

Олени говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Если не знаешь, то знай: в светлом мире, где ты жил, при своей жизни этот пришедший человек принялся за какое-то дело, но оказалось, что его топор тупой, нож тупой. Пришел к другому, говорит: «Ну, друг, дай мне точило, чтобы точить». — «Ха, когда я доставал точило, где же ты был? Разве не знал, что его надо доставать?» В этом мире ему приговор таков: кладут на его точило и истачивают до конца.

Олени подняли головы, побежали дальше. Пока они шли долгий век, пока они шли короткий век, приехали еще в одно место. Оказывается, жена и муж из-за чего-то ругаются и ругаются. У них большой тулуп. Приходит время ложиться спать, они закрываются этим тулупом. Если жена захватит тулуп, то зад мужа торчит, если муж захватит тулуп, то зад жены тор-

чит, тулупа им не хватает. Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света говорит, сидя на нарте:

— Ха, это что за фокус?

Олени говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Не знаешь это дело?

— Откуда мне знать?

— Если не знаешь, то знай: в светлом мире, где ты жил, при жизни они жили так недружно. Семь ночей они ругались, семь дней они ругались. Когда наш великий небесный отец сделал малоснежную осень для собачьих ног, для человеческих ног²⁷, этот человек отправился в лес по желанной тропинке белок. Пока муж ходил, жена смотрит: какой-то красивый мужчина ходит. «А ну-ка, я пощекочу его». Пощекотала, пришли к одной мысли, к одной думе. Ее муж долгий век ходит, короткий век ходит, приходит домой, а жене не до блюд, не до котла. Живут они долгий век, живут они короткий век, наступает лето, шиповник для сбора, черемуха для сбора поспеваает. Жена отправляется по желанной тропинке собираемой черемухи, собираемого шиповника, ее муж остается дома. «Ха, распроклятый ее отец, распроклятая ее мать, она ушла». Тоже смотрит: какая-то красивая женщина ходит. «Ну-ка, я пощекочу ее». Пощекотал там, пощекотал тут, пришли к одной мысли, к одной думе. Женщина долгий век ходила, короткий век ходила. «Ты не запасла дров». — «Не до того мне, я и так не справляюсь». Опять из-за дров спорят, из-за травы спорят. Так они поступали, когда жили в светлом человеческом мире, а теперь им приговор таков: в таких же мучениях, в таких же страданиях их обдувает ветром, их омывает течением. Олени подняли головы, побежали дальше. Идут короткий век, идут долгий век, пришли еще в одно место. Там тоже жена и муж, у них плохонькая шуба длиной с куртку, о чем-то говорят, говорят. Когда придет время ложиться спать, своей шубкой длиной с куртку они укрываются.

— Ха, это что за фокус?

Олени говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Ха, ты не знаешь это дело? Эти женщина и мужчина, когда они жили в светлом человеческом мире, где ты жил, они в таком согласии и жили. Если жена говорит, муж слушает целую ночь, целый день. Если муж говорит, жена слушает целую ночь, целый день. Когда они ложатся спать и укрываются шубкой длиной с куртку, их рук не видно, их ног не видно. Когда наш великий небесный отец сделал малоснежную осень для собачьих ног, малоснежную осень для человеческих ног, муж отправился в лес по желанной тропинке белок. После того как он ушел, с улицы заходит женщина. «Ну, подружка, ты почему не ходишь в мой дом?» — «Как бы я пошла, муж ушел на охоту, дом останется один». — «Ну, подружка, заходи потом». — «Ну, иди, иди, я найду». Когда та ушла, она говорит себе: «Ну, я

пойду к тебе, но моему мужичку-то каково ходится в это время?» Муж ходил долгий век, ходил короткий век, приходит домой, дальше живут-поживают. Живут-живут, наступает лето, шиповник для сбора, черемуха для сбора поспевает. Жена собирается на желанную тропинку собираемой черемухи, собираемого шиповника. «Ну, муж, ты оставайся-ка дома, пока я хожу». Жена уходит на желанную тропинку собираемого шиповника, собираемой черемухи. С улицы заходит человек. «Ну, друг, один остался хозяином, что ли?» — «А как же, жена пошла по какой-то тропинке собираемого шиповника, собираемой черемухи. Дом остался один, я никуда не собираюсь». — «А ну, зайдем-ка, зайдем ко мне». — «Ну, иди, иди, может быть, потом зайду». Когда тот ушел, он говорит: «Ну, я пойду к тебе, а моей женушке каково там ходится, хорошо или плохо?» Жена ходила долгий век, ходила короткий век, приходит домой. Они беседуют вперед, они беседуют назад, садятся за еду с пивом, за еду с медовухой. Сделанная ими еда так насыщает, сделанный ими напиток так насыщает! Вот какова была их жизнь в светлом лунном человеческом мире. Теперь они попали в этот мир, их несет гладко, как по ветру, как по течению.

Олени подняли головы, побежали вперед. Шли они долгий век, шли они короткий век, пришли в какое-то место. Оказывается, там один человек таскает связку ушей, с плеча почти до земли свисает.

— Ха, что это за фокус?

Олени снова говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Что за фокус? Это когда в светлом человеческом мире, где ты живешь, настанет кукольный век, настанет кукольное время, тогда мальчику, рожденному какой-нибудь красавицей, девочке, рожденной какой-нибудь красавицей, если попадет одно ухо из этой связки, то они будут слышать на расстоянии семи дней, на расстоянии шести дней — такие у них будут способности, такая у них будет сила.

Олени подняли головы, побежали дальше. Выбывают снежные комья величиной с черпак, снежные комья величиной с чашку. Долгий век шли, короткий век шли, снова приехали в одно место. Оказывается, человек носит на спине связку глаз.

— Ха, что это за фокус?

Олени говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Что это за фокус? Когда настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время, тогда в светлом человеческом мире, где ты живешь, рожденной в будущем маленькой девочке, рожденному в будущем маленькому мальчику если попадет один глаз из этой связки, то они будут видеть на расстоянии семи дней, на расстоянии шести дней. Связка глаз для этого.

Олени подняли голову и побежали дальше. Выбывают снежные комья величиной с черпак, выбывают снежные комья вели-

чиной с чашку. Пока шли долгий век, пока шли короткий век, попали в лунный мир, где живут люди, попали в солнечный мир, где живут люди.

Шли долгий век, шли короткий век, приехал он на край своего города с богатыршей, приехал он на край своего города с богатырем²⁸. Подъехал к дверям, встал с оленьих нарт, оленей повернул назад.

— Ну, объезжающие реки дорогие олени, объезжающие земли милые олени, поищите край своей реки, поищите край своей земли!

Погнал их мерзлым прутом, потом зашел в дом. Его жена, оказывается, сидит на нарах и что-то делает.

— Ну, жена, здравствуй!

Жена сидит, большого внимания не обращает, малого внимания не обращает на него. Он подошел ближе и говорит:

— Жена, здравствуй!

Жена ничего не слышит, продолжает работать. Подошел к коленям жены:

— Здравствуй, жена! Слышишь или нет?

Жена не вздохнула и не икнула. Он рассердился:

— Ну, рожденная без отца, без матери, человек и трех дней не ездил, а ты уже пришла к другой мысли, к другой думе!

Подошел и стукнул ее. Жена качнулась в одну сторону, начала ковырять в ухе.

— А-а-а,— говорит,— многие мои предки, ушедшие вперед, немногие мои предки, ушедшие вперед, покойники кричат в ухо²⁹.

— Это, наверно, я говорю так, как ушедшие в нижний мир покойники.

Вышел повесив голову, туда-сюда шагает, горюя. Видит, что у дверей загона стоят его кони. Подошел. Оказывается, они нагружены, придавлены шкурами черного зверя, шкурами красного зверя. Пришло ему в голову: «Это мне мешает шапка, окаймленная мехом черного зверя, подаренная моим сватом». Снял шапку с головы и снова зашел. Жена увидела. Меньшее расстояние он шел, большее расстояние жена бежала. Обняла его за шею.

— Ходил ты долгий век, ходил ты короткий век, наконец появился откуда-то.

Целуются-обнимаются. Муж разделся. Присел к столу с пивом, к столу с медовухой, чтобы есть-пить. Взялись за разговор.

— Я недавно заходил, три раза здоровался, ты и большого внимания не обратила, и малого внимания не обратила. Я рассердился, подошел и стукнул тебя. Ты качнулась в одну сторону, чуть не упала, потом начала ковырять в ухе, говоря: «А-а-а, многие мои предки, ушедшие вперед, немногие мои предки, ушедшие вперед, покойники кричат в ухо».

— А действительно, как-то недавно у меня звенело в ушах.

О пройденной дороге весть, о пройденной далекой земле слух два дня, три дня он рассказывает и рассказывает. Как живет его

дочь, как ухаживали за ним сваты, как ухаживал за ним зять. И эта вестъ кончилась, и этот слух кончился.

Пока они так жили, пока они так проживали, настал большой священный день на все небо, настал большой священный день на всю землю. Живущих в деревне многих женщин, живущих в деревне многих мужчин они собрали к себе, созвали к себе, к столу с напитком, к столу с медовухой, чтобы посидеть с хмельной от пива головой, с хмельной от медовухи головой.

— Ну, дети, пока я ходил по краям рек, пока я ходил по краям земель, мне дали бумагу. Живущим в деревне многим женщинам, живущим в деревне многим мужчинам прочту.

Вынул из кармана лист золотой бумаги, развернул: оказывается, светлым отцом, имеющим в доме золотое дымовое отверстие, три ветки золотой писанины там написано: «Где-то на берегу беловодной питающей Оби, где рыба поднимается, беловодной многорыбной Оби говорят о земле, обросшей обской травой, о земле, обросшей соровой муравой, назначен ему священный мыс, где весенний глухарь роняет перо, священный мыс, где осенний глухарь роняет перо»³⁰.

Светлый отец, имеющий в доме золотое дымовое отверстие, светлый батюшка, имеющий в доме золотое дымовое отверстие, когда-то открыл на свете кукольный век, когда-то открыл на свете кукольное время. Светлым отцом, имеющим в доме золотое дымовое отверстие, он назначен на священный мыс, где весенний глухарь роняет перо, на священный мыс, где осенний глухарь роняет перо, чтобы нескончаемую кровавую жертву со стрелы принимать, нескончаемую кровавую жертву с лука принимать.

После того как кончился стол с пивом, после того как кончился стол с медовухой, после того как многие живущие в деревне женщины разошлись, после того как многие живущие в деревне мужчины разошлись, он говорит жене:

— Ну, пойдем-ка поищем уголок нашей реки, поищем уголок нашей земли.

Как и назначил им великий отец Торум, великий батюшка Торум, они превратились в речных гусей с выступающей грудью и отправились в путь с криком тѣн-тѣн, с криком гал-гал. К дорожному верхнему течению по беловодной питающей Оби, где поднимается рыба, по беловодной многорыбной Оби, где поднимается рыба, с криком тѣн-тѣн, с криком гал-гал они прилетели к восхваленной земле, обросшей обской травой, к земле, обросшей соровой муравой. Своими большими, как луна, священными глазами, своими большими, как солнце, священными глазами они видят: вправду, на мыс, выходящий к сору, на мыс, выходящий к озеру, светлый отец, имеющий в доме золотое дымовое отверстие, спустил священную лиственницу с золотыми корнями, священную лиственницу с золотыми ветвями. На вершину этой лиственницы он спустил город, похожий на журавля с головой,

похожий на журавля с шеей. На вершине города, покрытого белым войлоком, города, покрытого золотым ковром, спущен священный кончик железной кисти, священный кончик медной кисти, а над ней — дорогой кончик золотой цепи³¹. Необъятный большой дом, где у него вход — неизвестно, где у него дверь — неизвестно; как подует северный ветер — качнет его к семи краям юга; как подует южный ветер — качнет его к шести краям севера. Семь раз по ходу солнца обходят, шесть раз по ходу солнца обходят, непонятно, где у него дверь, где у него дымовое отверстие. Когда нашелся железный крючок, тогда открылась дверь, тогда открылось дымовое отверстие.

Зашли они в священный дом с неизвестной дверью, в священный дом с неизвестным дымовым отверстием. Оказывается, это дом с сотней слуг, дом с сотней прислужников. Там стоит их самобранный стол с пивом, их самобранный стол с медовухой. В заднем углу дома, в переднем углу дома лежит много бумаг с золотыми ветвями писания. С домочадцами, с черноголовыми слугами, с сотней неженатых прислужников они обмениваются добрыми пожеланиями вперед, они обмениваются добрыми пожеланиями назад. Сто слуг неженатых, сто прислужников неженатых радостными руками радуются, радостными ногами радуются³². Он открыл бумагу с золотыми ветвями писания, из заднего угла дома, из переднего угла дома смотрит большими, как луна, глазами, смотрит большими, как солнце, глазами. Оказывается, три ветви золотого писания таким образом написаны: «Он назначается царем с данью весенней белки, он назначается царем с данью осенней белки³³, его зовут золотой косой восходящего солнца, его зовут золотой красотой встающего солнца. На всей священной земле, изогнутой в виде круга, добрым высоким голосом к нему обращаются, добрым низким голосом к нему обращаются. Великим отцом Торумом, великим батюшкой Торумом в угол его дома, в сени его дома, где стоят лошади, назначены желанные олени, объезжающие реки, желанные олени, объезжающие земли, священные животные с шерстью летнего бурундука, священные животные с шерстью летней белки³⁴.

Потом со своими черноголовыми слугами, черноголовыми прислужниками они сели за самобранный стол с пивом, за самобранный стол с медовухой. Три дня сидели с хмельной от пива головой, четыре дня сидели с хмельной от медовухи головой. В этом счастье, в этом благополучии начали жить, до сих пор живут.

31. Мнимоумерший племянник

Живут тетя с племянником. Долго или коротко жили, наступил день, племянник говорит тете:

— Теперь я умру. Увези меня на кладбище. Дай мне с собой мою сеть, дай мне с собой мой котел, дай мне с собой мой топор! Положи меня под мою лодку!¹

Едва договорил он, как умер. Тетя нагрела воды, обмыла его,

положила на скамью². Три дня держала дома, на третий день повезла на кладбище. Привезла к кладбищу в лодке, вынесла его на берег, положила под лодку. Поехала тетя домой.

Когда тетя уехала, он вскочил, столкнул лодку в воду, положил сеть в лодку, поехал на озеро ставить сети. Приплыл на озеро, поставил сеть. Поймал рыбы на раз поесть, снял сеть, поехал на кладбище. Подплыл к кладбищу, причалил. Вытолкнул лодку на берег, развесил сети, повесил котел, приготовил пищу. Съел рыбы, суп оставил в котле. Затем заполз под лодку.

Настал день, его тетя говорит:

— Поеду на кладбище оплакивать моего умершего.

Отправилась на кладбище, приехала. Видит: дно его лодки мокрое, сети мокрые, на кострище еще горит огонь, в котле еще горячий суп.

— Какие-то люди растащили мои дары умершему!

Легла она, стала плакать и причитать:

— Да славится имя моего племянника по имени Мокрая Лодка, да славится имя моего племянника по имени Мокрая Сеть, да славится имя моего племянника по имени Икрыной Уголок Рта!

Затем встала тетя, поехала домой. Когда тетя уехала, он вскочил. Столкнул лодку в воду, положил сеть в лодку. Поехал на озеро ставить сети. Приплыл на озеро, расставил сети, поймал рыбы на раз поесть, собрал сеть, поехал на кладбище. Подплыл к кладбищу, причалил. Вытолкнул лодку на берег, повесил сети, повесил котел, приготовил пищу. Поел рыбы, суп оставил в котле. Затем заполз под лодку.

Пришла тетя домой, прошло три дня или четыре дня.

— Поеду опять на кладбище.

Приготовилась, отправилась на кладбище и приехала. Дно его лодки мокрое, сеть мокрая, огонь еще горит, суп в котле остался. Легла она и стала плакать и причитать:

— Да славится имя моего племянника по имени Мокрая Лодка, да славится имя моего племянника по имени Мокрая Сеть, да славится имя моего племянника по имени Икрыной Уголок Рта!

Затем кончила плакать, встала, поехала домой. Когда тетя уехала, он вскочил. Столкнул лодку в воду, положил сеть в лодку. Поехал ставить сети. Приплыл на озеро, расставил сети. Поймал рыбы на раз поесть, снял сеть, поехал на кладбище. Приплыл к своему кладбищу, причалил. Вытолкнул лодку на берег, повесил сети, повесил котел, приготовил пищу. Поел рыбы, суп оставил в котле. Затем заполз под лодку.

Тетя его живет-поживает. Однажды входит мужчина:

— Тебя твой племянник обманул. Сходи завтра на кладбище! Я приму вид медведя³, переплыву рукав реки. Я зарычу по-медвежьи, а ты закричи: «Племянник, вставай, а то меня медведь сожрет!» Тут он не выдержит, вскочит. Я поднимусь на берег, схвачу его, буду бить. Ты разними нас.

Они попрощались, осталось только место от вошедшего мужчины.

Вскочил племянник под своей лодкой, столкнул лодку в воду, положил сеть в лодку. Поехал на озеро, поставил сети. Поймал рыбы на раз поесть, собрал сеть, поехал на кладбище. Приплыл к кладбищу, причалил к берегу. Вытолкнул лодку на берег, повесил сети, повесил котел, приготовил пищу. Поел рыбы, суп оставил. Потом заполз под лодку.

На следующий день тетя говорит:

— Поеду на кладбище.

Приготовилась, приехала на кладбище. Дно его лодки мокрое, сети мокрые. Легла она и стала плакать и причитать:

— Да славится мой племянник по имени Мокрая Лодка, да славится мой племянник по имени Мокрая Сеть, да славится мой племянник по имени Икряной Уголок Рта!

В этот момент с другой стороны рукава в воду с рычанием бросился медведь. Тетя начала кричать:

— Племянник, вставай, вставай! Меня сейчас медведь сожрет!

Племянник не выдержал, выскочил, сбегал к реке. Схватились они с медведем драться, медведь начал его бить:

— Почему ты обманываешь, почему ты мучаешь свою старую тетю?

Тетя разняла их. После этого они остановились, поцеловались, обнялись. Отправились домой, пришли, устроили большой пир для всей деревни, большой пир для всего города. Месяц ели, неделю ели. Затем тетя пошла в свою землю, дядя — в свою землю, племянник — в свою землю⁴. И вот живут они в счастье и благополучии до сегодняшнего дня.

32. Ими-хиты

Ими-хиты с бабушкой живут на краю земли. Сделал однажды себе Ими-хиты ледяную горку и катается целыми днями. Как-то раз прибегает Ими-хиты домой и спрашивает бабушку:

— Бабушка, я видел зверька: хвост черный, а сам серый. Что это за зверек?

Бабушка говорит:

— Это белка, внучек. Раньше твой отец добывал этого зверька.

— Я пойду, бабушка, догоню его, — говорит Ими-хиты.

— О внучек, ты еще мал за белкой гоняться. Ты ее погонишь, она на дерево залезет, что ты с ней сделаешь?

Пошел Ими-хиты снова кататься. Долго, коротко катался, снова прибежал к бабушке:

— Бабушка, я опять видал зверька: кончик хвоста черный, а сам весь белый. Что это за зверек?

— Это горностай, внучек. Раньше твой отец добывал этого зверька.

— Я пойду, бабушка, догоню его.

— О внучек, ты еще мал за горностаем гоняться. Ты его догонишь, он под корень дерева залезет, что ты с ним сделаешь?

Опять пошел кататься Ими-хиты. Долго, коротко катался, опять прибежал к бабушке, говорит:

— Бабушка, в этот раз видел такого зверька: весь целиком черный. Что это за зверек?

Бабушка говорит:

— Это соболев, внучек. Раньше твой отец этого зверька до-
бывал.

— Пойду я, бабушка, догоню его.

— О внучек, где тебе догнать соболев. Соболев — это зверь с длинным следом.

— А как добывают, бабушка, этих зверей?

— Как их добывают? Луком и стрелами.

— А какие бывают лук и стрела? Как их делают? Сделай мне лук и стрелы, бабушка.

Бабушке очень не хотелось мастерить, да что поделаешь, если ребенок просит. Взяла она полено, выстругала что-то вроде стрелы. Затем нашла какой-то обрубок палки и сделала внуку лук. На следующий день утром проснулась бабушка, взглянула, а внука уже след простыл.

Долго, коротко ходил Ими-хиты, пришел домой уже под вечер. Принес всякого зверя целую кучу. Бабушка покормила внука, напоила, и сели они вдвоем свежевать добытых зверей. Бабушка учит:

— Твой отец вот так свежевал, вот так правил шкурки.

С тех пор каждый день стал ходить Ими-хиты на охоту. Всегда уходил, когда бабушка еще спала. Так он ходил, охотился, а однажды вечером за едой сказал бабушке:

— Бабушка, я теперь подальше уходить буду, там больше зверя. Сделала бы ты мне какой-нибудь кузовок, чтобы можно было брать с собой еду. Ходить в лесу я еще не умею как следует, может случиться, что я еще заблужусь где-нибудь.

— Да, это верно, внучек.

Бабушка села и мигом сшила кузовок, чтобы класть еду. На следующий день Ими-хиты надел свой кузовок с едой и пошел опять на охоту. Какой след ни попадется, по тому следу и идет: попался след мышки — идет по следу мышки, попался след ласки — идет по следу ласки. Так он шел, шел, вдруг слышит: кто-то кричит, надывается. Ими-хиты думает: «Схожу-ка я посмотрю, кто там кричит?»

Стал подкрадываться. Осмотрелся: оказывается, на берегу реки высокая гора. Видит: менкв-поших катается на железных санках. Покатится, закричит и засмеется; покатится, закричит и засмеется. Ими-хиты стоит и глаз с него не сводит. Долго, коротко так стоял Ими-хиты, наконец менкв его заметил.

— Эй, дружок, ты здесь? — говорит ему менкв-поших. — Иди покатайся со мной!

— Нет,— отвечает Ими-хиты,— я пошел на охоту, мне некогда кататься.

— Ну, иди, иди, разок скатимся, чего там?

Ну разве отвяжешься от менкв-пошиха?

— Иди садись на передок,— говорит менкв-поших.

— Нет, на передок не сяду. Я сзади заскочу. Я не удержусь! ты уж очень громко кричишь и смеешься.

— Нет, я не буду очень громко кричать и смеяться.

Вскочил Ими-хиты сзади, и покатились. Когда покатились, менкв-поших так закричал, что Ими-хиты упал без чувств. Долго, коротко лежал, очнулся, видит: менкв-поших поднимается в гору с санками.

— Эй, дружок, почему ты упал?

Ими-хиты отвечает:

— Я же говорю, что не могу кататься с тобой. Ты очень громко кричишь и смеешься.

— Ну,— говорит менкв-поших,— теперь я буду потише смеяться.

— Нет, я больше не буду с тобой кататься. День проходит, охотиться надо.

— Ну, скатимся, скатимся еще разок. Садись ко мне на колени, не выпадешь.

Отговаривался, отговаривался Ими-хиты, да разве отговоришься от менкв-пошиха?

— Ну, садись, садись,— говорит Ими-хиты,— я опять сзади заскочу.

Покатились. Менкв-поших опять закричал, засмеялся во все горло. У Ими-хиты белый свет из глаз скрылся. Долго, коротко лежал, очнулся, слышит: менкв-поших с улыбкой к нему подходит:

— Что, дружок, опять ты остался?

— Ты так ореншь, разве можно с тобой кататься?

— Ну давай еще разок скатимся, да как следует, по-хорошему. Ты садись теперь в санки.

Ими-хиты говорит:

— Нет уж, с тобой вместе я больше не покачусь. Я сам сделаю себе санки, а ты один катайся.

Ими-хиты взял свой топорик, срубил поправившуюся березку, расколол пополам и стал обтесывать. Менкв-поших смотрит: Ими-хиты тесанет — топор соскользнет, тесанет — соскользнет.

Менкв-поших говорит:

— Когда твои санки будут готовы, если ты так будешь тесать? Дома ты разве на особом месте тешешь?

— Дома я на бабушкином языке тешу.

— Как это ты на языке тешешь? — говорит менкв-поших.

— А я привык к этому. Вот ты привык же кричать и смеяться,— говорит Ими-хиты менкв-пошиху.— Ты вот ляг, я на твоём языке быстро вытешу.

— Ну, ты мне еще язык отрубить.

— Разве у меня руки без жил, что я топор не сдержу!

Менкв-поших согласился, лег павзничь и высунул свой длинный, как шкура зверя, язык. Ими-хиты положил ему на язык обрубок дерева и стал легонько тесать тонкими стружками. Тешет и приговаривает:

— Когда я был дома, вот так, вот так, бывало, тесал.

Тесал, тесал, стал дотесывать до конца, приловчился и отрубил кончик языка у менкв-пошиха.

Закричал менкв-поших страшным голосом, и Ими-хиты упал без памяти. Долго, коротко лежал, очнулся; совсем замерз. Смотрит: менкв-пошиха нет, только отрубленный кусочек языка остался. Ими-хиты встал, взял кусок языка и пошел к окровавленному следу менкв-пошиха. Шел, шел, пришел к огромному городу. Дома здесь все сложены из лиственниц и елей. Там, где не хватило лиственницы, доложили елкой, где не хватило елки, доложили лиственницей.

Как шел он по следу, так и пришел к дому, стоявшему на другом краю города. Подошел Ими-хиты к этому дому, залез на крышу и приложил ухо к дымоходу, стал прислушиваться. Слышит: менкв-поших стонет и вздыхает. Домашние спрашивают его:

— Что случилось с тобой?

Он показывает рот и что-то бормочет. Спрашивали, спрашивали, так ничего от него и не добились.

— М-м, что с ним могло случиться? — сказал кто-то со вздохом.

— Иди, — сказал тот же голос, — сходи к дедушке из соседнего дома.

Кто-то вскочил, отворил дверь. Вышел, оказывается, маленький менкв. Выбежал и начал плясать. То одну ногу вскинет, то руку вскинет. Пляшет, а сам попевает:

Туда-сюда прыг-скок,
Туда-сюда прыг-скок.
Как спиною повернусь —
Круглая коса трясется!,
Если грудью повернусь —
Бисерная лента вьется.

Бежал, бежал, приплясывая, и зашел в один из соседних домов. Только менкв скрылся в доме, Ими-хиты спрыгнул вниз, подошел к тому дому, куда вошел менкв-поших, и стал опять прислушиваться через дымоход.

Менкв-пошиха кто-то спрашивает:

— Что скажешь? Тебя, наверно, за делом прислали сюда?

А менкв-поших все свое продолжает: то ногу вскинет, то руку вскинет, а сам попевает:

Туда-сюда прыг-скок,
Туда-сюда прыг-скок.
Как спиною повернусь —

Круглая коса трясется,
Если грудью повернусь —
Бисерная лента вьется.

Плясал, плясал, да так и убежал, вскидывая то руку, то ногу.

Кто-то в доме говорит:

— Этого беспутного мальчишку, наверно, за каким-нибудь делом посылали.

Как только менкв-поших вошел в свой дом, Ими-хиты спрыгнул с крыши и побежал туда же, влез на крышу, к отверстию дымохода.

Менкв-поших спрашивают:

— Ну, что сказал тебе дедушка?

А менкв-поших все время пляшет и поет:

Туда-сюда прыг-скок,
Туда-сюда прыг-скок.
Как спиною повернусь —
Круглая коса трясется,
Если грудью повернусь —
Бисерная лента вьется.

— Этот мальчишка ничего там, видимо, не сказал. Иди, дочка, помоги своему брату.

Слышит Ими-хиты: девушка встала со звоном серебра, со звоном золота². Вышла на улицу. Видит Ими-хиты: перед ним красавица из красавиц, девица из девиц. Вышла, посмотрела вокруг и вошла в соседний дом. Ими-хиты спрыгнул и тоже побежал туда. Залез наверх, стал слушать через дымоход, а внутри кто-то говорит:

— Ну, внучка, с какими вестями и новостями пришла?

— Отец тебя зовет, дедушка. С братом что-то случилось. На рот показывается, что-то бормочет, а толком ничего не может рассказать. Вздохнет — захлебнется.

— Что могло случиться? Наверно, к Ими-хиты он приставал. Ну, иди, иди, я приду.

Девушка вышла и пошла домой. Только вошла она в дом, Ими-хиты спрыгнул с крыши и побежал. Влез на крышу дома, куда вошла красавица, видит: идет старик, весь седой, подошел к этому дому и вошел.

— Ну, что случилось? — спрашивает.

— Да вот, просто ходил кататься, и что-то с ним случилось.

— Да, случилось, случилось. Противный он мальчишка, приставал к Ими-хиты и вот получил. Теперь надо как-то упросить Ими-хиты.

— Откуда мы возьмем Ими-хиты, чтобы упросить его?

— Куда денется Ими-хиты? Вон он на крыше, подслушивает в дымоход чувала.

— А как его упросить?

— Что же делать, придется просватать ему нашу дочь из-за противного мальчишки. Иди, внучка, если тебе жалко брата.

Пойди, обещай быть Ими-хиты невестой и упроси его, чтобы он излечил твоего брата.

Девушка опечаленная, невеста, вышла на улицу и говорит:

— Ну, иди, Ими-хиты, спаси моего брата.

Немного повертелась и пошла в дом.

— Ну, позвала? — спрашивает дед.

— Позвала.

— Как ты звала? Иди не стесняйся, скажи, что будешь ему невестой.

Девушка опять вышла. Повертелась, постояла и говорит:

— Ну что поделаешь, Ими-хиты, брат уже совсем умирает, я обещаю быть тебе невестой, только вылечи его.

— Ну, иди, иди, я приду сейчас, — говорит Ими-хиты.

Ими-хиты взял свой кузовок и вошел в дом.

— Ну, Ими-хиты, этот противный мальчишка, наверно, приставал к тебе?

— Я пошел на охоту, — говорит Ими-хиты. — Слышу, кто-то кричит. Стал подходить, смотрю: он катается. Тут я на него засмотрелся и стою. Он меня заметил и стал приставать: давай кататься. Я ему говорю, что мне некогда, день проходит, мне надо охотиться, он все свое: знай пристаёт. Раз покатались, он так закричал, что я от его крика без чувств упал. Он второй раз пристал. Второй раз покатались — то же самое, я без чувств упал от его крика. На третий раз, чтобы отделаться от него, я и придумал, как от него отвязаться.

— Ими-хиты, удвой свою доброту, вылечи этого мальчонку. Мы тебе отдадим вот эту красавицу, что носит косы живые, как птицы³, что ходит в звоне серебра и золота.

Ими-хиты достал обрубок языка из своего кузовка и приставил его к языку мальчишки. Язык тут же стал прирастать. Затем Ими-хиты дал ему выпить теплой воды. Когда в третий раз напился, мальчишка вздохнул и сказал:

— Ах-на, наконец от сердца отлегло.

Дед и отец принялись его ругать:

— Скверный ты парень! Счастье твое, что пришел сюда Ими-хиты. Хорошо, что он добрый человек. Если бы не он, то пропал бы ты без языка.

Затем устроили свадебный пир на весь город и на все село.

33. Бабушкин внук

Внучек с бабушкой живут. Они живут, живут, и бабушка говорит:

— Ты за избушку не ходи. Туда ходили многие, да мало кто вернулся.

Внук охотится и думает: «Почему меня бабушка туда не пускает?» Думает: «Ну-ка, я посмотрю, что там есть». Шел, шел целый день; там избушка стоит, у нее ограда есть. Он думает:

«Зайти или нет? Ладно, зайду. Посмотрю, кто там живет». Зашел, смотрит: там Менк-ики с детьми живет. У него один сын и одна дочка. Менк-ики говорят:

— Вот к нам мясо само пришло, искать не надо.

Поймал его Менк-ики и к стене гвоздями прибил. Говорит детям:

— Вы его не отпускайте. Я пойду за большим котлом, чтобы сразу сварить его.

Пошел за котлом. Ребята охраняют. Когда Менк-ики ушел, он сидит, думает: «Что делать?» Ребятам говорит:

— Отпустите меня, пожалуйста. Пока отец придет, я вам сделаю поварешку маленькую и корытце — мое мясо есть и жир хлебать.

Они думали, думали: «Правда, отпустим, пусть приготовит». Они его отпустили. Он ребятишек убил и сварил. Сварил и одно корытце с мясом на дорогу поставил, а другое — около ограды, где надо заходить, третье — к дверям, четвертое — в доме. Пешню положил в костер, раскалил. В мешок углей насыпал. Сам залез на осину — там стояли три высокие осины. Потом слышит: идет Менк-ики. Менк-ики пришел, на дороге корытце увидел и говорит:

— Моим мясом, моей кровью пахнет.

К ограде пришел — опять корытце. Говорит:

— Моим мясом, моей кровью пахнет.

Зашел домой и опять на улицу вышел. Смотрит, что этот на осине сидит. Взял топор и думает: «Я осину срублю». Стал рубить. Рубил, рубил, до половины срубил — все держится осина. Думает: «Надо отдохнуть, весь вспотел». Пока сидел, откуда-то птицы и звери подошли к осине, нагадили около нее, и осина стоит, как и раньше. Он опять рубить стал. Уже качается осина, чуть не свалилась.

— Надо передохнуть.

Пока отдыхал, птицы и звери опять нагадили, и осина опять стоит, как и раньше. Думает: «Что же делать, чтобы осину свалить?» Стал рубить, опять осина качается. Думает, что надо отдохнуть. Стал отдыхать. Опять птицы и звери набежали, нагадили, осина стоит, как и раньше. Тот кричит:

— Дядя, все равно осину не срубишь! Давай ложись, рот открой, я прыгну прямо в рот, чтобы тебе не мучиться.

Тот думает, что это правда. Лег, рот открыл, глаза открыл. Он насыпал ему горячих углей, потом бросил горячую пешню, всю голову пробил. Менк-ики пропал.

Тот слез с осины, костер развел, положил его в костер. Менк-ики сгорел, его пепел полетел. Менк-ики говорит:

— Пусть мой пепел будет у людей кровь сосать.

Это комары. Там где-то они и сейчас живут или скопчались. Впук домой пришел.

34. Альвали и Сэвс-ики

Подходит Альвали к озеру, а там сидит чирок. Он выстрелил из лука, чирок полетел, стрела засела. Пошел Альвали, давай вытаскивать.

— Пусти,— говорит,— стрелу, а то я тебя луком ударю.

Луком ударил, и лук туда прилип. Лук тянет и ничего не может сделать.

— Пусти, а то я тебя веслом ударю.

Ударил, весло совсем прилипло. Тянул, тянул, ничего не может сделать.

— Пусти, а то я тебя обласом ударю.

Ударил, и облас прилип. Тянул, ничего не может сделать.

— Пусти,— говорит,— облас, а то я тебя рукой ударю.

Ударил, и облас прилип. Тянул, ничего не может сделать.

— Пусти,— говорит,— а то я тебя погой ударю.

Ударил, и ноги прилипли, ничего не может сделать.

— Пусти,— говорит,— а то я тебя головой ударю.

Ударил, и голова прилипла. Так и прилип весь. Сэвс-ики оказался это, а не чирок. Он подошел к Альвали (его отца и деда Сэвс-ики съел) с цепью и говорит:

— Охо-хо, какая счастливая у меня цепь!

Взял его через плечо и потащил домой. Притащил домой, привязал на цепь, говорит:

— Ну что, убивать тебя или нет?

Альвали и говорит:

— Зачем бить? Ты посмотри — одни кости. Ты лучше меня сначала выкорми.

Тот согласился. Сэвс-ики уходит. Где жирную утку убьет, все дает Альвали, чтобы он скорее поправился, был жирный. Кормил, кормил, вырастил — просто один жир. Притащил его теперь, хотел убить и в котел. Альвали и говорит:

— Какой это котел? Мал он. Ты меня варить будешь, весь жир сплывет. Ты поезжай за большим котлом.

Сэвс-ики и поехал на вершину Оби за большим котлом, чтобы варить Альвали. Сэвс-ики уехал, у него дома остались дочери. Когда он уехал, Альвали и говорит:

— Вы, девчонки, отпустите меня. Я хоть похожу, потопчусь да вам ложки-чашки сделаю.

Отпустили они его. Он вышел на улицу, то поколотит, другое. Потом и говорит:

— Идите, я вам ложки сделал мой жир снимать, мой суп хлебать.

Вышла одна на улицу, подошла к нему, он ее обухом. Она упала, он и говорит:

— Идите кто-нибудь, она тут упала чего-то, утащите ее.

Вышла вторая, подошла к нему, он ее обухом ударил. Она тут же и упала. Взял их обеих, изрезал на куски, в котел положил и стал варить. Сварил их, вытащил мясо, выстрогал па-

лочки и натыкал кусочки на них, поставил на дороге Сэвс-нки. Сам же в голенища кисов насыпал песку и положил их на дерево, а потом залез на лесину и сидит. В девичьи пологи два пучка сена связал и положил, как будто они там лежат. Чтобы подумал Сэвс-нки, что девки убили его уже и сварили для него.

Идет Сэвс-нки. Дошел до мяса, говорит:

— У, дуры девки, дуры, зачем вы так сделали?! Я сам хотел его убить, лучше бы сделал.

Шел и все куски, что на палочках, ел. Говорит:

— Однако это мое мясо, моя кровь, мои девки, слышать.

Пришел в избу, стал искать, а там две головы девичьи лежат. Подошел к пологу, смотрит: к пологам сороки слетаются. Поднял полог, сороки улетели.

Сэвс-нки и говорит:

— Альвали, Альвали, ты надо мной посмеялся, моим же мясом меня и накормил.

Давай в избе считать каждую сенинку: которой пары нет, ту съест. Давай бревна считать в избе; которому пары нет, то съест. На улицу вышел, давай лесины считать: которой пары нет, ту съест. Альвали и говорит:

— Ты чего там считаешь? Я ведь здесь сижу.

Сэвс-нки говорит:

— Пять тесел я съел, пять топоров съел, вырвало меня от этого.

Пять тесел он выплюнул. Давай Сэвс-нки рубить ими лесину, где сидит Альвали. Каким топором ни ударит — ломается, каким теслом ни ударит — ломается. Все сломал. Опять семь топоров, семь тесел выплюнул. Давай ими рубить. Шесть топоров сломал, семь тесел сломал. Один топор остался. Давай им рубить. Сэвс-нки рубил, рубил, вот-вот лесина упадет. Альвали тогда и говорит:

— Стой, не руби! Что тебе достанется, если я с лесины в воду упаду? Ты лучше возьми глаза пошире раскрой и рот открой пошире да к лесине ложись, а я к тебе в рот прямо и упаду.

Сэвс-нки лег под лесиной, открыл глаза и открыл рот. Альвали взял голенища кисов и стал спускаться с лесины, а сам ему песок сыплет.

Сэвс-нки ему и говорит:

— Зачем ты в меня сыплешь?

Альвали и говорит:

— Лежи, лежи, это я слезаю, это кора на тебя валится.

Спустился пониже, голенища развязал и высыпал на старика весь песок. Старик вскочил — рот и глаза полны песку, ничего не видит и сказать не может. Альвали его этим же последним топором и убил. Все переломал и вместе с избой поджег. Изба загорелась, Альвали смотрит: какая-то баба стала гасить огонь, соболями размахивать. Взял он эту бабу и ушел с ней жить.

А когда Сэвс-ики сгорел, пенел полетел по лесу, и слышно было:

— Народится народ, и мы будем пить его кровь.
Это полетели комары (куйни).

35. Старик Лампаск и его внук

Живет старик Лампаск, старик Вампаск. У него семь сыновей. Пока они долгое время живут, пока они короткое время живут, пока живут-поживают, однажды наступил день. Сыновья прислушались: снаружи слышен какой-то шум. Старший сын вышел — к нам пришли враги! Он вошел в дом, сказал отцу:

— Враги к нам пришли, семь каменноглазых богатырей!

Он говорит отцу:

— Дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, вышел, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел, говорит отцу:

— Будь добр, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец ни слова не сказал своему сыну. Сын повернулся, вышел; семь каменноглазых богатырей, крича, посвятили его голове Торуму. Семикратным криком кричали они Торуму, шестикратным криком кричали они Торуму¹. Кожа с его головы была снята, на вершину лиственницы заброшена².

Тогда выбежал второй сын, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе твоего второго сына убьют. Разве тебе не жалко?

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Сын повернулся, едва вышел, как семь каменноглазых богатырей, крича, посвятили его голову Торуму. Семикратным криком кричали они, шестикратным криком кричали они.

Тогда выбежал третий сын. Недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе твоего третьего сына убьют. Разве тебе не жалко?

Отец не сказал ни слова. Сын повернулся, вышел, недолго ходил на улице, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец не сказал ни слова. Повернулся его сын, едва вышел, как семь каменноглазых богатырей, крича, посвятили его голову Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кожа с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда выбежал четвертый сын. Недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Отец, будь добр, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего четвертого сына. Неужели тебе не жалко?

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Отец, будь добр, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец не сказал ни слова. Сын повернулся, едва вышел, семь каменноглазых богатырей, крича, посвятили его голову Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму.

Затем вышел пятый сын, недолго ходил, вошел:

— Отец, дай мне свой панцирь.

Отец вообще не разговаривает. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего пятого сына, неужели тебе не жалко?

Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец вообще не разговаривает. Сын повернулся, вышел, его голову семь каменноглазых богатырей, крича, посвятили Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кожа с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда вышел шестой сын. Недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего шестого сына. Неужели тебе не жалко?

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, едва вышел, его голову семь каменноглазых богатырей, крича, посвятили Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова

Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кожа с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда выбежал седьмой сын. Недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего седьмого сына, неужели тебе не жалко?

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, едва вышел, его голову семь каменногоглазых богатырей, крича, посвятили Торуму. С шестикратным криком была посвящена его голова Торуму, с семикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кожа с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда встал отец, надел свой панцирь, схватил свой меч, выбежал. Когда он вышел, уже разбежались семь каменногоглазых богатырей.

Потом они жили долго, жили коротко. Пока они так жили-поживали, его седьмая, младшая сноха родила сына. Сын подрастает за день на пядь, подрастает на ширину ладони. Пока они так жили-поживали, вырос внук и стал бегать. Наступил день, когда, бегая по улице, внук подумал: «Скажу дедушке, пусть он сделает мне лук, стрелу». Зашел, говорит дедушке:

— Дедушка, сделай мне лук, стрелу.

Дедушка сделал ему лук, стрелу. Дедушка говорит:

— Твой лук, твоя стрела готовы. Не ходи за дом, пельзя.

Его стрела, лук были готовы. Много сотворенных Торумом дней бегают он по улице. Наступил день, когда он, играя на улице, спустил стрелу. Она упала у края моря. Он сбежал к морю — вся его стрела унизана рыбой сырком. Он вынул ее из воды и бегом к двери.

— Дедушка, открой дверь, я добыл много рыбы.

Дедушка говорит:

— Недавно ты попросил у меня имя. Пусть славится твое имя: Богатырь с Вертелом для Весенней Сушки Рыбы, пусть славится твое имя: Богатырь с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы³.

Так они жили-поживали. Наступил день, когда дедушка сидел обнаженной спиной к огню. Внук заметил на его спине раны длиной в пядь:

— Дедушка, что это за раны у тебя?

— Это рубцы, накусанные вшами⁴.

Внук оставил его в покое. Наступил день, когда внук, играя на улице, спустил стрелу. Она упала позади дома. Он пошел за

дом, взглянул на вершину дерева — висят семь скальпов. Победил он домой, вошел, говорит дедушке:

— Почему вы утаили от меня отца и братьев моего отца? Дедушка, дай мне свой панцирь. Я пойду искать разрушительную месть за своего отца⁵. Кончится мое мясо, пусть мои кости ищут месть, кончатся мои кости, пусть мой костный мозг ищет месть⁶.

Дедушка говорит:

— У тебя еще слишком нежная рука, у тебя еще слишком нежная нога. Куда ты придешь? Вырастешь, тогда пойдешь искать отца и его братьев.

На это он не сказал ни слова, повернулся, вышел. Куда глаза глядят, туда он шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, встречается ему медведь. Он схватил его за оба уха, начал бить о дерево:

— Без отца, без матери! Почему ты преградил мне путь?

Избил его в пыль и прах, бросил в сторону от дороги. Затем дальше шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, тот же медведь навстречу идет.

— Скотина без отца, без матери! Почему ты преградил мне путь?

Схватил его за оба уха, начал бить о дерево. Избил его в пыль и прах, бросил в сторону от дороги. Затем дальше шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, навстречу идет тот же медведь.

— Скотина без отца, без матери! Почему ты преградил мне путь? Мой путь долгий. Если я так буду идти, то как я приду?

Схватил он его за оба уха, начал бить о дерево. Избил его в пух и прах, бросил в сторону от дороги. Затем дальше шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, навстречу ему идет, улыбаясь, дедушка:

— Внучек, ты меня чуть не убил! Трижды ты бил меня о дерево. Моя душа чуть не вышла.

Снял свой панцирь:

— Внучек, возьми этот панцирь.

— Ты, без отца, без матери! Что мне делать с твоим панцирем? Оставь свой панцирь, который пожалел! Ты дал убить всех братьев моего отца и отца. Почему ты пожалел тогда дать?

— Если не берешь панцирь, я дам тебе клубок ниток. Куда клубок зайдет, туда и ты заходи.

Затем поцеловал его дедушка, и он пошел дальше. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Куда клубок заходит, туда и он заходит. Пока он так шел, пришел к берегу моря. На другой стороне моря то ли облако, то ли город. Взял он клубок из сумки, бросил его через море. Появился мост такой ширины, что он мог перейти. Затем он перешел через море. Пришел на другую сторону моря. Сошел на берег — и вот

он попал в город, населенный семью каменноглазыми богатырями.

Носящие воду женщины начали над ним смеяться:

— Внук старика Лампаск, старика Вампаск, Богатырь с Вертелом для Весенней Сушки Рыбы, Богатырь с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы, ты пришел искать разрушительную месть за отца, ты пришел искать разрушительную месть за мать?⁷

Затем его светлый отец, живущий на седьмом небе с копытовыми балками и дымоходом, вылил на него чашку, полную темной крови, вылил на него чашку, полную мрачной крови⁸.

Затем он вошел в дом, населенный семью каменноглазыми богатырями. Встал у двери около чувала. Семь каменноглазых богатырей сидят за столом, вкушая в изобилии пищу.

— Внук старика Лампаск, внук старика Вампаск, Богатырь с Вертелом для Весенней Сушки Рыбы, Богатырь с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы, ты пришел искать разрушительную месть за отца или ты пришел искать разрушительную месть за мать? Не гневайся и не сердись! Садись за наш стол есть и пить! Мы дадим тебе в жены без калыма, в жены без выкупа младшую сестру из наших семи сестер.

Едва кончилась эта речь, Богатыря с Вертелом для Весенней Сушки Рыбы, с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы привели в другой дом. Его посадили на пары с пологом, на огонь повесили большой семидонный котел, наполнили рыбой:

— Вари этот котел. Сварится котел, тогда приведем сюда твою невесту⁹.

Начал он греть котел. Потом посидел недолго, на дымоход дома села птичка:

— Сиськи, тев, тев! Внук старика Лампаск, внук старика Вампаск, дверь твоего дома закрыта и в четырех углах заложен огонь, дно твоего котла забито доской.

Он прогнал птичку:

— Ты, без отца, без матери! Зачем меня обманываешь? Я получу жену.

Затем пошел к котлу, начал его греть. Пошел к парам, улегся. Недолго лежал, на дымоход дома села птичка:

— Сиськи, тев, тев! В четырех углах твоего дома заложен огонь, дверь твоя закрыта, дно котла забито доской.

На это он прогнал птичку:

— Скотина без отца, без матери. почему ты меня обманываешь? Я получу жену без калыма, жену без выкупа!

Потом начал греть свой котел. Пошел к парам, улегся. Недолго лежал, на дымоход дома села птичка:

— Сиськи, тев, тев! Внук старика Лампаск, старика Вампаск! В четырех углах твоего дома появился огонь.

Он подскочил, подбежал к двери — дверь только гудит! Начал он вымалывать у своего отца, мужчины верхнего неба, панцирь с мелкими ячейками:

— Спусти, отец, панцирь и спусти меч!

Едва эта речь кончилась, упал со звоном панцирь с мелкими ячейками. Тогда надел он панцирь, оперся о меч, выпрыгнул. Когда он выпрыгнул — стоят тут семь каменноглазых богатырей, голые, как мать родила. Светлый отец, живущий на седьмом небе с коньковыми балками и дымоходом, облил его чашкой темной крови, и начал он рубить. Долгое время рубил он долго, короткое время рубил он коротко. Однажды почувствовал тяжесть на правой руке. Остановился вытереть пот. Остановился, взглянул на свою руку: это его жена схватила руку! Он схватил ее, сдвинул, сжал, засунул в нагрудный карман.

Затем обежал он город — все семь каменноглазых богатырей убежали. Вырывая у них один волос, вырывая у них два волоса¹⁰, начал их преследовать. Долго ли, коротко ли бежал, догнал их. Они сидят на согнутом дереве¹¹, вытирая пот. Натянул он свой лук, свою стрелу; потянув одно плечо, отпустил руку. Семерых каменноглазых богатырей насадил на одну стрелу. Затем он спял у них скальпы, забросил на вершину дерева:

— Пусть вас обвеваает ветер на месте весенней чайки, осенней чайки¹².

Затем дальше пошел. Долго шел, коротко шел, пришел к берегу моря. Вынул свой клубок из нагрудного кармана, бросил его через море. Появился мост, по которому он мог идти. Перешел он на другую сторону моря, смотал свой клубок, засунул в нагрудный карман. Потом дальше пошел. Долгое время идет долго, короткое время идет коротко. Если снег падает, он вспоминает зиму; если дождь идет, он вспоминает лето. Долго шел, коротко шел, прибыл в город. Его дедушка состарился, и его мать состарилась, и жены братьев его отца состарились.

Затем он вынул свою жену из нагрудного кармана, бросил ее на пол. В рост взрослой женщины стояла она тут, высотой в высокую женщину стояла она тут. Они устроили большой пир для всей деревни, устроили большой пир для всего города. Месяц ели, неделю ели. Бедная женщина и бедный мужчина облизывали пальчики и большие пальцы. И теперь они живут в счастье и довольстве.

36. Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины

Двое сыновей Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины жили долго, жили коротко. Старший не имеет жены, у младшего есть жена. С какого-то отдаленного конца земли прилетел огромный филин, величиной с деревню¹, сел на вершину лиственницы и качался в эту сторону, и качался в ту сторону. В то время как младший выделяет худые нечистоты, носимые женщинами и мужчинами, и сидит, ему были брошены филином две рукавицы из шкурок филина.

— Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящий Богатырь, в тот же день, как ты родился, я родилась,

в тот же день, как я родилась, ты родился. Кровь от наших пуповин попала в одно место. Нашим Небесным Отцом, нашей Небесной Матерью нам предопределено быть вместе. Если ты имеешь намерение меня взять в жены, то не жди, пока вскипит кипящий котел, не жди, пока поспеет долговременный котел! ² Мой отец, Кровавый Богатырь, старый Нянк-хуш, желает меня отдать без калыма многочисленным мужам самоедской стороны.

Обе рукавицы из кожи филина он вертит в одной руке, вертит в другой руке: как шов шился — не видно, как работа работалась — не видно, или они в таком виде были созданы. Он вошел в дом и туманной ночью, темной, подобно глазу духа, он лег спать на вшивое место, он лег спать на блошиное место ³; он не мог спать и думал, как он пойдет к своему брату, сыну Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины. Когда загорелась утренняя заря, пошел к нему. Его пестика услышала первое произнесенное им слово, когда он оказался на площади города, имеющего площадь. Вторично сказанное слово она услышала, когда он оказался в жерданных сенях, где лежат собаки. В третий раз произнесенное им слово она услышала, когда он оказался на славных половицах дошатого пола. Когда он вошел в дом, его брат мигнул исполняющей домашние работы рабыне большим глазом, мигнул малым глазом. Когда рабыня, исполняющая домашние работы, принесла полное блюдо славного кушанья, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Его брат ему сказал:

— Брат, начало той вести, которую ты принес, начало той речи, которую ты принес, изложи.

Брат сказал:

— Прилетел большой филин, величиной с деревню, величиной с город, и сел на прочный городской столб. Им были брошены две рукавицы из шкурок филина: как шов шился — не видно, как работа работалась — не видно, или они так и были созданы. Большой филин, величиной с деревню, величиной с город, сказал: «Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящий Богатырь! К моему отцу, Кровавому Богатырю, старику Нянк-хушу, прибыли воины со стриженными головами, прибыли сваты со стриженными головами ⁴. Многочисленным мужам самоедской стороны он меня хочет отдать без всякого калыма. Если ты имеешь намерение взять меня в жены, не жди, пока вскипит кипящий котел, не жди, пока поспеет котел, требующий время, чтобы вскипеть. Быстро одевайся, быстро приходи!»

Его брат ему сказал:

— Своих многочисленных мужей со всего города, своих многочисленных мужей со всей деревни созови вместе, приведи семь оленей, привязанных к одному ремню, привяжи их к прочному городскому столбу, чтобы жертвенной рукой, чтобы рукой, готовой к пиру, принести там жертву. Перед походом к мужским водам чужестранцев ⁵, для того чтобы созвать туда сотни добрых

духов, которые живут на многочисленных мысах, чтобы созвать туда сотни лесных духов, которые живут на многочисленных мысах, и просить у них силу для спины, силу для живота.

Его брат пошел домой и созвал своих многочисленных мужей со всего города, со всей деревни в большое помещение, предназначенное для собрания воинов, предназначенное для собрания сватов. Семь оленей, привязанных к одному ремню, были там привязаны. Многочисленные мужи со всего города, со всей деревни поставили туда берестяные сосуды с пенящимся отверстием⁶, берестяные сосуды с обручем в отверстии. Они опускались на колени на площади, поросшей травой, они вставляли на площади, производящей траву, и с жертвенной рукой они там стояли, и с рукой, готовой к пиру, они там стояли. Они снимали с животных кожи, варили мясо и клали в блюда и берестяные кузова. Они вошли в большое здание, предназначенное для собрания воинов, для собрания сватов, ели мясо и пили⁷. Многочисленные седоголовые старцы открыли тогда начало речи, открыли начало слова:

— Княгини нашего города и князя нашего города! О каком отдаленном конце земли вы думаете, изложите вы речи вашей начало, слова вашего начало. В какой отдаленный конец мира вы желаете направить сватов со стриженными головами, воинов со стриженными головами?

Младший мужчина сказал:

— Мы снаряжаемся в город Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, ради младшей дочери Кровавого Богатыря Нянк-хуша.

Многочисленные седоголовые старцы сказали:

— В город Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, отправлялось много мужей, но, когда они опрокинули свои глубоко сидящие лодки с водяной кормой, в которых они обычно сидели, на деревянные колья, подобные журавлиным ногам, они и поросли оленьим мохом высотой в пядь⁸.

Младший брат сказал:

— Если мы, двое сыновей Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины, отправимся в город Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, и опрокинем нашу грузную лодку с водяной кормой, в которой мы сидим, на деревянные колья, подобные ногам журавлей, то каким это образом она порастет оленьим мохом высотой в пядь?

Младший муж встал, взял из-за угла чувала полено, парезал на нем три грани и отметил зарубками сто пятьдесят мужей со своей стороны: где был плох отец, отмечал сына, где был плох сын, отмечал отца; старший брат тоже взял из угла за чувалом полено, парезал на нем три грани и отметил зарубками сто пятьдесят мужей со своей стороны: где был плох отец, отмечен его сын, где был плох сын, отмечен его отец. Там, где был отмечен отец, плачет сын, там, где был отмечен сын, плачет отец. Младший муж приказал:

— Когда появится утренняя заря, когда взойдет солнце, спуститесь с жердяной пристани, состоящей из множества жердей!

Всем многочисленным мужам, которые были отмечены зарубками, младший муж сказал:

— Когда вы ляжете в туманном месте, чтобы спать крепким сном, то не спите долго!

Наступила туманная ночь, темная, как глаз духа, и они легли спать в туманном месте, чтобы спать крепким сном.

Старший муж пробудился: где-то слышен шум шагающего богатыря, идущего богатыря. Он вошел в сени. Если бы хороший плотник во время постройки не положил туда множество железных полос, не положил туда множество железных кусков, половицы сеней не выдержали бы его тяжести. Войдя в дом, его брат — сын Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины, сказал:

— Брат, зачем спят так долго мужи, намеревающиеся завоевать питающие⁹ источники чужой земли, намеревающиеся завоевать изобилующие рыбой источники чужой страны, мужи, которые легли на туманном месте, чтобы спать крепким сном?

Старший муж встал и мигнул рабыне, исполняющей домашние работы, большим глазом, мигнул малым глазом. Она принесла полное блюдо славного кушанья. Младший брат взял концами пальцев один кусочек, взял концами пальцев два кусочка. Младший брат сказал:

— Из твоих многочисленных складов, где у тебя лежат металлические вещи, из твоих многочисленных складов, где у тебя лежит разный товар, в изобилии выложи глыбы золота, глыбы серебра¹⁰ и в глубоко сидящую лодку брось в изобилии красное сукно и черное сукно, чтобы мы не увидели стесненного края земли, чтобы мы не узнали края земли, полного лишений!¹¹

Когда старший брат пошел в свои многочисленные склады, где у него находились металлические вещи и разный товар, уже давно занятое ими место стало пустым. Муж, Несущий Край Блюда и Край Туяса, уже давно положил, уже давно набросал в лодку глыбы золота, глыбы серебра. Он поднял свою голову с пробормотом, с которой падали роскошные волосы, надел кольчугу и то, что было необходимо, и стал шагать по полу: и он живет как князь, и он живет как боярин. Его малые дети пугаются леденящего холода, идущего от железа, холода, идущего от металла.

Когда он шагал по полу, то, на какую половицу он ни наступал, она гнулась наподобие обруча: если бы хороший плотник во время работы не положил сюда множества листов жести, если бы он не положил сюда множество полос железа, половицы не выдержали бы его. Когда работающая в доме рабыня принесла полное блюдо славных яств, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Из его глаз потекли слезы длиною в семь пядей, из его глаз потекли слезы длиною в шесть пядей.

— Удастся ли нам, двум мужам, отправляющимся в питающие земли чужестранцев, в избыточные рыбой земли чужестранцев, вернуться с нашими головами с косами или нет, или наши души, обладающие руками и ногами, от нас, мужей, имеющих руки и ноги, придут в наш Тяпарский город Мужа с Размашистой Рукой, или же наши переливающиеся головные кожи будут где-либо сняты каким-нибудь мужем?

Когда он спустился с жердяной пристани, состоящей из множества жердей, он своим домам, хорошо построенным из дерева, хорошо крытым травой, много раз отвесил поклон, изогнувшись, подобно многочисленным дужкам из черемушника, подобно многочисленным обручам из прутника. Многочисленные мужи со всего города, многочисленные мужи со всего селения между тем собрались. Младший брат посмотрел: в его глубоко сидящей лодке с водяной кормой, в которой он обыкновенно сидит, лежат глыбы золота, глыбы серебра.

Старший брат, когда сажился в свою глубоко сидящую лодку с водяной кормой, тоже огляделся: и у него лежат глыбы золота, и у него лежат глыбы серебра. Мужи, идущие на войну, отчалили от берега, мужи, едущие сватать девицу, отчалили от берега. Оставшиеся дома многочисленные седоголовые старцы крикнули громкий клич, который принято кричать при отчаливании воинов; до вершины низкого дерева и до середины высокого дерева он достиг. Когда они крикнули во второй раз, до пестрых облаков достиг их крик. Клич, крикнутый в третий раз, до Золотого Света, отца ¹², достиг. Младший муж сказал:

— Послушай, брат, теперь выступим с нашими воинами со стриженными головами, с нашими сватами со стриженными головами: до нашего отца, Золотого Света, достиг наш зов. Где теперь наступит для нас день поражения и смерти?

Они сели в глубоко сидящую лодку с водяной кормой, чтобы грести при помощи пальчатого весла, имеющего перекладину наподобие пальца. В то время как они едут, всюду, где у жен и мужей, живущих на семи мысах ¹³, расположенных по сю сторону реки, где у мужей и жен, живущих на семи мысах, расположенных по ту сторону реки, хватает ума, хватает сердца, они выставляют для проезжающих воинов берестяные сосуды с пелящимся отверстием, берестяные сосуды с обручами в отверстие. Такие места они проезжают, даря жителям счастье в добыче рыбы, даря им счастье в добыче пушнины. Здесь они закалывают в жертву кровавых оленей, здесь они закалывают в жертву холощенных оленей. Там, где у людей не хватает ума, не хватает сердца, они проезжают, распространяя разные болезни: ледяных покойников тащат прочь, холодных покойников тащат прочь. В тех местах они оставляют позади себя площади, усеянные кусками женщин, усеянные кусками мужчин. Когда они приехали к какой-то протоке, многочисленные седоголовые старцы сказали:

— Муж, едущий на войну, муж, едущий сватать девицу, пусть здесь приготовят пеживую пищу ¹⁴, питающую пищу, пусть здесь

поставят блюда и кузова, чтобы просить здесь о силе для спины, чтобы молить здесь о силе для живота.

Пристали к берегу. Многочисленные прозябшие мужи принесли в руках режущее железо с острым клинком¹⁵, многочисленные прозябшие мужи развели при помощи дерева огонь — многоязычный рот девы Тяри¹⁶. Многочисленные проголодавшиеся мужи принесли в руках котел с железной ручкой, приготовили лежувую пищу, питающую пищу, поставили блюда и берестяные кузова, чтобы созвать туда добрых духов, живущих на сотнях возвышенных мысов, чтобы созвать туда лесных духов, живущих на сотнях мысов, и от них просить силу для спины, и от них просить силу для живота.

Многочисленные седоголовые мужи, многочисленные белоголовые мужи сказали, что здесь надо прожить два дня, что здесь надо прожить три дня. Прожили там два дня, прожили там три дня. Наступил день для сбора на войну, наступил день снаряжаться на свадьбу. Младший муж сказал старшему:

— Одень сто пятьдесят своих мужей в дорожную обувь и дорогие одежды, и я одену сто пятьдесят моих мужей в дорожную обувь и дорогие одежды, чтобы, когда мы прибудем в город Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, нельзя было бы узнать, кто из нас богатырь, чтобы нельзя было узнать, кто из нас простой человек, чтобы богатырь не был принят за богатыря. Когда мы проедем два плеса, когда мы проедем три плеса, будет виден сор Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша. Перед нами будет простирается столь широкий сор, что его глаз не охватывает, как будто там сошлись небо и земля.

Ехали, ехали, посмотрели назад: как будто там протянута черная нитка, посмотрели вперед: как будто там протянута черная нитка. Опять поехали, поехали вперед, и перед ними показался город Кровавого богатыря, старого Нянк-хуша. Дальпозорными они были замечены, чутким ухом услышаны. Они сказали своему князю:

— Кровавый Богатырь, старый Нянк-хуш, выслушай нас как князь! К нам приближаются воины со стриженными головами, к нам приближаются сваты со стриженными головами!

Когда Кровавый Богатырь, старый Нянк-хуш, спустился к жердяной пристани, состоящей из множества жердей, он увидел, что действительно приближаются воины со стриженными головами, действительно приближаются сваты со стриженными головами. Его сын Привязывающий Коней, Привязывающий Оленей к Занидевелому Столбу спустился к берегу, посмотрел, посмотрел и сказал:

— Послушай, батюшка, к нам приближается безголовая свадьба, не имеющая головы, к нам приближается безвозвратная свадьба, при которой нет возврата¹⁷.

Младший сын князя Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины подъезжает между тем к городу, свистя из широкой глотки, свистя из узкой глотки¹⁸. Он повернулся сюда, он повернулся туда. Подобно выдре с заостренным телом, он изви-

вался в своей глубоко сидящей лодке с водяной кормой в эту сторону, извивался в ту сторону и показывал все уловки, все хитрости, какие только есть.

Они подъехали к пристани. Приблизились к берегу на расстояние выстрела, младший муж поставил конец лука на землю, выпрыгнул на берег и пошел вперед как беззаботный юноша, будто он был местный житель в этом городе, будто он был местный житель в этой деревне. Их пригласили в большой дом Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, предназначенный для собрания воинов, в большое помещение, предназначенное для собрания сватов. Им дали женщину, чтобы носить воду, им дали женщину, чтобы варить котел, им дали мужчину, чтобы рубить дрова. Для них готовят неживую и питающую пищу, их кормят и поят. Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящий Богатырь сказал:

— Брат, ту весть, которую мы привезли, ту речь, которую мы привезли, начало этой вести, начало этой речи пошлем туда!

Младший брат сказал:

— Дадим растаять инею, покрывающему нас, пришедших издалека. Когда мы проведем туманную ночь, темную, как глаз духа, во время зародившейся зари, при взошедшем солнце, тогда и пошлем к ним нашу весть, нашу речь.

Всякий раз, когда на одной стороне один муж ложится, на другой стороне один муж бодрствует; как только спящий муж пробуждается, бодрствующий муж ложится. На чужой стороне, на чужих водах, которые они не знают, ими овладевает страх. Когда стало светать, они позвали одного мужа из местных и выставили одного мужа из прибывших, чтобы передавать вести. Они пришли к Кровавому Богатырю, старому Нянк-хушу, и сказали:

— Кровавый Богатырь, старый Нянк-хуш, выслушай нас как богатырь, выслушай нас как муж, к тебе прибыли воины со стриженными головами, к тебе прибыли сваты со стриженными головами. О младшей дочери Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, девице, что ты скажешь, что ты думаешь? Эту весть, это слово ты нам изложи!

Старик сидел, сидел и сказал:

— Моей младшей дочери, Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, девицы, обратившееся в прах тело я уже давно похоронил. В страну, столь отдаленную, что не добраться туда и зверю, кто мог бы отнести вам мою весть, мое слово, а вашу весть, ваше слово кто бы доставил ко мне? Эту мою весть, это мое слово отнесите им.

Они вернулись и сказали:

— Младшей дочери Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, девицы, обратившееся в прах тело уже давно предано земле.

Двое сыновей Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины сказали:

— Если ее обратившееся в прах тело похоронено, пусть он

даст десять человек с лопатами, пусть он даст десять человек с топорами. Мы ее выроем, а принесенные глыбы золота, груды серебра и предназначенные для нее дорогой шелк и дорогую парчу положим ей в могилу. Пусть тогда славные суставы ее тысячи костей пропадут в том виде, как их мать родила. Эту весть отнесите Кровавому Богатырю, старику Нянк-хушу.

Ему отнесли эту речь. Кровавый Богатырь Нянк-хуш опустив голову сидел, сидел и сказал:

— Моя младшая дочь, Кровавого Богатыря Нянк-хуша девица, еще сосет материнское молоко.

Эту весть отнесли туда. Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской жепщины сказали:

— В нашем Тяпарском городе Мужа с Размашистой Рукой много седоголовых жепщин, много белоголовых жепщин, пусть она там питается молоком из груди, пусть она там питается молоком из рожка.

Эта весть была отнесена к Кровавому князю, старику Нянк-хушу.

Он сказал:

— У моей младшей дочери, Кровавого Богатыря Нянк-хуша девицы, растущие суставы рук еще не окрепли, растущие суставы ног еще не окрепли.

Двое сыновей Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской жепщины сказали:

— Ее растущие суставы рук, ее растущие суставы ног мы сами там вырастим.

Кровавый Богатырь, старик Нянк-хуш, уступил. Он сказал:

— Все мои сваты числом триста человек, приходите сюда: я не знаю, кто из нас князья, кто из вас простые люди; вместо князей неставляйте простых людей, вместо простых людей неставляйте князей.

Сваты послали обратно весть:

— Ты уроженец этого города, ты уроженец этого селения, все, что тебе необходимо, у тебя имеется в изготовленном виде, у нас же, происходящих из селения, расположенного у рыбного источника чужой стороны, не готово то, что нужно.

Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской жепщины приказали многочисленным мужам всего своего воинского отряда, многочисленным мужам всей своей толпы сватов измерить расстояние между домом Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, и их домом, чтобы узнать, до какого места приходится на их долю устлать дорогу красным сукном, устлать дорогу черным сукном. Привязывающему Коней, Привязывающему Оленей к Заиндевелому Столбу приказал его отец:

— Послушай, сын мой, твои оба свата не имеют желания идти по смертной кожистой земле, по мохнатой земле. И ты устели пространство, которое пришлось на твою долю, красным сукном, черным сукном.

После этого сватам была послана весть:

— Мои сваты, приходите!

Младший сын Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской жепщины выступил со своей толпой сватов в триста человек по направлению к дому будущего тестя; он сам шел впереди и пове́сил себе через плечо меч. Кровавый Богатырь, старик Нянк-хуш, сказал своему народу:

— Займите хорошую дорогу, по которой должны идти воины, по которой должны идти сваты. Если жених неопытен в свадебных делах, он не сумеет занять пути, по которому ему придется идти; если он опытен в свадебных обстоятельствах, он безостановочно пойдет по дороге, по которой ему следует идти.

Он со своим народом дошел до места, приходящегося на долю сватов. Народ действительно совсем занял дорогу, по которой им нужно было идти. Он схватил меч и стал махать: коснется он руки мужа — его унесут изрубленного в куски, коснется он ноги мужа — его унесут изрубленного в куски. Народ разделился на две части, образовался путь, по которому можно было идти. Они подошли к дому своих сватов¹⁹.

Будущий тесть с сыном (их сваты) вышли на улицу, обнимались в семь обхватов, обнимались в шесть обхватов, целовались, миловались. Их берут за руки и вводят в дом. Приготовили стол с брагой, приготовили стол с медом. Они пьют пиво, они пьют мед. Оба брата стали рассматривать Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, с головы до ног. Он же, со своей стороны, начал их осматривать с ног до головы. Жениху прислали полное блюдо славных яств. Жених взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Он оделся, приварядился и плотно завязал глаза шелковым платком. Его ввели в дом будущего тестя, взявши за руки.

Он вошел в дом. Перед ним висит увешанный колокольчиками занавес, увешанный бубенчиками полог. У входа в полог сидит седоголовая старуха, сидит белоголовая старуха. Взявшись за край полога у входа, он его пошевелил три раза. Старуха оставила вход в полог свободным. Он дал ей глыбы золота, глыбы серебра. Он вошел в полог, обнялся и поцеловался со своей женой. Когда рабыня, исполняющая разные работы в доме, принесла полное блюдо со славными яствами, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Бывший в доме народ вышел на улицу, и дом опустел. Ее муж положил на ее жилистую шею, имеющую много жил, свою руку с пятью сосчитанными пальцами. Его жена оттолкнула его прочь. Немного спустя он опять положил на нее свою руку с пятью сосчитанными пальцами, жена его опять оттолкнула. Он еще посидел, посидел и в третий раз положил на нее руку с пятью сосчитанными пальцами. Его жена стала говорить острые слова, стала говорить колкие слова. Ее муж сказал:

— Теперь ты говоришь острые и колкие слова. В Тяпарском городе Мужа с Размашистой Рукой ты в виде огромного филина, величиной с город, в виде огромного филина, величиной с дерев-

ню, села на прочный городской столб и бросила две рукавицы из кожи филина, на которых не было видно, как шов был шит и каким образом производилась работа. Ты сказала: «В тот день, как ты родился, я родилась, в тот день, когда я родилась, ты родился. Кровь от наших пупков попала в одно место». Зачем ты обманываешь меня, мужа, пришедшего в страну, куда не добратся даже зверю, чтобы я напрасно потерял глыбы золота, глыбы серебра? Тебя, женщину, говорящую острые и колкие слова, я разрублю на две части, чтобы ты плавала в крови!

Его жена сказала:

— Или в тебе сидит живой дух, или в тебе сидит живой менкв: я женщина, ходящая в простой обуви, я женщина, ходящая в простой одежде. Уже неделя прошла, как младшую дочь Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, девушку, увезли к многочисленным мужам самоедской стороны.

Его брат прислушался: в каком-то месте распространяется шум от идущего богатыря, у неподвижной кожистой земли, мохнатой земли концы рукавов начинают дрожать, концы пол начинают дрожать²⁰. Он вошел в сени. Если бы хороший плотник во время их сооружения не положил множества железных полос, не положил множества жестяных листов, половицы сеней не выдержали бы его тяжести. Он подошел к дверям, схватил дверь и, когда стал ее отворять за кольцо, вырвал ее вместе с петлями, со всем, что было на ней, и поставил ее в сторонку. Когда он вошел в дом, он сказал своему брату, сыну Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины:

— Каких рабынь, исполняющих в доме разные работы, у нас нет в Тяпарском городе Мужа с Размашистой Рукой? Жил ли я, муж, обладающий силою в славных суставах рук, с какой-нибудь рабыней, исполняющей домашние работы?²¹ Уже неделя прошла с тех пор, как Кровавого Богатыря Нянк-хуша младшую дочь, девушку, увезли к многочисленным мужам самоедской стороны. На гладком песке, намытом соровыми волнами, она там написала: к многочисленным мужам самоедской стороны меня увезли, ломая мне руки, ломая мне ноги. Когда придут оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины, пусть они не ждут, пока вскипит кипящий котел, пусть они не ждут, пока поспеет долговременный котел.

Он стряхнул с себя сон и встал. Он пошел в большой дом, предназначенный для собрания воинов, и приказал своим воинам и сватам:

— Возьмите ваши лодки с берега!

Они спустились к реке, сели в лодки и отчалили. Жених сказал своему будущему тестю:

— Эй, тесть, выслушай меня как тесть! К тому времени, как мы вернемся с нашими головами с косами, выстрой суставчатой рукой новый частокол у твоего города из свежего дерева на месте старого, который иструхлявел.

Его тесть крикнул в ответ:

— Сваты мои, выслушайте меня как сваты. Ваши головные кожи не везите напрасно к многочисленным мужам самоедской стороны, чтобы они у вас содрали; с вашими головами с косами вам не вернуться домой.

Младший муж обернулся:

— Эй, тесть, твой город Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, весь пройду, извиваясь, подобно выдре с заостренным телом, и в таком виде его оставлю²².

Старший муж ему сказал:

— Брат мой, сын Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской жепщины, пока ты будешь извиваться в городе Кровавого Богатыря Нянк-хуша, подобно выдре с заостренным брюхом, многочисленные мужи самоедской стороны удалятся от того места, где они теперь находятся, на длину невода, удалятся на длину сети.

Тогда младший муж опять повернулся назад. Они сели и стали грести пальчатыми веслами, снабженными перекладинами паподобие пальцев, направляясь к многочисленным мужам самоедской стороны. Оба князя опускают весло в воду у носа лодки и вынимают его у кормы. В ямках, образованных в воде веслом, целую неделю вода кипела от собравшихся в изобилии ершей и чебаков.

Они ехали, ехали и у места, где ногами самоедских мужей протоптана дорожка, пристали. Многочисленных сыновей самоедских мужей глубоко сидящие лодки с водяной кормой лежат там перевернутые. И они вытащили свои лодки на берег, опрокинули их и пошли пешком. Младший муж бросил со своей головы шапку, она полетела в виде кукушки²³ и скрылась из виду. Многочисленные мужи самоедской стороны лежат около огня (многоязычного рта деды Тярн) и спят. Впереди, в пологе, у кедра, лежат двое богатырей-самоедов. И у самоеда старика Сос-Торума²⁴ имеется свой полог у корня другого кедра. В этом пологе он держит младшую дочь Кровавого Богатыря Нянк-хуша, девушку. Кукушка с маковки головы вернулась обратно и сказала: так и так.

Младший муж сказал многочисленным мужам своего воинского отряда, многочисленным мужам, составлявшим его свадебный поезд:

— Когда вы, мои триста мужей, пойдете, пусть не шевелится соринка, пусть не шевелится былинки!

Он прислушался, как они идут: действительно, не шевелится соринка, не шевелится былинки. Он сказал:

— Многочисленными мужами самоедской стороны высечен огонь и поставлены многие чаши с дымящимся отверстием и многие берестяные сосуды с дымящимися отверстиями. Не заденьте края чаш, не заденьте края берестяных сосудов!

Они пошли туда и были там выстроены. Им было приказано:

— Не делайте столько шума, сколько комар делает, не совершайте какого бы то ни было дела!

Младший муж пошел со своим братом туда. Он сказал:

— Полог старика Сос-Торума находится там, у комля того кедра. Там он держит дочь Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, девицу. Прокрадись туда. В другом пологе находится двое самоедских богатырей, я туда пойду.

Старый муж направился туда крадучись. Когда он добрался до полога старика Сос-Торума, слышит, что тот борется со своей женой. Жена его говорит:

— Я девица, мой нетронутый, девственный пояс я не дам тебе развязать в темнодревесном урмани. Когда мы прибудем в священный город, в котором живут самоедские мужи, там развяжи мой девственный пояс, нетронутый, как у девицы. Многочисленные седоголовые старухи, многочисленные белоголовые старухи поставят мне чашу с дымящимся отверстием и дадут мне груди золота, груди серебра.

Они боролись в пологе: куда они повернутся, в тот угол и падают. Когда ноги самоедского богатыря оказались в другом углу, остяцкий князь ударил по ним мечом и отрубил по колену. Горностай-самец, видевший лицо Тяня и лицо рыбы²⁵, выскочил из задней части полога на улицу и воскликнул:

— Воровским образом меня лишили моих членов, подобно тому как тайком лишают соболя его членов. Пока я муж, обладающий силою в славных суставах рук и силою в славных суставах ног, не имел дела с младшей дочерью Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, девицей, и я был богатырем, и я был мужем. Где бы наступил для меня смертный день моего поражения?!

Старик Сос-Торум побежал. Что в другом пологе произошло и что потом случилось, остяцкий богатырь не знал. Он погнался за стариком Сос-Торумом, побежал за ним. Когда он бежал, пней летел во все стороны. Видя, что ему не догнать врага, он стал усердно молить бога:

— Золотой Свет, отец, почему ты не спустишь на путь, по которому должен идти самоед, покрытый дубравой холм?

Богом-отцом был спущен поросший лесом холм. У самоеда нет ног, он не может идти. Богатырь подоспел к нему сзади и рассек его пополам. Нижняя часть туловища унала на землю и осталась на месте, верхняя половина туловища поспешила дальше. Тот ее преследует, но не может догнать. Во все стороны пней летит. Снова он обратился с мольбой к богу-отцу, чтобы он опять спустил на землю покрытый дубравой холм. Бог-отец спустил ему покрытый дубравой холм. Обрубленное тело самоеда идти не может. Старший муж подоспел сзади и ударил его по шее: плечи упали и остались на месте, голова же опять начала двигаться вперед. Как он ее ни преследует, не может настигнуть. Опять он попросил у бога-отца поросший дубравой холм. Бог ему спустил дубраву. Самоедская голова не имеет возможности идти: как заденет за дерево, отскакивает назад. Она стала молить бога о речке, текущей женской и мужской кровью. И ей была дарована речка. Когда остяцкий богатырь собирался ударить голову мечом, она бросилась в речку, всплеснув воду. Остяк стоит на

берегу речки. Голова самоеда вышла у нижнего конца речного плеса на поверхность и сказала:

— Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящий Богатырь, зачем ты пришел в эту страну, куда не добратся даже зверю? Убегая от тебя, я прятал от тебя мою переливающуюся головную кожу, прибегая к сотням уловок, прибегая к многочисленным выдумкам. Если ты войдешь в воду, то ты, муж, живущий в светлом мире, войдешь на много-много лет. Если ты хочешь вернуться домой, то возвратись в свой дом со своей головой с косами. Что же до меня, то пусть многочисленные мужи самоедской стороны принесут сюда пожертвованные мне чаши, пожертвованные мне берестяные сосуды, пусть сюда будут приведены в качестве кровавой жертвы хвостатые собаки, шерстистые собаки²⁶. Когда ты повернешь к дому свою голову с косами, то в доме, наполненном собравшимися женами, наполненном собравшимися мужами, не говори, что тебе удалось содрать с богатыря Сос-Торума его переливающуюся головную кожу.

Возвращаясь домой, он повернул назад свою голову с косами и ушел. Между тем многочисленные простые люди самоедской стороны сражаются с простыми воинами его страны. Из многочисленных мужей самоедской стороны они убили половину, изрубив их в куски. Его же триста мужей все на ногах, все ходят. Он начал сражаться. Младшая дочь Кровавого Богатыря Нянк-хуша, девица, зацепилась за него: его рука отяжелела, его нога отяжелела. Он воскликнул:

— Неужели Золотой Свет, мой отец, предопределил, чтобы простые воины содрали с меня мою переливающуюся головную кожу?

Младшая дочь Кровавого Богатыря Нянк-хуша сказала:

— Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящий Богатырь, твой брат, сын Мужа с Размашистой Рукой и Тягаской женщины, ушел вместе с двумя сыновьями живорожденного живого духа, пошел ли он по живой гривке или по мертвой гривке²⁷? Отчего ты не пойдешь надставить изломанные черенки его стрел, заменить разорванные перья его стрел?

Он ушел. В то время как он идет, когда ему попадается лесистое место, он подвигается вперед, прорубая себе путь, подобно тому как охотник на гусей, охотник на уток вырубает просеки для перевесов. Когда ему встречается чистое место, он идет, вырывая ногами землю на три аршина вглубь. Он шел, шел и услышал бряцающий шум, как бы от волочащейся полы кольчуги; он встал по другую сторону редкого леса, за высокоствольным лесом и спрятался. Только конец лука незаметно для него торчал наружу. Оттуда ему сказал его брат:

— Муж, собравшийся в путь на войну, собравшийся в путь на свадьбу, сам спрятался, только журавлиная шея торчит.

Он встретился со своим братом. Старший брат сказал:

— Ты пошел с двумя сыновьями живорожденного живого духа, какое дело ты сделал и как поступил?

Младший брат сказал:

— Когда я померился силой с двумя самоедскими богатырями, ни я не мог их убить, ни они не смогли убить меня. Мы разошлись в противоположные стороны, давши друг другу клятву: не идти сражаться друг с другом на женский век, не идти сражаться друг с другом на мужской век. Кто из нас нарушит клятву, у того пусть будет содрана его переливающаяся головная кожа!

Старший муж сказал:

— Самоед все равно что собака с отрезанным хвостом: когда он хочет сохранить свою душу, какой клятвы он не дает, какого он зарок не дает! Пойдем и убьем собак-самоедов!

Младший муж сказал:

— Я не нарушу своей клятвы. Если самоед хочет ее нарушить, то пусть он ее нарушает!

Они повернули назад свои головы с косами, чтобы возвратиться домой. Младшую дочь Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, девуцу, они увели с собой. Они подошли к лодкам и сели, чтобы грести пальчатыми веслами, имеющими на перекладинах рукоятки, подобные пальцам. Муж и жена сидят. Если на шее жены лежит рука мужа, то на шее мужа лежит рука жены, а простые воины их везут, работая веслами. Когда стал виден город Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, их заметили дальнотзорные, их услышали чуткие ухом. Они сказали:

— Кровавый Богатырь, старый Нянк-хуш, выслушай нас как богатырь, выслушай нас как муж: двое богатырей, которые ушли с многочисленными мужами самоедской стороны, обернули свои головы с косами, чтобы возвратиться сюда.

Кровавый Богатырь, старый Нянк-хуш, сошел со своим сыном Привязывающим Коней, Привязывающим Оленей к Заиндевелому Столбу к пристани. Они посмотрели и видят, что их девуцу везут обратно: на шее у жены лежит рука мужа, на шее у мужа лежит рука жены; немного проедут — целуются, еще немного проедут — опять поцелуются. Из глаз старика Кровавого Богатыря Нянк-хуша потекли слезы длиной в семь пядей, шесть пядей.

Когда его брат, сын Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины, подъехал на расстояние, с которого стрелок может попасть в цель, он поставил конец лука на землю и выпрыгнул на берег. Он сказал брату:

— Город Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуша, я пробегу низвергающей и выравнивающей ногой. Не выходи из твоей глубоко сидящей лодки с водяной кормой на берег, иначе мой гнев не пройдет, моя злоба не пройдет. Не за мой же воинский отряд мне приняться?!

Он засунул за пояс большой топор, величиной с лопатку оленьего быка, взял с собой свои стрелы и свой лук. Город был окружен оградой из нового дерева при помощи суставов суставчатой руки. Он начал рубить дерево и откалывать огромные щепы, величиною с деревню, величиною с город. Вот он прорубил отверстие, достаточное, чтобы ему пролезть. Кровавый Богатырь, ста-

рый Нянк-хуш, вышел со своим сыном на улицу. Привязывающий Коней, Привязывающий Оленей к Запндевелому Столбу, его сын, положил стрелу на тетиву лука, натянул тетиву и спустил. Попад прямо между двумя лопатками рубящего мужа, его стрела изогнулась, подобно дереву, которое ложечник гнет на канграссе. У Нянк-хуша, Кровавого Богатыря, потекли из глаз слезы длиной в семь пядей, длиной в шесть пядей. Во второй раз он наложил стрелу на тетиву лука, натянул его и спустил. Она опять попала рубящему прямо между лопатками и изогнулась, подобно тому как у ложечника дерево изгибается на канграссе. Кровавый Богатырь, старый Нянк-хуш, начал сильный плач, с ворота города, с ворота деревни. Сын его положил третью стрелу на тетиву и спустил ее. Ветром от нее был сметен в кучу обильный сор со всего селения, был сметен в кучу весь обильный сор со всего города. Попад рубящему мужчине прямо между лопатками, она сильно изогнулась, подобно тому как у ложечника гнется дерево на канграссе. Ее черенок раскололся и изломался в мелкие куски, подобно игрушке маленьких детей. Его брат, сын Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины, сказал:

— Эй, сват, выслушай свата! Эту твою волосяную стрелу, травяную стрелу²⁸, когда она попала в легкое моей груди, я еле почувствовал, как будто меня укусил комар, и то только потому, что я надел долго держанный ржавый доскут мережи²⁹, взятой у обских остяков. Если бы у меня была снабженная верхом и рукавами кольчуга, которая у меня есть в городе Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины, я бы не почувствовал твоей волосяной стрелы, твоей травяной стрелы. А если бы я твою волосяную стрелу, твою травяную стрелу все-таки заметил, когда она попала в легкое моей груди, у меня от радости на голове вырос бы золотой рог³⁰.

Он схватил лук, наложил стрелу, натянул лук и спустил. Ветром, произведенным тетивой лука, был сметен в одно место обильный сор селения, был сметен в кучу многочисленный мусор города. Попад прямо между лопатками Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, стрела увлекла его к стене дома и туда вонзилась: этот старик не может пошевелиться. Он положил на тетиву другую стрелу и спустил ее. Попад прямо между лопатками Привязывающего Коней, Привязывающего Оленей к Запндевелому Столбу, стрела его увлекла к стене дома и туда вонзилась: и он не может пошевелиться. Хоть в них стреляют и в них попадают стрелы, они все не падают. Многочисленные мужи всего города, всего селения Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, выйдя на улицу, выдернули стрелы и, взявши за руки, увели их. Они пали к ногам своего свата и стали умолять о помиловании. Их сват оставляет их лежать два дня, оставляет их лежать три дня. Вот пришла младшая дочь Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, девица, обняла его руки, обняла его ноги и сказала:

— Деверь мой, сын Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины, хотя я тебя и не кормила молоком из моей груди и ты,

мой деверь, вскормлен из рожка, скажу ли я одно слово, выслушай это слово, скажу ли я два слова, выслушай два слова, так как я княжеского рода, царского рода. Когда ты отправишься в свой Тяпарский город Мужа с Размашистой Рукой и свое дорожное платье, украшенное бисером, и свою дорогую одежду, украшенную металлическими поделками, износишь, если ты сдерешь с моих родных и братьев их переливающиеся головные кожи и сделаешь меня круглой сиротой, то кто оденет приведенный тобою отряд воинов в триста человек в дорогую обувь, в дорогие одежды и мне, чтобы нарядиться, как подобает невесте, кто доставит дорогую обувь и дорогие одежды?

Сват тогда их поднял, они обнялись и поцеловались. Тесть богатыря позвал их к себе, сказал:

— Устроим большой пир для всего города, устроим большой пир для всего селения.

Они пришли к нему. Там был устроен большой пир для всего города, для всей деревни. Сколько ни есть в месяце многочисленных и длинных недель, они пили и ели. Богатая женщина, богатый мужчина брали концами пальцев один кусочек, брали два кусочка, поели и удалились. Бедная женщина, бедный мужчина ели и пили, сколько ни есть в месяце многочисленных длинных недель.

Когда окончился девичий пир, когда окончился отроческий пир, настал день выступления воинов, настал день выступления сватов. Кровавый Богатырь, старик Нянк-хуш, сказал:

— Мои сваты, выслушайте свата! Я живу у источников семи речек, шести речек, откуда я возьму дорогую обувь и дорогие одежды, чтобы одеть ваших триста мужей? Дорогую обувь и дорогие одежды я пошлю на берег реки. Подождите только, пока вскипит кипящий котел, повремените, пока не поспеет долговременный котел.

Они прожили два дня, прожили три дня. Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящему Богатырю велел его брат:

— Научи свою жену, чтобы, когда наступит день выступления воинов, день выступления сватов, она, схватив себя за волосы, бросилась бы на половицы дощатого пола и потребовала у своего отца семиушковый котел, из которого могут есть триста человек. Когда мы достигнем пристани и наступит время садиться в лодку, пусть она, схватив себя за волосы, бросится на землю и просит у своего отца серебряный кровельный лист, под которым могут укрыться триста человек.

Наступил день выступления воинов, наступил день выступления сватов. Его жена, схватив себя за волосы, бросилась на половицы дощатого пола и сказала:

— Батюшка, я иду, чтобы отправиться к питающим источникам чужой земли, я иду, чтобы следовать к рыбным источникам чужой стороны. Буду ли я носить в своем чреве девочек или буду ли я носить в своем чреве мальчиков, когда я прибуду в Тя-

парский город Мужа с Размашистой Рукой, многочисленные седоголовые женщины и многочисленные белоголовые старцы будут меня спрашивать, что я привезла с места, куда отправлялись на войну, куда отправлялись сватать. Батюшка, если ты дашь мне свой семиушковый котел, то я пойду, не дашь, так пусть меня, окровавленную, разрубят на две половины.

Из глаз ее отца потекли слезы семи пядей длины, шести пядей длины. Он сказал:

— Дочка, зачем садишься ты со злобы на твое седалище, состоящее из двух половин? Ты мой город Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, сокрушаешь, опрокидываешь.

Он приказал двадцати мужам:

— Ступайте, чтобы принести на берег семиушковый котел.

Двадцать мужей пошли и принесли семиушковый котел на берег. Мужы, отправившиеся сватать, спустились к реке и хотели сесть в лодку, но в это время невеста, схватив себя за волосы, бросилась на гладкий песок, намытый волнами сора:

— Батюшка, буду ли я носить во чреве девочек, буду ли я носить во чреве мальчиков, когда для отряда воинов и для отряда сватов наступит день прибытия в Тяпарский город Мужа с Размашистой Рукой, многочисленные седоголовые женщины, многочисленные белоголовые мужчины будут меня спрашивать в Тяпарском городе Мужа с Размашистой Рукой: «Младшая дочь Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, молодича! То, что ты привезла из отцовского дома, дай сюда!» Батюшка, что я тогда дам? Дай мне серебряный кровельный лист, под которым могут укрыться триста человек, тогда я отправлюсь; не дашь, то пусть меня, окровавленную, разрубят на две половины!

Ее отец начал большой плач, величиной с ворота города, величиной с ворота селения, и велел принести серебряный кровельный лист. Двадцать мужей пошли, взяли его и принесли на берег. Они обнялись и поцеловались со сватами, попрощались, сели в лодки и отправились, поспивывая из широкого горла полным голосом и поспивывая из узкого горла тонким голосом.

Ехали, ехали и доехали до катящей гальку каменистой Оби; через нее плотно сооружена плотина из мамонтов и юров³¹. Младший муж работал веслами в глубоко сидящей лодке с водяной кормой, в которой он сидел; ему едва удалось прорваться через плотину из мамонтов, через плотину из юров. Он сказал, обернувшись назад:

— Брат, и ты в твоей глубоко сидящей лодке с водяной кормой, в которой ты сидишь, поднимай хорошо заостренное весло к носу лодки, поднимай хорошо весловище весла, снабженного весловищем.

И старший муж едва проскользнул через плотину из мамонтов и юров. Те лодки, в которых находились простые воины, опрокинулись в воду, и они были съедены мамонтами и юрами. Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящий Богатырь сказал:

— Брат, пробьем эту плотину из мамонтов и юров. Иначе никакая женщина, никакой мужчина не смогут проехать по поверхности катящей гальку каменистой Оби.

Оба они вышли на берег, опрокинули на невесту семиушковый котел и покрыли его серебряным кровельным листом. Они вошли в семибездную священную воду и начали махать мечом. Куски мамонтов и куски юров стало относить течением. Они пробрили плотину из мамонтов и юров, сели в лодки и начали грести пальчатыми веслами, снабженными пальчатыми перекладинами.

На острове Куноват было собрано вражеское войско, столь многочисленное, что нет столько деревьев в лесу, нет столько былинки на лугу. Пристали к берегу, женщину покрыли серебряным кровельным листом и накрыли семиушковым котлом. Они падали свои кольчуги, плотно завязали глаза³² и стали сражаться: они махали мечом в эту сторону, они махали мечом в ту сторону. Враги падают, как сто куч весеннего сена, как сто куч осеннего сена. Они рубили их и отбрасывали. Оба самоедских богатыря, которые раньше поклялись и ушли, оба эти самоеда оказались тут. Остяцкие воины им говорят:

— Самоеды, вы дали столь великую клятву, столь великий зарок! Зачем вы опять пришли сражаться? Самоед все равно что собака с отрезанным хвостом; если он хочет продлить свою жизнь, какую клятву, какой зарок он не дает?!

Опять стали сражаться. Остяцкие воины отсекают и отбрасывают их черное мясо, их черные кости³³, но они постоянно обретают свой прежний вид. Хотя они их и рубят и отбрасывают, они постоянно вновь воскресают. Брат сына Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины снял шапку с маковки головы и бросил ее:

— Поди позови старика Пит-поу и старика Нума³⁴ заменить повymi изломанные черенки стрел, приделать новые перья к стрелам, у которых они изорвались.

Кукушка полетела и дала весть старику Пит-поу, улетела, прибыла к старику Нуму, села у верхнего отверстия очага и прокуковала. Старик сидит, строгая черенки стрел, и прислушивается: что такое выкрикивает кукушка? Кукушка сказала:

— Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины так пострадали от двух самоедских богатырей, что они еле живы, что они близки к смерти.

Старик Нум снаряжился, положил в лодку неживую пищу, питающую пищу, сел в глубоко сидящую лодку с водяной кормой и отправился. По дороге к нему сел старик Пит-поу. Оба старца стали грести, огромные волны, производимые лодкой, идут через речные заливы и через пески. Достигли они устья Конды. Старуха и старик — духи с устья Конды — им сказали:

— Мы жили и зимой, мы жили и летом, но подобного не видели. Что за богатыри, что за силы едут, какой великий гнев, какую великую злобу они везут с собой?!

Они вышли на поверхность воды:

— Старик Нум, старик Пит-поу, куда вы едете?

— На остров Куноват, там двое сыновей Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины так пострадали, что еле живы, что близки к смерти. Мы едем, чтобы доставить силу их спинам, мы едем доставить силу их животам.

Старцы с устья Конды совещаются и решают:

— И мы отправимся, столкнем остров Куноват в воду и съедем обоих самоедских богатырей.

Они снарядились в путь; они ударялись в речные заливы, они ударялись в пески, они повреждали речные заливы, они повреждали пески. Когда старик Нум и старик Пит-поу достигли острова Куноват, кукушка, которая несла весть, только еще летит через Обь. Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины сошли к ним на берег и сказали:

— Каких богатырей мы встречаем, каких силачей мы встречаем! Двух самоедских богатырей мы рубим и отбрасываем, их отлетающее прочь мясо и отскакивающие прочь кости возвращаются на прежнее место, мы их не можем убить.

Старик Нум сказал:

— Начинайте опять сражаться, мы посмотрим.

Они опять начали сражаться. В самом деле, они самоедов рубят и отбрасывают, их отскакивающее мясо, их отскакивающие кости вновь оживают. Старик Нум подбежал и схватил кожаный мешок, который самоеды друг другу бросали³⁵, и, когда у обоих мужей истощилась сила, он им его бросил, сказав:

— Пинайте и топчите его погами.

Оба самоеда встали на колени на равнине, производящей траву, встали во весь рост на равнине, производящей траву, и сказали:

— Сыновья княгинь и князей, не убивайте нас, не причиняйте нам зла: родится ли у нас дочь, не будем друг с другом сражаться, родится ли у нас сын, не будем друг с другом сражаться, поклонимся на женский век, на мужской век не воевать между собою.

Старший муж сказал:

— Самоед все равно что собака с отрезанным хвостом, когда он хочет сохранить свою жизнь, какой клятвы, какого зарока он не даст?!

Они бросили кожаный мешок на землю и пинали и топтали его погами. Самоеды упали на землю и сами собою умерли. Их сожгли на огне. Поднимется южный ветер, он несет их пепел на север, поднимется северный ветер, он несет их пепел на юг.

Все металлические вещи и пушнину, которые они привезли с места, где сражались, они поделили пополам со старцами. Поехали обратно, им встретились старики с устья Конды. Богатыри им сказали:

— Выходите на берег. Куда вы едете?

Старуха и старик сказали:

— Мы едем на остров Куноват. Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины так пострадали, что еле живы, что близки к смерти. Мы отправимся к острову Куноват, столкнем его в воду и съедим обоих самоедов.

— Вы, старуха и старик, возвращайтесь назад: мы уже везем обоих сыновей Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины.

Старуха и старик воротились назад. Они достигли устья Конды. Старики пригласили их на берег. Они пили брагу и мед. Оба брата ту часть добычи, которая пришлось на их долю, поделили с ними поровну на две части. Они собрались домой. Многочисленные мужи всего города, всего селения обоих сыновей Мужа с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины спустились на берег. Горожане их встретили, обнялись и поцеловались с ними. Они устроили большой пир для всего города, для всего селения. Богатая женщина и богатый мужчина взяли концами пальцев один кусочек пищи, взяли концами пальцев два кусочка и ушли; бедная женщина, бедный мужчина ели и пили, сколько ни есть многочисленных и продолжительных недель в месяце. А старик Питпоу и старик Нум снарядились по направлению к своей земле. Многочисленные мужи всего города, многочисленные мужи всего селения их обнимают и целуют. На то благосостояние и на то богатство, которое они приобрели, они теперь живут и потом будут жить.

Всякий из многочисленных мужей, кто слушал этот рассказ, пусть он его слушал на счастье добыть рыбу, пусть он его слушал на счастье добыть пушнину.

37. Богатыри города Сонг-хуша

В большом городе Сонг-хуше мы проживали.

На краю этого города какой муж с крепкими суставами пог вырос?

Муж Сонг-хуш, сильный богатырь, мой отец там вырос.

На семь концов земли сватать девиц с косами за хороший выкуп он ходил. После того как он обошел многие страны на сотворенной богом священной земле,

Едва ли осталось место на суше или воде, где он не побывал бы.

Когда он достиг самого отдаленного конца мрачного озера¹

И пошел войной на многочисленных рукастых чертей,

Он в них

За их убитых отцов возбуждал к себе сильную ненависть.

С семи концов света он взял семь девиц, семь жен.

И ни от семи девиц, семи жен, ни от одной женщины

У него не родилось ни сына-богатыря, держащего лук в руке, привычной к луку,

Ни дочери-девицы, держащей иглу и работающей концами пальцев.

После этого своему тонху, одетому в малицы из медвежьих и лосиных шкур,

На боровой стороне реки он пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушным товаром,

На урманной стороне он ему пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушницей.

Торчавшие наружу соболя хвосты² обвевал ветер, как шкурки весенних
чаек.

Торчавшие наружу беличьи хвосты обвевал ветер, как шкурки осенних
чаек.

Теперь, когда он уже старик, сажился,
То подкладывал сухое сено в изъеденное червоточиною пространство
в лодке между кокорами³.

После этого он зажег огонь.

Многочисленную пушнину из семи амбаров с боровой стороны

Он положил на огонь,

Многочисленную пушнину из семи амбаров с урманной стороны

Он положил на огонь⁴.

Когда к старому тонху, одетому в малицы из медвежьих и лосиных шкур,

Приблизились пять мужей, облаченных в кольчуги,

Одетый в малицу из медвежьих и лосиных шкур тонх зашевелил вместе
с собой и кожистую землю⁵.

Тогда сильный богатырь, старик Сонг-хуш, в гневе отпирывался туда сам,
Схватил одетого в малицу из медвежьих и лосиных шкур тонха

За голову, поросшую роскошными волосами,

Выворотил его вместе с кожистой землей, волосатой землей

И положил его на огонь.

Но, оказавшись в огне,

Тонх сделал скачок, подобно самцу-горностаю, и упал в сторону⁶.

Тогда пришли пятеро мужей, облаченных в кольчуги, принесли железную палку и железный клин. Вставив железный клин в его седалище, они ударили его железной палкой, и он раскололся на две половины, подобно прямому куску дерева. Его положили на огонь, как кладут пищу на дно желудка. Когда первый дым поднялся вверх, он, подобно шероховатому куску пищи, застрял посреди горла Золотого Света, отца. Тогда Золотой Свет, отец, сказал своему сыну Много Странствовавшему, Много Блуждавшему мужу:

— Спустишься на бrenную кожистую землю на неотрывающемся конце железной цепи⁷.

Вот Много Странствовавший, Много Блуждавший муж, его сын, спустился на землю. Сильный богатырь, старец Сонг-хуш, стоя у огня, поворачивается к нему то спиной, то грудью. Сын бога, Много Странствовавший, Много Блуждавший муж, сказал:

— Здесь как будто что-то приключилось из-за гнева и злобы: у моего отца, Золотого Света, дым застрял посреди глотки, как шероховатый кусок пищи.

Старик Сонг-хуш, сильный богатырь, сказал:

— Моему тонху, одетому в малицы из медвежьих и из лосиных шкур, я пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушным товаром, на боровой стороне реки и семь амбаров, изобилующих пушнинной, на урманной стороне. Несмотря на это, не родилось у меня ни сына-богатыря, держащего лук в руке, привычной к луку, не родилось у меня ни дочери-девицы, держащей иглу и работающей концами пальцев. За это я положил тонха на огонь.

Много Странствовавший, Много Блуждавший муж, сын бога, опять поднялся к Золотому Свету, отцу, и отвез туда дважды сложенную складчатую весть. Золотой Свет, его отец, дал ему три зернышка величиною с косточку черемуховой ягоды, чтобы

он отнес их сильному богатырю, старику Сонг-хушу, а тот чтобы дал съесть их своей любимой жене. Сын бога, Много Странствовавший, Много Блуждавший муж, дал старику Сонг-хушу три зернышка величиною с косточку ягоды черемухи. Богатырь дал их съесть своей любимой жене. Тогда в углу ее обжорливого живота свернулся как бы клубок из золотистого шелка. Десять лунных месяцев⁸, которые женщины носят плод, она носила. Наконец она разрешилась от бремени у комля дерева, где женщины рожают⁹. Там родился у нее сын-богатырь, держащий лук в руке, привычной к луку.

Когда мы жили на кожистой земле в большом городе Сонг-хуша, дух смерти пошел на нас с огромным войском. Еще не наступил день, как шум от переноски ледяных мертвецов, холодных покойников громко раздался, подобно гоготанью гусынь, подобно гоготанью уток. Сильный богатырь, старик Сонг-хуш, тоже лежал в горячке на высокой подушке. Он пролежал неделю, умер и затерялся среди многочисленных мертвецов с заплесневелыми одеяниями. Многочисленные мужи города закопали его тело в передней части города, имеющего переднюю часть. Родившийся от него сын-богатырь, держащий лук в руке, привычной к луку, стал расти, но, еще будучи мальчиком с неокрепшими руками, умер и потерялся среди многочисленных мертвецов с заплесневелыми одеяниями. Многочисленные мужи города похоронили его тело в передней части города, имеющего переднюю часть.

Однажды этот ребенок в том мире проголодался. Сильный богатырь, старик Сонг-хуш, сказал ему:

— Ступай в благодатный дом мужа, где я жил, пойди к работающей в доме рабыне: она о тебе узнает по семи щелям светлого дерева, в которое вселился дух¹⁰.

Когда этот отрок, муж-богатырь с привычной к луку рукой, вошел в середину города, построенного из дерева, многочисленные собаки с погаными ртами схватили его за толстые жилы икр, как будто это были кровавые кости. Когда он вошел в дом, на работающую в доме рабыню нашла сильная зевота¹¹. Работница-рабыня сказала своей госпоже:

— Оленья Самоседка с Иловатыми Глазами, поставь полную чашу хороших яств, славная душа рукастого мужа, держащая лук в руке, привычной к луку, спустилась по цепи домой.

Когда она поставила для него полную чашу хорошей пищи, она стала складывать трехколенный коленчатый плач¹². Ее сын, держащий лук в руке, привычной к луку, хотя и взял концами пальцев кусочки пищи, он шероховатым куском застрял у него поперек глотки, и мальчик громко закричал¹³. Ее сын-богатырь с рукой, привычной к луку, вышел на площадь города, имеющего площадь, и стал молиться Золотому Свету, своему отцу. Сын бога, Много Странствовавший, Много Блуждавший муж, стоял поблизости. Сын бога, Много Странствовавший, Много Блуждавший муж, сказал:

— Не иди в могилу, сооруженную из осипового дерева, пройди у передней части города, имеющего переднюю часть, по узкой тропинке, усеянной листьями и былинками. Когда ты придешь к безлесной лыве, обойденной во время пастбы оленьими языками, обратись там в репейник с красной верхушкой. После этого тебя, красноверхий репейник, Родившая Сто Детенышей Голобрюхая Оленья Самка положит на дно своего желудка, как кладут туда пищу.

По узкой дорожке, усеянной листочками и былинками, я пошел, и у края безлесной лывы, обойденной оленьими языками, я там превратился в красноверхий репейник. Когда я в него обратился, меня, красноверхий репейник, съела Родившая Сто Детенышей Голобрюхая Самка. Тогда у Родившей Сто Детенышей Голобрюхой Самки свернулся в животе как бы дорогой клубок из золотистого шелка. Десять лунных месяцев, которые женщины носят плод, она нас носила, и тогда мы — три богатыря, три брата — появились на белый свет остяцкого народа.

Наступила длинная зима, держащая все в инее. Появился слабый наст с зернами льда величиной с нос куропатки. Потом из растаявшего и замерзшего снега образовался наст, хоть топором руби. Родившая Сто Детенышей Голобрюхая Самка сказала своим детям:

— Послушайте вашим долгим ухом небольшую весть. Пущенный богом железный волк с заиндевелыми боками нас заставит подняться.

Вот пущенный богом железный волк с заиндевелыми боками нас спугнул, мы побежали, побежали семисаженными прыжками. Родившая Сто Детенышей Голобрюхая Самка от усталости бросилась в мягкий снег. После того как мы пробежали пространство, которое может пробежать олень без передышки, мой младший брат бросился в рыхлый снег. После этого мой второй брат упал в рыхлый снег. Когда я пробежал расстояние, которое олень может пробежать без передышки, я стал молить Золотой Свет, отца: пусть передо мной появится обойденная оленьими языками безлесная лыва. Тогда появилась обойденная оленьими языками безлесная лыва, и мы начали бежать вокруг нее, во все семижды семь сторон света. Вот стемнело. Я залез в мягкий снег. Хотя я и ждал его, железный волк с заиндевелыми боками все не приходил. Так я лежал. На утренней заре, когда звери начинают бродить, я выскочил из снега, и волк выскочил из снега. Я сказал:

— Железный волк с заиндевелыми боками, бежим опять семь сторон света.

Тогда волк встряхнулся — и человек в своем собственном облике предстал перед ним, сам Много Странствовавший, Много Блуждавший муж в своем собственном облике там стоит. Он сказал:

— Что я стану делать с твоим покрытым гнидами и поганим мясом? Ступай к Осетровой речке, на ее берег, и начини ходить там, где водятся олени. Когда двое мужей одного роста, двое охот-

ников сядут в плоскую лодку, ты, животное, обладающее сердцем, выстави свое сердце напоказ¹⁴.

Я пошел на то место, где водятся олени. Вот пришли туда двое мужей одного роста. Кормовщик покачивал лодку веслом, а муж, находившийся на носу, взял лук и стрелы, положил стрелу на тетиву лука, снабженного тетивой, натянул его так медленно, как летом убывает вода в Оби, и спустил стрелу; в сердце животного, имеющего сердце, она попала. Сделав только три прыжка, я упал. Вот содрали с меня кожу, подобно хорошо снятой коже дубравной сороки. Меня, оленя, притащили в крытую лодку, в большой город мужа Сонг-хуша меня привезли и крытую лодку привязали около пристани, отступя от берега¹⁵. Вот работающая в доме рабыня спустилась к воде, и когда увидела, что там в крытой лодке лежит олень, то украла сердце у животного, имеющего сердце, и язык у животного, имеющего язык. Она принесла их домой, и они с хозяйкой¹⁶ стали их варить. Когда они были готовы, они их съели. В небольшом углу живота хозяйки я свернулся, как дорогой клубок из золотистого шелка; затем образовался мой брат, потом мой младший брат образовал клубок в небольшом углу живота рабыни.

Когда нас проносили десять месяцев, в течение которых женщины носят детей, они у комля дерева, где ложатся женщины на сносях, разрешились от бремени. Когда они разрешились от бремени, мы, трое богатырей, трое сыновей, родились на белый свет остяцкого народа. Пока мы были маленькими, мы росли в девичьем городе, где много девочек, в отроческом городе, где много мальчиков.

Так мы жили и жили. Однажды пришел ко мне мой старший брат, глава города. Когда он вошел в деревянные сени, где лежат собаки, то многочисленные собаки с погаными ртами хотели укунить его за толстые жилы икр, но, как только холодный ветер от вошедшего славного богатыря коснулся их своим быстрым порывом, они разбежались во все стороны, как брошенная на землю горсть мороженой рябины. Ледяной проем двери, находящейся в проеме, он распахнул. После этого мой брат — Пташек Стреляющий Богатырь с Суставами Искусных Рук и Ног — пришел ко мне. Я смотрел сквозь маленькую щелку моего согнутого локтя, как он защемил в щелке двери кончик своей пятки; слышно было, как с крыши песчаного дома упало несколько песчинок. Когда приблизился мой старший брат, глава города, я приподнялся на месте хранения лука, на котором обычно лежат богатыри, и стал горопить сотню работающих в доме незамужних работниц. Моя сотня незамужних работниц-рабынь поставила на четвероногий стол благодатную чашу с оленьим салом. Мой брат сказал:

— Я пришел не из голодного дома. Если ты выслушаешь мое доброе слово, то, сколько ни есть оленьего сала в твоём благодатном блюде, я все концом граненого сустава своего пальца засуну в рот. Если же ты не выслушаешь то слово, которое я тебе скажу, то я уйду, захлопнув ногой ледяную дверь, холодную дверь.

Я сказал:

— Отчего ты не скажешь, какая у тебя есть весть, какое слово?

Мой брат сказал:

— До каких пор ты, подобно незамужним девицам, будешь бегать быстро, подобно стреле, которая пробегает пространство перед луком? Разве ты не знаешь, что у тебя подбородок оброс бородой, как у взрослого человека?

Я сказал:

— Красавица-девица, такой красоты, что я бы ее взял в жены, в каком конце света, где она родилась?

Он ответил:

— Если пройти через семь вод той безлесной лывы, обойденной оленьими языками, и пересечь семь поросших лесом гривок, то за седьмой лывой возвышается город, выстроенный из козуристой лиственницы. Старый князь строгаёт там черен двухконечной стрелы. В доме, оглашаемом песнями, качали семерых сыновей. После них в берестяной люльке с изящной спинкой кого укачивали, толкая люльку погой? Трёх самоедских красавиц, трёх дочерей там укачивали. Я своим долгим ухом слышал слух про девицу такой красоты, что ты бы взял ее в жены. Ступай, если хочешь, а пока устрой пир для всего города.

Когда наступил следующий день, я послал слугу — Счастливого Мужа, Несущего Блюдо с Мерзнущим Краем — на равнину, поросшую оленьим мохом. Вот мой слуга — Счастливый Муж, Несущий Блюдо с Мерзнущим Краем — в самый полдень пришел к месту, где был слышен стук оленьих копыт. Олени были приведены к комлю священного дерева с изображением бога, и перед ним были поставлены в качестве кровавой жертвы семь оленьих быков, привязанных к одному ремню. Счастливый Муж, Несущий Блюдо с Мерзнущим Краем, мой слуга, перерезал острым ножом их многожилистые шеи, затем с них сняли шкуры, подобные хорошо снятым шкурам дубравной сороки. Их варили в большом котле для обеда жителей города. Когда навар в большом котле поспел, многочисленные мужи всего города были туда созваны, подобно тому как метущая рука собирает гусиным крылышком сор. Мой слуга, Счастливый Муж, Несущий Блюдо с Мерзнущим Краем, при этом приподнимался на цыпочки у каждого встречного дома, чтобы через верхнее отверстие дымохода позвать людей. В мой жердяной дом, состоящий из восьмисот жердей, в котором я живу, пришло столько народу, сколько входит рыбы в наполненную окуневую или плотвиную мережу. Когда на большой пир, устроенном для населения города, славный навар в большом котле был съеден, принесли питающую неживую пищу, принесли много кузовов с завязанным отверстием и многочисленные угловатые лукошки с завязанными отверстиями. Они начали есть. С подбородками, грязными от сочащегося осетрового жира, они стояли, как судомойки с мокрыми руками. Когда они так стояли, подобно судомойкам с мокрыми руками, они начали говорить исходящие из серд-

ца слова, подобные гусиному крику. Многочисленные мужи со старческими лицами сказали:

— Вы еще молодежь, не имеющая детей! В прежнее время, когда мы жили с вашими отцами, если мы устраивали такой большой пир, чтобы на нем угощались воины, то потом мы славными суставами тяжелых ног направлялись в какой-нибудь край земли.

Тогда из угла дома, имеющего переднюю часть, выскочил сын доблестного мужа, схватил из угла за чувалом, где лежат дрова, большую половинку колотого полена и на его стороне нарезал три грани. Себе мой брат Пташек Стреляющий Богатырь с Суставами Искусных Рук и Ног как начальнику над войском и главе свадебного поезда нарезал большую зарубку, потом — зарубку на моего брата ¹⁷. Там, где был плох отец, отмечался зарубкой сын его; там, где сын был плох, отмечался зарубкой его отец. Он собрал толпу в семьсот человек, воинский отряд в семьсот мужей. Мой брат сказал:

— Когда наступит завтрашний день, отправимся на военную ногу, на сватовскую ногу.

Хотя я и лежал на пестром одеяле, на узорчатом коврике и спал на мягком месте, мне казалось, что я лежу на граненой стороне ручки топора, что я лежу на ребре ручки ножа. При появлении утренней зари, когда звери начинают свой ход, я забылся, как сооруженный из глины семнугольный запор держит рыбу. Вот мой слуга, Счастливыи Муж, Несущий Блюдо с Мерзнущим Краем, подойдя ко мне на расстояние рукоятки посоха-топора ¹⁸, стал толкать меня между лопатками ребристым суставом согнутого пальца. Мой слуга, Счастливыи Муж, Несущий Блюдо с Мерзнущим Краем, сказал:

— У твоих многочисленных мужей, которых ты ведешь на войну и которые собрались перед пристанью, от холода начинают дрожать концы рукавов, начинают дрожать края пол их одежды.

Висевшую на гвозде божественную, удлиняющую жизнь кольчугу с прочным краем я через маковку головы опрокинул на свою высокую грудь, как будто это были три ковша холодной воды. Потом я надел одну на другую славные одежды из пушистого бархата и из тонкого шелка. Я принарядился красивее всех в городе и в стране. Я пошел в переднюю часть дома, имеющего переднюю часть, в углы дома, имеющего углы. Угол дома, изобилующего товарами, где хранилась пушнина, был чист, как обработанная кожа дубравной сороки. Хотя я и пошел в содержащий кольчуги угол дома, где у меня хранились кольчуги, он был чист, как обработанная шкурка сороки. Я вышел на площадь города, имеющего площадь, и перед комлем священного дерева с изображением бога, сильно изгибаясь, семь раз поклонился. Когда я шел к привязаным за оленями деревянным саням, передо мной встала толпа девиц, состоящая из десяти женщин. Тогда я, муж, обладающий сердцем, думал в глубине своего сердца: «Если бы я, вместо того чтобы вести своих многочисленных людей в жадную пасть мамонтов, встретился на кривой дороге, по которой бегают песцы, с тол-

шой молодых девиц, я бы не повел своих многочисленных горожан в ненасытную пасть мамонтов». Высокая женщина говорит:

— Ты, низкая женщина, сделайся-ка ниже.

Низкая женщина говорит:

— Послушай, высокая женщина, сделайся выше¹⁹.

Мой младший брат громко меня пристыдил за мою нерешительность²⁰. Я сел на находящиеся за оленями дощатые сани и покрылся пестрым ковриком с изображениями людей. Начальник над войском сделал головой знак к отправлению²¹.

38. Золотоволосый Царь

На речке Яль-нельтан-игал жил в старину Золотоволосый Остяцкий Царь Сарнянг-автав-кантах-кан. Он был могучий богатырь-матур, он бегал быстрее оленя по крепкому насту. Лук его был из кремлевого дерева, лук его был из гривной березы. Пускал он стрелы, оперенные орлиными перьями, выше темных туч; пустит стрелу пониже — вихри поднимаются, деревья клонятся, как трава, по воде валы пойдут.

Пришли войска из далеких краев, из-за большой воды, с края моря далекого. Войска его боялись: если выстрелить в него мимо, то всем конец. Вышло время такое — подошли войска, побросали оружие и говорят:

— Мы подходим к тебе без всего, без оружия. Что хочешь, то и делай с нами. Давай мириться.

И говорит он:

— Ну, если вы пришли с миром, что буду делать с вами? Давайте мириться!

Они ворожили семь суток, и войска поклялись, что воевать больше не будут. А когда они ворожили, жена богатыря, царица Кан-нэ, посмотрела один раз, посмотрела другой раз на богатыря тех войск, падела пинтую рубашку, надела соболью шубу и все смотрела на него. И подговорил богатырь тех войск царицу погубить ее мужа. Когда войска поклялись, то Сарнянг-автав-кантах-кан ушел с реки на северную сторону, в урман. Вот раз он лег спать, и царица легла с ним. Вот она ему и говорит:

— Сними с себя кольчугу тяжелую, спиши с себя кольчугу железную.

Он послушался и снял, и он заснул. Она взяла его острый нож, посредине надрезала лук так, что он держался на одной бересте¹, и положила его около спящего мужа. Она была худая женщина. Вдруг проснулся царь и слышит, что войска идут на него, уже подошли. Вскочил царь на ноги, схватил лук из кремлевого дерева, схватил лук из гривной березы... Хотел пустить стрелу, натянул лук, а он сломался на две части. Осердился царь, бросил лук в войска, много народу побил. Хотел надеть кольчугу, а в это время ему в бок вошло большое копьё-пальма. Царь отломил ручку копья, надел кольчугу и побежал.

Долго, долго бежал по урману, где бежал — дорогу проложил. Бежал, бежал и упал, где урманный остров Орто-велем-пый (Убитые старшины). Поднялся, сел на колоду, хочет снять кольчугу и не может. Подходят следом войска. Он и говорит им:

— Подходите поближе, снимите с меня кольчугу.

Те не подходят. Тогда он из последних сил снял с себя кольчугу и бросил ее на землю, и она вошла в землю на семь ручных сажен. Царь бросил кольчугу и сам упал. Тогда войска отрезали ему голову с золотыми волосами и увезли ее далеко, за большие воды, на край моря, к другому белому царю Наги-кан. Увидал Наги-кан голову с золотыми волосами и разгневался, загремел оружием и говорит:

— Войска мои, зачем вы убили его? Лучше бы живым взяли и привезли ко мне, а то остяцкого царя убили, Золотоволосого Остяцкого Царя Сарнянг-автав-кантах-кан убили!

И велел царь казнить те войска, и поклялся больше не воевать в тех местах. Так и называется эта река Яль-нельтан-игал — «Войска закаялись речка».

39. О богатырях-предках

Был здесь богатырь с серебряной головой, и в Александрово был. Бились они недалеко отсюда. Богатырь с серебряной головой когда домой приплыл, жена даже в воду по колено зашла его встречать. Бились богатыри на пасоле, недалеко от Кривоуцка.

Богатырей раньше много было, сейчас не видать. Богатырь с серебряной головой жил в Александрово. Жена его так ждала, что встречать вышла и по пояс в воду зашла. Бились богатырь с серебряной головой и другой. Другой богатырь подкараулил его спящего и кожу с головы снял. Тогда он собачью шкуру себе на голову натянул, а тому пообещал:

— Вот приду через три года!

Орунг-отыр — имя богатыря с серебряной головой, второй был Пуки. Богатырь с серебряной головой пошел искать его, а те около заповров жили у Троегородского, как-то щепку пропустили¹. Орунг-отыр увидел щепку, догадался, что здесь они живут. Видит, они его кожей играют, на палку натянули. Пришел, а тот говорит:

— Не прошло еще трех лет.

Орунг-отыр:

— Нет, время пришло.

И задал его. А у Пуки мальчишка был. Проворный народ тогда был. Он караулил дорогу, чтобы Орунг-отыр не прошел. Тот его увидел, выстрелил стрелой из лука, а мальчишка как нырнул с обласка — стрела мимо пролетела. Как гоголь пролетел или утка.

Раньше железо они где-то брали. Шашка железная у них с ручкой — никак не сломаешь. А на бритвы негодное, не берет.

С самоедами воевали. Те все баб воровали. От Александрово на Ларьяк дорога проходит, они олепами по ней проходили. Ерган — самоеды.

Богатыри были здесь на Полуденном и в Александрово. Раньше, где Криволуцкое стоит, чистое место было. Море было, а потом лес пошел, богатырей не стал держать. Тяжелые они очень были.

Пегая орда² — это лесной народ был. Вонт-лунк называется. В лесу жил, бабы за них еще замуж выходили. Красивый народ, большой, вроде дьяволов они.

Ерган с Ваху приходили. Наши богатыри из луков с ними перестреливались. Стрела, как кинжал, с обоих концов заточена. Быстро стреляли, гоголя догоняла стрела. Насквозь проходила тело. Пальто какие-то были у богатырей, что стрелы не пропускали, и шапки тоже — стрела отскочит. Ерган придут, а наши под землей жили в карамах. Орехи едят, а те думают, что вода капает. И дети такие смирные были, не слышно их было. Я видел местами такие землянки, везде они.

40. Богатырь и связной

У богатырей был связной. В Среднем Васюгане есть мыс Выен-Анкаля-пэй¹. Выше Чворовой на Нюрольке богатырь жил, там оборона была. Обские Ас-ях² пришли, у него жена красивая была, ее захватили. Он нырнул, на той стороне Нюрольки вынырнул. На нем был шабур, он на берегу полы его распахнул, обские в него стреляли, он полами шабура стрелы отмахивал. У жены были штаны и сумка из оленьей шкуры. Она сумку в воду опустила. Ее захватили, повезли, а она гнилушками путь показывает³. Обской богатырь говорит жене этого богатыря:

— В голове ищи!

Голову ей на колени положил, она говорит:

— Шапку сними!

Она слышит, сучок обломился. Он снял шапку, тот его из саможестра убил. Одного богатыря оставил, говорит:

— Не ходите больше сюда.

Сын у него был безногий, жену его убили. Это было на Выен-Анкаля-пэй. Опять Ас-ях пришли. Говорят:

— Попался!

— Обождите!

Один черок надел, говорит:

— Я десять мужиков снарядил!

Другой черок надел:

— Я еще десять мужиков снарядил!

Под чувалом у него выход был, он вылез и убежал. Позвал богатырей. Их главный богатырь жил на Альви-пеля, Выен-Анкаля у него связной был. До обеда уже назад вернулся. Эти сидят в избе, ждут. Мировую сделали. Вина тогда не было, мухоморы

съели, а Анкаля не ест. Те все уснули. Он каждому кинжал к горлу приставляет:

— Всех бы зарезал, если бы не мировая. Всех я обхитрил!

41. Битва богатырей

Богатырь нюрольского народа ¹ пошел на речку Калганак, осадил их поселок. А калганакский богатырь ушел вверх по Васюгану, дошел до Катальги и лег спать. Нюрольский богатырь осадил Катальгу и говорит:

— Храпит, аж земля дрожит.

Проснулся калганакский богатырь, надевает черки, лыжи. Скатился с горы — образовался яр Колюм-пий. Пошел вверх по Васюгану к брату, который жил в верховьях Васюгана. Ниже Ай-полово опять догнал нюрольский богатырь калганакского. Дошел до Волково калганакский, остановился на ночлег, но нюрольский опять его так погнал, что у того расстроился живот, и после его ухода образовалась брусничная гора Улом-игол. Удрал на Слопцов яр, там его весна застала. Он сделал обласок из дерева кун-юх. Сел на кочку отдохнуть. В это время подъехал его брат — богатырь с Ивэх-пугол, с верховьев Васюгана. С ним была и сестра калганакского богатыря. Сестра взмахнула и ударила мечом по кочке, и Васюган потек там между гор. На конце Слопцова яра скончался нюрольский богатырь, его сразил с помощью брата калганакский богатырь.

42. Семья Чугас

Около селения Цингалы находится гора Чугас. Два Чугаса раньше были соединены с противоположным берегом Иртыша. На увале жила хантыйская семья по имени Чугас: старик со старухой и три сына. Старики умерли от черной оспы и цинги.

Старший сын жил на мысу увала, средний — на середине, а младший — на материке. В наследство им остался топор. Зверя они ловили ямами, черканами, стрелами. Орудиями пользовались все три брата. Топор потребовался среднему брату. Старший брат бросил топор и рассек увал. А река тут как тут — размыла расщелину протоки, и появился Большой Чугас. Средний брат бросил топор младшему, так образовался Средний Чугас. Потом Малый Чугас. Потомки братьев жили сначала на мысу материка, а потом и на Среднем Чугасе.

43. Происхождение народа Пастэр

Далеко на юге или недалеко, кто его знает, там, где берет начало Обь, жили когда-то предки народа Пастэр, может, они и сейчас там живут. Однажды двое из них пошли на охоту. На охоте они неожиданно наткнулись на прекрасную дичь, на лося. Начали

его преследовать. У первого человека Пастэр были крылья, он гнался за зверем по воздуху; второй, у которого были только ноги, преследовал его по земле. И хотя он бежал быстро, как птица, все же он отставал от лося и крылатого человека Пастэр. Так сильно отстал, что уже не видел их обоих, так далеко они его обогнали! Но возвращаться он все-таки не хотел, так и бежал дальше за ними. Раз бежит — пусть бежит, посмотрим, что в это время делал другой — крылатый.

Крылатый гнался дальше за прекрасным лосем. Гнался за ним долгое время, гнался за ним короткое время, наконец догнал. Попал в него стрелой человек Пастэр, свалился лось замертво. Но и человек был обессилен.

— Ах, как я устал, — сказал человек и сел на землю рядом с лосем. Пока так сидел, начал осматриваться. «Свою землю я оставил далеко позади. Что это за земля? Я ее не знаю! Кто знает, сколько дней я гнал этого лося, кто их считал? И если я его убил, то путь домой так долог, что я никогда не смогу принести его домой», — подумал он про себя и затем встал. Снял шкуру с лося, обрезал спинной жир, засунул его в голенище своей обуви. Прикрыл мясо ветками и сучками, сверху положил еще плетенку. Затем отправился туда, откуда пришел. На лету опустил одно крыло в снег, пролетел так немного и затем еще раз прочертил крылом знак в снегу.

Долго ли летел, коротко ли летел, вдруг ему встречается другой человек Пастэр — тот, что бежал. Он все еще гнался за лосем.

— Убил ты лося или упустил? — спросил пеший крылатого.

— Убить-то я его убил, но так далеко отсюда, что там и оставил его мясо. Я лечу сейчас домой, а тебе если нужно мясо лося, то иди и бери, — ответил крылатый пешему.

Тут он достал сало из голенищ и дал другому, чтобы у того было что поесть, пока он найдет мясо. Затем продолжал:

— Когда я возвращался, то черкнул крылом по снегу. Долго будешь брести, коротко будешь брести, затем найдешь по моему следу мясо лося. Можешь его съесть и, пожалуй, можешь даже там остаться, потому что пешему оттуда, наверно, никогда не вернуться.

Сказал так крылатый человек Пастэр и полетел дальше домой, а пеший отправился и пошел напрямую дальше. В пути он все время ел лосиный жир, так что ему не пришлось голодать. Долго ли шел, коротко ли шел и наконец, когда жир кончился, нашел убитого лося. «Моя родина и вправду далеко, далеко позади. Когда же я смогу пешком до нее добраться?» — подумал он про себя. Потом достал мясо лося и начал его есть. Он ел и ел с аппетитом, затем начал осматриваться. «Моя родина далеко отсюда. Пешком мне никогда не вернуться, — думал он. — Земля есть и здесь. Рыба есть, охотничья дичь есть, здесь будет неплохо. Останусь здесь» — так думал он про себя, так и получилось. Человек Пастэр, пеший, остался там на все время. Свою прежнюю родину он вскоре совсем забыл.

От этого человека Пастэр произошел народ Пастэр. Раньше они здесь никогда не жили, а как сюда пришли — о том и рассказывает эта история.

44. О народе Лар-ях

По большим сорам, по высоким травам, у большой воды жили два богатыря. Они были братья. И весь народ Лар-ях с ними жил по большим сорам, у большой воды.

Пошли богатыри на охоту. Один пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше облака текучего. Другой пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше темных туч. Ходили, ходили, ходили... Убили большого-большого орла. Много орлиных перьев досталось им на стрелы. Пришли богатыри в юрту ночью, было темно. Как вынули перья из оленьего мешка, в юрте стало светло как днем. Одно орлиное перо горит огнем ярче солнца, светлей луны. Перо это было золотое. Стали богатыри спорить, кому взять орлиное перо. Один возьмет золотое орлиное перо — другой спорит, другой возьмет золотое орлиное перо — этот спорит.

Долго ли спорили, дрались ли — никто не знает. Один богатырь остался на больших сорах, у большой воды, где у них был город Ват-пугол. У него и осталось золотое орлиное перо. А другой богатырь пошел на другую реку. С ним пошла и половина народа из города. Так и стали народ этот звать Ват-ях — народ из города.

45. Происхождение священных мысов

Давным-давно это было. Эта легенда длинная, ее от начала до конца никто рассказать не может.

Одна семья, во главе которой была старуха, решила спуститься по Оби вниз и попасть на Васюган. Говорят, Васюган они не нашли, а попали на Нюрольку и стали подниматься по реке Тух-сиге, которая впадает в Нюрольку, а вытекает из озера Тух-эмтор. Начался голод. А тогда был обычай: если нечего убить, надо дать дар. На одном мысу на Тух-сиге старуха принесла в дар одного своего сына, убила и оставила на мысу под кедром, подарила его мысу. Потом охота пошла хорошо, они разжились, поехали дальше. У нее была большая семья, запас скоро кончился, опять начался голод.

Доехали до острова, на нем она принесла в жертву своего старика. Этот остров до сих пор называется Ики — старик. На том острове сейчас стоят елка и кедр, там тоже дар приносится до сих пор. Когда стали подплывать к озеру Тух-эмтор, от семьи отделились три дочери, старуха их отделила. Там тоже образовался священный мыс. Туда только женские вещи в дар приносили: гребни, косоплетки.

Остальные поплыли к Озерному, к людям. Там старуху не приняли, как чужую, и она решила спускаться назад по Тух-сиге. У нее осталось три сына. Она решила запрудить Тух-сигу и затопить Озерное. Чтобы вбить колья, нужны были молоты. Старуха запрудила речку, но речка прорвалась и пошла другой стороной. Она двух сыновей отправила туда, где старика заложила, а младшего взяла с собой. Она все хотела попасть водой на Васюган. На озере Вэс-эмтор заложила и младшего сына и по озеру вышла в большое озеро Тух-эмтор, поплыла по нему. В одном месте, где она была, образовался мыс Пяй-нми (Мыс-старуха), где тоже приносят дары. Сама она опять вошла в Тух-сигу. У нее был с собой ручной лосенок. Она принесла его в дар на Тух-сиге, а сама сделала из белого камня его изображение. Этот каменный лосенок на Тух-сиге давно, ему каждый охотник и приезжий приносит дар. Его никто не видит, только остяки. Он из-под земли появляется и исчезает.

46. О происхождении фамилий

Старики рассказывали, что раньше люди деревни на деревню войной ходили. Жили они в норах¹, чтобы трудно их найти было. Недалеко от поселка Летне-Киевского есть место, которое называется Яль-велем-пай². Это небольшой мысок, поросший молодым сосняком. Раньше этот мыс был больше, а на нем стояла большая деревня. Вот однажды на деревню напали враги. В деревне жил богатырь, сын которого был женат на очень красивой девушке. Из-за этой красавицы и произошла война. Когда враги напали (их было в три раза больше), богатырь сделал весло с глухариную шею, сын сделал весло с лебединую шею толщиной. Прыгнули они в обласки, хотели убежать от врагов. У богатыря весло было толстое, и он уплыл далеко, а у его сына весло было тонкое, с лебединую шейку, и, когда он начал сильно грести, весло сломалось. Враги догнали богатырского сына и убили. Сноха же богатыря спряталась в большом болоте между кочками. Она залезла в большую куженьку, и враги ее не нашли. В деревне всех людей перебили, остались в живых только богатырь и его сноха. Богатырь сошелся со своей снохой, стал с ней жить. Детей они стали называть Микумиными. Сноха-то спряталась между кочками, а кочка по-остяцки — мюх, мюх-пай, отсюда и фамилия Микуминых. Эту сказку дед Семен Антоусов рассказывал.

У богатыря была шапка железная и железная рубаха. Испугались враги богатыря, потому что увидели, как он шел по берегу и скручивал березки, как хотел. Враги испугались, назад вернулись. У богатыря и его снохи было три сына. От этих сыновей и пошли три остяцкие фамилии: Калины, Микумины, Васькины.

47. Заселение Агана

В Казыме жили муж и жена. У них умерла дочь. Родители ее похоронили и угощение на кладбище сделали. Ушли с кладбища домой и огонь забыли потушить. Ночью все кладбище сгорело. По закону их должны были судить, а они на Аган убежали. Сначала они по Оби ехали, а потом — по Агану. Поселились эти люди в самых верховьях Агана. Потом у них дети пошли. Все Казымкины — их дети. Произошло это давно, шесть или семь поколений уже прошло.

48. Борьба с народом Ахыс-ях

Раньше жители Агана воевали с Ахыс-ях. С Ерган-ях жили мирно. Ахыс-ях всегда стремились захватить богатства — стада оленей — у агапцев. У Ахыс-ях было два разведчика, которые пришли на Аган, чтобы узнать, сильные ли люди здесь живут. В Агане жили два брата, они были очень сильные. Старший брат — Рап-ики, он мог выжать сок из ствола толстого дерева. Младший брат — Рап-ики-мони. Разведчики Ахыс-ях увидели лук у Рап-ики. Они стали его растягивать, но не смогли. Ахыс-ях решили, что Кантах-ях хотят просто напугать их этим луком. Рап-ики услышал это. Он взял лук и одним мизинцем так растянул тетиву, что концы лука сошлись. Поглом они поспорили, кто лучше стреляет. Взяли рога у хора. Выстрелил брат Рап-ики, немного пробил кость. Выстрелил Рап-ики, стрела его пробила кость и полетела дальше с той же скоростью. Ахыс-ях выстрелил, но не пробил кость, только вмятина осталась. Разведчики уехали в свою землю и рассказали все, как было. Тогда Ахыс-ях побоялись идти войной на Аган. Когда разведчики уезжали, Рап-ики зацепил мизинцем их облас и долго по воде таскал.

Однажды на Аган шло большое войско Ахыс-ях с севера. У них два шамана было. Стали они ворожить, будет ли им удача в войне. Превратились они в птиц и сквозь шкуру чума¹ улетели.

Когда шаманы вернулись, они сказали, что Ахыс-ях получат богатую добычу. А в следующую ночь в лагере Ахыс-ях умер один человек. Наутро все войско умерло. Одна девочка осталась, эту девочку подобрали Кантах-ях. С тех пор Ахыс-ях не нападают на Аган.

Это давно было, много поколений прошло.

49. Чипэн-ку

Ахыс-ях приехали. Один мужик с женой жил, он Чипэн-ку, колдун. Ахыс-ях зашли, их семеро. Все поставили, шумят. Раз смотрят — глаза из пола. Они боятся:

— Убирай змей!

Чипэн-ку говорит:

— Вы же воевать пришли.

— Мы по-доброму пришли, не воевать.

Все исчезло. Снова смотрят — два лебедя выходят.

— Как так? Убирай их!

Лебеди все ближе к ним подходят. Старик говорит:

— Вы же воевать пришли.

Ахыс-ях испугались. Лебеди исчезли. Смотрят — два медведя выходят. Главный среди Ахыс-ях говорит:

— Поезжай ко мне на нарте, двух быков¹, шкуру, кумыш, малицу и кисы — всю одежду сделаем, поезжай к нам.

— Вы же воевать приехали!

— Нет.

Если вам жить хочется, уезжайте назад. Дальше еще один колдун сильнее меня есть.

Ахыс-ях молятся. Повезли дедушку. На другое утро зашли, все надели — кисы, кумыш, малицу, все положили и поехали назад. Испугались.

50. Месть за отца

Одна женщина с сыном живет, сын у нее маленький. У них, кроме дома, ничего нет, только одна собака. Они живут, живут. Потом сын вокруг ходит с нартой, думает: «Почему мы с матерью одни живем? У меня отца не было, что ли?»

Пошел на высокий холм, заметил: там двое убитых лежат. Он думает: «Дома надо у матери спросить, может, мой отец убитый тут лежит».

Домой пришел, у матери спрашивает:

— Не знаешь, у нас отца не было, что ли?

Мать отвечает:

— Нет у тебя отца.

Он говорит:

— Там на высоком холме двух убитых видел.

— Это когда-то Ахыс-ях¹ с нашими воевали, твоего отца убили.

— У нас неужели всего одна собака, оленей, что ли, нет?

— Есть олени. Ты маленький, кто их сможет привести и запрячь?

— Если есть, я могу привести.

— Если можешь, то в чистом болоте они ходят.

Пошел с собакой, отпустил ее, она пригнала к чуму оленей. Он матери говорит:

— Покажи, каких оленей запрягать, я съезжу поищу людей.

Мать двоих важенков показала, он запряг и поехал. Ехал, ехал, много оленей увидел и один чум, шесть мужиков возле нарты. Они увидели, что посторонний, луки взяли, приготовились стрелять.

— Не стреляйте меня, я к вам зайду, поговорить надо.

В чум зашли, там одна женщина:

— Ох, сынки, что вы делаете, своего младшего брата чуть не убили!

— Мы откуда знаем, брат он или не брат.

Посторонний говорит:

— Может, вместе жить будем?

Поехали вместе, чум повезли, вместе стали жить. Самый младший говорит шести братьям:

— Нашего отца убили Ахыс-ях, давайте их искать.

За один день много оленей забили и много матери оставили. Говорят:

— Завтра поедem.

Поехали на север семь человек. Целую зиму ехали. Пришла весна, потом лето. Остановились около речки, каждый день тренируются, кто сильнее. Младший брат самый сильный и следующий младший тоже сильный. Те пятеро слабее. Эти двое все вместе делают, спят вместе. Младший говорит:

— Побудьте здесь, мы двое облас сделаем, по речке поплывем, кого-нибудь найдем.

На облас поехали, двоих встретили. Братья говорят:

— Мы столько росли, никого не видели.

Те смеются:

— Вы что, так долго жили, никого не видели! Поедем с нами, у нас город недалеко, там народу много.

Приехали в город. Там Ахыс-ях к войне готовятся, луками стреляют, саблями сражаются. У них главный царь, к нему их повели. Говорят ему:

— Мы двоих встретили, они никого не видели.

Братья спрашивают:

— Вы куда готовитесь?

— Раньше мы с Ахыс-ях воевали, шестерых мальчиков оставили и мальчика с матерью. Они теперь выросли, мы туда пойдем.

— Нас возьмите, мы хотим воевать.

Им одну саблю дали, луки дали. Вокруг города стены, никто не вылезет. Они двое вместе ходят, к войне готовятся. Один раз они за стену вышли и кричат:

— Когда лед застынет, мы придем.

Их догоняли, догоняли, не догнали. Они приехали к остальным пяти братьям. Осенью по первому снегу стали к войне готовиться. Пошли к городу поближе. В городе как будто никого нет, пустой. Стена у города крепкая. Два младших брата хорошо вооружились, у них кольчуги и сабли, а у тех пятерых — только луки. Два брата в город пошли, а пятеро остались за городом следить, чтобы никто не убежал. Сражались, сражались, сразу всех убили. Вышли из города и пятерых братьев спрашивают:

— Никто не убежал?

Те отвечают:

— Мы никого не видели.

— Мы вам не доверяем.

Пошли все вместе. Один след нашли, догнали, на пне снег разгребен. Все семеро подошли:

— Ты, старик, что здесь делаешь?

— Никого в городе не осталось, я едва дополз, здесь умру.

Они оставили его, к городу пошли. Старик хорошие подволоки достал, на север убежал. Братья говорят:

— Этого старика не убили, он убежал, теперь целую армию достанет.

Вокруг города ходят, ходят, никого не нашли. К матери поехали, вместе стали жить. Два младших брата на одной постели спят, ложатся в кольчугах, встают в кольчугах. Пять братьев утром долго без обуви сидят, не беспокоятся. Однажды утром только встали, тот старик армию привел. Два младших брата сразу говорят:

— Мы не будем драться, у нас сил не хватит, мы убежим.

Пять братьев остались, их убили.

51. Тонья-богатырь

Тонья — царь хантов. Один раз женщины пошли черемуху собирать и позвали одну девочку. Она отстала. Над ней кто-то пролетел на белом коне.

— Ну-ка, девушка, открой рот, я тебе туда камешек спущу¹.

— Как спустишь?

— Так, спущу маленький камень.

— Кто ты такой?

— После узнаешь, рот открой.

Она открыла. Это был Кон-ики.

— У тебя родится сын, родится не по-человечески. Назови его Тонья. Он будет хантами командовать.

Она послушала и так сделала. Через некоторое время родился мальчик. Она назвала его Тонья. Он рос не по дням, а по часам. Он так жил, женился на Малом Югане. Ушел раз на охоту, с братом пошел. Приходит с охоты — ни жены, ни матери. Мать у него в Малом Югане была. Ко-уры — Длинная урья, они там жили. Он с братом был, давай искать. Искали, искали — нету.

Его казаки нашли. Тонья был царь хантов. Он в Сургуте, ему хауты по белке отдавали. Казак его попросил, он не дал, говорит:

— Я сам удерживаю со своих, пусть он с казаков удерживает.

Он удерживал перья от орла на стрелы.

— Если он со мной спорить хочет, пусть войско придет. Я людей не пущу, я хозяин.

Казаков послали сто человек. Тонья на урье построил город, на Мункул-уры, возле Угута, там рядом высокий бугор есть. Войско пришло, казаки говорят:

— Тонья, подойди. Все уместится, будем вместе воевать.

Тонья в стене дыру сделал, чтобы стрелять. У Тоньи пять человек и брат, а казаков — сто. Как казак стреляет, Тонья топором дыру закрое, казачьи стрелы обратно улетают. У казаков ружья были такие: одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает. Тонья в это время переднего и заднего, обоих, одной стрелой пробивает. Казаков осталось пятеро. Тонья говорит:

— Идите к вашему хозяину, пусть еще войско посылает.

Послали семьсот человек. Тонья опять всех кончил, его никак не могут кончить. У него стрелы кончились, они собрались удирать. Тонья стрелял стрелой с оперением из беличьих хвостов. Он говорит:

— Последнюю стрелил.

И вернулись.

Тонья от казаков удрал, в юрты Рыскины пришел с братом. Сестра им поставила варку. Ели, ели, последний остаток варки брат Тоньи взял.

— А, браток мой младший, мне надо было оставить.

Ударил брата, тот умер на месте. Тонья зятю говорит:

— Ну-ка, оленей мне самых хороших приведи.

— Откуда у меня олени?

— Приведи, а то тебе достанется.

Сестра говорит:

— Приведи лучше. Его казаки не могли взять.

Привели ему оленей, он запряг нарту, поехал. Между Мултановыми и Ярсовыми юртами заметку сделал, на кедре ветку срубил, несколько веток оставил.

— Вот, молодое поколение будет жить. Половина между Каюковыми и Мултановыми здесь будет.

Теперь экспедиция там мерила — там точно середина.

Тонья удрал в Пим, там женился. Родители жены хотели его убить. Старик побоялся или забыл, напоил, хотел убить. Кололи его ножами, стреляли его, никак не могут убить. Хорошо.

— Ну-ка, тесть с тещей, что вам нужно? Я вам все хозяйство выделил.

Он взял нож (саблю по-русски) и все головы пересек. Жене сказал:

— Вот, жена, я умру. Уже мне бог наказал. Через пять дней приедешь на мое кладбище, постоишь там. Овод вылетит из могилы, значит, у меня илес ушел к Торуму².

Бог потому его наказал, что он когда с казаками воевал, то их головы через урюю ставил. На три ряда двух голов не хватило, он две собаки убил и головы поставил, за это его бог наказал³.

Жена подходит к могиле, овод улетел. Перед смертью он так сказал:

— Если овод улетит с могилы, тогда на поминки лучше не ходите.

52. Приход Ермака

Рассказывали: Ермак пришел к богатырю, который у Колпашево. Тот мордушку плел, высоко привязал. Ермак показывает пушку, а богатырь смял пушку: вот ваше оружие! Десять мужиков к нему подошли, богатырь их между пальцами зажал. Обь перепрыгнул. На Васюган Ермак не приходил. Договорились не воевать, а остяков в армию не брать. Эта грамота на бересте в Новосибирске на хранении.

53. Почему у остяков нет своей грамоты

Когда-то в старину один остяк стал приглашать в товарищи русского, чтобы идти вместе в лес на звериный промысел. Русский согласился идти вместе в лес. Пошли. В лесу, на промысле, остяк и русский, как верные товарищи, не оставляли друг друга и не расходились один от другого далеко, но всегда были вместе. Они промышляли в лесу несколько времени так, как и все обыкновенные промысловики, и ничего особенного за это время промысла с ними не случилось. Но вот однажды днем они шли по лесу на промысел, по обыкновению своему вместе, как вдруг оба увидели, что с неба перед ними падают две какие-то бумаги. Русский, когда перед ним упали две бумаги, сказал по этому случаю остяку:

— Бог спустил с неба потому две бумаги, что нас двое: одну — для меня, а другую — для тебя. Так выбирай же себе из двух бумаг, какую только желаешь, а я возьму себе ту, которая останется.

Затем каждый из них взял себе по бумаге. Русский, взявши свою бумагу, подержал ее несколько времени в руках, посмотрел, что в ней написано, и положил себе за пазуху. Остяк со своей бумагой поступил иначе: посмотрел, что в ней написано, и положил на пень, тут случившийся, сказав при этом русскому так:

— Я свою бумагу теперь не возьму с собой, а возьму после, когда пойдем обратно мимо этого места с дневного промысла к своему стану.

Остяк, оставивши свою бумагу на пне, отправился с русским дальше в лес для промысла. По окончании дневного промысла они возвращались обратно к своему стану тем же путем, каким шли вперед в лес, чтобы взять остяку бумагу, положенную им на пень. Но что же, к удивлению и несчастью остяка, случилось с его бумагой? Бумаги его на пне не оказалось. Бумагу эту съел лось, который проходил в отсутствие остяка и русского мимо этого самого места, что было видно по его следам.

— Вот поэтому-то, — заключают обыкновенно остяки свой рассказ, — у нас и нет своей остяцкой грамоты. Если бы остяк с

бумагой поступил так, как русский человек — взял бы ее с собой, тогда бы и у нас была своя грамота. Хотя мы знаем, что местами есть грамотные остяки, но они все-таки учились и учатся по русской грамоте, а не по остяцкой. Остяцкой грамоты нет, ее съел лось.

54. Обиженный огонь

Рассказывают, что ехали двое — муж и жена. Захотели развести костер, а огонь никак не загорается. Тогда муж рассердился и начал топором рубить огонь. Говорит:

— Я все равно в другом месте разведу огонь.

Поехали в другое место, и там никак не могут развести огонь, нигде не могут развести. Потом ехали, ехали и приехали снова на это же место, где он костер рубил. А там сидит женщина в красном платке и плачет¹. У нее по лицу кровь течет.

— Зачем ты меня так изрубил? Больше ты нигде не разведешь огонь, пока не отдашь мне дочь свою.

У них была дочь, в дневной люльке² сидела. Мать заплакала и не хочет отдавать, а муж, раз он изрубил огонь, должен был рассчитаться. Поставил люльку с ребенком на костер, костер сразу и разгорелся. Она взяла ребенка³.

55. Путешествие на небо

В Большом Ларьяке такой случай действительно был. Одна старуха была, у нее одна нога оленя¹. Семь сыновей у нее было, каждый умел играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Один умел на гитаре играть, другой — на бубне, третий — на домбре².

Они сказали старухе:

— Надо убраться отсюда, а то здесь скоро житья не будет.

Запрягли оленей и поехали на небо. Километров пятнадцать отъехали, дальше ехать не могут. А старуха не хотела на небо ехать и привязала к задней нарте грязные, старые нырики. Младший сын спустился, отрезал одну нарту, она на землю упала. Мой отец видел сколько раз эту нарту, на земле лежит.

Через год ровно младший сын вернулся, но на землю не стал спускаться, а сел на верхушку дерева. Его увидели, говорят:

— Что там сидишь? Хоть в чум зайди чаю попить.

А он:

— Нет, земля совсем стала грязная.

И рассказал, что на небе никогда вчерашнюю рыбу и мясо не едят, только свежее всегда, столько там рыбы и мяса можно добыть.

56. О ворожеях

Раньше были ворожеи, как с гипнозом. Он говорит:

— Вы меня закройте в сундук.

Сундук у него большой, с замочной скважиной. Сундук на замок закроют, потом откроют, а его нет. Он в замочную скважину вылезал. Большой ворожей был, только русских боялся. Если русские есть — у него сила пропадает. Стелют тряпку, руки ему закручивают за спиной. Когда завяжут, деньги ему бросают со всех сторон, кучу денег. Он предупреждает:

— Только не бойтесь, сейчас у меня белки будут, бурундуки будут.

И мне мать говорила:

— Ты только не бойся!

— Глаза еще завяжи, — он просит.

Глаза ему завяжет кто-нибудь, он не знает — кто. Он спрашивает:

— Все?

Ему отвечают:

— Все!

Не успевают свет потушить, у того, кто глаза завязывал, уже веревка на коленях лежит. Он говорит:

— Ну, приходите!

Слышат, как кто-то «тук, тук». Кто-то бежит, он говорит: — Я вверх пойду.

Слышно, как он качается, воздух вверху ходит. Потом слышно его снова на полу, и он говорит:

— Где же вы, мои белки?

Слышно, как белка цокает.

— Где же вы, мои бурундуки?

Слышно, как бурундуки свистят. Под конец:

— Где же медведь?

Слышно, как медведь идет, урчит. Все дрожат, боятся. Все кончается.

— Ну, теперь вставайте!

Все встают. У них, где сидели, под ними деньги, которые они ему бросали. Это нюкуль-вель¹. В Тимельге был Муртик, у него голова была узкая, потому что из сундука часто вылезал.

57. Музыкальный мыс

На озере Тух-эмтор есть мыс, там богатыри себе стрелы ковали¹. Там протекала река Чебачья, оттуда перешеек и мысок. Там растут три кедра. Кто хочет на гармонике или балалайке хорошо играть, нужно туда двенадцать ночей ходить и играть, чтобы никто не знал. Если не научишься — пропадешь. Черти ходят. Если вытерпишь — научишься, а не вытерпишь — пропадешь на третьи сутки.

Рядом с Озерным есть Вэсен-эмтор, считалось священным. Там нельзя стрелять — хороший клев вдруг мгновенно пропадет. Отъедешь метров на двести, снова клюнет два-три раза, и тогда хоть сутки жди — не клюнет. Рассказывали, что Вэс выгнали с другого озера, он шел по мелкому месту. Рядом две ямки, он будто бы положил в одну голову, а другую зад. Потом ушел в омут на Тух-сигэ, в нем все кипит.

58. О мамонте (вариант А)

Я жил раньше в другом месте, где рядом было маленькое озеро, а недалеко от него — большое озеро. Из маленького озера в большое пролез Вэс и сделал канаву шириной в комнату. Всю землю он сдвинул в то озеро, и там образовался остров. Как сосенки росли — так там и растут на озере, на острове. Потом ушел в другое место.

Вэс может заглотить целый пароход — ханты говорят, старики. Они неграмотные, я в это не верю. Но лодку перевернуть Вэс может.

59. О мамонте (вариант Б)

Сноха однажды ехала на обласке. Лежит Вэс, и рога торчат у берега. Она думала сначала, что это коряги. Потом посмотрела лучше: это Вэс. Она тогда обласок волоком перетащила, чтобы здесь не плыть. А обратно плыла, он уже под воду ушел.

Один раз рыбак плыл по озеру, вдруг оказался где-то в темноте. Мелькнул просвет. Рыбак достал нож и ударил им. Через некоторое время он оказался на берегу. Это его Сорт-вэс проглотил. Когда он дышал, то жабры открыл, и рыбак увидел просвет. Когда ударил ножом, то запорол Сорт-вэс. Тот от испуга его выпустил. Рядом лежал мертвый Сорт-вэс.

60. Почак

Я раз рыбачил, ничего не было. Другой раз приехали, сварпли, темно стало. Володька прилег, ему лет двенадцать. Ружей у нас не было. Я закурил. Слышу: «Выап!» И еще, еще. Володька соскочил:

— Что это?

— Не знаю.

Это черти были. Утас-пугол, от него осинник тянется. Оттуда кто-то идет и кричит, ближе, ближе. Володька говорит:

— Давай в обласок сядем!

Сели, взяли ружье, оно плохое. Едем к тому, я вперед гребу, а Володька — назад. А тот кричит, аж сквозь уши проходит. Старики потом говорили:

— Нужно было повернуться спиной к нему и стрелять из-под руки. А если бы вперед выстрелил, в себя бы попал.

Я начал по-русски и по-своему ругаться. Слышу: среди кочек булькает, потом голос стал затихать и ушел. Там раньше клали выкидышей, они потом оживают и в дьяволов превращаются. Мы раньше в душло клали, чтобы в черта не превратился, а православные камень кладут.

А одному старику в обласок сел, как ребенок. Поверье было: перевезти его наоборот надо. А у этого старика он сел на нос лицом к человеку и заставил везти. Вышел из лесу — как человек, одетый, как кукла, небольшой, сантиметров сорок, а голос — оглохнуть можно. Меня пугал в болоте такой же.

61. Случай в доме

Днем дело было. Я прилегла отдохнуть, а Ефим¹ вышел за дровами. Вдруг вижу: заходит женщина в шубе, в платье и как хозяйка дома проходит в тот угол, где стоит медвежья голова². Я встала и говорю:

— Ты что здесь?

Тут зашел Ефим и говорит:

— Что это с тобой?

Я рассказала ему. С тех пор мне стало как-то плохо, посоветовали менять дом. Сюда приехали, здесь все нормально. А это просто умершая бабушка приходила дом проведать. Надо было на поминки к ней на кладбище сходить.

Это называется «маячить». Мы с Ефимом жили в доме моего отца, а женщина после замужества должна уйти из дома отца.

62. Поиски девушки

Давным-давно это было. Здесь летом жило человек двадцать. Однажды девушка потерялась¹. Ее ищут, не могут найти. Смотрят: на яру, откуда она покатила, след виден, как она съехала. Около середины яра след потерялся. Ищут, не могут найти. Тут были два шамана, они здорово шаманили. Народ говорит:

— Надо узнать.

Они могут вызвать Ягун-ики, Кон-ики — всех. Вызвали вечером, в темноте они стали шаманить. Посреди дома. Тут приходят всякие шайтаны (лунки). Медведь цепью брякает, все здороваются. Тут пришел черт Кот-кули-ко. Он говорит:

— А мне не надо приходить?

— Тебе не нужно, — шайтаны говорят, — не нужно, так выгоним.

— Как вы его выгоните? — говорит народ.

— У нас медведь на цепях.

Медведь погнался за ним, тот удрал. Около каюковского болота догнал, избил, одна грязь от него осталась. Духи шаманов спрашивают:

— Зачем вы нас позвали?

— У нас тут одна девушка потерялась.

— А мы знаем, где она. Если надо, мы ее приведем.

И вот она кричит:

— Здравствуйте, вы меня ищите?

— Тебя!

— Со мной ничего не случилось, меня замуж взял такой здоровый, мы живем около кладбища, с этой стороны, на бугре.

Она проговорила, ее спрашивают:

— А можно этого зятя сюда позвать?

— Можно, приведите.

Около дверей кто-то кричит грубым голосом:

— Здорово! Вы меня звали? Я вашу дочь взял, вы ее не ищите, мы там живем. Когда гроза поднимается, мы уходим на семь сажен в землю², а как застынет — я к вам в гости прихожу.

Это маячка был.

63. Пропавшая девушка

В очень давнее время жили муж с женой возле одной речки. Была у них дочка, которая любила целыми днями играть на улице. Игрушечные домики строила и играла там в куклы. Однажды она забежала в дом и говорит:

— Мама, дай мне наряды самые лучшие и платок на лицо натяни¹, зять твой, Лесной дух, приехал.

А мать говорит ей:

— Не выдумывай, дочь моя.

А дочь нарядилась и вышла на улицу. Вечером отец вернулся с рыбалки, а дочери нет. Искали они ее везде, да так и не нашли. Прошло время, старики совсем состарились от горя. Приходит к ним однажды женщина какая-то, ребеночка опустила на пол, а он бегают, смеется, играет. А женщина села и говорит:

— Мама, платок натяни на лицо, зять твой, Лесной дух, приехал.

Мать смотрит на нее и думает: «Неужели это и есть дочь моя?» Долго жила дочь с сыном у родителей, а время быстро пролетело. Говорит дочь:

— Пора нам ехать домой, погостили, хватит.

А зять все это время жил под крышей дома, и никто его не видел. Вышли старики дочь с внуком провожать на крыльцо, те сделали несколько шагов и исчезли с глаз. Старики там и остались одни старость свою доживать.

64. Покинутые юрты

Один человек на охоту пошел. А в это время у него жена умерла. После смерти его жены все люди покинули свои юрты¹. Вернулся муж с охоты, видит: юрты пустые, нет никого вокруг. Зашел он в свой дом, а навстречу ему жена идет. Подходит к нему и говорит:

— Я умерла, но ты меня не бойся. Сегодня вместе ночь проведем. Не вздумай убежать. Завтра Торум рассвет сделает, и на рассвете ты можешь уходить.

Муж так перепугался, что у него все трясется, и ответить жене своей ничего не может. Жена говорит:

— Давай я тебе голову вымою.

Помыла ему голову и волосы его в узел завязала². С одной стороны узел завязала для того, чтобы удача в охоте ему была, а с другой — чтобы он жил долго. Когда жена закончила, муж ее обманул. Он вышел из дома и убежал. Жена его догнала и все узлы обрезала³. Она говорит:

— Раз ты меня не послушался, иди теперь к своим.

Этот человек, когда пришел к своим людям, прожил лишь несколько дней и умер.

65. Кладбище и амбар

Однажды двое товарищей проезжали вечером мимо кладбища. Уже было время ложиться спать. Один предложил переночевать в амбарчике неподалеку. У другого жена была похоронена на этом кладбище, и он не согласился:

— Нет, я проведу ночь у могилы моей жены.

Ночью он проснулся оттого, что что-то споткнулось о его ноги.

— Что за бревно лежит у меня на дороге, — услышал он женский голос, — что за обомшелый пенёк здесь лежит? Я собирала все для своих деточек, ведь они плачут, потому что родственники не принесли нам никакой еды. Теперь все пропало. Не прикасайся к этому.

Тут раздается голос мертвой женщины из могилы:

— Это не бревно, а мой муж, который хочет провести ночь около меня.

Мужчина, услышав этот разговор мертвых, не мог больше спать. Когда настало утро и он встал, то увидел на могиле угли; из-за этого ханты считают, что мертвые едят что-то подобное, и при поездке к могиле разводят там огонь. Затем он пошел будить своего товарища. Когда пришел к амбару, то постучал в стену:

— Вставай, уже день.

— Дай мне сначала связать свои кости, — слышалось в ответ.

«Это, конечно, не мой товарищ, а какой-то злой дух», — подумал человек и убежал. Когда потом вместе с другими стали

смотреть, что было в амбаре, там нашли только кости. С того дня ханты больше не почуют в заброшенных домах или амбарах¹.

66. У подземных духов

Одажды жили два ханта: один — на Оби, другой — на Югане. Они друзья были. Зимой и летом друг к другу в гости ездили. Они жили лучше, чем братья живут. Однажды летом обской собрался в гости. Приехал он на Юган, к юртам подходит, а там по сторонам ханты стоят, а его друга не видно. Пристал к берегу, стал людей спрашивать:

— Где мой друг? Может, он на охоту или рыбалку ушел?

— Нет, он умер.

Он заплакал и говорит:

— Скажите, где его могила?

Ему сказали. Пошел к могиле, стал реветь около нее. Долго плакал. Вдруг два маленьких маячки (иль-канлах-от¹) выглянули из земли и стали спрашивать:

— Что тут плачешь?

Он говорит:

— Как же мне не плакать? Друг у меня был, лучше братьев жили. А сейчас он умер.

Черти говорят:

— Зачем плакать? Давай мы тебя сводим к нему, и ты увидишь его.

За руки его схватили, вниз тащат. Потом говорят:

— Тут дом, зайди, там твой друг.

Затолкнули его в дверь. Он смотрит: друг его сидит. Друг его заметил и говорит:

— Как ты сюда попал, зачем пришел? Здесь жить плохо приходится.

— Как не прийти? Увидеться-то надо.

Друг стал рассказывать:

— Здесь плохо. Все время заставляют играть на разных инструментах: на гитаре, наркас-юх, на скрипке, пин-юх². День и ночь играю, пальцы все искалечил. Когда у вас день — у нас ночь, когда у вас ночь — у нас день. Сейчас у нас стемнеет — это считается день. Они всегда приходят к этому дому, где я живу. С утра по двое-трое собираются, самым последним приходит хозяин чертей Тойлоп-ики. Он тебя сразу увидит. Приходит и приглядывается, нет ли новеньких, заставляет их играть. Ты внимания не обращай, скажи, что не умеешь играть. Он будет спрашивать, почему не умеешь. Ты скажи: «Умею, но на чужих не умею, у меня дома свои есть». Он скажет чертям: «Уведите его, пусть он за своим сходит». Когда тебя уведут, то домой к тебе не зайдут — будут бояться. Ты закрой дверь и окрести весь дом. Они постучат и уйдут. А так тебе отсюда не выйти.

Вот стали заходить по одному, по два. Много народу собралось, негде повернуться. Говорят:

— Почему хозяин не приходит? Он всегда с утра приходит.

Ждали, ждали, его нет. Что случилось с ним? Слышат — земля дрогнула. Наконец-то он идет. Дверь открывается, он заходит. Черти говорят:

— Как ты долго пропадал!

— Я задержался. Я всегда у людей присматриваю, где шум, — я люблю ходить туда. Иду по улице, слышу: в одном доме музыка, пляшут, поют. Я зашел туда. Там веселье, народ, интересно смотреть. Я присел поближе, они меня не видят. Плясали, плясали, все заснуло, и я уснул. Проснулся, смотрю — душно стало. Это какая-то женщина взяла да и окрестила весь дом — мне душно. Там кадка стояла, я туда залез, там полегче. Сажу, тут женщина подходит и кадку окрестила, мне трудно стало. Стал шевелиться и думаю: «Хоть бы она меня выбросила!» Она заметила, окно открыла и кадку выбросила, сказала: «Подь ты к черту!» Мне понравилось, что она меня выбросила, а особенно понравилось, что меня к черту послала. Думаю: «Хоть бы бог дал ей сто лет жить». Вот поэтому я долго не приходил.

Стал он кругом смотреть, нового заметил сразу. Подошел и стал подавать то гитару, то скрипку. Он все говорит:

— Я не умею.

— Почему ты не умеешь?

— Уметь-то умею, но на чужих не умею, дома у меня все есть.

Он кричит чертям:

— Отведите его обратно домой! Пусть он соберет все свои вещи и сюда приходит.

Повели его вверх, к дому подвели и говорят:

— Заходи, мы не можем входить в ваши дома.

Он зашел, окрестил весь дом, черти струсили и ушли. Он так остался жить, так и живет.

67. Человек, оставшийся под землей

В одной хантыйской деревне жили два человека. Пошли они в лес. Пришли они в лес, сделали шалаш. Закончили устройство шалаша, поели, легли. Утром встали. Оделись, пошли в лес. Долго ходили, коротко ходили, вернулись. Старший поймал четырех белок, младший поймал соболя. Старший говорит:

— У меня заболела голова, сними шкурки с моих белок, с твоего соболя.

Он лег. Пока младший снимал шкурки с белок, дверь настежь открылась. Младший взглянул в сторону двери: два глаза выкатились¹. Он сразу встал, вышел, чтобы пуститься в погоню за глазами. Смотрит: они скатились с горы. Идет дальше в погоне за глазами. Они перекатались через лежащее дерево. Он

тоже перешел. Глаза заползли под ствол кедра. Он подошел к дереву, остановился. Думает: «Может быть, они вернутся». Долго стоял, коротко стоял, глаза вернулись. Он хочет ударить их снеговой лопатой, но ему жаль их. Глаза покатались по прежнему следу. Опять перекатались через то лежащее дерево. Он думает: «Начнется буран, след заметет». Сломал ветку дерева. Вынул нож. Начал строгать стружки вдоль прежнего следа. Глаза катятся вперед, он идет за ними. Глаза вкатились в шалаш, он вошел. Смотрит: глаза вкатились в одежду к лежащему человеку.

Кипящий котел был готов, лежавший человек встал. Сели они есть, поели. Младший говорит:

— Ты ничего не видел во сне?

Старший говорит:

— Действительно, я видел сон: под растущим раньше деревом видел сокровище.

Младший говорит:

— Ты действительно его видел?

Старший говорит:

— Я действительно его видел, а теперь ложимся.

Утром рассветало, они встали, отправились вдоль вчерашнего следа, вдоль наструганных стружек, куда ходил младший. Спустились с горы. Бегом прошли путь. Пришли туда, к большому кедру, начали копать. Один из них нашел дыру такой величины, что человек может войти. Старший говорит:

— Оставайся здесь, я пойду туда.

Младший говорит:

— Иди, если пойдешь, но не уходи навсегда.

Старший говорит:

— Зачем я пойду навсегда? Я вернусь.

Старший вошел внутрь, упал в комнату. Смотрит на нары: там сидит женщина. Женщина говорит:

— Всю свою жизнь я ждала тебя, теперь ты пришел.

Женщина говорит:

— Куда теперь пойдешь? Охраняй здесь мое богатство, мое сокровище.

Он говорит:

— А кто будет охранять мой дом, что мне здесь делать?

Женщина говорит:

— Делай или не делай, куда ты теперь пойдешь? Если не останешься здесь, зачем пришел? Выход есть, иди.

Он не смог найти прежний вход. Говорит:

— Будь добра, выпусти меня наверх, я скажу слово своему товарищу, я не убегу.

Женщина говорит:

— Говори слово там, где стоишь, взгляни глазом, иди туда.

Он смотрит: дверь стоит открыта настежь. Женщина встала, они вышли вместе. Младший, не имея пищи, чуть не умер. Старший говорит женщине:

— Кого я пошлю принести весть, что мой младший товарищ собрался умирать?

Женщина вытащила из кармана маленькую бутылочку, он получил в подарок ложку воды из бутылки, выпил, начал говорить. Старший говорит:

— Иди ко мне домой, скажи, что я остаюсь.

Он пошел, отправился. Старший вместе с женщиной пошли назад в комнату, еще и теперь они под землей.

68. Охотник без глаз

Однажды два брата жили в одной юрте. Правда, в отдельных домах. Дома не поблизости, расстояние большое было. Младший женатый был, а старший холостой. Как снег выпал осенью, сразу в урман собрался он. Ушел на охоту надолго. А младший остался. Тоже ходит каждый день, как с утра пойдет — так и до вечера. Вечером приходит весь мокрый, такой встрепанный и ничего не добывает, не приносит домой: ни рыбы, ни зверя. Чего ходит — жена сама не знает. С утра чуть свет опять уходит и вечером приходит весь мокрый такой, как будто в воде он лазил, в снегу. Ну, вот жена думает: «В чем дело? Люди ходят, добывают кое-что, приносят домой, а этот муж у меня ничего не приносит. Надо как-то завтра сходить за ним, чего он делает, посмотреть».

На следующий день муж тоже собрался, пошел. И она тоже собралась, будто за дровами. Ушел муж, она за ним по пятам. Со стороны следит за ним. Муж идет, в лес подался, идет. Смотрит она: что-то он улегся на спину, лежит.

— Ничего себе охотник! Шел, шел, улегся и лежит. Дай-ка посмотрю поближе, подойду.

Подошла и видит: муж улегся, вытащил свои глаза, прямо вверх поставил и говорит:

— Сэмлек рэм-рэм-рэм.

— Вот ничего себе дает, сэмлек рэм-рэм-рэм. Что это он делает?

Он, оказывается, каждый день ходит и этим делом занимается. Люди охотятся, а он каждый день сэмлек рэм-рэм-рэм делает.

— Сейчас я тебе чудеса натворю.

Подошла к нему поближе и — хап! Из рук выдергивает эти глаза и бежит. Тот без глаз остался. Туда-сюда, куда делись мои глаза? Кто выхватил из рук? Как теперь домой-то попаду? Давай туда-сюда шарить. Ну, дорога ему знакомая, каждый день ходит, запомнил. «Ну, — думает, — домой-то попаду, а вот глаза куда делись, я не знаю». Шел, шел по знакомой дороге, все же пришел. Жена говорит:

— Ты сегодня раньше пришел.

— Да вот, как же не раньше, ослеп сегодня, ничего не вижу.

Жена думает: «Ослеп, а глаза-то я утащила. Я думаю, что ты каждый день на охоту ходишь, а ты, оказывается, только сэмлек рэм-рэм-рэм делаешь. Тогда дома сиди, раз не можешь охотой заниматься».

На следующий день жена что-то там на улице делает, убирает да дрова готовит. Смотрит: с той стороны по Югану лось бежит, прямо к ним. Забегает быстро к старику, говорит:

— Старик, лось бежит, что делать?

— Что делать? Принеси мне лук и стрелы и дверь открой. Когда к двери подойдет, ты скажешь.

Притащила ему жена лук и стрелы. Лось как раз к ним близко к двери прибежал.

Жена говорит:

— Как раз возле дверей он.

Он стреляет сразу же.

— Ну, жена, сходи посмотри, что там у меня вышло?

Пошла старуха туда, смотрит, а лось там через два-три метра лежит. Приходит домой, старик спрашивает:

— Ну как там? Попало хоть, нет?

— Где ж там попадешь? Нет, не попал.

— Как так не попал? У меня никогда стрела мимо не проходила, а тут мимо прошла! Вот тебе раз. Ну ладно, мимо так мимо.

Жена вышла, как будто по дрова ушла, а сама к лосю подошла, разделала, домой притащила. Сварила мясо себе, ест и про себя думает: «Вот так, ты сам каждый день сэмлек рэм-рэм-рэм делаешь, охотиться не хочешь, вот и ешь, что хочешь. А я хоть мяса поем сама».

На следующий день тоже по дрова да так куда-то ходила, на улице возле дома что-то перебирала. Смотрит: снова лось с того же направления идет. Забегает, мужу говорит:

— Опять лось идет.

— Ну-ка, тащи сюда мои лук и стрелы.

Подает ему.

— Дверь открой.

Открыла двери.

— Когда прямо к двери подойдет, скажешь.

Когда прямо к двери подошел лось, старуха сказала ему. Он стреляет.

— Ну-ка, сходи посмотри, что там сейчас, попало или нет.

Подошла, видит, что лось два-три шага отбежал и завалился. Приходит домой и говорит:

— Ну, старик, опять мимо попал.

— Да ну! Как так у меня все мимо попадает? Раньше же я никогда мимо не стрелял, все прямо, а тут все мимо. Второй раз уже, это уж неправда.

Про себя старуха думает: «Вот я тебя здорово подстроила. Не будешь больше глазами моргать». Пошла туда, разделала, натаскала в лабаз себе, варит каждый день. С мясом живет.

Старик думает: «Допустим, если она у меня глаза стащила, спрятала же куда-нибудь. А вот куда спрятала? Это, может, она что-нибудь натворила? Надо что-то придумывать». Один раз, зная, что жена по дрова ушла на целый день, стал рыть вниз под землю то место, где она спала. Каждый день, как жена уйдет, он роет. Знает, что дом брата не так уж далеко. Он, как мышь, такую канаву прорыл внизу до самого дома. Вот однажды думает, что жена должна прийти к вечеру. Он туда прорыл все, зашел и затопил печь в доме. А жена с дровами пришла и думает: «Приехал охотник. Надо зайти рассказать о своем муже-лентяе. Как люди каждый день дело делают, а он сэмлек рэм-рэм-рэм делает. Это уж ни к чему».

Заходит, платок надернула (она закрывается перед братом)¹, уселась там и стала говорить:

— Люди добрые на охоту ходят, дела делают, кое-что добывают, а у меня вот муж каждый день с утра пойдет и к вечеру приходит. И ни рыбки, ничего, никакой зверюшку не приносит. Что за такой муж! Надоело мне каждый день одно и то же. Я решила в один день проследить за ним. Пошла, смотрю: а он в одном месте в снег лег на спину и что-то делает. Дай-ка я посмотрю, что он на снегу лежит. Подошла ближе, а он, оказывается, глазки свои вытащил, приподнял и говорит: сэмлек рэм-рэм-рэм. Вот, думаю, ничего себе охотник мой. Люди охотой занимаются, а он каждый день сэмлек рэм-рэм-рэм делает. Я у него стащила эти глаза. Дома спрятала в короб, к себе положила. Вот чем у меня муж занимается. А потом я однажды на улице свои дела делала, дрова да что готовила к вечеру. Смотрю, лось идет с той стороны. Я забежала и мужу говорю: «Лось идет». Он говорит: «Принеси мне лук и стрелы, я попробую, что выйдет». Я принесла ему, он дверь сказал приоткрыть. Я приоткрыла, и, когда лось к двери рядом подошел, я говорю, что подбегает. Он в это время выстрелил. Говорит: «Сходи-ка, что вышло, попало или нет?» Я прихожу, он через два или три шага завалился, упал. Прихожу домой, говорю мужу: «Ну, муж, мимо». — «Как так мимо? У меня никогда мимо не проходило». А я про себя думаю: «Вот ты каждый день сэмлек рэм-рэм-рэм делаешь, а если бы хотел мяса, ты бы охотился». Это мясо затащила себе и сама потихоньку варю да ем. Вот так, твой братик — лентяй.

— Да, — этот про себя мычит, — да, плохо.

— Ну ладно, домой пойду.

Встала, пошла. А мужик в это время обратно в нору, у себя там выскакивает, сидит. Тут жена заходит.

— Вот, — говорит, — брат приехал с охоты.

— А, ну я слепой, ничего не знаю. Что-нибудь он добыл?

— Не знаю, не стала спрашивать².

Пока жена туда-сюда на улицу ходила, он с этого короба вытащил свои глаза, надел. Тут у них ругань получилась. Не знаю, что потом случилось. Так, наверно, и живут.

69. У лесных людей

Жили мы недалеко отсюда, и потерялся в тайге мамин сын. У него уже семья была. Потерялся, найти не могли. Увел его лесной человек, год он там прожил. Привел к себе домой, он плачет у порога. Все у них есть, что мы едим. Зовут есть, а он у порога стоит, не хочет. Такие же люди, как мы. Вот ровно через год его посадили на глухаря, и тот привел его на Вертикос. Люди там его и увидели — сидит на песке.

Когда отправляли, подали ему в горсти град и бросили в лицо. Это были слезы, которые он выплакал за год. Велели дома собак всем привязывать в деревне. Он передал всем, все привязали. Скоро много выдр к ним пришло, и они их убили. Около собак нашли много задушенных выдр¹. Мужики говорят:

— Не хотел с ними жить, и у него в семье никто не останется.

Вот сейчас из этой семьи остались мать да брат. Эти лесные люди так же рыбачат, так же охотятся. Наверно, страшные, поэтому ему не хотелось жить с ними. Наверно, черти лесные.

70. Унху

Один остяк из села Шеркалы отправился пешком по берегу осенью в деревню Алешкино. По реке шел лед. В пути остяка настигла ночь. У него закружилась голова, и он сел на камень отдохнуть. Сидел почти до полуночи. Вдруг к нему является кто-то в виде мужика и говорит:

— Что ты здесь сидишь?

Остяк, услышав такие слова, упал в обморок. Он лежал долго. Потом проснулся. Увидел: незнакомец все еще стоял перед ним. Это был Унху — лесной дух. Унху сказал:

— Пойдем ко мне.

Остяк спросил:

— А где твой дом?

— Мой дом в истоке реки, отсюда будет верст пятнадцать.

— А когда же пройдем такое расстояние?

— Пока ты будешь курить сигарку, тем временем дойдем.

— Я не могу так быстро за тобой шагать. Силы нет. Устал.

Унху говорит:

— Вот у меня кузов на спине. Садись в этот кузов, и я тебя донесу. Но одно плохо: у тебя в кармане есть письмо! Брось ты его, а то я тебя убью.

Остяк отвернулся и сделал вид, что он бросил это письмо. Тогда Унху посадил его в кузов и помчал к себе. Остяку казалось, что он как будто ехал на хорошем коне. Через несколько минут они доехали, и лесной дух сказал:

— Вылезай, вот мой дом!

Остяк вышел из кузова и увидел перед собой хороший дом, амбар и лабаз на семи столбах. В окне горел синий огонек.

Лесной дух говорит ему:

— Заходи в дом, но закрой сначала глаза и не гляди на огонь!'

Они зашли. Унху посадил остяка в темном углу. Остяк сидел там, пока варилась еда. Варила еду дочь лесного духа. Она была очень красива. Когда она ходила туда-сюда, на ее платье бренчали разные бусы и колокольчики, сверкали бисером вышитые узоры. Остяку эта девушка очень понравилась. Он полюбил ее и захотел жениться на ней. Потом девушка подала еду. Лесной дух сел первым за стол и пригласил остяка. Он тут впервые увидел лицо лесного духа. Лицо было красное, как кумач, волосы — черные, плетенные в две длинные косы, плечи были широкие, а руки огромные. Когда стали есть, лесной дух сказал:

— Если ты останешься у меня жить, то за тебя я выдам свою дочь. Ты будешь невидимым для других людей, как и я.

Лесной дух пригласил к столу свою дочь и спросил у остяка и у нее:

— Посмотрите друг на друга! Понравились ли вы друг другу?

Остяк ничего не ответил, а дочь сказала:

— Как же я сразу смогу выйти замуж за незнакомца?

После обеда остяку постелили меховую постель и соболиное одеяло. Лесной дух перед сном показал ему одиннадцать комнат, а двенадцатую не показал. Сказал:

— Я покажу эту комнату, если ты останешься у меня жить навсегда. Там у меня тайные вещи и разное оружие.

Все легли спать. Лесной дух захрапел, а остяку не спится. Он все думает о девушке. Хочет забраться к ней. Первый раз собрался, вышел из своей комнаты, но не осмелился и вернулся к себе на постель. Он, сидя на своей постели, мечтал о девушке. Про себя он еще сказал:

— Пусть что будет, то и будет. Теперь я пойду.

Подошел к постели девушки и видит: девушка тоже не спит. Он сел у нее на краю постели. Девушка подала ему руку, и остяк крепко пожал ее руку. Потом они поцеловались. А затем он спросил:

— Любишь ли ты меня? Если любишь, завтра мы с тобой побегим ко мне. Я здесь не останусь.

Она ответила:

— Как я буду жить среди незнакомых людей? У вас другая вера, другие порядки. Как я оставлю отца одного?

— Если ты не выйдешь за меня замуж, то отведи меня домой.

— Поживи здесь неделю, и отец отведет тебя домой, — сказала она. — Но только ты плохо сделал, что оставил у себя письмо. Ты этим нарушил наш порядок. Храни это письмо, как свое сердце, и не показывай его моему отцу.

Остяк пошел в свою комнату, но заснуть уже не мог до утра. Наутро Унху пришел его будить. Говорит:

— Пора вставать.

На столе было уже все готово. Остяк сел за стол обедать. Лесной дух за обедом ему сказал:

— Я иду в лес на целый день, а ты не убегай. Или я тебя догоню и приведу сюда обратно.

Унху ушел в лес. Девушка ему показала двенадцатую комнату. Там он увидел чучело будущей невесты лесного духа. Унху встретил когда-то женщину, но она не согласилась сразу выйти за него замуж, а лесной дух попросил в знак согласия лишь ее верхнее платье. Чучело стояло одетое в это платье, словно живое. В переднем углу комнаты остяк увидел стрелу, воткнутую в скамью. Девушка сказала:

— По этой стреле я могу узнать о смерти моего отца. Если из этой стрелы покажутся капли крови, то я буду знать, что мой отец умер. Моего отца никто не может убить, кроме молнии.

В этой же комнате лежала собака, прикованная цепями за задние и передние ноги. Она считалась лучшей собакой при охоте на большого зверя и чужих людей из чужих мест. Теперь она сторожила комнату. От ее шеп или две цепи в ту и другую сторону к стенам. Собака не могла двинуть головой.

— Мой отец посылает эту собаку убивать чужих охотников из другого места (рода). Раз пришел дальний человек охотиться. Он решил перейти через небольшую речку по льду, но упал и умер. Это собака убила незнакомца,— сказала девушка.

Потом девушка открыла дверь в подполье и сказала:

— Здесь есть подземный ход. Этот ход ведет к речке и служит для защиты от врагов моего отца.

Они пошли обратно, и остяк рассказал ей о своей жизни. Девушка же говорила про свою жизнь. Она сказала:

— Я много видела ваших людей и охотников. Они нас не видят, а я к ним подходила очень близко. Нас не видят потому, что пользуются берестой². Если бы отказались от березы, то стали бы нас видеть.

Семь дней протекали быстро, как один день. Девушка не согласилась идти за остяком. Но от поцелуя она забеременела.

— Твой сын останется со мной, и тебя буду считать своим мужем,— сказала девушка.

На седьмой день лесной дух еще раз просил остяка остаться, но он не согласился. Сказал:

— Веди меня домой!

Дух ответил:

— Когда я нес тебя сюда, ты мне не верил, что так скоро дойдем. Теперь я поведу тебя пешком, и ты увидишь, как далеко идти.

Лесной дух подарил остяку головной убор и мешок с дорогими мехами соболя. Унху вел его по горе. Шли долго и вышли у крутого берега реки.

— Ну вот, я хотел сделать тебя счастливым, и жилось бы тебе весело и хорошо. Когда приедешь домой, в течение трех дней не смотри на огонь! Живи в темном месте, в темноте! Я бы

не пустил тебя домой, но письмо мешало. Я знал, что письмо было при тебе. Теперь я столкну тебя с горы. Ты не бойся, не ушибешься. Это тебе знак.

Они попрощались. Унху взял его за ноги, как палку, бросил его под гору к реке и закричал:

— Будь всегда счастлив!

Остак, кружась по воздуху, упал на камень, но ему казалось, что это был не камень, а пуховая постель. Он встал и пощупал себя. Он был здоров.

71. У лесной женщины

Около ста пятидесяти лет назад в Нижне-Лумпокольской волости один остак поехал вечером ловить на Обь рыбу. Ловил, ловил, поплыл к берегу и увидел на песке глухаря. Смирно сидит. Жалко, не было ружья. Бросил на глухаря горсть песка. Глухарь немного отлетел и опять сел.

Остак погнался за ним. Догоняет. Ему жарко стало, снял с себя верхнюю одежду. А глухарь все по земле бежит. Вдруг ему показалось, что на суку дерева сидит его родная, давно умершая мать и качает ногоами. Она сказала:

— Сын, сын мой дорогой, я тебя долго ждала. Подойди, я хотя бы поцелую тебя!

Он обрадовался и подошел к ней. Наклонился поцеловать свою мать и потерял сознание. Очнулся и видит, что она летит и несет его на крыльях, через реку Обь несколько раз перелетела. Прилетела к себе домой. Вот она начала за ним ухаживать, говорит:

— Будем вместе жить, как муж с женой.

У нее было много мехов и всякого добра. Все жилище было обложено мехом¹. Он не соглашался жить с ней. А она все тащит его в передний угол². Остак же думал о доме, о семье и детях, о жене, стал горько плакать. Она же говорит:

— Не плачь о доме! Я им даю промысел, всех зверей и дичь посылаю. Я вижу твоих людей, которые охотятся³. Оставайся!

Но он не согласился. Идет на улицу, думает убежать, но всегда невольно приходит к дому женщины. Звери бегают около него, но он не думает о них и не стреляет.

— Почему не убиваешь зверей?

— Не видел, — отвечает остак.

— Так не горюй, будем жить до первого ребенка, а потом уйдешь домой. Я поеду с тобой. Ты будешь жить со своей женой, а я — с твоими братьями.

Он не соглашался. Она звала в передний угол. Подойди он к переднему углу — перешел бы к ней и остался бы у нее. В избе всегда было мало света. Она была красавица, но имела длинную бороду. Женщина долго уговаривала его. Один раз они пошли вместе на охоту. Она сказала:

— По пути зайдем в гости к моему старшему брату.

Пошли. Поохотились. К вечеру она повела его к своему старшему брату. Этот не знал об остяке. Удивляется, не улыбаясь. Она говорит:

— Милый брат, я глупо сделала, без твоего приказа привела к тебе человека.

Брат сказал:

— Это твое дело, но я знаю, этот человек не будет жить с тобой, у него есть крест.

Остак еще сильнее начал беречь свой крестик. Остались там почевать, утром долго спали. После обеда брат женщины говорит:

— Посмотри мои амбары!

У него было три амбара со всяким добром. В первом амбаре он увидел много стрел и луков, дорогие соболиные и лисьи меха. Много-много было мехов. В другом амбаре были разные товары, шерстяное и красное сукно. И одежда меховая из оленьих шкур, и обувь всякая разная. В третьем амбаре стояло чучело в виде коня. На нем сидело чучело в виде самого брата.

— Почему это?

— Я много хожу на охоту. Для нас опасен гром. Он в нас стреляет камнями. Если из чучела течет кровь, то моя жена или сын будут знать, что я убит,— сказал брат женщины.

Там же был белый медведь, на цепи привязан. Он бросился на остяка, когда его увидел. Но брат женщины сказал:

— Успокойся!

Зверь лег успокоенный. Он держал его вместо собаки.

— Он борется с моими врагами, рвет врага зубами,— сказал брат женщины.

Пошли в жилище. Брат женщины говорит:

— Почему не хочешь остаться с моей сестрой?

Остак, думая о доме, ответил:

— Дома жена и малые дети с голоду умирают.

— Это я знаю и помогу им, только ты оставайся с моей сестрой. Скажи, что останешься, и я сделаю все, что надо.

Три дня пробыли у брата женщины. Все еще уговаривали остяка. Брат сестре сказал:

— Он с тобой не останется, отпусти его домой.

Она еще раз его упрашивает:

— Ты будешь вечно молод, никогда не состаришься.

— Почему я таким вечно буду?

— У нас есть дух. Он нас омолаживает, когда мы старимся⁴. Кладет нас в люльку, брызжет живой водой, и люди становятся молодыми.

Он в мыслях начинает соглашаться. Она говорит:

— Сними крест, он мешает нашей жизни.

Он противится. Так прошло еще много дней.

— Я уведу тебя к дому, не могу более терпеть и носить на себе твои слезы. Ты так много плакал.

На другой день повела его по лесу. Дала ему много пушни-
ны, одежду на полную нарту. Идут. Приближается дом остяка.
Тут она его остановила, попрощалась с ним. Говорит:

— Посмотри на меня!

Он посмотрел на нее и увидел: его слезы бегали у нее на
ладони, словно живые маленькие зверьки⁵.

— Вот твои слезы,— сказала она и брызнула ему в глаза.

Потом ударила его по спине и сказала:

— Не остался у меня — помирай горбатым! Со мной ты жил
полгода, и за это дам тебе лишь один счастливый день в жизни.
Твое поколение немного увеличится и потом вымрет.

Он оглянулся. Ее уже не было. Он стоит у конца своей де-
ревни. Не может идти к своему дому. Один мужик подошел.
Ему крикнул:

— Привяжите собак и приберитесь в избах! Огни зажигайте
не яркими!

Мужик сообщил об этом по домам. К вечеру остяк появился
в своем доме. Тут его встретили родные, все плакали. Ему
сказали:

— Мы жили очень хорошо⁶.

Через несколько дней он вышел утром на улицу и в будке
для собак увидел пять выдр. Взял палку и убил их. Это был
его счастливый день. Прошло две недели, и он захворал. Ослеп,
у него появился горб. Скоро он умер.

72. Соболь с золотым кольцом

Один мужик убил соболя. У него через всю шею желтое коль-
цо, как золотое¹. Старик убил, в лесу не обдирает. На стан
принес, ободрал, разрубил. Чаю попил, сидит, ожидает. Себе по-
стелил еловые лапки, черту — пихтовые. На кедре сзади себя
нарисовал бога и образ земли. Дело к двенадцати часам. Черт
ли, кто ли — бух к костру:

— Отдай соболя, ты моего брата убил!

Охотник успел заднюю часть поджарить чуть-чуть, голову
себе оставил. Шайтан² приземлился по другую сторону огня.
Охотник бросает ему заднюю часть соболя, тот — обратно. Еще
раз перекинулись. Черт давай жевать. Жевал, жевал — прыг че-
рез огонь. Охотник приготовил еловую лапу.

— Чей черт крепче, кто сильнее кричать будет?

Черт видит, что у охотника еще много чертей: еловые лапы
на много голосов трещат. Черт пихтовую лапу схватил, а та
пыхнула и погасла. Охотник крикнул:

— Бог, земля, меня берегите!

И открыл изображение на кедре. Черт увидел бога и землю,
отпрыгнул.

73. Наказание

Двое на охоту пошли. Один зверей не добывает, рыбу живую в котел бросает. Другой пошел в лес на охоту, встретил двух незнакомцев, они ему говорят:

— Сегодня на ночь заготовь побольше дров и всю ночь молись.

Вот приходит он, дрова готовит, молится. Приходит его напарник, который зверя не добывает, и говорит:

— Я в это не верю.

Стемнело, слышались какие-то шорохи. Из леса выходят два великана Менк-ики. К костру лыжи поставили, взяли того, который не молился, на палочки поддели, на костре жарят, едят. Светать стало. Тот думает: «Вот доедят, и до меня очередь дойдет».

Один великан говорит:

— Никогда не нужно мучить зверей, всегда надо до конца убивать.

Он пришел домой и говорит, что было так и так. А ему не верят, говорят, что вроде поссорились на охоте и убил ты его. Послал за шаманом. Тот приказал белого оленя в жертву принести. Разобрались — правильно он говорил. Все поверили, что великаны того съели.

74. Охотник и Менк-ики

Однажды муж с женой жили. У них сын был лентяй. На охоту никуда не ходит, все дома. А у других сыновья, сразу как снег выпал, на охоту ушли в урман. А он все дома. Родители ему говорят:

— Ты что, в урман-то не хочешь идти? Сходил бы хоть раз. Видишь, у других сыновья ушли уже, а ты не идешь.

Ладно, подумал, подумал, собрался.

— Ладно уж, пойду.

Собрался, пошел. Все загрузил в нарточки. Пошел. Шел-шел однажды, стемнело вроде. Целый день топал. А не знает, куда в урман идти-то. Думает: «Ладно, стемнело, надо место подыскать где-то, переночевать. Завтра уже где-нибудь пристроюсь».

И только что думал про это, смотрит: костер вдали горит, свет увидел. Думает: «Ну, где-то живая душа есть, видать. Надо к нему поближе сходить. Раз там костер, дров меньше таскать надо будет».

Подошел поближе, видит: у костра сидит Менк-ики. Тут он испугался. Думает: «Вот ничего себе товарища встретил. Уж с ним шутки плохие встретиться».

Ну, обратно уж не пойдешь, он все равно заметит ведь, а к нему ближе — так опасен он, съест сразу же. Смотрит, какой он лицом? А у костра хорошо видно. Сидит около костра, греется. Такой большой костер развел. И сидит, глвное. А глаз

у него один прямо на лбу. Сидит, и возле него мясо кучами лежит, лосиное. Берет тушку мяса, через себя кидает. Он думает: «Ничего себе, что он через себя кидает?»

Раз кинет кусок и сидит. Он стал замечать: он ест это мясо. Берет кусочек и через себя кидает, а у него рот, оказывается, саади. Вот поэтому он назад кидает¹. Он думает: «Ничего себе! Дай-ка я выстрелю. У него же один глаз. Этот глаз лопнет, так и хорошо, тогда не увидит меня».

Берет и стреляет. Тот что-то говорит:

— Какая-то соринка попала в глаз.

Менк-ики говорит:

— Что за соринка?

Вытащил и говорит:

— А, это ты! Что ты кидаешь соринки сюда? Иди сюда, чё там прячешься?

Он думает: «Ничего себе. Сейчас подойдешь, он тоже меня через себя кинет. И не будет меня».

— Да не бойся,— говорит,— поближе айда.

Подошел к нему.

— Ну, садись. Вот мяса сколько угодно, ешь.

«Ничего себе,— про себя думает,— это же он нарочно меня уговаривает, чтобы я не боялся, пристроился, а потом он чтобы съел меня».

— Да не бойся,— говорит,— я тебя есть не буду. Вон у меня сколько мяса. Мало, так еще убью, сколько надо. Вари!

Ну, тут он сварил себе мяса и давай есть.

— Ты,— говорит,— не бойся, я людей не ем. У меня мяса хватает. Завтра на охоту вместе пойдем, и тебе добуду, сколько надо, вези их.

Тут поели, поболтали они. А этот сидит на костре, Менк-ики, берет мясо и через себя... Черт его знает, может, шесть или семь лосей было в одной куче, все разделанное на куски специально, чтобы ел всю ночь. И под утро уж там мало осталось. Этот мужик уже не стал бояться, улегся. Утром просыпается, а этот сидит возле костра, дремлет тоже.

— Что-то не спится,— говорит.— Уже рассвет.

Он опять снова мяса сварил себе, поел.

— Ну,— говорит,— пойдем на охоту теперь. Я тебе лосей добуду, если увидим, вези их домой себе.

Идут однажды, что-то под вечер, смотрят: стадо лосей стоит там.

— Ну, вот,— говорит,— эти лоси. там шесть ли, семь ли штук стоят вместе, в куче. Сейчас у меня камень в руке, я его кину, и все трои будут.

— Да ну!

— Правда. Ты своей штукой вчера кидал, это что! Я думал, это соринка мне в глаз попала. Оказывается, ты в меня стрелял. Вот увидишь, как я сейчас стрелять буду. Вот эти лоси все сейчас упадут.

Берет камень и кидает. И прямо как будто все как в один улеглись, упали, в общем, в кучу их завалил.

— Вот видел, бери их, разделявай и вези домой. А я себе других подыщу.

Менк-ики ушел. Он их там разделал, там переночевал. На следующий день — что у него — дом близко — он их домой вывез, рассказал все.

— Вот,—говорит,— я так и не ходил на охоту.

Ему и на зиму хватит этих лосей. Так их домой вывез, так и сейчас, наверно, живет.

75. Ловушка для Менк-ики

Весной раньше на рыбалку сами спускались¹. На Малом Югане также однажды сами спускались. Время как раз пришло, спускаться нужно. А вот один Менк-ики тоже был. Думает: «Как Юган перегородить?»

Он все таскал с этих краев всякие сосны, лесины, чтобы Юган перекрыть, чтобы люди не проезжали, не проплывали. Он решил Юган закрыть. Вот с этих краев таскает все. Лесину дернет, тащит на себе и через Юган кидал все. Кидал-кидал, однажды закрыл, видать. Как раз ханты спускаются, смотрят: Юган перекрыт. А он сам стоит через Юган, ноги расставил и назад смотрит, что там делается. Ханты увидели, что он стоит, Юган перекрыл специально для них. Думают: «Что с ним сделать?»

А что сделаешь? Как-то надо его убить, а как такого великана убьешь? А так вот — запросто можно. Подумали и придумали. У него тропа есть, где лесины таскал. Там надо большую такую яму выкопать, пока его нету, и иглы острые поставить в яму. Он туда обязательно свалится. А яму сверху прикрыть. Потом все же сделали эту яму, большую вырыли. И вот иглы такие острые, не знаю — железные или деревянные, наставили. Потом прикрыли ее листьями как ни в чем не бывало. Натаскали всего². А он пока ходил туда-сюда, они этокрытие открыли, растолкали по бревнышкам загородку на реке, отплыли. А Менк-ики все мало, пошел опять по тропе. А он когда идет, рассказ у него есть, про себя бормочет. Пока шел, прямо в яму, в эти иглы упал, так и с концом. И они его там сожгли.

76. Кто умнее

Идет человек на охоту по лесной тропинке, вдруг навстречу ему Менк-ики. Говорит ему Менк:

— Человек, ты очень бледен.

Человек:

— Потому я очень бледен, что на обласе переехал океан по названию бубен.

— А ты храбрый человек. Давай сказки будем говорить друг другу; кто кого победит, тот того и сожрет.

Менк:

— Одна луна и одна кельщ, что за зверь?

Человек:

— Когда люди живут одним умом, можно и деревню и город построить.

Менк:

— Две луны, две кельщ, что за зверь?

Человек:

— То, что видел двумя глазами, не забылось, не пропало.

Менк:

— Три луны, три кельщ, что за зверь?

Человек:

— В зверя или птицу стреляная стрела с тремя крылышками мимо не пролетит.

Менк:

— Четыре луны, четыре кельщ, что за зверь?

Человек:

— Четырьмя руками и ногами землю божью исходил вдоль и поперек.

Менк:

— Пять лун и пять кельщ, что за зверь?

Человек:

— Когда стоит пять чумов рядом, то всегда есть и топор, и нож.

Менк:

— Шесть лун и шесть кельщ, что за зверь?

Человек:

— На нарте оленьей с шестью перекладами изъездил землю божью вдоль и поперек.

Менк:

— Семь лун и семь кельщ, что за зверь?

Человек:

— Когда бывает лето из семи месяцев, то в складах и домах пусто становится.

Менк:

— Восемь лун и восемь кельщ, что за зверь?

Человек:

— Когда бывает лето восемь месяцев, в складах и домах полно всего.

Менк:

— Девять лун и девять кельщ, что за зверь?

Человек:

— Ивлап, аслап. Из девяти месяцев лета не бывает и зимы не бывает, сейчас я тебя топориком изрублю на мелкие куски.

Менк испугался, что человек умнее его оказался, и убежал обратно своей дорогой.

77. Манть-ку

Пошел Манть-ку в лес и там заночевал. У него огня не было, нечем огонь развести. Он в один дом зашел, там человек жил, совсем один. Манть-ку у него огня попросил, но тот человек ему отказал. Он говорит Манть-ку:

— Ты мне сказку Расскажи, тогда дам тебе огня.

Манть-ку отвечает:

— Никакой я сказки не знаю.

Схватил огонь и побежал. Человек догнал Манть-ку, отобрал у него огонь и говорит:

— Придумай сам и Расскажи мне хорошую сказку.

Манть-ку начал рассказывать:

— Жили мы, жили, и однажды родился мой отец. Падо было сделать поры, но ничего у меня не было, нечем поры сделать. Пошел я тогда на охоту и вижу: пять лосей на одной ноге стоят. Я выстрелил в ногу, и все лоси упали. Не могу их до дома донести. Тогда я из лосиной шкуры веревку сделал, эта веревка до самого дома дотянулась. Я стал ее огнем нагревать. Веревка от огня все больше и больше сжимается, так лосей я до дома дотащил. Сделали поры. Живем, живем, и у меня родилась мать. Опять поры нечем делать. Пошел я на охоту, вижу: пять коров на одной ноге стоят. Я в одну ногу выстрелил, все коровы упали. До дому дотащить я их решил так же, как и лосей. Сделали поры. Так у меня мать и отец появились. Потом ко мне с неба семь сыновей Торума спустились. Они сказали, чтобы я им кисы сделал. Они спрашивают: «Когда сделаешь?» Я им определенное время назвал. Спустились сыновья Торума к этому времени на землю, а я не успел к сроку кисы сделать. Сыновья Торума рассердились. Они схватили меня и на небо понесли. Когда я упал, то по пояс в земле оказался. Вдруг вижу: лиса бежит. Я ее за хвост схватил. Лиса увернулась, а у меня в руке комок оказался. Развернул я комок, а там бумага. Стал я эту бумагу читать. Там было написано, что ты моему отцу сто рублей должен. Вот видишь, а ты для меня огня пожалел.

Этот человек долго думал, когда он в долг у Манть-ку сто рублей брал.

78. Арых-лунк

Арых-лунк — огромный черт, ростом с кедр. Они давно жили, когда травы и деревьев еще не было на земле. Дом их был в огромном соленом озере.

Один мужик в обласке по Оби плавал, рыбачил. Вдруг небо потемнело, солнце кто-то закрыл. Мужик поднял голову и увидел, что огромная черная туча через Обь перелетела. Это Арых-лунк украл жену у другого Арых-лунка и убежал от него. Прошло совсем мало времени, смотрит мужик: бредет к нему Арых-лунк, огромный, высотой с кедр, и спрашивает:

— Мужик, ты не видел, как огромный человек здесь пробежал?

А мужик ему отвечает:

— Нет не видел, только вот огромная черная туча пронеслась вон в ту сторону, я видел.

— Это Арых-лунк украл мою жепу и убегает. Как услышишь, что земля трясется, а вода в Оби заплещется, это значит, мы деремся.

Сказал так Арых-лунк и побежал в ту сторону, куда мужик показал. Вскоре земля задрожала и вода в Оби плескаться начала. У мужика обласок чуть водой не разбило. Вернулся Арых-лунк со своей женой и говорит мужику:

— Как же мне тебя отблагодарить за то, что ты мне путь указал?

Мужик ничего не ответил. Тогда Арых-лунк оторвал клочок от своей рубахи и бросил мужику в обласок. Обласок чуть не перевернулся — так много было товара¹.

79. Налимы печенки

Жили-были старик со старухой. Старик на реке сделал запор. Наступило утро. Старик пошел смотреть запор. Гимгу насилу поднял. Гимга была полна рыбой — один налим. Рыбу домой вывез. самого крупного налима выбрал на уху, выпотрошил и говорит старухе:

— Пока уха варится, я малость сосну.

Налимина сварилась. Старуха рыбу сложила в отдельную чашку. Печенки тоже сложила в отдельную чашку.

— Уха сварилась, вставай налимину есть, — будит старика старуха.

Сели есть наlima. Смотрят — а в отдельной чашке нет ни одной налимьей печенки. Старик молчит. Рыбу убрали. День прошел.

На другой день старик пошел смотреть запор. Гимга полна рыбой, больше прошлой добычи. Рыбу домой вывез. Тоже выбрал крупного налима, выпотрошил его, сказал старухе:

— Пока варится уха, я малость сосну.

Старик лег. Налимина сварилась. Старуха рыбу в отдельную чашку сложила, печенки тоже сложила в другую чашку. Стала будить старика.

— Вставай рыбу есть, — говорит старуха.

Старик встал. Сели за стол. Старик смотрит: в чашке ни одного куска печенки нет.

— Куда ты девала печенки? — старик спрашивает.

Старуха говорит:

— Котел очень долго кипел. Печенки разварились и, наверное, растаяли.

Налимины поели, ухи напились. Старуха говорит:

— Завтра я пойду по ягоды. Ты дома побудь.

Наступило утро. Старуха ушла в лес. Старик остался дома. Сидит, строгаёт дранки для плетения гимги. Смотрит: в углу избы стоявший кожаный мешок вдруг зашевелился. Старик вскочил. Развязал мешок, смотрит, а в мешке сидит старый старик. Борода его от жира печенок совсем вылезла. Старик догадался, в чем дело.

Наступил вечер. Пришла старуха домой. Старик говорит старухе:

— Завтра переедем на другое место.

Ночь прошла. Утром стали готовиться переезжать на другое место. Весь домашний скarb погрузили в лодку. Большой кожаный мешок положили на корму лодки. Старик сел на корму править. Поехали.

Доехали до середины реки. Старик ногой пнул этот большой мешок. Мешок скатился в воду. Старуха стала ругаться:

— Говорила тебе, мешок мой в воду не скатился бы.

Мешок в воде плавает, старик в нем кричит:

— Сделайте такую милость, возьмите меня, спасите! Чего только вы пожелаете, то вам и будет!

— Таким вороватым людям, как ты, я не верю никогда. За твой злой умысел пропадай тут.

Старик со старухой вернулись обратно. На старом месте стали жить. Старик запор высматривает. Каждый раз гимга полна рыбой. Уху варят. Пока уха варится, старик отдыхает. Уха сварится, садятся за стол. Чашки с рыбой полные. Чашки с печенками полные. Еды вдоволь, стали жить хорошо. И, наверное, они сейчас еще живут да поживают да нас с тобой вспоминают.

80. Леший

Жил хант. Сделал запор на Оби, установил гимгу. Пошел домой. Назавтра пошел смотреть запор. Но запор кем-то уже недавно был высмотрен. На другой день пошел смотреть. А запор опять кем-то уже высмотрен¹. На третий день пошел смотреть. Запор также перед его приходом только что был высмотрен.

— Кто же это высматривает мой запор? — сам с собой говорит. — Постой, подкараулю его, кто это так озорничает!

И вот он спрятался в конце берегового запора. Наступила полночь. Слышит, кто-то идет. Видит: лыжник идет к забору. Оказывается, это леший². Подошел к забору, поднял одну гимгу. Хант встал и спрашивает:

— Дяденька леший, что делаешь?

Леший отвечает:

— Видишь, промышляю! Запор высмотрю, и пойдем ко мне в гости.

Вот они пошли. Долго ли, коротко ли так шли они. Неизвестно, какое пространство прошли. Но вот впереди показался лесенничный мыс. Дошли до мыса. Леший спрашивает:

— Как называется этот лиственничный мыс, знаешь?

Хант отвечает:

— Откуда мне знать, как он называется.

Леший говорит:

— На этот мыс сколько людей приходило, ни один живой назад не возвращался.

Хант видит: на сучках большой лиственницы развешаны черепа людей, а внизу возле лиственницы кучками лежат чьи-то кости. Дальше идут. Неизвестно, долго ли, коротко ли так шли. Вдали показались чумы. Подошли ближе. Хант смотрит: семь чумов стоят подряд. Зашли в первый чум. Ханту сварили мяса, накормили, горячим чаем напоили. Леший и говорит:

— Ты, может, в тех чумах погостить желаешь? Если хочешь, так сходи. Только от этого чума в тех пяти чумах можешь побывать. Но только в последний чум (седьмой) не заходи.

Хант вышел на улицу. Подошел к дверям первого чума, слышит: лешие орут, поют. Хотел зайти, но побоялся, не зашел. Подошел к дверям второго чума, также не зашел. И так прошел мимо всех пяти чумов. Смотрит в сторону последнего чума. Видит, за чумом стоит человек, делающий нарту, похож на ханта.

— Схожу-ка туда, — говорит, — ничего страшного нет, свой человек, видать.

Подошел к нему, поздоровался. Разговорились. При этом он оказался низовский ненец, из рода Ванокан³. Так, поговорив между собой, побратались. Зашли в чум. Здесь за столом, угощая ханта, Ванокан предупредил его:

— Ночью будь осторожным, не спи. Если уснешь, леший может убить тебя.

После угощения хант вышел на улицу. Пошел к чуму лешего. Лешему сказал:

— В пяти чумах я побывал. В седьмой чум ты не велел, я не заходил.

Леший на это ничего не сказал. Наступила ночь. Легли все спать. В полночь леший тихонько шепнул своей дочке:

— Иди принеси мою большую внешнюю шкуру быка и большой остроконечный, сердце коня достающий мой нож занеси.

Дочка его быстро вышла на улицу. Прошло немного времени, занесла большую внешнюю шкуру оленя и остроконечный нож. Леший постелил шкуру на пол, взял остроконечный нож. Положил спящего ханта на шкуру оленя. Хотел было зараз его заколоть, да нож в руках его повернулся концом острия вверх. Приготовился второй раз заколоть, но опять нож так же повернулся. Третий раз стал готовиться, но тут хант пошевелился. Нож из рук лешего сорвался и воткнулся в голову самого лешего. Тогда леший молча улегся спать.

Утром лешие послали своих пастухов — волка и медведя — пригнать стадо оленей к стойбищу. Прошло немного времени, пригнали стадо в загон. Запрягли семь легковых нарт и одну нарту запрягли для ненца и ханта. Все поехали к лиственнично-

му мысу. Приехали туда, зарезали оленя, поели сырого мяса. Затем сварили котел мяса. Расселись у костра. На одной стороне костра сели полукругом семь леших. На другой стороне сели рядом Ванокан и хант. Поев вареного мяса, старший леший сказал:

— Перед закатом солнца следует борьбу устроить. Бороться будем так: кто будет в борьбе побежден, победитель пусть тут же его убивает. Если вы останетесь живыми, все наше стадо и прочее богатство пусть перейдет в ваши руки. Для закрепления моих слов ставлю на бирке свою тамгу, этому последуют и мои братья.

Все семь леших вырезали на бирке свои тамги, затем Ванокан и хант поставили свои родовые знаки на бирке.

После этого хант выступил на место борьбы, против него выступил меньший из леших. Вот схватились два борца. Их борьба недолго продолжалась. Хант, напирая сильно в одну сторону, резко повернул в другую. Бедняжка леший, не ожидая такого приема, не устоял на ногах и хлопнулся на землю. Не успел вымолвить слово — острие ножа вонзилось в сердце его. Из группы леших выступил на борьбу второй. Завязалась борьба ханта со вторым лешим. Хант, набрав полсилы, стал напирать на лешего слева и одним рывком вправо уложил его плашмя на обе лопатки. Не успел тот сказать слова — острие ножа вонзилось в его сердце. Так хант поборол всех шестерых леших и убил их своим чудесным ножом.

Встал на смену Ванокан и говорит побратиму-ханту:

— С тебя, браток, достаточно. С дядькой-лешим на борьбу я встану. Тем временем ты отдохнешь. Если же я убитым буду, ты, я верю, хантыйский род не опозорюшь.

При этом меньший брат молча взял свой чудесный нож, взметнул его кверху, нож, падая вниз, воткнулся в землю до черенка. Тогда он снял свой кожаный ремень, вложил в ножны чудесный нож и подал его брату:

— Я вижу, твой ремень слабоват. Возьми мой пояс, он, надеюсь, выдюжит руки седьмого лешего.

Опясался Ванокан и выступил на место борьбы. Тут дядя леших встал с места и такую речь повел:

— Много здесь хантов и ненцев от моих рук погибло. Ни один живой еще не уходил. Многие годы, а может быть век, их кости лежат здесь на этом мысу. Мыс этот назван нами «Мысом смерти». Моих шестерых братьев меньшей твой брат хогя и убил, но они будут живы, когда вы здесь от рук моих будете лежать мертвыми.

— Да, на слова, видать, ты очень грозный, — говорит Ванокан, — не убив зверя, шкурой не торгуй. Не хвались началом, не ведая конца. Приступая к делу, подумай о конце.

Не стерпел тут леший этих слов, налетел на Ванокана и хотел его с палата сбить с ног. Но леший словно встретился с утесом. Ванокан удержался на ногах. Ни тот, ни другой не слается. Силы равные сошлись. Друг друга не могут осилить в борь-

бе. Пот градом льется с обонх. От пота снег под ногами их растаял до земли. Пар валит от них, словно дым из трубы чувала. Долго боролись. Долго старались друг друга свалить. Под конец леший стал уставать. Собрал он последние свои силы и хотел поднять да наотмашь бросить на землю, но тут суставчики ног и мышцы легшего не выдержали веса Ванокана, и он упал на одно колено. Ванокан навалился на него и прижал к земле.

«Видно, смерть моя пришла», — подумал леший и, как волк, завыл под ненцем:

— Погоди уж, не спеши за нож хвататься. Может, мирно мы борьбу покончим. Даю тебе я слово крепкое: никогда к хантыйским и ненецким промыслам касаться не буду. Пусть свободно каждый хант или ненец в дремучих лесах ставит свои ловушки на всех зверей и птиц.

— Нет, — сказал Ванокан, — мир плохой у нас с тобой. Таких чертей, как ты, надо всех уничтожить. Чтобы хантам и ненцам на промыслах не вредили. И ты здесь должен умереть.

Не стал он дальше слушать речи злодея. Схватил свой нож чудесный и вонзил по рукоять в сердце коварного врага. Пораженный прямо в сердце, леший вздрогнул всем телом. Управившись с лешими, братья собрали большую кучу валежника и хвороста. Развели огромный костер и всех леших бросили в огонь. Затем братья поехали на стойбище к семи чумам. Здесь они решили уничтожить и семьи леших. Имущество сложили в аргиши, оленье стада погнали к себе домой. Здесь все богатство разделили поровну. И наверное, с этим добром и стадом сейчас еще живут да поживают. А может быть, каслают по тундрам Обского края и полярным тундрам Урала.

81. На речке Нинкан-ёган

Жили две семьи на речке Нинкан-ёган. В одной семье жена помладше. У младшей был ребенок, у другой — трое. Собрались мужья на охоту и наказывают женам:

— Ведите себя хорошо, не балуйтесь, а то людоед придет и съест.

Ушли мужья на охоту. Младшая сидит тихо, не балуется, ребенка все качает. У другой ребятишки балуются, она их еще нарочно дразнит: груди вытащит, трясет ими, приговаривает:

— Тютюлявас, палалавас.

Та соседка говорит:

— Тише. Что нам мужья наказывали? Вдруг людоед придет.

Младшая вышла стружки из-под ребенка выбросить¹, а ребенка в подоле держит. Посмотрела на ту сторону Ваха — людоед идет. Забежала:

— Что нам говорили!

Сидят. Людоед перешел через Вах, голова саргой обмотана. В дом не может пройти. Сел на той стороне, где младшая сидит.

Боятся младшая и думает, как бы убежать. У нее ребеночек в подоле. Она говорит:

— Дедушка, я стружку выброшу из-под ребенка?

Он говорит:

— Обязательно в то время, когда я пришел.

Она:

— Надо, раз мокрые.

Она выскочила — и бегом. А тех людоед съел, кишки в чуме развесил, а на улице срубил пень высотой с ее рост и на него надел ее голову. Возвращаются охотники, видят головы. Старший говорит:

— Мои-то вышли меня встречать на улицу.

Видит, на пеньках головы выставлены и платочки надеты. Косточки собрал, горюет сидит. Людоед знал, что охотник будет переживать, и послал свою дочку. Плохо они жили, не разговаривали. Рыбу она наварила, вместо черпалки рукой залезла, обожгла, заорала, отцу хотела пожаловаться. Лунг сказал этому мужчине:

— Первый глоток проглотишь, а от второго умрешь.

Он долго не ел ничего, боялся. Потом стал есть, первый глоток проглотил, а вторым подавился и умер. Младший пошел жену свою искать. С тех пор речка называется Нинкан-ёган (Двух женщин речка).

82. Шесть коварных женщин

Шесть коварных женщин из породы людоедов пошли искать себе мужей. Долго шли по борам и болотам. Идут по дороге, разговаривают о том о сем. Одна нечаянно задела верх гнилушки березовой, а она упала. И встала оттуда молодая девушка. Женщины заспорили. Одна хотела ее сейчас же съесть, другие говорят:

— Возьмем с собой, авось после понадобится.

И решили взять ее с собой. Шли долго ли, коротко ли, вышли наконец к избушке новой, рубленой. А там жили семь братьев неженатых. Девушка досталась одному молодому охотнику. Братья ходят на охоту спозаранку, носят зверей и птиц. Сколько бы они ни носили — все мало, все не хватает. Младшая жена стала мужу жаловаться, что ее обижают и живет она под порогом. Три дня не ходил на охоту меньший брат, выстроил себе избушку отдельную. Теперь им рыбы и мяса всегда хватало. И вот старшие братья говорят женам:

— Близко уже нет зверей и птиц. Пойдем далеко на охоту, а вы экономьте то, что у вас есть.

Ушли все семь братьев на охоту. Живет себе молодуха и не печалится. Однажды дверь чуть-чуть приоткрыла и на порог поставила тарелочку деревянную, в ней несколько кусочков мяса. И говорит жена старшего брата:

— Вот родила сегодня сыночка, да мы съели и про тебя не забыли. А когда у тебя будет ребеночек, тогда и должок вернешь.

На следующий день другая несет, а там и остальные принесли кусочки мяса. Она не стала есть это мясо и поставила на полу. И вот когда у нее родился сын, она все боится, что дознаются злые ведьмы, придут и сожрут ее сына. А сыночек ей все улыбается, на одной щеке луна играет, на другой щеке солнце сверкает. И совсем не думает плакать. И вот вечером взяла те кусочки, которые женщины приносили, подогрела, унесла соседкам. Они расхватали все кусочки. Жуют и говорят, что почему-то нашей кровью пахнет. А другие говорят, что это потому, что отцы одной крови. В одно морозное утро смотрит молодуха, а соседки куда-то собрались, да еще с топорами. Думает:

— Наверно, дознались, что у меня сын жив-здоров.

Схватила сыночка, держит руками и плачет. А как увидела, что женщины идут к ней, так совсем чуть не заledenела, да услышала, как звоночек зазвенел где-то. Видит: с потолка люлька на цепочке спустилась. Она скорее сына в эту люльку положила, и с легким звоном снова эта люлька скрылась в потолке. Зашли к ней соседки коварные и говорят:

— Ну, пойдем деревянные куклы делать, а то с чем мужей-то встречать будем? Детей-то съели.

Молодуха отказалась идти с ними. Целый день рубили, строга-ли, и к вечеру куклы были готовы. На следующий день вернулись мужья с охоты, женщины встречают их со свертками. Как отец ребеночка поделует, так с лица скатится. А молодуха меж тем думает: «Когда же люлька появится? Или совсем унесла ее нечистая сила?»

Вдруг услышала, звоночек зазвенел, и люлька появилась. Она схватила сына и скорее встречать мужа идет. Младший брат целует сына, и ничего не делается с его лицом, лишь улыбается. А старшие братья привязали к хвостам шести коней своих жен и пустили их по лесу с криком, чтоб когда еще поколение будет меняться, то не появлялись бы на свет такие коварные люди. А младший брат стал со своей женой жить-поживать на белом свете. Может, и сейчас живут.

83. Кирп-нюлуп-ими

Живут женщина и мужчина. У них три сына. Пришла осень, люди начали собираться в лес на охоту. Старший сын сказал:

— Отец, я тоже пойду с людьми.

— Зачем ты пойдешь? Не ходи.

Люди нагрузили свои нарты, он тоже нагрузил свои. После того как они отправились, долго были они или коротко были они, надумали вниз домой идти, поставили нарты по направлению вниз¹. А он поставил свои нарты к лесу. Товарищи удерживают его:

— Дай нам домой уйти.

— Почему вы меня удерживаете? Я отправлюсь в лес, вы отправляйтесь домой.

Его товарищи отправились домой, он отправился в лес. Пришел к лесной избушке, развел огонь, приготовил котел, котел был готов. К нему пришла Кирп-нюлуп-ими, вошла в избушку, села к огню, начала зевать, встала, проглотила его целиком.

Долго или коротко жили, пришла осень, люди собрались отправляться в лес. Старший сын старика сказал:

— Отец, я тоже пойду.

Отец сказал:

— Из двух оставшихся сыновей у меня, наверно, останется один, зачем тебе идти? Ну, если хочешь, то иди.

Людам он сказал:

— Будьте добры, станете уходить домой, приведите его.

Долго или коротко жили, стали уходить домой, поставили свои нарты по направлению вниз. Он поставил свои нарты к лесу. Товарищи удерживают его:

— Будь добр, не ходи туда.

— Почему вы меня держите? Я вас всех топором изрублю.

Он пошел вперед в лес, в конец той дороги, пришел туда, тут много готовых нарубленных дров, развел огонь, приготовил пищу. В избушку вошла Кирп-нюлуп-ими, точно так же села к огню. Он испугался. Кирп-нюлуп-ими начала зевать, встала, проглотила его.

Настала осень, люди опять собрались в лес. Последний брат сказал:

— Отец, я пойду с ними.

— Зачем ты пойдешь? Два твоих ушедших брата — где они? Не ходи.

— Пойду.

— Ну, дорогой сын, иди, если ты не слушаешь моих просьб.

Люди отправились в путь, и он отправился в лес. Пришли они к избушке. Долго были или коротко, стали вниз уходить. Он поставил свои нарты к лесу, пошел в лес, пришел к лесной избушке, развел огонь, приготовил пищу, положил шомпол в огонь. Пришла Кирп-нюлуп-ими, вошла в избушку, сказала:

— Как твое имя?

— Мое имя — Прошедшая Весна.

Он смотрит: шомпол уже стал как огонь, схватил его, воткнул ей в середину живота. Она закричала:

— Прошедшей Весной я проткнута!

Выскочила, побежала домой. Ее дети говорят:

— Кто это тебе сделал?

— Прошедшей Весной я проткнута.

— И только теперь стало больно?

Он пришел домой, играющие дети его заметили:

— Старик, старик, ваш сын пришел.

— Болтовня, что за сын живой до сих пор?

Они живут в благополучии до сегодняшнего дня.

84. В прошлую весну уехавший

Жили муж с женой вдали от всех в лесной чаще. Однажды муж сказал:

— Я съезжу в осеннюю избушку¹. Скоро зима, пора готовиться к ней.

Сказал — поехал. Запряг собачью упряжку, долго ехал, коротко ехал, наконец приехал. Вошел в избушку, чувал растопил, котелок повесил. Когда тепло стало в избушке, из чувала кто-то произнес:

— Как тебя зовут?

Мужик совсем испугался и сказал:

— Мое имя — Прошлой Весной Уехавший.

Мужик вскипятил воду, облил весь чувал. Маленькая ведьма закричала на весь лес:

— Прошлой Весной Уехавший спину мне обжег, спину обжег!

Сбежались ведьмы к маленькой ведьме, стали спрашивать, почему она только сейчас опомнилась, ведь год уже прошел.

— Где его искать?

В это время мужик запряг собачью упряжку и уехал поскоре́й прочь от беды.

85. Три брата

В каком-то царстве или княжестве жили три брата. Два брата целыми днями охотятся за боровой дичью, за болотной дичью, а младший брат целыми днями сидит у очага, золу и песок ворошит. Звали его Ратпархо-Хишпархо¹. Так они и жили. Однажды старший брат говорит:

— До каких пор мы будем жить одни? Где-нибудь люди ведь живут. Я схожу туда, понищу, где мужчины и женщины живут. Оставлю вам стрелу, вы смотрите на нее: когда на ней кровь появится, тогда ищите меня, значит, что-то случилось со мной.

Собрался старший брат, расцеловался с братьями и отправился в дорогу. Осталось двое братьев. Однажды посмотрели на стрелу брата, оказывается, кровь шла из нее, но давно высохла. Стал собираться в дорогу средний брат, чтобы старшего разыскать. Расцеловались братья перед дорогой. Средний брат сказал:

— Я стрелу оставляю. Когда из моей стрелы кровь пойдет, значит, что-то со мной случилось. Тогда иди меня искать.

Младший брат Ратпархо-Хишпархо остался один. Долго так жил, коротко так жил, однажды видит, что из стрелы среднего брата кровь когда-то текла, да высохла. Собрался Ратпархо-Хишпархо в дорогу. В лес зашагал, куда глаза глядят, куда уши слышат. Шагает он, вздыхая, и думает о братьях. Долго шел, коротко шел, наконец почувствовал: спина устала, плечи устали. Видит, вдали среди деревьев река блестит. Ратпархо-Хишпархо подошел к реке. За рекой он увидел избушку и стал кричать, чтобы его перевезли через реку. Из избы вышла Кирп-нюлуп-ни

и подошла к берегу. На лодке переехала через реку. Лодка воткнулась в берег, и Ратпархо-Хишпархо хотел сесть на середину лодки. Кирп-нюлуп-ими сказала:

— Не садись туда. Это святое место. Сядь на нос лодки.

— Отчего оно святое? — спросил Ратпархо-Хишпархо и сел на середину лодки.

Кирп-нюлуп-ими перевезла его через речку и спросила:

— Куда ты идешь, дорогой сыночек?

— Иду искать своих братьев. Ты здесь никого не видела?

— Нет, внучек, я здесь никого не видела, — ответила Кирп-нюлуп-ими. — Я здесь одна в своей избушке-деревушке живу.

Они вошли в избушку. Кирп-нюлуп-ими стала варить заячье мясо. Ратпархо-Хишпархо лег в постель отдохнуть, а сам смотрит в дальний угол краешком глаза. Оказывается, там человеческие кости лежат. Ратпархо-Хишпархо думает: «Видимо, она сожрала моих братьев. Надо смотреть за ней». Сварилось заячье мясо, и они стали есть. Кирп-нюлуп-ими заячьи головы съела. Ратпархо-Хишпархо краешком глаза наблюдал за ней. Вдруг Кирп-нюлуп-ими прицелилась и бросила в Ратпархо-Хишпархо заячью голову. Но он поймал ее на лету и бросил обратно. Голова зайца попала в Кирп-нюлуп-ими и убила ее.

Тогда Ратпархо-Хишпархо развел костер и бросил туда Кирп-нюлуп-ими. Когда она совсем сгорела, он потушил искры, разлетевшиеся вверх и вниз, оставшуюся золу развеял и сказал:

— Пусть никогда на белом свете не будет такой гадости.

После этого Ратпархо-Хишпархо погоревал около костей братьев и пошел по берегу куда глаза глядят. Шел, шел, смотрит: на одном дереве гнездо орла. В гнезде птенцы кричат, есть хотят. Ратпархо-Хишпархо наловил у берега мелкой рыбы и накормил птенцов. Птенцы-орлы ему сказали:

— Спрячься сейчас в кусты.

Скоро он увидел, как вдали появились два орла. В лапах они несли мясо для птенцов. Сели орлы в гнездо, подают птенцам пищу, а те отворачиваются. Рассердились орлы:

— Что вы ели, если есть не хотите?

Отвечают птенцы:

— Нас человек накормил свежей рыбой. Мы не хотим есть, очень вкусная рыба была.

— Скажите, где он сейчас? Ему спасибо нужно сказать, он хороший человек.

— Вон там он сидит, спрятавшись, — показали птенцы.

Ратпархо-Хишпархо вышел из укрытия. Орлы сели на землю, поблагодарили его и спросили:

— Откуда ты пришел, парень? Проси, чего хочешь, все сделаем.

Подумал немного Ратпархо-Хишпархо и сказал:

— Ничего мне не надо. Только вот горе у меня: Кирп-нюлуп-ими сожрала моих братьев, только кости остались. Если бы вы их оживили!

Тогда один орел сказал:

— Это нетрудное дело. Я знаю, живую воду ворона найдет. Мы слетаем за живой водой, а ты покорми наших птенцов.

Орлы улетели, а Ратпархо-Хишпархо остался кормить их птенцов. Прилетели орлы к гнезду вороны и отобрали у нее птенцов. Ворона заплакала-завыла. Орел сказал:

— Слтай и принеси мертвую и живую воду, а не то проглочу твоих птенцов.

Ворона быстро слетала куда-то и принесла мертвую и живую воду. Орел разорвал птенца вороны, брызнул на него мертвой и живой водой. Действительно, птенец ожил. Тогда орлы отдели вороне птенцов и полетели с мертвой и живой водой к Ратпархо-Хишпархо. Обрадовался он и отправился туда, где кости братьев лежали. Сначала он сбрызнул кости мертвой водой, они срослись. Сбрызнул второй раз, мясоросло на них. Третий раз сбрызнул их живой водой — братья ожили и глаза открыли.

— Как мы долго спали. Кто нас разбудил?

— Вы бы еще спали, если бы я вас не оживил.

Расцеловались братья и домой отправились. Решили они и дальше так дружно жить. И до сих пор живут счастливо-удачливо.

86. Две сестры и баба-яга

Вот жили две сестры, старшая и младшая, в одной избе. Младшая сестра красивая, старшая не сильно красивая. Прибегает младшая сестра к старшей и говорит:

— Сестра, я хочу сегодня идти.

— Куда?

— Куда глаза глядят. Скучно что-то, не по себе.

Идет, идет, вдруг — такая красивая песочная дорога. Шла, шла по ней, уже захотела есть. Думает: «Сейчас пообедаю, пойду дальше».

Собирает дрова костер разжечь. Гнилой пень обломала, вдруг снизу слышит, кто-то говорит под землей:

— Кто это мне трубу сломал? Иди сюда!

Зашла под землю, там в избе старуха шогмаш-пюнким (баба-яга). Она спрашивает:

— Пустишь почевать меня?

— Почуй, только трубу наладь, дров принеси, воды принеси, пол помой.

Она трубу наладила, воды принесла, пол помыла, стала почевать. Старуха спрашивает:

— Куда ты, девушка, отправилась?

— Просто пошла куда глаза глядят.

— Пойдешь дальше?

— Пойду дальше.

— Ты мне хорошо сделала, я тебе тоже хорошо сделаю. Завтра пойдешь по дороге, потом две дорожки будут — одна на-

право, другая налево. Иди по левой. Иди, иди, там амбар старый в лесу. Заходи туда, там стоят ящики — золотые и грязные. Ты бери самый последний, плохой, золотой не бери. Обратного пойдешь, там все белки и ронжи кричать будут: «Покажись нам, какая ты есть!» Ты иди своей дорогой, не оглядывайся, с ними не разговаривай.

Вот она идет, идет, видит две дорожки — одна направо, другая налево. Она пошла по левой. Вдруг в лесу амбар стоит. Она зашла, там много ящиков — золотые и всякие. Она взяла самый плохой. Идет обратно, ронжи ей кричат по-человечески:

— Девушка, взгляни на нас, покажись, какая ты есть!

Она слова не сказала, идет дальше. Шла, шла, пришла к бабушке, рассказала ей все.

— Молодец, что так сделала. Домой придешь, ящик под подушку положи, никому не говори.

Она пришла домой, к сестре не зашла, уснула. Утром спит крепко, слышит, кто-то ее будит:

— Вставай, я есть хочу.

Она думает: «Кто такой?»

Встала: такой красивый парень сидит. Она обрадовалась, что такого красивого парня встретила, стала его целовать, обнимать. Сварила еды, покормила его. Старшая сестра видит, что из трубы дым идет, прибежала, спрашивает:

— Где ты такого красивого жениха достала?

Она говорит:

— Иди к бабушке, она тебе все расскажет.

— Отдай мне парня!

— Нет, не отдам!

Начали они драться. Старшая сестра младшую всю поцарапала. Он стал заступаться за младшую:

— Все равно не буду с тобой жить, уходи.

Ушла старшая сестра, потом пришла мириться. Эти двое стали жить. Старшая сестра тоже пошла. Идет, идет, такая красивая песчаная дорога. Дальше идет, уже есть захотела. Думает: «Сейчас дров соберу, костер разведу».

Стала гнилой пень ломать, слышит голос из-под земли:

— Кто это мне трубу сломал? Иди сюда!

Зашла под землю, там старушка в избушке живет, погмаш-пюнкум. Она спрашивает:

— Пустишь ночевать меня?

— Ночуй, только трубу наладь, пол помой, воды принеси.

Она трубу наладила, пол помыла, воды принесла. Стали они ночевать. Утром старуха спрашивает:

— Куда путь держишь, девушка?

— Сестра мне рассказывала, что она парня красивого в амбаре достала, я тоже туда пошла.

— Ты мне хорошо сделала, я тебе тоже хорошо сделаю. По дорожке пойдешь, потом две дорожки будут — одна направо, другая налево. Иди по левой. Иди, иди, там амбар старый, заходи

туда. Там ящики стоят всякие — золотые и плохие. Ты бери плохой, золотой не бери. Обратнo пойдешь, тебе белки и ронжи кричать будут: «Девушка, оглянись на нас!» Ты их не слушай, иди своей дорогой, не оглядывайся, с ними не разговаривай.

Идет, идет, вдруг две дорожки — одна направо, другая налево. Она пошла по левой. Вдруг видит амбар старый. Зашла в него, увидала ящики. А там парни-невидимки жили — это вонтулки, красавцы, они ящиков поставили. Она не послушала старуху и взяла золотой ящик. Идет обратно, ронжа ей кричит:

— Девушка, загляни к нам, покажись, какая ты есть!

Она туда посмотрела, разговаривает, болтает с ронжей. Идет дальше, белка кричит ей:

— Девушка, загляни к нам, покажись, какая ты есть!

Она с белкой тоже разговаривает, болтает. Приходит к старухе:

— Вот я какой ящик взяла.

— Ну, какой взяла, такой и бери, сама выбрала.

Переночевала у старухи, пошла домой. Пришла домой, под подушку ящик положила, к сестре не пошла. Думает, что хорошего парня принесла. Утром ей так спать хочется, слышит, кто-то ее будит:

— Вставай, я есть хочу.

Она встала, а это старый-старый старик, вся голова саргой обмотана. Это Сэвс-ики был. Он молодой парень, только заколдованный, поэтому старый.

— Не хочу с тобой жить!

— Не будешь меня кормить, я себя съем!

Осталась с ним жить, что поделаешь: жить-то хочется.

87. Дочери Менк-ики

Жили муж с женой, у них не было ни сына, ни дочерей. Муж ходил на охоту с лошадей, с утра до вечера. Однажды тоже собрался, коршун ему навстречу летит и кричит:

— Тебя в город зовут, там родня твоя.

Он думает: «У меня нет родни. Что он кричит? Домой приду, жене расскажу, она знает». Домой приехал, жена кушать поставила. Он поел и забыл спросить. На следующий день собрался на охоту с лошадей. Ездил, ездил, опять коршун кричит и зовет его к родне куда-то. Он думает: «У меня нет родни. Что он кричит? Как я забыл у жены спросить? Сегодня спрошу».

Набил лисиц, соболей столько, что у лошади спина согнулась. Домой пришел, поел, опять все забыл. На следующее утро опять собрался на охоту, снова коршун зовет в гости.

— Что этот коршун привязался ко мне? У меня нет родни, и я забываю у жены спросить. Надо что-то придумать.

Взял палочку, к пуговице привязал, чтобы она подсказала. Добыл дичи, рыбы, соболей, лисиц всяких. Домой приходит, жена

ставит на стол. Он покушал, опять собирается. Жена постель стала готовить, взяла его шубу, там палочка болтается.

— Зачем ты палочку привязал?

— Это уже третий день хочу спросить, хорошо, что ты увидела. Как уеду на охоту, коршун прилетает и к родне в город зовет.

— Какой ты, муж, дундук! У меня же отец-мать в городе, к ним каждый день Менк-ики приходит. Нас туда зазывает, что ли?

У нее отец был царь в этом городе. Муж говорит:

— Давай завтра поедем.

Поспали, на следующий день собрались, поехали. Приехали к городу, приходят к ее отцу. Заходят. Тут царь пригляделся, что это зять и дочь.

— Хорошо, что вы приехали, я вас давно вызываю. Сколько богатырей вызывали — никто не справится с Менк-ики, он людей съедает. Может, ты, зять, справишься?

— Где мне справиться!

— Может, справишься?

Вечером все уснули, он оделся, меч взял и пошел. А там было две улицы: одна центральная, другая поменьше. Они воротами были закрыты. Он ходил, ходил по улице, думает: «К каким воротам встать?» Стал к большим. Слышит шум. Кто-то идет и напевает:

— Тэри-ери-рыпер.

Так и идет. Из-под льда выскакивает и к воротам идет. Спрашивает:

— Эй, столбы, вы не видели, здесь богатырь был?

— Он около нас стоит.

Менк-ики сразу убежал. Тот пошел домой, лег спать. Проснулся — шум стоит. Там купцы, работники стоят. Царь взял палку-кочергу и машет:

— Что вы шумите? Здесь же человек спит!

Он вверх посмотрел:

— Я не сплю, так лежу.

— Как же, ты ночью трудился. Я с утра весь город обошел, ничего не случилось, люди все целые, даже собаки на месте.

Зять говорит:

— Надо поры сделать.

— Это, думаешь, трудно?

Собрали семь лошадей, с народом поры сделали у ворот, где он стоял. К вечеру все ушли. Он собрался, оделся хорошо и пошел. Ходит туда-сюда, думает: «Вчера на большой улице стоял, сегодня на маленькой улице встану». Встал у ворот. Немного погода слышит, опять идет и поет:

— Тэри-ери-рыпер.

Выскакивает из-под льда на берег и стал спрашивать:

— Эй вы, ворота! Вы мне сестры и братья, должны рассказывать, тут один богатырь был, он уехал или нет?

Столбы говорят:

— Он около нас стоит.

Тот испугался и ушел. Он думает: «Больше не придет, пойду домой».

Утром проснулся, слышит шум. Царь своей палочкой всех гоняет, бьет:

— Человек спит, что вы кричите?

— Не тревожьте людей, я не сплю.

— Ты же трудился, я с утра весь город обошел. Ходил — все живы, даже с собаками ничего не случилось.

— На маленькой улице тоже надо поры сделать.

— Разве это трудно? Это можно.

Сделали у ворот на маленькой улице поры, все разошлись. Когда стемнело, взял меч и пошел. Ходит по улице туда-сюда, думает: «Вчера на маленькой улице был, сегодня, наверно, подойду к большим». Встал, слышит, кто-то идет-поет:

— Тэри-ери-рыпер.

Выскочил из-под льда и сразу к столбам:

— Вы же мои сестры-братья. Скажите, где-то тут богатырь, он уехал или здесь еще?

— Он давно уехал, и его след простыл.

Ему не верится. Там, где обувь валяется, за воротами, стал их искать.

— Эй вы, башмаки, вы же мне сестры-братья. Должны сказать, где этот богатырь.

— Он же у ворот стоит, тебя ждет.

Тот с этими же словами убежал обратно. Пошел домой, уснул. На следующий день опять царь палочкой всех гоняет:

— Не мешайте спать человеку.

Снова все так же было, теперь поры башмакам сделали. Собрали семь лошадей, народ помолился. Вечером он собрался, оделся хорошо и меч взял. По улицам ходит, думает: «Вчера я его на большой улице напугал, сегодня здесь встану». Только подошел, встал у столба, слышит, тот бежит, поет:

— Тэри-ери-рыпер.

Из-под льда выскочил, спрашивает:

— Вы, столбы, вы же мне сестры-братья. Должны сказать, где богатырь.

— Он уже давно уехал, его и след простыл.

Ему не верится. Он подошел к башмакам, стал их пинать:

— Эй вы, башмаки, вы же мне сестры и братья. Должны сказать, где-то здесь богатырь был, он уехал или нет?

— Так он же за воротами стоит.

Тот убежал. Наутро встал, теперь башмакам у этих ворот поры сделали. На другой вечер стемнело, он собрался, оделся, меч взял. По улице ходит, думает: «Вчера я на маленькой улице испугал, сегодня он к большой подойдет». Притаился, слышит — он идет, говорит:

— Тэри-ери-рыпер.

Из-подо льда выскочил и стал башмаки пинать:

— Эй, башмаки, вы же мне сестры и братья. Должны сказать, уехал богатырь или нет.

— Он приезжал и уехал, его и след простыл.

Тот к воротам подошел:

— Эй вы, столбы, вы же мне сестры, братья. Скажите, уехал богатырь или нет?

— Так он же приезжал и давно уехал.

Стал ворота тот открывать, он меч приготовил, размахнулся, и что-то мягкое упало. Усы у него отсек, а его уже нет. Ус замотал в платок, домой пришел, уснул. Утром слышит шум, царь бегаёт, палочкой всех бьет:

— Не шумите, человек спит.

— Пусть разговаривают, я уже не сплю.

— Как же, ты всю ночь трудился. Я с утра весь город обошел, все люди целые, и собаки никуда не делись. Зять, где теперь поры делать?

— Нигде пока.

Стемнело, все успокоились. Он собрался, меч взял, пошел. Ходит туда-сюда, думает: «Где же притаиться? Вчера я его напугал на большой улице, сегодня должен к малой подойти».

Немного погода идет с такими же словами:

— Тэри-ери-рыпер.

Из-подо льда выскакивает, стал башмаки пинать:

— Вы, башмаки, сестры и братья. Должны сказать, где богатырь.

— Он приезжал и давно уехал.

Подходит к воротам:

— Эй вы, столбы, вы же мне братья и сестры. Должны сказать, где богатырь.

— Он уже давно уехал.

Стал открывать ворота, заходить. Он мечом замахнулся, что-то упало. Смотрит: он ему один бок вырубил, а сам он ушел. Думает: «Больше не придет сегодня, пойду спать».

Утром проснулся, дома ни души.

— Как это так?

Ему не верится. Стал в окно смотреть. На маленькой улице народ что-то делает. Вышел, к воротам подошел, а у ворот все хотят убрать бок, а сил не хватает. Улица загорожена, по ней не пройти. Царь говорит:

— Это ты натворил, зять. Людям прохода нет.

— Вы шутите, что ли? Такой маленький кусочек не можете поднять!

Взял на плечо, унес. Пошел домой, думает: «Надо проверить, где он живет. Я его ранил, надо за ним идти».

Царь говорит:

— Сходи, только осторожно.

Пошел по следам — кровь везде. Шел, шел через море, подошел, а там дорожка к берегу. Пришел, смотрит: домишко без

окон. Он смотрит через дыру в потолке. Менк-ики уже издох. У него три дочери, сидят, плачут. Он улыбается: плачьте, плачьте.

— А, вот кто нашего отца угробил! Мы тебе наворожим, ты долго не будешь жить.

Старшая сестра говорит:

— Я буду ворожить.

За жердь в крыше одной ногой зацепилась, повисла:

— Домой пойдет, на охоту пойдет, за лосиным следом погонится, ему пить захочется, а я превращусь в озерко. Он станет пить, а я его съем.

Слезла с жерди. Средняя говорит:

— Разве так ворожат? Дай-ка я.

Ногой за жердь зацепилась, повисла, говорит:

— Он домой придет, охотиться пойдет по лосиному следу, замерзнет, дров наколет и будет бересту искать, а я в пень березовый превращусь. Он пень дернет — я его съем.

Младшая говорит:

— Разве так ворожат? Вот я поворожу. Он домой придет, на охоту пойдет, лосиный след увидит, погонится...

Что-то про себя прошептала, а он не услышал. Ему надоело слушать, пошел домой, говорит:

— Теперь не бойтесь, людоеда я прикончил.

Собирается ехать. Царь говорит:

— Не уезжай, погости.

Погостили, собрались ехать. Где ночуют, где три дня проживут — куда им торопиться. Приехали домой, стал он охотиться. Однажды ходил, ходил, лосиный след увидел, пошел по следу. Стемнело. Он думает: «Завтра еще пойду, далеко он не уйдет».

Пришел домой, жене рассказал, что он лосиный след видел.

— Завтра я за ним пойду.

Встал, поехал, стал лося гнать. Пить ему захотелось, стал смотреть, рядом озеринко. Топором лед вырубил, смотрит — кровь. Он узнал, что это она наворожила, топором все перерубил, пошел дальше. Лося все нет, он замерз. Дров приготовил, стал бересту искать, смотрит — пень березовый. Топором немного ударил — кровь. Он узнал, что это средняя сестра наворожила, пень изрубил весь.

— Больше не будет ворожить.

Шел, шел, смотрит: соломенный сарайчик, и дым из него идет. Думает: «Кто-нибудь есть. Надо погреться».

Зашел. Там девушка чувал топил, говорит:

— Гость-то замерз, погрейся.

Она топил, топил. Ему стало жарко, он отодвинулся назад, у него в ушах зазвенело, белый свет далеко стал, как звездочка светит. Лежит, думает: «Вот что она наворожила. Как бы мне выйти, я ей дам тогда!»

Лежит день и ночь в яме, не выйти. Подлетела сорока, говорит:

— Давай за хвост держись. Когда буду вытаскивать, ты ничего плохого не думай, не сердись.

— Что я буду сердиться? Ты меня вытащишь.

Он взялся за хвост, она его тинет. Немного осталось, он думает: «Вот выйду, дам той, что наворожила».

Хвост у сороки оборвался. Сорока говорит:

— Я тебе что говорила: «Не думай, не сердись!»

— Сходи к моей жене, у нее есть сверток с усами, принеси.

Она прилетела, говорит:

— Твой муж в могиле лежит. Там есть моточек, надо его с собой взять.

Жена собралась, к яме пришла. Один ус спускает:

— Привязывайся, я буду тебя вытаскивать. Ты ни о чем не думай, не сердись.

— Что я буду сердиться, если меня вытаскивают?

Он привязался, жена стала его вытаскивать. Немного осталось, он думает: «Как бы мне выбраться! Я бы дал этой ведьме!»

Ниточка оборвалась, он назад слетел. Жена говорит:

— Еще два осталось. Если эти оборвутся, я ничего для тебя не сделаю.

Опустила ниточку, он привязался. Жена его стала вытаскивать, он подумал: «Как бы мне вылезти! Я бы дал этой, что наворожила!»

Нитка оборвалась. Жена опускает последнюю ниточку. Он привязался. Чуть-чуть его не вытащили, он думает: «Я бы дал этой ведьме!»

Ниточка оборвалась, но жена его подхватила. Он легкий стал, как скелет. Утащила его, стала ухаживать за ним. Стал он как раньше. Пошел он однажды смотреть лосиный след. По следу пошел, смотрит: какой-то сарай, дым идет. Там другая девушка. Она стала прятаться. Он подбежал, угробил ее.

— Вот, будешь еще ворожить!

Домой ушел, до сих пор живет, на охоту ходит. И сейчас, наверно, живет.

88. Подобно Осинovому Листу Верткий Муж

Старик со старухой проводят дни, проводят ночи. У них нет ни дочери, ни сына. Они состарились. Старик сказал:

— Жена! Я отправлюсь к моим многочисленным амбарам на боровой стороне, к моим многочисленным амбарам на урманной стороне и обложу их огнем. Пусть дым поднимется к Небесному Отцу и Небесной Матери: он не дал мне ни дочери, ни сына.

Он отправился и обложил их огнем. Дым достиг Небесного Отца. Небесным Отцом был послан вниз его сын:

— Посмотри, как будто там что-то случилось из-за злобы и гнева?

Он спустился вниз: в самом деле, муж из деревни в один дом облагает огнем свои многочисленные амбары на боровой стороне, свои многочисленные амбары на урманной стороне.

— Старик, зачем ты обкладываешь огнем?

— Небесный Отец и Небесная Мать не наградили меня ни сыном, ни дочерью, поэтому я обкладываю амбары огнем, чтобы они не остались после меня.

Тогда тот дал ему три зернышка величиной с косточку черемуховой ягоды:

— Иди домой и дай их съесть своей жене.

Старик пошел домой и дал их съесть своей жене. Долго ли жили, коротко ли жили, его жена забеременела. Однажды утром угол ее чрева приготовился рожать сына, рожать дочь. Когда она разрешилась от бремени, то у ее сына сквозь кость видна кость и сквозь мозг костей виден мозг¹. Этот мальчик начал расти — в день на пядь, в ночь на ладонь. Он начал гулять по улице. Стал соображать, что здесь некогда должен был находиться большой город без конца и края. Посреди города лежит выросшее при сотворении мира лиственничное дерево, еловое дерево. Поднял он его вместе с корнем и комлем, положил на плечо, отнес прочь и бросил в сторону. После этого они стали жить. Однажды он сказал отцу и матери:

— Я отправлюсь в путь. До каких пор я буду сидеть в углу дома?

Его отец сказал:

— Ступай, да не ходи далеко.

Он оделся, вышел на улицу и устремился в один из краев земли. Шел, шел и пришел к стоявшему на пути дому и амбару. Он вошел в сени, медведь и волк стали рычать и ворчать. В доме раздался голос старухи:

— Если вам люб муж, то схватите его за край рукавов и за конец пол, введите его в дом. Если вам нелюб муж, то оторвите у него бедра там, где прикреплены бедра, оторвите у него лопатки там, где прикреплены лопатки.

Они схватили его за края рукавов и концы пол, ввели в дом. Старуха его обняла и поцеловала:

— Сказочный муж из однодомного селения, внучек мой, куда ты снаряжился?

— Я так здесь брожу, без дела.

Старуха его накормила, напоила и села около него:

— Внучек, куда ты собрался?

— Бабушка, дай мне имя!

— Послушай, внучек, какое же я дам тебе имя?

Старуха сидела, сидела:

— Пусть твое имя будет Подобно Осиновому Листу Верткий Муж, Подобно Осиновому Листу Непокойный Муж.

— Ай, ай, старушка, ты умеешь давать имена!

Он попрощался и направился домой. Пришел домой, отец его спрашивает:

— Куда ты ходил, сынок?

— Я ходил к своей старой бабушке.

Старик подумал: «И я был богатырем, был мужем, но до того места доходил в неделю, он же в полдня туда сбегал». Он спросил у своего отца:

— Есть ли у тебя давно выезженная лошадь или нет?

— Как мне иметь? За семью каменными стенами, там находится мой конь золотой масти. Ступай сходи туда и выведи его.

Он отправился к месту, где находились лошади. Когда он кладет на лошадей свою руку, они не выдерживают его руки, когда он заносит на лошадей свою ногу, они не выдерживают его ноги. Он вернулся назад, пошел во двор — лошади бродят. На какую лошадь ни кладет руку, ни заносит ногу — ни одна не выдерживает. Один жеребенок весь в коросте около него трется.

— Ах ты безродный жеребенок! Как подойдешь сюда, я схвачу тебя и замертво брошу на землю.

Он схватил жеребенка, жеребенок не тронулся с места, на котором стоял. Он клал на него свою руку, жеребенок не обращал на это внимания, он закидывал на него свою ногу, жеребенок стоял как ни в чем не бывало. Он подумал: «Бог не предназначил мне хорошей лошади, предназначенный мне конь — вот этот».

Он пошел домой и попросил у своего отца узду, кнут и седло. Отец принес ему золотую узду, золотой кнут и золотое седло. Он пошел во двор, поймал этого жеребенка, наложил на него узду, он сделался двухлетним. Вывел его из изгороди — он стал трехлетним. Наложил на него седло — он стал четырехлетним, натянул переднюю подпругу — он стал пятилетним, натянул заднюю подпругу — стал шестилетним. Сказал своему отцу и своей матери:

— Пойду посмотреть красивых жен и красивых мужей и себя показать.

Его отпустили. Он сел на коня, конь сделался семилетним. Поднял его конь и увез в один из краев земли. В то время как он подбирал рукава и полы одежды, его деревня виднелась, подобно зубчику гребня. Показался большой город без конца, большой город без края. Он подъехал к дому старухи и старика, последних нищих города, и вошел в дом. Старуха и старик его обняли и поцеловали. Старуха и старик пошептались, старик вытащил из-за печки телянка и заколол его около его колен. Кровь брызнула на него. Когда это дело было сделано, он сел; ничего к нему не пристало. С телянка содрали шкуру, мясо сварили, накормили и напоили его. Он спрашивает:

— В этом городе живет ли князь или царь?

Они говорят:

— Царь живет.

— Есть ли у него дочь или нет?

Старик сказал:

— У него трое дочерей.

Он попрощался с ними и вернулся домой. Сказал своему отцу:
— Я ездил в большой город без конца, в большой город без края. В этом городе живет царь. У него три дочери. Пойди по-сватай царских дочерей для меня!

Старик снарядился, бросил в сани серебро и золото, придал ногой кучу собольих шкурок и другой пушнины и отправился. Пришел к царю сватать дочерей. По приказанию царя его били, толкали и отпустили домой. Старик, плача и воя, пришел домой. Сын сказал:

— Почему ты плачешь?

— Меня били, толкали и отослали домой.

Стал сватать следующий день, опять сын его посылает:

— Ступай опять сватать к тому же царю!

Опять его били, толкали и прогнали домой. Рассветал третий день. Сын сказал:

— Ну, ступай искать невесту в каком-нибудь другом месте.

Старик отправился в тот же город и посватал младшую дочь священника. Ее отдали ему без калыма. Старик пришел домой, распева и рассказывая сказки. Отец с сыном снарядились ехать свадебным поездом. Они надели дорожную обувь, дорожные одежды, принарядились и вышли на улицу. Сына его едва было видно из собольих и бобровых одеяний. Они тронулись и прибыли в тот город.

Там был устроен пир для девушек, пир для юношей, и, сколько в месяце ни имеется недель, они ели, и в течение долгих недель они пили. Когда окончился девичий пир, когда окончился отроческий пир, они пожелали ехать домой.

Они опять созывают многочисленных мужей всего города, многочисленных мужей всего селения, чтобы пить на девичьем пиру, чтобы пить на отроческом пиру. Они пришли домой, устроили девичий пир, отроческий пир, и в течение многих недель месяца, в течение долгих недель они пили. Когда прошел девичий пир, когда прошел отроческий пир, они стали жить.

Муж, взявший жену, стал испытывать ее: когда наступает время полудня, она не отрывает глаз от окошка. Однажды он схватил свою жену за ноги, втащил ее и положил жене свою голову на колени. Тут жена его оттолкнула, и он, упав и ударившись о край двери, пролил из носа кровь. Его жена сказала:

— Я не искала в голове у мужа на том конце света, именуемого Купец, Странник², стану я искать в твоей нечистой голове!

Муж побежал к отцу и матери и сказал своим родителям:

— Когда я положил жене на колени голову, чтобы она по-искала, она меня оттолкнула, и, когда я упал и ударился о край двери, у меня из носа потекла кровь. Она сказала: «Я не искала в голове у мужа на том краю земли, именуемого Купец, Странник, буду я искать в твоей грязной голове!»

Он простился с отцом и матерью; вышел на улицу, вскочил на коня и ускакал. Его отец и мать остались, плача и воя. Конь

его поднял в воздух и понес. В то время как он подбирал рукава и полы, он посмотрел назад: город, в котором он жил, показался ему с зубчик гребня. Он ехал, ехал и приехал к стоявшему на его пути дому и амбару. Сошел с коня и привязал его к столбу, предназначенному для лошадей. На месте, где как будто раньше стояла лошадь с ее четырьмя передними и задними ногами, лежат четыре глыбы серебра. Он также смахнул с коня иней и сдвинул его в сторону. И на месте, где стоял его конь, лежат четыре глыбы серебра³. Он подумал: «Этот муж не сильнее меня и не слабее меня». Вошел в дом, старуха его обняла и поцеловала:

— Подобно Осиновому Листу Верткий Муж, Подобно Осино-
вому Листу Неспокойный Муж, внучек мой, куда ты снарядился?

— Я так здесь брожу, без дела.

Она его накормила и напоила. Старуха отодвинула стол в сторону, накрыла его плотно белым полотенцем и села у его колен:

— Куда ты, внучек, направился?

— Отец мне взял в жены младшую дочь священника; когда я положил моей жене голову на колени, чтобы она поискала, она меня оттолкнула, и я, упав, пролил алую кровь и темную кровь. Она сказала: «Я не искала в голове у мужа там, на том краю света, называемого Купец, Странник. Буду я искать в твоей грязной голове!» Я отправлюсь искать Купца, Странника.

Старуха сказала:

— Отправлявшихся в город Купца, Странника много, но нет вернувшихся назад. Вернись назад!

— Нет, я осматриваю все отверстия воды и земли, с моей головой с косами я не вернусь.

— Послушай,— сказала старуха,— я тебе кое-что дам, оно тебе будет приятно и полезно.

Старуха вышла из комнаты и пропала. Хотя он ждал, ждал, старухи нет и нет. От ожидания он потерял терпение. Он толкнул дверь наружу, старуха схватила дверь снаружи:

— Внучек, куда ты торопишься? У нас, женщин, сто узлов, тысяча узлов: один узел завяжешь, другой узел развяжешь.

Она дала ему связку с шестьюдесятью серебряными кольцами:

— Не дадут ли тебе чего-нибудь твои живущие там старые тетки!

Они простились, и он собрался в путь, конь понес его. Опять они доехали до стоявшего на его пути амбара и дома. Подвел он коня к столбу, предназначенному для коней: как будто бы отсюда только уехал муж. В четырех следах коня остались четыре глыбы серебра. И он привязал своего коня, смахнул с него иней и отодвинул его в сторону. На месте, где стоял его конь, остались четыре серебряные глыбы. Он вошел в дом. Старуха его обняла и поцеловала:

— Подобно Осиновому Листу Верткий Муж, Подобно Осино-
вому Листу Неспокойный Муж, внучек, куда ты направился?

— Я здесь так, без цели брожу.

Старуха его накормила, напоила, отставила стол в сторону, покрыла его белым полотенцем и села около его колен:

— Внучек, куда ты снарядился?

— Мой отец взял мне в жены младшую дочь священника. Когда я положил своей жене голову на колени, чтобы она искала, она оттолкнула меня, и, упав и ударившись о край двери, я пролил из носа алую кровь, пролил темную кровь. Она сказала: «У живущего там, на краю света, мужа, именуемого Купец, Странник, я не искала в голове. Ты мне что за человек, чтобы я искала в твоей голове!» Я отправлюсь разыскивать мужа Купца, Странника.

Старуха сказала:

— Отправлявшихся туда много, но нет вернувшихся назад. Воротись назад!

— Я осмотрю все отверстия воды и земли, с моей головой с косами я не вернусь.

Старуха сказала:

— Вот я тебе что-то дам.

Она вышла из дома и пропала. Он ждал, ждал и сказал:

— Эта обманщица старуха удрала от меня.

Он встал, толкнул дверь на улицу, старуха прижала дверь снаружи:

— Внучек, куда ты торопишься? У нас, женщин, сто узлов, тысяча узлов: если один узел завяжешь, то другой развяжешь.

Она ему вручила клубок питок:

— Должно тебе пригодиться.

Они простились. Он вышел на улицу и сел на коня, который поднял его и понес. Он сехал, ехал и доехал до стоявшего на его пути дома и амбара. Сошел с лошади, повел коня к столбу для лошадей, смотрит: как будто только что уехал муж; на месте, где стоял его конь, остались четыре серебряные глыбы. И он привязал своего коня, смахнул с него иней и отодвинул в сторону, на месте, где стоял его конь, остались четыре глыбы серебра. Он подумал: «Этот муж не сильнее и не слабее меня. Если бы мы сошлись здесь на главном мысу лесистого нагорного берега, то мы побегали бы здесь на своих ловких ногах». Вошел в дом, старушка его обняла, поцеловала:

— Живущий там, на том краю земли, Подобно Осиновому Листу Верткий Муж, Подобно Осиновому Листу Неспокойный Муж, внучек мой, куда ты направился?

— Я так здесь брожу, без цели.

Она его накормила, напоила и села вплотную к его коленям:

— Куда ты снарядился?

— Отец мой взял мне в жены младшую дочь священника. Когда я положил своей жене голову на колени, чтобы она искала, она меня оттолкнула, и я, упав и ударившись о край двери, пролил алую кровь, пролил черную кровь. Она сказала: «Я не искала в голове живущего там, на том краю света, мужа,

именуемого Купец, Странник. Ты что за человек, чтобы я искала в твоей голове!»

Старуха сказала:

— Много было отправившихся в город Купца, Странника, но нет вернувшихся обратно. Воротись назад!

— Я осмотрю все отверстия воды и земли, но с моей головой с косами я не вернусь.

— Постой, я дам тебе кое-что.

Старуха вышла на улицу и исчезла. Он ждал, ждал и наконец встал, преклонил голову и шею перед духами и вышел на улицу. Толкнул дверь наружу, старуха схватила ее снаружи:

— Внучек, куда ты спешишь?

Она дала ему белое полотенце:

— Сядь-ка, я скажу тебе словечко. Когда ты отправишься, доедешь до гривки узкой, как лезвие ножа: сюда помотришь — голова кружится, туда помотришь — голова кружится. Здесь ковы не трогай. Когда проедешь это место, то доедешь до самки и самца змей толщиной в ствол осины, из которого делают долбленки. Вглядишься: тонкая струйка дыма толщиной в нитку поднимается вверх. Когда подъедешь и тебя узнают, то повалит густой дым. Человеческие кости, набросанные почти до высоты кедра, готовы сомкнуться над ним. Если приложить туда твои кости, то кедр утонет в них. Там тронь твоего коня поводом, которого он не переносит, и пятками ног, которых он не выносит. Если оттуда вырвешься, то опять поедешь, поедешь и достигнешь морского берега. Мост, перекинутый через море, охраняют шестьдесят воинов. Когда доедешь туда, брось свои шестьдесят серебряных колец, и они, подобно пальцам руки, туда соберутся. В это время ты тронь своего коня. Если там проедешь, то достигнешь города Купца, Странника.

Они простились. Он вышел, вскочил на коня, тот его поднял и понес. Он плотно завязал глаза шелковым платком. Однажды, когда он прислушался, конь его еле двигался вперед шагком. Он прищурился, посмотрел: действительно, перед ним гривка узкая, как лезвие ножа. Качаясь в ту и другую сторону, он ехал, ехал.

Однажды, когда он прислушался, конь побежал рысью. Вот он опять прищурил глаза, видит: конь начал бежать полным ходом. Когда он посмотрел вперед: клубится струйка дыма толщиной в нитку. Он тронул своего коня пяткой ноги, которую он не выносит, и ударил кнутом, которого он не выносит. Конь поднял его до малых облаков. Когда они наехали прямо на чету змей, самец-змей хоть и попытался его схватить, но лишь вырвал из хвоста коня три волоса. Он ехал, ехал и достиг морского берега. Действительно, здесь на страже шестьдесят мужей. Он подъехал к ним поближе и бросил связку колец. Подобно пальцам руки, этот народ собрался там, а он тем временем поскакал и уехал. Хоть в него и выстрелили из ружья, но лишь вырвали из хвоста коня три волоса.

Он достиг города Купца, Странника и подъехал к дому Купца, Странника. Мать Купца, Странника обняла его и поцеловала. Накормила его, напоила медом и брагой. Они стали жить. Однажды перевернутая чашка опрокинулась сама собой. Он спросил:

— Послушай, старушка, что хотела сказать эта твоя чашка?

— Мой сын вернулся с пути.

Немного погодя стоящая чашка опрокинулась.

— Что хотела сказать эта твоя чашка?

— Мой сын дошел до половины пути.

Опять немного погодя опрокинутая чашка приняла старое положение.

— Что хотела сказать эта чашка?

— Мой сын пришел. Куда я тебя спрячу?

Схватив его за волосы, она бросила его на пол; он превратился в иглу без ушка, и она его сунула в щель бревна. Сын ее вошел в дом:

— Матушка, кто к тебе приходил? Подавай его немедленно сюда, я не пролью и капельки его крови, сколько ее помещается на донышке ложки⁴.

Мать его сказала:

— Ни раньше ко мне никто не приходил, ни после никто не будет приходить, откуда же теперь кто придет ко мне?

— Матушка, если он старше меня, я его сделаю своим отцом, если он моложе меня, я сделаю его своим сыном, если он одного возраста со мной, я сделаю его своим братом.

Мать вытащила иглу из щели бревна и бросила ее на пол. Какого роста он был, таким и предстал перед ним. Они обнялись и поцеловались. Стали угощаться брагой, стали угощаться медом. Пришедший брат сказал:

— Мой отец взял мне в жены младшую дочь священника; когда я положил своей жене голову на колени, чтобы она поискала, она меня оттолкнула, и я пролил алую кровь, черную кровь. Она сказала: «Я не искала в голове у мужа там, на том краю земли, именуемого Купец, Странник. Ты мне что за человек, чтобы я искала в твоей голове!»

Его брат, Купец, Странник, сказал:

— В клетки сеней, где я обычно сплю, ложись и надень мою одежду. Я дам тебе три серебряных прута, бей ее ими, пока они не изломаются.

Он надел одежду брата, пошел туда и лег. Вот слышит шум приближающейся сороки. Она влетела через окошко, сдернула шкурку сороки и какого роста была, такого роста предстала перед ним. Он смотрит на нее украдкой: действительно, его жена. Она вошла к нему, а он плотно закутался в одежду. Что только она ни делает, он не обращает на нее внимания. Вот женщина начала такую речь:

— В то время как я, обладающая силою в славных суставах рук, стала жить с тобою, я сделалась женою мужа, способного

схватить птицу за ее хвостовые перья, четвероногого бегающего зверя за хвост. Нашел ли на этого моего мужа коротконогий бес — я не знаю, нашел ли на него долгоногий бес — я не знаю.

В этот момент он вскочил, схватил ее за косы и стал бить серебряными прутьями. Когда три металлических прута были изломаны, у нее была сломана одна нога, у нее была сломана одна рука и выбит один глаз. После этого он ее отпустил. Она влезла в сорочью шкуру и отправилась, покачиваясь во все стороны. Он же пошел к своему брату. Они ели, пили брагу и мед.

Жили, жили, брат его решил отправиться в путь. Он сказал своему брату:

— Ты оставайся, а я пойду воевать с семиголовым менквом. Если соскучишься, то ступай в мой каменный амбар в семь комнат. Шесть комнат открывай, в седьмую комнату не ходи: это мой священный, нерушимый запрет.

Его брат ушел, а он отправился в каменный амбар с семью отделениями. Вошел в первую комнату, видит: все здесь переполнено лягушками и ящерицами. Половину этого добра он выгреб прочь. Вошел во второе отделение: здесь все переполнено лягушками и ящерицами. Вошел в третью комнату: все полно тем же самым. Он опять выгреб половину. Вошел в четвертую комнату — то же, вошел в пятое отделение — то же. Вошел в шестую комнату — там ничего нет, только лоб его светится. Он стоит, соображая, входить в седьмую комнату или не входить. Думал, думал: «Однако пойду посмотрю, что там такое есть».

Отворил замок, чуть-чуть приоткрыл дверь и заглянул в щелочку. Видит, что ему нельзя поднять из-за света глаз. Тут он сильно отворил дверь, и, когда золотой свет вырвался оттуда, он отскочил назад. Девушка его схватила и стала втаскивать в комнату, он же тащил ее наружу. Когда девушка брала верх, она его втаскивала внутрь комнаты; когда муж становился сильнее, он дотаскивал девушку до заднего конца комнаты. Он поразмыслил: «Женщина меня втаскивает, чего ради я рвусь прочь?» После этого они, сойдясь вместе и как бы не зная, что делают, стали обниматься и целоваться.

Он стал ходить туда к своей жене каждый день. Однажды об этом узнала его теща. Его жена забеременела, и теща сильно на него разгневалась. Вечером пришел ее сын. Оба брата ели и пили. Мать стала выговаривать своему сыну. Он ответил:

— Матушка, зачем ты гневаешься?

Его мать сказала:

— Твоя сестра, которая воспитывалась в комнате за семью каменными стенами, забеременела; хорошего брата ты себе нашел!

— Матушка, — сказал ее сын, — зачем ты сердись из-за пустого дела? Неужели муж, пришедший из столь отдаленной земли, что туда не добраться даже зверю, пришел с истощенной силой рук и истощенной силой ног, чтобы созерцать мое прекрасное лицо? Когда придет рассвет завтрашнего дня, пусть они оба упадут к твоим ногам и к краю твоего платья.

После этого его мать замолкла. Когда начало светать, Подобно Осинovому Листу Верткий Муж, Подобно Осинovому Листу Неспokойный Муж с женой оделись, принарядились и, взявшись за руки, пошли в дом тещи, упали к ее ногам и к краю ее одежды. Был устроен девичий пир, был устроен отроческий пир. Сколько имеет-ся в месяце продолжительных недель — они ели и пили. Когда прошел пир для девиц и пир для молодых людей, они стали жить. Жена его родила сына. Он стал ходить каждый день в дом своего шурина. Однажды он сказал своей жене:

— Сегодня я отправлюсь воевать с семиголовым менквом, скажи моему брату, чтобы он не выходил из дома, пока я не вернусь.

Вот он ушел. Пришел туда, смотрит: народу у семиголового менква так много, как деревьев на нагорном берегу, покрытом темным лесом. Он плотно завязал глаза шелковым платком и начал махать мечом. Народ валится, подобно сотне копен весеннего сена, подобно сотне копен осеннего сена. Хоть он и рубит, хоть он и толкает, народ все не убывает. Обошел он народ сзади, видит: спит муж и ударяет кремень сталью; как только падает искра, тут же вырастает муж с топором и мечом. Он туда побежал, отобрал у этого мужа огниво и самого мужа разрубил посередине на две части и вновь стал махать мечом. Так он воевал, воевал, однажды его меч задел за что-то. Долго ли сражался, коротко ли сражался, уничтожил он этот народ и пошел домой. Пришел домой и спрашивает свою жену:

— Дома ли мой брат?

Жена его сказала:

— Твой брат пошел к тебе на третий день после того, как ты ушел.

Он сердится на свою жену:

— Зачем вы его пустили? Поэтому-то мой меч за что-то и задел!

После этого они с женой оделись и отправились. Пришли к этому убитому народу и стали осматривать убитых. Как ни искали, его нет. Однажды они его нашли, тело его рассечено пополам. Притащили его домой, сделали серебряный гроб и, вырезав в нарах, на которых они спали, кусок доски, поставили вниз гроб.

Однажды от тещи пришла весть: «Тебя зовет твоя теща, приходи скорее». Его жена сказала:

— Тебя зовут, чтобы убить. Полез бы ты на небо, но нет лестницы, спустился бы ты в недра земли, но нет отверстия.

Он простился с женой и ушел. Как только вошел в дом тещи, когда шагнул из двери в комнату, упал через дыру в нижний мир. Долго там лежал, коротко лежал, когда пробудился, видит: он лежит в темном месте. Все залито водой. Он встал и видит: место, на котором он лежал, от слез залито водой. Он плачет и воеет. Вот он отправился к краю земли. Шел, шел и пришел к стоявшему на его пути дому и амбару. Когда вошел в дом, видит:

сидит муж ростом в пять бревен. Старуха и старик с ним поздоровались, поцеловались и сказали:

— Живущий там, на том краю земли, Подобно Осиновому Листу Верткий Муж, Подобно Осиновому Листу Непокойный Муж, какой песней, какой сказкой тебя завлекли в эту священную страну, куда не добежать доброму духу, в эту чудесную страну, куда не по силам добраться и менкву?

— Я здесь брожу без дела.

Потом он сказал:

— Старуха и старик, не надо ли вам сына? Я вам буду сыном.

Старик сказал:

— Мы такого человека и ищем.

Он стал там жить. Старик сказал ему:

— Веди своих лошадей и коров в поле, но не веди их в сторону владений менквы.

Он повел своих лошадей и коров в поле, посмотрел и увидел, что в его владениях не найти и стебля былинки, который мог бы застрять между корнями зубов, на стороне же менквы не пробраться через траву из-за ее густоты. Он пустил своих лошадей во двор менквы.

Однажды идет к нему одноголовый менкв:

— Ах вы обманщики, старуха и старик! Ваши глаза были у вас выбиты, у нашей матери в серебряном блюде они лежат. Опять вы сюда привели лошадей. В этот раз я не пролью и капельки вашей крови, которая едва орошает донышко ложки.

Он подошел, приблизился, тот встал:

— Что ты говоришь, менкв? Будем ли мы мечами рубиться или толкаться?

Менкв сказал:

— Будем рубиться.

Он ударил менкву мечом по шее, снес ему голову, а туловище утащил в сторону и бросил. После этого опять спрятался. Немного погодя приходит двуглавый менкв. Он приблизился, и они схватились. Ударил менкву мечом по шее — двух голов нет, снес их прочь и бросил в сторону. Немного погодя трехголовый менкв приблизился. Он сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Менкв сказал:

— Будем рубиться.

Он ударил его по шее, снес три головы. Немного погодя приходит менкв с четырьмя головами, подошел к нему. Он сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

— Будем рубиться!

Он, ударив по четырем головам менквы, снес все четыре головы. Немного погодя пришел пятиголовый менкв. Он сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Менкв сказал:

— Будем рубиться.

Когда он его ударил, пять голов были сразу снесены. Немного погодя приходит шестиголовый менкв, приблизился к нему. Богатырь сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Менкв сказал:

— Будем рубиться.

Он, ударив его мечом, сразу снес шесть голов. Немного погодя приближается семиголовый менкв:

— Ах вы безродные, старуха и старик! На этот раз я у вас не пролью и капельки крови, которая едва может покрыть доньшко ложки. У вас уже были вынуты глаза, они находятся у нас в доме, у нашей матери в серебряном блюде. Вы все-таки привели сюда своих коней?

Он приблизился, менкв сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Он сказал:

— Будем рубиться.

Начали они рубиться. Он с менквом возился, возился, отрубил шесть голов, осталась одна голова. Вот они схватились руками, боролись, боролись. Место, на котором они сражались, сделалось топким. Вот он стал вталкивать старого менкву в землю. Толкал его, толкал и засунул по шею. Хоть он его и рубит, ничего ему не делается. Старый менкв сказал:

— До каких пор ты будешь меня мучить? В моем кармане есть белое полотенце, вынь его, оберни вокруг моей шеи и потом ударь мечом.

Он вынул из его кармана белое полотенце, обернул вокруг шеи и ударил мечом — голова отпала прочь. Повел он своих лошадей домой. Старик сказал:

— Что ты долго ходишь?

— Я так здесь брожу.

— Послушай-ка, не водишь ли ты коней к изгороди старого менкву?

Он сказал:

— Все менквы убиты мною. Послушай, старик, если я сделаю вас зрячими, можешь ли ты отвести меня к мужским водам верхнего наземного мира?

Старик сказал:

— Если ты сделаешь такое дело, то как же я тебя не доставлю?

Когда настал рассвет, он поел, попил и отправился. Пришел к дому старого менкву, видит: сидит старуха-менкв.

— Муж русской земли! Ты свою плоть и свою кровь сам принес ко мне. Я не пролью и капельки твоей крови, которая едва может покрыть доньшко ложки.

После этого они уговорились выходить во время борьбы три раза на улицу. Они схватились, боролись, боролись. Старуха сказала:

— Дай мне выйти!

Он ее пустил. Старуха вышла на улицу, выпила сильной воды и вошла в дом. Опять они схватились. Теперь она отпустила мужа на улицу. В сенях стоят две бочки с водой: он сунул палец в одну бочку — тот сгнил, сунул в другую бочку — сделался здоровым. Из этой бочки он выпил, сколько мог. Вошел в дом, и они схватились. Старуха стала уступать. Старуха сказала:

— Пусти меня наружу!

Вышла, выпила сильной воды и вошла в дом. Они схватились, и он стал поддаваться. Он сказал:

— Дай мне выйти!

Он выпил сильной воды и на место, где находился ковш от сильной воды, опустил другой ковш. Они схватились, и он бросал старуху в эту сторону, бросал в ту сторону. Старуха сказала:

— Выпусти меня!

Старуха вышла и выпила воды, сколько могла. Хотя она и стала махать крыльями, но лишь слабела от этого. Старуха обратилась в бегство. Хотя он ждал, ждал — старухи нет и нет. Он подумал: «Эта старуха в самом деле от меня убежала». Вышел в сени, старухи нет и нет. Стал ее преследовать. Гнался, гнался за ней, и, когда почти ее догнал, она раньше его вошла в дом. Он вошел в сени, там стоят две бочки: он сунул палец в одну бочку — тот сгнил, он его сунул в другую бочку — опять стал здоровым. Вошел в дом: перед ним висит полог, украшенный колокольчиками и бубенчиками. За этим пологом сидит девица. Он схватился со старухой, они боролись, боролись, и он одолел старуху. Хотя он ее рубит мечом и толкает, ей ничего не делается. Когда он взглянул на девицу, девица толкает рукой свой подбородок. Ударил он старуху ножом в подбородок снизу, старуха вытянулась, как она была. Девица сказала:

— Возьмешь ли ты меня замуж?

Он сказал:

— Возьму.

Она сказала:

— Сожжем огнем мою мать. Когда ее тело лопнет на огне, из него выползет много ящериц и змей. Если какая-нибудь из них незаметно уползет, старуха предстанет перед нами такого роста, как она была. Сделаем метлы и будем их беспрерывно сметать в огонь.

Вот они развели костер из суньяка и бревен, положили на него эту старуху. Ее живот лопнул, выползло множество ящериц и змей. Начали они их сметать в огонь. Работали, работали, наконец кончили. Муж сказал:

— Чтобы узнать, не жила ли ты раньше с мужчиной, прыгнем три раза через огонь. Если ты жила с мужчиной, то не допрыгнешь.

Вот муж прыгнул через огонь, и женщина прыгнула. Во второй раз он опять прыгнул, и женщина прыгнула. В третий раз он туда прыгнул и обернулся. Когда женщина прыгнула, он ее толкнул назад, и она упала навзничь. Ее живот лопнул

на две части, выползло множество ящериц и змей. Он начал их сметать в огонь. Возился до кровавого пота, до черного пота. Наконец кончил. Если появлялся низовой ветер, пепел уносило к югу; если появлялся верховой ветер, пепел уносило на север.

Он вернулся, пришел в дом старухи-менкв, взял глаза стариков, захватил живую воду и живой прут, пошел домой. Пришел к своим приемным родителям. Приказал матери приготовить кипяток. Вода вскипела. Он вымыл глаза старика и вставил, sprыснул живой водой и ударил живым прутом. Глаза стали здоровее, чем раньше были, здоровее, чем потом стали. Старик встал, выбежал на улицу и ушел. Теперь он вымыл глаза старухи, вставил их, sprыснул живой водой и ударил живым прутом. Глаза ее сделались здоровее, чем раньше были, здоровее, чем потом стали. Старуха выбежала на улицу и пропала. Он ждал, ждал, старухи да старика нет и нет. Подумал: «Эти старики от меня убежали». Старик пришел и сказал:

— Я обошел все семь возвышенных мысов, на которых я раньше бродил⁵.

Пришла старуха и сказала:

— Семь боров, в которых я раньше гуляла, я все обошла.

После этого старик приказал им убить семь быков. Он сказал:

— Посолите мясо шести быков в бочках, разрезавши его на мелкие кусочки, мясо седьмого быка сварите, а я пока пойду за жар-птицей.

Старик ушел, а они вдвоем убили семь быков, все мясо от шести быков изрезали на мелкие кусочки и посолили, мясо же седьмого быка сварили. Старик пришел, поел, попил. Утром следующего дня они вкатили на спину жар-птицы бочки с мясом. Старик делает жар-птице внушение:

— Постарайся не мучить этого мужа!

Ему же он сказал:

— Когда она доставит тебя наверх, напиши на ее груди, как она тебя везла.

Простился он с родителями, сел на жар-птицу и полетел вверх. Повернет птица голову в эту сторону, он ей сунет кусочек; повернет она голову в ту сторону, он ей сунет кусочек. Она его везла, везла. Когда наступило время коснуться крыльями земли, мясо израсходовалось. Жар-птица начала опускаться вниз. Он отрезал у себя икру ноги и сунул ей, он отрезал вторую икру и сунул ей; и она его доставила к мужским водам наземного мира. Жар-птица сказала ему:

— Вставай.

Он сказал:

— Как я встану, если я, обрезавши свои икры, скормил их тебе?

Жар-птица сказала:

— Если бы я знала это, то в пути съела бы тебя и выпила бы твою кровь. Вот почему, оказывается, последние два кусочка были так сладки.

Жар-птица изрыгнула его икры, плюнула на них, и они стали здоровее прежнего. Он написал на груди жар-птицы: «Я был доставлен хорошо и благополучно». Жар-птица отправилась в путь, а он зашагал к своему дому. Вошел в дом, видит: его жена лежит между двумя мужчинами. Схватив свой меч, он поднял его, чтобы ударить их. В это время жена привстала и сказала:

— Что с тобой сделалось? Эти мужья — твои сыновья.

Сыновьям жена сказала:

— Вставайте, ваш отец пришел.

Сыновья встали и упали к ногам своего отца. После этого они обнялись, поцеловались, поели, попили. Стало светать. Он вынул брата жены из серебряного гроба, брызнул на него живой водой и ударил живым прутом. Тот притягивает к себе свои руки, притягивает к себе свои ноги, посмотрит в одну сторону и в другую сторону, но не видит. Он схватил младшего сына, разрубил его на две половинны и его кровью обрызгал брата жены. Тогда он поднял свою голову, покрытую соринками и былинками:

— Меня усыпил муж сестры Подобно Осинному Листу Верткий Муж, Подобно Осинному Листу Непокойный Муж. Чей сын разбудил меня в люльке, выложенной гнилым деревом?

Муж сестры сказал:

— Мною ты был усыплен, и мною же ты воскрешен.

Он сирсынул младшего сына живой водой и ударил живым прутом. Тот поднял вверх голову, покрытую соринками и былинками. Они обнялись и поцеловались, ели и пили брагу и мед. Опять повел брат жены их в свой дом. Теща нашла своего сына. Они обнялись и поцеловались. Обоих она поит и кормит брагой и медом. Когда кончили, муж сестры отправился домой.

Однажды пришла весть: «Брат жены зовет тебя на игровую площадку». Отец с двумя сыновьями оделись, принарядились и отправились. Пришли туда, видят: устроена игровая площадка из меди. Они стояли по одну сторону, те стояли по другую сторону. На них брат жены пустил ногой каменную глыбу⁶. Младший сын, выбежав вперед, поймал ее носком ноги, положил на пятку и взмахнул ногой. Она упеслась через землю, населенную богатырями. Они вернулись домой. Отец сказал:

— Брат моей жены соорудил площадку для игр, и я устрою площадку для игр.

Утром следующего дня он вышел на улицу, вынул свое огниво и начал высекать огонь: как только падала какая-нибудь искра, тут же вырастал из земли воин с топором и мечом. Высекал, высекал и высек столько воинов, сколько бывает личинок и муравьев. Он приказал сделать серебряную площадку для игр и дал весть брату жены: тебя зовет твой шурин на площадку для игр. Брат жены отправился к нему с многочисленными мужами всего города, всего селения. Прибыл он и видит, что у его шурина столько народу, сколько бывает личинок и муравьев. Они встали по другую сторону. Муж сестры, положив на пятку камень, сделал ногой взмах; народ брата его жены, находившийся на пути, по

которому летел камень, лежал на земле: если камень касался руки кого-нибудь, то ломал ему руку, если камень касался ноги кого-нибудь, то ломал ему ногу, если задевал туловище, то разрывал его на две части.

После этого отец с сыновьями повернулись назад, зашагали и ушли, а этот народ, когда он сунул огниво в карман, ушел вниз и вверх. Он вошел в дом и сказал своей жене:

— Ступай к своему брату и спроси его: если он позволит, то я уведу тебя с собой, если не позволит — не поведу. И у меня есть собственная земля, и у меня есть собственная вода, ведь я не давал за тебя выкупа, не давал за тебя товара.

Его жена ушла; когда она смотрела на своего брата, то улыбалась, когда поворачивалась к нему спиной, то плакала. Ее брат сказал:

— Сестра, ты здесь топчешься, что тебе надо?

Его сестра сказала:

— Мой муж послал меня к тебе, он не дал за меня платы, не дал за меня товара; если ты разрешишь, то он меня уведет с собой, если ты не разрешишь, то он меня не уведет.

Ее брат сказал:

— Вы могли давно уйти, вы могли утром уйти. Я не считаю для себя возможным жить в одном доме с женщиною, которая выше меня, я не умею жить под одной кровлей с богатырем, который выше меня.

Немного погодя он сказал:

— Приходите сюда все.

Она пошла домой и сказала мужу:

— Брат сказал: вы давно могли бы отправиться, вы могли бы уйти утром; я не в состоянии жить в одном доме с женщиною, которая выше меня, я не в состоянии жить под одной кровлей с богатырем, который выше меня; приходите сюда все.

После этого они пошли туда, их накормили и напоили. Их одевают во столько одежд, сколько их плечи могут поднять, и наряжают во столько одежд, сколько их плечи могут поднять. Обоим сыновьям их дядя подарил по коню золотой масти и по золотым саням. Всю массу соболиных мехов и пушнины на санях им пришлось умять при помощи ног. Они обнялись, поцеловались, простились и снарядились домой.

Они прибыли к первой тетке. Видят, что эта старуха уже трясется от старости. Его жена толкнула ее на землю, подняла, и эта старуха сделалась молодой и красивой женщиной. Они обнялись и поцеловались. Их накормили и напоили пивом и брагой. Они простились с этой женщиной и отправились в путь. Прибыли ко второй тетке. И эта старуха стала так стара, что еле ходит. Его жена толкнула ее на землю и подняла. Она стала молодой и красивой женщиной. Они обнялись, поцеловались, простились со старухой и отправились дальше. Пришли к третьей тетке. Эта старуха еле ходит. Его жена толкнула ее на землю и подняла, она сделалась молодой и красивой женщиной. Они обнялись и

поцеловались, она их накормила, напоила. Они простились и снарядились в путь.

Он взял одну щепу из урмана и одну щепу из бора. Когда он прибыл в город, в котором он проживал, то увидел, что у его дома свалились три угла и уцелел только один угол; оттуда еле поднимался вверх тонкий дымок. Он влез к дымоходу и посмотрел вниз и видит: его отец и мать ссорятся из-за искры. Если он пришел зимой, то насыпал на нее столько снега, сколько помещается на ручке кнута; если пришел летом, то налил воды на конце весла. Старики начали ругаться:

— Этот огонь остался нам от нашего сына, кто погасил его? По просторной дороге, более широкой, чем коньевиче, по дороге, проходящей перед домом, пусть его утащат, привязав за одну руку, пусть его уведут, привязав за одну ногу.

Он сказал:

— Пусть тот муж, которого проклиняют мои родители, не выходит из дома.

Как только раздался голос их сына, они бросились на улицу. Старик подбежал, чтобы обнять своего сына; сын его бросил на землю, и он стал молодым, красивым мужчиной. Старуха побежала, чтобы обнять его жену; невестка ее толкнула на землю и подняла — та превратилась в молодую и красивую женщину. Они обнялись, поцеловались, ели и пили пиво и мед.

Стемнело, они легли спать. Подобно Осинному Листу Верткий Муж, Подобно Осинному Листу Непокойный Муж вышел на улицу и расколол щепы, взятые из урмана и из бора, на мелкие кусочки. Он их бросал в эту сторону, он их бросал в ту сторону:

— Если явится муж, который про меня будет слагать песни, если явится муж, который про меня будет рассказывать сказки, то пусть у него вырастут на этой стороне сто домов и на той стороне сто домов. Пусть посреди этих ста домов, посреди многочисленных домов появится мой дом. Если на передней стороне дома будет стучать клювом дятел, то пусть на задней его стороне стучит клювом щелкунья. Пусть сюда мне будет доставлена хорошая жертва из кровавых оленей, пусть сюда мне будет доставлена хорошая жертва из холощенных оленей. Пусть мы пробудимся в доме, полном холостых работников, пусть мы пробудимся в доме, полном незамужних работниц. Пусть двор, который у меня появится, будет переполнен лошадьми и коровами.

Он вошел в дом и лег спать. Когда утром рассвело, как только он проснулся, то увидел, что во вновь созданном железном, металлическом доме холостые работники и незамужние работницы уже на ногах. В самом деле, он смотрит туда и сюда: на этой стороне выросло сто домов, и на той стороне выросло сто домов, и посреди сотни домов, многочисленных домов появился его дом. Он посмотрел на двор: он полон лошадьми и коровами. Сделал пир для девиц, сделал пир для мужчин, и на нем они ели и пили, сколько многочисленных и продолжительных недель

ни числится в месяце. Насколько глаз хватает, отовсюду пригласили гостей, насколько ухо слышит, пригласили гостей.

Всем тем многочисленным мужам, которые слышали этот рассказ, я желаю добыть в изобилии рыбу, добыть в изобилии пушной товар; всем же тем многочисленным мужам, которые не слушали рассказа, я желаю гвоздь в уши.

89. Золотоволосая девочка

В одном прекрасном месте жили старик со старухой. У них был мальчик. Он вырос и ушел, сказав:

— Не приду больше!

Совсем его потеряли старики. Жили-жили. Потом у них родилась дочь. У нее волосы были — одна половина простая, другая золотая. Красивая-красивая. Старик говорит старухе:

— Эту девочку не надо растить, от нее нам неприятности будут. Надо отнести ее в ту сторону, где людям головы отсекают. Если не унесешь, я тебе голову отрублю.

Старуха говорит:

— Такая красивая девочонка! Как ей голову рубить? Жалко ведь, как я ее буду убивать?

Старик снова:

— Если не унесешь, я тебе голову отрублю.

Старуха понесла девочонку туда, где людям головы отрубают. Идет, идет, вдруг навстречу парень. Оказывается, это сын встретился с матерью.

— Мама, я вас так давно не видел!

— Ты жив?

— Жив. Куда ты идешь?

— Старик велел дочку отнести туда, где людям головы отсекают.

— Не отсекай, такая красивая девочка, отдай ее мне!

— Он меня заставил ложку ее крови принести.

— У меня есть собачонка, я могу тебе ложку ее крови дать.

Убил он собаку, старуха принесла старику ложку крови. Старик стоит, ждет.

— Ну что, убила дочь?

— Да убила, вот кровь.

Остались старики жить-поживать. А сын идет, насет девочку. Он уже где-то женился, жена у него была. Приносит девочку, говорит жене:

— Растить будешь, это моя сестренка.

— Не желаю ее растить.

Потом девочка ей понравилась, стала ее растить. Опять жена говорит один раз:

— Не надо мне ее!

Он говорит:

— Я тебе, сестренка, дом построю, живи одна, я буду тебе помогать.

Стала сестренка жить одна. Брат, куда ни пойдет, ей что-нибудь принесет. Однажды она сидит, слышит, в подполье кто-то стонет:

— Ой, меняпусти.

— Кто ты?

— Впусти меня, если непустишь, я тебя съем.

А это был Сэвс-ики. Выходит, говорит:

— Давай вместе жить, выходи за меня.

Она не хотела, но куда ей деваться? Она стала с ним жить.

Он говорит вдруг:

— Ты брата куда-нибудь девала бы, чтобы он сюда не ходил.

— А что я могу сделать?

— Ты сегодня будто заболел и пошли его, пусть он к медведю за молоком сходит.

Брат пришел, сестра говорит ему:

— Ой, я что-то болею, ты бы к медведице за молоком сходил.

Я очень болею!

Пошел он за медведицей. Идет, идет, вдруг навстречу медведица и по-человечески ему говорит:

— Что тебе надо, молодой человек?

— Знаете, меня послала сестра, мне молока медведицы надо.

Я боюсь.

— Не бойся, подойди, бери молоко.

Он подоил медведицу. Медведица говорит:

— Посмотри у меня в ушах. Там пуговица, возьми ее, никому не показывай, не говори.

Принес он молоко сестре. Назавтра Сэвс-ики говорит:

— Пошли его к лосю за молоком. Медведица его не убила, может, лось убьет.

А жена брата ничего не знает, куда он ходит. Сестра говорит:

— Ой, я болею так, ты сходи принеси молоко лосихи.

Опять пошел лосиху искать. Идет, идет, вдруг лосиха лежит и спрашивает:

— Что тебе надо, молодой человек?

— Меня сестра послала за молоком, она так болеет, я боюсь.

— Подходи не бойся, бери молоко.

Подоил он лосиху. Она говорит:

— В левом ухе у меня посмотри, что там есть — возьми, в несчастье может пригодиться. Если будет несчастье, под подушку положи.

Молоко принес сестре, она вышла, взяла, в дом его не пустила, чтобы он Сэвс-ики не увидел.

Теперь брат думает: «Что-то неладно, пойду я посмотрю, что там у сестры в доме».

Брат дома положил пуговицы под подушку, утром встал — кто-то по-человечески разговаривает. Посмотрел — лосенок с медвежонком. Еще у него была собака. Это его три верных друга, они

потом всегда вместе были. Пришел он к избе сестры, слушает. Там говорит Сэвс-ики:

— Ничего ему не сделалось, что теперь будем делать?

Брат думает: «Вот что! Отец правду говорил, что ей нужно голову отсечь».

Брат к сестре зашел и говорит:

— Завтра я не приду, буду отдыхать.

На другой день приходит тайно, спрятался за деревом, стоит. Она то выходит, то заходит. Не ждет его. Сэвс-ики с двумя головами выходит. Он не знал, что его брат видит. Брат выстрелил из ружья, Сэвс-ики упал. Еще другая голова осталась. Вторый раз выстрелил, вторая голова свалилась. Брат сестре говорит:

— Быстрее дрова неси, сожжем его.

Сожгли его. Пепел остался, и от него полетели мошки, комары. И слышно, как пищат:

— Дальше я вашу кровь тоже пить буду!

Пошел он домой охотиться. Сестра со снохой помирились, дружно стали жить. Сестра пошла туда, где Сэвс-ики горел. Там в золе его зубы остались, не сгорели. Несет их домой. Сшила подушку красивую, наволочку из угольничков, зубы в подушку зашила. Вот хороший подарок брату! Приносит и говорит снохе:

— Кому спит подушка, тот пусть и спит. Ты не ложись на подушку, пусть он ложится.

Вечером брат приходит домой, жена ему говорит:

— Хороший подарок тебе сестра принесла.

Он лег на подушку, уснул, а ночью зубы ему в ухо залезли. Он умер. Жена плачет:

— Куда его девать?

Сестра говорит:

— Давай поставим его в избу, где семь комнат.

Занесли в избу, где семь комнат, поставили без гроба. На каждую комнату замок повесили. Пока они его хоронили, собака, лосенок и медвежонок спрятались. Собака с лосенком разговаривают:

— Как так, куда наш хозяин подевался?

Медвежонок говорит собаке:

— Ты ведь дух его знаешь, понюхай, куда след ведет.

Собрались они трое и пошли. Собака впереди, след хозяйнюхает. Дошли до дома, где семь замков. Собака бегаёт вокруг дома и говорит:

— Здесь след, дальше нет следа.

Как им сломать семь замков?

— Попробуй ты, собака, зубами, зубы у тебя крепкие.

Собака ломала, ломала — не может сломать.

— Попробуй ты, медвежонок, ты сильный.

Медвежонок тоже не мог сломать.

— Лось, может, ты сможешь?

Лосенок как разбежался — задней ногой все семь замков сломал. Они туда заходят, он мертвый лежит. Медвежонок его ту-

да-сюда переворачивает — не встает. Лось его нюхает — не помогает. Собака его нюхала, нюхала — в ухе зуб нашла, вытащила. Он встает:

— Кто это меня разбудил? Я так крепко и долго спал!

— Это мы, твои друзья.

Пришли они домой, пришли к сестре. Она испугалась: как так — покойник пришел! И умерла сразу. Пришел к жене. Собака, лосенок и медвежонок сзади. Жена от страха тоже умерла. Он остался с ними троем. Может, потом женился.

90. Орел

Жили старик со старухой в большом красивейшем городе, в огромном божественном городе. Долго так жили, коротко жили, проснулась однажды старуха, встала, раздула золу у чучала и на-чертила следы зверей. Старик надел кисы и вышел на улицу. Бродил по лесу, бродил, ничего не добыл. На обратном пути нашел только что вылунившегося орленка, принес его домой, посадил у порога.

Старуха спрашивает:

— Что ты принес, старик?

— Принес я птенца орла.

— Принес ты того, кто нас обьест.

— Еды и воды у нас хватит, — успокоил ее старик.

Настал вечер. Старик вышел на улицу, птенец говорит ему:

— Унеси меня в верхний конец поселка, посади в самый дальний из семи амбаров.

Так и сделал старик. Старуха его спрашивает:

— Куда ты унес птенца? Принеси того, кто нас обьест.

Старик ответил:

— Хватит нам еды и воды.

Долгую ночь долго спали, короткую ночь быстро скоротали. Утром старик надел старые кисы и вышел из дома посмотреть орленка. Амбары для муки были пусты.

Пришел домой, спрашивает его старуха, что он видел. Отвечает ей старик:

— Семь обгоревших, семь обожженных столбов — все сожрал.

Посадил старик птенца у порога. Старуха начала ворчать:

— Прошлый раз говорила: принес ты того, кто нас обьест.

— Не бранись ты, старуха, воды и пищи нам хватит. Может, позже он нас будет кормить.

Прошел и этот день. К вечеру у орленка пушок появился на крыльях. Говорит птенец:

— Посади меня в середину деревни.

Так и сделал старик. Долгую ночь долго спали, короткую ночь быстро скоротали. Утром старуха растормошила мужа, вышел он, пыля старыми кисами, на улицу. Видит: один конец поселка совсем опустел. Орленок вырос, у него подросли крылья. Принес

его старик к порогу своего дома, старухе же сказал, что орел расставил в семи местах семь обгоревших, семь обожженных столбов.

— Давно я тебе говорила, что сожрет он нас.

К вечеру старик еле ворочал орленка, поднял его и унес в северную часть деревни. Утром старик в первую очередь вышел проведать птенца. Орленок за эту ночь съел всех жителей деревни, крылья у него выросли, стал он орлом. Принес орла к дому. Рассказал старухе, что остались они одни в деревне. Старуха испугалась:

— Давно я тебе говорила, что погибель он нам принесет.

— Хватит тебе ворчать, старуха. Что будет, то и будет.

Вечером оставил старик орла у порога, а сам лег спать. Утром проснулись они невредимыми. Вышел старик на улицу посмотреть на орла. Говорит ему орленок:

— Ты меня вырастил, я у тебя в долгу. Клади на мою спину постель, поедешь со мной.

Лег старик на спину орла, поднялись они в воздух. Деревья с крепкими корнями обламывались от их полета. Поднялись они выше, считают разноцветные головы облаков, черные головы туч считают. Скоро опустились они на землю, увидел старик приземистую избушку. Говорит ему орленок:

— Здесь живет моя старшая сестра. Войди в избу и скажи: «Я от твоего брата. Когда он был слабым, я холил его, когда у него не было крыльев, я растил его. А теперь мне нужен маленький ларец».

Вошел в избу старик, видит: стоит перед ним красавица, только с солнцем можно сравнить ее и с луною. Шею ее белую соболь обвил, у ног ее соболь бегаёт. Поздоровались они, угостила хозяйка гостя на славу, попили, поели. Вымолвил наконец старик:

— Меня прислал твой брат. Когда он был слабым, я холил его, когда у него не было крыльев, я растил его. Ларец мне велел попросить.

— Я его не для тебя хранила, — ответила девушка.

Полетел он на орле дальше. Долго ехали или коротко ехали, наконец приземлились.

— Здесь живет моя средняя сестра, заходи.

Вошел в избу старик, видит: стоит перед ним красавица, лишь с солнцем ее можно сравнить и с луной. Белую шею ее соболь обвил, у ног ее соболь бегаёт. Поздоровались они, угостила хозяйка гостя на славу, попили, поели. Говорит наконец старик:

— Меня прислал твой брат. Когда он был слабым, я холил его, когда у него не было крыльев, я растил его. Он велел просить маленький ларец.

— Не дам я его тебе, — ответила девушка.

Отправились они дальше. Долго ехали, коротко ехали, сели опять на землю.

— Здесь живет моя младшая сестра, входи.

Вошел старик в дом, видит: стоит перед ним такая солнцеликая, луноликая девушка, что краше ее вряд ли на земле найдешь. Напоила, накормила хозяйка гостя. Попросил он перед выходом маленький ларец. Задумалась девушка ненадолго, но тут же отдала ему ларец со словами:

— Тебе не отдам, кому отдам? Бери, пусть он тебе пользу принесет.

Вышел старик на улицу, попрощался с орлом и зашагал к дому. Шел он туда, куда глаза глядят, потому что не знал дороги. Наконец устал, пришел к озеру и решил отдохнуть. Тут он вспомнил про ящик, и захотелось ему посмотреть, что внутри. Стал замочную скважину открывать, полилась оттуда кровь. Вдруг крышка ящика поднялась, и из него повалил в разные стороны народ. Бегал за ними старик, выбился из сил, никак не мог всех вернуть. Забурлило озеро, зашумело, появился над водой огромный мужчина:

— Что ты здесь гремишь, старик, спать не даешь! Я тебе помогу собрать этих людей, а ты мне отдай сына.

Старик знал, что у него нет сына, поэтому решил пообещать и не выполнить обещания. Тут же народ был собран, а на грудь старика была приклеена бумажка. Пришел старик домой: действительно, сын у него большой уже. Открыл сын ларец, повалил оттуда народ и заполнил всю деревню. Тут же увидел сын на груди отца бумагу:

— Ты меня обещал отдать, отец. Ну что же, надо идти.

Сказал так и ушел. Долго ли шел, коротко ли шел, пришел к озеру. Остановился он, вдруг слышит: лебеди летят. «Чем стану?» — думает. В ту же секунду превратился в тонкую иглу для вышивания узоров. Воткнулась игла в берег озера. Прилетели лебеди, сбросили лебединый облик, стали в озере купаться. Младшая из сестер долго не входила в воду, наконец согласилась. В это время он спрятал ее одежду. Когда лебеди нарезвились, вышли на берег и улетели. Осталась младшая лебедь одна. Долго она просила свою одежду, наконец он согласился отдать. Какие матери их вместе свели, какие отцы их вместе посадили — полюбили они друг друга.

— А сейчас мне нужно лететь. Ищи меня в центре города, в самом большом доме. Над дверью будет красная пометка.

Улетела лебедь. Пошел парень город искать, где невеста жила. Долго шел, коротко, пришел в город. Нашел он свою возлюбленную, и зажили они счастливо. Скоро родился у них сын. Пришли однажды слуги царя и вызвали его к тестю. Нечего делать, пришлось идти. Говорит ему тесть:

— Здравствуй, дорогой зятюшка! Хочу я знать, на что ты способен, а для этого пройдешь испытания. Пока спит эта деревня, пока спит этот город, ты должен покрыть весь город гладкими, ровными тротуарами без единой щели, так, чтобы упавшая игла на виду лежала. Если не справишься до рассвета, тебе несдобровать.

Пришел он домой, пригорюнившись. Стала жена допытываться, что случилось. Поведал он ей обо всем.

Посмеивается она:

— Никуда тебе от этого не уйти.

Наступил вечер, а вскоре и ночь. Увидев, что муж собирается спать, жена удивилась:

— Что же ты за работу не принимаешься? Времени у тебя в обреш.

Муж и слушать ее не желает. Дождалась она, когда муж уснет, вышла на крыльцо и начала танцевать. Мужской танец танцует — она мастерица, женский танец танцует — она мастерица. Вдруг появились тут двадцать молодцев с ножами и топорами, весь город покрыли ровными тротуарами. Только забрезжил рассвет, будит жена мужа:

— Вставай, пора! Вот тебе молоток и плоскогубцы, иди работай.

Скоро и слуги царя пришли за ним.

— Иди за нами, — говорят они, — царь тебя вызывал.

Говорит ему тесть:

— Выполнил ты мое задание, но на этом они не кончаются. Пока спит этот город, пока спит эта деревня, ты должен построить церковь. Если до утра не справишься, ждет тебя смерть.

Спрашивает дома жена, зачем его отец вызывал, почему он закручинился.

— Что мне делать? Руками не били, палкой не били, приказал мне твой отец за одну ночь церковь построить.

Вечером опять муж спать собирается, снова говорит ему жена:

— Что же ты укладываешься, кто работать будет?

Дождалась жена, когда муж уснет, вышла на крыльцо танцевать. Танцует мужской танец — она мастерица, танцует женский танец — она мастерица. Появилось тут двадцать молодцев с ножами и топорами, построили они церковь. Разбудила жена мужа на рассвете, дала ему плоскогубцы и молоток, отправила его на работу. Вызвали его скоро к тестю. Встретил он зятя ласково:

— Дорогой мой зятек, я ведь попутил вчера, а ты такие дела ворочаешь. Сегодня вечером пойдите с моей дочерью в церковь, пусть она просвирки печет, а ты молитвы читай. Если не выполнишь задание, ждет тебя смерть.

Нечего ему делать, пришел домой, рассказал все жене и лег спать. Пришла она в церковь, плюнула в угол — появился муж ее и начал читать молитвы. Плюнула в другой угол — появилась женщина, похожая на нее, стала печь просвирки. Прибежала она домой, разбудила мужа:

— Бежим, некогда нам спать. Отец нас в покое не оставит.

Сходила жена на конюшню, запрягла отцовского коня, и уехали они из дому. Сходил утром царь в церковь, видит: зять молитвы читает, дочь печет узорчатые просвирки. Пришел царь домой, рассказал все жене.

— Это все проделки твоей дочери,— ответила царица.— Они уже давно уехали.

В это время они продолжали свой путь. Много времени прошло, мало прошло, вдруг жена спрашивает его:

— Ты что-нибудь заметил или нет?

— Нет.

— Отец ведь нас догоняет.

Когда царь был совсем близко, они превратились в старика со старухой, а конь их — в теленка. Нагоняет их царь и спрашивает:

— Не проезжали ли по этой дороге дочь моя и зять?

— Не до твоих нам дел, дорогой, никого не видели. Тридцать лет мы искали своего теленка, только теперь нашли.

Уехал царь ни с чем обратно. Говорит ему дома жена:

— Это все проделки твоей дочери, удалось им обмануть тебя.

Вскоре пустился царь в погоню и вскоре догнал беглецов. Говорит жена мужу:

— Сделай хоть что-нибудь, твой черед настал. Если не можешь, нам отец не простит обмана.

Появилась тут откуда-то железная бочка. Спрятались они в нее. Начал тесть колотить по бочке, развалилась она и выдала беглецов. Крепко рассердился зять, плюнул на тестя. Тот превратился в железный столб. Стал тут царь каяться, плакать, просить прощения. Простили они ему все и на этом разъехались. Приехал сын домой, видит: у матери с отцом один угол дома остался, один уголок в очаге тлеет. Бросил он в отверстие очага ком снега, погасла последняя искра. Раздался родной голос матери:

— Что за птица хищная надежду нашу погасила?

Вошли они с женой в дом, говорит сын родителям:

— С моего отъезда не прошло и трех дней, а вы уж умирать собрались.

Пнул он свою мать, подлетела она к самым облакам. Опустилась на землю, превратилась в девочку трех лет, кисти платка по земле тянутся. Пнула невестка старика-отца, подлетел он к самым облакам, опустился на землю трехлетним мальчиком. И живут они счастливо до сих пор.

91. Золотой конь

Жил в одном городе старик со своей дочерью. Долго жили так, коротко жили так, не знаю. Однажды вечером говорит старик дочери:

— Поищи у меня в голове, доченька.

Стала дочь искать в голове отца, увидела золотую вошь.

— Отец, можно я дуну на нее?

— Не делай этого, доченька, не до песен тебе будет, не до сказок тебе будет.

Не послушалась дочь отца, дунула на вошь, и та превратилась в золотого коня. Говорит тогда отец:

— Ну что теперь делать? Раз так, пусть будет он Появившийся из Гниды Конь, Появившийся из Вши Конь. Кто скажет, как зовут коня, тому отдам в жены дорогую пригожую дочь.

Во время их разговора сидел на крыше злой колдун и все слышал. Прошло немного времени, стали свататься к дочери старика. Но никто не мог отгадать клички коня. Вдруг отворяется дверь, входит с улицы злой колдун ростом с вершок, голова с огромный берестяной кузов. Говорит, усмехаясь:

— Я-а, а... Кто не знает клички коня: Из Гниды Появившийся, Из Вши Появившийся.

Испугался старик, только некуда деваться — сам обещал дочь выдать замуж. Плачет дочь неутешными слезами по прежнему житью-бытью. Собралась она наконец в дом мужа-колдуна. Говорит ему:

— Ты поезжай вперед, я приеду за тобой.

Злой колдун уехал. Говорит конь хозяйке:

— Ноги мои, хвост обмотай берестой¹, садись на меня. Я тебя увезу, а там выбирай сама, что делать.

Села она на коня, поднялись они в воздух и понеслись. Слышит она погоню. Схватил колдун коня за хвост и ноги, только скрученная береста отвалилась. Так он и отстал. Поднялся конь выше туч, облаков. Летел, летел, привез ее наконец в царский город. Опустился конь на землю и сказал:

— Здесь живет глава города Орт-ики, у него есть три сына. Войдешь к ним в дом, напоят, накормят. Спать захочешь — постелят тебе шкуру оленью, ты ее положи головной частью к ногам. Меня к толстому дереву не привязывай, к молодой траве, травке привяжи, я никуда не денусь.

Все так и случилось. Вошла она в дом, напоили ее, накормили. Ложась спать, оленью шкуру головной частью к ногам повернула. Так и уснула. Узнали хозяева, что женщина к ним пришла. Вышла она здесь замуж за младшего сына Орт-ики. Долго жили, коротко жили, только ушел муж на войну, взял золотого коня с собой. Наказывала ему жена:

— Береги коня, не привязывай его к толстому дереву.

Вскоре после отъезда мужа родился у нее сын. Отправила она к мужу слугу с радостной вестью. Написали ему бумагу: «После твоего отъезда жена родила тебе сына: на одной щеке месяц сияет, на другой щеке солнце сверкает». Едет слуга с письмом, уж вечер настал. В темноте он в яму провалился. Видит: сидит колдун с вершок и костер жжет.

— Эхей! Куда едешь, что везешь? Давай сюда, если не дашь — убью.

Испугался слуга и отдал письмо. Прочитал колдун письмо, порвал и другое написал: «После твоего отъезда жена родила тебе щенка». Взял слуга бумагу и дальше поехал. Приехал к хозяину, прочитал тот бумагу, опечалился. Но ответ написал такой:

«Пусть хоть щенок будет, до моего приезда оставьте живым-здоровым». Собрался слуга домой. Едет и думает: «По другой дороге ворочусь». Едет по другой дороге, неожиданно провалился под землю. Стоит перед ним колдун с вершок, смеется:

— Дай бумагу сюда, не то убью.

Снова отдал слуга письмо. Прочитал его черт, порвал, новое написал: «Прогоните обоих из дому, чтобы до моего приезда их не было». Поехал гонец с письмом дальше. Прочитал письмо отец мужа, напугались все дома. Жаль невестку, хороша она, но что делать, если сын приказал прогнать. Отправили они ее из дому с сыном.

Пошла она за город, вспомнила тут про коня. Появился он наконец с большим бревном на шее. Говорит ей конь:

— Нет у меня сил везти вас. Распори мне живот, войдите туда, а там сама выбирай, как быть.

Так она и сделала и как будто уснула. Когда проснулась, видит: сын ее уже бегаёт и кричит:

— Мама, мама, отец пришел!

Взглянула она в окно, видит: катается черт на крыше. Схватила она меч, приоткрыла дверь и крикнула:

— Иди сюда, заходи!

Только сунулся он в дверь, отрубила она ему голову. Вышла тогда на улицу, развела огромный костер, до самого неба. Бросила туда черта. Когда все сгорело, развеяла пепел по свету, приговаривая:

— Пусть никогда больше не будет на белом свете такой заразы!

Смотрит она: по дороге идет ее муж, плачет, горько проклинает себя. Позвала жена его в дом, помирились они, стали жить счастливо.

92. Богатырь, росший три дня

Жил муж с женой. У них не было детей. Наконец у них родился сын. В первый же день он стал ходить. На второй день пошел на охоту. На третий день стал приносить домой дрова. Как-то пошел он в лес за дровами. На этот раз он принес столько дров, сколько могли привезти десять лошадей. Когда он сбросил дрова на землю, задрожал весь город. О нем заговорил весь город. Узнал об этом и царь. Привели мальчика к царю. Царь ему сказал:

— У меня нет в городе богатыря. Будь ты богатырем, охраняй наш город.

— Согласен, царь-отец, — сказал мальчик, — буду охранять город.

Царь продолжал:

— Я тебе и твоим родителям построю новый дом.

Скоро построили ему новый дом, где он и стал жить. Но скоро надоело ему в одном городе жить, пошел он к царю и сказал:

— Хочу я по свету походить. Надоело на одном месте сидеть, поищу-ка я человека сильнее меня. Хочу силой помериться.

Стал его царь уговаривать:

— Не уезжай от нас, богатырь! Кто же будет наш город охранять?

Как ни упрашивал царь, богатырь не согласился остаться. Тогда царь дал ему коня доброго, кольчугу, лук и стрелу. Попрошался богатырь с царем и отправился куда глаза глядят. На следующее утро прибыл он в незнакомый город. Едет по улице, никого не видно. Кончилась эта улица, свернул на каменную улицу. Едет, едет, видит: на конце улицы стоит высокий человек, выше домов ростом. Говорит этот человек ему:

— Здравствуй, богатырь, росший три дня!

Испугался парень: «Откуда он знает, что я рос три дня?»

— Здравствуй,— поздоровался он.

Этот высокий мужчина сказал:

— Пойдем ко мне домой.

Поехал молодой богатырь за этим человеком. Мужчина напоял его чаем и спросил:

— Куда ты едешь?

— Я еду искать сильного человека, чтобы силой помериться,— ответил богатырь, росший три дня.

— Не ездь ты никуда, молодой человек. Мне жаль тебя. Все равно кто-нибудь найдется сильнее и убьет тебя. Возвращайся лучше обратно и охраняй свой город,— сказал этот человек.

— Нет, я все равно пойду мериться силой,— ответил молодой богатырь.

— Хочешь послушать сказку?— спросил тот человек.

— Хочу.

— Так слушай. Когда я был молодым, я тоже хотел найти сильного человека. Собралось нас семьдесят человек со всех земель, построили себе дома на перекрестке дорог. Кто бы ни проезжал мимо нас, оставался без оленей, богатства, денег. По ночам охраняли эти богатства десять человек. Нам нравилось так жить, ведь не было никого сильнее нас. Сидим однажды ночью, охраняя богатства. Вдруг земля задрожала. Смотрели мы на дорогу, смотрели—увидели маленького мужчину. Мы не могли поверить, что под ним земля дрожит. Поскорее разбудили тех, кто спал. Встали у дороги и стали ждать, когда он подъедет к нам и что будет дальше. Мужчина подъехал к нам, прилег на своего маленького коня, закурил паниросу и спросил: «Откуда у вас столько добра?» Мы ответили: «Это отобрано у людей. Если ты узнаешь, что изменится? И тебя можем убить так же». Тогда мужчина сказал: «То, что взяли у людей, верните и не мучайте больше их». Мы ответили: «Тебе какое дело? И тебя можем туда же отправить». Человек этот закричал: «Молодые вы еще, чтобы меня убить! Скорее всего я с вами расправлюсь».

Мы ничего не ответили. Мы ждали, что он будет делать. Он докурил паниросу и вытащил из кармана какой-то сверток. Это

был маленький меч. Мы думали: «Как же он может нас им убить?» Он взял меч за острие и стал точить. Когда закончил, спросил нас: «Будете еще обижать людей?» Мы ответили: «Не собираемся прекращать, лучше тебя убьем». После этого он сказал: «Если не хотите жить, ваше дело». Он опустил меч, и мы не знали, когда небо потемнело, когда земля опустилась. Очнувшись я, оказывается, лежу в сугробе. Этот человек кричит мне: «Вставай, мужичок, зачем ты в сугробе? Посмотри, что с твоими людьми». Встал я, оказывается, все товарищи мои убиты; где голова валяется, где кишки на пне, где ноги, где руки. Я совсем испугался, думаю: «Быть и мне убитому». Говорит мне этот человек: «Не бойся, ты будешь жив». Сошел он с коня на землю, взял бумагу и написал: «Чьи богатства здесь, придите и заберите свое. Кто возмет больше, будет наказан богом». Приклеил он бумагу к столбу, а столб поставил посреди дороги. После этого мне сказал: «Садись сюда, поедем в мой город». Я подумал: «Неужели такой маленький конь выдержит меня?» Говорит тогда этот мужчина: «Что ты! Конь мой тебя выдержит, скорей ты устанешь ехать».

Так я сел на коня. Сначала конь набирал скорость, потом взлетел. Летели мы выше облаков. Летели, летели, наконец конь стал опускаться. Смотрю я вниз и вижу огонь. Чем ближе мы опускались к земле, тем больше становился огонь. Я сказал этому мужчине: «Какой земли ты человек — не знаю, зачем ты меня на огонь везешь?» Он отвечает: «Не видишь разве, там внизу не огонь, а мой город». Опустились мы вниз. Действительно, это был золотой город, от него так светило, что я глаз не мог открыть. Дал мой спутник корма коню и привязал его к столбу. Когда вошли в его дом, на меня нахлынули золотые волны. Только хотел пройти, они отнесли меня к порогу. Тогда привезший меня человек сказал: «Не горюй, мужичок, возьми полотенце у двери, протри глаза». Протер я глаза, прошел к нему. Вместе чай пили, потом он сказал: «Отдохни теперь».

Я лег спать. Не знаю, сколько спал, вдруг слышу его голос: «Долго ты спал. Семь дней проспал, действительно богатырь». Когда чаю напились, он сказал: «Сейчас поедем воевать». Сели мы на коней и поехали. Мой спутник предупредил: «Поедем туда, где начинается вход в подземное царство. Из-под земли выйдет карлик, мы будем драться. Если он будет меня одолевать, ты этого коня брось через нас». Скоро мы приехали на то место, где был вход в подземное царство. Навстречу нам вышел из-под земли карлик. Мой товарищ соскочил с коня и стал бороться. Карлик оказался сильнее и повалил моего спутника на землю. Я схватил коня за оба уха и перебросил через них. Мой спутник тут же поднялся, ударил карлика об землю с такой силой, что у того покатила голова. Мой спутник хотел поймать голову, но она укатилась в подземное царство. Тогда он крикнул: «Зачем я сделал для детей широкую дорогу в подземное царство?!» После этого он разрубил оставшуюся часть карлика и бросил в костер.

«Я хотел убедиться в твоей силе,— сказал мой спутник,— поэтому расслабился. Ты, конечно, силен, богатырь. Мой конь весит столько, сколько весит половина земли».

После этого мы отправились в обратный путь. Мой спутник сказал тогда: «Знаешь ли ты, кто я?»— «Не знаю»,— ответил я. «Я — Юван, сын царя. Больше никогда не ищи человека сильнее тебя. Знай, что сильнее всегда найдется. С этих пор ты будешь царем. Если кто-нибудь захочет с тобой воевать, ты всегда будешь знать об этом. Будешь знать, в каком городе кто родится». После этого мы сели на коней, и он отвез меня на прежнее место. Мы попрощались, оттуда я пешком отправился домой. С тех пор живу в этом городе и охраняю его. Как ты живешь, я тоже знаю. Лучше ты, молодой богатырь, росший три дня, вернись домой, охраняй свой город.

Тогда богатырь, выросший за три дня, отправился домой. Царь очень обрадовался его возвращению. Стали его спрашивать, как он съездил, видел ли человека сильнее себя.

— Нет, никого не видел,— ответил молодой богатырь.

Царь сказал:

— Хорошо, что ты вернулся.

С тех пор молодой богатырь стал охранять свой город.

93. Птица Карс

Отец парня под замком держал. Почему под замком держал — не знаю. В темном месте в подполье держал. Он как-то свет увидел, в дырочку подсмотрел:

— Какой белый свет краспый! Почему меня отец под замком держит?

Раскопал дыру, вышел на белый свет. Здесь птицы всякие летают, так хорошо! А отец строго ему наказал не выходить. Вышел на берег, там корыто. Сел, поехал по воде. Потом снова в подпол спрятался. Отец что-то догадался, спрашивает:

— Однако ты выходил?

— Нет!

Второй раз вышел, пошел на берег, в корыте по воде ездил. Подходят старики, просят:

— Увези нас, нам в город надо.

— Как я вас на корыте перевезу?

— Как-нибудь, перевези только.

Он перевез.

— Ты нас перевез, теперь тебе счастье будет. Женишься, тебе счастье будет. Пойдешь завтра, там ветвистая береза растет. Выкопашь ее, поставишь, тебе каждый день будет золото.

Он пошел, увидал ветвистую березу. Выкопал, принес домой, поставил. Утром встал, на нее разные птицы прилетели, клюют, и золото падает. Каждый день золото падает¹. Отец приходит:

— Опять ты выходил?

— Нет, я не выходил.

Один раз сознался:

— Я хочу выйти на белый свет, я счастье нашел.

И рассказал все. Отец спрашивает:

— Где ты столько золота берешь?

— Вон береза, с нее золото падает, когда птицы клюют.

Снова вышел из подпола, думает: «Сегодня я подальше пойду».

Старики ему еще баночку дали. Если ее бросить на пол — конь выйдет. Он бросил баночку, вышел вороной жеребец, чернокрылый. Поехал разгуляться. Вдруг впереди пламенный огонь. Думает: «Вот я попал!»

Конь говорит по-человечески:

— Ты не бойся, три раза меня ударь по левой стороне.

Он сделал так. Три раза ударил его по левой стороне, конь крылатый сделался, перелетел через огонь. Ехали, ехали, приехали в одну деревню. Там все люди слепые.

— А почему вы все слепые?

— Не знаем. Куда ты идешь? Вылечи нас, тогда возьмешь царскую дочь-красавицу.

— Где мне на нее посмотреть?

А они слепые, сами ее не видят. Стоит дом высокий, девушка из окна выглядывает. Красивая, косу опустила вниз. Он думает: «Как мне выручить их? Слезжу дальше».

Им сказал:

— Доеду до одного места. Когда приеду, вам помогу.

Ехал, ехал, вдруг видит: стоит большое дерево. Там две птицы Карс летают, песок таскают на гнездо. Песок сыплется, его несет на деревню, людям на глаза, люди слепнут. Он залез в гнездо, там два маленьких птенчика. Он им шею перевязал веревочками. Птицы к нему скоро прилетели:

— Помоги, у нас птенцы заболели. Может, поможешь, вылечишь?

— Вылечу, если вы гнездо уберете на другое место. Люди из-за вас все ослепли. Буду лечить вас.

Залез, птенцов развязал, вниз спустился:

— Вот, вылечил.

— Приедешь в деревню, все люди с глазами будут.

Птицы улетели с этого места. Он едет назад в деревню. Все люди уже с глазами.

Надо свадьбу играть. Женился, весь народ пришел на свадьбу гулять. Решил невесту домой везти. Едут, едут, вдруг костер пламенный, все еще горит. Она говорит:

— Мы сгорим.

Конь ему говорит:

— Ударь меня как в тот раз три раза с левой стороны. Сверху огонь переждем.

Он ударил коня три раза с левой стороны, перескочили огонь. Приезжает домой с невестой к отцу. А тут золота отцу полный

стол насыпалось. Дом стоит железный-каменный. а птицы все еще золото носят. Так они живут, сыновей-дочерей замуж отдают и снова города строят.

94. Лиса в лодке

У нас, я слыхал от старика-покойничка, когда женился, такое было. Лиса бежит вдоль берега, ей уже есть нечего. Семеро мужиков едут. Она на песке легла кверху ножками. Один мужик говорит:

— Смотри, лиса пропала, подберем ее.

Взяли за задние ноги и бросили в лодку. Раньше лодки крытые были, как чумы, там ребятишки. Как плес длинный попадет, мужик лисе:

— Как этот плес зовется?

Лиса:

— Голодный остров!

Дают ей строганины. Раньше луками охотились. Едут дальше, омут большой.

— Какой омут?

Лиса:

— Мы тут раньше луки топили.

А она тетивы перегрызла. Кинулись луками ее стрелять, руками не стали — вроде неудобно, легкая добыча. Едут дальше, она питается. Опять плес длинный, рядом хороший сосновый бор.

— Какой плес?

Лиса:

— К голодному плесу-бору прибыли!

Хватают ее и выбрасывают за задние ноги.

95. Воробышек с сестренкой

Жил воробышек и его сестренка. Раз воробышек пошел сети проверять. Он поймал большую щуку. Он делает нарту сосновую, потом березовую, все у него ломается. Потом делает железные санки. Он щуку положил на нарту, кое-как домой привез. Домой принес и говорит сестренке:

— Свари рыбу, мне оставь голову и внутренности.

А сестра все съела, простую рыбу оставила. Потом воробышек влетел:

— Тя-тя-тя, здравствуйте вам!

Не стал рыбу есть, улетел. Прилетел к дому медведя Савски. Он увидел тарелку с маслом, стал есть масло. Потом еще раз поел и не может подняться, сел в уголок. Потом приходит медведь:

— В моем доме что-то темнеется.

Медведь его поймал и хотел зажарить. А воробышек ему говорит:

— Не жарь меня, я тебе дам в жены свою сестренку.

Медведь ему говорит:

— Ты полетишь, а я как увижу, куда ты летишь?

А воробышек ему говорит:

— Одним крылышком по земле бороздить буду, я догоняй.

Потом воробышек пришел домой и говорит:

— Сестренка, я тебя отдам медведю.

Сестренка заплакала, и воробей ей говорит:

— Приготовь топор, постель и мою шагу¹. Двери сделай маленькие!

Потом пришел медведь, стал заходить и говорит:

— Что у вас двери маленькие?

— Заходи, ничего не маленькие.

Сестренка схватила топор. Как стукнет его! А воробей его шагагой пырнул, и он умер, и его подожгли.

96. Зайчик и лягушка

Зайчик живет в избушке. Он жил один и катался день и ночь. Один раз приходит домой, а в избушке что-то маячит. Он испугался, а лунг кричит:

— Я тебя зарублю!

Выходит зайчик из избы и плачет ночь и день. Вдруг в лесу шум, это лиса идет навстречу и спрашивает:

— Что плачешь, кто тебя обидел?

— У меня в избу кто-то пришел.

Пошли они двое, а тот снова кричит:

— Я вас топором зарублю и ножом зарежу!

Пошли лиса и заяц по лесу, плачут. Идет волк навстречу:

— Что плачете?

— У зайца в избе кто-то не пускает. Мы двое пошли, тоже не пускает.

Пошли трое в дом, опять их лунг прогнал. Пошли трое по лесу, плачут. Слышат, кто-то лес ломает. Выходит медведь. Рассказали ему, медведь с ними пошел. Пришли к дому, лунг только успел сказать:

— Топором зарублю, ножом...

И медведь изломал дверь. Там сидит лягушка, у нее деревянный топор и деревянный нож. Этим она и пугала. Они ее съели.

97. В доме бурундука

Бурундук с охоты домой возвращался. Слышит, в его доме кто-то шаманит. Убежал бурундук в лес, чтобы помощь найти. Встретил зайца и говорит:

— Пойдем со мной, у меня дома кто-то шаманит. Нужно выгнать.

Заяц ему отвечает:

— Пойдем еще кого-нибудь позовем.

Шли, шли и лису встретили. Сказал ей бурундук то же, что и зайцу. Лиса говорит:

— Еще нужно помощи искать.

Шли, шли и встретили медведя. Бурундук говорит ему:

— Пойдем ко мне, у меня дома кто-то шаманит, нужно выгнать.

Медведь отвечает:

— Пойдемте, я вам помогу.

Заходят в дом к бурундуку, а там лягушка шаманит, прыгает по полу. Медведь говорит:

— Кого вы испугались!

Схватил лягушку за голову и выбросил на улицу. Лиса говорит:

— Давайте устроим поры.

Назначили, кто должен Торуму петь и кричать. Медведя назначили. Начал медведь петь и плясать. Поет, а лиса его в это время обзывает:

— У всех в лабазах ворует, в каемах оленей убиваешь и ешь их.

Медведь очнулся и говорит:

— Кто меня обзывает?

Лиса отвечает:

— Это заяц.

Медведь стукнул зайца лапой и убил. После этого медведь снова начал петь и плясать, а лиса его так же обзывает. Медведь перестал петь и спрашивает:

— Кто меня дразнит?

Лиса отвечает:

— Это бурундук.

А сама в это время роет норку возле стены. Медведь схватил бурундука лапой, но тот увернулся и убежал. Только на спине у бурундука полосы остались — следы от медвежьих когтей. Медведь снова начал петь и плясать. Лиса снова начала его обзывать. Медведь спрашивает:

— Кто меня дразнит?

Лиса отвечает:

— Это я.

Медведь хотел ее царапнуть, но лиса в норку нырнула, которую сама выкопала. Медведь полез в эту норку и застрял, ни вперед, ни назад вылезти не может. Лиса в это время вышла на улицу, развела огонь и давай пещню накалывать. Когда пещня докрасна накалилась, лиса всадила ее медведю в спину. Так лиса себе много пищи запасла.

98. Старик и медведь

Жил дедушка. Он поймал маленького медведя. Притащил его домой, стали вместе жить. И вот медведь большой стал. Однажды медведь рассердился. Старик испугался и подумал: «Сейчас медведь на меня налетит».

Медведь перепрыгнул костер и выбежал на улицу, там с другим медведем подрался. Старик тоже выбежал и кричит:

— Сынок, отойди!

Старик выстрелил в того медведя, говорит своему:

— Иди домой.

Старик с медведя шкуру снял и потом мясо стал есть. Он разбудил своего медведя:

— Теперь ты спишь.

Они жили, жили, и как-то раз старик сказал медведю:

— Иди куда хочешь.

Привязал к руке цепь и добавил:

— Люди будут в тебя стрелять, руку подними.

И он ушел и лежит в берлоге. Охотники пришли, стреляли, он руку поднимал все время. Пять рогатин сломал.

99. Жирный глухарь

Эту историю все знают. Жили старик со старухой. Один раз мужик сидит на улице, морды делает. Смотрит: глухарь сел на дерево. Раз, взял лук со стрелой, выстрелил. Глухарь упал. Он жене говорит:

— Иди свари его.

Она начала варить. Обычно, когда ханты жирное варят, жир снимают. Стала дуть, кричит:

— Эй, муж, моя чашка уже заполнилась!

Он отвечает:

— Жена, дуй, дуй!

Некоторое время прошло, она кричит:

— Уже все маленькие чашки заполнились!

— Жена, дуй, дуй!

Через некоторое время она кричит:

— Все большие чашки заполнились!

— Жена, дуй, дуй!

— У меня уже пятки скрывает!

— Жена, дуй, дуй!

— Уже до живота дошло!

— Жена, дуй, дуй!

— Уже до шеи дошло!

— Жена, дуй, дуй!

Потом муж прислушался — ничего не слышно. Пошел в дом, а она в жиру задохнулась.

100. Жирный кулик

Жили муж с женой. Пошел как-то муж запор для ловли рыбы ставить. Поставил запор. Однажды пошел проверять его. У запора увидел кулика. Тут же вернулся и сказал жене:

— У запора я видел кулика, ты его иглой уколи.

Жена ему ответила:

— У тебя есть стрелы и лук, ты и убей его.

Муж сделал стрелы, пошел к забору и убил кулика. Вернулся домой с добычей, и тут же стали его варить. Весь котел наполнился до краев жиром. Муж с женой залили жиром все чашки, больше уже не было посуды. Из котла жир потек на пол. От страха муж с женой изобразились на кровать. Скоро жиром наполнился весь дом, и муж с женой захлебнулись. Таким жирным оказался кулик.

101. Пташечка

Жила пташечка, у нее был лучок со стрелками.

— Пташечка, пташечка, куда ты лучок положила?

— На пеньк положила. Огонь загорелся, и лучок сгорел.

— А костер куда девался?

— Дождик прошел и костер потушил.

— А дождь куда девался?

— Две девчонки прибежали и проглотили.

— А куда две девчонки девались?

— Они убежали по воду. Ушли и не вернулись.

102. Птичка

— Птичка, птичка, зачем тебе крылышки?

— Я крылышками балаган закрываю. Весной закрываю, зимой закрываю.

— Птичка, птичка, зачем тебе ноги?

— Ноги мои, я ими подпорки для балагана делаю.

— Птичка, птичка, а зачем тебе голова?

— А там мозг в кузеньке. Я его зимой ем, весной ем.

— Птичка, птичка, а зачем тебе глаза?

— А мои глаза — это на середине неба две звездочки. Они зимой светят, летом светят.

— Птичка, птичка, а зачем у тебя нос?

— Это моя ложечка, я из нее день пью, ночь пью.

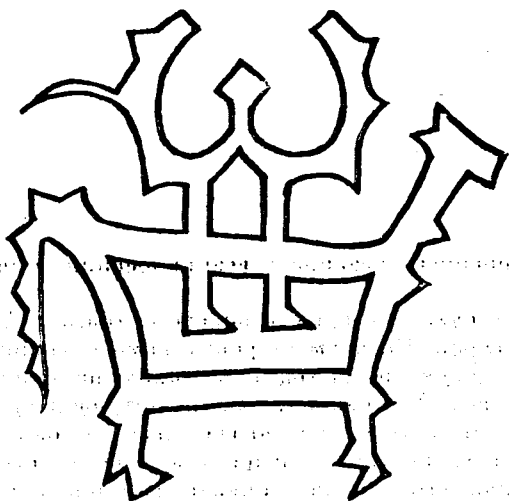
103. Красный платок и черный платок

Жили красный платок и черный платок. Красный платок утром встает, огонь зажигает, а черный платок целый день лежит, ничего не делает. Красный платок за дровами ходит, а черный

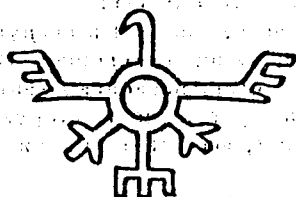
платок лежит. Однажды встал черный платок, куда-то пошел. Целый день ждал-ждал, черного платка нет. Он пошел искать, черный платок нашел. Смотрит: черный платок кто-то разорвал. Красный платок плакал-плакал, домой пошел. Так он живет.

104. Ягодка, клюква и сено

Ягодка, клюква и сено живут. Клюква с ягодкой всегда работают, а сено все лежит. И вот они подумали: «Завтра полежим, что сено будет делать?» Утром лежат. Сено где-то под вечер встало, огонь зажгло и сгорело. Клюква хотела подбежать и лопнула. Ягодка бежит и смеется. И тоже лопнула, живот лопнул.

мифы, предания, сказки манси

105. Священное сказание о возникновении земли

Живут старуха и старик тундрового холма¹. У них есть белоснежный ворон. По двум сторонам дома сплошная вода, земли совсем нет. Старик не выходит на улицу, не знает, какова местность около дома². Пока они так живут, однажды с неба слышится какой-то шум. Старик выглядывает из окна: сверху, с неба, летит железная гагара, ныряет в воду³, чтобы найти землю. Ходила-ходила, вынырнула — никакой земли не нашла. Вдохнула-вдохнула, опять нырнула в воду. Ходила-ходила, вынырнула — опять пусто, нету земли. Немножко вдохнула, третий раз нырнула, а когда вынырнула, так вдохнула, что горло лопнуло⁴, но в клюве у нее была крошечка земли. Взлетела и удалилась в сторону неба.

Старуха и старик легли спать. На следующий день, когда они встали, с неба снова слышится какой-то шум. Старик смотрит в окно: с неба вниз летит гагара⁴. Ныряет в воду. Ходила-ходила, когда вынырнула, ничего у нее нет, пусто. Немножко вдохнула-вдохнула, снова нырнула в воду. Снова ходила-ходила, когда нырнула, тоже ничего нет. Немножко вдохнула, третий раз нырнула, когда вынырнула, так вдохнула, что макушка лопнула⁵. В ее клюве — большой кусок земли. Клюв обтерла об угол тундрового холма, потом улетела в сторону неба.

Старуха и старик легли спать. На следующий день, когда они встали, земля была шириной с подошву. На второй день, когда они встали, земля уже была насколько хватало глаз — настолько она увеличилась. На третий день старуха и старик смотрят в окно: воды совсем нет, все стало землей. Старик говорит белоснежному ворону:

— Иди-ка посмотри, какой величины стала земля.

Ворон улетел, полчаса летал — земля такой величины стала. Старуха и старик легли спать. Снова встали, снова посылают ворона, чтобы посмотреть величину земли. Ворон с дороги вернулся только к полудню — такой величины земля стала. На третий день, когда они встали, снова говорит ворону:

— Иди-ка посмотри, какой величины земля стала.

Его все нет и нет, так и занечерело. Время спать ложиться, тут он, почерневший, прилетел. Старик говорит ворону:

— Ты что-то наделал в дороге.

Говорит ворон:

— Что я мог наделать? Один человек умер, я поел немного, но-за этого, что ли, я почернел?

— Если ты ел человека, то убирайся отсюда. Настанет на свете век человека, настанет на свете время человека, и не сможешь ты добывать лесного зверя, не сможешь добывать речную рыбу, на том кровавом месте, где человек добыл лесного зверя, ты и утоляй голод. А в другие дни ложись голодным.

Ворон улетел в лес, до сих пор там живет.

Теперь старуха выходит из дома. Когда заходит, говорит старику:

— Старик, за домом вырос куст.

Старик говорит:

— С теми корнями, что есть, с теми ветвями, что есть, заноси его.

Женщина выкопала дерево, занесла. И старик узнает его: это кедр⁶. Говорит старухе:

— Вынеси и посади туда же.

А старик-то сам не выходит из дома. Легли они спать с женой. Когда он встал, жены нет. Ушла она куда-то, что ли? Старик не выходит, так и живет дальше. Живет так четыре-пять недель, заскучал. Хотя ему нельзя выходить, в этот день он вышел искать жену. Подошел к двери, жена на улице, слышно, говорит:

— Не выходи, мой сынок уже дорос до охоты на белок. Я через неделю зайду, а ты не выходи⁷.

Неделю она прожила, потом зашли мать с сыном. Сын уже бегает. Песенный человек, сказочный человек разве долго растет? Старуха и старик дальше живут-поживают. Их сын дорос до охоты на лесного зверя. Из сердцевины ствола, обструганного на стружки, делают ему лук, из сердцевины ствола, обструганного на стружки, делают ему стрелу. Начал он охотиться в речном краю, в лесном краю.

Говорит старик:

— Какое имя мы дадим нашему сыну?

Старуха говорит:

— Если бы у нас была дочь, я бы дала ей имя, а мальчику пусть отец дает имя.

Говорит старик:

— Какое имя я дам? Его имя пусть будет Тарыг-пещ-нимали-сов⁸.

Тарыг-пещ-нимали-сов идет в лес. Наполняет многие амбары горного края, наполняет многие амбары лесного края; соболей, лось просто сами падают. Пока он так ходил, захотел воды попить. В одном месте нашел свободную ото льда речку, прилег, чтобы попить, оттуда смотрит бородастый человек. Отпрянул в страхе. «Здесь, наверно, какая-нибудь чертова река, — думает, — в ней черт, здесь нельзя пить»⁹. Пошел, прорубил лед на озере, снова прилег попить. Снова оттуда смотрит бородастый старик. Снова думает: «Это какое-нибудь чертово озеро». Потом ушел на

Обь. Он дошел до середины Оби, прилег, снова бородатый человек смотрит на него. Он ощупывает себя — это его же борода отражается. Попил обской воды, потом пошел домой. Зашел, присел на скамейку, как без рта, как без языка: о чем бы мать его ни спрашивала, он ничего не говорит.

Говорит мать:

— Раз не говоришь, то как попадешь когда-нибудь в беду, то вниз тебе не уйти, вверх тебе не уйти.

Говорит отец:

— Ты сел, как без рта, как без языка, неужели ты плохо думаешь о нас?

Только теперь заговорил сын:

— За время, пока моя борода так выросла, неужели ты не знал про женский край, где женщины ходят?

Отец говорит:

— Я же не выхожу. Где находится женский край, где ходят женщины, я не знаю. Ты человек, объезжающий земли, ты человек, объезжающий реки, женский край, где ходят женщины, ты сам ищи.

Тарыг-пещ-нимал-сов обернул голову, глаза и лег спать. На следующий день встал, его отец говорит:

— Иди к развалившейся конюшне, там покопай. Если чего-нибудь добьешься, то добьешься, а если не добьешься, то как хочешь.

Сын вышел, подошел к углу развалившейся конюшни. Конский навоз начал копать, там показался конец вожжей. Он захватил конец вожжей и выдернул — такой конь там стоял, как будто сдыхать собирается, просто качается туда-сюда. Щелкнул ногтем между глаз — стал таким конем, что если выдыхает, то из одной ноздри искры клубятся, из другой ноздри дым клубится. Стал трехлетним конем.

Он прыгнул на спину своего коня, тот взлетел, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Так на спине коня достиг Тарыг-пещ-нимал-сов Обь. Вот он идет по обскому яру, на вершине яра три осины стоят. Один лист кажется золотым и так крутится, что глазами не уследить. Тарыг-пещ-нимал-сов думает: «Каковы мои руки? А ну-ка, я выстрелю туда». Выстрелил стрелой из сердцевины ствола, обструганного на стружки, прострелил середину листа.

После того как выстрелил, на него навалился сон¹⁰. Он заснул, ему снится, что где-то ругается женщина: «Ну вот, дети такие фокусы делают: обходят землю, обходят реку и стреляют в шубу для укрывания».

Когда он проснулся на спине коня, оказывается, он спит в дверях какого-то дома. Спускается с коня, заходит в дом, там женщина говорит:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нимал-сов, только сейчас пришел? Долго же ты спал. Торум спустил тебе жену, Паранарсех¹¹ ее украл.

Тарыг-пещ-нимал-сов говорит:

— Его дело, пусть крадет. Разве я был женат до сих пор? Без жены жить тоже хорошо.

Тетя накормила, напоила его, и он поехал дальше. Тетя подарила ему обоюдоострый нож, железную ястребиную шкуру, железную заячью шкуру подарила ему, железную мышиную шкуру и маленькую щучью шкуру подарила ему.

— Племянник,— говорит она,— теперь пойдешь, а когда придешь, то эти мои вещи отдай назад, они нужны мне. Если попадешь в какую-нибудь беду, в какую-нибудь нужду, меня слишком громко не зови, тихонько вспоминай¹². Вот пойдешь, посмотри вниз: там стоят семь войлочных домов, овцы-свиньи кругом кишат, как черви. Спустишься к войлочным домам, из войлочных домов появятся одноглазые люди, у них один глаз вытекший, а другой здоровый. Ты спроси у них: «Чьих овец-свиней вы пасете»? Они скажут: «Пасем овец-свиней Парапарсеха». Ты скажи: «Так не говорите. Говорите так: „Мы пасем овец-свиней Тарыг-пещ-нималя-сова“». Сзади идет огненный царь. Если вы скажете, что пасете овец Парапарсеха, то огонь сожжет вас. А если скажете, что пасете овец-свиней Тарыг-пещ-нималя-сова, то по-хорошему обойдется». Потом вылечи их глаза, дунь на них, пусть у них будет два глаза. Потом пойдешь дальше, снова придешь к семи войлочным домам, коровы кругом кишат, как черви. Опять спустишься вниз, доедешь, покажутся однорукие люди. Спроси у них: «Чьих коров вы пасете»? Они скажут: «Пасем коров Парапарсеха». Ты скажи: «Вы не говорите так. Говорите так: „Пасем коров Тарыг-пещ-нималя-сова“». Если вы не скажете так, сзади идет огненный царь, сожжет вас». Потом дунь на их руки, пусть все вылечатся. Потом опять пойдешь дальше. В одном месте снова будет семь войлочных домов. Кругом везде одни кони. Потом спустишься, приедешь, из войлочных домов выползут одноногие люди. Ты спросишь у них: «Чьих коней вы пасете»? Они скажут: «Коней Парапарсеха пасем». Ты скажи: «Вы так не говорите. Скажите: „Мы пасем коней Тарыг-пещ-нималя-сова“». Иначе сзади идет огненный царь, сожжет вас. И вас не будет, и коней не будет, всех сожжет». Если они по-хорошему отнесутся к тебе, то дунь на их ноги, вылечи их. А теперь иди.

Тарыг-пещ-нималя-сов сел на спину своего коня, взял свой семигранный кнут, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. В одном месте он смотрит вниз: семь войлочных домов стоят, овцы-свиньи кишат, как черви. Конь спустился на землю.

Люди появились из домов, все они одноглазые. Спрашивает их:

— Чьих овец-свиней вы пасете?

— Пасем овец-свиней Парапарсеха.

— Нет, так не говорите. Говорите так: «Пасем овец-свиней Тарыг-пещ-нималя-сова». Если скажете: «Пасем овец-свиней Парапарсеха», сзади идет огненный царь, всех вас сожжет.

Они склонили головы, легли к его ногам — как же мы не скажем: «Мы пасем овец-свиней Тарыг-пещ-нималя-сова!» Он дунул на них, все они стали зрячими.

Сел на коня, снова смешался с идущими облаками, бегущими облаками. Пока он шел, в одном месте смотрит вниз: семь войлочных домов стоят. Милые коровы кишат, как черви. Конь спустился вниз, приземлился. Жители вышли из дома, все они однорукие.

Спрашивает их:

— Чьих коров вы пасете?

— Пасем коров Парапарсеха.

— Так не говорите. Скажите: «Пасем коров Тарыг-пещ-нималя-сова». Сзади идет огненный царь, огонь сожжет вас.

Дунул на них, их руки стали здоровыми. Они ложатся к его ногам — мы стали рукастыми, как же мы не скажем: «Пасем коров Тарыг-пещ-нималя-сова».

С этим он сел на спину коня, снова взлетел. В одном месте смотрит вниз: там кони кишат, как черви, семь войлочных домов стоят. Его конь снова спустился, из домов выползают одноногие люди. Спрашивает их:

— Чьих коней пасете?

— Пасем коней Парапарсеха.

— Не говорите так. Скажите: «Пасем коней Тарыг-пещ-нималя-сова». Если вы скажете так, то по-хорошему обойдется.

— Как мы не скажем, — говорят.

Тарыг-пещ-нималя-сов дунул на их ноги — все они стали с обеими ногами. Его конь двинулся вперед, снова смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Пока он так шел, однажды смотрит вперед: на спине семикрылого железного коня стоит город. Его конь спустился к дверям города. Он спрыгнул с коня, привязал его, зашел. Красавица-девица, богатырша-девица, спущенная ему Торумом, живет в доме. Говорит девица:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нималя-сов! Долго же ты спал! Как же я могла бы быть твоей женой? Теперь я жена Парапарсеха.

Тарыг-пещ-нималя-сов говорит:

— Что мне теперь делать с тобой? И кроме тебя найдется хорошая женщина.

Девица застеснялась. Тарыг-пещ-нималя-сов говорит:

— Слушай-ка, принеси мне чего-нибудь поесть, я голодный.

— Пусть принесет та хорошая, та красивая.

— Ну а у Парапарсеха какая волшебная сила есть?

Говорит женщина:

— Пусть скажет та мудрая, у меня-то мудрости нет.

— Ну скажи, скажи скорей.

Потом женщина принесла ему еду.

— Ну, — говорит он, — расскажи, какая у него волшебная сила.

— Какая у него волшебная сила? Никакой у него волшебной силы нет. Вот скоро, — говорит она, — он прилетит в виде ворона и

сядет на семивершинную лиственницу, все края всех городов он оглядывает. Если он заметит тебя, с криком улетит в лес.

Он поел, вышел. Женищина спрятала его коня. Он пошел к комлю лиственницы, зарылся в землю, только один глаз остался наружу, чтобы смотреть вверх.

Пока он так лежал, послышался крик ворона со стороны вершнего Урала. Смотрит: летит ворон-старик, его лопатки трутся о небо, так высоко он летит. Летел-летел, сел на вершину семивершинной лиственницы. Все края городов до одного осматривает. Потом с криком улетел вдаль. Он заметил Тарыг-пещ-нималю-сова. Тот выскочил, влез в железную ястребинушку и погнался за вороном. Гоняет-гоняет его, уже почти догнал, но как-то потерял из виду. Смотрит вниз: в виде зайца тот скачет. Он влез в железную заячью шкуру и снова погнался за ним. Начал догонять, снова потерял из виду. Смотрит назад: там пора мышки виднеется. Он влез в железную мышиную шкуру и по той же дороге гонится за ним. Снова начал догонять, а тот скользнул в море в виде маленькой железной щуки. Он тоже влез в железную щучью шкуру и шлепнулся вслед тому человеку. Начал его догонять, и человек в виде щуки выбрался сквозь морской лед. Он наконец-то поймал его на суше, изрубил в пух и прах, сжег на огне. Летящую вверх искру прибавляет вниз, летящую вниз искру прибавляет вверх. После того как он прибил Парпарсеха, тот улетел в виде ронжи. Он выстрелил в него своей пробивающей кольчугу стрелой, и вот только половинки ронжи лежат. Снова сжег, из огня тот поскакал в виде железного зайца. Он выстрелил своей пробивающей кольчугу стрелой, и вот только два куса от него лежат. Снова поджег и смотрел, пока жар не погас. Никто не сбежал. Украдший жену человек так и был убит.

Пока он гонялся, немного летел на крыльях и в какой-то край попал — не знает. Немного он шел в виде зайца, немного — в виде мыши, немного — в виде маленькой щуки и в какой край попал — совсем не знает. Ему казалось, что теперь он погибнет, ходит с плачем. Однажды кто-то за спиной говорит:

— Друг, что ты делаешь? Перестань, мне уже скучно стало.

Глянул туда, а там стоит его конь.

— Садись, — говорит, — мне на спину.

Сел на спину коня. Тот двинулся в путь, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Пока он так ехал, слышит какой-то шум впереди. Его конь остановился. Говорит Тарыг-пещ-нималю-сову:

— Знаешь, что за шум там впереди?

— Откуда я знаю, что за шум.

— Это священный огненный потоп. Одна часть большого огня горит в одном краю неба, другая часть горит в другом конце неба, все небо и земля целиком сгорят¹³. Как нам пройти через огонь?

Говорит Тарыг-пещ-нималю-сов:

— А я откуда знаю?

Говорит конь:
— Залезь в мою ноздрю, там возьми тридцать аршин белого батиста, тридцать аршин ситца.

Он вошел в ноздрю коня; оказывается, внутри ноздри лавка. Он взял тридцать аршин белого батиста, взял тридцать аршин ситца, вышел из лавки, обмотал руки-ноги коня, самого себя тоже обмотал. Чувствует, что конь дальше двинулся. Долго летел; коротко летел, конь остановился.

— Вылезай, — говорит.

Намотанный ситец хлоньями слезал. Пока они перешли огонь, он сгорел. Он едет дальше на коне. Впереди снова какой-то шум слышится.

Говорит конь:

— Что за шум, знаешь?

— Откуда я знаю?

— Смотри-ка вперед, что там творится.

Смотрит вперед: тридцать осей сходятся и расходятся. Все на свете они хватают, никто не может пройти. Говорит конь:

— Ты не думай туда, не думай сюда¹⁴.

Двинулись дальше. Тарыг-пещ-нималя-сов думает: «Чем они страшны, эти осины?» Подъехал к осинам, осины сомкнулись, задели Тарыг-пещ-нималя-сова. Он упал со спины коня. Куда конь понал — не знает, и сам куда понал — не знает. Когда очнулся, оказывается, зацепился подбородком за ветку, качается туда-сюда. Вниз ему не уйти, вверх ему не уйти.

— Эй-а, — говорит, — мать раньше так и говорила: «Как попадешь в беду, тебе вниз не уйти и вверх не уйти». А теперь, смотри-ка, мне вниз не уйти и вверх не уйти. Моя тетя говорила прежде: «Если попадешь в какую-нибудь беду, в какую-нибудь нужду, то призови меня». А теперь где же она? Тут я и погибну.

В это мгновение что-то загремело, он смотрит: на трех зарытых конях едет его тетя.

— Что с тобой, племянник? Почему меня так срочно позвал? Я сидела, пила чай, и все чайные чашки разбились в прах. В какую беду, в какую нужду ты понал?

— Тетя моя, это место моей гибели. Вниз не уйти, вверх не уйти. Мой конь увесел в какой-то край.

Тетя захватила тридцать осей, сломала их пополам, говорит:

— Когда настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, то какой человек сможет пройти через вас?

Оглянулся Тарыг-пещ-нималя-сов — тети нигде нет, а сам он упал на землю и там стоит. Коня нет, и ничего нет.

— Золотой мой боже, — говорит, — куда делся мой конь? Я тут и погибну.

В это мгновение за спиной говорит конь:

— Перестань, мне уже скучно стало, сядь на мою спину.

Он сел радостно на спину коня.

— Возьми свой семигранный кнут, — говорит его конь, — ударь меня.

Он взял семигранный кнут, один раз ударил коня, и тот поднялся, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Пока он едет, впереди снова какой-то шум слышится.

— Что за шум впереди, знаешь?

Тарыг-пещ-нимали-сов говорит:

— Откуда мне знать?

— Если не знаешь, то знай: это храпит старик, лежащий поперек семи облезших чирков¹⁵. Конец нашей жизни, никак мы не сможем пройти, тут мы будем убиты. Твоя тети прежде не давала тебе чего-нибудь?

Тарыг-пещ-нимали-сов говорит:

— Что она дала мне?

Говорит конь:

— Не давала она тебе обоюдоострый нож?

«Правда, — думает он, — она давала мне обоюдоострый нож».

Говорит конь:

— Иди, влезь в мышиную шкурку, отрежь ему крылья носа и мочки ушей; если так назначено, чтобы твоя песня продолжалась, твоя сказка продолжалась, то сможешь, если не назначено, то убьют тебя.

Тарыг-пещ-нимали-сов влез в мышиную шкуру, пошел в виде мыши к старiku, лежащему поперек семи облезших чирков. Его конь остался там. Как старик выпустит воздух — его уносит на зад, как вдохнет воздух — его чуть не вытягивает в поздри. Он старается удержаться, еле-еле удается. Вынул обоюдоострый нож, отрезал крылья носа и мочки ушей старика, положил их в карман. Его конь говорит:

— Иди скорей, садись.

Он побежал к коню, сел ему на спину, конь двинулся вверх. Когда старик, лежащий поперек семи облезших чирков, бросился в погоню за ним, конь поднялся. Тот не догнал. Говорит старик, лежащий поперек семи облезших чирков:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нимали-сов, в будущем, пока не умрет последний мужчина, ты будешь жить богом, а со мной покончено.

Тарыг-пещ-нимали-сов отвечает ему:

— Когда настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, какой человек справится с тобой? Из-за этого я и убил.

Конь двинулся дальше, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Летел-летел конь Тарыг-пещ-нимали-сова, однажды приостановился, говорит:

— Наденешь на мой нос сверток бересты, наденешь на мои руки-ноги свертки бересты, а моим хвостом обмотай саблю.

Надел он на нос и руки-ноги свертки бересты, хвостом обмотал саблю. Его конь говорит:

— Теперь садись на мою спину.

Он сел на спину коня, конь поднялся, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Ехали они, ехали. Однажды конь спустился на землю. На месте приземления стоит дом с амбаром. Говорит конь:

— Слезай, иди захвати дочь старухи Кирт-нёлп-эквы¹⁶, мать как раз заснула. Когда он пошел, говорит конь:

— Не ходи, иди сюда. Вдруг ты подумаешь лишнее, а старуха проснется, и конец нашей жизни будет. Лучше сначала найди в мою ноздрю, там кабак, в том кабаке выпей три чарки.

Тарыг-пещ-нималя-сов заходит в ноздрю коня, оказывается, в ноздре кабак. Выпил три чарки, вышел. Говорит конь:

— Теперь иди захвати дочь старухи Кирт-нёлп-эквы.

Зашел в дом, вытащил оттуда дочь. Говорит конь:

— Садись скорей, она уже идет на нас.

Едва он дошел до коня, появилась на улице старуха Кирт-нёлп-эква. Говорит конь:

— Бросай женщину, а то уже догоняет.

Он бросил женщину, быстренько сел на спину коня, двинулись вперед. Старуха Кирт-нёлп-эква схватилась за нос коня, конь махнул головой — берестяной сверток слетел. Она двинулась к передним ногам коня, схватилась за них — берестяные свертки слетели. Потом двинулась к задним ногам коня, конь как подскочил вверх, берестяные свертки тоже слетели. Потом она двинулась к хвосту коня, все пальцы ее рук порезались о саблю. Она начала их догонять — тут схватится за них, там схватится за них. Говорит конь:

— Что у тебя в руке?¹⁷ Нас вот-вот схватят.

Говорит Тарыг-пещ-нималя-сов:

— Ничего у меня в руке нет.

Кирт-нёлп-эква тут хватает их, там хватает их. Говорит конь:

— Ты чего ждешь-то? Разве не знаешь, что у тебя в руке?

Он глянул на руку: семигранный кул у него в руке. Как ударил коня, тот смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Старуха Кирт-нёлп-эква говорит:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нималя-сов, ну и украл дочь, теперь бог взял тебя, ты спасен.

Поехали дальше. Однажды они приехали в город Парпарсе-ха. Конь спустился к воротам города, как раз его жена появилась на улице. Они взялись за руки, жена ввела его в дом. Дома она говорит:

— Эй-а, пессенный человек, сказочный человек, много мук ты перенес.

Поставила стол с пивной едой, с медовушной едой, начали есть. Однажды говорит его жена:

— Выходи-ка, твой конь зовет тебя на улицу.

Вышел, конь поднял ногу.

Иди, — говорит, — какой-то сучок уколол ногу.

Он подходит. Оказывается, дочь старухи Кирт-нёлп-эквы прилипла там. Они вернулись с дочерью старухи Кирт-нёлп-эквы.

Он сел между двумя женщинами, обнимались, целовались. Поели, он говорит своим женам:

— Я сейчас лягу спать. Если до моего пробуждения вы не увезете меня к матери-отцу, старухе-старик у тундрового холма, то вашей жизни конец, вашу шею разрублю я, как волос. Этот город со всем народом-добром, с овцами-коровами, конями — все увезите на мою землю.

Он обернул голову, глаза. Раз во время сна слышит: какая-то старуха ругается:

— Ну что за привычки у молодых?! Теперь жена пусть ходит по делу, а муж пусть лежит? Вот как мучает моих милых детей. Недавно я ему давала обоюдоострый нож, давала железную ястребиную шкуру, давала железную заячью шкуру, давала железную мышиную шкуру, давала маленькую щучью шкуру, и вот провозит их мимо.

Он продолжает лежать, не встает. Вот как-то жена его будит:
— Вставай, мы приехали.

Он встает. Оказывается, он приехал к матери-отцу. Не знал, как родители двинулись к нему, не знал, как он двинулся к родителям. Обнимались, целовались. Вырос такой город — стоит, разрезая бегущие облака, стоит, разрезая идущие облака. Возник серебряный дом, возник золотой дом. Дальше живут-поживают.

Долго жил, коротко жил в доме тундрового холма. Однажды Тарыг-пещ-нималя-сов говорит своим женам:

— Я снова поищу женский край, где женщины ходят, снова поищу мужской край, где мужчины ходят.

Говорит его мать:

— Эй-а, когда настанет на свете человеческий век, человеческое время, весеннюю белку, осеннюю белку с такой же ловкостью будешь искать.

Обнялись, поцеловались, он вышел, сел на спину коня, поехал. Долго ехал, коротко ехал, однажды его конь спустился в середину моря. Оказывается, через воду ведет серебряная дверь, золотая дверь. Коня оставил там, сам зашел. Пришел вниз, там город водяного царя, серебряный город, золотой город. Возле дома стоит маленький дом¹⁸, туда и зашел. В маленьком доме сидит женщина с водяными косами и с водяной красой. Вот и говорит дочь водяного царя:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нималя-сов, Торум, наверно, мне тебя назначил.

Обняла, поцеловала его. Пивной едой, медовушной едой накормила. Говорит женщина:

— Иди к моим братьям, зайди в большой дом. Если там выдержишь, то выдержишь, если не выдержишь, то как хочешь.

Он встал, пошел. Зашел — семь мужчин играют в карты. Взглянули на него, он чуть не унал, с трудом выдержал.

— Эй-а, Тарыг-пещ-нималя-сов, — говорят они, — что тебя принесло сюда, что тебя привело сюда?

— Живому человеку чего ходить в одно и то же место?

— Если хочешь быть нашим зятем, нашим свойственником, то садись за стол.

Он сел за стол, продолжали играть в карты-шахматы. Он — мастер, лучше тех семи умеет, он мастер. Однажды говорит он семи мужчинам:

— Я человек, имеющий свою землю, человек, имеющий свою реку, заскучал по своей земле-реке, пойду-ка.

Он пошел, невесту приготовили. Говорит дочь водяного царя:

— Какое приданое тебе надо? Корову-лошадь тебе надо или речную рыбу тебе надо?

Тарыг-пещ-нималю-сов говорит:

— Конечно, речную рыбу надо. Когда настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, что будут люди есть?

Жена говорит:

— Ты иди вперед. Когда ты придешь, тогда я сама приеду.

Тарыг-пещ-нималю-сов поднялся к своему коню через дверь. Оказывается, его конь так заморился, что его мясо кончилось, его кости кончились. Тарыг-пещ-нималю-сов подул на него — каким конем раньше он был, каким животным раньше он был, а теперь и того лучше стал. Из одной ноздри искры летят, из другой ноздри дым летит.

— Садись, — говорит, — на мою спину.

Он сел на коня и тронулся в путь, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Пока он так ехал, в одном месте спустился. На том месте, куда спустился, — лестница, ее верхушка ведет в небо. Своего коня привязал к пруту, выросшему нынче летом, привязал к травинке, выросшей нынче летом. Сам избрался по лестнице. Пришел он на небо. Месяц-старик ездит на собачьей нарте. Тарыг-пещ-нималю-сов, как ни гоняется, как ни гоняется за ним, не догонит. Крутятся, крутятся, снова и снова едут по тем местам, где уже ехали. Тарыг-пещ-нималю-сов стал ждать в одном месте. Месяц-старик проезжает.

— Эй-а, Тарыг-пещ-нималю-сов, — говорит, — ты здесь. Как ты попал сюда?

— Живому человеку чего ходить в одно и то же место?

На том месте, где они встретились, стоит дом. Месяц-старик говорит:

— Тарыг-пещ-нималю-сов, заходи, я потом приеду.

Говорит сидящей в доме дочери:

— Не мучай чужого человека.

С этим месяц-старик поехал, а он зашел. Женщина сидит за загородкой с пологом, он присел. Долго сидел, коротко сидел, начал он мерзнуть. Холод одолевает и одолевает его. Заходит месяц-старик, заругался на дочь:

— Что за привычка у молодых?!

Сразу никакого холода не стало. Месяц-старик принял его в зятя, принял его в свойственники. Повел к загородке с пологом, он ночь почевал там, встал на следующий день и пошел один.

Долго шел, коротко шел, однажды пришел к солнцу-старухе. Как ни гоняется, как ни гоняется за ней — не догонит. Солнце-старуха едет на трех конях. Тогда он стал дожидаться в одном месте, солнце-старуха подъехала туда. Оказывается, там стоит дом. Солнце-старуха говорит:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нималю-сов, что тебя принесло сюда, что тебя привело сюда?

— Живому человеку чего ходить в одно и то же место?

— Заходи, я потом заеду.

Говорит дочери:

— Чужого человека не мучай.

Он зашел, полог висит перед загородкой. Долго, коротко сидел он там, полог зашевелился. Жара одолевает и одолевает его, он потом изшел. Солнце-старуха заходит, заругалась на дочь:

— Что за привычка у молодых?!

Никакой жары не стало. Покормили его пивной едой, медо-вушной едой. Поел, говорит старухе-солнцу:

— Ну-ка, я понесу солнце.

Солнце-старуха говорит:

— Правильно ли будешь нести его?

— Разве я плохо его несу? Так же хорошо понесу я.

Солнце-старуха говорит:

— Как хочешь, если хорошо несешь, то неси.

Тарыг-пещ-нималю-сов взял солнце, понес. Смотрит вниз: на нижней земле милый народ, все до одного одноглазые, криворотые. В одном месте дерутся двое мужчин, дерутся до крови. Тарыг-пещ-нималю-сов думает: «Если бы я был там, в драке этих сукиных сынов я бы разобрался». Как только он подумал так, те свалились, умерли. Едет дальше. В одном месте снова смотрит вниз: две женщины теребят, ругают друг друга. Он думает: «Если бы я был там, ну, сучки, я бы с ними разобрался». Они свалились к черту, умерли. Поехал дальше. Долго или коротко ехал, однажды приехал к старухе-солнцу. Старуха-солнце спросила:

— Хорошо съездил?

— Ну, съездил.

— Ничего плохого не сделал?

— Не делал.

Старуха-солнце говорит:

— Тарыг-пещ-нималю-сов, если бы ты носил солнце, не осталось бы стоящего человека, всех бы убил. Зачем ты убил этих четырех человек?

Тарыг-пещ-нималю-сов говорит:

— Дерутся-ругаются, я просто подумал, а они свалились.

Старуха-солнце говорит:

— Когда настанет на свете человеческий век, человеческое время, таким образом всех людей убьешь.

Зашли они к дочери. Старуха-солнце приняла Тарыг-пещ-нималю-сова в зятя, приняла в свойственники. Зять говорит:

— Эти живущие на нижней земле люди почему все одноглазые, криворотые?

Старуха-солнце говорит:

— Такие же здоровые, двухглазые люди они, такие же здоровые, приморотые люди они, только если они против тебя смотрят, их глаза не могут вытерпеть.

Тарыг-пещ-нимал-сов поехал. Старуха-солнце говорит:

— Когда поедешь обратно, мою дочь, луну-дочь; найдешь ли у лестницы, то найдешь, не найдешь — твое дело.

Жену оставил там, а сам спустился по лестнице, пришел вниз. Конь заморился от голода — и костей нет, и мяса нет. Подул на него — каким конем раньше он был, а теперь еще лучше стал. Из одной ноздри клубятся искры, из другой ноздри клубится дым. Сел на спину коня, снова тронулся в путь, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Долго ехал, коротко ехал, однажды приехал к скале с дырой. На том месте, где небо свисает, скала с дырой обтянута семикратным железным перевесом. Он залез в железную истребиную шкуру. Старик, караулящий перевес, говорит:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нимал-сов. По всей земле ты хитрил и хитрил, но если даже и переберешься через мой железный перевес, то попадешь в мою железную рыболовную сеть.

Тарыг-пещ-нимал-сов смогрит: у перевеса только одна ячейка из слабого железа, а все остальные сделаны из крепкого железа. Он бросился туда, еле проник через ячейку из слабого железа, его крылья отрезало. И упал в воду. Говорит старик:

— У меня есть и железные рыболовные сети. Ты пробрался через железный перевес, а все равно я тебя поймаю железной рыболовной сетью.

Он смотрит на железные рыболовные сети — в них только одна ячейка из слабого железа, другие все сделаны из крепкого железа. Когда он упал в воду, то поплыл дальше в виде железной маленькой щуки. Ходил-ходил — как бросится в ячейку из слабого железа! Но ему не пробраться, тут и попался. Старик говорит:

— Я его добыю.

Жена говорит:

— Я его добыю.

Жена держит маленькую щуку, ее муж начинает добывать железной колотушкой. Старик говорит:

— Держи крепче!

Как ударил железной колотушкой, маленькая щука выскользнула, и он руку жене переломил. Жена ругается:

— Только что говорила: «Я добыю». Теперь ты держи, я буду добывать.

Старик держит ее, жена здоровой рукой добывает. Маленькая щука выпрыгнула, рука старика переломилась пополам. Выпрыгнув, маленькая щука ушла, пробралась через сеть.

Тарыг-пещ-нималья-сов полетел в южный край в виде маленького гуся. Прилетел к дому Южной старухи-старика. Снял с себя гусиную кожу, зашел. Старуха и старик сидят. Говорят:

— В другом конце света о тебе слышно, Тарыг-пещ-нималья-сов, что тебя принесло сюда, что тебя привело сюда?

— Живому человеку чего ходить в одно и то же место?

Южная старуха вышла, поймала двух живых чирков, запесла их, убила, поставила варить. Тарыг-пещ-нималья-сов съел их. Женщина вынесла их косточки, рассеяла в озере с живой водой. Они полетели чирками, крикая.

Говорят южная старуха и старик:

— Тарыг-пещ-нималья-сов, выходи-ка. Если что-нибудь получится, то получится, а если не получится — твое дело.

Тарыг-пещ-нималья-сов вышел, смотрит: возле дома маленький домик. Зашел туда. Внутри маленького дома, оказывается, сидит женщина с открытой головой, ее косы распущены, еще только их заплетает. Ее колени покрыты шелком, кромка шелка колыхается. Тарыг-пещ-нималья-сов говорит:

— Далекую землю я прошел, я думал, какую-нибудь порядочную женщину найду, про которую слышно было, что семь чернядей заплетены, семь морянок заплетены; и вот нахожу — никакой черняди нет, никаких морянок нет, на коленях нагульный ребенок шевелится¹⁹.

Женщина отдернула шелк: семь чернядей, семь морянок вылетели, его глаза и уши царапают туда, царапают сюда. Он говорит женщине:

— Хватит, заberi их. Мои глаза-уши зацарапали вконец.

Сели рядом, обнялись; поцеловались. Девица говорит мужу:

— Иди к моей матери-отцу. Пусть тебе дадут одну золотую гусиную шкуру и одну золотую лебединую шкуру.

Тарыг-пещ-нималья-сов пошел к старухе-старика, говорит:

— Дайте мне одну золотую гусиную шкуру, одну золотую лебединую шкуру.

Те сидят повесив головы. Старик поднял голову, дал зятю одну золотую гусиную шкуру, одну золотую лебединую шкуру. Сам влез в золотую гусиную шкуру, его жена влезла в золотую лебединую шкуру. Говорят Южные старуха и старик:

— Наша дочь, наш зять! Настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, этих гусей-уток мы приготовили в приданое нашей дочери. Пока останется на свете один мужчина, одна женщина, пусть их едят, пусть никогда они не кончатся.

Обнялись, поцеловались и полетели. Гуси-утки присоединились сзади к ним. Через скалу с дырой вылетели на этот свет. Тарыг-пещ-нималья-сов тут и нашел своего коня, тот совсем уж заморился — костей нет и мяса нет. Он подул на него — каким конем раньше был, а теперь еще лучше стал.

Тарыг-пещ-нималья-сов в виде гуся сел на спину коня, а его жена летит на крыльях. Приехали к лестнице, там дочь солнца

старухи и луна-дочь тронулись в дорогу со своим конным обозом, коровьим обозом. Долго ехали, коротко ехали, открылась дверь города водяного царя в середине моря, дочь водяного царя появилась оттуда. Поехали дальше. За ними речные рыбы, гуси-утки плывут-летят, как тучная вода, просто кишат. Долго ехали, коротко ехали, приехали в его город. Кинулись к матери-отцу, обнимались-целовались. Вырос такой город, что стоит, разрезая бегущие облака, стоит, разрезая идущие облака. Возник дом, истекающий текучим золотом, возник город, истекающий текучим золотом. Нет ни одного гвоздя, на котором бы соболья шкурка не висела, нет ни одного гвоздя, на котором бы звериная шкурка не висела²⁰. Поставили стол с пивной едой, с медовушной едой, ели-пили. Пока они едят-пьют, его мать говорит:

— Когда-то настанет на свете человеческий век, настанет человеческое время, во всех краях с богатырями, где живут многие женщины с нищенскими халатами, где живут многие мужчины с нищенскими халатами, во всех краях с богатырями²¹ будут приносить тебе в жертву рогатого оленя, будут приносить тебе в жертву копытного оленя²².

Теперь он обернул глаза, голову, лег спать с шестью женами. Проснулся на следующий день, вытянул руку — притронулся рукой к теплomu месту, вытянул ногу — притронулся ногой к теплomu месту²³. Его мать-отец подошли к нему, мать говорит:

— Ты, сынок, останешься теперь на нижнем свете²⁴, а мы пошли на верхнее небо. Когда-то настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, быть тебе на нижнем свете надзирателем света. Пусть твой отец живет в верхнем свете богом Торумом, а я буду жить Калгасью.

Разошлись в три стороны. До сих пор живут в изобилии и богатстве.

106. Сказание о сотворении земли

Живут старуха со стариком. Повсюду вода. Их дом в воде находится. Долго жили, коротко жили. Слышно, кто-то летит. Старик выглянул на улицу. Смотрит: сверху летит железная гагара. Вниз спустилась. Поправила свои крылья и перья, прошедшие далекую землю. Нырнула в воду. Долго ныряла, коротко ныряла, вынырнула. Под шеей кровь показалась, шея у нее лопнула. В клюве держит маленький кусочек земли. Принесла кусочек земли, прилепила его между бревнами. Поднялась и полетела туда же вверх.

Старуха со стариком живут. Жили, жили. В один из дней слышно, кто-то летит. Старик выглянул на улицу. Летит другая железная гагара. Спустилась на воду. Поправила свои крылья и перья, прошедшие далекую землю. Нырнула в воду. Долго ныряла, коротко ныряла, вынырнула — ничего у нее нет. Немно-

го посидела и снова нырнула. Вынырнула — ничего у нее нет. Третий раз нырнула. Накрошили в котел мороженой рыбы, накрошили в котел талой рыбы. Когда котел с мороженой рыбой, с талой рыбой вскипел, гагара вынырнула. На голове у нее кровь видна. В клюве держит маленький кусочек земли. Плотно его прикусила. Принесла на задворки дома, сунула между бревнами. Поднялась вверх и улетела.

Старуха со стариком остались. Старик жил три дня, спал. Выглянул на улицу, смотрит: у порога появился маленький кусочек земли. Старик прожил три дня. Открыл дверь, смотрит: земля уже немного выросла. Захлопнул дверь. Прожил еще три дня. Открыл дверь, вышел на улицу. Ходит. Весь дом оброс землей. Вошел в дом, три дня жил и снова на улицу вышел. Смотрит: воды нет, кругом земля. Вошел в дом. Три дня жил, спал.

У старика есть белый ворон.

— Слушай, облети землю. Посмотри, какой величины стала земля.

Белый ворон полетел. Летал три дня. Возвратился:

— Величина земли такова: за три дня ее облетел.

Старик жил три дня, на третий день говорит:

— Ступай, еще раз посмотри, какой величины стала земля.

Полетел. Вернулся через пять дней:

— Земля стала такой величины: осматривал ее пять дней.

Ворон три дня жил дома. Утром встали.

— Ступай посмотри, какой величины стала земля.

Полетел. Долго летал, коротко летал. На седьмой день вернулся:

Оказывается, земля стала такой величины: осматривал ее семь дней.

Ворон сделался черным. Старик говорит:

— Почему ты стал черным?

— Я долго летал, сильно проголодался.

— Нет, ты сделал что-то плохое.

— Нет, сильно захотелось есть, потому и почернел.

— Нет, ты сделал что-то плохое.

— Правда, сделал плохое. Человек умер. Я съел четыре кусочка его тела. Потому и почернел.

— Ступай куда глаза глядят, больше ты мне не нужен. Если бы не съел человеческого мяса, ты сам добывал бы рыбу, добывал бы лесного зверя. Теперь не будешь добывать рыбу, не будешь добывать лесного зверя. Там, где человек убьет оленя или лося и обдерет их, в том месте останется кровь. Мясо человек себе возьмет, ты же пей кровь.

Ворон улетел.

Старуха со стариком остались одни. В один из дней старик вышел на улицу. Ходит. Оказывается, на задворках выросло дерево. Как было оно с корнями и ветками, вырвал его и принес домой. У старика есть маленький ножик. Пожиком стругает дерево. Говорит старухе:

— "Какое это дерево?"

— Пусть оно называется кедром.

Старик ножом порезал себе руку. Потекла кровь, течь не перестает.

Старуха говорит:

— Протяни сюда руку.

Старуха приложила рот к его руке и высосала кровь. Старуха говорит:

— Ступай отнеси дерево назад, поставь его на то же место, где оно было раньше.

Старик вернулся домой. Легли спать. На следующий день старик рано проснулся. На улице все еще ночь. Темно. Старухи нет. Выскочил из дома. Темно. Ищет, ищет старуху, не может найти. Пошел искать в лес. Заблудился.

— Хватит, пойду домой, утром поищу.

На обратном пути около своего дома увидел маленький берестяной домик. В берестяном домике горит огонь. Заглянул туда, видит: сидит старуха, мальчика родила, в люльку его укладывает.

Старуха говорит:

— Ступай домой! Не твое дело!

Старик ушел к себе в дом. Прожили семь дней. Старуха вошла в дом. Прибралась. Устроили трапезу¹. Старик говорит:

— Наречем нашего сына именем.

Старуха говорит:

— Каким же именем мы его наречем?

Старик говорит:

— Тарыг-пещ-нимал-сов.

Живут. Долго жили, коротко жили. И вот их сын стал окотиться в урманной стороне, в лесной стороне. Наполняет много амбаров красным зверем, черным зверем. Однажды, когда он ходил, ему сильно захотелось пить. Спустился к озеру. Озеро замерзло. Взял топор, прорубил прорубь. Лег к проруби, чтобы напиться. Из воды выглянул бородатый мужчина. Испугался. Вскочил. Говорит:

— В этом озере живет черт. Приду к реке, к Сосьве. Там напьюсь. Там на течении черта нет.

Пришел на Сосьву. Прорубил прорубь. Наклонился, чтобы напиться воды. Из воды на него взглянул бородатый мужчина.

— Хватит. Пойду на Обь. Здесь живет черт.

Пришел на Обь. Прорубил прорубь. Лег. Нагнулся, чтобы напиться. Из воды выглянул бородатый мужчина. Вскочил:

— Посмотрю еще раз, что там такое? Что там за черт живет? Хорошенько рассмотрю его.

Смотрит внимательно и видит свою одежду и свое лицо. Досыта напился. Говорит:

— Будет, пойду домой. Вот каким я уже вырос, а они даже жены мне не нашли. Борода у меня по грудь.

И пошел обратно к своему дому, к своим родителям.

Снял с себя ремень, обвешенный черным зверем, красным зверем. Закутался с головой и лег. Ни с кем не разговаривает. Утром встал. Умылся. Смазнулся. Мать поставила перед ним пищу в блюде, пищу в чумане:

— Ешь, сынок.

Стал есть. Поел, с едой покончил. Мать говорит:

— Сынок, вчера ты ходил по дороге, которая ввергла тебя в гнев и злобу.

— Как же мне не гневаться?! Борода у меня по грудь выросла, а вы не узнали еще, где находится женский край, исхоженный женщинами; не узнали еще, где находится мужской край, исхоженный мужчинами. Вот почему я рассердился!

Мать говорит:

— Сынок, ведь ты ходишь в урманную сторону, в лесную сторону. Если где и встретишь человека, то встретишь ты. Разве нам, лежащим в доме, отыскать человека?!

Сын думает: «Разве им, лежа в доме, узнать, где живет человек?»

Вышел на улицу. Похаживает. Ходил, ходил, назад идет. Ничего не нашел. Приблизился к дому. Смотрит: стоит там то ли конюшня, то ли хлев, два угла в землю провалились. Вошел туда, вниз смотрит. Видит навоз, оставшийся от лошадей и коров. Лошадей и коров нет. Лошадиный навоз, коровий навоз пинает ногой. Показался люк в подполье. Люк открыл. Вниз смотрит. Видит там то ли лошадь, то ли корову. Спустился в подиол. Ухватил что-то волосатое. Вытащил наверх. На улицу вывел. На пойманном животном лошадиный навоз, коровий навоз. Повел на Обь к проруби. Моет, моет и вот видит: стоит перед ним конь с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками; стоит конь с изображением месяца, с изображением солнца. Повел его на берег к порогу своего дома. Там поставил. Вошел в дом к матери. Мать дала ему узду с серебряными кольцами, с серебряными кистями. Привязал коня к верхней зарубке семисуставного железного столба². Вошел в дом. Мать порылась в углу дома с углами. Вынула короб с семью перегородками³. Открыла крышку короба. Вынула кольчугу:

— Сынок, надень ее.

Надел. С трудом переставляет ноги, как две жерди рыболовного запора, устроенного на быстром течении Оби. Сунул руки в рукава: впору его костям, впору его телу. Мать порылась в углу дома с углами. Вынула короб с семью перегородками. Открыла крышку короба. Вынула семисуставную саблю:

— Сынок, возьми ее.

Взял в руку. Впору его костям, впору его телу. Мать порылась в углу дома с углами. Вынула короб с семью перегородками. Открыла крышку короба. Вынула трехгранную плеть, дала ее сыну:

— Сынок, вот твоя сила для путешествий по земле, для путешествий по воде.

Порылась в углу дома с углами. Вынула короб с семью пергородками. Открыла крышку короба. Вынула разрисованное седло, какого не видели мужчины, какого не видели женщины. Вышел на улицу. Пошел к коню. Оседлал коня. Сел в седло в образе золотой утки, в образе золотого гуся. Пустился в путь.

Мчит его конь туда, куда клонится его голова, куда гнется его шея. Несет его конь среди бегущих облаков, среди идущих облаков. Когда он так мчался, видит: приехал на озерный берег с земным простором. Смотрит вверх. Осина стоит. Ветвей на ней нет, ствол голый. Лишь на самой вершине один лист. Взял в руки лук и стрелу:

— Собью с осины лист. Попаду или нет?

Натянул лук, пустил стрелу. Стрела полетела, попала в середину листа, пробила его насквозь.

— Оказывается, хорошие у меня руки! Если попадется мне зверь, не уйти ему от меня! Убью его.

Тронулся дальше в путь. Когда ехал, уснул. Однажды слышит, кто-то брапится:

— Вот тоже человек!.. Вырастил такие сильные руки, вырастил такие сильные ноги и дает им полную волю. Зачем ты пробил стрелой кусок моей постели, предназначенной для сна?

Дальше едет. Немного проехал. Стоит один дом, один амбар. Конь остановился. Он привязал коня к верхней зарубке семи-суставного железного столба. На улице никого нет.

— Зайду в дом. В этом доме, может быть, кто-нибудь живет.

Вошел в дом. Сидит старая женщина. Голова у нее седая, как шерсть заячьего меха.

— Эх, внучек, долго же ты пролежал, долго же ты проспал! Внучек, Нум-Торум, батюшка твой, спустил тебе с неба жену. На третий день твою жену унес Парпарсех.

Он отвечает:

— Его воля, пусть уносит.

Старуха накормила его пищей из чумана, пищей из блюда. Старуха дала ему шкурку маленькой щуки, дала ему шкурку мамонта, дала ему шкурку ястреба, дала ему шкурку весеннего зайца, дала ему пожницы.

— Ну вот, внучек, теперь поезжай. Долго будешь ездить, коротко будешь ездить, на обратном пути возврати данные тебе вещи. В горе попадешь, в беду попадешь — вспомни меня.

Вышел на улицу и поехал. Долго ехал, коротко ехал. Стоит войлочный чум. Лошади пасутся. Люди живут.

— Чьих коней пасете?

— Мы пасем коней Парпарсеха.

— Нет, не говорите так. Вслед за мной едет Огненный царь, он спадит вас огнем. Не говорите так. Лучше скажите: «Мы пасем коней Тарыг-пещ-нималия-сова».

Они с ним целуются, обнимаются. Если не было у них одежды, он снабдил их одеждой. Если не было у них пищи, он снабдил их пищей.

Долго ехал, коротко ехал. Стоит войлочный чум. Коровы пасутся. Люди живут. Спрашивает их:

— Чьих коров пасете?

— Мы пасем коров Паранарсеа.

— Нет, не говорите так. Сзади едет Огненный царь, он вас огнем спалит. Говорить следует так: «Мы пасем коров Тарыг-пещ-нималя-сова».

Они с ним целуются, обнимаются. Если не было у них пищи, он снабдил их пищей. Если не было у них одежды, он снабдил их одеждой. Поехал дальше.

Долго ехал, коротко ехал. Стоит войлочный чум. Овцы пасутся. Люди живут.

— Чьих овец пасете?

— Мы пасем овец Паранарсеа.

— Нет, не говорите так. Сзади едет Огненный царь, он вас огнем спалит. Так скажите: «Мы пасем коней Тарыг-пещ-нималя-сова».

Они с ним целуются, обнимаются. Если не было у них одежды, снабдил их одеждой. Если не было у них пищи, снабдил их пищей. Дальше поехал.

Долго ехал, коротко ехал. За морем показался город. Подъехал. Смотрит. Стоит один дом. Дом величинной с город, величинной с деревню. Копь остановился у подножия семисуставного железного столба. Он привязал конскую узду к верхней зарубке семисуставного железного столба. Пошел к двери дома. Подошел. Стал открывать дверь. Дверь назад тянут. Он к себе тянет, а кто-то тянет к себе. Открыл дверь. Вошел в дом. На пороге стоит женщина.

— Эй-эй! Тарыг-пещ-нималя-сов, долго же ты спал! Не взять тебе меня, не сможешь.

— Приехал я не за тобой, хорошей женщиной, красивой женщиной.

Дверь захлопнулась, и он остался. Вошел внутрь дома. Ищет, ищет женщину, найти не может.

Устал, сел и говорит:

— Ее воля, хватит. Ведь человек не всегда говорит одно и то же.

И вот в последней комнате слышались шаги женщины. Подошла к нему. Расцеловались, обнялись. Приготовили стол с пьяной едой, с медовой едой. Стали есть, пить.

За едой, за питьем он спрашивает:

— Какими чарами обладает Паранарсех?

Она отвечает:

— Не похоже на то, чтобы он смог тебя убить.

Поели, попили, с едой покончили. Женщина говорит:

— Выйдешь на улицу. За домом стоит большая лиственница.

Ступай к подножию этой лиственницы. Спрячься под мох, а сам из-под моха наблюдай. О коне не думай. Я его сиричу.

Вышел из дома, подошел к подножию лиственницы, забрался в мох, смотрит. И вот видит: над Южным Уралом повисло на небе облако величинной с сырковый глаз. Долго смотрел, коротко смотрел. Облако ближе придвинулось. Оказывается, летит сюда крылатый Пуных, которому поклоняются и которому приносят жертвы люди здешних мест. Спустился на вершину лиственницы. Сел на вершину большой лиственницы, рожденной землей, рожденной небом. Оправляет крылья, прошедшие далекую землю; оправляет перья, прошедшие далекую воду. Немного посидел и полетел.

— Эй-эй! Тарыг-пещ-нималя-сов, когда ты приехал? Убьет он меня.

Немного полетал, покружился и опять сел на вершину лиственницы, рожденной землей, рожденной небом. Женщина говорит:

— Тарыг-пещ-нималя-сов давно убит. Ни костей, ни мяса от него не осталось, все сгнило.

Он немного посидел, вспорхнул и полетел.

— Эй-эй! Тарыг-пещ-нималя-сов, когда это он приехал? Убьет меня. Лучше улечу.

Немного полетал. Вернулся. Сел на ту же высокую лиственницу, рожденную небом, рожденную землей. Женщина говорит: — Тарыг-пещ-нималя-сов давно убит. Ни костей, ни мяса от него не осталось, все сгнило.

Немного посидел, вспорхнул, полетел.

Тарыг-пещ-нималя-сов выскочил из укрытия, залез в шкурку железного ястреба и полетел. Догоняет его, чтобы убить. Немного спустя смотрит: нет его нигде, куда-то исчез. Оказывается, нырнул в море в образе железной гагары. Тогда он залез в шкурку маленькой щуки и начал его преследовать. Гонит, гонит. Но вот потерял его из виду. Оказывается, выскочил на берег и превратился в зайца. Тогда он тоже залез в заячью шкурку и начал его преследовать. Гонит, гонит. Но вот потерял его из виду. Оказывается, летит в образе золотой утки-чирка. Теперь нет у него больше способа, чтоб настичь его. Взял он лук и стрелу. Пустил стрелу и попал в самую середину золотой утки-чирка, пронзил ее насквозь. Рассыпалась утка на мелкие кусочки, упала на землю. Подошел, взял в руки. Посмотрел. Положил на землю. Принес дров. Разжег костер. Положил утку на огонь. Огонь разгорелся. Смотрит: никто из огня не вылетает. Но вот видит: не затухает один маленький уголек. Уголек раскололся, и выпорхнула из него золотая утка-чирок. Взял лук. Пустил стрелу.

Попал. Надвое рассекла стрела золотую утку. Взял ее, положил в тот же костер. Принес дров. Разжег огонь. Огонь разгорелся. Смотрит: никто из огня не вылетает. Огонь потух. Глеет только один уголек. Уголек раскололся, и выпорхнула из него золотая утка-чирок. Взял лук. Пустил стрелу. Попал в золотую утку, и утка распалась на две части. Взял утку, положил в костер. Принес дров. Разжег огонь. Золотая утка-чирок загорелась.

Сгорела вся дотла. Исчезла. Никто из костра не вылетел. Огонь погас. Мешает угли в костре семисуставной саблей. Ничего не нашел. Пусто. Вот когда он ее уничтожил. Сумел убить. Говорит:

— Сюда я на крыльях летел, по воде плыл, пешком шел. Как я пойду назад? Не сумею мне вернуться домой.

Конь говорит:

— Иди сюда. Я здесь. Поедем!

Оказывается, конь каким-то образом к нему сам пришел. Подбежал к коню. Сел на спину коня в образе золотой утки, золотого гуся.

Летит среди бегущих облаков, среди идущих облаков. В одном месте конь остановился. Конь говорит:

— Впереди что за земля?

Он отвечает:

— Я не знаю, какая это земля.

— Впереди горит огонь. Мы влетим в пламя и сгорим. Залезай ко мне в ноздрю. Там торгует тридцать лавок. Купи три аршина белого полотна. Потом залезай в другую ноздрю. Там торгует тридцать кабаков. Выпей три чарки вина.

Сделал так, как учил конь. Конь говорит:

— Оберни себя тремя аршинами белого полотна. Ложись ко мне на спину. Ни о чем не думай.

Конь помчался дальше. Он лежит у него на спине, ни о чем не думает. Долго ехал, коротко ехал. Конь остановился:

— Ну как, жив?

— Жив!

Слез с коня. Полотно на нем все обгорело. Конь говорит:

— Огонь Торума остался позади.

Дальше едут. Долго едут, коротко едут. Конь остановился.

Конь говорит:

— Впереди что за земля?

— Я не знаю, какая это земля.

— Впереди это Куль. Он лег поперек нашей дороги. Подъедем к нему, и он нас съест. Ступай сходи к нему, с ним надо что-нибудь сделать.

Слез с коня. Пошагал. Куль как вдохнет в себя, его близко к нему подносит; как выдохнет из себя, его обратно отнесет.

Конь говорит:

— У тебя есть что-то в кармане.

— Подумаю, что у меня там есть. Ничего нет.

Но вот вспомнил:

— Есть у меня в кармане шкурка мамонта.

Конь говорит:

— Залезь в шкурку мамонта и заберись под мох. Так и иди к Кулю. У тебя в кармане есть ножницы. Выгляни из-под моха и отрежь у Куля нос и оба уха.

Залез под мох. Подобрался к Кулю. Выглянул. Взял ножницы. Отрезал у Куля нос и оба уха. Пришел к коню. Сел на коня. Поехал. Смотрит назад. Куль вскочил. Кричит:

— Эй-эй! Тарыг-пещ-нималя-сов, внучек, не уезжай! Я все тебе расскажу. Внучек! Устрой ты мне соболиное гнездо, звериное гнездо. В нем я сгнюю. Это смерть моя. Отрезал ты мне нос, отрезал ты мне уши. Это моя гибель!

Поехал.

Долго ехал, коротко ехал. Конь остановился. Конь говорит:

— Вот и конец нашего пути.

— Почему?

— Посмотри вперед. Сюда идут тридцать осин, выросшие из одного корня! Идут в обхват. Схватят на пути человека, сплетутся ветвями и задушат его. Человек погибает. Ты залезай ко мне в ноздрю. Там есть тридцать кабаков. Выпей три чарки вина. Ложись ко мне на спину и ни о чем не думай.

Он так и сделал. Конь тронулся в путь. Подъехали к тридцати осинам. Он думает: «Задавят нас». И конь упал. То ли на небо улетел, то ли под землю провалился — того не ведает. Думает: «Пропал я». Вспомнил: «Ведь мне старуха говорила: попадешь в какую беду, попадешь в какую нужду — подумай обо мне». И вот видит: едет кибитка, запряженная пятеркой лошадей. Подъехала. Дверцы распахнулись. Бабушка протянула руку. Схватила тридцать осин за вершины и сломала их. Бабушка говорит:

— Наступит древняя эпоха человеческой жизни, наступит вечная эпоха человеческой жизни, при вас невозможно размножение человеческого рода. Я вас сломала, и человек будет расти.

Дверь кибитки захлопнулась. Кибитка скрылась.

Он говорит:

— Почему я не спросил у бабушки, не видала ли она где-нибудь моего коня?

Конь говорит:

— Послушай, едем, довольно!

Подбежал к коню. Сел к нему на спину. Поехали.

Долго ехали, коротко ехали. Конь остановился:

— Вот там впереди что за земля, знаешь?

— Я не знаю.

— Там живет Кирт-нёлп-эква. Мы едем туда. Кирт-нёлп-эква лежат на нашем пути. Она спит. Дочь ее находится дома. Кирт-нёлп-эква лежат около порога. Сгережет. Вдруг кто-нибудь придет. Ты иди. Войди в дом. Девушку вытащи на улицу.

Пошел. Думает: «Когда буду входить в дом, меня убьют». Конь говорит:

— Иди ко мне. Снаряди меня. Мои передние ноги оберни берестой. Мой нос оберни берестой. Мои задние ноги оберни берестой. К хвосту прикрепи семисуставную саблю. Залезь ко мне в ноздрю. Там есть тридцать кабаков. Выпей три чарки вина и выходи вон.

Он так и сделал.

Конь говорит:

— Теперь иди, заходи в дом.

Вошел в дом. В доме сидит дочь Кирт-нёлп-эква. Одна коса у нее заплетена, другую она еще заплетает. Схватил ее за косы, на улицу тащит. Вытащил на улицу. Кирт-нёлп-эква вскочила. Кричит:

— Внучек, не увози мою дочь!

Он девушку бросил, вскочил на коня и поехал. Конь говорит:

— Она нас сейчас убьет.

Кирт-нёлп-эква схватила коня за нос — бересту с носа сорвала. Схватила коня за передние и задние ноги — бересту с ног сорвала. Схватила коня за хвост — перерезала саблей обе руки. Поехали дальше. Конь говорит:

— Послушай, нет ли у тебя чего-нибудь в кармане?

— Что у меня может быть?

Кирт-нёлп-эква кричит:

— Внучек, ты меня убил! Сгнию я здесь в соболином гнезде, в зверином гнезде!

Конь снова говорит:

— У тебя что-то есть в кармане.

— Что у меня может быть?

— Нет, у тебя что-то есть!

И тут вспомнил:

— Есть у меня в кармане плетъ.

Махнул плетью три раза. Конь взвился выше бегущих облаков, выше идущих облаков.

Долго ехал, коротко ехал. Конь остановился. Приехал к дому Парапарсеха. Конь стал к подножию семисуставного железного столба. Привязал коня к верхней зарубке семисуставного столба. Вошел в дом. Навстречу ему вышла жена. Целуются, обнимаются.

— Как съездил?

— Хорошо съездил!

Сели к столу с пивной едой, с медовой едой. За едой, за питьем ее муж смотрит на улицу. Видит: у коня одна нога согнута.

— Эх, землю объездил, воду объездил, нога у коня сломалась. Говорит жене:

— Выйди на улицу, посмотри, что случилось.

Жена вышла на улицу, смотрит: к коньку коня прилипла дочь Кирт-нёлп-эква. Оторвала она дочь Кирт-нёлп-эква от конского копыта, и две героини, две богатырши поцеловались, обнялись. Вошли в дом. Все вместе пируют за столом с пивной едой, с медовой едой. Поели, попили. Муж говорит:

— Я сейчас лягу спать. Пока я сплю, вы отправляйтесь в мой город. Сколько есть богатств в городе Парапарсеха, все увозите с собой.

Лег спать и больше с ними не разговаривает.

Женщины собрались в путь. Какое богатство было, все взяли с собой, ничего не оставили. Долго ехали, коротко ехали, и вот он сквозь сон слышит, как бранится бабушка:

— Если человеку нужно куда-нибудь ехать, то едет мужчина. Разве можно отправлять в путь женщин?! Женщинам это не под силу! Как ты мучаешь моих детей!

Он крепко спит.

Женщины приехали в его божий город, в его царский город. Он проснулся. Вышел на улицу. По всему городу, по всей деревне прохаживается, осматривает. Сколько было богатств в городе Парпарсеха, все доставлено.

Вошел в дом:

— Вот и хорошо. Все богатства сюда привезли. Заживем на славу.

Говорит:

— Пошлите человека. Пусть соберет народ.

Собрали народ со всего города, со всей деревни. Устроили свадьбу. Пировали мясную неделю, костную неделю...

У него есть кузнец. Пошел к кузнецу. Говорит:

— Скуй мне железного коня, чтоб у коня было семь железных крыльев.

Кузнец сковал коня с семью крыльями. Он сел на семикрылого коня и полетел. Лететь нельзя, конь набок клонится. Привел коня домой. Говорит кузнецу:

— Сделай иначе. Сделай коня восьмикрылым.

Кузнец приделал коню восьмое крыло. Он сел на коня и полетел. Совсем хорошо летит. Летит прямо. Вошел в дом. Говорит женам и родителям:

— Сейчас я поеду осматривать один край земли.

Вышел на улицу. Восьмикрылого коня сунул в карман. Сам сел на коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками. Едет.

Долго ехал, коротко ехал. Конь остановился. Приехал к подножию серебряной лестницы. Коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками пнул ногой. Конь превратился в обожженный, обугленный пень. Вынул из кармана восьмикрылого железного коня. Едет на коне вверх, подымается по серебряной лестнице. Приехал к светлому месту. Восьмикрылого железного коня положил в карман. Взад-вперед ходит. И вот видит: старик запрягает в маленькую нарту собаку и едет к нему. Подъезжает и говорит:

— Тарыг-пещ-нималя-сов, внучек! Носящим ли зверем ты принесен, летающим ли зверем ты доставлен? Все же приехал сюда!

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?!

Смотрит: в маленькую нарту посажено Солнце. Сидит Солнце в нарте, а собака возит его.

— Погоди, внучек! Поедем ко мне в дом.

Немного проехали, видит: стоит один дом, стоит один амбар. Старик открыл двери, крикнул:

— Люди, не обижайте моего дитяти! Кормите, поите его!

Старик уехал, а он тут остался.

Вошел в дом. Никого нет. Сел на скамью. Думает: «Вон он что сказал — не обижайте его. Кто меня может обидеть? Здесь нет никого». Видит: в заднем углу дома лежит кусок шейка. Шелк зашевелился. Стало невыносимо жарко.

— Умру!

Шелк зашевелился опять. Стало прохладнее.

— Теперь хорошо!

Шелк пошевелился в третий раз. Из-под шелка вышла доушкa, на пол опустилась и пошла на улицу. В дом вошла. Внесла оленьего быка грудь, похожую на лист борщевика. Повесила котел. Разрезала мясо. Положила в котел. Котел кипит. Котел вскипел. Мясо вычерпала в блюдо. На один край блюда положила женский нож, на другой край блюда положила мужской нож⁴.

— Если думаешь обо мне, ешь!

Сели и стали вместе есть. Поели, с едой покончили и легли вместе спать. Ночью старик приехал домой. Поел-попил. Говорит:

— Я ведь тогда сказал: люди, не обижайте моего дитяти. А теперь где дочь, там и сын. Разве слушают они родительских слов?!

Старик лег спать. Утром встали. Поели, попили. Говорит:

— Сегодня я поеду. Я повезу Солнце.

— Поезжай, — говорит старик, — только не обижай народ!

Запряг собаку, посадил в нарту Солнце и поехал. Ездил, ездил, в одном месте посмотрел вниз. Видит: люди дерутся, ругаются, отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думает: «Спустился б я вниз, всех бы побил». Сколько людей дралось, сколько людей ругалось — все умерли. Поехал дальше. Приехал к дому. Стемнело. Поел, попил. Лег к жене спать. Утром встал. Старик говорит:

— Как съездил?

— Так себе съездил.

Старик вышел на улицу. Запряг собаку. Погрузил Солнце и поехал. Приехал к одному месту, вниз посмотрел: оказывается, люди умерли. Поехал дальше. Стемнело. Собаку отпустил. Вошел в дом. Поел, попил. Лег. Утром встал. Поели, попили. Старик говорит:

— Сынок, что ты сделал с людьми одного края земли? Они все умерли.

Он говорит:

— Смотрю вниз. Вижу: дерутся, ругаются, отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думаю: спущусь вниз и всех побью.

Старик говорит:

— Если бы я так думал, не было бы на свете людей. Народ что делает, так и должно быть: он сам себе хозяин. Не мое дело. Ступай и сегодня же воскреси народ!

Запряг собаку, погрузил Солнце и поехал. Приехал к одному месту, посмотрел вниз: люди мертвы. «Его воля... как придет вам

на ум, так и живите. Вы сами хозяева. Не мое дело». И люди сразу ожили. Поехал дальше. Стемнело. Собаку отпустил. Вошел в дом. Поел, попил. Лег спать. Утром встал. Поели, попили. Старик вышел на улицу. Взял топор. Рубил мясную неделю, костную неделю. Вошел в дом:

— Ну, дети мои, поезжайте. Приготовил я для вас олений обоз, звериный обоз. Теперь поезжайте.

Дочь, с зятем встали, оделись, снарядились. Поцеловались, обнялись. Вышли на улицу. Оказывается, снаряжен такой олений обоз, такой звериный обоз, что конца ему не видно. Все олени белые. Посадил жену на спину восьмикрылого железного коня. Спустился вниз на землю. Говорит жене:

— Ты оставайся здесь. Я поеду дальше.

Сел на своего коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками. Восьмикрылого железного коня положил в карман. Поехал. Долго ехал, коротко ехал. Приехал к медной лестнице. Коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками пнул ногой. Он превратился в обгорелый, обугленный пень. Вынул из кармана восьмикрылого железного коня. Сел на него. Подымается на нем вверх по лестнице. Приехал к светлому месту. Восьмикрылого коня положил в карман. Взад-вперед ходит. И вот видит: едет старик с собачьей нартой. В нарту посажен Месяц. Сидит Месяц в нарте, а собака возит его. Подъезжает старик к нему и говорит:

— Внучек! Носящим ли зверем ты принесен, летающим ли зверем ты доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?!

— Внучек, поедem ко мне в дом.

Немного проехали, видит: стоит один дом, стоит один амбар. Старик открыл двери и говорит:

— Люди, не обижайте ребенка! Заходи в дом.

Старик уехал, а он остался тут.

Вошел в дом. В доме никого нет. Сел на скамью. Осматривается. Видит: лежит кусок красного сукна. Сукно зашевелилось. Мороз его пробирает.

— Вот здесь я умру. Зачем это я сюда зашел?

Кусок красного сукна снова пошевелился. Стало теплее.

— Теперь хорошо.

Третий раз сукно пошевелилось. Из-под сукна поднялась девушка. Спустилась на пол. Вышла на улицу. Вошла в дом. Внесла грудь зверя, похожую на лист борщевика. Повесила котел. Разожгла огонь. Мясо разрезала на куски. Положила в котел. Котел кипит. Котел поспел. Сняла котел. Мясо выложила в блюдо. На один край блюда положила женский нож, на другой край блюда положила мужской нож.

— Если думаешь обо мне, ешь. Если не думаешь, твое дело.

Сел. Поели, попили. Легли в полог. Долго спали, коротко спали. Встали. Оказывается, старик уже приехал. Говорит старику:

— Сегодня я поеду.

— Поезжай.

Запряг собаку. Посадил Месяц. Поехал. В одном месте приблизился к краю неба, посмотрел вниз. Видит: люди дерутся, ругаются, отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думает: «Спустился б я вниз, всех бы побил!» Сколько людей дралось, сколько людей ругалось — все умерли. Поехал дальше. Приехал к дому. Стемнело. Поел, попил. Лег к жене спать. Утром встал. Старик говорит:

— Как съездил?

— Так себе съездил.

Старик вышел на улицу. Запряг собаку. Погрузил Месяц и поехал. Приехал к краю неба, вниз посмотрел: оказывается, люди умерли. Поехал дальше. Стемнело. Собаку отпустил. Вошел в дом. Поел, попил. Лег. Утром встал. Говорит:

— Сынок, что ты сделал с народом того края земли? Все люди умерли.

Он говорит:

— Смотрю вниз. Вижу: дерутся, бранятся, отбирают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думаю: спущусь вниз и всех побью.

Старик говорит:

— Если бы я так думал, не было бы на свете людей. Народ что делает, так и должно быть; он сам себе хозяин. Не мое дело. Ступай и сегодня же воскреси народ!

Запряг собаку, погрузил Месяц и поехал. Приехал на край неба, посмотрел вниз: люди мертвы. «Его воля... как придет вам на ум, так и живите. Вы сами хозяева. Не мое дело». И люди сразу ожили. Поехал дальше. Стемнело. Собаку отпустил. Вошел в дом. Поел, попил. Лег спать. Утром встал. Поел, попил. Старик вышел на улицу. Взял топор. Рубил мясную неделю, костную неделю. Вошел в дом:

— Ну, дети, поезжайте. Приготовил я вам олений обоз, звериный обоз. Теперь поезжайте.

Дочь с зятем встали, оделись, снарядились. Поцеловались, обнялись. Вышли на улицу. Оказывается, снаряжен такой олений обоз, такой звериный обоз, конца-краю не видно. Все олени белые. Посадил жену на спину восьмикрылого железного коня. Спустился на землю. Приехали к дочери Солнца. Дальше втроем поехали. Долго ехали, коротко ехали. Говорит своим женам:

— Вы поезжайте в мой город, я поеду в другую сторону. Осмотрю еще один край земли. Посмотрю, какова земля.

Поехал дальше. Женщины отстали.

Долго ехал, коротко ехал. Видит: впереди него небо и земля вместе сошлись. Подъехал туда. Дыра. Огромная дыра. В нее вделан железный перевес, сверху натянут. У перевеса старик сидит. Уток ждет, гусей ждет. Восьмикрылого железного коня положил в карман. Из кармана вынул шкурку железного ястреба. Забрался в шкурку. Полетел. Полетел к железному перевесу. Ударился о перевес. Старик перевес опустил. Перевес упал. Пе-

ревес разорвался. Старик вскочил, бежит, чтоб его схватить. Он быстро залез в шкурку маленькой щуки и нырнул в озеро. Немного поплавал. Вышел на берег. Взад-вперед ходит, смотрит. Видит: стоит один дом, стоит один амбар. Пошел туда. Вошел в дом. В доме сидят старуха со стариком.

— Эй-эй, Тарыг-пещ-нималя-сов, внучек! Носящим ли зверем ты принесен, подышающим ли зверем доставлен ты?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?!

— Садись, внучек!

Старуха говорит:

— Выйди на улицу. Принеси что-нибудь поесть.

Возвратился старик. В обеих руках у него живые утки, живые гуси. Внес их в дом. Старуха повесила котел. Ощипала перья с живых уток, с живых гусей. Накрошила в котел утиного мяса, гусиного мяса. Разожгла огонь. Котел кипит. Пospел. Сняла котел. Мясо выложила в два блюда.

— Внучек, иди за полог.

Одно блюдо дала ему. Стали есть.

— Внучек, хорошенько ешь, будь аккуратен, не ломай кости⁵.

Поели, с едой покончили. Кости из двух блюд сложила в одно блюдо, вынесла на улицу. За домом озеро с живой водой. Кости высыпала в это озеро. И из воды вылетели живые утки, живую гуси. Вошла в дом. Он лег спать с их дочерью. Утром встали. Поели, попили. Девушка заплетает косы. Колени у нее покрыты шелком. И вот он видит: шелк на коленях шевелится. Девушка говорит:

— Эй-эй, далекая земля недоступна для зверя, далекая земля недоступна для оленя.

Он думает: «С какой стати я шел сюда ради такой несмысленной девчонки!» Тогда девушка свернула в руках шелк. Оттуда выскочили семь черпедей, семь селезней, кричат. Девушка говорит:

— Ступай спустись на пол, поймай девицу с молодцем.

И охватил его великий стыд Торума, великий стыд Пупыха⁶.

Долго жил, коротко жил. Однажды старик вышел на улицу. Взял топор. И вот рубит, вот рубит. Девушка говорит:

— Что делает твой тесть? Знаешь?!

— Я не знаю, что он делает.

— Он готовит для нас олений обоз, звериный обоз, на котором мы должны с тобой ехать.

Девушка говорит:

— Выйди на улицу и скажи тестю: «Что делаешь?» Он ответит: «Готовлю я вам олений обоз, звериный обоз, на котором вы поедете». Ты скажи: «У тебя есть две заветные шкурки. Дай мне их, а не то не смогу я вести олений обоз, звериный обоз. Сюда я шел пешком, летел на крыльях, плыл под водой».

Старик стоит с опущенной головой. Немного подумал и сказал:

— Я имел всего одну дочь, в ней все мое богатство! Я отдам тебе заветные шкурки.

Вместе с зятем вошел в дом. Порылся в одном углу дома, вынул шкурку гуся. Порылся в другом углу дома, вынул шкурку лебедя. Его зять залез в гусиную шкуру, его дочь залезла в лебединую шкуру. Вышли на улицу и полетели.

Долго летели, коротко летели. Прилетел он с женой в обитаемую им героическую землю, в обитаемую им богатырскую землю. Вместе с ними прилетели утки, прилетели гуси. Множество повсюду живущих мужчин в нищенских шубах, в нищенских ярах добывают гусей, добывают уток. Едят, пьют. Говорят:

— Прилетели черные гуси, прилетели славные утки. Наш богатырь уток привел, гусей привел.

Дочь Месяца, дочь Солнца — его жены — тоже прибыли в его героическое гнездо, в его богатырское гнездо. Всего у него стало пять жен. Сразу сделал свадьбу. Людей собрал. Собрал множество людей со всего города, со всей деревни. Люди пришли. Поставили столы с пьяной едой, с медовой едой. Люди едят, пьют. Пируют мясную неделю, пируют костную неделю. Он говорит женам:

— Я опять поеду. Посмотрю еще один край земли. Съезжу туда.

Оделся, снарядился, вышел на улицу. Сел на спину коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками и поехал.

Долго ехал, коротко ехал. Приехал к морю. На середине моря стоит стол. Сел туда на стол. На столе лежит книга. Читает ее, рассматривает. Смотрит под стол. В воде видит утку. Забрался в шкурку маленькой щуки, нырнул в море. Плавали, плавали, встретили маленькую щуку, подружались. Вместе плывут. Приплыли к берегу. Он выскочил на берег. Сбросил с себя щучью шкурку. Вдаль смотрит. Видит: стоит один дом, один амбар. Пошел туда. Вошел в дом. В доме сидят старуха со стариком.

— Эй-эй, внучек, посящим ли зверем ты принесен, подымающим ли зверем ты доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?

Старуха говорит старику:

— Внучек приехал. Неси угощение.

Старик вышел на улицу. Долго ходил, коротко ходил, вошел в дом. Принес осетра, принес пельму. Осетра накрошили в котел, пельму сырой съели. Котел поспел. Вынули осетрину из котла и тоже съели.

— Внучек, ложись спать.

Вошел в полог. Там сидит девушка. Вместе легли. Утром он думает: «Пожалуй, пужно домой возвращаться». Старик говорит:

— Поезжай, я тебя не держу.

Старик взял топор. Вышел на улицу. И вот рубит, вот рубит. Дома девушка говорит:

— Что делает твой тесть? Знаешь?

— Я не знаю, что он делает.

— Он готовит нам олений обоз, звериный обоз, с которым мы должны поехать. Ты скажи ему: «Сюда я шел пешком, летел на крыльях, плыл по воде. Не смогу вести олений обоз, звериный обоз. У тебя есть две заветные шкурки, отдай их мне».

Старик стоит с опущенной головой. Немного подумал, сказал:

— Имею я одну дочь. Больше бы имел, тогда не отдал бы.

Старик вошел в дом. Порылся в одном углу дома, достал осетровую шкурку. Порылся в другом углу дома, достал шкурку пельмы. В шкурку нельмы забралась его дочь, в осетровую шкурку забрался его зять. Вышли и нырнули в море.

Плывут. Приплыли к его городу. Вышли на берег. Его многочисленные мужчины в нищенских шубах, его многочисленные женщины в нищенских шубах рыбу добывают, рыбу едят и говорят:

— Наш богатырь привел рыбу. Мы рыбу ловим, рыбу едим!

Он пошел к себе в дом. В дом вошли с женой. Сняли с себя шкурку осетра и шкурку нельмы, положили в ящик. Созвал людей, устроил свадьбу. Пировали мясную неделю, пировали костную неделю. Говорит:

— Моя работа окончена. Лягу спать.— И лег спать.

Долго спал, коротко спал. Слышно, бабушка бранится:

— Ах ты такой-сякой! Что так долго спишь? Тебя звал к себе твой батюшка Торум, твой отец Торум. Сегодня он раздаст богатырские имена. Быстро отправляйся на небо!

Встал, умылся, поел, попил. Вынул из кармана шкурку щуки, шкурку мамонта, шкурку железного ястреба, шкурку зайца и ножницы:

— Возьми, бабушка. Они мне стали лишними.

Отправился на небо к Торуму.

Пришел к Торуму. Вошел к нему в дом. Подошел к Торуму:

— Здравствуй, Торум!

— Здравствуй, сынок!

— Дай мне богатырское имя.

— Дам. Ты первым пришел. Тебе и дам.

Пошел на улицу. Навстречу ему идет один человек. Шапка у него вкривь надета. Пришедший человек не знает, что шапка у него на голове криво сидит. Вошел в дом. Подошел к Торуму:

— Дай мне богатырское имя.

— Богатырское имя я уже отдал, другого у меня нет.

Нет, не перестает, все просит:

— Никто раньше меня не приходил. Я первым пришел.

— Нет, я уже отдал богатырское имя!

А тот не перестает, все просит.

Втроем вышли на улицу. Привели крылатого коня, которым владел Торум. Их связали за волосы и положили на крылатого коня. Коня хлестнули плетью. Торум говорит:

— Кто из вас завизжит, тому не будет богатырского имени.

Возил, носил их конь, пазойливый мужчина не выдержал и завизжал от боли.

Торум говорит:

— Я же говорил, что нет у меня больше для тебя богатырского имени.

Вошли в дом. Торум говорит пазойливому мужчине:

— Владей одной частью моего имени. Ты будешь Полум-Торумом⁷¹!

Вдвоем вышли на улицу. Сошли вниз на землю. И стал он теперь богатырем. Зажил с шестью женами.

Когда он так жил, наступила древняя эпоха человеческой жизни, вечная эпоха человеческой жизни.

Он живет на Казыме. Людей много. Но вот однажды заболели люди, и все умерли. Лишь в одной деревушке не умерли люди, остались живыми у них одна дочь и один сын. Живут они в доме. Деревенские люди все уехали на Обь. Брат говорит:

— Ляжем спать.

Легли. Утром встали. Пошли настораживать слопцы. Пришли в лес. Брат говорит сестре:

— Ты оставайся здесь, собирай ягоды. Я сам насторожу слопцы.

Пошел. Настораживает слопцы. Девушка собирает ягоды. И вот подъезжает кибитка, запряженная пятеркой лошадей. Дверцы кибитки открылись.

— Девочка, что делаешь?

— Ягоды собираю.

— Подойди ко мне.

Подошла. Богатырь протянул руку. В руке у него три кедровых ореха.

— Девочка, съешь орехи!

Дверцы кибитки закрылись, и богатырь уехал.

Пришел брат. Спрашивает:

— Набрала ягод?

— Немного набрала, на еду.

— Пойдем домой.

Пошли. Пришли домой. Поели, попили. Легли спать. Брат утром проснулся. Сестры нет. «Куда это она ушла?!» Вышел на улицу. Темно. Ищет, ищет, найти ее не может. Идет назад к дому. У порога дома стоит маленький берестяной домик. Смотрит: в домике сидит сестра, в руках у нее ребенок. Брат вбежал к себе в дом. Плачет, горюет:

— Приедут люди, скажут: родную сестру за жену держит. Пойду в лес, повешусь!

Пошел в лес. Долго ходил, но не смог найти для себя дерево, на котором мог бы повеситься. Пошел домой. Немного пожил. Опять вспомнил про то дело. И снова плачет, горюет:

— Будет, пойду в лес, повешусь!

Пошел в лес. Ходил, ходил, но не нашел дерево, на котором мог бы повеситься. Вернулся домой. Сестра уже дома. Устроили

трапезу. Поели. Легли спать. Утром встали. На улице лает собака.

— Эх, люди приехали!

Выбежал на улицу. Людей нет. Собака вверх лает, на поленницу. Смотрит: соболь сидит. Вбежал в дом. Взял стрелу, взял лук. Пустил стрелу — соболь упал. Принес его в дом. Оказывается, соболь собакой искусан. Содрал с него шкурку и отдал сестре:

— Высуши, выделай, сшей легкую шубку, одень в нее сына.

Опять легли спать. Утром встали. Поели, попили. На улице лает собака. Выбежал на улицу. Собака лает на поленницу. Смотрит: соболь сидит. Вошел в дом. Взял стрелу, взял лук. Пустил стрелу — соболь упал. Оказывается, он собакой искусан. Принес в дом. Ободрал. Шкурку высушил, выделал и повесил ее перед изображением богатыря. Устроили трапезу. Кланяются в землю, молятся:

— Дай, богатырь, нам силы и здоровья!

Однажды слышат: кто-то едет. Послышался звон колокольчиков, звон бубенцов. К дому подъехала кибитка, запряженная пятеркой коней. Кибитка остановилась под окном. Открылись дверцы. Из кибитки выглянул мужчина:

— Девочка и мальчик, живы?

— Живы.

— Что у вас есть?

— Ничего нет.

— Нет, у вас что-то есть.

— Нет, ничего нет.

— Нет, вы что-то имеете.

Девочка говорит:

— У меня есть сын!

— Принеси его ко мне. Я посмотрю, каков он.

Вывесла. Взял в руки. Смотрит. Люльку с ребенком поставил на спину:

— Что еще имеете?

— Ничего у нас нет.

— Нет, вы что-то имеете!

— Нет, нет у нас ничего.

— Нет, у вас что-то есть!

— Правда, есть у нас соболиная шкурка. Мы повесили ее перед изображением богатыря.

— Принеси сюда, я посмотрю, какова она.

Принес. Отдал богатырю. Тот рассматривает ее. Тоже за спину положил. Другую шкурку взял в руку и отдал мальчику:

— Положи ее в ящик. Эту шкурку держи перед изображением богатыря.

Дверцы кибитки захлопнулись, и уехал. Ребенка увез с собой.

Пришли деревенские люди. Поздоровались, поцеловались. Поели, попили, погостили. И теперь в счастье и в довольстве живут.

107. Создание мира

Светлый муж-отец¹ создал этот мир, эту Сибирь. Деревьев не было, сухой земли не было, везде была вода, везде был туман. Сын Светлого мужа-отца, обходя в тумане, в воде мир после раздела², говорит:

— Не мог ли бы я создать тундровый холм такой величины, чтобы он смог меня выдержать?

Тогда выплонул он свои сопки в сажу из глубины глотки — возник тундровый холм. Теперь он проводит время на этом своем тундровом холме, пищу варя, почки проводя. Пока он так жил, приходит кто-то, раскачивается стоя, погружается и всплывает. Когда подошел, то оказался песомый ветром черт. Подошел к нему, здесь рвет, там хватает. У него копье из твердого дерева, он толкает его отсюда, толкает его оттуда. Светлый мальчик потерял терпение, вынул из кармана двух гагар и говорит:

— Две мои дочери с игольчатыми клювами, — говорит он, — сделайте что-нибудь с ним!

Гагары начали раздирать черта, да и убили его.

Светлый мальчик говорит про себя:

— Если бы мой отец не рассердился на меня, — говорит он, — я бы на свой страх и риск дал бы земле подняться, — говорит он.

Ему и страшно и не страшно.

— Две мои дочери с игольчатыми клювами, — говорит он, — вырните обе на спор, — говорит он, — кто из вас двоих вынесет живую землю, — говорит он, — кто из вас двоих вызовет живой мир, кто из вас двоих вызовет мертвый мир.

Тогда они нырнули. Они странствовали, странствовали, семь лет прошло. До семи лет не хватило семь месяцев, тут всплыла гагара и вскрикнула:

— Я проснулась в мертвом мире, — сказала она.

И вот по истечении семи лет поднялась на поверхность другая гагара, и там, где она отряхнула свои крылья, появилась ку-ча земли, где она отряхнулась, тут возникла каменистая земля. Светлый мальчик пошел к своему отцу, спросил и сказал:

— Твоя птица вызвала мертвый мир.

Светлый отец сказал тогда:

— Мертвый мир я изначально предписал, — говорит он. — Если его не предписать, где тогда поместятся подрастающие девочки и подрастающие мальчики? — говорит он. — Между растущими деревьями им не хватит места, между выросшей травой им не хватит места, — говорит он. — Друг с другом, между собой они не найдут еды, не найдут питья, — говорит он. — Друг с другом, между собой они не найдут еды, они тут же начнут друг друга резать, начнут друг друга есть.

Светлый мальчик выплонул сопки в сажу из глубины своей глотки, начали они высыхать и затвердевать, из них появилась волосатый червь, волосатая змея³. Этот волосатый червь, эта во-

лосатая змея раскачивается; если дует ветер с ночной стороны и попадает ветер на нее, раскачивается, если дует ветер с дневной стороны и попадет ветер на нее. Пока она так лежит, качаясь от ветра, на нее падают капли дождя, на нее падают капли воды. От дождевой воды, от талой воды растет она. Она выросла величиной с женщину, величиной с мужчину, стала человеком⁴. Он начал жить, живет. Однажды, когда он бродил, охотясь, встретила ему женщина Ерш.

— Это ты, из чего-то возникший дорогой мальчик, дорогой муж? — говорит она. — Ты изготовил старую веревку?

Маленький человек спрашивает ее в ответ:

— Что за старая веревка? — говорит он.

— Я, — говорит она, — так называемая двузадая, ползущая вперед женщина, я здесь, — говорит она. — Из чего, — говорит она, — ты возник? — говорит она.

Маленький человек спрашивает в ответ:

— Из чего, — говорит он, — ты возникла? — говорит он.

— Я, — говорит она, — возникла после возникновения неба, после возникновения земли, ко времени возникновения черной земли⁵, — говорит она. — Черная земля раскололась на две части, и подвигавшаяся из трещины этой черной земли — это я, — говорит она. — Я возникла из черной земли, — говорит она, — ты возник, — говорит она, — из Светлого мужа-отца, — говорит она. — Ты — сопли Светлого мужа-отца, — говорит она.

Маленький человек задумался.

— О какой старой веревке, — говорит он, — ты ведешь речь? — говорит он.

Женщина Ерш говорит:

— О такой веревке, как эта, — говорит она и опрокидывается на спину.

Она рванула Маленького человека на себя и обняла его. Она тянет и тянет Маленького человека вниз.

— Старая веревка — это так, — говорит она.

Женщина Ерш трет Маленького человека о свой зад, у Маленького человека ничего не чешется. Мужской член и яички Маленького человека под мышкой. Она вырвала мужской член и яички Маленького человека из-под мышки, кинула их меж ног Маленького человека. Они поженились.

Когда они так живут, женщина Ерш имеет тонкую оболочку, а мужчина — кожаную оболочку, користую оболочку. Мужчина в этой своей оболочке не наклоняется. Женщина Ерш говорит:

— Мой сын княгини, — говорит она, — в этой своей оболочке ты не наклоняешься, — говорит она. — Что это за оболочка, — говорит она, — користая оболочка или берестяная оболочка? — говорит она. — Иди, — говорит она, — и где твои охотничьи угодья, твои лесные угодья, там есть трехлистное ягодное дерево величиной с пуговицу, на этом трехлистном ягодном дереве есть три ягоды.

Тогда пошел человек, пришел в лес.

— О каких трех ягодах ведет она речь? — говорит он. — Нужно их поискать.

Пока он бродит, охотясь, все высматривает. Смотрел, смотрел, нашел трехлистное ягодное дерево. И вот на этом трехлистном ягодном дереве нашел три ягоды. Две ягоды он съел, одну ягоду несет домой. Пришел домой, зовет свою жену.

— Моя дочь книгини, — говорит он, — ягоды, о которых ты говорила, здесь, — говорит он.

После того как он в лесу съел две ягоды, его твердая оболочка начала отделяться. Дома он съел свою последнюю ягоду, теперь твердая оболочка сошла, и осталась тонкая оболочка. Долго жили, коротко жили, затем произвели они целый род девочек и род мальчиков.

108. Как достали солнце и месяц, как на земле появились птицы и звери

На тундровом бугре живут старуха со стариком. Долго жили, коротко жили, однажды старуха вышла в сенцы. Вышла в сенцы, видит: там лежит только что родившийся ребенок. В люльке лежит, плачет.

— Старик, внесу-ка я ребенка в дом?

Старик выскочил из дома, они взяли ребенка, внесли в дом. Старуха стала его растить. Качая мальчика в люльке, песни ему поет. Однажды мальчик сказал:

— Мама, укажи мне место, где бы я мог бороться.

— Такого места нет, — отвечает отец.

— Мама, ты, наверное, знаешь, укажи мне.

— Есть такое место, — говорит мать. — Сказывают, живет дочь Нум-Торума¹. Если у тебя появилось такое сильное желание бороться, иди к ней. Место твоей борьбы там! Нум-Торум завет оставил: никому против нее не устоять; если кто-нибудь задумает ее ударить, в землю уйдет, семь морей, семь земель насквозь пройдет.

Мальчик собрался в путь. Мать дала ему обломок миски:

— Если твои руки, твои ноги попадут в беду, этот обломок миски разлومي пополам.

Поцеловала она его, и мальчик пошел. Мать с заплаканным лицом осталась дома.

Долго шел, коротко шел, и вот на своей дороге нашел семи-суставный посох. Воткнул посох в дорогу, взял его и дальше идет. Однажды слышит сверху человеческий голос:

— Впучек!

— Что?

— Куда идешь?

— Землю посмотреть, силу свою попытать.

— Силы не пытай, я тебе работу дам.

- Какую работу?
- Птиц, зверей делать.
- Как я смогу делать зверей? Совсем темно, нет ни солнца, ни месяца. Где я возьму солнце и месяц?
- Они у Хуль-отыра.
- Э...

Мальчик сорвал три травинки, скрутил их и дунул. Из его рук выскочил когтистый зверек, запрыгал вокруг мальчика, защищал:

— Сын великой женщины, богатырский сын, что прикажешь делать?

— Копай землю на семь сажен вглубь.

Когтистый зверек начал рыть землю. Так роет, что комья земли, как вороны, взлетают вверх. Наконец прорыл ход в нижний мир. Мальчик глянул туда, видит: как светло! И солнце и месяц светят; видно, как люди ходят. Сквозь отверстие наверх стали подниматься комары. Один комар поет песенку:

Пан-панрись-пани-пани!
В верхнем мире люди живут.
В верхний мир я лечу.
У земных людей буду пить кровь.

Комаров так много налетело, что вся земля ими наполнилась. Мальчик спустился в нижний мир, вошел в дом к Хуль-отыру.

— Ты зачем сюда пришел? — спрашивает Хуль-отыр.

— Хочу что-то спросить.

— Что же ты хочешь спросить?

— А зачем у тебя так много комаров? Вон сколько их на землю налетело, взгляни-ка.

Хуль-отыр стал глядеть, а в это время мальчик открыл свою табакерку, взял щепотку табаку и дунул в глаза Хуль-отыру. Оба глаза ему табаком запорошил, тот совсем смотреть не может.

Хуль-отыр и солнце и месяц держал у себя в доме. Мальчик потянулся, схватил месяц и солнце и бросился бежать из дома. Хуль-отыр за ним погнался. Мальчик обернулся гусем и полетел дальше. Хуль-отыр обернулся в железную чайку. Мальчик с криком летит к Нум-Торуму:

— Отец, отец, вот он меня догонит!

Нум-Торум выбежал из дома, кричит вниз:

— Месяц и солнце бросай вверх!

Мальчик бросил их, там они и повисли.

Нум-Торум побежал навстречу, схватил свой блестящий меч. Хуль-отыр увидел меч, с плачем повернул назад. Говорит:

— Ты будешь жить в светлом месте, а я в темноте остался! Души людей ко мне будут попадать и тоже в темноте жить будут.

— Ну, тогда я тебе полсолнца дам.

— Какой свет от половины солнца!

— А не хочешь, так и живи совсем без солнца.

Нум-Торум с сыном вернулся домой. Сели за стол. Попили, поели. Мальчик встал из-за стола, попрощался с отцом, обернулся гусем и полетел. Летел, летел, на землю спустился. На земле снова в человека преобразился и пошел. Долго шел, коротко шел, в одном месте поднял два камушка. Хорошенько потер их один о другой — появилась собака с пушистым хвостом, побежала вслед за мальчиком. По дороге он сорвал с березы три листочка, свернул их в трубочку, дунул — и появился маленький зверек, лесная мышь. Вместе идут дальше. Мальчик отломил от ели щепочку, обстругал ее наподобие зверька — прыгнул пушистый соболь, за ним пошел. Так, идя по дороге, делает все новых зверей. Куда клонится его голова, туда и идет. Куда мальчик пойдет, туда и звери бегут. Долго так бред, коротко так бред, смотрит вперед: на берегу моря виден огонь; искры от огня вверх поднимаются. Туда и направился. Пришел. Смотрит: женщина лежит, спит. При дыхании у нее из ноздрей искры вылетают.

Он хотел женщину посохом ударить — в тот же миг она скрылась. Под землю провалилась, только голова мелькнула. Он разломил обломок миски, который дала ему мать, и у него появилась кольчуга. Надел кольчугу, кинулся за женщиной. Гошится. Долго гнался, коротко гнался, вперед смотрит: видно, женщина бежит вдали.

Когда мальчик стал ее догонять, она обернулась и остановилась. Добежал до нее, схватились бороться. Долго боролись, коротко боролись, наконец оба упали наземь. Женщина обессилела, и мальчик обессилел. Силы у них равные.

— Довольно, кончим бороться, — говорит женщина. — Ты меня убить не можешь, и я с тобой справиться не могу.

Отпустили друг друга, попрощались и разошлись в разные стороны. Мальчик идет дальше. Долго шел, коротко шел, добрался до отверстия, по которому под землю спускался. Наверх вылез, своим зверям говорит:

— Ты, собака, ищи, ищи человека. А ты, мышь, ступай, может, где найдешь кучу сухой травы. Там себе сделаешь гнездо. А ты в лес беги. — говорит он лисице. — Если мышь к твоему дому придет — убивай. Будешь ты убийцей мышей.

Звери разбежались, мальчик пошел дальше. Долго шел, коротко шел, однажды смотрит вперед: по всей земле огонь полыхает. Пришел куда: оказывается, не земля это — море огненное. Как через море перебраться? Положил поперек моря семисуставный посох, и он как раз через все море лег. Помахал клюшкой, и появился мост такой ширины, чтобы человеку пройти. Побежал через огненное море. Посох забрал и дальше шагает. Однажды слышит сверху голос отца:

— Не встречал ли где своих братьев?

— Нет, — говорит, — не встречал.

— Поднимайся сюда.

Мальчик попытался обернуться гусем, но не получается. Начал плакать. Отец говорит ему:

— Чего плачешь?

— Не могу принять своего облика.

Отец дунул на него сверху, и взвился вверх златошейный гусь. Мальчик в образе златошейного гуся полетел к своему отцу Нум-Торуму, влетел в окно, опустился на середину пола, и тут обернулся человеком.

Все сыновья Нум-Торума собрались. За стол сели, есть стали. Поели, попили, распрощались.

Мальчик полетел в свой край. И теперь там живет. Его имя — Маленький Богатырь Желтая Трясогузка. Богатырь, имеющий облик желтой трясогузки — это он².

109. Как луна на землю приходила

Давным-давно жила-была старая женщина. Занималась она домашним хозяйством, готовила пищу. Однажды вечером старая хозяйка затопила чувал и стала готовить ужин. Жила она с внуком и внучкой в деревянном доме. Ребятишки вышли ночью на улицу и стали смеяться над луной, стали рожицы корчить луне, показывать на нее пальцем. И луна тут очень рассердилась на ребятишек-проказников, стала спускаться на землю. Тут баловники со страху забежали домой.

Бабушка взглянула на них, вышла из дома. Посмотрела на небо и видит: на небе нет луны. Смотрит: почерневшая луна спускается на землю. Старая женщина зашла домой, вытряхнула из рукодельного мешка свое рукоделие, затолкала в него внучат, зашла мешок и запрятала его подальше. Затем старая хозяйка поставила на стол берестяную чашку с солью и хлеб. Недолго ждала она, и вот рассерженная, почерневшая луна подошла к двери ее дома. Луна с шумом и грохотом вошла в дверь и спросила старую женщину:

— Где теперь те ребятишки-баловники, что смеялись над мной и строили мне рожицы?

Соль, услышав голос луны, сказала:

— Малые дети посмеялись над тобой, луна, а ты сразу и рассердилась, спустилась на землю. Меня вот человек в котел для пищи бросает, а я и не сержусь.

Затем заговорил хлеб на столе:

— Ты, сердитая луна, и так съела безвинных детей¹, теперь снова на землю спустилась. Человек меня на горячей воде замешивает, печет в горячей печке. Вытащив из печки, режет меня на кусочки, я и то не сержусь. А ты, луна, на детей рассердилась.

Тут луна с шумом и грохотом вышла из дома и поднялась на небо, на свое место. А старушка вышла на улицу, посмотрела вверх: луна снова светит в ночном небе. Зашла она в дом, распоролa рукодельный мешок, выпустила своих внучат. Они и теперь живут.

110. Охота на шестипалого лоса

Жил человек с женой, был у них маленький сын, в колыбели еще лежал. Однажды женщина пошла за водой и видит: менкв гонит шестипалого лоса. Приходит домой, муж ее спрашивает: — Что сказать имеешь?

— Ничего нет, видела, как менкв шестипалого лоса гнал.

Мось-хум¹ услышал это, выскочил из колыбели и побежал. Погнался за лосем. Долго, коротко гонялся за лосем, догнал и отрубил ему две задних ноги. Остались две передних да две средних. Дорога, по которой бежал Мось-хум, видна и теперь: это Млечный Путь. Также виден и лось — Большая Медведица. Раньше, когда лось имел шесть ног, его люди не могли догнать.

111. Про Северный ветер

Луи-вот-ойка — Северный ветер. Старик в низовой стороне за морем жил. День и ночь не переставая дул. Оттого на земле очень холодно было. Люди от Северного ветра страдали. И зиму и лето все дул и дул. Каждый день люди от холода умирали. Однажды один человек сказал:

— Пойду в низовую землю на Северного ветра. Буду с ним биться.

Собрался и пошел. Долго, коротко шел, до низовой земли добрался, к Северному ветру пришел, биться его зовет. Северный ветер лук и стрелы схватил, из дома выбежал.

Долго бились, долго друг в друга стрелы пускали. Под конец человек изловчился, лук натянул, стрелу пустил. Стрела Северному ветру половину нижней челюсти разбила.

С этой поры ветер дуть перестал. Стало тепло. Такая жара настала, что люди от нее болеть стали. И зиму и лето все тепло. Каждый день люди от жары умирали.

Много, мало времени прошло, снова ветер подувать начал. Челюсть у него заживать стала.

Челюсть у него хоть и зажила, прежней силы все же не осталось. Вполовину прежней силы все же не осталось. Вполовину прежней силы лишь дует. Людям с той поры хорошо жить стало.

112. Опоясывание земли

Йоли-Торум-сянь на землю спустилась, Крылатая Калм¹ на землю спустилась. На земле стали жить.

Однажды Йоли-Торум-сянь говорит Крылатой Калм:

— Поднимись к своему отцу, Нум-Торуму. Так ему скажи: «Кожистая земля наша все качается, на месте не стоит. Когда появятся на земле люди, как они будут на ногах держаться?»

Нум-Торум, отец мой, укрепи нашу землю!» Может быть, каким-нибудь поясом он ее опояшет.

Крылатая Калм поднялась к Нум-Торуму. Вошла в его дом. Нум-Торум за столом сидит, правой щекой о посох опирается. Спрашивает дочь:

— Крылатая Калм, какое слово ты принесла, с какою речью ко мне пришла?

Крылатая Калм отвечает:

— Нум-Торум, отец мой, наша земля, как ни велика уже стала, а все еще движется, на месте не стоит. Когда появится человек, не устоять ему на ногах. Ты укрепи нашу землю, опояшь ее каким-нибудь поясом.

Нум-Торум голову опустил. Пока он так сидел, котел с рыбой вскипел. Потом голову поднял и сказал дочери:

— Я сделаю, как ты сказала, землю опояшу.

Крылатая Калм вышла из дома Нум-Торума, спустилась обратно на землю. Йоли-Торум-сянь спрашивает ее:

— С чем пришла, какую весть принесла?

Крылатая Калм отвечает ей:

— Нум-Торум, отец мой, обещал укрепить землю; сказал, что опояшет ее.

После этого Нум-Торум спустил на землю свой пояс. Его пояс был украшен тяжелыми луговицами. Земля глубоко осела в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег пояс, теперь Уральский хребет. Это самая середина земли.

113. Как создали человека (вариант А)

Прошло некоторое время, и опять Йоли-Торум-сянь посылает Крылатую Калм:

— Пойди к Нум-Торуму, скажи ему: земля теперь крепко стоит; надо создать человека, чтоб он на ней жил.

Крылатая Калм отправилась к своему отцу. Долго, коротко летела, про то никто не ведает. Однажды прилетела она к Нум-Торуму и говорит:

— Землю ты укрепил. Теперь нужно сделать человека.

Нум-Торум голову поднял, на дочь посмотрел:

— Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там оживите.

Крылатая Калм улетела. После этого Нум-Торум позвал Топал-ойку, приказал ему сделать человека.

Топал-ойка вырубил из лиственницы семь человеческих фигур. За это время Хуль-отыр вылепил из глины семь человеческих фигур. Говорит Топал-ойке:

— Давай, братец, поменяемся, а?

— Нет, не буду меняться, — отвечает Топал-ойка, — твои люди глиняные, худые.

— Ну, поменяемся,— уговаривает Хуль-отыр.

— Не хочу отдавать своих людей. Вон сколько я с ними бился!

— И я над своими поработал,— говорит Хуль-отыр.— А ты души для них откуда возьмешь? Нум-Торум тебе душ не давал. Сидит Топал-ойка, голову почесывает.

— Верно,— говорит,— душ-то у меня нет. Ну а ты моих деревянных людей сделаешь живыми?

— А то как же! Я их оживлю. А из глиняных людей пусть будут менквы.

Топал-ойка деревянных людей отдал Хуль-отыру, себе глиняных взял. Хуль-отыр деревянные фигуры отнес к Нум-Торуму. Нум-Торум поставил их спинами к себе, дунул на них: куда девались? Топал-ойка руки расставил, да ни одного не поймал.

Топал-ойка почесал у себя в затылке. Взял глиняных людей, посмотрел на них. Что же? Глина, и только.

Нум-Торум ему говорит:

— Глиняных людей отнеси к нашей сестре Калтась-эке. Корс-Торум души для них отдал ей. Пусть она их и оживит.

Топал-ойка отправился к Калтась-эке. Пришел, говорит ей:

— Сестра, этих людей сможешь оживить?

— Оживлю,— отвечает Калтась-эка,— только ты отсюда уходи.

Топал-ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчинам при этом быть нельзя.

Глиняные люди стали живыми. Только век их недолог: куда годятся их глиняные руки, глиняные ноги? В воду упадет человек — тонет, жарко станет — из него пот выступает. Люди, сделанные из ливневницы, были бы крепче и в воде не топили бы.

Когда люди на земле появились, Крылатая Калм снова полетела к Нум-Торуму. Сказала ему так:

— Ну вот, люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем они будут кормиться, чем прикроют от холода свои тела?

Нум-Торум голову опустил, долго думал. Потом так ответил:

— Крылатая Калм, леги обратно на землю. В тайге, в лесной чаще будет много сохатого зверя; на болота, в тундру я пущу оленей. Там они будут жить, нищу для себя искать, а люди пусть ходят туда на промысел.

Крылатая Калм спустилась на землю. Иолн-Торум-сянь спрашивает ее:

— Какую весть ты принесла от своего отца?

— Нум-Торум так сказал: в тайгу, в лесную чащу, на болота и в тундру я пущу оленей и сохатых зверей; туда будут ходить люди добывать себе пищу.

114. Как создали человека (вариант Б)

Пришел черт к богу. Бог его вытолкнул. Опять рассказывает бог и думает: «Я его зря вытолкнул». Черт опять приходит к нему наверх:

— Что ты задумал, дорогой бог, я это знаю.

Дорогой бог снова рассказывает и думает. Поворачивается к черту. Дорогой бог говорит:

— Как это ты знаешь мои мысли? Если ты их действительно знаешь, то говори!

— Когда утром встаешь, ты думаешь, когда ночью спишь, ты думаешь: ты хочешь создать человека, но нет черной земли.

Дорогой бог говорит:

— Если ты действительно умный, если ты действительно знающий, то иди принеси наверх пригоршню черной земли.

Черт думает: «Пойду и принесу черной земли». Черт пошел и принес богу черной земли. Бог взял ее, разделил на две части, в обеих руках сжал черную землю. Затем он взял свою бумагу, нарисовал мужчину, нарисовал женщину. Из одной руки выпустил черную землю — появился мужчина, из другой руки выпустил черную землю — появилась женщина.

Черт сидит и думает: «Он сделал человека. Как бы мне сделать?» Черт ушел от бога, разозлился на него. Он спустился и украл черную землю. Сжал и бросил ее — появилась ящерица. Она мчится на созданную богом черную землю. Затем черт взял свою бумагу, нарисовал женщину, нарисовал мужчину. Сжимает опять черную землю; что делал бог, то же делает и он. Разделил ее на две части, выпустил из одной руки — появился жук, выпустил из другой руки — появилась жаба.

Тут напал на черта кашель, и он думает: «Пойду к богу наверх». Пошел к богу и думает: «Как же мне попасть к обоим людям?» Пошел туда к людям, собака хотела его укусить. Тогда черт сделал холод, собака начала мерзнуть. Собака просит:

— Я же мерзну, сделай тепло.

Черт говорит:

— Подпусти к себе. Я натяну на тебя шкуру.

Собака подпустила его. Черт натянул на нее шкуру. Затем взял людей, оплевал их всех соплями, затем убежал.

Бог спустился, чтобы измерить черную землю. Бог поднялся. Смотрит на людей: они оплеваны, в соплях. Дорогой бог рассердился. Он вывернул им паружную кожу внутрь, он вывернул им внутреннюю шкуру наружу. Дорогой бог говорит:

— Ну, кашляйте теперь и плюйте теперь! Этими вашими соплями плюйтесь и кашляйте весь свой век.

Собаке он сказал:

— Будь теперь с этой натянутой чертом шкурой!

115. Первые смертные

Крылатый Пастэр и ногоастый Пастэр начали чахнуть. Они обращаются к своим женам.

— Послушайте,— говорят они,— когда придут люди, скажите людям, пусть они сделают нам гроб из липового дерева и поставят на землю.

Они умерли. Пришли люди. Люди спрашивают женщин:

— Какой гроб они приказали сделать?

Они говорят:

— Липовый гроб.

— Куда они приказали его поставить?

— В землю, на глубину трех аршин, приказали они похоронить их.

Они и закопали их в землю. Мертвые лежат. Наконец прошло семь лет. Когда они хотели открыть свои гробы, то увидели, что они похоронены в земле. На ногоастого Пастэра обрушилась земля, и он задохнулся. Крылатый Пастэр сказал:

— Наши жены похоронили нас совсем, на тысячу дней.

Затем он трижды крикнул, и люди обнаружили его; и хотя они искали, искали, но, когда добрались до середины могилы, крылатый Пастэр наворожил:

— Пусть позднее рожденная девушка, позднее рожденный юноша так же покоятся, как я упокоился на тысячу дней¹.

116. Медвежья песня о спуске с неба

Верхний Дух, отец мой¹,
В люльке из меха черного зверя,
В богатом гнездышке
Вырастил меня.
В люльке из меха красного зверя,
В богатом гнездышке
Вырастил меня,
В семи домах с одним выходом²,
Не выпуская, меня вырастил.
Вот однажды говорит
Верхний Свет, мой батюшка:
— Доченька моя, могучий зверь,
Есть у меня в лесу
Много горных и лесных силков.
К ним теперь пойду.
В лесу и в горах приносящий счастье
Счастливым пояс свой
Отец надевает
И снова говорит:
— Ну вот, доченька,
Уж как я уйду,
Своего богатого гнездышка
Из собольих шкур, из звериных шкур
Не покинь, смотри!
Мною сказанных слов
Не забудь, гляди!

В охоте на красного зверя,
В охоте на черного зверя
Счастье дающим поясом
Мой отец подпоясался.
Шкурой выдровой обтянутые
Лыжи³ он надел свои.
Выходить же как начал.
Снова мне сказал:
— Ну вот, доченька,
Из семи золотых домов
Никуда не ходи,
Мною сказанных слов
Не забудь, смотри!
— Я из дома не выйду,
Что мне там искать!
Вот ушел мой отец,
Захотелось мне есть,
Вышла из дома.
Семирядный увидев загон,
Я к нему пошла.
Для неезженных коней
Увидав загон,
Я к нему пошла.
К загородке лишь приблизилась,
Кони начали бросаться
Кто куда!
Загородка, не выдержав,
Развалилася,
Поскакали копи
Во все стороны.
Жеребят малых матери
Погнались за мной,
Семерых жеребят малых матери
Погнались за мной.
Я от них бежать
Припустилася,
Побежала назад домой.
Как бежала назад,
За ограду золотую
Невароком вдруг вступила я,
За ограду как вступила я,
Так почувствовала:
Ноги задние куда-то
Провалилися.
Как в себя пришла,
Говорю себе:
— Ах ты, матери своей лишь любезный,
Дохлый зверь!
Для тебя-то что страшное
Разве сыщется?
Испугалась чего:
Оступилась куда-то ноги задние!
«Дай-ка,— думаю,— подойду гуда».
Подхожу, вниз заглядываю:
Нижним народом населенная земля
Там видна.
Желтым расцветенная, красным расцветенная
Милая земля.
Вроде меня, зверя мощного, девушка
Погулять хороша земля!
В ином месте люди уж мясо поели,

За кости взялись,
А я все гляжу,
А поднялась когда,
С глаза правого слезу
Влево утираю,
С глаза левого слезу
Вправо утираю.
Повернулась и домой побрела.
В соборное свое гнездышко
Спряталась.
Вот однажды
С грохочущим шумом
Сильной грозы,
С грохочущим шумом
Мощной грозы
Отец мой пришел.
Лыжи, выдрой обтянутые,
Околачивая припаялся,
Были б сделаны неумелой рукой,
На елового дерева три куска
Раскололись бы патрое!
Сделал мастер хороший
Лыжи те,
Потому и целы остались,
Не распались.
В дом вошел,
Сел за стол о семи погах,
Бессловесным зверем,
Безязыким зверем
Там сидит.
Долго ль так сидел,
Мало ль так сидел,
Поднял голову.
Десятизубый свой, зубастый рот
Открывает, говорит:
— Жадный зверь могучий, моя доченька,
Мною сказанного слова
Не послушала.
Сколько раз тебе говаривал,
Чтоб неезженных коней
Ты не трогала.
Так зачем же их
Ты встревожила?
— Батюшка, на землю
Отпустил бы ты меня!
Желтым расцвечена
Милая земля,
Красным расцвечена,
Хорошая земля!
— Где ты нашла, доченька,
Землю желтоцветную,
То вода по трясинам виднеется.
— Отпусти ты меня все же, батюшка!
— Нет, не отпущу тебя —
Так сказал и сел.
Слова более не вымолвил,
Языком не шевельнул.
Много ль так сидел,
Мало ль так сидел,
Наконец поднялся, встал,
Закопченную одежду взял,

Надевает ее он на плечи свои
 Соболиные,
 В законченный дом, где железо куют,
 Отправляется.
 Звон железа, звонкий стук
 День не умолкает,
 Ночь не умолкает.
 Вот однажды возвращается
 Верхний Свет, мой батюшка:
 — Если сильно так
 Захотелось тебе,
 Выходи сюда.
 Если хочешь, отпущу тебя.
 Тут сажает он меня
 В люльку златоверхую
 С золотым обручем.
 Заскрипел золотой блочек,
 Спускаюсь я.
 Сколько с неба опустилась,
 Столько до земли осталось,
 Тут умолк вдруг золотого блочка
 Громкий скрип.
 Опускаться люлька кончила.
 Когда южный ветер поднимается,
 Относит меня к морю
 К Ледовитому,
 Когда северный ветер поднимается,
 Относит меня
 К водам Морт-страпы.
 Голова моя лишь мотается,
 Волосы мои лишь развеваются.
 Вот однажды
 Закрипел золотой блочек,
 Подниматься люлька начала.
 В золотую ограду
 Кверху вытянута.
 — Ну, доченька, так какво?—
 Отец мой спрашивает:
 — Еще того не хочешь, нет?
 — Отпусти меня, отец мой, на землю!—
 Отвечаю я ему.
 — Ну, как хочешь, доченька,
 Если сильно так захотелось,
 Спущу тебя я на землю.
 А как придешь на землю ты,
 Человеческим сыном поставлеише,
 На одном столбе стояише
 Многочисленные лабазы
 На пути твоём если встретятся,
 Обходи их стороной
 За три деревца.
 Их не трогай смотри!⁴
 Мною сказанного наставления
 Никогда не забудь!
 Так сказав, Верхний Дух, мой батюшка,
 Посадив меня в люльку,
 Начал вниз спускать.
 С громким скрипом золотого блочка
 Опустил меня он на землю.
 Вышла я из люльки златоверхой,
 Из люльки с золотой дугой,

Золотого блочка громкий скрип
Скоро в высоте угас.
Повернулась я идти.
Куда руку ни поставлю,
Всюду болотная трясина,
Всюду лесная трясина.
Руки не вытянуть,
Ноги не вытянуть.
Меж семи горных деревьев
С отропками
След звериный извилистый,
Зверь, я прокладываю.
Так-то идучи,
Вперед глянула:
Человеческим сыном поставленный
На одном столбе высокий лабаз
Заметила.
«Дай открою, — думаю, —
Что внутри его?»
Лабаз открываю.
На целое селение большой грабеж
Я устраиваю.
Вот с едой управилась,
Дальше побрела.
Так-то идучи,
Вперед глянула:
Человеческим сыном поставленный
С окоченевшим лабаз
Заметила,
Могилу холодную увидела.
На целый городок тут большой грабеж
Я устраиваю.
Вот с едой управилась,
Дальше побрела.
Долго ли я шла,
Коротко ли шла,
Как почувствовала,
Что в плечах и в коленях моих
Исхудала я.
На былинку если встану,
Меня былинка выдерживает,
На травинку если встану,
Меня травинка выдерживает —
Исхудала так.
Вот однажды повстречала я
Росомаху, сестренку старшую.
Подошла она.
— Росомаха, сестрица моя,
Для меня ворожку сотворить
Не присела бы ты?
Отчего со мной случилось так:
На былинку если встану,
Меня былинка выдерживает,
На травинку если встану,
Меня травинка выдерживает —
Исхудала я так.
Для меня ворожку сотворить
Не присядешь ли?
Тут присела она,
Вот и говорит
Росомаха, сестрица старшая:

— Верхним Светом, отцом твоим,
 Словно сказанное
 Зачем же забыла ты?!
 Отныне впредь
 Не забудь его.
 Вот я дальше пошла.
 Так-то идучи,
 В одном месте
 Вперед глянула:
 Человеческим сыном поставленный
 На двух столбах лабаз
 Заметила.
 За три дерева сторонкою
 Обошла его теперь.
 Так ходя,
 Собирая в лесу ягоду,
 В лесу выросшую ягоду,
 Накопила силу добрую.
 Вот однажды белым инеем
 Мхи, липайники подернулись.
 Утро с инеем мой отец послал.
 Иной на посу у ворона
 В утро то отец послал.
 С земляной кровлей дом,
 Дом с кровлей сделать
 Надумала.
 Вот беру я
 Две лопаты свои
 С острями железными.
 Принимаюсь рыть
 И все рою да рою,
 С земляной крышей дом
 Попсеп.
 Волосатую свою голову
 Со многими волосами
 Завожу в него,
 Свою лапу правую
 Постилаю,
 Как лоскутную циповку
 Из десяти лоскутков
 Постилаю.
 Лапой левою своею
 Покрываюсь,
 Как лоскутным одеялом
 Из десяти лоскутков
 Покрываюсь.
 Пестрой тетери глубоким сном ⁵
 Засыпаю.
 Ухо правое мое
 Слушает:
 Мужа, клятву приносящего,
 Человека кляпущегося клятву верную
 Слушает ⁶.
 Глаз мой правый
 Высматривает:
 Клятву женщины, клятву верную
 Высматривает.
 Вот однажды корни дерева,
 Деревя ветвистого, с зелеными ветвями
 Шевелиться корни начали,
 Вот однажды слушаю:

Две собаки высотой с телит,
 Старшим сыном Усын-отыра
 Выращенные,
 Две собаки лаять начали.
 Вот однажды тетивы резкий звон
 Лишь послышался, и
 Коль медведица я, то четыре завязки
 Развязывают.
 Коль медведь я, то пять завязок
 Развязывают.
 Мою шубу снимают⁷.
 В колыбельку с дугой из черемухи⁸
 Меня, зверя, усаживают.
 Вот к селению, где много девушек,
 Приходим мы.
 Моим криком звериным четыре раза
 Вскрикивают.
 Моим криком звериным пять раз
 Вскрикивают.
 В трехсаженный дом меня
 Втаскивают.
 В трехсаженный дом меня
 Втаскивают,
 На полати трехдощатые усаживают.
 Коль медведица я,
 То четыре мои ночи пляшут,
 Коль медведь я,
 То пять ночей моих пляшут.
 А как встану я на дорогу большого духа,
 Встану я под звон крупных денег:
 А как встану я на дорогу меньшего духа,
 Встану я под звон мелких денег⁹.
 Кайыг-увиг!¹⁰

117. Медвежья песня о сыне женщины Мось

Жили старик со старухой,
 Сына имели.
 Долго жили, коротко жили,
 Но вот старик умер. Осталась вдова,
 Осталась вдова с мальчиком,
 Одна его выращивает.
 По селениям она ходит.
 Получше кусок где найдет,
 Для сына сберегает.
 Домой придет,
 Его угощает.
 В селении по домам она ходит,
 Одежду собирает.
 Для сына чулки находит,
 Для сына рубашку находит.
 Только в песне спеть,
 Как с трудом выращивала,
 Только в сказке сказать,
 Как с трудом выращивала.
 Так вот жили они в домике
 Величиною со скорлупку орехову.
 Стал сынок подрастать,
 Стал проситься на улицу поиграть.

Так вот жили они в домике
Величиною со скорлупку орехову.
Вот однажды сынок говорит:
— На улицу меня ты пустила бы,
Там бы я поиграл.
— Далеко не ходи,—
Мать наказывает.—
Только в песне спеть.
Как с трудом тебя выращиваю
Только в сказке сказать,
Как с трудом тебя выращиваю.
Еще руки слабы твои,
Еще ноги слабы твои.
Много в селении детей,
Еще кости себе поломаешь,
Еще тело себе повредишь.
Не ходи далеко!
Мальчик из дома вышел,
У двери играет.
Поиграл, поиграл, возвратился домой.
В соболиную шубку залез,
В мягкое гнездышко залез.
Спит себе посыпает.
Когда утро настало,
Погулять снова просится.
— Далеко не ходи,—
Мать наказывает.—
Еще ноги слабы твои,
Еще руки слабы твои.
Не ходи и с детьми играть,
Повредят тебе кости, играючи,
Повредят тебе тело, играючи.
Выпустила сына на улицу,
Играет мальчик у двери.
Поиграл, поиграл,
На конец поселка взглянул.
На конце поселка
Игры детские слышатся.
Встал и туда пошел.
Крадучись идет,
За травинки прячется.
Крадучись идет,
За кустики прячется.
Все же острым глазом замечен был,
Чутким ухом услышан был.
— Посмотрите-ка туда,
Вдовой с конца поселка
Выращенный сынок,
Матерью его, женщиной Мось,
Вскормленный паренек.
Кости его поокрепли,
Тело его поокрепло.
Тот, кого кормить
Пищу собирали
Со всего поселка, со всего города,
За травинки прячась,
Крадучись пришел,
За кустики прячась,
Крадучись пришел.
— Не трогайте, пусть к нам идет,—
Другие говорят,—

По игре товарищ новый
Пусть к нам идет.
Поближе подозвали,
Поближе подошел.
Со всего поселка детьми
В игру принят был,
Со всего города детьми
В игру принят был.
Долго играли, коротко играли,
Только вдруг все дети
Разбегаться начали.
Один-то: ай-ай-ай!
Другой-то: ой-ой-ой!
С криком разбегаются.
С испугу на месте встал.
Почему бегут, думает.
Думая так, на себя взглянул:
Могучего зверя пять когтей
На руках появилось.
Медвежьих пять когтей
Негаданно появилось.
С тем и домой пошел.
Идет он в домик со скорлупку орехову
Матери его, женщины Мось.
Залезает он в шубку соболью
Матери его, женщины Мось.
В теплое гнездышко ложится,
Спит себе поспывает.
Утро настало, встал,
Из берестяной миски поел
То ли из чашки поел,
Матери говорит своей:
— Я опять погулять пойду.
— Погулять пойдешь,
Далеко не ходи,—
Мать наказывает,—
Еще руки твои слабы,
Еще ноги твои слабы.
Вышел на улицу, прислушивается,
На копец поселка поглядывает,
На конец городка поглядывает,
Со всего поселка собрались ребята,
Громко крики их доносятся.
Со всего городка собрались ребята,
Крики громкие их слышатся.
За травинки прячется,
Крадучись туда идет,
За кустики прячется,
Крадучись туда идет.
Дети, луки взявши, луками играют,
Стрелы взявши, стрелами играют.
Только хоть и крадучись идет,
За травинки прячется,
Хоть и крадучись идет,
За кустики прячется.
Все же острым глазом замечен был,
Чутким ухом услышан был.
— Посмотрите-ка туда,
На краю поселка выросший
Женщины Мось сынок,
На рыбьих костях,

На звериных костях
 Вскормленный паренек,
 За травинки прячась,
 Сюда пришел,
 За кустики прячась,
 Сюда пришел.
 — Не трогайте, пусть к нам идет, —
 Другие говорят, —
 По игре товарищ новый
 Пусть к нам идет.
 Мальчик к детям подошел,
 Лук взял, стрелы взял,
 С ними играет.
 Долго играли, коротко играли,
 Только вдруг все дети
 Разбегаться пачали,
 Без оглядки бегут.
 Который-то: ай-ай-ай!
 Который-то: ой-ой-ой!
 С криками бегут.
 Мальчик удивляется,
 На месте встал.
 «Почему бегут?» — думает.
 Стоя так, взглянул на себя:
 Мощного зверя четыре клыка
 У него появились.
 Медвежьи четыре клыка
 Негаданно появились.
 С тем и домой побрел.
 Идет он в домик со скорлупку орехову,
 Залезает он в пубку соболью
 Матери его, женщины Мось.
 В теплое гнездышко хоть и лег, не спит.
 Утро настало, не ложится ему:
 Как с такими клыками будет жить теперь!
 Не спрося у матери,
 Из дома идет.
 — Не поевши зачем идешь? —
 Она спрашивает.
 В ответ рта не открыл,
 Языком не певельнул.
 Вышел из домика со скорлупку орехову,
 На конец поселка поглядывает.
 Со всего поселка собрались ребята,
 Крики громкие их доносятся.
 Со всего городка собрались ребята,
 Там веселие их слышится.
 Повернулся и к ним пошел.
 Увидавши его, говорят ребята:
 — На конце поселка выросший,
 Женщиной Мось вскормленный,
 В одежонке трутом латанной,
 Трутом березовым латанной
 Паренек к нам пришел.
 Кто из мальчиков пожалостливей,
 Кто из девочек пожалостливей
 Говорят:
 — Пусть идет, не трогайте!
 Подозвали его,
 Играть приняла.
 Может, долго так играли,

Только вдруг все дети
Разбегаться пачали.
Который-то туда бежит,
Который-то сюда бежит.
Мальчик встал, удивляется.
«Что случилось?» — думает.
Только глянул на себя:
Лесного старика пуба меховая
На нем появилась,
Медвежья шкура на нем выросла.
За голову схватился —
Два уха медвежки
На ней торчат.
Как стоял, так стоит,
Думает:
«Женщины Мось,
Матери моей,
В домик со скорлупку орехопу
Как войду?»
От селенья к лесу
Повернулся.
Только слышит вдруг позади себя
Матери его, женщины Мось,
Плач послышался.
— На кого меня покидаешь,
Кто тот дом согреет,
Где меня оставляешь!
Только в песне спеть,
Как с трудом тебя растила я,
Как кусочки для тебя
В рукавицу прятала,
Только в сказке сказать,
Как с трудом тебя растила я,
Как одежду для тебя
По домам собирала.
— Не была бы ты мать моя,
Меня грудью вскормившая,
Повернулся б я сейчас,
Изорвал бы тебя
На куски с рукавицу,
На куски с подошву!
— Сделай мне счастье такое,
Повернись ненадолго хоть,
Губы твои поцелую,
Щеки твои поцелую!
— Для тебя, меня грудью вскормившей,
Повернись.
Повернувшись, подходит он к матери.
Она щеки его целует,
Губы целует,
Золотым поясом опоясывает,
Золотое кольцо дает.
И снова целует,
Снова обнимает.
На объятий ее он вырывается,
В сторону бежит,
Поперек следа своего
Черту кладет.
— Через эту черту,
Мной положенную,
Через священную черту если переступишь,

Хоть ты мать моя,
Меня грудью вскормившая,
На куски с рукавицу,
На куски с подошву
Изорву тебя!
И ушел.

118. Медвежья песня о трех всадниках

Проживаю я длинное жаркое лето,
Проживаю я длинное комариное лето.
С каждым днем становится холодней.
Ищу я теплую боровую сторонку.
Ищу я боровую сторонку, выходящую к солнцу,
Нахожу я солнечную опушку леса.
Ложусь, лесной зверь, на травушку,
Ложусь, луговой зверь, на травушку.
Одну ручку превращаю в мягкую подушку,
Другой ручкой покрываюсь, словно одеялом.
Одна моя ноздри
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя ноздри
Обнюхивает каждый предмет
На расстоянии трех деревьев;
Одна моя звезда¹
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя звезда
Осматривает всю користую землю;
Один пенек мой²
Погружен в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другой же пенек мой
Прислушивается к каждому лесному шороху.
Чувствую что-то опасное.
Поднимаюсь я, могучий зверь,
И отскакиваю на расстояние,
В три раза большее, чем мой рост.
Поворачиваю голову
И прислушиваюсь к опасной стороне.
Как потечешь ты, моя золотая дума?
Слышен топот лошадиной поги!
Удаляюсь я со скоростью,
Какую может достигать лишь лесной зверь,
Какую может достигать лишь луговой зверь.
Однако догоняет человек на черной лошади.
Чувствую, что веревка,
Которая идет от меня к нему,
Все больше укорачивается:
Он забирает ее в свои проворные руки.
— Батюшка мой, вышний свет!
Если добывал я когда куропадок,
То приносил их в жертву тебе,
Если убивал я когда дятлов,
То посвящал их только тебе.
Батюшка мой, Нум-Торум!
Неужели ты не спасешь меня
От этого страшного всадника?

Неужели ты не остановишь
Его черную лошадь?
Пусть появится перед всадником
Глубокая яма,
Пусть образуется перед всадником
Топкое болото!
Соскользни, лошадиная нога,
В глубокую яму!
Увязни, лошадиная нога,
В топком болоте!
Так действительно и происходит:
Соскальзывает лошадиная нога
В глубокую яму,
Увязает лошадиная нога
В топком болоте.
Отстает от меня всадник на черной лошади...
Снова ищу я солнечное место
И ложусь на мягкую травушку.
Одну ручку превращаю в мягкую подушку,
Другой ручкой накрываюсь, словно одеялом.
Одна моя ноздря
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя ноздря
Обнюхивает каждый предмет
На расстоянии трех деревьев;
Одна моя звезда
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя звезда
Осматривает всю користную землю;
Один пенек мой
Погружен в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другой же пенек мой
Прислушивается к каждому лесному шороху.
Чувствую и слышу что-то опасное.
Поднимаюсь я, могучий зверь,
И отскакиваю на расстояние,
В три раза большее, чем мой рост.
Поворачиваю голову
И прислушиваюсь к опасной стороне.
Слышен звук серебряных подков.
Это приближается человек,
Сидящий на гнедой лошади.
Хоть и бегу я
Во всю прыть своих звериных ног,
Но чувствую, что веревка,
Которая идет от меня к нему,
Все больше укорачивается:
Он забирает ее в свои проворные руки.
Батюшка мой, вышний свет!
Если добывал я когда куропаток,
То приносил их в жертву тебе,
Если убивал когда я дятлов.
То посвящал их только тебе.
Батюшка мой, Нум-Торум!
Неужели ты не спасешь меня
От этого страшного всадника?
Неужели ты не остановишь
Его гнедую лошадь?

Пусть вырастет перед всадником
Настолько густая чаща,
Чтобы в нее не смог пробраться
И нос собаки!

Пусть вырастет перед всадником
Настолько высокая гора,
Чтобы через нее не смог перескочить
Самый лучший конь!

Так действительно и происходит:
Вырастает перед всадником чаща,
Непроходимая для собачьего носа,
Вырастает перед всадником гора,
Не поддающаяся конскому прыжку.
Скрываюсь я от преследования...
Найдя солнечное место,
Ложусь я на мягкую травушку.
Одну ручку превращаю в мягкую подушку.
Другой ручкой накрываюсь, словно одеялом.
Одна моя поздня
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя поздня
Обнюхивает каждый предмет
На расстоянии трех деревьев;
Одна моя звезда
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя звезда
Осматривает всю користую землю;
Один пенек мой
Погружен в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другой же пенек мой
Прислушивается к каждому лесному шороху.
Чувствую и слышу что-то опасное.
Поднимаюсь я, могучий зверь,
И отскакиваю на расстояние,
В три раза большее, чем мой рост.
Поворачиваю голову
И прислушиваюсь к опасной стороне.
Слышен звон золотых подков.
Это приближается человек,
Сидящий на лошади белого цвета³.
Чувствую, что настает мой последний час:
Как бы быстро я ни бежал,
Он все-таки подтянет ту веревку,
Которая тлится от меня к нему.
— Ах, батюшка мой, вышний свет!
Ах, батюшка мой, Нум-Торум!
Разве не тебе
Посвящал я всех добытых зверей,
Разве не тебе
Посвящал всех добытых оленей?
Но поздно, поздно!
Не успеваю я закончить
Священного заклинания,
Уже приблизился человек,
Сидящий на белой лошади.
Хоть я насккиваю я на него с ревом,
Готовый пожрать город,
Хоть я бросаюсь я на него с ревом,

Готовый пожрать деревню, да попусту...
Длинное копье богатыря
Пронзает мое святилище⁴.
Все перевернулось в моей голове,
Как будто от пьянящих мухоморов.
Падаю я, зверь, и погружаюсь в глубокий сон.
Просыпаюсь на седле скачущего всадника...
Кай-йй-ю-их!

119. Медвежья песня о Городском Богатыре

Живет старик — Городской Богатырь — в крепости,
Окруженной железными стенами,
Окруженной деревянным частоколом.
Еще с малолетства был прекрасный охотник:
Не пропускал он мимо себя ни одного зверя,
Бегающего по земле,
Не пропускал он мимо себя ни одной птицы,
Летающей в воздухе.
Однажды в жаркое длинное лето,
Однажды в жаркое комариное лето
Настает хорошее время для тормовки.
Отправляется старик на тормовую реченьку.
Река извивается, как гусиные кишки,
Река извивается, как утиные кишки.
Едет он по ней на своей носатой лодке с носом;
Не встречается нога ни одного зверя,
Не встречается крыло ни одной птицы.
Свою лодочку узкую, как лезвие ножа,
Хотел уже повернуть обратно,
Как увидел своими зоркими глазами
Меня, годовалого могучего зверя.
Разгуливал я по берегу реки с берегами.
Бросил Городской Богатырь в меня стрелу
С наковечником грапеным, как клюв ворона.
Наковечник грапёный, как нос ворона,
Провизл святилище могучего зверя.
Опустился я на землю
С добрым настроением тихого ветерка.
Подъехала посатая лодка с носом к берегу,
Вышел на берег Городской Богатырь,
Прицепил меня крючком к кремлевому луку
И перебросил за спину.
Затем садится на средину лодки со срединою
И возвращается домой.
Когда подъехал к пристани города с пристанью,
То грубо выбросил меня на берег
И там содрал мои священные одежды.
Голову и шкуру искромсал топором
И бросил в маленький чум,
Где живут женщины-рожепцы,
Где живут женщины во время менструаций.
Остальное же мясо пзрубил на мелкие куски
И выбросил для собак
На средину поселка со срединою.
Снохи Городского Богатыря
Обтирают о мою шкуру свои грязные ноги,
Снохи Городского Богатыря

После стирки своей одежды
 Льют на мою шкуру грязную воду.
 — Батюшка Нум-Торум,
 Почему нарек ты меня священным зверем,
 Если допускаешь такие издевательства?
 Батюшка Нум-Торум,
 Смилуйся надо мной
 И накажи этого преступника,
 Злого Городского Богатыря!
 Разгневанный дух могучего зверя
 Отправляется в дремучий лес с темными деревьями.
 Обходит он все семь его углов,
 Находит все семь его берлог
 И созывает весь медвежий род
 На войну с Городским Богатырем.
 Идут семь разгневанных медведей
 Брать кровавым приступом
 Крепость Городского Богатыря,
 Окруженную железными стенами,
 Крепость Городского Богатыря,
 Окруженную деревянным частоколом.
 Хоть они и подступают к крепости,
 Хоть и влезают на ее стены,
 Но не трусит и Городской Богатырь
 С многочисленными сыновьями.
 Осыпают они их стрелами,
 Обрубают их пятипалые лапы с пальцами,
 Бежит мой разгневанный дух
 В образе хвостатой мыши,
 Бежит в темные углы дремучего леса.
 Обходит он все семь его углов,
 Находит все семь его берлог.
 Идут на помощь
 Еще семь медведей — моих братьев.
 Но не тут-то было:
 Как только просовывается
 Медвежья лапа меж частоколом,
 Так сейчас же и пробивает ее
 Железный наконечник стрелы.
 Отступает с большими потерями медвежий род.
 Бегу опять я
 В прекрасном образе хвостатой мыши
 В дремучий лес с темными деревьями.
 — Послушай, батюшка Нум-Торум,
 Городской Богатырь
 Оскорбил меня, лесного зверя,
 Оскорбил меня, лугового зверя.
 Если действительно
 Ты называл меня священным зверем,
 Если действительно
 Назначил хранителем клятвы,
 То отомсти за это оскорбление!
 Батюшка Нум-Торум,
 Опусть на землю
 Моего старшего брата с изогнутой шеей¹,
 Только он может победить Городского Богатыря.
 Батюшка Нум-Торум
 Опускает с неба на железной цепи,
 В люльку, сплетенной из древесных корней,
 Моего старшего брата.
 Осаждает старший брат

Крепость Городского Богатыря,
 Окруженную железными стенами.
 Разрушает он крепость Городского Богатыря,
 Окруженную деревянным частоколом.
 Хотя и мечут богатыри
 Стрелы с железными наконечниками,
 Да попусту:
 Только срывается шерсть на его одежде;
 Хотя и пытаются богатыри
 Продолжать борьбу копьями, да попусту:
 Отскакивают конья от его одежды.
 Струсил старик, богатырь города,
 И убежал на задворки города с задворками.
 Мчится и мой старший брат
 На задворки города с задворками.
 Прячется старик, богатырь города, в амбарчик.
 Заскакивает туда и старший брат
 С изогнутой шеей.
 Говорит старик, богатырь города:
 — Если правда, что убил я священного зверя,
 Если правда, что убил я хранителя клятвы,
 То попробуй перекусить
 Железный обух моего топора.
 Перекусишь — признаю свою вину.
 Перекусывает старинный брат
 Железный обух топора,
 Перетирает железо
 В крупинки мелкие, как песок,
 В крупинки мелкие, как пыль;
 С страшным ревом,
 Готовый пожрать город,
 С страшным ревом,
 Готовый пожрать деревню,
 Набрасывается на богатыря
 И разрывает его в клочья
 Величиной в шкурки туфельные,
 Разрывает его в клочья
 Величиной в шкурки рукавичные.
 Кай-лй-ю-их!

120. Медвежья песня о старике Филлине

Лежу я, луговой зверь,
 В своем балочном доме с земляными балками,
 Лежу я, лесной зверь,
 В своем жердяном доме с земляными жердями.
 Как выставил наружу
 Свою волосатую голову с косами,
 Оказывается, мой батюшка, вышний свет,
 Уж превращается в жаркое длинное лето;
 Оказывается, мой батюшка, Нум-Торум,
 Уж превращается в комариное длинное лето¹.
 Направляюсь я искать места, богатые ягодой,
 Направляюсь я искать места, богатые шишками,
 Какая же это оказалась передо мною река?
 Как вещей зверь, пытаюсь узнать:
 Это река, которая в прошлом году
 Была богата весенней рыбой;

Эта река, которая в прошлом году
Была богата осенней рыбой.
На ней тогда хоть и стоял запор с жердями,
На ней тогда хоть и стоял запор со стойками,
Но теперь он совершенно развалился.
Шествую дальше.
Борик с каким славным именем встречаю я?
Отгадываю, вещий зверь:
Это борик реки Нилим.
Он такой же, как и прежде.
Шествую дальше.
Подошел к травянистому болоту
Для посадки гусей,
Подошел к травянистому болоту
Для посадки уток.
Затем показалась река
Шириной в дугу полета стрелы,
Воды которой
Текут через рты семи мепквов².
Сажусь на свою невертящуюся лодочку,
Беру в руки весла с изображением тетерева³
И переправляюсь
На противоположную сторону реки.
Шествую по берегу и вижу,
Что показался жердяной поселок
С одним домиком.
Подхожу я к однодворному поселку
С одним двором.
Оказывается, знакомое место:
Прошлый год
Поселок был богат весенней рыбой,
И я сюда частенько заглядывал,
Прошлый год
Поселок был богат осенней рыбой,
И я любил ею лакомиться.
Шествую дальше.
Показалась река, каким именем прославляемая?
Как вещий зверь, пытаюсь узнать я:
Это маленькая речка, вытекающая из озера.
В прошлом году на ней был
Жердяной запор с одной жердью.
Отыскиваю я звездами могучего зверя
Жердяной запор с одной жердью,
Жердяной запор со стойками.
Ага! Увидел.
Стоишь ты, моя морда,
Наполненная весенней рыбой.
Плавает в тебе
Много окуней с узорчатыми боками.
Спускаюсь на средину реки
По жерди запора с жердью,
Вношу голову могучего зверя в воду,
Подтягиваю когтями морду вверх
И выпырываю обратно,
Подобно маленькой утке.
Еще трепещете вы, окуни с узорчатыми боками?
Выхожу на берег.
Разрываю я морду,
Наполненную весенней рыбой,
Но вот беда:
Одна половина моих окуньков

Уплывает в воду,
 Другая половина моих окуньков
 Рассыпается по берегу.
 Разгневался я, зверь,
 И не стал преследовать их.
 Возвращаюсь, голодный и обиженный,
 К однодворному поселку с одним двором.
 Он как будто был богат осенней рыбой.
 Подхожу я к окошку дома с окошком.
 Хоть и пытаюсь его открыть —
 Не открывается.
 Выбиваю раму лапой могучего зверя.
 Как посмотрю
 В отверстие дома с отверстием:
 На полу стоит
 Множество чуманов сушеной рыбы;
 Как посмотрю
 В отверстие дома с отверстием:
 На полу лежит
 Множество сушеного оленьего мяса;
 Как посмотрю
 В отверстие дома с отверстием:
 Лежишь и ты,
 Дорогой мешочек с пшеничной мукой.
 Вот так добыча привалила!
 Влезаю я в домик.
 Хоть и пытаюсь выбросить из избушки
 Многочисленные чумапы,
 Наполненные сушеной рыбой,
 Не вылезают они в окно.
 Гневаюсь, могучий зверь,
 И один чумап все-таки вталкиваю.
 Вталкиваю его с такой силой,
 Что он разорвался на две части:
 Одна-то половина рыбы
 Рассыпалась на полу,
 Другая-то половина рыбы
 Оказалась за окошком на улице.
 Вот горе!
 Тогда хватаю я оленье мясо и мешок с мукой
 И пытаюсь их выбросить из избушки.
 Хоть и усердно я работаю,
 Но ничего из этого не получается:
 Не вылезают они в окошко.
 Гневаюсь я, могучий зверь,
 И из всей силушки
 Вталкиваю в окошко мешок с пшеничной мукой.
 Вталкиваю его с такой силой,
 Что он разорвался на две части:
 Одна-то половина муки
 Рассыпалась по полу,
 Другая-то половина муки
 Оказалась за окошком на улице.
 Вот горе!
 Хотел было я произнести
 Грозные слова священного зверя,
 Да как посмотрю:
 В углу дома с углами сидит старик Филин.
 Говорит он мне:
 — Зря разрушил ты, луговой зверь,
 Дом, в котором я обитаю.

Подожди, настанет осень
 С хрустом от оленьих ног,
 С хрустом от досиных ног,
 Уж посчитаюсь я с тобой!
 Пал на меня стыд на всю деревню,
 Пал на меня стыд на весь город,
 Не смея поднять своих звезд от земли,
 Вылезаю через окошко на улицу.
 Собираю там рассыпанную рыбу,
 Собираю там перемешанную с землей муку,
 Поднимаю куски оленьего мяса
 И уношу все это в дремучий лес.
 Кладу в потайное место награбленное добро
 И сажусь окэло него на великий караул.
 Батюшка мой, вышний свет,
 Превратился
 В холодный ветер с колким носом,
 Превратился
 В завывающий ветер с могучим завыванием.
 Пала на землю осень
 С обильным иреем на носу ворона,
 Пала на землю осень
 С обильным иреем на носу тетерева.
 Иду по берегу озера с берегами,
 Нашел я густой бор,
 Непроходимый для дикого оленя,
 Бор, непроходимый для лося.
 Строю я
 Балочный дом с земляными балками,
 Закапчиваю я
 Жердяной дом с земляными жердями.
 Вношу туда свою косистую голову с косами,
 Свою волосатую голову с волосами.
 Только проживаю я один день осенней поры.
 Как подползает ко мне
 Собака величиной с оленьего теленка
 И ставовится у дверей моего дома с дверями
 С приятным лаем «О-во-во!»
 Позади же нее притаился человек
 Ростом с лесного менква,
 Роста слуги лесного менква.
 Не успеваю я прожить еще одного дня,
 Как три человека из рода Филина
 Становятся у дверей моего дома с дверями.
 Отверстие моего дома с отверстием
 Заваливают они жердями,
 Закладывают они валежником.
 С диким ревом, готовый пожрать город,
 С диким ревом, готовый пожрать деревню,
 Пытаюсь я выбраться наружу,
 Но болезнетворный сучок с острым концом⁴,
 Оторвавшись от дерева,
 Пронзает святилище могучего зверя.
 Закружилась у меня голова,
 Как будто после вкушения пьянящих мухоморов,
 И опускаюсь я
 У дверочек своего балочного дома
 С добрым настроением тихого ветерка.
 Расстегивают четыре пуговицы лесного зверя,
 Расстегивают пять пуговиц лугового зверя,
 Сажают меня в заднюю часть нарты,

Сажают, как дорогого гостя.
 Четырехкратно провозглашается
 Имя лесного зверя,
 Пятикратно провозглашается
 Имя лугового зверя.
 И приятно топают олени копыта,
 Приятно поскрипывают нарточки.
 На какой земле провозглашают мое имя?
 Отгадываю, вещий зверь:
 Это проезжаем озеро поселка.
 Но что это за поселок из трех дворов,
 К которому мы приближаемся?
 Отгадываю, вещий зверь:
 Этот поселок называется летним.
 Четырехкратно провозглашается
 Имя лесного зверя,
 Пятикратно провозглашается
 Имя лугового зверя.
 Приятно топают олени копыта,
 Приятно поскрипывают нарточки.
 К какому это поселку меня подвозят?
 Это поселок, построенный стариком Филином.
 Выбегают навстречу
 Многочисленные тетушки поселка,
 Выбегают навстречу
 Многочисленные тетушки города.
 Обходят вокруг меня четыре раза
 С душистой березовой чагой в руках ⁵,
 Обходят вокруг меня пять раз
 С душистой березовой чагой в руках
 Многочисленные женщины поселка,
 Многочисленные мужчины города
 Толкают друг друга.
 Они возятся в снегу ⁶, как свертки оленьих шкур,
 Они перекатываются в снегу,
 Как свертки весенних шкур.
 Затем вносят меня в дом,
 Наполненный озерной пищей,
 В дом, наполненный обской пищей.
 На широкий стол из трех досок,
 На широкий стол из четырех досок
 Сажусь я, как лесная женщина,
 Сажусь я, как горная женщина.
 Начинается праздник с веселой пляской рук,
 Начинается праздник с веселой пляской ног.
 Кай-йй-ю-их!

121. Медвежья песня о храброй старухе

Проживаю я, священный зверь,
 Жаркое длинное лето,
 Созданное моим батюшкой, Нум-Торумом,
 Провожу я, священный зверь,
 Комариное длинное лето,
 Посланное моим батюшкой, Нум-Торумом.
 Хоть оно и бедно лесной ягодой,
 Хоть оно и бедно кедровыми шишками,

Но наполняю я свой ненаполнимый кузовок,
 Наполняю я свою ненаполненную посудину¹.
 Однажды во время прогулки
 Увидел землю, широкую землю,
 Увидел озеро, широкое озеро.
 Как вещей лесной зверь, отгадываю я:
 Это древнее священное место
 С изображением божеств.
 Смотрю я зоркими глазами
 На противоположную сторону озера:
 Там места, богатые ягодой,
 Там места, богатые шишками.
 Сажусь я в свою невертящуюся лодочку²
 И плыву на другую сторону священного озера.
 Послышался плеск воды от весел,
 Послышался скрип уключин.
 Смотрю я звездами священного зверя:
 Едут на лодке старик со старушкой.
 Вдруг замечает меня зоркими глазами
 Старуха, сидящая на веслах.
 — Старик, посмотри, старик!
 Там плывет могучий лесной зверь,
 Там плывет могучий луговой зверь.
 Отвечает ей старик, сидящий на корме:
 — Глухая, бестолковая баба,
 Откуда доявится могучий зверь?
 Это плывет обросшее мохом большое бревно,
 Которое поднялось со дна днистого озера.
 — Нет, нет, старик, это могучий зверь,
 Смотри, он уж подплывает
 К берегу озера с берегами.
 — Брось, старуха, пустое болтать!
 Это плывет не то вереница гусей,
 Не то вереница уток с утицами.
 Подъезжает носатая лодка к берегу.
 Вылезаю я на сушу, могучий зверь.
 Взмолилась старуха богу:
 — Батюшка, Нум-Торум,
 Преврати меня в мужчину,
 Опоясанного двумя ремнями!
 Хочу наказать могучего зверя,
 Который попусту разгуливает по лесу!
 Разрывает она
 Свой шелковый платок с длинными кистями
 И подпоясывается его лентами,
 Как мужчина ремнями.
 Нож женщины-мастерицы,
 Нож женщины, вырезающей узоры,
 Прячет в рукава одежды с рукавами.
 Как раскроет она свой зубастый рот
 С семью зубами:
 — Куда бежишь ты, дедушка — могучий зверь?
 Разорви меня в клочья
 Величиной в шкурки туфельные,
 Величиной в шкурки рукавичные.
 Смешай куски моего тела с горным мохом,
 Смешай куски моего тела с лесным мохом.
 Как голодный священный зверь,
 Выскакиваю я на нее
 С диким ревом, готовый пожрать деревню,
 С диким ревом, готовый пожрать город.

По нож женщины-мастерицы,
 Нож женщины, вырезающей узоры,
 Насквозь пронзает мое святилище,
 Закружилась у меня голова,
 Как будто от пьянящих мухоморов,
 И повалился я на землю.
 Старуха к берегу бежит и кричит:
 — Стариц, иди-ка за мной!
 Подходят они к моему телу,
 Расстегивают четыре пуговицы
 На одежде могучего зверя,
 Расстегивают пять пуговиц
 На одежде могучего зверя,
 Кладут меня в люльку из древесных прутьев,
 В люльку с обручами и перекладинами
 И несут к берегу реки с берегами.
 Сажает меня, как дорогого гостя,
 На средину лодки со срединюю.
 Кричат три раза о лесном звере,
 Кричат четыре раза о луговом звере³.
 Как раскроет старуха
 Свой зубастый рот с семью зубами:
 — Стариц, когда мы прибудем
 К многочисленным мужчинам поселка,
 К многочисленным женщинам города,
 Смотри не говори,
 Что мной опущен⁴ могучий зверь.
 Подъезжает носатая лодка с носом
 К пристани поселка с пристанью.
 Выбегают на берег
 Многочисленные мужчины поселка,
 Многочисленные женщины города.
 Один из мужчин кричит:
 — Смотрите, друзья!
 Это ведь старухой опущенный могучий лесной зверь!
 Смутился мой священный ум:
 — Что болтаешь ты, собачий сын!
 Пал на меня стыд на всю деревню⁵,
 Пал на меня стыд на весь город.
 Не могу смотреть своими звездами.
 Сажает меня на дощатую полку из трех досок,
 На дощатую полку из четырех досок.
 Обильно угощают озерной пищей,
 Обильно угощают обской пищей.
 Восседаю я, как лесная женщина,
 Почитаем я, как горная женщина.
 Начинается праздник с веселой пляской ног,
 Начинается праздник с веселой пляской рук,
 Пляшут пять светлых почей Торума,
 Пляшут семь светлых ночей Корса.
 Кай-йй-ю-их!

122. Медвежья песня о старухе Ропаске

Живет старуха Ропаска
 В пятидворовом поселке с пятью дворами,
 Обитает старуха Ропаска
 В десятидворовом поселке с десятью дворами,
 Без разрешения ее, могучей хозяйки поселка,
 Ни одна женщина никуда не отправится.

Вот открывает она свой рот с десятью зубами:
 — Многочисленные женщины поселка,
 Многочисленные женщины города,
 Как будто настала пора сбора ягод.
 Сходить бы нам, дорогие женщины,
 В веселую дорожку собирания ягод.
 Все женщины поселка, все женщины города
 Поднимают на спины большие чуманы,
 В руки берут маленькие
 И спускаются к лодочной пристани с лодками.
 Старуха Ропаска как хозяйка идет впереди.
 Садятся многочисленные женщины поселка,
 Садятся многочисленные женщины города
 В большую лодку семи сажень.
 Садятся также и старуха
 На средину лодки со срединою.
 Оттолкнулись женщины
 От берега реки с берегами
 И быстро поплыли по ее середине.
 Плыли так, пока бабушка Ропаска не промолвила:
 — Многочисленные женщины поселка,
 Многочисленные женщины города,
 Пало мне на старческий ум,
 Что, когда была я девушкой,
 Вот здесь было болото, богатое морошкой.
 И как раз отсюда
 Шла веселая дорожка собирания ягод.
 Правьте там на корме лодки с кормой,
 Подъезжайте носом носатой лодки к берегу.
 Исполняется приказание хозяйки поселка,
 И пристает носатая лодка с носом к берегу.
 Поднимают женщины
 Многочисленные чуманы с круглыми горлышками,
 Поднимают девичьи
 Многочисленные чуманы с корневыми обручами
 И идут по веселой дорожке собирания ягод.
 Говорит старуха Ропаска:
 — Любезные женщины поселка,
 Если нападет на вас какой-либо зверь,
 То полагайтесь на меня, как на крепкое дерево,
 Которое никогда не сломится.
 Находит много-много морошки,
 Крупной, как наконечник стрелы.
 Женщины с искусными руками
 Дно посуды своей едва покрывают,
 Женщины с ленивыми руками
 И морошки до рта не донесли,
 Как выскочил на них священный зверь
 С диким ревом, готовый пожрать деревню,
 С диким ревом, готовый пожрать город.
 Визжат поселковые женщины от страха,
 Бегут к лодке семи сажень
 И отъезжают на ней
 На средину реки со срединою.
 Не убежала от зверя
 Лишь одна старуха Ропаска.
 Накидывает она на голову зверя
 Большой берестяной чуман.
 Тот теперь хоть и ударяет
 Своими могучими лапами,
 Так только по бересте,

Если и разрывает что
Своими острыми когтями,
Так только ее.
Тем временем Ропаска выхватила
Свой женский нож,
Изукрашенный изображениями животных,
И прошила им святилище могучего зверя.
Закружилось в голове у него,
Затуманилось, как будто от пьянящих мухоморов,
И рухнул он всей тяжестью на землю.
Ропаска же осталась невредима,
И лишь чуть-чуть поцарапаны у пей щеки.
Осматривается вокруг себя:
Поселковых женщин, городских жепщиц не видно.
Спускается к лодочной пристани с лодками
И видит, что они уж далеко, на середине реки.
— Ах вы, собачья дочери,
Ведь говорила же я вам: «Не пугайтесь
И полагайтесь на меня,
Как на крепкое дерево,
Которое никогда не сломится».
Выходите сейчас же все на берег!
Подъезжает носатая лодка с носом к берегу.
Выскакивают поселковые женщины,
Городские женщины на берег:
Как будто кто бросает
Многочисленные свертки весенних шкур,
Как будто кто разворачивает
Многочисленные свертки осенних шкур.
Старуха же Ропаска
Расстегивает четыре пуговицы лесного зверя,
Пять пуговиц лугового зверя,
Снимает с него священную малицу.
Кладет она его
В красивую колыбель со спинкой из корней,
Переносит на берег
И, как дорогого гостя,
Помещает на средину лодки со срединюю.
Едут многочисленные женщины в поселок,
Едут с весельем девичьей песни!
Пятикратно выкрикивают слова могучего зверя.
Приплывают они к пристани поселка с пристаньюю.
Выскакивают к ним навстречу
Многочисленные мужчины поселка,
Многочисленные мужчины города:
Как будто катится свертки осенних шкур,
Как будто катится свертки весенних шкур.
Весело играют в водяную игру¹.
Приготавливает старуха
Дом для веселья юношей,
Дом для веселья девиц;
Украшает дом для пляски лесного зверя,
Украшает дом для пляски лугового зверя.
Усаживает лесного зверя в гнездышко,
Наполненное обской пищей,
Наполненное озерной пищей.
И проводит пять светлых ночей Торума,
И проводит семь светлых ночей Корса.
Кай-лй-ю-их!

123. Сказка о маленькой Мось-нэ

Маленькая Мось-нэ с братом вместе жили. В углу глухого леса, дремучего леса, кроме них, никого народу не было. Долго жили, коротко жили, однажды, так живя, брат сестре говорит:

— Как мы дальше вместе жить станем? Верхний дух так сказал: «Сестре с братом жить нельзя. Женщина мужчину пусть ищет, мужчина женщину пусть ищет».

Сестра говорит:

— Ну нет, мы как жили, так и дальше жить станем.

Брат опять говорит:

— Верхний дух так не говорил: «Сестре с братом вместе жить». Если мы сойдемся, то, когда люди жить будут, так братья с сестрами жить станут. Местные люди тогда перемешаются. Брата имеющая женщина к брату пойдет, сестру имеющий мужчина сестру возьмет.

Брат рассердился, слов сестры слушать не стал. Рассердившись, встал, оделся, в другое место пошел. В углу глухого леса, дремучего леса такое хорошее место нашел. Из рожденных небом, рожденных землей больших деревьев дом построил.

После того как долго прожил, коротко прожил, думать стал: «Почему я один живу? Вместо товарища по жизни сделаю-ка женщину из дерева». Из дерева женщину сделал. Хорошей одеждой одел, платком покрыл, на нары посадил. Наружу выйдет, в дом войдет, смотрит: совсем женщина сидит. Жить веселее стало.

После его ухода маленькая Мось-нэ, сестра его, одиноко в месте без женщин, без мужчин живя, думает: «Пойду я брата своего искать. Каково-то он живет, что делает — посмотрю». Маленькая Мось-нэ оделась, платком покрылась, из дома вышла, вперед побрела. Далекий мир далеко проходит, близкий мир близко проходит. В одном месте чей-то дом однажды показался. Ближе подошла, смотрит: похоже, что брат ее живет. К окну приблизилась, через окно внутрь смотрит: брата ее дома нет. К двери подошла, в дом шагнула — дом пустой. На нары взглянула: женщина сидит. Окликает ее — не отвечает. Поближе подошла, рассматривать стала: брат ее из дерева женщину сделал. В хорошую одежду одета, платком покрыта. Совсем как женщина сидит.

Маленькая Мось-нэ деревянную женщину схватила, на пол сбросила. Маленькая Мось-нэ с деревянной женщины одежды сняла, сама надела. Маленькая Мось-нэ топор взяла, деревянную женщину на кусочки с песчинку, с соринку изрубила. Щепочки от деревянной женщины под кучу с мусором засунуты были. Маленькая Мось-нэ в дом вошла, на место, где сидела деревянная женщина, села.

Пока сидела, снаружи слышится: брат ее пришел. Маленький Мось-хум в дом вошел, в доме-то так тепло. Маленький Мось-хум на свою деревянную женщину смотрит: им самим сделанная де-

ревянная женщина шьет. Маленький Мось-хум обрадовался, к деревянной своей женщине обниматься бросился. Обнимались-целовались и дальше жить стали.

После долгого или короткого их житья сына заимели. А за все время их совместной жизни женщина мужу своего лица не показывала.

124. Маленькая Мось-пэ — дочь медведицы

Маленькая Мось-пэ живет со своим братом. Долго жили, коротко жили. Мось-хум в горной стороне много чамей наполняет, в лесной стороне много чамей наполняет. Так живя, однажды сказал:

— Край с женщинами, край с мужчинами искать мне надо.

Отправился. Долго шел, коротко шел, встретил селение Городского Богатыря. Городской Богатырь сразу трех дочерей имеет. Младшую дочь высватал. Приготовились, свадебный пир справляют. Справили. День жили, два дня жили, Мось-хум говорит:

— Я со своей землей человек, со своей водой человек. Домой идти мне надо.

Городской Богатырь-старик говорит:

— Идти тебе хоть когда можно было.

Собрались, домой отправились. Домой пришли, в свою землю. Дальше жить стали, дальше спать стали. Мось-хум по лесам, по водам ходит. Сестра его тем временем думает, говорит:

— Я в прошлом худо сделала, теперь как живу!

Однажды невестке говорит:

— Сходим куда-нибудь?

Невестка особого желанья хоть и не имела, оделась, собрались и отправились. Долго ходили, коротко ходили, к реке пришли. Золовка говорит:

— Скатимся?

Невестка говорит:

— Ты вперед скатись.

Золовка говорит:

— Ты вперед скатись.

Невестка покатила. Донизу доехала, упала. Золовка вслед за ней покатила и женщине середину спины лыжами насквозь проколола. Золовка невестку убила. «Теперь что делать буду?» — думает. Одежды ее расстегнула, сняла. Невестки одежду надела. Невестку взяла, в реку спустила. Свои одежды положила, затем кровь в одежду завернула. Домой пошла. Домой вернулась, в полог своей невестки села. Молит:

— Дорогу мою, по которой туда ходила, пусть совсем заметет!

Верхний Дух-отец ветер сделал, снег пустил. Ничего больше не видно. Нет дороги.

Брат домой пришел. Она лицо прячет. Живут дальше. Долго жили, коротко жили, так живя, ребенка они заимели. Человек,

песню несущий, сказку несущий, вырос. Достиг возраста, когда по улице бегают. С детьми Городского Богатыря играет. Однажды он ссорится. Отец подслушивает, что дети говорят:

— Мось-пэ со своим братом ребенка имели.

Теперь Мось-хум думает: «Сестра моя, дома она, поди?» Домой пошел, в дом вошел. Думает, спрашивает:

— Сестра моя куда пошла?

— Я не знаю, куда ее умело!

— Однако,— говорит,— сестра моя ты, поди, и есть. Я слышал, как Городского Богатыря дети говорят.

Жена его сразу села. Онемев, безо рта, без языка сразу села. Мось-хум думает: «Худо. Человеческая древняя пора, вечная пора начнется, мне худо. Тогда всякая женщина скажет, всякий мужчина скажет: Мось-хум со своей сестрой жил, а мне и того стыднее станет».

Встал, топор взял, нож взял, точило взял. Точить сел. Достаточно наточил, закончил. Поднялся, сестру-жену свою за волосы схватил, на улицу вытащил. На площади селения положил, взял нож, взял топор и, сколько силы хватило, намелко ее изрубил, изрезал. Мальчика поймал, на улицу вытащил, тоже убил, намелко изрубил.

— Этот ребенок, он вырос бы. Вырос бы, так говорить стал бы: отцом назвал бы, матерью назвал бы. Человеческая древняя пора, вечная пора откроется, а он так говорил бы. Мне тогда стыд.

Домой пошел, оделся-покрылся и отправился, куда только ум его пал.

Теперь дело к его сестре перешло.

Погода-весна настала. Листья выросли, трава выросла. Кустарник вырос. Из ее крови порых вырос. Лето наступило. Медведица гуляет. Горную ягоду ищет, лесную ягоду ищет. В поисках на место селения, на место селения Мось-хума забрела. Порых заметила, съела. В горы пошла, в лес пошла. Так живя, детей родила. Один ребенок ее образа — медведь, один ребенок — человеческая девочка. Так живут, ягоду собирают. Один ребенок — когтистый¹, один ребенок — человек. Человека медвежонок обижает. Мать говорит:

— Человеческую сестру свою не обижай.

Пока так жили, лето кончилось. Погода осенью стала. Земля замерзла, снег падает. Медведица думает: дом делать надо. Земля замерзает. Место для устройства дома поискала, нашла. Дом делает, закончила. Травы натаскала, мху натаскала, гнездо сделала. Верхний Дух теплый день сделал, наружу вышла, в березняк отправилась. Березу когтем царапнула, бересты содрала. Домой принесла, человеческой дочери своей протянула.

— Человеческая доченька,— говорит,— эту бересту слюнями помажь и какой-нибудь рисунок начерти². Для собачьей ноги, звериной ноги малоснежную осень Верхний Дух-отец открыл³. Там подалее Городской Богатырь-старик живет. Трех сыновей име-

ет. В лес придут. Тогда Городского Богатыря-старика собаки дверь нашей берлоги укажут. Ты, человеческая доченька, когда с нами двоими что-то делать будут — жердь срубят, внутрь засунут⁴, ты эту бересту возьми, на конец жерди наколи. В то время Городской Богатырь-старик с тремя сыновьями будет. Он жердь наружу вытянет. На конце жерди бересту заметят. Городской Богатырь-старик скажет: «Человеческая девушка там есть. Один — ее ребенок, одна — человеческая девушка». Доченька, я что говорю, чему учу — не забудь, помни.

Своему медвежьему ребенку говорит:

— Ты в прошлом человеческую сестру свою зачем мучил? За это дело мы теперь Верхним Духом-отцом нашим отрешены. Ясно — дневной жизни нам больше нет.

Городской Богатырь-старик с тремя сыновьями идет. Пришел. Дверь берлоги загородили. Тех убивать стали. Человеческая девушка в своей отдельно сделанной пещерке находится. Мать ей говорит:

— Ну вот, доченька, поберегись, чтобы тебе чем-нибудь не повредили. С нами что-то сделано будет. Нас наружу вытащат, приготовят. На нашу нарту не садись: наша кровь на тебя падет.

Убиты были, вытащены были. Городской Богатырь-старик троим сыновьям говорит:

— Наверно, еще есть.

Жердь срубили, внутрь сунули. Тогда бересту с рисунками девушка на нее насадила. Жердь наружу вытащили. Бересту с рисунками увидели. Городского Богатыря-старика трое сыновей говорят:

— Это еще что за чудо?

Старик говорит:

— Человеческая девушка там есть, вот береста с рисунками. Затем сыну еще говорит:

— Ты, сынок, шейный платок свой развяжи.

Платок развязал, шест внутрь сунул, молвил:

— Мне богом назначенный человек, хватайся.

Она ухватилась. Ухватилась, наружу ее вытащили. Голова и руки как показались, платок на ее голову опустился⁵. Вся целиком как появилась, Городской Богатырь-старик говорит:

— Лишние чулки, лишнюю одежду снимите.

Сыновья разделись, женщину одели. Она в сторону отошла. Пока мать ее обдирали, брата ее обдирали, она спиной стояла. Мать, брата в люльки положили, закончили, на нарту погрузили. Человеческая девушка говорит:

— Я на нарту моей матери не сяду.

Городской Богатырь-старик сыну говорит:

— Мы три человека нарту потащим, ты жену свою носи.

Домой отправились. Пришли. Медведей в дом занесли. Медведицу с ребенком ее на стол положили. Человеческую девушку в пологе устроили. В переднее место села. Городской Богатырь-

старик с детьми теперь играют⁶. Городской Богатырь-старик мясо матери человеческой девушки сварил. Народ ест, ей тоже дали. В прошлом мать ей говорила: «До нас (т. е. до мяса) не касайся. Что тебе дадут, в сторону откладывай». Теперь мясо и отложила. Вторую ночь играют, еще котел делают, ей мяса дают. Она опять в сторону откладывает. В третью ночь играют, котел делают. Ей дают, опять в сторону откладывает. В четвертую ночь играют. Котел делают, ей дают, опять в сторону откладывает. Жена Городского Богатыря-старика невестке говорит:

— Человеческая девонька, почему не играешь?

— Как я играть стану? Моя мать убита, сердце мое горит.

Звериные четыре ночи кончились. В прошлом медведица-мать говорила: «Доченька,— говорит,— мои четыре ночи кончатся, спать ляжешь, сон не придет. Пониже подушку положишь, на высоту одного бревна книзу уйдет. Полночь настанет, из дома выйди».

Теперь она в полночь наружу вышла, думает: «Теперь мать мою где увижу?» В это время на крыше дома двоих слышно. Ребенка голос слышен: «Мне здесь больно». Матери ее голос слышен: «Мне это место больно. Человеческая дочь наша до чего-то касалась». Она в дом зашла. В первую ночь данные вещи⁷ за пазуху положила. Наружу вышла, на крышу бросила. Мать ее говорит:

— Человеческая дочь паша ничего не трогала.

Домой вернулась, легла. День прожила. Ночь наступила, пришла пора спать ложиться. Повыше подушку положит — низкой становится, пониже подушку устроит — на высоту трех бревен подушка поднимается. Полночь настала, наружу вышла. Около дома — начало дороги, по которой снег для вытапливания воды возят. Туда пошла. Матери ее с ребенком голос слышно. Ребенок говорит: «Здесь мне больно». Мать ее говорит: «Мне тоже здесь больно».

— Человеческая дочь наша,— мать молвила,— чего-то, наверно, касалась, вещей наших.

Она домой зашла. Во вторую ночь данные вещи взяла. Наружу вышла. Мать говорит:

— Бросай. Собаки ли съедят, или еще кто съест, дела нет. Бросай.

Бросила.

— Ну вот, доченька, завтра в ночь иди к началу дрововозной дороги. К началу дрововозной дороги пойдя, свекровь свою с собою позови.

Отправилась. Домой пришла, легла. Теперь сон пришел. Ночь проспала, день прожила. Свечерело, спать ложиться пора пришла. Свекрови своей говорит:

— Свекровь, в эту ночь к началу дрововозной дороги пойдем. Ты там посмотришь, кое-что там понятным станет.

Сказала, легла. Повыше подушку положит — книзу убегает, пониже подушку устроит — на высоту трех бревен поднимается. Свекровь уже заснула. Полночь настала, поднялась, сказала:

— Свекровь, вставай, идти время пришло.

В третью ночь данные ей вещи взяла. Оделась, на улицу вышли. Вдоль по дрововозной дороге побрели. К основанию дрововозной дороги пришли, встали. Вскоре послышалось: с матерью ребенок говорит: «У меня это болит». Мать говорит: «У меня тоже здесь болит. Человеческий ребенок наш, наверно, вещей наших касался». Свекровь тут говорит:

— Доченька, в эту ночь загрызут нас.

Невестка отвечает:

— Нет, это моя мать, если не знала, это брат мой. Вы прошлый день играли, думаете кончилась медведица, готова. Вот теперь ее душа.

— Ну, доченька, принесла что-то, бросай. Хоть собаки съедят, хоть кто съест, дела нет, бросай.

Бросила.

Мать промолвила:

— Вот, доченька, сейчас третья ночь, — говорит, — завтра четвертая ночь. В полночь со свекровью на улицу выйдете. На небе сколько звезд есть, сосчитайте. Лишние две звезды если там появятся, то это мы двое засветимся. Наших вещей ты не касалась, правильно жила. Ну, теперь, доченька, здоровой будь на веки вечные. Нашему свиданию вот и конец. Наши души на небо кверху пошли.

Прощались, домой отправились. Домой пришли, легли. День прожили. Свечерело, спать ложиться пора пришла. Свекрови говорит:

— Ты пожилой человек, ты, поди, ум имеешь. На небе сколько звезд есть, ты знаешь. Моего ума мало. Сейчас ляжем, в полночь на улицу выйдем. Верхний дух сегодня хорошую ночь, чистую ночь сделает.

Легли. Повыше подушку положит — на высоту одного бревна кпизу уйдет, пониже подушку устроит — на высоту трех бревен кверху поднимается. В полночь пробудилась.

— Свекровь, — говорит, — проснись, на улицу выйдем.

Поднялись, хорошие платки, хорошие ягушки надели, вышли. Верхний дух хорошую ночь сделал.

— Ну, свекровь, посмотри наверх. Нижняя земля сколь велика, верхний мир такой же величины. Наверху светлые звезды сосчитай.

Принялась считать, сосчитала. Сколько-то сотен звезд сосчитала, две звезды лишние. Второй раз сосчитала — опять две звезды лишние. В третий раз сосчитала — опять две звезды лишние. Одна маленькая, одна большая.

— Это, свекровь, вчера у начала дрововозной дороги кого ты видела, теперь их души там засветились, на небе.

Пошли, домой вернулись.

— Ну, свекровь, — говорит, — санкыльтап свой возьми, играй теперь.

Хороший платок, хорошую одежду надела.

— Ну вот, свекор мой, свекровь моя, вчера вы говорили: пляши! А я по матери как плясать буду? Мою мать вы все-таки убили или умерла теперь, мне жаль. Теперь я знаю, где облик ее души теперь засветился. Теперь я знаю. Играйте, я плясать буду.

125. Мось-пэ и ее дочь

В одном месте, в одном поселке одиноко живет Мось-пэ — добрая женщина. Долго, коротко так жила. Однажды легла на кровать, смотрит: возле нее девочка лежит. Встанет ли, ляжет ли Мось-пэ, а девочка все равно возле нее лежит. Мось-пэ плачет:

— Куда я ее отнесу? Как мне жить с ней?

Думала, думала и надумала. Сделала люльку. На палец девочки кольцо надела. А сама про себя снова думает: «Люди придут, стыдно мне будет. Что-то надо сделать. Отнесу-ка я ее в люльке на лед. Пусть ее вместе со льдом унесет».

Мось-пэ унесла люльку с девочкой на лед, поставила. Тут же люльку льдом зацепило и понесло. Девочка в люльке сидит, смотрит на Мось-пэ и смеется, смеется. Сердце женщины запыло, заболело от этого смеха. Жалко ей стало девочку. Но теперь уж больше не видать, навсегда унесло льдом. Так и осталась одинокой Мось-пэ.

Долго горевала, коротко горевала и плакала Мось-пэ по девочке, расхаживая по деревне. За это время улицы деревни заросли травой, заросли листьями. Но вот однажды в деревне появилась медведица. Она все листья в деревне съела, всю траву в деревне съела. Снова в лес отправилась. В лесу вырыла для себя дом-берлогу. Живет одиноко в своем жилище. Не было у нее ни своих, ни чужих детей. Долго, коротко так жила. Вдруг у медведицы появились дети — сразу трое: двое — маленькие медвежата и один — человеческий ребенок. Детеныши больше спят. Немного поиграют, пососут свои лапы и снова спят. Так живут тихо и спокойно. Однажды медведица говорит своим медвежатам:

— Слышите, собака лает? Это Усынг-отыр-ойка идет. Это наша смерть идет!

Действительно, так и случилось. Медведица скончалась, и ее медвежата скончались. Живым остался человеческий ребенок. Усынг-отыр-ойка нашел человеческого ребенка, повез его к себе. Но поехал не в свой поселок, а в поселок, где живет его сын. Причалил он к берегу деревни, лодку на берег вытащил, человеческого ребенка в дом принес. Поздоровались. Вскоре они стали плясать. Долго пляшут. Пять дней плясали¹. Усынг-отыр-ойка все еще домой не едет. У сына живет. Однажды в этот поселок приехал какой-то человек. Пришел к Усынг-отыр-ойке, увидел девочку. Обращаясь к ней, сказал:

— Дочка, ты домой поезжай!

Девочка ему отвечает:

— Не поеду!

Принес он ей маленькую чашечку. Кусочек мяса в нее положил — пусть девочка поест. Девочка поднялась и села, но есть не стала. Сердце ее болит по медвежатам и по медведице. Вышла девочка на улицу, прислушалась. В лесу слышно, как говорят медвежата:

— Мы радуемся, мы поправились, ожили².

Слышится разговор и их матери-медведицы.

Девочка еще две ночи не спала. Болит ее сердце по матери. Снова вышла на улицу, слушает. Однако больше ничего не слышится. Тут она взглянула вверх и увидела медвежат наверху в образе звезд. И теперь стоят эти звезды.

Долго, коротко так жили. Однажды сын Усынг-отыр-ойки вошел в дом девочки. Вошел и зовет к себе. Но девочка не идет к нему. Сын Усынг-отыр-ойки смотрел, смотрел на девочку, на пальце ее заметил кольцо. По кольцу он узнал ее: это девочка, унесенная в люльке вместе со льдом. Юноша взял девочку. Они поехали в поселок, где одиноко живет ее мать. Приехали, стали вместе с матерью жить. И теперь там живут, и теперь радуются, счастливы.

126. Спор между Пор-нэ и Мось-нэ

Пор-нэ говорит как-то:

— Совсем маленькая земля стала, а людей много живет. Дальше так жить будут — совсем плохо станет. Тайги мало будет, воды мало будет. Что есть-то люди будут? Надо сделать так, чтобы людей меньше на земле стало.

А Мось-нэ ей говорит:

— Как так сделать? Пусть все живут. Если совсем ничего не станет, я так сделаю, что реки маслом течь будут. Будет, что поест.

Пор-нэ разозлилась:

— Ха-ха-ха! Как так — масло вместо воды? А где рыбы будут жить? Как пароходы по рекам плавать будут? Совсем глупая Мось-нэ. Пусть люди умирают, тогда на всех воды хватит.

Вот так раньше было. Пор-нэ правильно сказала. Пор-нэ хоть и злая, но умная, а Мось-нэ глупая, хоть и добрая.

127. Как Мось-нэ и Пор-нэ искали себе мужей

Живут две женщины в поселке: одна Пор-нэ, другая Мось-нэ. Долго, коротко жили. Однажды одна пришла к другой и говорит:

— Пойдем поищем себе мужей!

Пошли. Пришли на берег реки. Здесь живет Вшивый-Плешивый. Переехали на другую сторону реки. Пришли к маленькому домику, вошли в него. В доме старуха сидит. Она говорит:

— Внука, поищи у меня в голове.

Мось-нэ стала пскать у нее в голове и рассказывает:

— Уши у него очень большие, ноздри тоже очень большие. Глаза у него очень большие, голова вся вшивая. Моя голова тоже такая же. Руки у него очень большие, ноги у него очень большие.

— Хватит, внучка, наверно, уже кончились.

Женщины дальше пошли. Нашли старенький домишко. В нем старуха живет, говорит:

— За то, что искала в голове, возьми этот старый ящик.

Мось-нэ взяла ящик и ушла. Снова пришла на место, где живет Вшивый-Плешивый. Тут она поставила ящик, разожгла огонь, смотрит: в ящике сидит землей взращенный богатырь, землей взращенный огненный богатырь! Мось-нэ пришла домой. Ящик в дом принесла. Богатырь утром поднялся, стрелу и лук сделал. Тут в их дом вошла Пор-нэ и говорит:

— Лась, лась! Мужским духом пахнет!

Мось-нэ ей отвечает:

— Одна я живу. Где я возьму мужа?

На второй день муж Мось-нэ промышлять сходил. Пришел домой, стружки принес и огонь разложил. Снова в их доме появилась Пор-нэ, сказала:

— Мужским духом пахнет!

Мось-нэ отвечает:

— Откуда я возьму мужа? Без мужа живу.

На третий день муж Мось-нэ снова сходил в лес за стружкой, принес ее домой. Мось-нэ ему говорит:

— Большие не разжигай костер. Пусть так будет.

Появилась Пор-нэ. Мось-нэ на этот раз ей говорит:

— Я себе мужа нашла. Ты тоже сходи, мужа найдешь. На берегу реки дом стоит. Там у бабушки есть сын. Его в мужья возьмешь.

Пор-нэ пошла к той старушке. Пришла к ней, в дом вошла. Пор-нэ попскала в голове старушки и обозвала ее «вшивоголовой». Вскоре Пор-нэ собралась идти домой. Старушка отдала ей новый ящик за то, что попскала в голове. Пор-нэ взяла ящик и принесла домой. Смотрит: в ящике зверь сидит. Этот зверь поднялся и убил Пор-нэ за оскорбление старушки.

128. Дети Мось-нэ

Живут две женщины — Мось-нэ и Пор-нэ. У Мось-нэ есть дети, и Пор-нэ имеет мальчика и девочку. Однажды Пор-нэ поехала Мось-нэ сходить за травой на стельки в меховую обувь. Нарвали они травы для стелек, пошли обратно. Пор-нэ говорит:

— Покатаемся!

— Как будем кататься? Ребята дома остались!

И все же они покатались с горы. Пор-нэ села на траву и покатила с горы. Она убила Мось-нэ: железными лыжами прокатилась по спине Мось-нэ.

Дети Мось-нэ смотрят: матери нет, только кишки в траве видны. Они побежали к сестре матери. А Пор-нэ им говорит:

— Хась, хась, я съем вас!

Дети Мось-нэ плачут, куда-то дальше побежали. Пор-нэ говорит другой Пор-нэ:

— Ты ребят не отпускай. Я скоро приду.

Эта Пор-нэ убила детей Мось-нэ. Мясо их сварила. Полог натянула, сама, как мышка, бегает. Тут вернулась домой Пор-нэ, смотрит: дети Мось-нэ убиты. Она ругается:

— Зачем ты убил их? Я же сказала, что вернусь и сама их убью.

Но дети Мось-нэ остались живы. Они спрятались за полог. Пор-нэ убила детей своей подружки.

Долго, коротко жили, Пор-нэ отправилась к детям Мось-нэ. Пришла туда, а детей нет. Они куда-то убежали. Перед уходом один из них гребенку за пазуху положил, а другой — брусок и спички. Идут, идут. Однажды смотрят: кто-то идет. Он им говорит:

— Ну, погодите, я вот приду!

Тут один из ребят Мось-нэ бросил гребенку и говорит:

— Пусть повсюду вырастет лес, чтобы Пор-нэ не смогла пройти!

Дети назад оглянулись: кусочка пустого нет, повсюду лес образовался. Они дальше пошли. Пор-нэ не отстает, догоняет их. Лицо ее в крови. Тут один из детей Мось-нэ бросил брусок и говорит:

— Пусть образуется каменная гора, чтобы Пор-нэ не смогла пройти!

Каменная гора образовалась. Дети пошли дальше. Шли, шли, снова оглянулись и видят: Пор-нэ нагоняет их. Дети бросили спички на ее пути и сказали:

— Пусть образуется большой огонь! Пусть все возьмется огнем, чтобы Пор-нэ не смогла пройти!

Дети назад оглянулись — всюду огонь. Дети Мось-нэ идут ночь, идут день, устали очень. Решили отдохнуть. Сели на кровать, а кровать провалилась. Из нее вышли три Пор-нэ. Ребята очень испугались, думают: «Ну, теперь-то нас убьют». Одна из трех Пор-нэ подружилась с детьми Мось-нэ. Дальше шагают вместе. Тут мальчик палец шилом уколол. Он скончался. Мальчика похоронили. Пор-нэ с девочкой Мось-нэ вместе идут, идут. Пор-нэ пить захотела. Только начала пить воду, девочка в воду ее окунула. Пор-нэ спрашивает:

— За что меня в воду погрузила? Тут меня и убьешь! Огпусти, уже дышать нечем! Я тебе отдам соболинную сахи.

Девочка отпустила ее. Пор-нэ отдала девочке соболинную сахи. Отдала, а потом размышляет: «Зачем я отдала ей соболинную сахи? Можно было отдать ей мешок». Они вместе зашагали дальше. Им встретились две нарты. В одну нарту запряжены три черных быка-олени, в другую — три белых быка-олени. Пор-нэ

села на парту с белыми оленями, а девочка Мось-нэ — на парту с черными оленями. И понеслись. Они приехали в город Усынготыр-ойки. Здесь Пор-нэ села на парту Усынготыр-ойки, а девочка села на парту Тонтои-ойки. Поехали они в поселок и стали там жить.

Мось-нэ говорит однажды:

— У меня брат умер. Схожу его помянуть.

Девушка пошла, и Пор-нэ с ней пошла. Туда пришли, в дом вошли, слышат разговор одной женщины. Девушка смотрит: ее умерший брат с женой целуются, обнимаются. Тут сестра ему говорит:

— Братик, если ты пойдешь белок промыслять, то не ходи этой дорогой!

Брат подошел к сестренке, поцеловались. Собрались они ехать домой. Им дали обоз оленей. На улице очень много оленей было.

Пор-нэ говорит:

— Я еще не готова ехать. Меня подождите!

Но дети Мось-нэ не стали ее ждать. Тут Пор-нэ кричит:

— Солнце возьму, в воду его окуну!

Пор-нэ взяла солнце, и сразу всюду темно стало, ничего не видно. Дочь Мось-нэ поняла: ее брат куда-то ушел. Из-за темноты она снова его потеряла. Бредет девушка и плачет. Заяц встретился. Заяц спрашивает:

— Почему плачешь? Не плачь! Солнце снова появится.

Откуда ни возьмись, дедушка появился и говорит:

— Солнце надо отпустить!

Пор-нэ отпустила солнце, и сразу всюду светло стало. И сейчас так живут, и сейчас так здравствуют.

129. Мось-нэ и менкв

Одиноко живет Мось-нэ. Она не имеет ни отца, ни матери. Однажды пошла собирать дрова. Села в лодку, поехала. Набрала дров, стала возвращаться обратно. Лодка ей показалась очень тяжелой. Она обернулась назад: на корме лодки сидит менкв. Мось-нэ испугалась, думает про себя: «Теперь меня съест». Менкв-ойка имеет семь голов.

Он говорит ей:

— Не бойся, я тебя не съем!

Мось-нэ начала жалобно говорить:

— Я живу без отца, без матери!

— Я мавсийской женщине плохого не стану желать.

Менкв-ойка сидел, сидел в лодке, потом исчез. Женщина смотрит: его в лодке уже нет. Лодка легкой стала. Мось-нэ едет дальше, смотрит: кладбище виднеется. Она к берегу пристала, увидела могилу, в которой только что захоронен человек. В могиле лежал мужчина. Его уши были полностью замазаны.

Мось-нэ взяла нож, ножом прокопала и очистила его уши. Мужчина ожил, поднялся. Его кровь сильно течет, повсюду кровь. Он говорит Мось-нэ:

— Скоро сюда придет моя бывшая жена. Она будет плясать.

Правда, пришла его жена, стала плясать. Весь народ на нее смотрит. Оказывается, эта женщина не простая, она — Пор-нэ. Пор-нэ с мужем имели детей.

Муж ей говорит:

— Надо детей накормить.

Пор-нэ стала плакать. В это время появился Усынг-отыр-ойка. Он что-то шепнул на ухо Пор-нэ. Она опять замазала уши своего мужа. Муж снова умер. Сама Пор-нэ пошла к своему народу. Усынг-отыр-ойка взял их детей, повел и по дороге постоянно пугает каким-то чудовищем: вот идет! вот идет! Один из сыновей Пор-нэ спрашивает:

— Зачем ты пугаешь нас?

Усынг-отыр-ойка отвечает:

— Вот идет! Вот идет! Идет страшилище!

Мось-нэ снова оживила умершего мужчину. Он встал, пришел к отцу и попросил у него лошадь. Сын привел сюда Пор-нэ. Одну ее ногу привязали к белой лошади, вторую ногу привязали к черной лошади. Пор-нэ разорвали на две половинны. На одной ее части лес вырос, на другой — река образовалась. Муж Пор-нэ стал мужем Мось-нэ. Дети Пор-нэ стали жить у Мось-нэ.

Долго так жили, коротко так жили. Однажды Мось-нэ собралась ехать в лес за гнилушками для люльки. Села на карту и поехала. Набрала гнилушек и стала возвращаться домой. Карта такой тяжелой оказалась. Она назад обернулась: на карте менкв сидит. Менкв-ойка думает про себя: «Пусть подует ветер! Пусть я унесу Мось-нэ и убью ее». Сразу ветер разгулялся. Менкв унес Мось-нэ на верхнее небо. Карта так и осталась внизу. Менкв-ойка увел к себе Мось-нэ. Они два дня плясали. Мось-нэ живет у Нум-Торума. Как она ни стремилась домой вернуться, менкв ее не отпускает. Внизу был поселок. Но Менкв-ойка не разрешает Мось-нэ туда смотреть. А ей очень хотелось посмотреть на этот поселок. Однажды она все-таки посмотрела вниз: там виден поселок, земля видна.

Мось-нэ смотрит и говорит:

— Мой муж с ребятами по поселку ходит и плачет, меня ищет.

Менкв-ойка ей отвечает:

— В какой-нибудь день я тебя отпущу.

И вот отпустил Менкв-ойка Мось-нэ домой. Пришла она в свой родной край. Вошла в свой дом. Дети ее уже большие стали. Муж спрашивает:

— Где ты так долго ходила? Как мы тебя ни искали, не нашли.

Мось-нэ обо всем происшедшем с ней рассказала мужу. Они и теперь живут.

130. Мось-нэ, Пор-нэ и их дети

В одном месте, в одном поселке живут две женщины. Одна — добрая женщина, другая — злая и вредная женщина. Мось-нэ из мансийского рода — очень умная и хитрая женщина, Пор-нэ глупее. Пор-нэ ходит к Мось-нэ сказки сказывать и сказки слушать. Мось-нэ имеет человеческого ребенка, Пор-нэ имеет Мальчика в Образе Пестрого Щенка.

Долго жили, коротко жили. Однажды Пор-нэ сделала зло. Она затолкала мальчика Мось-нэ в бочку, закрыла крышкой и в воду опустила. Мось-нэ плачет и горюет по своему сыну. Так и осталась жить одиноко, без сына.

Долго жили, коротко жили. Вдруг Мось-нэ видит: откуда ни возьмись, у реки землянка появилась. В ней кто-то живет. Мось-нэ заметила, что сын Пор-нэ — Мальчик в Образе Пестрого Щенка — туда часто ходить стал, еду кому-то носит. Мальчик в Образе Пестрого Щенка не стал жить со своей матерью, ушел к Мось-нэ. Однажды Мось-нэ спрашивает Мальчика в Образе Пестрого Щенка:

— Ты каждый день ходишь, куда ты ходишь?

— Я к воде хожу. Там старушка со стариком живут. У них есть сын. Он мой друг. Туда и хожу.

Прошло несколько дней. Мось-нэ напекла хорошего и вкусного хлеба, говорит Мальчику в Образе Пестрого Щенка:

— Отнеси этот хлеб твоему другу, пусть он поест.

Мальчик в Образе Пестрого Щенка взял хлеб и пошел к реке. Пришел к землянке, нашел друга, накормил его хорошим хлебом. И совсем было поймал его, сына Мось-нэ, но тот вырвался и убежал от него. Назавтра Мальчик в Образе Пестрого Щенка и Мось-нэ пошли к землянке вместе. Они принесли с собой хорошей еды. Сын Мось-нэ вышел из землянки, стал играть с Мальчиком в Образе Пестрого Щенка. Поиграли, поиграли, сын Мось-нэ и говорит:

— Я домой пойду, в землянку. Там отец и мать меня ждут.

Мальчик в Образе Пестрого Щенка просит его:

— Еще немного поиграем!

Стали они играть. Мось-нэ в это время схватила своего сына за руку и больше от себя не отпускала. Мальчик плачет, просится в землянку. Но Мось-нэ увела его с собой. Вместе живут, втроем. Построили хороший дом. Сын Мось-нэ промышляет, хорошо добывает пушнину. Что ему надо, то и приносит. Много вещей напосил.

Долго жили, коротко жили. Однажды сын Мось-нэ собрался ехать торговать на другую сторону реки. Мальчик в Образе Пестрого Щенка просит взять его с собой. Вместе поехали. Приехали на другую сторону. Там живет Усынг-отыр-ойка. Он спрашивает:

— Что за город на той стороне образовался?

Сын Мось-нэ говорит:

— Там живут Мось-нэ и Мальчик в Образе Пестрого Щенка. Они город построили!

Жена Усын-гыр-ойки пнула собаку — Мальчика в Образе Пестрого Щенка — и выгнала ее на улицу. Сын Мось-нэ (торговый человек) ей сказал:

— Это моя собака, на улицу ее не выгоняй!

Усын-гыр-ойка снова интересуется:

— Что за город на той стороне?! Такой красивый город стал! Там все есть! Все, что имеют, на месте продают. И совсем новые вещи!

— Тот город — город Мальчика в Образе Пестрого Щенка.

Юноши из поездки домой возвратились. Что видели и что слышали, про все рассказали Мось-нэ. Тут Мось-нэ говорит сыну Пор-нэ:

— Ты сходи на ту сторону. Там растет береза с золотыми листьями. Принеси ее домой.

Пошел туда Мальчик в Образе Пестрого Щенка. Пришел к березе, выкопал ее и домой вернулся. Березу посадил около своего дома. Еще богаче жить стал. Какие бы дорогие вещи ни были, все покупает.

Долго жили, коротко жили. Юноши снова отправились на ту сторону реки. Мальчик в Образе Пестрого Щенка рассказал всем, как он разбогател, посадив возле дома березу. Усын-гыр-ойка говорит:

— Я поеду на ту сторону, сам посмотрю, как они там живут.

Однако жена не отпускает его. Усын-гыр-ойка послушал ее и не поехал. Мальчик в Образе Пестрого Щенка еще съездил в другую страну, в другое место. Очень много купил лошадей. Еще богаче стал! Усын-гыр-ойка стал собираться, чтобы съездить на ту сторону. Сам поехал на этот раз. Приехал туда и говорит:

— Как меня ни держала жена, но я все-таки приехал.

Долго ли, коротко ли он здесь находился. Они с Мось-нэ стали жить как муж и жена. Здесь и сын Мось-нэ живет. И Мальчик в Образе Пестрого Щенка вместе с ними стал жить. Они привязали Пор-нэ к двум лошадям и разорвали ее пополам.

Мальчик в Образе Пестрого Щенка снял с себя собачью шкуру и таким красавцем мужчиной оказался! Он специально в собачьей шкуре ходил.

И теперь они все вместе живут, и теперь они радуются.

131. Мось-нэ и филин

Давным-давно жил в лесу филин. Все окрестные леса знал он. Много лесов и рек облетел филин, но нигде не видел человеческого жилья. И вот однажды отправился он в соседний лес. Прилетел филин и глазам своим не верит: стоит в лесу одинокая избушка. Крыша едва виднеется из-под снега. Дымок вьется из трубы.

Подлетел филин к избушке, сел на крышу и через дымовое отверстие чувала в избу заглядывает. Заглядывает и спрашивает:

— Есть ли кто-нибудь живой?

А в этой избушке жила молодая женщина Мось-нэ. Молодая Мось-нэ и спрашивает его:

— Филин, ты разве в двери не можешь войти? Через отверстие чувала со мной разговариваешь.

— Нет, не буду я заходить в избу,— отговаривается филин.

А в избушке, где жила молодая Мось-нэ, было всего одно оконце. И вот филин сел возле окна и стал приговаривать:

— Молодая Мось-нэ, спой для меня песню. Каков я, филин.

— Я живу одна в глухом, дремучем лесу и никаких песен не знаю,— ответила Мось-нэ.

— Нет, молодая Мось-нэ, спой для меня песню,— просил филин,— я вот тут у окна сижу.

Молодая Мось-нэ подумала, подумала и сказала:

— Какую-нибудь песню спою.

И начала петь:

— У филина глаза пестрые... У филина нос крючком...

Филин послушал ее песню и засмеялся:

— Такая песня мне не нужна. Я рассержусь и буду снег зазывать, чтобы избушку твою снегом запесло¹.

И Мось-нэ снова запела:

— У филина мохнатые голени... У филина пестрые уши...

И эта песня не по душе пришлась филину. Молодая Мось-нэ запела в третий раз:

— Филина я в добрые мужья возьму. Будем в согласии жить-поживать да добра наживать...

И молодая Мось-нэ согласилась стать женой филина. И вот повез лесной филин молодую Мось-нэ в свое жилище. Посадил молодую Мось-нэ на нарту, и отправились они в путь. Едут они, филин поет:

— Я нашел молодую и одинокую Мось-нэ. В согласии с ней мы будем жить-поживать да добра наживать.

Пока они ехали, филин пел о своей жизни, о своих трех сестрах. Но молодая Мось-нэ не все поняла из его песни. Долго ехали, коротко ехали, подъехали к жилищу филина. Зашли в жилище, а на столе у филина дорогая еда стояла. Лесной филин и молодая Мось-нэ отведали дорогой еды. Филин посоветовался с Мось-нэ и сказал ей:

— Я пойду в лес птиц и зверей промышлять, запасы мои кончаются.

И филин отправился в лес промышлять зверей и птицу. А молодая Мось-нэ осталась одна. Долго, коротко жила одна молодая Мось-нэ, но вот она загрустила и задумалась. Увидела на полу березовую чурку и подумала: «Что-нибудь смастерю из нее». Взяла березовую чурку, провела по ней черту ножом — и чурка вдруг застонала. Взяла другую, провела ножом — и та застонала. Мось-нэ бросила нож, села на нары, закуталась с головы до ног

и легла спать. Лежит и слышит стон: «Ой, ой, мою руку поранили, ой, ой, мою ногу поранили». Эти березовые чурки, оказываются, были людьми. И они еще пуще застонали. Молодая Мось-нэ очень напугалась, бросила жилище филина и убежала в свою избушку.

132. Семь Пор-нэ и филин

Жили-поживали семь Пор-нэ. Недалеко от них жил филин. Однажды он спит и видит сон, что он повстречался с Пор-нэ. Встал и задумался: «Правда это или неправда?» Отправился филин в те места, которые видел во сне. Пришел на то место, что видел во сне. И правда, стоит дом. Раньше он никогда не видел этого дома.

— Сколько я лесов и болот обошел, сколько пролетел, но этого дома не видел,— говорит.

Долго, коротко думал он. Затем филин otvorил двери дома, а сам очень уж боится зайти. Зашел он в дом, а на парах сидели семь Пор-нэ. Он поздоровался, но ни одна из Пор-нэ не ответила ему. Второй раз поздоровался филин, но они все так же молчали. Когда он в третий раз поздоровался, только тогда Пор-нэ ответили ему. Лесной филин говорит:

— Красиво сидите вы, семь Пор-нэ. А я пришел к вам невесту сватать.

Пор-нэ ему ответили:

— Мы, семь Пор-нэ, и без женихов хорошо живем. Никто из нас замуж не желает идти.

— Если вы так встречаете, я выйду и стану снег зазывать,— рассердился филин.

— Ты хоть сколько снег зазывай, мы, семь сестер, быстро отгребем его,— ответили Пор-нэ.

Вышли они из дома и отгребли весь снег. Еще раз филин спрашивает их, но они молчат и едва сказали:

— Нет, мы не хотим замуж.

Во второй раз вышел лесной филин и стал зазывать снег. Так сильно повалил снег, что кругом не видно ничего. И валит и валит снег. Вышли из дома Пор-нэ и начали отгребать снег. Отгребли весь свой двор. Вошел филин в дом и проговорил:

— Как вы думаете, Пор-нэ, мириться нам или нет?

Но злые Пор-нэ продолжали молчать. Вышел филин и в третий раз начал зазывать снег. Все семь Пор-нэ вышли, но, сколько ни отгребали снег, он все шел и шел. Завалило снегом дом. Так и не смогли они отгрести снег от своего дома. И вот Пор-нэ сказали:

— Будь что будет. Перестань зазывать снег.

— В невесты я возьму младшую Пор-нэ,— протрубил им филин.

Подумал и шепнул:

— Подуй сильный ветер северный, снеси с дворов и с крыш домов снег.

Подул сильный ветер, снега как будто и не бывало. Взял филин в жены молодую Пор-нэ, повез ее в свое жилище. И стали жить-поживать филин и младшая Пор-нэ.

133. Как Эква-пырись на свет появился

Верхний Дух со своей женой и старшей сестрой живет. Однажды сестра ушла куда-то. Верхний Дух с женой одни остались. Жена говорит:

— Старик!

— Что?

— Я, кабы на твоём месте была, в таком доме жить не стала бы.

— Дом плох, что ли?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Всех птиц, всех зверей убить надо и из костей дом построить.

— Нельзя так делать,— Верхний Дух отвечает.

— Как нельзя?! Можно!

— Всех птиц, всех зверей если убью, что люди есть станут?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Тебе другой дом нужен.

— Ну ладно,— согласился Верхний Дух.— Хочешь, так сделаю, поубиваю их.

Рыб собирать щуку послал. Птиц, зверей собирать длинноногого куличка послал.

Рыбы все собрались. Верхний Дух смотрит, все ли здесь. Прилетели птицы, прибежали звери. Верхний Дух опять смотрит, все ли здесь. Видит, совы нет. Говорит длинноному куличку:

— Сову видел?

— Нет, не видел,— куличок отвечает.

— Иди, сходи скорей, поищи ее.

Куличок искать отправился. Ходил, ходил, наконец видит: на высокоом кедре сова сидит.

— Сова, звали тебя.

— Кто звал?

— Верхний Дух.

— Зачем?

— Всех рыб, птиц, зверей собирает. Всех поубивать хочет, из костей дом построит.

— Ты иди,— сова отвечает,— а я приду потом!

Куличок пошел. К Верхнему Духу вернулся.

— Сову нашел?

— Нашел.

— Идет?

— Придет, сказала.

Ждали, ждали, нет совы.

— Куличок, иди, беги скорей. Что ее долго нет? Что она там делает?

Длинноногий куличок отправился. Пришел. Сова на кедре сидит.

— Сова, что ты здесь делаешь? Иди скорей, звали тебя.

— Ты иди, иди, иди, я за тобою буду.

Куличок к Верхнему Духу вернулся, тот его спрашивает:

— Идет, а?

— Сказала: «Сейчас буду».

— Что делает?

— Сидит.

Ждали, ждали, нет совы.

— Куличок, сбегай скорей, живо пусть идет.

Куличок отправился. К сове пришел, та все на том же месте сидит.

— Сова, звали тебя, иди же скорей. Я, к тебе бегая, обессилел совсем.

— Ты иди, скажи Верхнему Духу, окно пусть настежь раскроет.

Вернулся куличок.

— Ну как, идет?

— Идет. Она так сказала: «Окно пусть настежь раскроет».

Верхний Дух окно раскрыл, поджидает. Сова прилетела, на подоконник уселась. Спиной внутрь повернулась, лицом наружу.

— Сова, что ты делала? — Верхний Дух спрашивает. — Куличок за тобой три раза ходил.

Сова не отвечает.

— Я всех птиц, рыб, зверей убить хочу, — Верхний Дух продолжает, — из их костей дом построить. Ты что скажешь?

Сова ни звука. Молча сидит, на улицу смотрит.

— Сова, ты как думаешь, можно всех убить?

Сова молчит.

В третий раз Верхний Дух спрашивает:

— Ну, что ты думаешь?

— Ничего не думаю.

— А что ты не отвечаешь?

— Я вот о чем думаю: засохших деревьев на земле больше или растущих больше?

— Растущих больше, — Верхний Дух говорит, — сухих меньше.

— Ха! Сухих больше.

— Как так больше? Я думаю, сухих мало.

— Нет. У которого дерева сердцевина сухая, то дерево я живым не считаю. Только то не сухое, у которого сердцевина здоровая.

— Ну, тогда верно. Сухих деревьев больше.

— А, Верхний Дух, как, по-твоему, живых людей больше или мертвых?

— Конечно, мертвых меньше. Живых очень много!

— Не-ет, я думаю, мертвых больше.
— Почему же больше? Когда умереть успели?
— А вот почему. В котором человеке болезнь есть, работать он не может, того я мертвым считаю¹.
— Верно, правда твоя. Здоровых людей мало, больных много.
— А вот еще, как думаешь: женщин больше или мужчин больше?

— Мужчин больше,— Верхний Дух решил.
— Нет,— сова сказала,— женщин больше.
— Хэ! Почему так?
— А потому что, если мужчина своим умом не живет, а женщину слушает, то он и сам женщина. Так и получается, что женщин больше. Ты вот мужчиной был, а теперь я тебя женщиной считаю.

— Почему меня женщиной считаешь?
— Женщина сказала: «Рыб, птиц, зверей всех поубивай, а из костей дом построй», а ты и слушаешь. Ты не своим, а женским умом живешь, оттого я тебя женщиной и считаю. Ты — женщина.
— Нет, нет, я женщиной не буду. Рыбы, птицы, звери, расходите все. Не буду я вас убивать.

Птицы разлетелись, звери разбежались, рыбы уплыли. Верхний Дух говорит:

— Сова, ты меня так больше не называй!
— Ты женщины слов послушал, рыб, зверей убить хотел, а теперь и сам вроде женщины стал! — сова сказала и улетела.

Сова улетела, а Верхний Дух со зла жену схватил и бить ее начал. Немного поодаль от дома в нижний мир дыра была. Верхний Дух жену туда сволок и вниз сбросил. Один жить остался.

Однажды сестра его вернулась:

— Жена твоя где?

Не отвечает.

Сестра искать принялась. Искала, искала, наконец след нашла, где Верхний Дух жену тащил. К отверстию подошла. Поняла, что невестка отсюда сброшена. Лестницу сделала, на землю спустилась. Видит, большая гора стоит.

Думает: «Невестка моя, наверно, здесь».

Стала вход искать. Искала, искала, найти не может. Кольцо с пальца тогда сняла, в гору бросила. Каменная дверь, железная дверь отворилась. Внутрь зашла. Невестка ее действительно здесь живет. Мальчика родила. Вместе жить стали.

Верхний Дух, один оставшись, загрустил.

— Довольно уж,— говорит,— пойду поищу, куда мои ушли. На землю спустился, гору увидел. В горе, слышно, разговаривают. Думает: «Однако, здесь живут».

Стал вход искать, никак не может найти. Сколько раз гору обошел, ничего не нашел. Внутри горы разговаривают. Жена говорит:

— Пущу его, пожалуй.

— Не пускай,— золовка говорит,— прошлый раз драться уж очень горазд был.

Верхний Дух наконец вовсе измучился, плакать стал. Просить начал:

— Впустите! Больше так делать не буду.

— Я открою,— сын говорит,— впусти его.

Каменную дверь, железную дверь открыли, впустили Верхнего Духа к себе.

Долго, коротко жили, и вот сестра Верхнему Духу говорит:

— Возвращайся наверх. Мы с племянником к светлой Оби, к рыбной Оби отправимся.

Распрощались и отправились. Жена Верхнего Духа в горе жить осталась. Теперь люди, когда ее поминают, называют Сакв-талях-нёр-эква — Верховий Реки Ляпин Горная Женщина.

Тетка с племянником на Обь пришли², там жить стали. Сказочному человеку, песенному человеку долго ли вырасти? Мальчик подрос, тетка ему калдан связала. Говорит:

— Ты, племянничек, пойти в лес, лодку вытести.

Мальчик собрался, пошел. Кедр выбрал, срубил. Вершину отсек, ствол пополам расколол, выдолбил, в шести местах распорки вставил. Лодка готова. Другой кедр срубил, расколол, обтесал, весло вытесал. Челнок на воду спихнул, от берега оттолкнулся, на колени стал и гребет. От носа загребает, у кормы выгребает. От лодки волны в обе стороны разбегаются, в берег бьют. Мимо мыса проедет — мыс яром становится, мимо яра проедет — на яру мыс вырастает.

Тетка его дома сидит. Вдруг слышит: то ли гром гремит, то ли ветер бушует. Из дома вышла. Видит: это племянничек ее плывет, с такой силой загребает, что от весла ветер поднимается, за кормой волны ходят.

— Э, племянничек, как ты гребешь? Смотри, так и воды зачерпнуть недолго.

— Уж как умею, так и гребу.

Тетка ему калдан дала.

— А куда мне ехать?

— Тут вот, пониже, мыс есть, народ все против того мыса калданит. Туда и поезжай. На место как приедешь, деда поджидай. Он тебя калданить выучит.

Эква-пырьсь на мыс приехал. Видит, старик в маленьком челночке гребет. У челночка борта красной охрой выкрашены.

— Внучек, куда отправился? — старик спрашивает.

— Калданить приехал.

— Ну, давай покалданим.

Сетки опустили, потихоньку вниз плывут. Вдруг дед сетку поднял, с силой к берегу грести стал.

— Внучек, иди скорей, бери, осетрище большой попался.

Эква-пырьсь осетра взял, в лодку положил. Осетр через всю лодку лежит. Распрощался с дедом мальчик и домой поехал. Дома к берегу причалил, лодку на берег выдернул. Кричит:

— Тетушка, тетушка, ко мне в лодку глазастый черт забрался, съест меня хочет!

Тетка к реке кинулась, к лодке подбежала:

— Э, племянничек, ведь это осетр.

— А я думал — черт. Чуть со страху не умер.

— Чего же ты, племянничек, боишься? Это дядька твой нам жертвенного осетра подарил.

Осетра на берег выволокли, сварили, жертву принесли.

Тетка говорит:

— Ты знаешь ли, кто этот старик был?

— Откуда же мне знать?

— Это мой брат, Топал-ойка, был.

134. Как Эква-пырись встретился с птицей Товлынг-карс

Бабка Эква-пырисю соболиную одежду и рукавицы сшила, шапку сделала. Эква-пырись оделся, шапку до глаз надвинул:

— Бабушка, пайди меня.

Бабка смотрит: нет внука. Ищет, ищет, найти не может. Эква-пырись шапку вверх сдвинул, тут и стоит. Как шапку надвинет, так с глаз скрывается.

— Ну вот, бабушка,— говорит Эква-пырись.— Я иду. Жену искать, людей посмотреть пойду.

Распрощался со своей бабушкой и пошел.

Однажды идет, видит: маленький домик стоит. Зашел он туда. Смотрит: старик лежит. Голова в передний угол упирается, ноги у двери торчат. На подбородке у него клубок ниток лежит.

Эква-пырись шапку на глаза надвинул:

— Дедушка, здравствуй!

Старик подскочил, сел. Озирается — никого нет. Говорит:

— Чудится мне что-то. Урас голову путает. А то, может, смерть пришла!

Эква-пырись шапку назад сдвинул:

— Дедушка, здравствуй! Ты что, людей узнавать перестал?

— Эге,— старик говорит,— Эква-пырись, внучек, это ты тут колдуешь?

— А как же, дедушка, понятно я, а то кто же!

Старик подивился, всякой хмельной и сладкой едой стол уставил. Ели, пили, старик говорит:

— Я что-то тебе дать хочу. Этот клубок ниток тебе дам. Если в какую беду попадешь, меня вспомни.

— Ну вот, дедушка, теперь я пойду. Доброго сна тебе.

Эква-пырись старику спасибо сказал, попрощался и дальше пошел. Близко шел, далеко шел, однажды глаза опустил, домик увидел. В домик зашел, смотрит: старик лежит, спит. Голова в передний угол упирается, ноги в двери высунулись.

Эква-пырись шапку на глаза надвинул:

— Дедушка, здравствуй! Что до этой поры спишь?

Старик подскочил, уселся. Всю избушку осмотрел — никого нет. Снова улегся.

— Это,— говорит,— смертушка моя приходила.

Эква-пырься шапку на затылок сдвинул:

— Эй, дедушка! Ты что, человека не видишь, что ли?

— Э,— дед говорит,— Эква-пырься, внучек, это ты меня морочишь?

— А как же! Конечно, я, кому больше!

Встал старик, сладкую и хмельную еду на стол поставил. Есть, пить стали. Поели, попили, дед говорит:

— У меня здесь горноста́я шкура есть, я тебе ее дам. Если в беду попадешь — в шкуру залезай.

Эква-пырься шкурку взял, старику спасибо сказал и дальше пошел. Долго шел, коротко шел, однажды, глаза опустив, землянку увидел. Зашел туда, видит: старик лежит. Макушкой передний угол подпирает, ноги в двери уперлись. Спит старик. Эква-пырься шапку на глаза надвинул:

— Дедушка! Ты что столько спишь? Здравствуй!

Старик поднялся, вокруг посмотрел, никого не увидел. Лег обратно и думает: «Видно, смерть моя пришла».

Эква-пырься шапку назад сдвинул:

— Э, дедушка, ты, видно, людей узнавать перестал.

— Эква-пырься, внучек, это ты тут шутишь?

— А кто же больше? Конечно, я!

Старик поднялся, разной еды приготовил. Есть, пить стали. Поели, попили, дед говорит:

— Внучек, ты куда идешь?

— Куда иду? Землю осматриваю, жену себе ищу.

— У меня здесь что-то есть,— старик говорит.— Вот носатой мыши шкурка. Я ее дам тебе. Если в какую беду попадешь — в эту шкурку залезай.

Старик Эква-пырьсю шкурку отдал. Эква-пырься спасибо сказал, со стариком попрощался и дальше пошел. Долго шел, коротко шел, однажды вниз посмотрел, землянку увидел. Зашел туда, видит: старик лежит. Головой в передний угол уперся, ноги в двери высунулись. Эква-пырься шапку на глаза надвинул, крикнул:

— Здравствуй, дедушка! Что так долго спишь?

Старик поднялся, весь домик осмотрел. Никого не видеть. Обратно лег. «Видно, смертушка пришла,— думает,— что-то мне чудиться стало».

Эква-пырься шапку назад сдвинул:

— Здравствуй, дедушка. Ты что, человека не видишь, что ли?

— Эге, Эква-пырься, внучек, это ты меня морочишь?

— Конечно, я! Кому же больше?

Старик поднялся, разной еды приготовил, есть, пить стали. Поели, попили.

Старик говорит:

— Ну, впрочем, что же тебе подарить? Есть у меня топорик старый, возьми его себе. Его именем назовись. Теперь имя твоё пусть будет Унтвос-лайм-ими-хиты². В беду если попадешь, в несчастье окажешься или колдовать станешь, этот топорик держи.

Эква-пырпс топорик взял, в карман сунул, спасибо старичку сказал и дальше пошел.

Далеко шел, коротко шел, однажды к городку пришел. Одна сторона городка развалена, дома погнили, наземь попадали. В городок вошел, народ говорит:

— Неведомый человек, Унтвос-лайм-ими-хиты, пришел.

В том городке вождь по имени Усынг-отыр-ойка был. Унтвос-лайм-ими-хиты поздоровался с вождем, гостить у него остался.

У Усынг-отыра дочь была. Унтвос-лайм-ими-хиты к ней свататься начал.

Отец говорит:

— Вот ты ко мне в город пришел, так смотри: раньше город большой был, а теперь и половины не осталось. От нас тут близко горячее море есть, посреди этого моря две птицы живут. Они мой город разрушили. Если ты богатырь настоящий, этих птиц убей, тогда я тебе свою дочь отдам. Калыма с тебя никакого не возьму.

Унтвос-лайм-ими-хиты говорит:

— А тем птицам как же имя будет?

— Имя им — Товлынг-карс.

— Ну что же, пойду и убью.

Пошел.

Однажды пришел к морю с горячей водой. К берегу спустился. Вдаль смотрит, посреди моря высокая лиственница виднеется. А на вершине той лиственницы — гнездо. Через море переправился, до подножия лиственницы той добрался. Смотрит: на стволе ни сучочка, ни задоринки. Как наверх влезешь? Вынул из кармана горностаевую шкурку, влез в нее, горностаем на лиственницу взбираться стал. Долго, коротко взбирался, обессилел. Вынул из кармана шкурку носатой мыши. Влез в нее и снова взбираться стал. Наконец рукой до края гнезда достиг. Вынул из кармана волшебный топорик; одной рукой за край гнезда схватился, в другой топорик сжимает, в гнездо вскочить собрался. В тот момент появилась внезапно Не Имеющая Сердца и Печени Железная Лягушка. Из-под гнезда вылезла и убить его намеревается. Унтвос-лайм-ими-хиты топориком размахнулся, ударил. Между глаз лягушке попало. Лягушка закричала, сорвалась и вниз полетела. Наземь упала, только ухнуло. Насмерть расшиблась.

Унтвос-лайм-ими-хиты в гнездо влез.

В гнезде два птенца Товлынг-карс сидят. Говорит им:

— Вы что же не взлетаете?

— Как же мы взлететь могли? На дне гнезда жила Не Имеющая Сердца и Печени Железная Лягушка. Только мы взлететь

соберемся, она нам крылья грызть начинает. Мы поэтому и не взлетали. Мы вот только что лететь думали. Лягушка нас не пускала. Если бы ты не пришел, она опять нам крылья грызла бы. А теперь гляди, как мы летать будем.

— А ну, верно, посмотрю, как вы летаете. А если не полетите, я вас обеих своим волшебным тонориком зарублю.

— Нет, мы взлетим, ты смотри только.

Взлетели. Долго летали. Лиственница из глаз у них исчезать стала, вот куда летали. Вернулись, в гнездо спустились, говорят:

— Ты, Унтвос-лайим-ими-хиты, спрячься скорее; отец наш летит.

И верно. Смотрит: летит Товлынг-карс, в когтях человека в белой парке несет. Когтями в волосы вцепился. Прилетел, человека в гнездо бросил. Птенцы говорят:

— Мы человека есть больше не будем. Мы его из гнезда выбросим.

Схватили человека в белой парке и бросили его вниз. Унтвос-лайим-ими-хиты думает: «Песнь моя вдаль пусть летит, слово мое вдаль пусть несется! Этот человек в белой парке, на землю упав, пусть не расшибется. Глаза его куда глядят, туда пусть пойдет».

В то время птенцы Товлынг-карс говорят:

— Мать наша возвращается.

Товлынг-карс прилетела, женщину в белой ягушке, за волосы держа, принесла. В гнездо бросила.

Птенцы говорят:

— Мы людей больше есть не станем.

Эту женщину из гнезда выбросили.

Унтвос-лайим-ими-хиты думает: «Песня моя вдаль пусть летит, слово мое вдаль пусть несется, эта женщина в белой ягушке, на землю упав, пусть не разобьется. Глаза ее куда глядят, туда пусть пойдет».

— Мы людей больше есть не будем,— опять птенцы говорят.— Если бы к нам такой человек не пришел, что с нами было бы? Он Не Имеющую Сердца и Печени Железную Лягушку убил, нас обоих спас. Как мы можем теперь людей есть?

— Где же ваш человек? — Товлынг-карс спрашивает.

— А мы уж его тут спрятали.

— Покажите.

— Нет, не покажем, вы его, пожалуй, съедите.

— Нет, зачем мы такого богатыря есть станем? Покажите его, мы с ним как-нибудь поладим.

Птенцы Унтвос-лайим-ими-хиты отцу с матерью показали. Те его обняли и поцеловали. После этого птенцы с матерью взлетели и из гнезда вылетели.

— Вы в нашу землю обратно летите,— Товлынг-карс-старик им сказал,— а я с Унтвос-лайим-ими-хиты здесь останусь. Он если в беду попадет, я ему помогу.

Птенцы с матерью улетели. Старик Товлынг-карс говорит:

— Унтвос-лайим-ими-хиты, внучек, садись мне на спину.

Тот уселся. Товлынг-карс взлетел, к Усын-г-отыра городку его понес. К городку подлетели. Товлынг-карс на землю опустился, говорит:

— Ты иди, скажи: я его убил.

Унтвос-лайим-ими-хиты пришел в город, его спрашивать стали. Отвечает он:

— Я убил.

Усын-г-отыр дочь отдать согласился.

— Я дочь отдам,— говорит,— только ты для пира еду достань. На том конце земли,— говорит,— золотой окунь есть. Этого окуня если привезешь, девушка твоя будет.

— Ладно, я схожу.

Эква-пырьсь к Товлынг-карсу пошел.

— Ну как, внучек? — тот спрашивает.

— А вот, говорят, на том конце земли золотой окунь живет. Его достать велено.

— Ну что же, внучек, садись ко мне на спину, полетим туда.

Поднялся Товлынг-карс, полетели они. Летят, бегущих облаков касаются. К ледяному морю прилетели, опустились. Лед продолжили, вниз смотрят. Разные рыбы плавают. Видят, сорожка-рыба плавает.

— Поймаем ее,— говорят.

Поймали. На лед вытащили. Сорожка на льду лежит мерзнет. Плакать стала.

— Сделайте добро, отпустите меня. Я очень мерзну. Я знаю, где золотой окунь живет, его обмануть сумею и к вам приведу.

Опустили тогда сорожку в воду. Немного погода она золотого окуня привела. Вместе с ним около проруби плавают. Товлынг-карс изловчился, золотого окуня когтями схватил, на лед выволок. Говорит:

— Ну, Унтвос-лайим-ими-хиты, теперь окуня мне на спину положи и сам садись.

Эква-пырьсь окуня Товлынг-карсу на спину взвалил, сам уселся, полетели. Близ города на землю опустились. Товлынг-карс спрятался, Эква-пырьсь говорит:

— В город придешь, скажешь: «Очень устал я, тащить больше не могу. Запрягите лошадей!» Спросят: «Сколько лошадей надо?» — «Трех лошадей запрягите».

Как Товлынг-карс сказал, так и случилось. Трех лошадей запрягли, еле-еле они золотого окуня довели.

Усын-г-отыр говорит:

— На том конце земли, говорят, живет птица по имени Сат-нематур-шишки. Если ее достанешь, девушка твоя будет.

— Ладно, достану,— Эква-пырьсь отвечает.

Пошел он к Товлынг-карсу, рассказал ему все.

— Ну что же,— тот говорит,— садись ко мне на спину, полетим.

Полетели. Долго ли, коротко ли летели, однажды к тому месту, где Сат-нематур-шишки живет, прилетели. Товлынг-карс говорит:

— Ты здесь останься, а я ее поймаю.

Пошел он в лес, Сат-нематур-шишки поймал. Обрато полетели. У городка на землю спустились. Товлынг-карс говорит:

— Ты иди, а я здесь спрячусь. Придешь, так скажешь: «Я очень устал, дотащить птицу не могу. Запрягите лошадей!» Спросят тебя, сколько лошадей надо, скажешь: «Трех лошадей запрягите».

Как Товлынг-карс говорил, так все и вышло. На трех лошадях еле-еле птицу довели. Усын-отыр говорит:

— Ну ладно, теперь дочь отдам.

Наутро Унтвос-лайим-ими-хиты думает: «Ну-ка, схожу я к старику Товлынг-карсу».

Пошел к нему, Товлынг-карс говорит:

— Вот что, внучек, достань ты мне три моих маховых пера. Они у мамонта находятся. Если эти перья у меня будут, я таким сильным стану, как повернусь — земля задрожит. Ты пойдй, внучек, к мамонту. От его рогов три отростка³ у меня находятся. В старое время мы с ним воевали, он у меня три маховых пера выдернул, а у меня от его рогов отростки остались. Так ты мне, внучек, принеси перья, а мамонту в обмен отростки отдай.

Эква-пырьсь отростки взял и отправился. Долго ли, коротко ли шел, дошел до горячего моря. Старик-мамонт на берегу сидит. Эква-пырьсь ему отростки отдал. Мамонт их взял, на место приставил, они и приросли.

Говорит:

— Еще три отростка женщины Пор у меня захватили. А у меня семь их пальцев есть. Ты, внучек, им пальцы отнеси, а отростки возьми.

Отправился Эква-пырьсь. Близко ли, далеко ли шел, наконец к тому месту пришел, где женщины Пор жили. Отдал им пальцы, три отростка от рогов мамонта у них спросил. Они ему отростки дали. Эква-пырьсь обратно к мамонту пошел. Отростки ему отдал. Мамонт их на место приставил, они сразу и приросли.

— Ну вот, внучек, — мамонт говорит, — теперь я таким сильным стал, что, если пошевелюсь, вся земля затрясется.

Мамонт три маховых пера отдал. Эква-пырьсь перья взял, с мамонтом простился, назад пошел.

Недалеко отошел, видит: дом стоит. К дому приблизился, женщину увидел. В доме одежда красивая висит. Унтвос-лайим-ими-хиты эту одежду себе взять задумал.

Старуха говорит:

— Унтвос-лайим-ими-хиты, ты эту одежду взять не думай.

— А я возьму.

— Если возьмешь, я тебя убью.

— Нет, тебе меня не убить. Я мимо тебя пройду, ты меня не увидишь.

Шапку по самые глаза надвинул, в домик зашел, одежду взял и убежал. Долго шел, коротко шел, слышит — погоня за ним.

— Ты иди, иди, я тебя все равно догоню! — старуха кричит. — Знай, ты меня хоть и убьешь, моя тень тебя задушит!

Вскоре догнала. Схватила, биться стали. Долго бились, наконец Унтвос-лайим-ими-хиты изловчился, топориком старуху ударил и убил. Дальше пошел. Долго шел, коротко шел, в одном месте опять погоню слышал: старухина тень его догоняет. Теперь Унтвос-лайим-ими-хиты с тенью сладить не смог. Одежду отняла, а самого в камень превратила. Лежит Унтвос-лайим-ими-хиты и думает: «Эй, вот если бы теперь мой дед сюда пришел!»

Только подумать успел, кто-то концом посоха по камню стукнул. Камень раскололся. Эква-пырьсь из камня вышел. Видит: дед перед ним стоит, тот самый, что клубок ему подарил. Вместе дальше отправились. Долго ли, коротко ли шли, наконец до Товлынг-карса добрались. Эква-пырьсь ему перья отдал. Товлынг-карс перья в крыло вставил, они туда и вросли.

Товлынг-карс с Эква-пырьсем попрощался, поднялся и улетел. Эква-пырьсь с дедом в городок отправились. В городке уже к свадебному пиру все готово. Семь дней, семь ночей угощались. Пировать кончили, Унтвос-лайим-ими-хиты с женой из дома вышел, из кармана мешочек вынул, жену в него положил и снова в карман засунул. Потом к бабке своей домой пошел. Пришел домой, бабка его увидела, обрадовалась. Стали обниматься, целоваться. Потом Унтвос-лайим-ими-хиты мешочек из кармана вынул, жену свою из него извлек. И зажили они все вместе.

135. Как Эква-пырьсь в страну Мортим-ма летал

На неизвестно откуда появившейся тундровой кочке сестра с братом одни в доме живут. Эква-пырьсь с сестрой живут. Матери не имеют и отца не имеют. Так и живут. Братец вырос, ходить начал. Однажды собрался, на лошадь сел и поехал. Еду-чи, думает: «Я уехал, а сестра моя там, поди, мучается». В тот же миг сестра голос свой подала. Она позади него на лошади сидела. А он и не знал, с ним сестра или нет.

Ехали, ехали, однажды остановились. Сестра говорит:

— Здесь впереди дом есть. В доме три человека живут. Туда приедем, лошадь снаружи привяжешь. С теми тремя людьми есть сядешь, не думай: «Сестра моя есть хочет». Если так подумаешь, они узнают. Не думай так.

Поехали. Приехали в поселок. Эква-пырьсь в дом вошел. Чай вскипятили, есть-пить сели. Когда чай пили, про себя подумал: «Я ем, а сестра там, поди, есть хочет». Три человека говорят:

— Если сестру имеешь, почему в дом не зовешь?

Позвали ее, вместе чай пьют. Попили. Три человека говорят:

— Сестру свою нам отдай!

- Я разве хозяин, — отвечает, — сестра сама сказать может.
— Живи у нас! — сестре говорят.
Эква-пырьсь сестру спрашивает:
— Будешь жить здесь?
— Меня отдал, как я жить не стану? — сестра отвечает.

Эква-пырьсь распрощался, уехал. Долго ли ехал или близко ехал, однажды на берег реки выехал. На солнечную сторону, такой хороший бережок. Лошадь в обгорелый пенъ превратил. На пригреве лег и уснул¹.

Весна настала. Утки лететь стали. Гуси, лебеди летят. Однажды проснулся, видит: гусыня летит. Одиночная гусыня летит. Эква-пырьсь гусем обернулся. Куда одиночная гусыня улетила, туда погнался. Догнал, вместе жить стали. К морю улетели. На море жили, три гусенка у них появилось. Вырастили их. Осень настала, в Птичью страну лететь собрались. Когда к тому месту подлетели, где он прошлую зиму спал, Эква-пырьсь на землю опустился. Опустился и спрятался. Гусыня вперед улетила, дети его вперед улетели. Сколько-то времени прошло, искать его назад вернулись. Сколько ни кричали, сколько ни искали, найти не могли. Улетели.

Эква-пырьсь остался, на том месте живет. Зиму там прожил. Весна настала, утки летят. Три гуся опять прилетели, его ищут. Сколько ни искали, найти не могут. К морю улетели. Эква-пырьсь все на бережку своем лежит, спит. Осень наступила, гуси в Птичью страну потянулись. К тому месту, где Эква-пырьсь спрятался, подлетели, снова искать стали. Не нашли. Дальше полетели. В Птичью страну летящая гусыня думает: «Такой человек, как ты, зачем этакую мысль сотворил?» В тот миг, когда гусыня так подумала, выскочил Эква-пырьсь и за гусями погнался. Вместе с гусями в Птичью страну полетел. В Птичью страну, в страну Мортим-ма, прилетели, там живут.

В Птичьей стране старуха со стариком живут. Перелетные птицы у старухи через колени проходят. Когда проходят, перья у них красивыми становятся. Эква-пырьсь с другими птицами через колени Мортим-эквы пошел. Через колени пропущен не был. Человека в нем узнали. Мортим-эква через колени свои его не пустила. Дочь ее, в гусином облике к морю летавшая, узнала его. Вместе они в гусином облике на морской берег летали и в Мортим-ма пришли.

Старухой Мортим, Старухой Птичьей страны узанный, Эква-пырьсь на дочери ее женился. Эква-пырьсь Старухи Птичьей страны вятем стал. В стране Мортим-ма живут. Весна настала. Гусям на север лететь пора пришла. Перелетные птицы из Птичьей страны к морю потянулись. Эква-пырьсь с женой своей тоже туда летят.

Долго ли, коротко ли летели, до солнцем пригретого бережка добрались, на землю опустились. Эква-пырьсь обгорелый пенъ снова лошадау сделал. На солнцем пригретом бережке она семь лет, семь зим пробыла. Дочь Старухи Птичьей страны и Эква-

пырьсь людьми сделались, на лошадь сели, поехали. Поехали туда, где сестра их осталась.

К сестре приехали, поздоровались, целовались, обнимались. Семь дней гостили. Отгостили и в поселок на неизвестно откуда появившейся тундровой кочке отправились. Сестру свою не оставили, с собой взяли. Все вместе домой приехали, в дом вошли. В своем поселке все вместе жить стали.

136. Как Эква-пырьсь у Водяного дочь сватал

Эква-пырьсь с бабкой живут. Однажды зимой бабка по воду пошла. К реке спустилась, берестяным ведром воды зачерпнула. Вдруг вода в проруби закипела. Как в котле ключом кипит, распискивается. Бабка удивилась.

Говорит:

— Сколько живу, такого не видывала, чтобы в проруби вода кипела. Это что же такое будет?

Стоит, смотрит. Вдруг из проруби окунь выскочил, раза два трепыхнулся и человеком стал. Красивый такой, настоящий богатырь. Топорик вынул, чулки отвернул, от каждой голени по кусочку кости отколол. Из одного куска древко стрелы сделал, из другого — наконечник вытесал. Вместе связал, стрелу сделал. Неподалеку, на берегу, большой камень лежал. Богатырь стрелку на лук положил, лук натянул, пустил стрелу. Стрела камень насквозь пронзила¹.

Бабке говорит:

— Женщина, когда домой придешь, Эква-пырьсю так скажи: «В колдовстве и волшебстве если со мною сравняется², то пусть по моим следам идет в тот край, где жену найти сможет. Если же в колдовстве и волшебстве со мной не сравняется, то пусть не ходит».

Бабка ведерки взяла и домой пошла. Пришла домой, ведерки на пол поставила, вода в них, как в котле, кипит, на пол распискивается.

Эква-пырьсь говорит:

— Бабушка, ты по воду ходила, что-то видела? Какое слово мне принесла?

— Внучек, какое же я тебе слово принесу, по воду ходя, что увидишь?

Вода в ведерках того пуще кипит. На пол плещется.

— Хотя и говоришь ты, ничего не видела, никакого слова мне не принесла, однако что-то есть! — Эква-пырьсь говорит.

— Есть для тебя слово, внучек, — бабка говорит. — Из проруби в виде окуня человек вышел. От обеих своих голеней по кусочку отколол, из одного кусочка древко стрелы сделал, из другого кусочка наконечник вытесал. Эту стрелу в камень пустил, она камень насквозь пронзила. Потом мне так сказал: «Ес-

ли у Эква-пырися в волшебстве и колдовстве со мною сравняться сил хватит, по моим следам себе жену искать пусть идет. Силы если не хватит, пусть не ходит».

Эква-пырись со своего места вскочил, схватил лук и стрелы, лыжи надел и к реке побежал, на берег спустился. Чулки отвернул, взял топор, от обеих голеней по кусочку кости отрубил. Из одного кусочка стрелу вытесал, из другого — наконечник сделал. Вместе связал, наложил стрелу на тетиву, натянул лук, выстрелил. Стрела камень насквозь пронзила. Потом в прорубь шагнул, в воду опустился, идет.

Долго, коротко шел, в одном месте видит: человеческая рука валяется. В руке посох зажат. Эква-пырись руку себе оторвал, бросил. С одной рукой дальше пошел. В одном месте держащую лук руку нашел. Здесь и свою вторую оставил. Дальше идет: нога, от туловища оторванная, так вместе с лыжей и лежит. Эква-пырись одну свою ногу оторвал и вместе с лыжей тут же рядом бросил. На одной ноге дальше идет. Дальше идет, видит: еще нога с лыжей лежит. Эква-пырись вторую свою ногу оторвал, бросил. Так и идет. С одним туловищем дальше идет. Дальше видит: туловище без головы лежит. Эква-пырись туловище свое оставил, одна голова вперед покатилась.

Долго, коротко катилась голова, к туловищу подкатилась. Подкатилась и соединилась с туловищем. Еще прошел, руку свою нашел. Руку к туловищу приставил — сразу приросла. Дальше ногу нашел. И ногу к туловищу приставил. Потом вторую руку, вторую ногу отыскал, к туловищу приставил, снова человеком стал. В одном месте из проруби на землю вылез, дальше по следу идет. Долго ли, коротко ли шел, видит: слонец насторожен. Медведь, пополам разорванный, на приманку положен. Дальше идет. Так идя, к четырехсаженному дому Водяного пришел. На маленьких кустарничках сына Водяного лук и стрелы повешены. Эква-пырись лук и стрелы снял, на травинки повесил. Лыжи снял, поставил, за дверь взялся. Дверь открыл, заглянул внутрь. Вдруг вода хлынула. По всему дому волны так и ходят. На полу люди сежами промышляют, калданами калданы, неводят, запоры устроили — запорами промышляют, таймелей и нельм добывают.

Эква-пырись кое-как в дом вошел, уселся. В переднем углу старик со старухой сидят. У старухи волосы седые, а на голове гнездо орлиное. Старик тоже седой, на голове беркут гнездо свил. В стороне еще мужчина и женщина сидят. Мужчина спит, женщина шьет, соболей и зверей разных вышивает. Женщина нож схватила, мужчину в бок ткнула. Тот вскочил, говорит ей:

— Гость пришел. Ты что меня долго не будила? С каких пор голодный сидит. Эй, нярки мои, чулки мои, идите сюда! На ноги надевайтесь.

Нярки, чулки появились, на ноги мужчине наделись.

— Лыжи мои, идите сюда! Лук и стрелы мои, ко мне бегите!

Все появилось. Человек лыжи надел, лук и стрелы взял, в лес отправился. Недолго походил и вернулся. Трехлетнего лося на себе притащил. Лося ободрали, котел сварили. Мясо в чашку положили, перед гостем поставили. На один конец чашки женский нож положили, на другой конец мужской нож положили. Из чашки пар валит. Сын Водяного Эква-пырисю говорит:

— Ну, чего же ты ждешь? Почему есть не начинаешь? К чашке твоей, к чуману твоему товарища, если надо, выйди на улицу, позови. Товарища по еде сам ищи.

Эква-пырись из дома вышел. Смотрел, смотрел — никого не видит. Никакого товарища для еды найти себе не может. Повернулся назад, на порог ступил, только хотел в дверь шагнуть, как кто-то его за волосы схватил. Кверху тянет. Глянул он кверху: женщина его держит. Такая красивая! По одной косе соболя бегают, по другой косе птички порхают. За руки взялись, вместе в дом вошли, из одной чашки, из одного чумана есть стали. Поели, попили. Эква-пырись с ними жить остался.

Несколько дней прошло. Эква-пырись сыну Водяного говорит: — Послушай, я по своей земле, по своему дому соскучился. Бабка моя, сестра моя из ума у меня не выходят. Идти хочу. Сестру, если отдашь за меня, с собой возьму. Что же я тебе за нее дать могу?

— Зять! Сестру хоть сейчас бери, мне от тебя разве что надо? Ее у себя удерживать не стану.

Девушку снарядили. Эква-пырись с женой домой пошел. Домой пришли, вместе зажили. Семь лет, семь зим прошло.

Усын-отыр-ойка двух сыновей имеет. Однажды они к Эква-пырисю пришли:

— Эква-пырись, ты как жену нашел?

— Как я нашел, вам так не сумею.

— Пойдем вместе?

— Вы не сможете, я не пойду. Живите дома. Как я вас в такое место поведу?

Усын-отыра сыновья все просят, не отстают:

— Ну, сделай добро, не бойся, не подведем тебя. Может, сумею!

— Нет, друзья, я не пойду. С такой силой, как у вас, человек не выдержит. Вы сами в беду попадете и меня потянете. А мне стыдно будет.

— Ну, сделай милость такую, отведи! У нас силы хватит!

Долго просили, наконец согласился Эква-пырись.

— Ладно, — говорит, — как хотите. Выдержать надеетесь, так отведу, смотрите только, чтобы мне из-за вас в беду не попасть, не осрамиться.

Оделся Эква-пырись, из дома вышли. К реке спустились. Эква-пырись чулки отвернул, взял топор, от голеней по кусочку кости отколол, стрелу сделал, в камень пустил. Стрела камень насквозь пронзила. После этого Усын-отыра сын тоже топор взял, по ноге стукнул и заорал:

— А-на-на! Ноге больно!

— Я вам говорил ведь, что не сможете. Я с вами дальше не пойду. Силы вашей хватит — идите сами.

— Ну, сделай милость, пойдем дальше как-нибудь.

Эква-пырьс сам из ноги у них по кусочку кости достал, стрелы сделал. Сыновья Усын-отыра луки натянули, пустили стрелы. В камень попали. На три части разлетелись, наконечники в камне застряли.

— Хватит с вас, — Эква-пырьс говорит, — кончим это, все равно ничего не выйдет.

— Ну как не выйдет! Мы теперь как следует делать будем.

— Ну, пойдем, коли так.

Эква-пырьс сыновей Усын-отыра к найденному им дому привел. Когда в дом вошли, женщина спящего мужчину ножом ударила.

— Послушай, смотри, человека убила! — один из сыновей кричит.

— Сделай милость, замолчи. Из-за тебя в беду попадем!

Человек поднялся, говорит женщине:

— Что же сразу меня не разбудила? Гости пришли, сколько времени голодные сидят. Эй, нярки мои, чулки мои, на ноги надевайтесь! Лыжи мои, идите сюда! Лук мой, стрелы мои, скорее ко мне!

Нярки, чулки на ноги наделись, лыжи, лук, стрелы появились. Усын-отыра сын удивляется, Эква-пырьс говорит:

— Гляди-ка, сами идут!

Водяного сын в лес пошел. Недолго ходил, трехгодовалого лося на спине принес. Котел сварили, мяса в чашку наложили. На один конец женский нож положен, на другой — мужской нож.

Усын-отыра сыновьям говорят:

— Усын-отыра два сына, по еде товарища сами ищите.

Те из дома вышли. Кричат:

— Нам обоим товарищ нужен!

Хоть и кричали, никого не нашли. Домой повернули. Только на порог ступили, с крыши дома кто-то их за волосы схватил. Наверх тянет. Кверху глянули, видят — безобразной старухой за волосы схвачены. Вместе в дом вошли, за стол сели.

Два или три дня прошло. Эква-пырьс говорит:

— Ну, свояки, вы здесь живите или уходите, ваше дело, а я домой пойду.

— Мы тоже с тобой пойдем.

Тесть снарядил их, все вместе домой пошли. Сыновья Усын-отыра с безобразной старухой, женой своей, к Эква-пырьсу гости зашли. Долго ли, коротко ли погостили и домой собрались.

Семь зим, семь лет прошло. Сын Водяного к Эква-пырьсу в гости пришел. Два или три дня погостил. Зятю говорит:

— Ну, как думаешь, не сходить ли нам к своякам твоим, Усын-отыра сыновьям? Посмотрим, как они там с моей сестрой живут, добро их поглядим.

— Ну что же, смеха ради сходим.

Собрались, пошли. Долго ли, коротко ли шли, наконец добрались. В дом вошли.

Старуха, Усынг-отыра сыновей жена, сидит, шьет. Усынг-отыра сыновья рядом лежат.

Старуха гостей увидала, нож схватила, мужей в бок ударила. Те вскочили, заорали:

— А-на-на! Чего ты ножом колешься?

Гостей увидели. Говорят жене:

— Что же ты нас раньше не разбудила? Издалека пришли, есть хотят.

Мяса сварили, в чашку наложили, перед гостями поставили. Поели, попили. Сын Водяного говорит:

— Ну, пора домой.

Прощались и к Эква-пырису вернулись. Дня через два Водяного сын говорит:

— Пойду я. А ты потом еще к своякам сходи, посмотри, как после нашего ухода живут.

После ухода шурина Эква-пырь с к своим к собрался. Пришел туда, смотрит: весь городок сгорел, головешки одни торчат. Постоял, посмотрел и назад пошел. Два дня спустя к сыну Водяного отправился. Тот спрашивает:

— Ну, ходил к своим? Как живут?

— Ходил. Весь городок сгорел, одни головешки торчат.

— Ну вот, вперед наука. За колдовской силой пусть не гонятся.

Два или три дня Эква-пырь у шурина погостил, потом распрощался и домой пошел.

137. Как Эква-пырь Усынг-отыра морочил

Эква-пырь с бабушкой и младшим братом живет. Однажды лето все промышлял, очень много пищи на зиму наготовил. Зима подошла. Эква-пырь бабушке говорит:

— Мы запасы наши когда кончим? Не съесть нам самим всего. Пойди-ка товарища нам пощи.

Бабушка из дома вышла, покликнула. Ночь наступила, и менкв пришел. Пришел, в дверь залез, дверные косяки с мест своротил. Эква-пырь говорит:

— Ты что такой нескладный, зачем мне дом ломаешь?

— Не бранись, внучек,— менкв отвечает,— я сделаю.

Менкв назад повернулся, кулачком по косякам ударил, на место их поставил.

— Ну, внучек, я к тебе поесть пришел. У меня у самого еды совсем нет, наготовить времени не было, все лето бегал, кричал, песни пел.

— Ладно,— Эква-пырь говорит,— есть хочешь, пойдем.

Из дома вышли, к амбарчику подошли. Менкв в амбар залез, есть принялся. До тех пор ел, пока в амбаре ничего не осталось. Наружу вылез, говорит:

— Ну, внучек, еще есть еда?

Эква-пырьсь его к чамье привел. Менкв в чамью залез, все, что там было, съел.

Вылез и спрашивает:

— Ну, внучек, еще есть?

— Ничего больше нет, ты все поел.

— Больше коли нет ничего, я твоего брата съем.

— Ну,— Эква-пырьсь говорит,— что ты ненасытный такой! Подожди, я летом промышлять буду, осенью приходи, чего сейчас не хватило, тогда доешь. До осени только потерпи.

— Ну что ж, подождать можно.

Менкв ушел, Эква-пырьсь один остался.

Лето наступило, Эква-пырьсь промышлять пошел. Все лето промышлял, ничего почти не добыл. Связку юколы да четверть туеска рыбьего жира принес. Только всего и добыл.

Однажды Эква-пырьсь бабке говорит:

— Думается мне, умру я скоро.

И верно, вскоре умер. Похоронили его, связку юколы и четверть туеска рыбьего жира с ним положили. Зима наступила. Менкв пришел. Пришел, бабке говорит:

— Ну, бабушка, Эква-пырьсь мне еды приготовил?

— Э, внучек, какая там еда! Летом промышлять ходил, ничего не добыл, да и сам помер. Еду готова, и помер. Что и было еды, то вместе с ним положили.

— Ну, коли еды нет, я брата его съем,— сказал и брата Эквы-пырься проглотил.

Проглотил и ушел.

После ухода менкв Эква-пырьсь из похоронного места¹ вылез, домой идет. В одной руке туесок с рыбьим жиром несет, под мышкой связку юколы держит. Пришел домой, нарту делать начал. На другой день нарта готова была. Две правеежные палки вырезал, на нарту сел и поехал. Палками только подправляет, нарта сама бежит.

День едет, другой едет, по земле предков, по земле богатейшей несется. На третий день нарта обо что-то ударилась. Эква-пырьсь смотрит: два столба стоят. Кверху глянул: менкв стоит, о его ноги нарта стукнулась. Менкв Эква-пырься увидел, говорит ему:

— Бабка твоя сказала, что умер ты. А ты ездил?!

— Ну так что ж,— Эква-пырьсь отвечает,— хоть и умер? Человек разве совсем умирает? Все равно опять оживает. Вот я и ожил. А ты лучше скажи, братца моего зачем сожрал? Я тебя теперь убью.

— Не убивай меня,— менкв просит,— отпусти. Черного зверя, красного зверя сколько спросишь, отдам тебе.

— Человечья голова дорого стоит².

— Ну, сколько стоит, столько и дам. Отпусти только, сделай милость.

— Ладно, отпущу! Теперь за выкупом к тебе поедем.

Пошли к менкву. Эква-пырьсь полную нарту черным и красным зверем нагрузил. Домой потащил. Домой пришел, деревянных колышков натесал, по стенам наколотил, всю пушнину на колышки поразвешивал, пустого местечка на стенах не осталось. Потом в амбар сходил, мяса принес, в котел положил и варить повесил. Мясо сварилось. Эква-пырьсь собаку до отвала накормил, на спину ей пайву привязал. В пайву двух соболей и горностаев положил, еды всякой тоже положил. Собаку в лес отвел, там к траве привязал, сам домой вернулся.

Тем временем два сына Усын-гытыра к Эква-пырьсю в гости пришли. Пришли, постояли немного перед входом³, а затем в дом вошли. В передний угол — на место для гостей — сели. Эква-пырьсь всяческой сладкой и хмельной еды принес, гостей кормить стал. Гости едят, пьют, меж собою разговаривают.

— Смотри-ка,— один другому говорит,— вот промышляет! Сколько зверя повешено!

— Эква-пырьсь, какой ты охотник! Сколько зверя добыл!

— Я-то что, это у меня дружок есть, все он напромышлял. Сегодня из лесу прийти должен, а вот все нет что-то.

В это время в сенях зашумело. Эква-пырьсь поднялся, дверь открыл, собака с пайвой на спине вбежала.

— Вот он, охотничек мой, вернулся,— сказал Эква-пырьсь.

Развязал пайву, соболей и горностаю вынул:

— Мало принес. Раньше больше нашивал.

Усын-гытыра сыновья меж собою говорят:

— Послушай, смотри-ка, собака промышляет. Вот нам бы ее. Давай спросим, может, продаст? Сколько за нее захочет?

— Эква-пырьсь, продай собаку!

— Нет, не продам. Как без нее останусь?

Сколько ни просили — не соглашается. Эква-пырься бабка тоже просить за них стала:

— Ну, внучек, собака тебе к рукам прилипла, что ли? Продай уж. Видишь, люди как милости просят!

— Хорошо, отдам. Бабка за вас просит, ради нее отдам.

— Сколько за собаку хочешь?

— Трех лучших хапторок давайте.

Сыновья Усын-гытыра хапторок отдали, собаку взяли, домой пошли. Домой придя, пайву взяли, разной еды туда наложили, на спину собаке привязали. Собаку к лесу отвели.

— Пр-р... пошла, соболиный лес там!

Собака, оглядываясь, в лес побежала, а братья домой пошли. Только в дом зашли, слышат: на улице собаки грызутся. Выбежали, смотрят: со всего поселка собаки собралась, пайву в клочья рвут. Еду всю пожрали.

Другую пайву взяли, всяческой едой наполнили, собаке на спину привязали. Собаку подальше в лес отвели.

— Пр-р... пошла, Эква-пырися собачка, соболиный лес вон там! Собака, оглядываясь, в лес побежала, а братья домой вернулись. Только в дом вошли, слышат: собаки грызутся. Выбежали, смотрят: собаки все запасы поели и пайву в клочья разорвали.

— Эква-пырись нас обманул! — сыновья Усын-отыра кричат. — Пойдем убьем его!

— Не ходите, — отец их говорит. — Эква-пырись хитрец и колдун. Вы его убить не сможете.

— Нет, пойдем убьем его!

Эква-пырись уже знает, что его убить задумали. Из чамьи жирного мяса принес, в котел положил, варить повесил. Два полена отрубил, перед домом положил. Мясо сварилось, котел ключом кипит. Взял его Эква-пырись, из дома вынес, на поленья поставил. Котел и без огня все кипит.

Сыновья Усын-отыра пришли, за деревьями разговор их слышен:

— Здесь убьем или в дом зайдем?

Когда к двери подошли, видят: котел кипит. В дом вошли. Эква-пырись бабке своей говорит:

— Бабушка, поди-ка посмотри, котел, наверное, поспел. Гости пришли.

Бабка сходила, котел принесла, мясо в чашку положила. Эква-пырись с гостями есть сел.

Братья между собой потихоньку говорят:

— Послушай, вот котел-то! Сам собой, без огня варит! Нам бы такой котел! Давай спросим, может, он продаст!

— Эква-пырись, продай котел!

— Нет, не продам. Бабка стара, дрова ей рубить тяжело. Котел продам, как она будет?

— Ну, продай же!

Бабка Эква-пырися тоже говорить стала:

— Продай им котел, внучек. Что он тебе, к рукам прилип, что ли?

Эква-пырись согласился:

— Ну ладно, продам. Трех лучших хапторок если дадите, отдам котел.

— Отдадим, только продай.

Хапторок привезли, котел домой забрали. Домой пришли, в котел жирного мяса навалили, воды налили, на два полена у дверей поставили. Сами в дом ушли. Только вошли, слышат: собаки грызутся. Выскочили, видят: со всего поселка собаки собрались, мясо из котла все повывтаскивали и съели.

Разозлились братья, кричат:

— Эква-пырись нас опять обманул! Пойдем убьем его!

Отец им говорит:

— Не ходите, Эква-пырись такой хитрец, вам с ним все равно не сладить. Он колдун, вы его убить не сможете.

— Нет, мы пойдем убьем его!

Эква-пырьсь знает, что его убить собираются. Хапторку убил, горло ее взял, кровью наполнил, бабке на шею привязал.

Сыновья Усын-отыра пришли, ругаться стали:

— Ты что нас обманываешь? Собаку продал — собака не промышляет, котел продал — котел не варит.

— Э,— Эква-пырьсь говорит,— сами вы плохи. Собачка у меня кабы осталась, сколько, поди, еще добыла бы! Это все бабка моя! Она продать уговорила, из-за нее и продал.

Эква-пырьсь вскочил, схватил чукрей, оленье горло на бабкиной шее пополам перерезал. Бабка навзничь упала, кровью облилась.

Братья испугались.

— Смотри-ка,— говорят,— бабку убил!

Эква-пырьсь чукрей в бревно перед чувалом воткнул:

— Живого железа чукрейчик мой! Кого убил, оживи!

И ожила бабка. Поднялась, села, кровью плюнула.

— Послушай,— один брат другому говорит,— смотри-ка, какой ножичек! Вот бы нам такой в руки попал. Жены наши очень сварливы, а этим ножом мы их припугнули бы. Давай спросим, может, продаст?

— Эква-пырьсь, чукрей продай нам!

— Нет, не продам! Мы с бабкой только этим чукреем и держимся. Бабка стара, слаба стала, кровь пушу, ей легче делается.

— Продай, впучек,— бабка говорит.— Видишь, люди как милости просят!

За хорошую цену Эква-пырьсь нож отдал. Братья нож взяли, домой пошли.

Домой пришли, жены бранятся, смеются над ними:

— Куда вам с Эква-пырьсем тягаться! Где уж вам его хитрость постичь!

Братья рассердились, ножом Эква-пырься обеих жеп убили. Те упали, кровью облились. Братья нож в бревно втыкают, наговаривают:

— Живого железа чукрейчик! Кого убили — оживи.

Сколько ни паговаривали, все напрасно было. Не ожили жены.

Жен в лес отнесли, там оставили.

— Эква-пырьсь опять нас обманул. Пойдем убьем его!

Пришли к Эква-пырьсю. Бабка одна сидит. Эква-пырься дома нет. В юрте один угол платком завешан.

— Бабушка,— братья спрашивают,— там кто у тебя?

— Внучка моя там.

— А Эква-пырьсь где?

— Где ему быть? Лесоватъ ушел.

По дороге у одного из братьев нярок распоролся, у другого руковица разорвалась.

— Бабушка,— говорят,— внучка твоя нам это вот не зашьет ли?

— Давайте сюда, сделает.

Нярок и рукавицу взяла, в полог бросила. Совсем мало времени прошло — нярок и рукавица обратно летят.

Смотрят братья: то ли иглой зашито, то ли клеєм склеено. Шва не видно, и от иглы следа нет!

Братья оделись, с бабкой попрощались и ушли. Немного отошли, остановились:

— Послушай, у нас теперь жен нет. Вот бы нам эту девушку посватать!

Вернулись, бабке говорят:

— Бабушка, девушку за нас отдай.

— Внучка дома нет, без него не отдам. Он придет, ругаться будет.

Долго просили, наконец бабка согласилась. Сыновья Усынг-отыра домой сходили, калым принесли, девушку взяли.

— Домой придете, — бабка говорит, — девочка, пока не привыкнет, пусть дня два-три одна поживет.

Братья так и сделали. Жену домой привели, в отдельной юрточке поселили. На другой день дочери Усынг-отыра к ней пришли, купать ее зовут. Отправились. К реке спустились, дочери Усынг-отыра живо разделись, в воду попрыгали, а вновь привезенная женщина на берегу сидит, в воду не идет.

— Ты что же не купаешься? — спрашивают ее.

— Вы все разом нырните, тогда и я в воду залезу.

Девушки нырнули, она рубашку сняла и в воду бросилась. Нырнула, маленькой щучкой обернулась и поплыла. Щучка к другому берегу отплыла, на берег выбралась и Эква-пырисем обернулась. Вскочил он, в лес бросился и домой побежал.

Девушки из воды вынырнули, смотрят: женщины нет, одна рубашка на берегу лежит. Искать начали. Искали, искали — нет нигде. Не иначе как утонула. Оделись, с плачем домой бегут.

— Невестка наша сказала: «Нырните все разом», мы и нырнули. Из воды поднялись — ее нет нигде, только рубашка на берегу лежит. Утонула, бедная!

Усынг-отыр с сыновьями искать начал. Невод взяли. Неводили, неводили, не нашли нигде. Видать, унесло куда течением.

Осень настала, лед застыл, Эква-пырись нарточку свою взял, к Усынг-отыру в гости пошел. Долго шел, коротко шел, наконец поселок показался. Собаки залаяли. Дети говорят:

— Эква-пырись пришел.

Усынг-отыр по поселку рассказывает. Эква-пырись к нему подошел:

— Здравствуй, сватушко, сестра моя дома ли, нет?

— Милый сватушко, какой там дома! Еще летом купаться пошла, да так и не вернулась.

— Что ты болтаешь? Скажи, где она!

— Потерялась она. Мы искали, найти не могли. Откуда же теперь возьму ее?

Эква-пырись рассердился, кричит:

— Ты меня обманываешь! Куда сестру дел?

Усын-отыр Эква-пырися уговаривать стал:

— Ну, уж ты не сердись! Я за тебя свою дочь отдам. Хочешь и другую бери, только не сердись.

Эква-пырись согласился, обеих дочерей взял. А девушки его узнали. Меж собою говорят:

— Никакой тогда девушки не было, это он сам был, нас всех дурачил.

Услыхал Эква-пырись, что девушки его узнали, думает: «Ну, пусть только за дровами в лес пойдут».

Девушки вскоре нарту взяли, в лес по дрова пошли. Эква-пырись их в лесу нагнал, убил и на деревья повесил: «Зачем меня признали?»

Люди обеих девушек нашли. Говорят:

— Что такое, кто девушек убил?

Стали шамана искать, чтобы убийцу угадал. Усын-отыр спрашивает:

— Где бы шамана найти?

— Мухоморы Едящего Человека сын недалеко живет,— Эква-пырись отвечает.

— Сходи, пожалуйста, приведи его.

Эква-пырись ходил, шамана привел. Большой котел с мухоморами на огонь повесили. Шаман ворожить стал, мухоморы ест, в бубен бьет, ворожит. О проделках Эква-пырися вот-вот узнает!

«Доберется он до дела! — Эква-пырись думает.— Что бы такое сделать?»

Потихоньку меж людьми пробрался, из дома вышел. В сених берестяной короб с юколой стоит. Короб схватил, юколу на землю бросил. Со всего поселка собаки сбежались. Рыбу рвут, лают, грызутся. Эква-пырись дверь приоткрыл, крикнул:

— Чего тут ворожите? Враги пришли!

Люди на улицу бросились. Эква-пырись тем временем в дом заскочил, шамана схватил и в кипящий котел сунул. Потом на улицу выскочил, опять кричит:

— Что вы все из-за собачьей грызни убежали? У вас там человек в котел попал!

Люди вбежали, шамана из котла тащить принялись, а он уж мертвый. Что делать?

Усын-отыр Эква-пырися просить начал:

— Эква-пырись, сватушко, отвези его к отцу. Мы сами везти боимся. Чего только спросишь, все тебе дам — только отвези!

Эква-пырись шамана на нарточку положил, сам впрягся и повез. Долго шел, коротко шел, двух охотников встретил. Они под деревом стоят, соболя стреляют.

— Не стреляйте в эту сторону,— Эква-пырись кричит,— я пьяного везу, в него попадете!

Те не слушают, стреляют. Стрела кверху взвилась, вниз упала, около нарты в землю вонзилась. Эква-пырись стрелу схватил, мертвому шаману в лоб воткнул. Потом закричал:

— Только что говорил вам: не стреляйте сюда! Вот ваша стрела в моего человека попала. Теперь везите его сами!

— Мы не можем! Сделай доброе дело, отвези! Сколько за осень соболей добыли, все тебе отдадим — отвези только!

— Ладно, если так, то отвезу. Не обманите только!

— Как мы тебя обмануть можем? Если обмануть захотим, куда от тебя скроемся?

Эква-пырься дальше потащился. К Мухоморы Едящему старику пришел.

К двери подошел, крикнул:

— Дедушка, бабушка, открывайте!

Дверь открыли. Эква-пырься покойника вместе с нартой в дом толкнул. Сам закричал:

— Мухоморы Едящий старик! Убивают тебя! Черт к тебе пришел, задавить тебя хочет! Руби его, руби!

Старик испугался, топор схватил, сына в двух местах перерубил.

— Что ты, дурной, делаешь?! — Эква-пырься опять кричит. — Сына своего убил! Я только что тебе сказал: пьяный он.

Старик покойнику в лицо взглянул. И верно — сын. Разозлился, на Эква-пырься кинулся. Эква-пырься, от него убегаая, гагарой обернулся и взлетел. Мухоморы Едящий старик ястребом вдогонку пустился. Вот-вот нагонит, вот схватит. Эква-пырься к реке подлетел, сказал:

— Песня моя, вперед лети, слово мое, вдаль несись! Тонкой иглой сквозь лед пусть пройду!

Вниз бросился, тонкой иглой речной лед пронзил. В воду попал, щукой обернулся, дальше поплыл. Так плывя, другую щуку встретил.

— Куда плывешь? — ее спрашивает.

— В низовье вода замерзла, в верховья, к живой воде⁴, пробираюсь.

— Поплывем вместе.

Тем временем Мухоморы Едящий старик речку запором перегородил. В запор морду поставил. Эква-пырься с щукой к запору подплыли, туда-сюда сунулись: пролезть некуда. Говорит Эква-пырься щуке:

— Полежай в морду, а я за тобой следом.

А про себя думает: «Старик морду вытащит, а я в тот миг проскользну».

Щука в морду хоть и вошла, старик ее не вытаскивает. Знает, что не Эква-пырься это. Запор снизу все поднимается. Вода у запора задыхаться стала. Эква-пырься выдержать больше не смог, в морду зашел. Только успел зайти, Мухоморы Едящий старик морду из воды выхватил. Обоих щук на лед вытряхнул, старуху свою кликнул. Та щука уже застыла, Эква-пырься на льду бьется. Мухоморы Едящий старик дубину схватил, старухе Эква-пырься-щуку держать велел:

— Держи крепче, сейчас я его дубиной прихлопну.

Старуха шуку рукой схватила, держит. Старик размахнулся. В тот миг как ударил, Эква-пырьсь из руки выскользнул. Старухе руку дубиной перешибло.

— Теперь ты держи,— старуха кричит,— а я ударю!

Схватил старик шуку, держит. Старуха дубину взяла, замахнулась, изо всей силы ударила. Эква-пырьсь из руки вывернулся, старику дубиной руку перешибло.

— Навались на него,— старик кричит,— придави к земле, а я стукну!

Старуха на шуку навалилась, старик все силы собрал, замахнулся, ударил. Эква-пырьсь опять вывернулся, старухе удар по голове пришелся. Тут ей и конец был.

Эква-пырьсь тогда снова человеческий образ принял, дубину схватил, Мухоморы Едящего старика убил, домой пошел. Долго шел, коротко шел, до двух охотников добрался. Там соболя уже приготовлены были и на нарту сложены. Соболей забрал и дальше отправился. К Усынг-отыру пришел, тот ему черного и красного зверя полную нарту дал. Эква-пырьсь день ли, два тут погостил и домой ушел, две нарты добра за собой потащил.

138. Как Эква-пырьсь на охоту ходил

Жили Эква-пырьсь и его бабушка. Однажды внучек на улице играл, собака его в сторонке лаять принялась. Мальчик туда побежал, посмотреть, на кого собака лает. Видит: собака под деревом прыгает, вверх лает. На дерево посмотрел: там черный зверек сидит. К бабке вернулся, говорит:

— Бабушка, бабушка, дай мне что-нибудь, чем бы я убивать мог.

Дала ему бабка рукавицы из осетровой кожи¹:

— Как к черному зверю подойдешь, так рукавицы одну о другую потри, он сразу и упадет.

Мальчик рукавицы взял, из дома выскочил. Туда прибежал, рукавицы из осетровой кожи одна о другую потер — черный зверек так и покатился вниз. Подобрал, домой пошел.

— Бабушка, бабушка, что это за черный зверек? — спрашивает.

— А это, внучек, соболю. Таких соболей еще твой отец и предки добывали.

Живут. Вечер настал, спать легли. На другой день бабка соболиную шкуру выделала. В мешок, что без дела не развязывают, из которого вещи зря не выкладывают², ее положила. Внучка первую добычу, счастье его охотничье на самое дно мешка вместе с пупухами положила.

— Молодого охотника первую добычу вот мы и положили в мешок, что без дела не развязывают, из которого вещи зря не выкладывают. Пусть охотник счастливым будет! А шкурку эту смотри никому не отдавай!

На другой день Эква-пырись опять на улице играл, снова собака его в сторонке залаяла.

— Бабушка, бабушка, где мои рукавицы из осетровой шкуры?

Бросила ему их бабка:

— Лови их, миленький!

Из дома высочил, бросился к тому месту, где собака лает. Прибежал: собака на дерево лает. На дереве черный зверь сидит. Рукавицы из осетровой кожи одну о другую потер — тот с дерева вниз покатился. Подхватил его мальчик, потащил домой. Приволок, бабку спрашивает:

— Бабушка, бабушка, что это?

— Внучек, это росомаха. Еще твой отец, твои предки таких росомах добывали.

Выделала бабка шкурку, приготовила и тоже в мешок положила.

— Первую молодым охотником добытую росомаху положили мы в мешок, что без дела не развязывают, из которого вещи зря не выкладывают. Пусть охотник счастливым будет!

На другой день, когда мальчик играл, собака опять залаяла. Туда бросился, глянул, потом к бабке побежал:

— Бабушка, бабушка, светлый зверек какой-то сидит! Давай сюда мои рукавицы.

Подхватил рукавицы, что ему бабка бросила, и обратно побегал. Прибежал туда, рукавицы одну о другую потер — зверек так и покатился. Взял его и к бабке отнес.

— Бабушка, бабушка, это что за зверь?

— Это белка, внучек. Таких белок твой отец и твои предки еще добывали.

Выделала бабка шкурку беличью, приготовила и на дно мешка положила.

— Молодым охотником первую убитую белку положили мы в мешок, что без дела не развязывают, из которого вещи зря не выкладывают. Пусть охотник счастливым будет! А ты смотри эту белку никому не давай!

Вечер настал, спать легли. Утром встали, внучек говорит:

— Это в поселок столько зверя приходит. А пошел бы я в лес, вот там много добыл бы.

— Э-э, внучек, куда тебе в лес идти: ноги твои еще слабы, руки немощны.

— Нет, — говорит, — я пойду.

Заладил «пойду», что поделаешь?! Сделала бабка ему берестяной кузовок, снарядила его и говорит:

— По большой тропе не ходи. Отец твой по той тропе ходил, так и погиб. По маленькой, по правой дорожке отправляйся, а по большой не ходи.

Эква-пырись кузовок на плечи поднял, из дома вышел. Немного отошел, верно: дорога натрое разделилась. Две маленькие тропки в разные стороны пошли, а большая тропа меж ними прямо легла. На развилке нарта стоит, к дереву прислонена. По-

стромки, лямки тут же повешены. Нарту на землю опустил, кузовок свой на нее положил:

— Что это нарта здесь зря стоит? Возьму ее.

Собаку запряг, кузов к нарте завязками прикрутил, сам впрягся и вместе с собакой нарту потащил. Не долго думая, по большой тропе отправился. Немного они отошли, попалась им по дороге речка. Такая, что по ней и на лодке проехать можно, и веслом погрести можно. Эква-пырьсь остановился, думает: «В верховьях речки уже, наверно, какие-нибудь звери-животные водятся. Места там сырые да болотистые, по берегам и зверь держаться должен. Да, наверно, и кедровники есть. Пойду туда».

Вверх по речке повернул и пошел. Три плеса только прошли³, скалы к берегу подступили. Мыс скалистый только обогнули, в это время трехголовый менкв с криком да с хохотом со скалистого берега на реку скатился.

— А-ха-ха, внучек, как ты вырос! На промысел ходить стал! Меня товарищем, может, возьмешь?

— Да что я знаю? — Эква-пырьсь отвечает. — Ты вон старик, лес-то уж, конечно, сам знаешь. Ты меня товарищем, может, возьмешь?

— Нет, из поселка пришедший человек, эта тропа — твоя тропа⁴. Ты хозяин.

— Да ну пойдем, пойдем, — Эква-пырьсь говорит, — раз ты такую большую охоту, такое желание возымел. Пойдем.

Отправились.

— Внучек, — менкв говорит, — садись-ка ты на нарту, да и собачку свою тоже сажай. Нарта твоя, поди, не сломается!

— Нарта моя, дедушка, выдержит, — Эква-пырьсь сказал.

Взобрался на нарту. Едут дальше. Три плеса прошли, скалистый мыс к реке вышел. Мыс огибать стали, пятиголовый менкв с криком да с хохотом с мыса на реку скатился.

— А-ха-ха, внучек, вот как ты порос, на промысел уже вышел! Ты трехголового деда в товарищи взял, меня тоже прими.

— Давай присоединяйся, что плохого?

Теперь два менква нарту тянуть стали.

— Дедушка, ты кузов свой на нарту положи, — Эква-пырьсь говорит.

— Нарточка твоя не выдержит, сломается.

— Нарта моя не сломается, клади.

Положил пятиголовый менкв свой кузов на нарту и пошли они дальше. Три плеса прошли, со скалистого мыса, что к реке вышел, семиголовый менкв скатился. Кричит:

— Эге, внучек, человек-то, видно, подрастает да поспевает! Вон ты уже какой стал! Лесовать пачал! По дороге, по какой отец твой ходил, предки твои ходили, теперь и ты направился? Дедов своих товарищами взял, может, и меня примешь?

— Что же спрашиваешь? Уж если кто лес знает, так это ты!

— Э-э, нет, внучек. Эта тропа — твоя тропа. Ты хозяин, у тебя и спрашиваю.

— Ну пойдем, пойдем! Кузов свой ты на нарточку положи.

— Внучек, а не сломается она?

— Нет, моя нарта не сломается, выдержит.

Семиголовый менкв кузов на нарту положил, лямку взял, теперь все трое потащили. Так потащили, что снег вокруг нарты завиваться стал, точно в грозу облака клубятся. По лесу треск пошел, точно в грозу гром гремит. В ушах лишь посвистывает. Долго шли, коротко шли, добрались до болот в вершине речки. Там, где болота видны стали, на берегу лесная избушка стоит.

— Это чей дом, внучек?

— А я откуда знаю, — тот отвечает.

— Это отца твоего первый лесной дом⁵.

Дальше идут. В начале болота на берегу опять лесная избушка стоит.

— А это чей дом, внучек?

— Откуда ж мне знать?

— Это предков твоих средний лесной дом.

Опять дальше идут. Долго идут, коротко идут, за краем болота, на сопке, дом стоит. Стены из целых лиственниц, из целых елей сложены.

— Чей дом, внучек?

— Э-э, дедушка, откуда ж мне знать?

— Это, внучек, предков твоих дальний лесной дом. Отсюда они, бывало, назад поворачивали. Здесь их лесной тропы начало. А теперь, внучек, наруби-ка дров!

Эква-пырьсь взял свой тупой топорик, поднялся, стал дрова рубить. Рубить взялся — лиственницы да ели так и валятся. Нарубил, кончил. У трехголового менквы треухий медный котел, у пятиголового менквы пятиухий медный котел, у семиголового менквы семиухий медный котел.

— Ну, внучек, — говорят, — наготовь воды.

Эква-пырьсь воду готовить на улицу высочил. Котлы снегом набил, в дом втащил, посреди дома над очагом повесил. Снег растаял. Трехголовый менкв треухий котел выпил:

— Ага, внучек, с талой водицы и язык мой отмяк, глотка отошла.

Пятиголовый менкв пятиухий котел выпил:

— Ага, внучек, с талой водицы и язык у меня отмяк, глотка отошла. Полегче стало.

Семиголовый менкв семиухий котел весь выпил:

— Вот так, внучек, с талой водицы и язык у меня отмяк, глотка отошла. Теперь полегче стало, а то пересохло совсем.

Трехголовый котомку свою развязал, есть принялся. Семиголовый старик-менкв внучку вяленой рыбы и жиру отдельно положил:

— Внучек, поди, боится с нами есть. Где ему с нами тягаться! Нас, лесных духов, чертей, поди, опасается. Лесной дух ест — одним краем рта куски хватает, другим краем кости выплевывает.

Поели, спать легли. Семиголовый менкв говорит:

— Внучек наш ко мне за пазуху пускай ложится. У меня ягушка в семь слоев, не замерзнет.

Эква-пырись к нему за пазуху залез и уснул.

Настало утро.

— Внучек, вставай, эй, вставай! Что так долго спишь? С лесными духами спать, видно, не боишься.

Живо вскочил:

— Что, что, дедушка?

— Ты свою собачку привяжи к тому дереву, на которое я свой лук и стрелы вешал.

— Зачем это я ее туда привязывать буду? Что ты говоришь, дедушка?

Менкв не отвечает. Так больше ни слова не сказал и ушел.

— Ах ты, без отца, без матери! Да был бы ты здесь, я б все три твои головы натрое своим топориком изрубил! Говори! Коли лень было, зачем начинал?

Дрова рубить принялся. Тупым своим топориком рубит — только ели да лиственницы падают. Около полудня собака вдруг к тому дереву подбежала, на которое менкв свой лук да стрелы вешал, и лаять начала. Эква-пырись вверх глянул: на дереве черный-пречерный соболев сидит. В дом сбегал, взял свои рукавицы из осетровой кожи. Одну о другую потер — соболев наземь свалился. Шкурку содрал и в нярок под стельку спрятал.

— Старики лесуют, а я-то дома сижу. Мне могут ничего и не выделить. Что тогда бабке понесу?

Вечереть стало, трехголовый менкв пришел. Пришел, треухий котел за краешек схватил и разом выпил:

— Ага, внучек, теперь ладно. Горло немного смочил.

Вслед за тем и пятиголовый старик явился. Как прибежал, свой пятиухий котел за краешек схватил и одним духом проглотил, только пустой котел остался.

— Вот спасибо тебе, внучек. Воды выпил, горло смочил, теперь и язык шевелиться начал.

Только сказал, и старший, семиголовый менкв из лесу вышел. Как и первые, сразу котел свой семиухий подхватил, всю воду выпил. Выпил, говорит:

— Эге, внучек воды приготовил; как попил, так и горло отошло маленько. А то пересохло совсем.

Попили, распоясались. Как распоясались, так из-за пазухи у них соболя да белки посыпались. По столько добыли, что звери до колен ворохами падали. Ободрали, мясо в котел свалили, на огонь повесили. Сварилось, есть стали. Семиголовый менкв мальчику опять отдельно положил:

— С лесными духами-чертями где ему в еде тягаться! Лесной дух ест — одним краем рта куски хватает, другим краем кости выплевывает.

Мяса наелись, насытились.

— Внучек, — старший менкв говорит, — ты сегодня опять в мою семирядную ягушку залезай, там не замерзнешь.

Эква-пырись за пазуху к менкву залез, уснул.

Утро настало, проснулся.

— Что ты, внучек, до этакой поры спишь! Видно, нас, лесных чертей, не боишься!

— Чего мне бояться?

— Ты свою собачку,— говорит пятиголовый менкв,— подвяжи уже к тому дереву, на которое я свой лук да стрелы вешал.

— А зачем я ее туда привязывать буду? Что ты говоришь, дедушка?

Менкв ни слова больше не сказал, ушел.

— Ах ты неладный! Был бы ты здесь, я бы своим топориком все твои пять голов поотрубал. Коли говорить тебе лень, зачем начинаешь?

Дрова рубить принялся. Около полудня собака лаять стала. Лаает на то дерево, на которое менкв свои лук и стрелы вешал. Эква-пырись к тому дереву подбежал, вверх смотрит. Черный-пречерный соболев сидит. Домой сбегал, рукавицы принес, потер одну о другую — соболев с дерева наземь скатился. Шкурку содрал и в нярок под стельку засунул.

— Старики-то лесуют, а я все дома сижу. Они мне, поди, ничего и не выделяют. К бабке с чем приду? Хоть этого соболев принесу — и то ладно будет.

Соболев спрятал, котлы снегом набил, на огонь повесил. Вечереть стало, трехголовый менкв прибежал. Прибежал, котел схватил, воду всю выпил:

— Ну вот, внучек, я и горло смочил. Спасибо тебе, воды наготовил.

Только успел это сказать, как второй менкв появился. И тоже, как лыжи сбросил, так к воде. К темноте и старший, семиголовый менкв пришел. Выпил свой котел воды, говорит:

— Спасибо, внучек, что воды приготавил, а то горло все запеклось. Ну,— товарищам говорит,— распояшемся.

Пояса как распустили, так из-за пазух соболев да белки посыпались. По столыку набили, что звери до колен ворохами падали. Семиголовый менкв свою котомку развязал, говорит:

— Ну, завтра домой пойдем. Третий день лесуем. Если четыре дня лесовать будем, в лесу и зверя не останется. Белка кончится, соболев кончится. Нам четыре дня лесовать запрещено.

— Внучек наш,— трехголовый менкв говорит,— к бабке своей придет, что принесет? С дедами своими в долю вошел, а что домой понесет? Еще денек полесуем.

— А есть тогда что будем? — семиголовый менкв сказал.— Котомки наши уже пусты. Из моей котомки завтра съедим, да и впучку уже, поди, домой хочется. Нет, пойдем назад. Если лишнего лесовать станешь, то люди что есть станут? Сколько дней лесовать указано, столько и лесуй.

Шкурки снимали, мясо в котел свалили, на огонь повесили. Пока мясо варилось, добычу на четыре части делить стали.

— Куда же внучек наш свою долю уложит? — говорят. — Ведь вон сколько шкурок!

— А у меня кузовок есть.

Разделили, укладывать начали. Котомки полнехоньки наложили. Эква-пырись свои шкурки в кузов сложил, уминать стал, полкузова они места только и заняли. Тем временем котел готов был. Мясо выложили, есть стали. Поевши, укладываться начали.

— Внучек, ты опять ко мне за пазуху ложись, не замерзнешь. Улеглись. Эква-пырись к менкву за пазуху залез. Уснули.

Утро настало, поднялись, котлы на огонь повесили.

— Ну, внучек, что у тебя в котомке есть, доставай, поедим.

Достал. На четырех человек четыре кусочка вяленой рыбы да четыре комочка рыбьего жиру. Только всего и запаса.

— Четыре куса юколы да четыре комочка жиру, — младшие менквы говорят, — на человека по куску. Между зубов проскользнет, пожалуй, и не заметишь.

— А ты ешь, знай, — семиголовый менкв говорит, — у Эква-пырися еда никогда не кончится!

Есть принялись. Ели, ели, до отвала наелись, животы у всех полны. А есть кончили, все четыре куса юколы да четыре комочка рыбьего жиру обратно в котомку положили.

Котомки на нарту положили, внучка с собакой туда же посадили и в обратный путь отправились. К краю бора подошли, на болото вышли. Болото пересекли, дошли до речки, до той речки, по которой и на лодке проедешь, и веслом прогребешься. На лед спустились и в ту сторону, куда у речки течение идет, быстрина ее бежит, туда и сами пошли.

Долго шли, коротко шли, добрались до дороги семиголового менква. Стали они тут прощаться. Обнялись, поцеловались. Менкв, расставаясь, говорит:

— Вот, внучек, ты нас в товарищи принял, мы зверя всякого хорошо добыли. А не принял бы, как бы лесовать стали?

Старший менкв своей дорогой ушел, а остальные дальше вдоль речки направились. Менквы нарточку волокут, так что снег вокруг завивается, точно в грозу облака клубятся. По лесу треск разносится, точно в грозу гром гремит. В ушах только ветер посвистывает.

Долго шли, коротко шли, добрались до дороги среднего менква. Остановились, прощаться стали. Обнялись, поцеловались. На прощание пятиголовый менкв говорит:

— Вот, внучек, ты меня в товарищи принял, и я зверя всякого добыл. Если бы не принял, что бы я делать стал? В пустопорожном месте много не добудешь!

Пятиголовый менкв на свою дорогу свернул, а Эква-пырись с трехговым дедом своим дальше направились. Немного спустя пришли к его дороге. Распрощались, обнялись, поцеловались.

— Вот, внучек, ты нас в товарищи принял, и хорошо. Вон сколько зверя разного добыли. Если бы не принял, что делать стали бы? На пустопорожном месте много не налесуешь. Домой

придешь, если бабка твоя состарилась, так ты ее молоденькой сделай.

— А как сделаю?

— А уж как знаешь, так и сделаешь.

Расстались. Менкв по своей дороге пошел, а Эква-пырьсь дальше вдоль речки потащился.

Долго, коротко волочил он нарточку свою, наконец до дому добрался. Видит: трех углов у дома уже нет, завалились. Угол с чувалом еще стоит. Над трубой дымок чуть-чуть поднимается. Искорка одна вылетела. Эква-пырьсь в дом вошел. Входя, обледенелым концом посоха в очаг ткнул, огонь погасил.

— Ах ты, без отца, без матери, бродяга, лесной ворон! Погасил огонь, при котором внучек мой на свет появился! День и ночь не угасал он, берегла я его, а теперь вот тебе!

Эква-пырьсь бабуку свою за голову схватил, наружу вытащил, ногой ей поддал так, что в сторону она покатилась. В тот миг, как на землю упала, так молоденькой и сделалась. Красивой-раскрасивой девушкой, дочерью богатырской стала.

Тут они обнялись, поцеловались.

— Тебя поджидая,— бабка говорит,— день да ночь плакавши, как старуха я было стала. Огонь твой от угасания берегла, день и ночь его караулила.

Зажили они с того добра, что Эква-пырьсь с собой принес. И теперь живут, и счастливы. Конец.

139. Эква-пырьсь и женщина с кузовом

Эква-пырьсь с бабушкой живет. Эква-пырьсь говорит:

— Бабушка, сделай мне стрелу и лук.

Бабушка сделала ему стрелу из дерева, оставшегося от изготовления стружек. Эква-пырьсь на улицу вышел. Стрелу пускает. Пустил стрелу в пихтовый лесок. Пошел туда. Пришел. Сколько ни ищет стрелу, не находит. Вдруг появилась женщина с железным кузовом¹.

Идет, говорит:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Стрела у меня пропала.

Положила она Эква-пырься в железный кузов. Несет его. Эква-пырьсь тонким, как мышиный хвост, ножичком ковыряет стенки кузова. И вот сделал он дыру величиной с ушко иголки. После этого наружу вышел. Назад бежит. Стрелу нашел. Домой пошел. Бабушка говорит:

— Куда ходил?

— Никуда не ходил, на улице играл.

Опять на улицу пошел. Играет. Играя, пустил стрелу в пихтовый лесок. Стрела пропала. Сколько ни ищет ее, не находит. Вдруг подошла женщина с железным кузовом:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Стрела у меня пропала.

Женщина спустила Эква-пырися в железный кузов. Несет его. Эква-пырись тонким, как мышинный хвост, ножичком ковыряет стенки кузова. Ковырял-ковырял, сделал дыру величиной с ушко иголки. После этого наружу вышел. Назад бежит. Домой пришел. Бабушка говорит:

— Куда ходил?

— Никуда не ходил. На улице играл.

Дома немного побыл, опять на улицу пошел. Играет. Играя, стрелу пуская, потерял стрелу. Ищет ее. Хоть и искал стрелу, не нашел. Вдруг подходит женщина с медным кузовом. Говорит:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Стрела у меня пропала.

— Подожди же, теперь ты, наверное, больше не освободишься.

Положила она Эква-пырися в медный кузов и несет его. Эква-пырись, хоть и ковыряет стенки кузова тонким, как мышинный хвост, ножичком, никак не просверлит дыру. Тонкий, как мышинный хвост, ножичек сломался. «Ну уж,— думает,— что тут, убьют меня». Женщина явилась к дому. Кричит:

— Ребята, откройте дверь! Теперь озорник попался. Больше он уже не убежит.

Сняла кузов:

— Ну-ка, посмотрим, жив или нет?

Открыла крышку у медного кузова. Смотрит. Говорит двум дочкам:

— Подождите. Я сбегаю бересты надрать.

Пошла. После того как она ушла, Эква-пырись тихонько говорит:

— Ребята, выпустите меня. Я вам сделаю ковшик, точь-в-точь как ваши черепа.

Девочки про себя думают: «Правда, пусть сделает». Кузов развязали, Эква-пырися выпустили. Потом Эква-пырись говорит:

— Сбегайте на улицу. Принесите мне дерево для изготовления ковшов. Я не знаю, какое дерево будет пригодно.

Девочки пошли на улицу. Принесли одно дерево. Эква-пырись сюда рубанет, туда рубанет. Говорит:

— Девочки, какой величины ковшик я буду делать? Так не выйдет. Вы лягте сюда. Сделаю я его величиной с ваши головы.

Девочки легли туда. Эква-пырись головы у них отрубил. Думает: «Их мать скоро придет». Наложил в чуман горячей золы. Взял с собой горячий лом. Вышел на улицу. На большую листовенницу забрался. Вскоре пришла старуха. Увидела убитых детей и говорит:

— Эква-пырись, проклятый, убил моих детей!

Вышла на улицу. С вершины листовенницы Эква-пырись кричит:

— Бабушка, я здесь!

— Эге, озорника там видно!

Старуха забежала в дом, взяла большой топор, величиной с лопатку оленя. Рубит. Долго рубила, коротко рубила, подходит к ней лис. Говорит:

— Тетушка, что делаешь?

— Ничего не делаю. Эква-пырьсь, озорник, убил моих детей.

Лис говорит:

— Э, какая это обида! Вот я на него уж так зол. Тетушка, глаза у тебя утомились. Сосни маленько. Я в это время порублю немного.

Старуха легла спать. После того как она уснула, лис напел то ли камень, то ли железо. Рубит топором железо. До обуха затупил топор, говорит:

— Тетушка, вставай. Лиственница тебя раздавит.

Старуха как вскочит! Лис прочь убежал.

— У, озорник, обманул меня! Топор до обуха затупил.

Вбежала в дом. Принесла другой топор. Снова начала рубить. Рубит и рубит. Долго рубила, коротко рубила, вдруг явился зайчишка. Говорит:

— Тетушка, что делаешь?

— Эква-пырьсь, озорник, убил моих детей.

Зайчишка говорит:

— Какое это у тебя дело! Вот у меня до него большое дело. Тетушка, я немного порублю, ты маленько сосни.

Старуха легла спать. После того как она уснула, зайчишка то ли камень, то ли железо топором рубит.

Говорит:

— Тетушка, вставай! Лиственница раздавит тебя. Вставай!

Старуха как вскочит! Зайчишка убежал.

— Мой топор совсем затуплен.

Вбежала в дом, взяла другой топор. Рубит и рубит. Долго рубила, коротко рубила, вдруг старик-росомаха явился. Идет. Говорит:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Эква-пырьсь, озорник, убил моих детей.

— Какое это у тебя дело! У меня до него поважнее дело есть.

Ложись спать.

Старуха легла спать. Уснула. После того как она уснула, старик-росомаха то ли камень, то ли железо топором рубит. Затупил до обуха. Говорит:

— Тетушка, вставай, лиственница тебя раздавит.

Старуха как вскочит! Старик-росомаха убежал.

Вошла в дом, взяла другой топор, вышла на улицу. Рубит. Эква-пырьсь говорит:

— Бабушка, зачем зря мучаешься? Ляг на спину, раскрой рот, я к тебе в рот прыгну.

Старуха легла на спину, рот раскрыла. Эква-пырьсь понемножку спускается, золу разбрасывает. Старуха говорит:

— Па, па, па! Внучек, что ты бросаешь?

— Ничего не бросаю.

Эква-пырьсь спускается, спускается. Опять золу рассыпает. Старуха говорит:

— Па, па, па! Что делаешь?

— Ничего не делаю.

Эква-пырьсь говорит:

— Бабушка, раскрой рот. Я прыгаю.

Старуха раскрыла рот. Эква-пырьсь горячий лом вниз опустил. Лом старухе в рот воткнулся. Эква-пырьсь вниз спускается. Взял топор и зарубил старуху.

Тут же пошел домой. Когда он пришел домой, бабушка его в углу дома кое-как у уголка согревается. Бабушка говорит:

— Если мой внучек зимой придет — с обледенелым концом посоха; если летом придет — с мокрым концом весла.

Эква-пырьсь посадил свою бабушку на носок ноги, бросил. Когда она упала — стала молодой женщиной. Идет и углы платка за собой тащит.

И живут они теперь счастливо и благополучно.

140. Как Эква-пырьсь перехитрил великана

В давние времена жила-поживала старуха. Было у ней три сына. Сыновья были охотниками, ходили на охоту. Много лесов, болот и рек обошли они вместе с женами и заблудились. На руках у бабушки остался маленький мальчик. Его прозвали Эква-пырьсем. Жила бабушка очень бедно. Иногда поила внука теплой водой, оставшейся после мытья посуды. Хотя и жили бедно, а мальчик рос не по дням, а по часам. Вот стал он играть и бегать по улице.

Однажды бабушка очищала ножом кору осины. Внук попросил ее сделать ему из сердцевины осины лук и стрелы. Мальчик сказал:

— Если добуду одну маленькую птичку, то денек опять будем сыты.

Старуха поучала его:

— Внучек, стреляй из лука и промышляй только во дворе, а за избушку нашу не ходи.

Мальчик натянул лук, выстрелил во двор, но стрела улетела за избушку. Он потерял стрелу, зашел домой и заплакал. Бабушка заново сделала ему из осины лук и стрелы. Эква-пырьсь вышел на улицу, прицелился. Хотел, чтобы стрела улетела в реку. Но стрела снова улетела за избушку. Так случилось три раза. Три раза мальчик терял стрелу. А бабушка заново делала для внука лук и стрелы из сердцевины осины.

И вот Эква-пырьсь натянул лук и пошел искать свою стрелу. Разыскивая стрелу, уходил все дальше и дальше. Долго шел, дошел до высохшей канавки. В поисках стрелы наткнулся на жертвенное место. Видит Эква-пырьсь: когда-то здесь было погублено много зверей. Кости их собраны в кучу. Рассматривает

Эква-пырьсь жертвенное место и вдруг слышит чей-то крик. Он испугался и убежал домой. Бабушке не рассказал, где был. Очень устал, сел на нары и заснул. На следующее утро собрался и отправился на то же место. Пришел туда же. Играя на жертвенном месте, он услышал чей-то свист. Испугался и снова убежал домой. А бабушка поучает его:

— Внучек, не ходи подолгу в лесу. Мать с отцом подолгу ходили, да заблудились оба.

В третий раз отправился Эква-пырьсь на жертвенное место. Пришел туда, играет, звериные косточки рассматривает, ни о чем не думает. Вдруг к нему подкатывается великан Сюкбей¹. Великан стал звать мальчика к себе. Некуда было деваться Эква-пырьсю, отправился он за великаном. Великан Сюкбей был одет в шубу из сукуна. Из-под шубы спускалась железная цепь. Отправились великан с мальчиком в путь. Идут, идут, и Эква-пырьсь подумал: «Хоть бы упало это чудовище...» Только так подумал, как великан повалился на землю. В это время мальчик схватил конец цепи и держит его в руках. Эква-пырьсь сердито сказал великану:

— Что ты оглядываешься, великан? Идти надо!

Встал великан Сюкбей, и они пошли дальше. Долго шли, коротко шли. Пришли к лиственнице. Лиственница вся высохла, земля под ней омертвела. Там, где раньше цепь крутилась, кора вся иссохла. Смелый Эква-пырьсь поставил великана к лиственнице. Великан Сюкбей от злости высунул язык и закричал:

— Когда тебя увидел, сразу бы мог проглотить. Теперь бы ты в животе моем был.

Мальчик привязал великана цепью к лиственнице. Эква-пырьсь отправился в обратный путь. Возвратился домой и радостно сказал бабушке:

— Бабушка, я расправился с чудовищем, которое погубило моего отца и мою мать.

Бабушка сначала не поверила, а потом обрадовалась. Эква-пырьсь со своей бабушкой зажил счастливо и богато. И по сей день живут.

141. Эква-пырьсь и купец

В божьем городе, в царском городе живет купец. Бедняки приходят к нему молить и просить хлеба. Он их бьет, пинает ногами, ругает и выгоняет вон. Собираются к нему бедняки ночью, собираются днем. Он посылает бедняков на другую сторону Ледовитого моря прессовать уголь. С народом обходится он очень плохо.

Эква-пырьсь говорит своей бабушке:

— Я схожу в город.

Бабушка говорит:

— Зачем пойдешь?

— Затем пойду, что купец бедный народ очень плохо держит. Что-то надо с купцом сделать.

Эква-пырьсь пошел в город. В город пришел. Зашел в дом главного купца.

— Эква-пырьсь, по какому делу?

— Я хожу в поисках места для пайма.

— Какую плату просишь?

— Ты сколько дашь, мне столько и ладно.

— Эй, ступай. На той стороне Ледовитого моря очень хорошее место для работы есть.

Эква-пырьсь вышел на улицу. Пошел. Пришел на ту сторону Ледовитого моря. Люди работают.

Главный человек говорит:

— Эква-пырьсь, ты тоже пришел работать?

— Да, человеку без хлеба тоже жить плохо.

— Что ты умеешь делать, Эква-пырьсь?

— Какую работу дашь, ту и буду делать.

Эква-пырьсь ночей семь работает. Расспрашивает рабочий народ:

— Давно вы здесь работаете?

— Работать мы начали с малолетства, все время работаем, обессилели и состарились.

Эква-пырьсь говорит народу:

— Скоро свободными мы будем.

Эква-пырьсь взял бумагу, написал своему хозяину. Написал письмо так: «Твои люди нехорошо работают. Ты сам приходи сюда». Письмо пришло к хозяину.

Хозяин читает его:

— Мои люди работают плохо. Надо мне самому сходить.

Пошел. Пришел к рабочему народу. Расспрашивает своего помощника:

— Как работают твои люди?

— Мои люди работают очень хорошо.

— Ты мне в письме писал: «Твои люди работают очень плохо».

Эква-пырьсь крикнул народу:

— Идем домой, хозяин звал нас в гости.

Эква-пырьсь прихватил с собой молоток. Люди бегут назад. Очутились по эту сторону моста. (Мостом служила большая рыба.) Эква-пырьсь ударил рыбу молотком. Как только задел рыбу, она тотчас ушла. Купец остался там, на той стороне моря. Эква-пырьсь крикнул купцу:

— Настанет древнее время жизни человеческой: ни к какому купцу, ни к какому царю пусть не ходит народ работать по спине рыбы. Купец пусть сам делает мост.

Купец остался на той стороне моря. Эква-пырьсь пришел в лавку купца. Стал разговаривать с главным приказчиком:

— Наш хозяин сказал так: «Ты, бедный народ, работал очень

хорошо. Что сегодня в моей лавке есть — все берите, сколько можете поднять».

Люди взяли товар и пошли домой. Купец пришел. Говорит приказчику:

— Куда девал товары?

— Ты сам сказал народу отдать, потому я и отдал.

— Кто так сказал?

— Эква-пырьсь сказал.

Купец собрал вместе главных судей, главных попов, стал говорить:

— Пойдемте к Эква-пырьсю, убьем его.

Главные попы говорят:

— Пойдем убьем. Убив, хорошенько его отпоем, пусть после него не будет такого человека.

Все главные попы, и главные начальники, и главные купцы пошли к Эква-пырьсю убивать его. Приходят к Эква-пырьсю. Послали солдата:

— Позови Эква-пырься.

Пришел солдат к Эква-пырьсю:

— Эква-пырьсь, попы да купцы тебя звали.

Эква-пырьсь вышел на улицу. Пришло так много народа! Эква-пырьсь их спрашивает:

— Зачем пришли?

Они говорят:

— Мы пришли тебя убить.

Эква-пырьсь говорит:

— Сегодня меня убить нельзя. Потому нельзя, что сегодня облачный день. Если сегодня убьете меня — был я один вор, после меня опять будет много воров. Завтра будет ясный день. Тогда меня можете убить.

Старший поп говорит:

— Верно, пойдем домой. Завтра придем.

Попы, купцы, начальники пошли домой.

Эква-пырьсь вошел в дом:

— Бабушка, меня начальники чуть не убили.

— Сынок, почему не сказал мне?

Бабушка стала копать в переднем углу дома. Вынула стрелы, лук, сабли, кольчугу. В дом вошел солдат:

— Скорее, тебя попы звали.

— Скажи: я с бабушкой целуюсь.

Солдат вышел.

— Эква-пырьсь так сказал: «Погодите, я с бабушкой целуюсь».

Старший поп говорит:

— Эква-пырьсь знает, что пришла ему смерть.

Эква-пырьсь оделся, снарядился. Взял саблю, взял пику, взял стрелу и лук. Вышел на улицу, крикнул:

— Вы пришли?

— Пришли.

— Я взял одну лавку, полную товара. Если теперь не привезете ко мне две лавки, полные товара, всех вас убью, ни одного человека не отпущу.

Они испугались. Все попы стали умолять. Эква-пырьсь говорит:

— Если не привезете завтра до вечера ко мне две лавки, полные товара, всех вас перебью.

Все купцы, попы начали говорить:

— Мы привезем тебе.

Привезли Эква-пырьсю две лавки, полные товара. Бедный народ идет к Эква-пырьсю ночью, идет днем. Эква-пырьсь раздает днем и ночью бедному народу две лавки, полные товара.

Эква-пырьсь говорит бабушке:

— Я схожу в город.

— Сынок, надолго не ходи.

Вышел на улицу. Куда была его голова, куда была его шея — туда и пошел. Долго шел, коротко шел. Явился к царскому городу, к божьему городу. Зашел в божий дом, в царский дом. Царь говорит:

— Эква-пырьсь, земля-то — далекая земля, а о тебе слыхали. Носящим ли зверем принесен ты, поднимающим ли зверем поднят ты?

— Растущий человек когда приходит в одно и то же место?

Царь говорит:

— Что нужно ходишь ищешь?

— Я хожу и ищу место для найма.

— А что умеешь делать?

— Что делать? А все умею.

— Эква-пырьсь, умеешь воду носить?

— Не умею.

— Лошадей умеешь поить?

— Не умею.

— Эква-пырьсь, умеешь лошадей и коров караулить?

— Не умею.

— Эква-пырьсь, ты только что говорил — умею. Что же умеешь делать? Вино умеешь пить?

— Умею.

— Хозяином умеешь быть?

— Умею.

— Эква-пырьсь, хозяином по охране лошадей будешь?

— Буду.

Эква-пырьсь стал хозяином по охране лошадей. Лошади все разжирили. Царская дочь приходит к своему отцу:

— Батюшка, какого хорошего хранителя лошадей ты нанял. Все наши лошади разжирили.

Царь пошел в конюшню, смотрит: верно, оказывается, разжирили лошади. Царь пришел к Эква-пырьсю: Эква-пырьсь спит. Царь смотрит на Эква-пырься. У Эква-пырься такая одежда, что лучше царской. Царь потихоньку вышел. Пришел домой.

Стал думать: «Какого человека позову сегодня в гости?» Царь говорит своей старшей дочери:

— Ты сходи позови сюда Эква-пырься.

Царская дочь пошла. Пришла к Эква-пырьсю:

— Эква-пырьсь, батюшка мой тебя зовет.

— Иду.

Пошел к царю. Эква-пырьсь с царем поздоровался. Царь говорит:

— Садись. Чай будешь пить?

Эква-пырьсь сел. Разговаривают.

— Одежда у меня плохая, как же я буду у тебя пить чай?

Царь говорит:

— Эква-пырьсь, не бойся, не бойся.

Приготовили стол с пьяной едой, с медовой едой. Во время еды и питья царь его спрашивает:

— Эква-пырьсь, где ты еще работал в прежнее время?

— Да, работал.

— У кого?

— У главного купца работал.

— Как называется место, где ты работал?

— Я работал на берегу Ледовитого моря.

Царь стал думать.

— Как тебя звать, Эква-пырьсь?

— Я не имею имени, хорошего имени: мое имя — Хитрый Ванька.

Эква-пырьсь выпил вина столько, что опьянел.

— Бог мой, батюшка, царь мой батюшка! Я имею одно слово: можно или нет походить?

— Можно, — говорит.

Эква-пырьсь встал. Руки за спину заложил. Ходит.

— В какую землю Эква-пырьсь придет, в той земле деревья растут и вода прибывает.

Царь стал думать: «Этих слов я не могу понять».

Эква-пырьсь сел. Царь стал говорить:

— Эква-пырьсь, какие ты слова говорил, я не понял их.

Эква-пырьсь говорит:

— Такое это дело, этому делу только детям учиться.

Царь опять не понял. Эква-пырьсь говорит царю:

— Я пойду проведу моих лошадей. Бог мой батюшка, царь мой батюшка! Поел я до отвала, попил я до отвала.

Эква-пырьсь пошел. Пришел к лошадям. Проведал лошадей. Пошел, лег спать.

Царь стал думать: «Эква-пырьсь очень опьянел, надо его проведать». Послал старшую дочь:

— Проведай Эква-пырься.

Царская дочь пошла, пришла к Эква-пырьсю. Эква-пырьсь спит: такой красивый! Человек лежит на этой користой земле — такой человек, какого она никогда не видела. Царская дочь тихонько вышла. Пришла домой. Говорит своему отцу:

— Эква-пырись хорошо спит.

Долго жил царь, коротко жил. Царскую дочь пришли сватать из другой царской земли. Царская дочь повесила кольцо на высоту тридцати печатных сажен. Царская дочь стала говорить:

— Кто достанет мое кольцо, за того человека я пойду.

Собрались купеческие сыновья. Как ни доставали, никто достать не мог. Пришел Эква-пырись. Стал говорить:

— Пустяковое дело. Это можно достать большим пальцем и мизинцем.

Царские сыновья, купеческие сыновья стали смеяться. Эква-пырись подпрыгнул. Достал кольцо. Ничего не сказал и пошел домой. Царь посмотрел из окна. Кольцо его дочери Эква-пырись достал. Царские сыновья, купеческие сыновья смеются:

— Эква-пырись, сопли у него наружу, не следует ему сидеть за царским столом.

Царь собрал свой народ.

— Эква-пырися,— говорит,— позовите. Надо свадьбу пировать.

Эква-пырися позвали. Одежды у него плохие. Посадили его рядом с царской дочерью. Начальники смотрят: «За какого человека царская дочь пошла!» Купеческие сыновья стали смеяться:

— Какой муж у царской дочери!

Эква-пырись говорит царю:

— Бог мой батюшка, царь мой батюшка! Можно или нет походить?

— Можно, зять-герой, зять-богатырь.

Начальники думают: «Вот какого нашел ты зятя-героя, зятя-богатыря». Эква-пырись встал. Взад-вперед ходит.

— Бог мой батюшка, царь мой батюшка! В какую землю Эква-пырись придет, в той земле деревья растут, и земля растет, и вода прибывает.

Царские начальники все стали думать: «Вот какого умного зятя нашел».

Эква-пырись спрашивает:

— Царь мой батюшка, царь мой отец, можно или нет — я схожу надеть мои одежды?

— Можно.

Эква-пырись пошел. Купеческие сыновья говорят:

— Посмотрим, какие у Эква-пырися одежды.

Эква-пырись пришел. Подошел к царской дочери. Царская дочь встала.

— Бог мой батюшка, царь мой батюшка! Вот мне богом назначенный супруг.

Они целуются, обнимаются. Рядом сели. Царские начальники стали говорить:

— Вот зятя так зятя нашел наш царь! И нам по мысли пришелся.

Купеческие сыновья, царские сыновья смотрят: Эква-пырись

то ли прирожденный герой, то ли прирожденный богатырь. Царская дочь говорит своему отцу:

— Настало время венчаться.

Царская дочь оделась, снарядилась. Обвенчались. После венчания пьяную еду, медовую еду ночь пили, день пили. Со свадьбой покончили. Начальники говорят:

— Зять наш герой, зять наш богатырь! Ели мы до отвала, пили мы до отвала.

Долго жил, коротко жил Эква-пырьсь. Говорит царю:

— Напала на меня дума о земле моей. Напала на меня дума с воде моей.

Царь говорит:

— Зять-герой, зять-богатырь, я тебя не держу. Раз думаешь, так и поезжай.

Эква-пырьсь сидит со своей женой. Царская дочь своему мужу говорит:

— Так ты дорог моему сердцу! Когда ты был в конюшне, я приходила, смотрела на тебя. С того времени ты дорог мне стал.

Эква-пырьсь с царской дочерью целуются, обнимаются. Когда они так сидели, вошел царь.

— Зять-герой, зять-богатырь! Я приготовил одну баржу, полную денег, одну баржу, полную дорогого сукна, дорогого шелка. Приготовил пароход со всеми людьми.

— Бог мой батюшка, царь мой батюшка. Шел я в одном месте пешком, в одном месте ехал на лодке. Как же мы сумеем на пароходе уехать?

Царь говорит:

— Не бойся. Я назначил таких людей — они найдут твою землю. Ты на пароход сядешь и не выходи с парохода до приезда домой.

Царская дочь оделась, снарядилась. Говорит своему отцу:

— Вот мне богом назначенный супруг.

Целуются, обнимаются царь со своей дочерью. Эква-пырьсь с царской дочерью сели в нарты — семь лошадей в упряжке. Приехали к пароходу. Пристань вся устлана красными сукнами. Эква-пырьсь с царской дочерью идут, взявшись за руки. Вошли на пароход.

Эква-пырьсь ночь проводит, день проводит. Пароход пришел в город, где живет Эква-пырьсь. Начальник парохода сделал пристань. Туда собрались люди. Смотрят: вся пристань выстлана красным сукном. Люди говорят:

— Какой это важный царь приехал?

Все сняли шапки. Эква-пырьсь показался с парохода. Идут с царской дочерью, взявшись под руку. Люди стали кричать:

— Наш бог, наш царь приехал!

Эква-пырьсь пришел домой. Сделал богатую свадьбу, чтобы всей деревне наестся, всему городу наестся. Когда ели-пили, их царь говорит:

— Эква-пырьсь, в песнях прославленный человек, в сказках прославленный человек, ты садись царем, я буду помощником.

Царь встал, народу говорит:

— Эква-пырьсь пусть сядет царем, я буду помощником.

Люди кричат:

— Эква-пырьсь сел на земле хорошим царем.

В обитаемой Эква-пырьсем героической земле, богатырской земле сел человек, прославляемый в песнях, сел человек, прославляемый в сказках. И теперь счастливо и благополучно живет.

142. Как Эква-пырьсь Русского Богатыря победил

Тетка Эква-пырьсю сетки связала:

— Племянничек, съезди, поставь сетки.

— А в какую сторону поехать бы мне?

— Кверху по Оби поднимись немного. Там в стороне от берега озеро есть. Поставь на то озеро.

Эква-пырьсь сетки в лодку сложил, сел и поехал. До озера добрался, сетки расставил. Сам про себя думает: «Поднимусь-ка еще немного дальше по Оби, места посмотрю». Долго ехал, коротко ехал, видит — мыс. Против мыса народу много собралось. Калданит. Эква-пырьсь туда подъехал и свой калдан в воду пустил.

Иные из людей говорят:

— Эква-пырьсь, ты зачем сюда приехал? Если наш хозяин тебя увидит, убьет. Он беда какой худой!

Иные говорят:

— Да пусть калданит, чего к нему привязались?

Эква-пырьсь рыбы наловил, домой вернулся. Тетка говорит:

— Ты что так долго ездил?

— Я по Оби далеко был. Народу там сколько. Калданить весело.

— Мало что весело? Не ездь туда. Еще беда какая случится.

Эква-пырьсь наутро встал, опять на то же место отправился. Весь день калданил, больше всех добыл. Иные, это видя, завидовать стали.

— Мы, — говорят, — хозяину скажем, что ты здесь рыбу ловишь, тогда тебе худо будет. Наш хозяин беда какой злой!

— Какой же он, ваш хозяин?

— А вот какой: когда ему волосы чесать начинают, один волос только плохо положат, он тому человеку голову отрубает!

— Э, какое дело! — Эква-пырьсь говорит. — Так вы ему скажите: Эква-пырьсь волосы чесать очень хорошо может. Завтра, скажите, приду. А как вашего хозяина зовут?

— Наш хозяин — Русский Богатырь.

Эква-пырьсь домой вернулся, тетке говорит:

— Я завтра на Русского Богатыря пойду.

— Не ходи, племянничек, убьет он тебя.

— Не убьет. Дай мне твой нож.

У тетки большой русский нож был. Этот нож она Эква-пырисю отдала. Эква-пырись нож взял, точить его начал. День, два точит, наконец кончил. Веточку на лезвие положит — веточка пополам перерезается. Травинку на лезвие положит — травинка перерезается. Так остро выточил!

Утром вместе с теткой поехал. На место приехали, он тетку на другом берегу оставил.

— Ты здесь будь, — говорит. — Когда увидишь, что на яру народ собирается, тогда веслом об лодку стучи сильнее.

Сам через Обь переправился, в городок пошел. В самый большой дом зашел. Видит: три человека сидят, все на одно лицо.

Спрашивает:

— Русский Богатырь где?

— А зачем тебе?

— Я ему волосы чесать пришел.

— Русский Богатырь — я, — один отвечает. — Ну, пришел, давай чеши.

Эква-пырись волосы расчесывать начал.

Волос к волосу кладет, не дернет ни разу. У богатыря на голове железный шлем надет. Эква-пырись говорит:

— Ты шлем кверху сдвинул бы, а то чесать невозможно.

Долго, коротко причесывал его Эква-пырись, только слышит: тетка на том берегу об лодку стучать стала.

— Стой, подожди! — Русский Богатырь крикнул. — Никак, враги идут!

— Верно, что-то слышно, — товарищи его сказали. — Послушай-ка хорошенько.

Русский Богатырь прислушался:

— Слышно, шумит там что-то.

Товарищи посмотреть на улицу выбежали, Эква-пырись с богатырем один остался. Волосы чесать продолжает.

— Снял бы ты шлем совсем, — богатырю говорит, — чесать невозможно. Что ты среди своих боишься?

Русский Богатырь шлем снял. В этот момент Эква-пырись долго точенный нож свой выхватил, богатыря по горлу хватил. Голова напроць отлетела. Безголовое тело за ноги схватил, из дома выскочил, товарищей Русского Богатыря побивать стал. Половину городка развалил, половину всего народа перебил. Другие кто куда поразбежались.

Так Эква-пырись Русского Богатыря победил и людей его прочь прогнал.

143. Сказка о Миленьком

Однажды было такое дело: нигде не было суда. Появились такие начальники: ездит, приедет в поселок, войдет в дом, сядет и говорит:

— Здравствуйте! Десять белок!

Вешают ему на ногу десять белок. Кто не имеет десяти белок, пусть не здороваётся. Бедный народ думает: «Есть ли где какой-нибудь царь? Сходить как-нибудь туда».

И никто не знает, есть где-нибудь царь или нет. Очень тяжело было жить мансийскому народу. Один человек думает: «Сходить бы мне куда-нибудь». Собрал народ. Оделся покойником и лег. Говорит своей жене:

— Ты сиди до утра. Когда появится утренняя заря, держи меня за конец большого пальца ноги. Когда начнет шевелиться, скорее меня буди.

Кончил речь свою и уснул. Когда спал, то видел, как нужно пойти, и что царю отнести, и о чем будет царь спрашивать — все видел. Ходить придется семь лет, семь зим.

Люди сидят всю ночь. При появлении утренней зари он пробудился при звуках сангвалтапа. Конец большого пальца ноги пошевелился, разбудили его. Начал рассказывать, что видел во сне. Потом начал собираться в путь и пошел. Пришел в Березов, нанялся к купцу в работники. Работая там, добыл черно-бурую лисицу. Когда шел из дома, то захватил с собой черного соболя. Прожил зиму и лето, пошел дальше.

Долго шел, коротко шел. Пришел в царский город. Встретил одного человека. Оказывается, царский помощник. Тот говорит:

— Ты живи у меня, далеко не ходи, потеряешься.

Стал жить у царского помощника. Соскучился. Вышел. На улице народу так много ходит — конца не видно, в лесу столько комаров нет. Стоит там и не знает, куда ушел. Встретил одного купца. Купец говорит:

— Пойдем ко мне в гости.

Пошли. Пришли в дом купца. Открыл купец одну дверь:

— Давай заходи туда. — И толкнул вперед.

Куда-то покатился и упал. Темнота, ничего не видно. Смотрит — какие-то кости. Ощупывает их — человеческие кости. На улицу смотрит — виден маленький просвет. Взял кость от человеческого бедра и стал стену ковырять. Ковырял, ковырял — голова его стала проходить в просвет. Снял свою одежду, положил их наружу и высунул голову на улицу. Елся, бился, все тело его саднит. Очутился на улице. Назад в дыру смотрит: купец идет с огнем. Поискал его — нет, куда-то ушел.

Надел свои одежды. Очень устал и очень перепугался. Там, на улице, в стороне, нашел кучу бревен. Туда спрятался. Подъезжают сани с тремя запряженными лошадьми. Подъехали к дому, остановились. Вышел главный начальник, и он поднялся.

— Эй, куда ходил?

— Я нигде не ходил. Был в этом доме. Меня сюда запирали.

Начальник взял и записал дом на бумагу. И поехали домой. Начальник говорит:

— Мне было дано тебя искать только три часа. Если бы я тебя не нашел, мою голову срубили бы.

Говорит:

— Завтра поедem к царю.

Он дал главному начальнику одного соболя.

— Пойдем к царю.

Пришли к царскому дому, начальник говорит ему:

— Войдем, ты не бойся. Куда я пойду, и ты туда ступай.

Вошли. Смотрит: пол, как золото. Смотрит: спутник его словно в воду погрузился. Он не хочет идти. Черно-бурую лисицу повесил на шею. Пошел к царю. Одной рукой отдал ему черно-бурую лисицу, другой рукой с царем здоровается. Царь говорит:

— Садись, Миленский.

И стал говорить:

— Вот, Миленский, среди многой различной еды какая еда самая полезная?

Миленский говорит:

— Вода да соль самые полезные.

Царь опять говорит:

— Какая одежда самая теплая?

Миленский говорит:

— Из одежды трава самая теплая.

Царь говорит:

— Сколько стало тому, как яры снегом покрылись?

Он говорит:

— Стало шесть-семь лет.

И говорит царь:

— Сколько стало лет, как реки-ручьи течь стали?

Он говорит:

— Стало шесть-семь лет, как потекли реки-ручьи.

Царь опять говорит:

— Умеешь щипать утиное перо, гусиное перо?

Он говорит:

— Если было бы такое дело, сумел бы.

Царь говорит:

— Если умеешь, оставайся здесь.

Царь пошел в другую комнату. Два царских помощника говорят:

— Миленский, скажи, что царю сказал.

Миленский взял в руки свою шапку и говорит:

— Наложите мне полную шапку золотых денег, я скажу.

Наложили ему полную шапку золотых денег.

— Теперь, Миленский, скажи, какие же слова?

— Вот что я вам скажу: если умеешь обманывать, это и значит — щипать гусиное перо, утиное перо.

После этого главный начальник говорит:

— Давай выйдем.

Вышли, смотрят. Схватившего его вчера купца привели сюда. Вместе с ним много его родственников, всех привели сюда. Все они ели человеческое мясо. Они очень много обманывали бедноту, и они очень много убивали. Главный начальник говорит:

— Вот,— говорит,— если бы я тебя не нашел, они и тебя убили бы.

Их взяли и всех посадили в тюрьму. После этого Миленский собрал всех бедняков и нищих. Наменял мелочи: три копейки, пять копеек. Наложил мелочи полнехонько в мешок. Раздал все деньги беднякам. Говорит царю:

— Я хочу, пожалуй, домой идти.

Царь говорит:

— Ладно, ступай.

Дали ему двух солдат. Царь говорит:

— Домой придешь, станешь жить князем, хозяином на своей собственной земле.

И дал княжеские одежды. Оделся Миленский и собрался идти. Вперед тогда шел,— может быть, лет около десяти. Теперь пошел — быстро домой пришел, все равно что в час. Никуда не ходил, и никакая власть о нем не знает.

Настало лето. Однажды снизу пришла лодка. Приехал главный начальник. Вынесли его прямо на берег в суконной люльке. Вошли в дом. Ищут хорошую рыбу. Сварили рыбу, ели, пили, собрались идти. Миленский говорит:

— Я вам помогу поднимать.

Они говорят:

— В воду уронишь.

— Нет, не уронию.

Поднял его, понес. Дошел до середины схода — до берега столько же и до лодки столько же. С середины схода бросил его в воду. С этим и пошел на берег. Вошел в дом. Надел княжескую одежду, два солдата тоже поднялись. Казаки отворили дверь, чтобы войти. Смотрят в дом: князь сидит. Испугались. Дверь захлопнули и убежали. Он вышел на улицу, они едут. Начальник на корму сел, казаки гребями гребут. С этим и уехали.

144. Женщина-богатырь

В Никсимволе семь братьев живут, восьмая сестра. У сестры косы медными птичками украшены. Однажды старший брат баловаться начал, взял лук, пустил стрелу, одну птичку сбил. Девушка вначале ничего не заметила, да другие два брата над ней смеяться стали. Тогда она рассердилась, лук вырвала, натянула его так, что он пополам переломился. Тогда четвертый брат свой лук схватил, стрелу пустил, сразу семь птичек сбил.

— Ну что ж,— сестра сказала,— ешьте их, если голодны так. Но потом в лес пойдете, чтобы вам ни одного зверя, ни одной птицы не добыть!

Вскоре тяжелое время настало. Братья в лес пошли, ничего не добыли. Сколько ни лесовали, ни одного косача найти не могли. Ни зверя, ни птицы в лесу не стало. Исхудали братья, из сил выбились. Истощились запасы в чамьях, настал голод.

Однажды сестра у младшего брата панцирь попросила. Наде-
ла его, лук и стрелы взяла и пошла в лес. К верховому Уралу
сходила, по низовому Уралу прошла¹, ничего не нашла. На
самый конец хребта вышла. Однажды смотрит, видит: вдали
семь оленей пасется. А еще видит: с другой стороны к этим же
оленям семь ненцев подкрадываются.

— Ну, вам этих оленей убить, пожалуй, не выйдет,— девушка
про себя сказала,— скорее я убью!

Стрелу пустила, всех семерых оленей одной стрелой поло-
жила. Подошла туда, шкуры обдирать принялась. Пока обдира-
ла, ненцы подошли. Подошли и говорят:

— Ты зачем наших оленей убил?

— Если они ваши были, почему сами вовремя не убивали?

Слово за слово, ненцы разозлились, ругаться начали. Девуш-
ка долго слушать не стала, схватила лук, размахнулась им, уда-
рила и зараз шестерых ненцев прикончила. Седьмой бороться с
ней схватился. Долго боролись, наконец девушка упала. Ненец
нож вынимает, прирезать ее хочет.

— Если бы я мужчина была,— девушка тут сказала,— ты
меня повалить не смог бы.

При этих словах ненец на нее взглянул, видит: конец жен-
ской косы из-под шапки выбился.

— А ты и верно женщина! — крикнул он. — Ну, я тебя уби-
вать не буду, отпущу. А хочешь — иди за меня замуж.

— Ладно, согласна.

Девушка уговорила с ненцем, что он за ней летом придет.
Прощаться стали, девушка спросила:

— А тебя, ненец, как звать?

— Я,— отвечает,— Аут-отыр². Мой чум на низовом Урале,
у Щучьей реки, стоит.

Аут-отыр уехал. Девушка, одна оставшись, убитых ненцев
на куски изрезала, их мясо с мясом четырех оленей перемешала.

Недалеко от того места ненцы, старик со старухой, чумом
стояли. Девушка к ним сходила, мясо отвезти велела.

— Эти десять туш отдельно положите,— сказала,— с теми
тремя тушами не смешайте, в одну кучу не свалите!

Ненцы мясо в Няксимволь повезли. В Няксимволь приехали,
девушка трех оленей тем трем братьям отдала, что над ней
не смеялись.

— Вот вам, берите.— сказала.— А к тем братьям, если вас
мясо есть к себе звать будут, не ходите.

— Ладно, если говоришь, так не пойдем.

Другим четверем братьям с человеческим мясом мешанную
оленину отдала.

— Натё, ешьте. Я, если бы женщиной была, еще не столько
добыла бы.

Братья ничего не заметили. Знай себе, варят да едят. Почти
все кончили, когда разобрали, каким мясом их сестра накорми-
ла! Со стыда в Няксимволе и жить не остались, в разные сто-

роны разбрелись. Сестра с тремя братьями осталась. Вскоре и еще один брат на новое место жить ушел.

Долго жили, коротко жили, однажды весна настала. Лед по реке плавает. Верхнеобский Богатырь с товарищем через Вор-я-реку на Тайт-реку в Няксимволь пришли. Девушка для них лучшего мяса сварила. Гости поели, попили и спать легли. Утром встали. Богатырь товарища на улице вызвал:

— Послушай, приглянулась мне эта девушка, я посвататься хочу. Зайди спроси!

Товарищ в дом вошел, спрашивает братьев:

— Мы свататься пришли, что скажете?

— Что же ты нас спрашиваешь? Мы разве ей хозяйева? Захочет — пойдет. Ее спроси.

Сестра согласилась. Сговорились, что на следующую весну за ней придут. Сговорились, распрощались, богатырь с товарищем домой ушли.

Вскоре после того приехал Аут-отыр за своей невестой. Девушка жениха встретила и, как пообещала, собралась и с ним на низовой Урал отправилась. После их ухода Верхнеобский Богатырь за невестой пришел. Пришел, а невесты-то нет.

— Куда ушла? — спрашивает.

— С Аут-отыром уехала.

— Как так — уехала? Наверное, вы сами ее отдали!

— Нет, мы ее не отдавали, сама ушла.

Верхнеобский Богатырь не поверил, бить их начал. По спит не стукнет — пичком падают, в грудь ударит — на спину валятся. Избил и уехал.

Женщина с Аут-отыром два лета, две зимы жила. Дочь у нее родилась. А под конец жепы с мужем плохо жить стали. Жена все ворчит, все бранится. До самой ночи, пока девочку спать не уложит, все лишь ругается.

— Что ты без дела все бранишься? — Аут-отыр спрашивает.

— Три года стало, как я за тебя, богатого человека, вышла, а хоть бы одно поленце на оленях привезла, все на себе дрова таскаю!

— А кто ж тебе не дает на оленях возить! По своему желанию на ручной нарточке возишь. Вон, гляди, какое стадо ходит. Каких только надо, скажи, я поймаю!

— Ну, на таких я разве поеду?

— Каких же надо?

— Тех твоих трех быков, что ты в железной упряжке держишь, в железную нарту запрягаешь. Тех поймай!

— Куда ж тебе с теми справиться?

— Ты справляешься, а я, что ли, не справлюсь?

— Куда ехать-то хочешь?

— Гнилушек в люльку набрать надо.

Аут-отыр поднялся, тридцатисаженный железный аркан взял, быков ловить вышел. Пошел, в железную нарту запряг, жена говорит:

— Работницу с собой возьми, она ребенка покараулит.

— Возьму.

На парту сели.

— Ребенка не покалечь, — Аут-отыр сказал.

Жена не ответила, вожжу взяла, быков хореем ударила. Быки сорвались, помчались. Нарта по кочкам лишь прыгает. Женщина хореем по вожжке ударила. Передовой головой замотал, тише побежал. Вскоре нarta с глаз скрылась. Аут-отыр стоит, думает: «Когда, бывало, я на этих оленях ездил, где проеду — гористые места долинами становились, долины холмами покрывались».

Женщина, на нarte сидя, назад обернулась, видит: чум скрылся. Оленей остановила, вожжку к нarte привязала. Потом работницу за волосы схватила, потрясла, та в клубок ниток превратилась. Клубок в карман сунула. Затем девочку потрясла, в клубок превратила и тоже в карман положила. Хорей в руки взяла, оленей ударила, крикнула:

— Эй, вы, дохлые звери, матерям лишь вашим дорогие! Если вы быстро теперь не побежите, как, бывало, у Аут-отыра бегали, когда землю на куски разбивали, если теперь так не побежите, кожу я с вас сдеру!

Вожжку дернула, на парту вскочила и понеслась. От мужа убегает.

Аут-отыр дома сидит. День кончился, ночь настала, жены все нет. Понял тогда, что убежала она от него. Вышел из чума, железной гагарой обернулся и вдогонку за ней пустился.

Так убегал, женщина день и ночь едет. Однажды оглянулась, видит: муж ее, Аут-отыр, в образе железной гагары за ней гонится. Приближаться стал, женщина девочку из кармана вытащила, в сторону бросила.

— Оставайся здесь на вечные времена! — крикнула.

Девочка на землю упала, в камень превратилась. Теперь на том месте высокая гора стоит.

Тем временем Аут-отыр жену настигает. Та вожжку бросила, с нарты соскочила, соболем обернулась. Дальше бежит. Гагара все ближе да ближе нагоняет. В тот миг, когда вплотную подлетела, соболь меж камней скрылся. Аут-отыр камни разбрасывать начал, землю рыть стал. Три года рыл. Урал насквозь прошел. В одном месте гнездо соболиное нашел. Еще теплое. Видать, соболь только что убежал. Дальше ищет, дальше роет, все напрасно. Так ни с чем и вернулся домой.

В то же время женщина в Няксимволь пришла. Братья говорят:

— Зачем вернулась?

— А вам до того дело какое? Вернулась, и все. Вы мне хояева, что ли?

— Из-за тебя Верхнеобский Богатырь нас чуть до смерти не забил! Едва спаслись.

— Много не разговаривайте, ни к чему это, — сестра отвечает.

Братья замолчали. Что еще делать?

Живут. Однажды сестра говорит:

— Ну, весна пришла. На низ поедем.

— А что нам там искать?

— Нет, поедем. Вам промышлять уж лень стало?!

Делать нечего. Братья лодку готовить стали. Собрались и поехали. На Оби, в Лор-уса, на промысел остановились.

Аут-отыр как-то услышал: жена его с братьями промышлять приехали. Людей собрал и войной на них пошел. Однажды ночью, перед рассветом, Аут-отыр на стойбище напал. Братья кольчуги надели, луки, стрелы схватили, из шалаша выбежали. Выбежали, смотрят: народу собралось — конца не видно. Деревьев меньше, людей больше! Биться начали. День бьются, другой бьются. Братья — вдвоем, Аут-отыр — с воинами своими. С тех пор как сражаться начали, четыре дня, четыре ночи прошло. Аут-отыр думает: «Отдохнуть бы немного: столько времени без сна бьемся!»

Братья в то время говорят:

— Аут-отыр, зять, передохнуть бы немного?

— Я тоже об этом думаю.

Приостановились, братья к себе в шалаш вернулись. Сестра младшая брату говорит:

— Спидай скорей кольчугу.

Тот снял. Женщина ее на себя надела.

— Лук, стрелы давай!

— Куда ты собираешься?! — старший брат кричит. — Мы вдвоем устоять не можем, где ж тебе справиться!

— Бессильные вы! — сестра ответила, лук, стрелы схватила, на улицу выскочила.

Вонны Аут-отыра только присесть успели, слышат: «Вставайте, живо! Биться будем!»

— Ха! Мы и не отдохнули вовсе!

— А мы так хорошо выспались.

— Товарищ твой где?

— Мой товарищ сбежал!

— Та-а³! Ну, так начнем.

Снова биться начали. Женщина стрелу как пустит, люди один за другим валятся. Каждая стрела широкую дорогу оставляет. По каждой ложбине кровь ручьями стекает.

Долго бились, коротко бились, женщина всех перебила. Аут-отыр с двумя товарищами убежал. Воины все полегли, только эти трое спаслись. Женщина их преследовать пустилась. В одном месте видит: двое в одну сторону побежали, третий — в другую. За двумя погналась. Настигать стала. Аут-отыр на бегу обернулся — догоняет.

— Беги скорей! — товарищу крикнул.

В это время стрела просвистела, товарища пaskвозь пронзила. Тот на землю покотился. Аут-отыр дальше один бежит. Огладывается, видит: настигает его богатырь. Один раз, оглянув-

шись, заметил: у того из-под плема серьга виднеется. Тут только понял, что жена за ним гонится! Остановился.

— Отцом и матерью съеденная, дохлая тварь, я думал — и верно это брат твой, а это ты, собака! На тебя и стрелу жалко тратить, кулаком убью!

— Да и я в тебя стрелять не стану и так пришибу!

Бороться схватились. Аут-отыр скоро свалился.

— Ащ⁴, — жена говорит, — мужчиной если б была, пожалуй, не сразилась бы с тобой!

Нож вынула, прирезать его собирается.

— Сделай милость, отпусти меня, не убивай, милая женщина, отпусти!

— И верно, что тебя, собаку, убивать?!

За ворот его схватила, потрясла и прочь кинула.

— Ну, иди! Больше мне на глаза не попадайся! Я на тебя зла не буду иметь, и ты на меня не сердись.

— Спасибо, — Аут-отыр отвечает, — что хоть живым отпустила. Товарищей моих всех перебила, один я остался. Ну, и то ладно!

На этом и разошлись. Женщина домой вернулась. Видит: братья ее сидят, плачут.

— Вы чего это плачете? — спрашивает их.

— Мы думали: уж убили тебя.

— Ну, не такому человеку меня убивать!

Братья успокоились, опять за промысел взялись. Живут, рыбу добывают. Однажды утром видят: у берега, где лодки привязаны, два чирка плавают. У чирят головы спшиблены, на воде тут же стрела качается. Вверх смотрят братья и вниз смотрят — ничего не видно. В шалам вернулись, говорят:

— Откуда это стрела прилетела? У обоих чирков головы отбиты.

Сестра ведра взяла, по воду отправилась. К реке подошла, сквозь бахрому платка⁵ вверх по реке взглянула. Видит: сверху лодка плывет, два человека уток промышляют — Верхнеобский Богатырь со своим товарищем. Женщина воды зачерпнула и обратно пошла. Дома братья все толкуют, откуда стрела взялась.

— Ты ничего не видела? — сестру спрашивают.

— Верхнеобский приятель ваш с товарищем уток промышляет.

— Тэ! А мы, сколько ни смотрели, никого не видели.

К реке пошли, вверх смотрят. Сколько ни глядели, никакой лодки не увидели. Вернулись, говорят:

— Никакой лодки нет.

— С такими-то глазами, как у вас, разве что увидишь!

На берег вышла сестра, сквозь бахрому платка посмотрела. Лодка как тут плывет, видно, как веслами люди загребают, разговор слышен. Верхнеобский Богатырь говорит:

— Что это за поселок незнакомый виднеется? Живет ли кто там? Смотри-ка, у лодок люди ходят.

В это время оба брата тоже на берег вышли. К сестре подошли. Вдали, чуть видно, весла на солнце поблескивают.

— Ну, из такой дали чирков убили! — братья удивились.

Немного погодя лодка подъехала. Люди чирков своих взяли.

— Послушай, выйдем на берег, посмотрим, что за люди живут.

— Ну что же, зайдем.

К берегу причалили, из лодки вышли. Видит Верхнеобский Богатырь — это его родственники нареченные. И невеста тут же стоит.

— Давай в сторону отойдем, — Богатырь товарищу шепнул. Отошли. Богатырь говорит:

— Зайди к ним, спроси, отдадут сестру или нет?

Товарищ в шалаш зашел, спрашивает:

— Люди, сестру отдадите или нет?

— Милый дружок, а мы-то тут при чем? Вот как в прошлый раз виделись, договорились, а она с другим человеком уехала. Из-за нее тогда чуть живы остались. И теперь вдруг пообещаем, а она опять куда-нибудь скроется. Твой товарищ тогда, пожалуй, нас и вовсе убьет. Сам, если столкнется, пусть берет. Разве мы ее держим? Если захочет — пойдет с ним, мы пересчитать не станем.

Сват к товарищу вернулся.

— Ну, что говорят? — тот спрашивает.

— Да, говорят, пусть идет, если хочет. Думается мне, что не хотят отдавать.

— Ну ладно, поедем! Пусть остаются.

В лодку сели, поехали. В одном месте видят: на берегу жепщина сидит. На голове у нее платок шелковый с бахромой.

— Кто это сидит? — товарищ Богатырю говорит.

— Правь на другую сторону, — Богатырь отвечает.

Тот лодку повернул, спрашивает:

— А ты не видал, кто это был?

— Нет.

— Невеста твоя долго сватанная.

— Тэ! А я и не узнал ее.

— Возьмем ее в лодку? — товарищ спрашивает.

— Довольно, кэй⁶. Пусть остается, не надо.

— Меня возьмите! — жепщина кричит.

Не стали ее слушать, уехали. Так и осталась. Долго ехали, коротко ехали, опять ту же жепщину на берегу увидели.

— Посмотри, снова сидит! — товарищ Богатырю говорит. — Возьмем ее, такая настойчивая жепщина!

— Не надо, довольно о пей, правь на ту сторону.

Едут дальше. Немного проехали — опять сидит!

— Давай возьмем ее, — товарищ упрашивает. — Уж очень настойчивая.

— Хватит, поворачивай к тому берегу, надоела она! Жепщина осталась.

— Ну, подождите,— говорит.

Платок с головы сдернула, над водой потрясла. Вода вся загорелась. Обь во всю ширину огнем запылала.

— Эй, гребни скорей! — товарищ кричит. — Огонь сзади, спалит нас.

— Не бойся,— Верхнеобский Богатырь ответил. Веслом по воде туда-сюда поводил, огонь погас. Женщина, увидев это, крикнула:

— Ну, подождите! Когда я в ваш поселок приду, там от домов щепки одной не останется, котел сварить не на чем будет!

Верхнеобский Богатырь обернулся, посмотрел, ничего не сказал. Спина к ней повернулся, дальше гребет. Домой приехали, живут там. Однажды с низовой стороны черная туча поднялась. Люди в городке говорят:

— Худая туча идет. Нижний плес потемнел совсем.

Ветер налетел, дома валить стал. Туча еще ближе подошла, из тучи вооруженный богатырь на землю соскочил. Люди в городке за оружие похватались, навстречу ему выбежали. Биться начали. Кого ударит богатырь, тот на две половинки распадается, кого заденет — кровью зальется. Товарищ Верхнеобского Богатыря с ним схватился. Долго боролся, наконец повалил.

— Тащите ремни! — кричат. Принесли ремни, руки-ноги богатыря связали, всего ремнями обвили. Люди товарищу Верхнеобского Богатыря говорят:

— Спасибо тебе, от беды нас избавил.

В то время лежащий потянулся, напрягся — все ремни враз лопнули. На ноги вскочил, снова на людей набросился.

— Беги к вождю скорей. — народ товарищу Верхнеобского Богатыря кричит, — буди его! Пусть идет. Этот всех нас перебьет!

Тот побежал. Верхнеобского Богатыря будить стал:

— Вставай скорей!

— Чего ты набросился, зачем будишь?

— Незнайный богатырь народ наш убивает, иди скорей!

— Иди прочь, спать хочется. Свяжи его, пусть лежит! Справиться с ним не можешь, что ли?

Товарищ Верхнеобского Богатыря из юрты вышел, к месту битвы побежал. Видит: пуще прежнего дерутся. Народу побито — счету нет. Кто в крови лежит, кто плачет, кто обессилел вовсе.

— Идет вождь?

— Да нет, спит!

Сам с прищельцем схватился. Долго боролся, все-таки повалил на землю. Опять веревками, ремнями лосиными сырыми скрутил:

— Ну, теперь эти ремни пускай порвет!

Народ товарища Верхнеобского Богатыря окружил, за спасение благодарит:

— Вот спасибо! Эти ремни теперь не порвет!

Связанный лежит, дышит тяжело. Вдруг потянулся, напрягся — ремни все враз лопнули. На ноги вскочил, на людей набросился.

— Беги к вождю скорей! — народ товарищу Верхнеобского Богатыря закричал. — Пусть идет. Перебьет этот нас всех! От городка уж половина только осталась!

Тот побежал, Богатыря будит:

— Вставай скорей! От городка лишь половина осталась.

— Да нет, спать хочу. Свяжи его, пусть лежит.

— Ремни не держат. Связать нечем. Скоро всех людей перебьет.

— Ну, вон ремешок, свяжи им.

— Эй, послушай, такой ремешок где ж сдержит? Да и как свяжешь — короткий!

— Руки и ноги лишь свяжите.

Товарищ Верхнеобского Богатыря ремень взял, из курты выскочил. На место прибежал, пуще прежнего дерутся. Сам с пришельцем схватился. Долго боролся, наконец на землю повалил. Вязать стали. Ремень короткий, руки в одном месте да ноги в одном месте связать лишь хватило.

Народ плачет:

— Такой ремешок его где удержит! Вскочит, всех прикончит!

Связанный лежит. Тяжело дышит. Потом потянулся, напрягся, вырываться стал. Ремень потянулся, как струна звепит. Руки ремнем до костей прорезало — не рвется, держит. Наконец ослабел, рвать перестал, заплакал. В то время шлем с головы свалился, люди смотрят — женщина!

Все поразились, меж собой говорят:

— Вот так женщина-богатырь!

Женщина плакать стала. Руки, ноги ремнем изрезало. Верхнеобского Богатыря товарищ к нему пошел. Говорит:

— Однако, женщиной оказался!

— А ты сразу и не разобрал?

— Нет, я сначала не узнал. Это та, которая за нами тогда гналась!

— Ага. Я потому и не вставал; знал, что это она пришла.

Ну, женщина все лежит. Плачет-разливается. С тех пор как связали, семь дней прошло. Слушать надоело.

— Довольно, — Верхнеобский Богатырь товарищу говорит, — пойди отпусти ее. Если захочет, пусть ко мне идет. Женой возьму.

Тот пошел, развязал. У женщины руки, ноги ремнем изрезаны. Отпустил. Говорит ей:

— Вождь сказал: «Если хочет, пусть ко мне идет».

Женщина согласилась, пошла. К мужу пришла. Тот лежит, как лежал. Говорит ей:

— Городок весь развалила? Выйди на улицу, может, от домов хоть немного щепок осталось — огонь разжечь.

Женщина не отвечает.

— В прошлый раз ты грозилась: «В городок твой приду, от домов щепок не останется, огонь развести нечем будет». Где же теперь сила-то твоя вся?

Женщина в ответ ни слова не говорит.

— Я нарочно из юрты не выходил. Мой ремешок порвать не смогла, вот твоя и сила!

Женщина с Верхнеобским Богатырем жить осталась. Девочка у нее родилась. Долго жили, коротко жили, стали часто между собой браниться. Муж что скажет — жене не по праву приходится, жена что скажет — мужу не по душе. Все у них худо выходит.

Однажды богатырь калдан взял, к реке пошел. Вверх по Оби отъехал, сетку в воду пустил, сплавляться стал. К поселку когда приблизился, сетка за что-то зацепилась, лодка воды зачерпнула и перевернулась. Люди увидели это, плакать стали. Невод опустили, неводили, неводили, не выловили. Товарищу Богатыря говорят:

— Пойди скажи жене его, что муж ее утонул.

Тот пошел, женщине говорить стал:

— С плохой вестью к тебе пришел. Муж твой калданить поехал и утонул. Мы невод пустили, да не нашли, видно, водой унесло.

— Какой черт его возьмет! — женщина отвечает.

— А ты, видать, и рада? — сказал и из дома вышел. К народу вернулся. Народ плачет, кричит:

— Где мы теперь такого вождя себе найдем?

Сколько ни неводили, сколько ни искали, вождя не нашли. Устали, бросили искать. Тогда женщина из дома вышла. Ведро взяла, идет по воду. Сквозь бахрому платка в воду посмотрела. Видит она: муж ее у Виткасы-старухи и старика в гостях сидит, чай с ними пьет.

— Вы чего тут стараетесь, — она людям говорит, — чего радуетесь?

— Это мы-то радуемся?! Ты не знаешь, что ли? Откуда мы теперь такого вождя возьмем?

— Вождь ваш куда делся?

— Он из лодки вывалился, утонул.

— А что же он здесь у Виткасы-старухи и старика сидит, чай с ними распивает?

Богатырь услышал, понял, что жена его нашла. Рассердился. А женщина тихонечко домой пошла.

Из воды золотая белка вынырнула, на берегу меж людьми попрыгивает. Люди белку ловить стали, белка от них побежала. Позади, за домом, высокая лиственница росла. Белка к этой лиственнице бросилась. Люди белку ловят, она из рук выскальзывает. На лиственницу взбежала. Собрались люди, стали толковать. Один человек говорит: «Застрелим ее», другой говорит: «Так поймать надо, такую белку разве можно бить?» Решили за женой вождя послать.

— Пойди,— одному говорят,— позови ее, она-то уж наверно поймает.

Товарищ Верхнеобского Богатыря за женщиной побежал:

— Иди скорей!

— Зачем?

— Там такая хорошая золотая белочка прыгает, ты-то уж наверное ее изловишь!

— Ну, и сами изловите!

Богатырь повернулся и ушел. А белка то вниз спустится, то опять наверх бежит. Когда спустится, все ловить ее бросаются. В то время женщина из дома вышла:

— Вы чего здесь делаете?

— Милая женщина, иди скорее, поймай ее! Такая хорошая белочка здесь.

— Где вы белку увидели? — женщина говорит. — Это семь дней меня мучивший вождь ваш. Это он вас всех морочит.

Повернувшись и домой пошла. Верхнеобский Богатырь, на лисовеннице сидя, услышал это. Рассердился, человеком обернулся и вниз прыгнул. Люди замолчали, на месте замерли.

Богатырь домой побежал. Дома жена сидит, девочку грудью кормит. Богатырь ворвался, меч схватил, на женщину замахнулся. Та над мечом сорокой взвилась и в окно вылетела. Богатырь из дома выскочил, на коня вскочил, за ней погнался. Женщина сободем обернулась, дальше бежит. То зайцем обернется, то лисицей, то соболя вид примет. Богатырь, за ней гонясь, однажды старика увидел. Старик у огня сидит, весь грязью покрыт. Спрашивает:

— Внучек, куда бежишь?

— Кто с тобой, грязной собакой, разговаривать станет? Грязью-то весь зарос! Не стану я с тобой говорить.

Дальше побежал. Бежал-бежал, почь наступила, он в темноте бежит. Внезапно свет увидел. Слышит, старик говорит:

— Выбрался? Всю почь ты у меня в рукаве бегал, шерсть всю догола содрал.

— А ты кто таков? — Богатырь спрашивает.

— Я вчера тебя спрашивал, а ты со мной и говорить не захотел. Куда ты бежишь?

— За женой гонюсь.

— Не гонись.

— А почему?

— Верхний Дух вам вместе жить не велит.

— Отчего не велит?

— Брату с сестрой жить нельзя?

— Нет, я ее все равно поймаю.

— Хочешь — беги, но только слушай: она тут недалеко, у Верхнего Духа железные лук и стрелы попросила. До того места дойдешь, если увидишь, что лук и стрелы взяты, не ходи дальше.

— Тэ! Зря только она железные стрелы погубит.

Дальше пошел. Однажды заячий след увидел, по следу идет. День идет, другой идет, вдруг слышит голос:

— Послушай, остановись! Тут впереди увал есть, я на нем железный лук со стрелами оставил. Ели там еще они, то дальше гонись, а если взяты, то не ходи, домой возвращайся!

Верхнеобский Богатырь дальше пошел. На увал поднялся, видит: из-под снега железные лук и стрелы торчат.

— Ну, бери их,— голос снова слышится,— смотри не потеряй только!

— Я не потеряю!

Дальше отправился. Далеко шел, близко шел, в одном месте видит: на железных цепях Семиугольный Город повис. Жена его в этом городке живет. В городке людей много. На самом краю юрточка стоит, у окна старик сидит, локтем на подоконник оперся. Богатырь думает: «Это, верно, вождь их сидит». Стрелу на лук положил, стреле говорит:

— Я тебя пушу, ты этот Семиугольный на Цепях Повисший Город весь разнеси. Если не сделаешь, так всю тебя расщеплю.

Лук натянул, стрелу пустил. Спущенная тетива, как гром, загремела. Слышит Богатырь, старик говорит:

— Эх, внучек, тетива его что-то худа стала! Опять он напортил, опять худо сделал.

Стрела вверх поднялась и зарубкой вниз опускаться стала. Тихонечко падает. «Это черт так устраивает,— Богатырь думает,— что стрела моя так летит». Стрела потихоньку опустилась, к старику подлетела, к локтю прилипла и повисла. Старик локоть почесал, говорит:

— Откуда комары взялись?

Почесываясь, взглянул, стрелу увидел. Схватил ее, назад направи, сказал:

— Эй, послушай, я вчера тебе говорил: не ходи дальше. Зачем назад не вернулся? Теперь если стрелу зарубкой вперед меж глаз тебе пушу, тут тебе и конец будет. Лучше добром возьми стрелу назад.

Стрелу бросил.

— Теперь яму вырой, сам в яму ляг.

Богатырь яму выкопал, лег в нее.

— Глаза закрой,— старик велит.

«Ну, этого-то я делать не стану,— Богатырь про себя думает,— глаза закрыть!»

Старик поднялся, из юрты вышел. Орлом обернулся, через палисад перелетел и вверх подниматься стал. Вокруг города семь раз облетел. В то время над городом тремя белыми быками запряженная парта появилась. Богатырь смотрит: в парте Тоналойка⁸ сидит. Орел на парту опустился, человеком снова сделался, белую парку надел. Из парты меч вытащил. «Что этот дед делать хочет?»— Богатырь думает. Старик меч поднял — только свист разнесся. У Верхнеобского Богатыря в глазах потемнело, в голове помутилось. Долго ли без памяти лежал, не помнил.

Очнувшись, кверху глянул: городка как и не бывало, на том месте, куда город упал, озеро появилось.

Богатырь на ноги встал, озеро кругом обошел. На снегу след жены увидел, снова по следу побежал. До Казыма дошел, вверх по реке гонится. К верховью подходить когда стал, вдали жену увидел. Пуще прежнего бежать пустился. Нагонять когда стал, стрелу пустил. В том месте, куда стрела упала, скала поднялась. Богатырь на лук оперея, вперед прыгнул. На землю опустился, видит: перед ним жена стоит.

Говорит женщина:

— Семикрылый, семирукий, Верхнего края Богатырь Верхний Дух, отец наш, нам вместе жить не велел. А воевать если начнем, ни ты со мной, ни я с тобой справиться все равно не сможем.

— Отпые ты здесь жить будешь, — Верхнеобский Богатырь сказал. — а народ твой в глухаринных шкурах будет!

— Спасибо, что теплую кожу нам дал. А твой народ в холода, как вехи придорожные, пусть мерзнет!

На этом и разошлись. Верхнеобский Богатырь в свой поселок отправился. После его ухода женщина в Няксимволь отправилась. Еще когда она в Семиугольном, на Семи Целях Повисшем Городе была, тогда дочь свою с братом в Няксимволь отправила. Теперь в Няксимволь пришла, старший брат ей навстречу вышел.

— Девочку твою, — говорит, — менкв украл, в воду бросил. Нижке поселка я ее из воды выловил, на дерево положил⁹.

Женщина заплакала, сказала:

— Ну что ж сделаешь. Пусть там и остается. А теперь, милый братец, прощай. Пойду я в верховья Казыма. Там мое место будет.

В верховьях Казыма поселилась. Олпажды Аут-отыр на нее напал. Слова не сдержал, войной пришел. Биться стали. Долго бились, все войны Аут-отыра полегли, он один остался. Бороться схватились. Вскоре женщина Аут-отыра на землю повалила. Говорит:

— Сказала я тебе — не являйся ко мне, а ты пришел. Теперь без метки не отпущу.

Нож взяла, один глаз Аут-отыру выколола.

— А сейчас поклянемся.

Дерево срубили, на семь граней затесали, человеческой кровью помазали. Поклялись.

— Теперь, — женщина сказала, — после нашей клятвы если ко мне явишься, живым не отпущу. Пока знаком только пометила, одноглазым сделала, в следующий раз — живым уйти не думай!

— Боляне не прпду, — Аут-отыр ответил. — Спасибо, что хоть таким отпустила.

Прощались, разошлись. Теперь каждый в своем месте живет. Женщина в верховьях Казыма жить осталась. «Верховий Казыма-реки Великая Женщина» — зовут ее. Казымского народа предок она.

145. Два сына Сибирской Женщины Резаное Железо

В одном углу семидесяти семи миров появилась каменная гряда — Уральская гряда. Родился сын, рожденный Сибирской Женщиной Резаное Железо¹. [Вскоре у нее родился второй сын²] От отца ли произошли — не знают, от матери ли произошли — не ведают; нет у них отца, нет у них матери.

Вышли на улицу. Крикнули семикратным криком своему отцу-бабушке. Ворожат. Разбросали глазных птичек, осмотрелись³: в далеком мире, в далекой земле живет Трехсаженный Лесной Идол. У него есть дочь, у девушки с косами заплетена коса, у девушки с волосами заплетены волосы. Два сына, рожденные Сибирской Женщиной Резаное Железо, идут свататься.

Пошли. Пошли охотиться на гусей и уток. Отправились к обской воде, легли спать, перепочевали. Старшему брату не спится, он ворожит, видит: к ним подкрадывается вражеское войско. Выскочил из своего лога. Взял в руки лук и стрелу, ждет. Враги спрятались. Снова забрался в лог, лег. Лег и уснул. Его как будто кто толкнул. С помощью ворожбы видит: опять подкрадываются. Выскочил из лога и видит: подкрадываются. Взял лук и стрелу. Подкрадываются, приближаются. Он сел, чтобы их дожидаться. Враги идут, идут. Он натянул свой лук и выстрелил. Когда выстрелил, на череп стрелы палил десять тысяч мужчин. Будит своего младшего брата, брат спит. Говорит: «Брат, пойдем, а то нас убьют».

Когда они пошли, встретили стаю уток, стаю гусей. Младшего брата пропустил вперед. «Иди первый», — старший говорит. Брат выстрелил и едва добыл двадцать или тридцать штук. Старший говорит: «Много ли добыл?» Сам выстрелил. Одной стрелой убил тридцать или сорок тысяч штук. Это была им пища на дорогу.

Ехали, ехали. Вышли на берег поесть, понить. Видят: висит привязанный лог. Они подумали, что здесь есть люди. Людей нет. Спрашивают маленьких детишек:

— Ваша тетка⁴ находится далеко или близко?

Дети говорят:

— Наша тетка находится далеко, не увидит вам ее ни в ясную, ни в облачную погоду.

За такие слова они детей убили. Не поели и дальше поехали. Ехали, ехали, вышли на берег: живет старая женщина. Старая женщина говорит:

— Два сына, рожденные Сибирской Женщиной, ехать-то вы поезжайте, да на себя надейтесь! Маленький Старик Купец Куропачий Хлеб, Горловой Хлеб так сказал: надейтесь на себя — поезжайте, не надейтесь на себя — не едите!

Старуху они разрубили веслом на две части. Потом быстро сели в лодку, чтобы ехать дальше, не почили, не поели.

Ехали, ехали и вот увидели город. Подъехали к нему: висит он, подобно посу облака. Приблизились к нему. Нет ни одной щели, чтобы проникнуть в город. Обратились они с призывом к своему отцу, свет-батюшке, чтобы он дал им жару. Добрый бог дал жару. Всех людей, живущих в городе, опалило.

Стали жители носить воду, чтобы умыться. Ворота города открыли, вымыли, выкупали в воде старух и стариков. Потом вывели дочь Лесного Идола высотой в три сажени, шириной в три сажени, служанки и слуги стали ее купать. Привели к воде, в воду посадили; даже мужчин бросили ее в лодку и увезли. Когда ее увозили, служанки и слуги спрятались.

Жена Лесного Идола высотой в три сажени, шириной в три сажени начала искать свою дочь, а дочь ее увезли. Сильно ее ищут! Искали, искали, не нашли. Стала ругать служанок и слуг:

— Куда вы ее девали?

— Мы, — говорят, — не видели, не знаем, — говорят. А она и говорят:

— На земле, в куче сора живущий мохпатый червь — он ее и увез. Нужно, — говорит, — ее искать. Надо идти по следу, где настигнем, там и отобьем ее и привезем обратно.

Собрала народ со всей деревни, и они отправились догонять. Мужчины, похитившие девушку, поджидают их. Ждали, ждали, дальше поехали, переночевали, в дно реки вбили жердь, погрузили ее в воду и стали ждать едущих сзади людей. Когда те подъехали, наткнулись на жердь и застряли. Старший брат обернулся рыбиной и караулит их под водой. Подъехали сзади едущие мужчины и тоже застряли. Богатырь их к себе не подпускает. Выпрыгнул он из воды в образе рыбины и пустил из лука стрелу. Поднял свой костяной лук, сделанный из рогов семи быков-оленей, и выстрелил: нанизал на черен стрелы двадцать тысяч мужчин. Второй раз выстрелил. Стрелял, стрелял, и врагов осталось совсем мало. Он говорит им:

— Возвращайтесь обратно. Я богатырь, назначенный богом, — говорит, — я могучий герой. Не надейтесь, у меня ничего не отнимите. Любого богатыря приведите, ничего со мной не сделаете, ему меня не одолеть. Если даже когда-нибудь и придете, никогда вам не превзойти меня своей силой.

— Уйти-то мы уйдем, а ты все-таки жди! — говорят. — Слуста семь лет мы снова придем.

И вот два брата-богатыря отправились домой. Отправились домой, домой прибыли. Легли спать. Долго спали. Прошла неделя. Однажды слышались вражеские голоса, враги приближаются. Жена будит старшего богатыря, он не просыпается. Ткнула его в бок тонким ножиком, проснулся. Проснулся, вышел на улицу. Осматривается, ворожит: где-то идут. Он пошел домой, поел, попил. И опять вышел на улицу, на деревенскую площадь. Забрался на городской столб⁵, взял свой костяной лук, сделанный из рогов семи быков-оленей, поднял его, начал стре-

лять. Стрелял, стрелял, целый месяц стрелял. Сколько тысяч перестрелял, не знает. Однажды его жена заметила, что тетива лука у него ослабла, не звенит.

Пошла будить младшего зятя, а он же еще спит, спит с тех пор, как прибыл домой. Как ни будит своего младшего зятя, он не просыпается. Она ткнула младшего зятя тонким ножом, которым колола своего мужа, тот и проснулся. Проснулся. Она говорит младшему зятю:

— Вставай, твоего старшего брата убили!

Младший зять вышел на улицу, осматривается. Старшего брата нигде нет. «Что делать?!» Пошел к себе в дом. Поел, попил, с едой и питьем покончил, пошел искать старшего брата.

Шел, шел, долго шел. И вот наконец показались враги прямо перед его глазами: идут полным ходом. Он к ним приблизился. Его старшего брата бросили на землю, брат совсем обессилел. Он старшего брата отправил домой, а сам бросился вперед и стал их догонять. Догонял, догонял и прошел мимо них.

Старик Купец Куропачий Хлеб, Горловой Хлеб повернул назад, и снова схватили старшего брата, которого полонили раньше. Младший обогнал их, возвратился назад, догнал. Когда он их догнал, видит: его брата собираются убить. Он пошел туда.

Как ни пытается враг зарубить его брата мечом, поднимает меч, но не попадает. Как ни рубил, ни разу в него не попал. Как ни барахтаются, ни возятся, никто из них не может взять верх.

— Что будем делать? — говорит.

Опять схватились, возились, возились, и сила у них кончилась.

— Давай помиримся! — говорит.

Помирились. Разошлись в разные стороны. Попрощались.

— Теперь, — говорит, — что мы будем друг с другом ссориться?!

Тут и младший богатырь помирился со Стариком Купцом Куропачьим Хлебом, Горловым Хлебом. И разошлись в разные стороны.

Старший брат пошел домой, домой пришел рано. Болест. От старшего героя родилась дочь, от младшего героя родился сын. Они выросли, повзрослели, оба стали в величину женщины, в величину мужчины. Долго жили, коротко жили, кто знает. И вот приходит Маленький Старик Купец Куропачий Хлеб, Горловой Хлеб к старшему богатырю, чтоб украсть его дочь. Старший богатырь разгадал его замысел с помощью ворожбы.

— Что делать? — говорит. Спрашивает жену:

— Жена, — говорит, — как же мы отдадим нашу единственную дочь?

Жена отвечает:

— Не спи, старик, ночью или днем нас могут убить.

Старик поставил на крышу дома мужчину, дал ему в руки лук и стрелу, чтобы пугать людей, которые придут сватать.

Маленький Старик Купец Куропачий Хлеб, Горловой Хлеб ведет свое войско. Приблизился к деревне, поспешил туда. Говорит:

— Как нам выкрасть девушку?

Старший богатырь свою дочь спрятал. Ночью подошли к деревне и стали разрушать снаружи клиньями и молотами ограду города. Старший богатырь проснулся. Стал кричать голосом доброго идола, голосом злого идола. Один мужчина просит с той стороны города:

— Пустите меня в город!

Старший герой спрашивает его:

— Ты человек какой земли?

— Я,— говорит,— человек теплой земли.

— Ты,— говорит,— по какому делу сюда пришел?

— Я,— говорит,— принес тебе только три слова, поэтому пусти меня в город!

— Ты,— говорит,— вовсе не человек теплой земли. Ты пришел украсть молодую девушку, обладающую иглой величинной с кольцо, величинной с серьгу. Ты вовсе не человек теплой земли, ты сын ненецкого богатыря, пожирающего мясо вшей. Я,— говорит,— не отдам тебе мою дочь. Верховный бог, свет-батюшка, когда пребывает на небе, пускает слюни, бросает стружки, и из них появляются люди⁶. Я лучше им отдам свою дочь. Свою дочь я не отдам тебе, я еще и у тебя возьму.

Люди, приехавшие сватать, поехали обратно. Поехали обратно — богатыря с ними не было, вернулись домой, жалуются:

— Украли дочь Лесного Идола высотой в три сажени, шириной в три сажени, украли нашу тетюшку, поэтому мы должны отомстить и похитить нашу тетю. Пойдемте воевать,— говорят.

Пошли, тронулись в путь. Шли, шли.

— Как нам войти в деревню?

Приблизились к деревне, заночевали. Люди в деревне спали. Пришедшие стали подкапываться под деревню. Дед сына, рожденного Сибирской Женщиной Резаное Железо, находясь в городе, ночью не спит; лежит на вшивой постели, на блошистой постели, никак не может уснуть. Заметил: сотрясается черная земля. Женщина кипятит воду. Вскипятила воду. И вдруг враги появились из одного отверстия. Стала она их обливать кипятком. Гибнут враги, совсем мало их осталось.

Младший богатырь вышел на улицу. Долго ходил, коротко ходил. Когда он обзирал землю и воду, сзади послышался визг и крик. Младший богатырь вернулся в свой дом, спрашивает жену:

— Что случилось?

Отвечает:

— Так и так, дорогой сын богатыря, сын богатырши. Ты куда ходил? Твоего старшего брата похитили. Три человека убили его через дверь, где проходил ты.

Говорит жене:

— Почему ты его отпустила? Надо идти вслед за ним,— говорит.

Свою броню облил ледяной водой, холодной водой. Шагает взад-вперед по дому. Когда он так шагал, пол под ним прогибается, как тонкое дерево, как слабое дерево. С потолка песок сыплется. Потом вышел на улицу, бредет, шагает по темной земле, проваливаясь до середины голени. Жена говорит:

— Сын богатырши, сын богатыря! Почему ты так долго собираешься? Твоего старшего брата убьют там, куда везут его,— говорит.

Муж с женой попрощался.

— В пути,— говорит,— или жив останусь, или погибну,— говорит.

Тронулся и пошел. Когда он шел, ступал по каменистой земле, как будто по земле Урала, проваливаясь до середины голени. На каменистой земле, на земле Урала выросло громадное дерево, достигающее неба, достигающее земли. Идет, цепляется за деревья, трется между громадными стволами: звенит хвоя хвойных деревьев, звенит кора користых деревьев. Долго шел, коротко шел — догнал своего старшего брата. Старший брат чуть жив.

Старик Купец Куропачий Хлеб, Горловой Хлеб побежал и скрылся. Он погнался за ним, стал его преследовать, старшего брата отправил домой:

— Иди домой!

— Брат,— говорит,— нет у меня силы идти домой.

Они вместе погнались за беглецом. Гнались, гнались, дорога сделала крутой поворот. Он мимо них и проскочил. Оказавшись впереди, встретил старшего брата и убил его. Подоспел младший брат. Смотрит: старшего брата убили. Догнал (убийцу), и они начали драться. Бились, бились, семь лет бились. Сын, рожденный Сибирской Женщиной Резаное Железо, отпустил мужчину, который убил его старшего брата, и сам пошел назад. Сын, рожденный Сибирской Женщиной Резаное Железо, пошел домой. Кричит своему отцу, свет-батюшке. Говорит:

— Назначь мне место для жительства!

Его отец, свет-батюшка спустил ему слово-весть.

— Иди,— говорят,— к обской воде, ищи себе сам удобное тебе место на мысу богатырш, на мысу богатырей! — говорит.

Он и пошел. Шел, шел. В том месте, где он шел, семь Обей слились вместе. И сел он там в устье слившихся семи Обей⁷. Создал он на том месте полную деревню, полный город. И сел он в свою полную деревню, в свой полный город. Пускает нельму, пускает осетров, кормит бедствующих дочерей, кормит бедствующих сыновей. Поселился он там, как живущий под водой обладатель пушного богатства, как живущий под водой обладатель рыбного богатства.

— Разреши плавать в семидесяти семи странах, в семиде-

сяти водах большеголовым головастым нельмам, разреши плавать головастым нельмам с маленькими головами, дай наестся, дай напиться твоим бедным дочерям, твоим бедным сыновьям! — крикнул он своему отцу-батюшке.

Его отец спустил ему семь подушек, семь перин. И лежит богатырь на мужском ложе на семи подушках, на семи перинах. Он выпускает диких зверей с длинными хвостами, выпускает диких зверей с короткими хвостами. И когда он так лежит, сколько есть людей в семидесяти семи землях, всех их кормит, всех их питает. Для своего отца он приготовил семь бочонков нива, семь бочонков браги. Своему отцу-батюшке устроил священную трапезу, помолился.

146. Трехсаженный Лесной Идол

В деревне ли, в городе ли жили-поживали два брата-богатыря. В конце деревни, в конце города жили старик со старухой. Однажды ночью Младший Богатырь вышел на улицу и вошел в их дом. Старик и говорит Младшему Богатырю:

— Богатырь, в далеком месте, в далекой стороне говорят о дочери Небесного Крайнего Пятидесятого Богатыря. Ее имя — Серебряная Смородина — Золотая Смородина, важная богатырша. Тобою качались три конца веревок ее коробочной колыбельки, тобою качались три конца ее свивальной колыбельки¹. Ее похитил и взял к себе Трехсаженный Лесной Идол. Он живет на берегу Оби.

Возвратился Младший Богатырь к своему старшему брату и говорит:

— У Небесного Пятидесятого Богатыря говорят об одной девушке. Имя ее — Серебряная Смородина — Золотая Смородина, важная богатырша. Она похищена Трехсаженным Лесным Идолом. Город Трехсаженного Лесного Идола растянулся по Оби на семь плесов. Верхний конец его городских бревен касается верхнего неба, нижний конец городских бревен опирается на нижнее небо². У Трехсаженного Лесного Идола живет столько народу, сколько шерсти на северном олене, сколько шерсти на собаке. Я качал три конца веревок ее коробочной колыбельки, я качал три конца веревок ее свивальной колыбельки. Не пойдешь ли ты, старший брат, со мной сватом?

— Ох, брат, — отвечает ему Старший Богатырь, — я не пойду.

Тогда Младший Богатырь просит Старшего:

— Ты, старший брат, превратись в точильный камень. Если встретится человек, плывущий вниз по реке, и если у него затуплен нож, то пусть он на тебе этот нож наточит. Если вверх идущий человек будет с затупленным мечом, то пусть он на тебе и этот меч наточит.

Младший Богатырь собрался один и отправился в город Трехсаженного Лесного Идола. Долго идет, коротко идет. Как-то остановился и говорит себе:

— Я, так шагая, куда приду?

И превратился в медведя. Бежал, бежал, опять остановился и думает: «Я, так шлепая, куда попаду?» И сразу превратился в змею. Змеей полз, полз, снова остановился:

— Шелестя по сухой траве, я куда попаду?

После этих слов превратился в ворона и взлетел. Летел, летел, наконец прилетел к городу Трехсаженного Лесного Идола.

— Как я заберусь в этот город, достающий верхнее небо?

Превратился в горностаю, начал подниматься по стене города. Поднимался, поднимался, когда когти его износились, повернул обратно. Внизу нашел дыру, изнутри ход прорыл и через него вышел наверх.

Придя в город Трехсаженного Лесного Идола, Младший Богатырь попросил отца Нум-Торума напустить жару на семь недель. Когда пастушила жара, жена Трехсаженного Лесного Идола — Серебряная Смородина — Золотая Смородина, важная богатырша, вышла на берег Оби купаться. С собой она взяла семь женщин. Разделась, вошла в воду. В это время Младший Богатырь горностаем влез в ее одежду.

Выкупавшись, она взяла одежду, говорит золовке:

— В мою одежду какой-то зверь залез!

Золовка взяла одежду и начала ее трясти.

— Никакого зверя нет, — отвечает ей золовка.

Горностаю в ее одежде не мог больше терпеть. Он выскочил, превратился в медведя, схватил Серебряную Смородину — Золотую Смородину, важную богатыршу, зажал ее зубами, побежал с ней в лес и унес ее к себе.

Тем временем Трехсаженный Лесной Идол спал. Проснулся и смотрит: его жены нигде нет. Поднялся и спрашивает:

— Кто знает, куда пошла моя жена?

— Пока ты спал, — отвечает ему ворона, — сделалась семинедельная жара. Твоя жена пошла на Обь купаться. Там водяной ее поймал.

Трехсаженный Лесной Идол надел панцирь, меч, прыгнул в воду. На воле круги образовались. Стал драться с водяным. Рубит, рубит. Прошла неделя. От водяного остались одни куски.

— Нет в животе водяного двух кос моей жены, семисаженных кос, — вздохнул Трехсаженный Лесной Идол и поднялся наверх. Снова спрашивает ворону:

— Куда унесли мою жену?

Ворона ему отвечает:

— Твоя жена унесена семью стариками-лешими.

Трехсаженный Лесной Идол надевает панцирь, меч и идет в лес сражаться с лешими. Неделя прошла. Кусочки мяса стариков-леших в город падают.

— Нет в животе стариков-леших двух кос, семисаженных кос моей жены, — говорит он.

Над ним воробей летает. Трехсаженный Лесной Идол спрашивает его:

— Дорогой, милый воробей! Не видел ли ты мою жену?

— Я тебе так не скажу,— воробей ему отвечает.— Если я это знаю, то не скажу, и если не знаю, то тоже не скажу. Ты когда пойдешь на охоту, лося добудешь. Но если я захочу съесть каплю крови, то ты своим луком, стрелой и хитростью будешь со мной драться.

Трехсаженный Лесной Идол идет дальше. Долго идет, коротко идет — не знает. Однажды над ним ворона летит. Трехсаженный Лесной Идол говорит вороне:

— Дорогая ворона, не знаешь ли ты, где моя жена?

— Если я и знаю, не скажу, если и не знаю, не скажу.

Он дальше идет. Сорока летит. Трехсаженный Лесной Идол спрашивает:

— Дорогая, милая сороченька! Ты не знаешь ли, где моя жена?

— Знаю, знаю, Трехсаженный Лесной Идол,— отвечает ему сорока.

Обрадовался Трехсаженный Лесной Идол и говорит:

— Я тебе поставлю семиушковое ведро³ с рыбьим жиром.

Ставит семиушковое ведро с рыбьим жиром. К ведру прилетела сорока и стала клевать.

— Скажи, сорока, где моя жена?

— У Нижнекондинского Младшего Богатыря⁴. Там твоя жена.

Трехсаженный Лесной Идол ловит сороку за хвост, бросает на землю и убивает, а сам возвращается в свой город.

Стал Трехсаженный Лесной Идол готовиться к сражению с Младшим Богатырем. Когда он готовился воевать, месяц был вверху над облаками. Когда собралось войско, месяц спрятался. С войском он пошел воевать против Младшего Богатыря.

Серебряная Смородина — Золотая Смородина, важная богатырина, выйдя на улицу, увидела приближающееся войско, вернулась в дом и говорит Младшему Богатырю:

— Какое-то войско к нам приближается, какие-то гости идут. Как будто вершина срубленного дерева сюда движется.

Младший Богатырь оделся, надел панцирь, взял меч и вышел на улицу. Враги приближаются. Трехсаженный Лесной Идол впереди войска идет, по бедрам себя поспешивает, говорит:

— Мой Младший Богатырь! Много ли, мало ли выстоит твой дом, сделанный из теса?

Младший Богатырь лук натянул и пустил первую стрелу. Трехсаженный Лесной Идол поднялся на высоту трех выкриков, потом свалился и ушел в землю на глубину одного локтя. Затем вскочил, побежал обратно.

Младший Богатырь лук натянул и пустил вторую стрелу. Трехсаженный Лесной Идол поднялся вверх на высоту одного выкрика, потом ушел в землю на глубину одного локтя. Снова поднялся, начал бегать и снова драться.

Младший Богатырь опять лук натянул и пустил третью стрелу. Трехсаженного Лесного Идола на этот раз унесло в чистое место. Младший Богатырь теперь начал драться с войском Трехсаженного Лесного Идола. Прошло три дня. Младший Богатырь посылает Серебряную Смородину — Золотую Смородину, важную богатыршу, к старшему брату. Пришла она к Старшему Богатырю и спрашивает его:

— Не пойдешь ли ты помогать своему младшему брату? У твоего брата мягкое мясо с пальца уже сорвано⁵.

Старший Богатырь лежит и так говорит:

— Если у моего брата нож иступится, пусть он сам придет и на моих боках нож наточит.

Жена младшего брата обратно вернулась и говорит Младшему Богатырю:

— Твой брат не идет помогать. Он так говорит: «Если твой нож иступился, то ты на его боках наточи».

Младший брат дальше продолжает сражаться. Проходит три дня. Младший Богатырь второй раз посылает свою жену к Старшему Богатырю. Старший брат-богатырь так говорит:

— Если меч моего младшего брата иступился, пусть об меня наточит, и брат быстрым сделается.

Жена Младшего Богатыря вернулась и передает мужу:

— Твой старший брат так говорит: «Наточи твой меч об него, и ты быстрым сделаешься».

Младший брат опять начал драться. Три дня прошло. Он снова отправляет свою жену к старшему брату. Жена в третий раз пошла к Старшему Богатырю. В правой руке она несла чашку с мясом двух годовалого жеребенка, а в левой — свежую кровь рыбы. Она вошла в дом. Старший брат соскочил с кровати.

— Обратно иди, — говорит, — я готов!

Олевшись сам. Старший Богатырь оседлал лошадь и поехал собирать войско. Долго ехал, коротко ехал, вошел в черную землю. Под черной землей шел, шел, отверстие нашел. Через это отверстие вышел наверх, на землю. С ним семь мужчин-родственников туда пришли. Семь мужчин-родственников пошли к своим матерям. Потом семь мужчин-родственников пошли к своим отцам. Собравшись все вместе, пошли к Нум-Торуму. Старший Богатырь его спрашивает:

— Дорогой господин! Не подарить ли мне золотой кнут? Дорогой господин, отец мой! Не подарить ли мне золотой топор? Муж-отец, живущий в семи странах! Не подарить ли мне мешок живой воды?

Нум-Торум подарил ему золотой кнут, подарил ему золотой топор, подарил ему мешок живой воды. Старший брат пошел обратно. С ним вернулись семь мужчин-родственников, семь матерей этих мужчин и семь отцов этих мужчин. Все они пошли помогать Младшему Богатырю.

Теперь уже Старший Богатырь стал преследовать войско Трехсаженного Лесного Идола. Вскоре он видит: все семь муж-

чин-родственников убиты. Матери семи мужчин и отцы семи мужчин тоже убиты. Войска Трехсаженного Лесного Идола вытащили один глаз Младшего Богатыря, отрезали одно ухо, ноги его затолкали в мешок, сшитый из лошадиных шкур, и понесли с собой в свой город. Старший Богатырь тогда обгоняет войско и бежит в город Трехсаженного Лесного Идола. В этом городе жили живые существа⁶. Старший Богатырь вошел в дом живых божеств, убил их, а сам сел на их место.

Вскоре и войско Трехсаженного Лесного Идола вернулось в этот город. Чтобы накормить живых существ, они через окно забросили мешок, сшитый из лошадиных шкур, вместе с Младшим Богатырем.

— Мы,— говорят они,— принесли живой глаз, припесли живое ухо, живую ногу и живую руку.

Старший Богатырь развязал мешок, смотрит: его младший брат в этом мешке лежит. Он вытащил брата из мешка и стал мазать его живой водой. Младший брат-богатырь ожил. На следующий день старший брат стал драться с войском Трехсаженного Лесного Идола. Вот он борется, борется, люди расступаются, деревья расходятся. Долго боролся, коротко боролся, однажды накаливается на что-то острое. Он ударяет золотым топориком, золотой топорик ломается. Старший Богатырь спрашивает:

— Кто ты такой?

— Я — князь, живущий в нижнем мире⁷, — тот ему отвечает.

Борьба продолжается. Наконец князь, живущий в нижнем мире, ушел сквозь землю. На третий день Старший Богатырь снова борется с войском Трехсаженного Лесного Идола. Вот он борется, борется, люди перед ним расступаются, деревья расходятся. Долго боролся, коротко боролся, однажды накаливается на что-то очень острое. Старший Богатырь ударяет золотым кнутом — золотой кнут ломается. Старший Богатырь спрашивает:

— Ты какой-нибудь царь-старик?

— Я Обской Царь-Старик!⁸

Снова борьба продолжается. Долго дрались, коротко дрались, Обской Царь-Старик в воду упал. Только круги по воде разошлись. Старший брат снова с войском Трехсаженного Лесного Идола борется. Вот он борется, борется, назад смотрит: народ за ним смыкается, деревья за ним смыкаются. Он вперед посмотрел и видит: к нему бежит его младший брат-богатырь. За ним гонятся двое мужчин — Трехсаженный Лесной Идол и Острый Богатырь Середины Города. Но вот они заметили Старшего Богатыря, от дороги отскочили, в разных направлениях разбежались. Старший брат-богатырь и младший брат-богатырь вместе сходятся. Старший брат-богатырь говорит младшему:

— Ты иди, преследуй Трехсаженного Лесного Идола. Я буду преследовать Острого Богатыря Середины Города.

Начали они преследовать своих врагов. Старший брат преследует Острого Богатыря Середины Города. Гонит, гонит. До-

гоняет, где настиг, на том месте убивает. Потом возвращается назад, туда, где младший брат-богатырь дерется с Трехсаженным Лесным Идолом. В это время Трехсаженный Лесной Идол опрокидывает на землю младшего брата и садится на его грудь. Из кармана он вытаскивает живое железо и хочет проколоть им горло брата-богатыря. Тогда младший брат-богатырь говорит ему:

— Ты так плохо хочешь меня убить? Я — посланный богом через три дня после моего рождения!

Трехсаженный Лесной Идол поднимает вверх голову, а младший брат-богатырь в это время ему нож в горло втыкает. Трехсаженный Лесной Идол падает на землю. Младший брат-богатырь садится на него. Так был убит Трехсаженный Лесной Идол.

Тут вновь встретились богатыри-братья: младший брат-богатырь и старший брат-богатырь. Они повернули обратно. Пришли к семи убитым мужчинам-родственникам, оживили их живой водой. Потом пошли к матерям семи мужчин, их оживили; пришли к отцам семи мужчин и их оживили. Все они пошли дальше. Долго шли, коротко шли, наконец пришли домой.

Приготовили вино,
Неделю ели, неделю пили.
Я там ела, я там пила.
Вот моя песня была,
Вот моя сказка была.

147. Богатырь Невеличка

В одном селе ли, в одном поселке ли живет Богатырь Невеличка, его имя — Патум-пирва-люлит-ойка¹. Есть у него внук, маленький внук. Сам его воспитывает. Это бедный мужчина. Кормит он своего внука костями сухой рыбы и тем, что сам найдет. Так и воспитывает. Внучек едва-едва шагает, мал еще. Однажды внучек говорит своему деду:

— Сделай мне стрелу, хочу поиграть.

Богатырь Невеличка сделал ему стрелу из сердцевины дерева, сделал ему лук из сердцевины дерева. Внучек пускает стрелу туда-сюда внутри дома. Но на другой день он уже вышел на улицу. Богатырь Невеличка не отпускает его далеко от дома, не разрешает уходить и говорит внуку:

— Внучек, далеко не ходи!

Однако внучек, пуская стрелу, далеко от дома ушел. Смотрит: взрослые люди на улице в кольцо играют². Они заметили его, кричат, зовут его к себе:

— Богатыря Невелички внучек, ты такой большой стал! Иди играть с нами!

Тут один из играющих положил кольцо себе на ногу, бросил его внуку Богатыря Невелички. Внук Богатыря Невелички в это

время размышляет: «Кольцо сюда летит, прилетит — я его рукой поймаю». Кольцо к нему прилетело. Внук Богатыря Невелички поймал кольцо. А оно в руке сверкает и сияет, блестит! Теперь внук положил кольцо себе на ногу и говорит:

— Я это кольцо обратно брошу. Пусть оно ударится, пусть оно разобьется! Мне богатства не надо. Мне бог мой, отец мой, велел песню нести в народ, сказку нести в народ.

Внучек пнул своей ногой это кольцо, и оно, сверкая, летит. Ударилось кольцо и разбилось. Тут играющие люди ему говорят:

— Какая хитрость! Такая сильная рука, такая сильная нога! Почему не ищешь своего отца, имея такую силу? Отец твой убит по ту сторону Урала войском семи богатырей. За деревней, на вершине большой лиственницы, ветер развеивает кожу с волосами, спящую с головы твоего отца.

Рассердился внучек, побрел за деревню. Подошел к большой лиственнице, смотрит вверх на ее макушку: правда, висит уже совсем выветрившаяся кожа с головы. Еще больше рассердился внук, домой пошел к деду. Пришел домой. В доме схватил саблю деда и ею зарубил деда. Однако смотрит — дед в дверях прыгает, ничего его не задело. Внук подбежал к дверям и снова изрубил деда. Но с делом опять ничего не случилось. Он в дверях живой прыгает. Дедушка тогда и говорит внуку:

— Внучек, ты зачем так балуешься, так плохо играешь?

— А зачем ты увел куда-то моего отца и мою мать? Я теперь сиротой живу.

— А ты говори: «Мой отец и моя мать умерли. Отец мой убит войском, пришедшим из-за Урала».

— Ты почему об этом молчал?

Дед отвечает ему:

— Руки твои еще немощны, ноги твои еще бессильны. Поэтому тебе ничего не сказал.

Дедушка взял в переднем углу дома большой кузов. В нем были сабля, лук и кольчуга. Все это дед отдал внуку и сказал:

— Надевай!

Оделся внучек, еле-еле свои ноги передвигает — такой он еще маленький. Наступило утро. Внучек взял с собой оруженосца. Пошли они вдвоем. Идут, разговаривают:

— Уток убивать будем.

Сели они в лодку и поехали вдоль маленькой речки. Плывут, смотрят: на кромке плеса кулик сидит. Внук говорит оруженосцу:

— Пускай стрелу! Попадешь или не попадешь?

Оруженосец пустил стрелу и раздробил голову кулика.

— Э, — внучек говорит, — если встретится нам какая-нибудь добыча, если и волк встретится — убивай!

На другой плес поехали. Туда приехали. На нем другой кулик ходит. Оруженосец опять пустил стрелу в кулика и голову кулика раздробил.

— Что попадет нам, все равно не останется, мы убьем!

Дальше поплыли. Долго, коротко плыли по речке, однажды к берегу пристали. Внук говорит оруженосцу:

— Ты здесь посиди. А я на берег схожу. Здесь есть утиное озеро, я уток покараулю.

Поднялся внучек на берег. Смотрит: в озере три женщины купаются. Ему пришла мысль: которая понравится и сердцу моему мила будет, ту женщину саблей прижму. Выбрал он женщину. Саблей ее прижал. Женщина говорит ему:

— Может быть, ты, мохнатая шкура, из-за Урала пришел?

Он не отпускает ее и ничего ей не говорит. Женщина его снова спрашивает:

— Наверно, это ты, выращенный завернутым в пазухе шубы, а?

Отпустил он женщину. Она говорит ему:

— Бычья нога, звериная нога, по ту сторону Урала на ветру раздувается мохнатая шкура³.

Внучек теперь стал ее мужем. Он сказал:

— Мы убили всех мужчин, живших по ту сторону Урала.

Тут женщина что-то начала мазать, мыть, вместе что-то собирает. Вместе женщин ведет, вместе их моет. Эту воду вылила на внука. Внучек к лодке пошел, пришел на берег. Оруженосец стал ругаться на него:

— Ты к женщине ходил! За Уралом все равно пас убьют.

Сели они в лодку и поплыли домой. Осень наступила. Речка льдом покрылась. Однажды из-за Урала войско пришло. Внук в то время в доме сидел. Бабушка у него в голове искала. Оруженосец на улице, в начале города, с пришедшим войском сражается. Дрался, дрался, домой прибежал, говорит внуку:

— Скорее иди, войско вот-вот в город войдет.

Внучек не идет. На другой бок голову положил, бабушка продолжает искать в его голове. Оруженосец один дрался, дрался, снова домой к внучку побежал. Прибежал домой, просит внука:

— Иди скорее! Вот они уже в город заходят!

Внук все равно не идет. Оруженосец опять один с войском сражается. В третий раз домой прибежал, слезно просит внука:

— Иди, иди! Я совершенно обессилел. Если не придешь, я сбегу.

Трижды приходил оруженосец звать внука. И вот слышно, как он прочь убегает. Только тогда внук взял стрелу, взял лук, надел кольчугу, к реке пошел. Идет — не простой, оказывается, Богатырь Невеличка! Прибежал туда, где сражаются. Но пришедший из-за Урала человек сломал его саблю. Дед поднял внука и говорит ему:

— Уходи! Кто тебе велел приходить? Тебе надо дома сидеть.

Дед взял стрелу, лук и убил всех людей. Лишь несколько человек скрылось. Три дня сидел внучек дома, потом говорит:

— Надо идти догонять скрывшихся врагов.

Пошел он их догонять. Долго бежал, долго шел, догнал убежавших. Убил несколько человек. Но две женщины и трое мужчин еще дальше убегали. Двое из них появились и вошли в каменный дом. А один еще дальше ушел. Когда внучек догнал его, тот превратился в камень, и убить его стало невозможно.

Пошел внучек за помощью к мненку. По пути увидел прорубь и подошел к ней. Саблю в прорубь опустил — вода совсем кровью стала. Сам в дом пришел. В доме слышится разговор старухи:

— Доченька, сходи за водой. Немного погодя брат твой придет и нас без воды застанет.

Девушка сидит, не идет за водой. Старуха снова ей говорит:

— Почему ты не идешь? Вот-вот сын придет. Как же нас без воды застанет!

Девушка не идет. В третий раз старуха дочери сказала:

— Почему ты не идешь? Брат придет. Если нас без воды застанет, тогда хорошего от него не жди.

Послушалась девушка, взяла ведро и пошла к реке. Ненадолго уходила, вернулась в дом и ведра без воды на пол поставила, говорит:

— Воды нет, в проруби кровь.

Старуха слышит: кто-то посторонний в доме есть. Она говорит:

— Откуда-то пришедший герой, откуда-то пришедший богатырь! Вычисти прорубь, зять-герой, зять-богатырь!

Сходил внучек к реке, саблю в прорубь опустил, и в проруби ничего не стало, совсем чистая вода. Вернулся с берега, опять в дом вошел и спрятался. Тут в дом вошел мужчина и говорит:

— В доме другим, чужим духом пахнет!

Старуха отвечает:

— Что тут было! Мы чуть было без воды не остались. Не сердись, это зять в нашем доме.

Еще один мужчина в дом вошел, говорит:

— В доме другим духом пахнет, в доме чужим духом пахнет. Кто пришел?

Мать ответила:

— Тихо, не сердись. Это зять-герой, зять-богатырь пришел к нам.

Третий мужчина в дом вошел, говорит:

— В доме незнакомым духом пахнет, кто-то чужой пришел?

— Не сердись! Так или иначе, это зять-герой, зять-богатырь.

Показаться надо, зять!

Вышел из укрытия внук Богатыря Невелички. Поздоровались, поцеловались, обнялись. Сварили большой котел спинного мяса, медового мяса. Едят, пьют. Семь дней так продолжалось. Однажды внучек говорит:

— Мне сегодня домой идти захотелось.

Пупыхи ему отвечают:

— Разве мы тебя держим?

Жена говорит:

— Иди. Только возвращайся сюда на седьмой день.

— Пусть он придет до насадки на лыжи свежей шкуры выдры. Если не придет, будет убит.

Пошел внучек. Шел, шел. К его боку прилипла красная белка. Внучек бросил в нее стрелу, а белка прицепилась к другому его боку. Стрела ее не задела. Весь день метал, метал стрелы — в белку не попадает. Возле него жена вдруг засмеялась, говорит:

— Со мной ты балуешься. Потому тебя мучаю, что ты меня в прорубь саблей погружал. Ты меня мучил, теперь я тебя мучаю. Теперь больше ничего из добычи не найдешь. Домой иди, готовь дом. На седьмой день я приду.

Отправился внучек в свои места. Пришел домой, дом себе поставил. Между тем исполнилось семь дней. Жена его сюда пришла. Жена столько вещей и оленей привезла — словно лес! Со всеми людьми они сжились, стали жить вместе в согласии. И теперь живут с женой и процветают.

148. Сказание о походе

Богатыря Соболиного Волоса,
Звериного Волоса Домашнего Друга

Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, его средний брат — Дух Ходившей-Летавшей Мысли, их младший брат — Повесивший Первого Соболя¹. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг долго жил, коротко жил. Ночью лег спать. Не идет к нему непробудный сон. Встает. Выходит на улицу. Идет на задворки дома с задворками. Стоит. Долго стоял, коротко стоял. Ниоткуда не видно приближения войска со стрелами, ниоткуда не видно приближения войска с луками. Когда он так стоял, на задворки дома с задворками опустился ворон. Ворон говорит:

— Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Зачем стережешь на улице темную ночь Пуныха, темную ночь Торума?

Богатырь отвечает:

— Не засну я темной ночью Пуныха, темной ночью Торума.

Ворон говорит:

— Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, о, если б ты не сердился на меня! Я принес тебе весть.

Богатырь отвечает:

— Зачем я буду сердиться из-за того, что ты принес мне весть? Мне весть нужна.

Ворон говорит:

— В земле-то, далекой земле, в воде-то, далекой воде живут семь богатырей по имени Волта Лежащие Косатые. Их младшая сестра — женщина с косами восходящего солнца, женщина с косами заходящего солнца.

Ворон говорит:

— Именитый богатырь, славный богатырь! Вот женщина, достойная тебя. Съездил бы ты туда. Эту весть я принес тебе.

Ворон улетел. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг входит в дом, ложится спать. Долго спал, коротко спал. Вскочил, Будит оруженосца:

— Оруженосец, вставай!

Встал. Спрашивает:

— Какое дело?

Богатырь говорит:

— Собери народ со всего геройского города, со всего богатырского города. Я сообщу важную весть.

Оруженосец ушел. Долго ходил, коротко ходил. Народ собрался на улице. Пришел богатырь Дух Ходившей-Летавшей Мысли. Говорит:

— Люди, почему вы стоите на улице? Заходите в дом.

Дух Ходившей-Летавшей Мысли концом меча распахивает дверь. По дому похаживает. Когда он так похаживал, острием меча от половиц откалывал куски дерева, из которых можно сделать поварешку, куски дерева, из которых можно сделать плошку. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Дух Ходившей-Летавшей Мысли, мой младший брат! С какою гнев делящей гневной мыслью ты ходишь?

Ничего не ответил ему младший брат и молча сел. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Ночью никак не мог я заснуть. Вышел на улицу. Пошел на задворки дома с задворками. Стою. Когда я стоял, на задворки дома с задворками спустился ворон. Ворон говорит: «Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Что ты ждешь ночью на улице?» Я отвечаю: «Не идет ко мне ночью непробудный сон». Ворон говорит: «Я принес тебе весть. Можно ли мне молвить?» — «Почему нельзя, говори!» Ворон говорит: «В земле-то, далекой земле, в воде-то, далекой воде живут семь богатырей по имени Волта Лежащие Косатые. Их младшая сестра — женщина с косами восходящего солнца, женщина с волосами заходящего солнца. Вот женщина, которая достойна тебя, именитый богатырь, славный богатырь!» Ради этой вести я и собрал вас.

Дух Ходившей-Летавшей Мысли говорит:

— Земля-то, далекая земля, вода-то, далекая вода! Почему нельзя?! Съездим. Во главе войска пойду я!

И еще говорит:

— Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, мой старший брат! Одну военную лодку ты снаряди. Одну военную лодку я снаряжу.

Люди вышли на улицу, разошлись по домам. Ночь жили, день жили. Стемнело. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного

Волоса Домашний Друг ложится спать. Долго спал, коротко спал. Оруженосец будит его. Просыпается. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Одевается. Оделся, снарядился. Идет к реке. Уже приготовлены две военные лодки. Воины расселись. Он тоже садится. На реку вышли четыре спаренные лодки. На берегу народ собрался. Одна женщина говорит:

— Эй, богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Если привезешь младшую сестру семи богатырей Волта Лежащих Косатых, одну свою руку отдашь мне.

— Ты, пропащая девка, если выйду на берег, не собрать тебе лоскутьев твоей шубы лоскутной!

Долго едут, коротко едут. Пристают к речному мысу, удобному для нарт, подчаливают к речному мысу, удобному для лодок. Расправляют свои руки, прошедшие далекую землю, расправляют свои ноги, прошедшие далекую воду. Вышли на берег. Долго идут, коротко идут. Отдыхают. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Послышался стук едущих лодок, послышался стук гребущих весел. Показался богатырь Русский Плясун. Подъехал. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Русский Плясун, друг, куда едешь?

— Я к тебе еду. Ведь ты отправился искать женскую страну, исхоженную женщинами, отправился искать мужскую страну, исхоженную мужчинами. Будем друзьями!

Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Будем друзьями!

Вместе едут. Долго ехали, коротко ехали. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Подчалим к речному мысу, удобному для нарт, удобному для лодок.

Подчалили. Вышли на берег. Расправили свои руки, прошедшие далекую землю, расправили свои ноги, прошедшие далекую воду. Идут. Долго идут, коротко идут. Отдыхают. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Послышался стук едущих лодок, послышался стук гребущих весел. Показался богатырь Кремлевый Грохочущий Лук. Подъехал. Говорит:

— Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Куда едешь, друг?

— Куда еду? Еду искать женскую страну, исхоженную женщинами, еду искать мужскую страну, исхоженную мужчинами. Кремлевый Грохочущий Лук! А ты куда едешь?

Кремлевый Грохочущий Лук говорит:

— К тебе еду. Будем друзьями!

Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Будем друзьями!

Поехали. Долго ехали, коротко ехали. Длинную землю проезжали, короткую землю проезжали. Явились к городу семи бо-

гатырей Волта Лежащих Косатых. Под самым городом к берегу причалили. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда.

К приходу военных лодок стены города семи богатырей Волта Лежащих Косатых обросли мохом. За такие стены рукой не уцепишься, в такие стены ногой не упрешься. Дух Ходившей-Летавшей Мысли встает. Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг встает. Русский Плясун встает. Кремлевый Грохочущий Лук встает. Дух Ходившей-Летавшей Мысли говорит:

— Невозможно подняться в этот богатырский город, в этот геройский город. За эти стены рукой не уцепишься, в эти стены ногой не упрешься. Если суждено нам быть прославляемыми в песнях, если суждено нам быть прославляемыми в сказках, мы поднимемся на верх этого богатырского города, этого геройского города!

Дух Ходившей-Летавшей Мысли пошел. Вслед за ним двинулись три богатыря. Навстречу им семь богатырей Волта Лежащие Косатые в одну ногу взбираются на грань городских стен. Со всех сторон сбрасывают вниз множество бревен. Дух Ходившей-Летавшей Мысли отбивает их концом меча. Бревна с поселка, бревна с города летят на середину лодочной реки, летят на середину весельной реки. Все бревна кончились. Семь богатырей Волта Лежащие Косатые выпустили множество стрел, оперенных перьями куропатки. Дух Ходившей-Летавшей Мысли вниз мечом ударит — вниз отбивает, вверх мечом ударит — вверх отбивает. Кончилось множество стрел, оперенных перьями куропатки.

Дух Ходившей-Летавшей Мысли взбирается наверх. Богатыри Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, Русский Плясун и Кремлевый Грохочущий Лук идут в центр геройского города, богатырского города. Направляются в пригород города с пригородом. В пригороде города лежит большой камень. Дух Ходившей-Летавшей Мысли, в песнях прославляемый человек, в сказках прославляемый человек, концом своего богатырского меча сворачивает тот камень. Камень был настолько тяжел, что семь человек не могли его с места стронуть. Он один своротил. Поднимает камень концом меча и бросает через голову. Упал камень на середину лодочной реки, на середину весельной реки. Семь богатырей Волта Лежащие Косатые видят: упал камень на середину реки. Говорит их старший брат:

— Мы больше воевать не можем. Прекратите бой. Дух Ходившей-Летавшей Мысли бросил камень, лежавший в пригороде нашего города с пригородом. Он очень сильный!

Его младшие братья говорят:

— Если ты прекратишь бой, мы тоже не будем сражаться.

Семь богатырей Волта Лежащие Косатые входят в дом. Дух Ходившей-Летавшей Мысли входит в дом, за ним входят и остальные три богатыря. Вошли. Поздоровались. Сели. Кормят их пищей из чумана, кормят их пищей из блюда. Четыре богатыря

вышли на улицу. Идут на реку к своим людям. Приходят. Ночь спали. Прожили день. Посылают сватом богатыря Русского Плясуна. Русский Плясун приходит в дом богатырей Волта Лежащих Косатых. Говорит:

— Пришел я вам досаждать, пришел я вас донимать.

Семь богатырей Волта Лежащие Косатые сидят с опущенными головами. Долго сидели, коротко сидели. Говорят:

— Если дадите черного, красного зверя...

Русский Плясун отвечает:

— Дадим.

Семь богатырей Волта Лежащие Косатые говорят:

— Если Дух Ходившей-Летавшей Мысли отдаст свои одежды, мы отдадим свою сестру. Нам нужна его кольчуга.

Русский Плясун идет обратно к реке. Пришел. Дух Ходившей-Летавшей Мысли говорит:

— Какую весть принес, какую новость принес?

Русский Плясун говорит:

— Просят черного зверя, просят красного зверя.

— Черного зверя, красного зверя дадим.

Русский Плясун стоит с опущенной головой. Дух Ходившей-Летавшей Мысли спрашивает:

— Чем ты опечален? Что ты узнал еще? Говори!

Русский Плясун отвечает:

— Дух Ходившей-Летавшей Мысли, просят твою кольчугу.

Дух Ходившей-Летавшей Мысли посидел немного и сказал:

— Что ж, ради мужчины, который сватает женщину, отдам.

Снимает с себя кольчугу. Опоясывается поясом из рогами. Пятьдесят оруженосцев поднимают кольчугу, несут в город. Все идут в дом семи богатырей Волта Лежащих Косатых. Устраивают свадебный пир, чтобы всему поселку наесться, чтобы всему городу наесться. Пируют семь дней, пируют семь ночей. Их люди возвращаются на реку. Дух Ходившей-Летавшей Мысли остается. Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг остается. Дух Ходившей-Летавшей Мысли сказал:

— Где младшая сестра семи богатырей Волта Лежащих Косатых? Пойдем туда.

Пошли. Долго шли, коротко шли. Входят в один дом. В сенях дерутся два человека. Дух Ходившей-Летавшей Мысли подошел к ним, схватил их и говорит:

— Не деритесь! Где младшая сестра семи богатырей Волта Лежащих Косатых?

— Если отпустишь нас, скажем.

Отпустил. Заходит в дом. У порога висит полог из шкурок молодого осетра. В переднем углу висит полог с изображением крылатых зверей, ногастых зверей. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг садится в задней части полога. В котел накрошили мяса священной рукастой-ногастой серебряной птицы. Мясо священной рукастой-ногастой серебряной птицы сварилось. На один конец блюда положили жен-

ский нож, на другой конец блюда положили мужской нож. Поставили блюдо в полог из шкурок молодого осетра. Девушка говорит:

— Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, ешь!

Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг сел. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Дух Ходившей-Летавшей Мысли говорит снохе:

— Когда поведут тебя на реку, твой старший брат — богатырь Волта Лежащий Косатый должен снять с себя кольчугу и отдать тебе. Если он не отдаст, ты скажи ему: «Земля-то, далекая земля, вода-то, далекая вода! Как же я поеду голая?»

Дух Ходившей-Летавшей Мысли идет на реку к своему народу. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг остается у своей жены. Утром жена будит его. Встает. Умывается. Поел пищи из чумана, поел пищи из блюда. Выходит на улицу. Люди уже на берегу собрались. Пошел туда. Пришел к своему народу. Оттуда отправились в дом семи богатырей Волта Лежащих Косатых. Угощают их пищей из чумана, угощают их пищей из блюда. Прощаются. Идут к реке. Приданое младшей сестры семи богатырей Волта Лежащих Косатых переносят в лодки. Ведут младшую сестру семи богатырей Волта Лежащих Косатых. Младшая сестра семи богатырей поднялась на берег, остановилась и сказала:

— Земля-то, далекая земля, вода-то, далекая вода! Я голая не поеду. Если старший брат возвратит кольчугу, тогда поеду.

Ее старший брат снял с себя кольчугу. Пятьдесят оруженосцев подняли кольчугу и отнесли на реку. Младшую сестру семи богатырей Волта Лежащих Косатых отвели вниз. Рядом с ней сел Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг. Четыре военные лодки вышли на речной простор. Долго ехали, коротко ехали. Подчалили к берегу. Расправляют свои руки, расправляют свои ноги. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Садятся в лодки. Богатырь Кремлевый Грохочущий Лук остается здесь: он сам человек с землей, он сам человек с водой².

Долго едут, коротко едут. Подчаливают к берегу. Выходят из лодок. Расправляют свои руки, прошедшие далекую землю, расправляют свои ноги, прошедшие далекую воду. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Садятся в лодки. Богатырь Русский Плясун остается здесь: он сам человек с землей, он сам человек с водой.

Долго ехали, коротко ехали. Годов семь ездили, лет семь ездили. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг с женой и с людьми подъезжает к своему героическому городу, к своему богатырскому городу. Приехал в свой героический город, в свой богатырский город. Идет на берег в свой героический дом, в свой богатырский дом. Младшая сестра семи богатырей Волта Лежащих Косатых следует за ним.

Со всего геройского города, со всего богатырского города отовсюду бегут женщины, отовсюду бегут мужчины. Бегут смотреть молодую жену именитого богатыря, славного богатыря. Весь народ на берег собрался. Люди из двух военных лодок выгружают на берег приданое невесты. В дом богатыря Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашнего Друга собирается народ. Устраивают свадьбу, чтобы всему поселку пасться, чтобы всему городу наесться. Пьют медовое вино, пьют пьяные вина. Пируют семь дней, пируют семь ночей. В своем геройском городе, в своем богатырском городе и теперь благоденствуют, и теперь счастливы.

149. Атуман и Соловара

Жил Атуман¹ со своим товарищем Соловара. Однажды Атуман к отцу подошел, руки ему на колени положил, говорит:

— Отец, такого богатыря, как я, знаешь еще?

— Нет,— отец отвечает,— не знаю.

Подошел к матери, ей руки на колени положил:

— А ты, мать, знаешь еще такого богатыря, как я?

— Нет,— говорит,— не знаю.

Пошел тогда к жене. Спрашивает:

— Может, ты, жена, про такого богатыря, как я, слыхала?

— Слыхала,— жена отвечает.— За семью морями, за семью землями у одной матери тридцать богатырей. Живут те тридцать богатырей в одном городе.

Как то слово Атуману в уши пало, так стал он собираться идти, тех богатырей проводить.

— Пойду,— говорит,— посмотрю, каковы богатыри.

— Ну что ж, пойдешь,— жена отвечает,— сходи. Придешь к ним, будут они тебя угощать, мухоморов подадут. Три короба мухоморов принесут, ты их съешь, а под конец увидишь на одной ножке семь мухоморов — их не ешь смотри. Если те семь мухоморов на одной ножке съешь, то больше мы с тобой не увидимся.

Распрощался Атуман со своей женой, с матерью да с отцом и отправился. Долго шел, коротко шел, но однажды все же добрался. Верно: для гостя еды приготовили, угощать стали. Мухоморов подали. Три короба съел, до последнего мухомора дошел. Думает: «Эти семь мухоморов на одной ножке я есть не буду, а один кусочек попробую». Один кусочек съел, а дальше и чувствовать перестал. То ли жив, то ли нет, не знает.

Проснулся он в темном месте. Солнца нет, и месяца нет. Совсем темно. Сколько времени спал, не знает и, куда попал, тоже не знает. А дело-то так было: пока он спал, тридцать богатырей его под землю опустили, да там и оставили. Теперь, как проснулся, стал выход искать. Бродит в темноте как попало, дороги найти не может. Так бродя, две палочки нашел. Взял он эти две па-

лочки, соединил, из волоса струну сделал, натянул и заиграл. Какие только песни есть, все играет. Как птицы поют, как звери да рыбы живут, так и играет.

У тридцати богатырей сестра была. В отдельном доме с двумя девушками жила. Одна из девушек раз за водой пошла. Спустилась она к реке — смотрит: сколько рыб, сколько птиц, зверей разных собралось, точно комаров. Рыбы столько скопилось, что воды зачерпнуть невозможно. Собрались все и слушают, а из воды звуки какие-то доносятся. Девушка ведра немного в сторону отнесла, поставила, думает: «Дай послушаю». Спустилась к воде, прислушалась, и верно: такая музыка хорошая из воды слышится! То-то рыбы, птицы и звери собрались: слушать приятно.

Постояла, постояла. «Ну,— думает,— довольно, пойду». Пришла домой, ее спрашивают:

— Где была столько времени, куда ходила?

— Никуда долго не ходила, до берега только.

— Как же не долго?! С того времени, как ты ушла, три дня прошло!

— Нет,— отвечает,— быть не может, чтобы я столько времени ходила.

— Верно, три дня минуло, как ты по воду ушла! Ты что там увидела, что три дня пробыла?

— Что увидела? Рыбы, птиц, зверей разных там столько собралось, точно комаров! Из-за рыб воды зачерпнуть нельзя. В воде такая приятная музыка слышится, что слушаешь и оторваться нельзя. Ну, я немного там и послушала.

— Ну, пойдем,— сестра богатырей говорит,— я тоже послушаю.

Стали собираться. Как одеваться начали, так под полом музыка слышалась. Прямо под самым домом играет кто-то. Сестра богатырей вынула тут медную булавку и ею по столу чиркнула. И сразу появились два богатыря с медными лопатами и медными топорами.

— Что тебе нужно? — спрашивают.

— Под пол дорогу прокопайте!

— Это,— говорят,— мы сделать не можем.

Тогда сестра богатырей железную булавку вынула и ею по столу чиркнула. Появились тут два богатыря с железными топорами и железными лопатами.

— Что тебе нужно?

— Прокопайте вы под пол дорогу.

— Это мы можем,— ответили богатыри и копать принялись.

Как прокопали, так из-под земли музыка совсем ясно слышалась. Обе девушки под землю спустились и Атумана там нашли. Вывели его наверх, за стол усадили, угощать принялись. Три короба мухоморов поставили. Атуман те три короба съел и семь мухоморов на одной ножке тоже съел. Больше прежней силу тут в себе почувствовал. Пошел он на тридцать богатырей

и всех их перебил, ни одного не оставил. И дома их сломал. Потом вернулся к дому девушки, сложил его вместе с людьми в кисет, завязал и в карман сунул. Сунул в карман и домой направился.

Долго шел, коротко шел, семь земель прошел, семь морей пересек и вот к дому приближаться стал. Когда совсем близко к поселку был, нагнал мальчика с нарточкой. Подошел к нему, видит — у него на нарточке три бочонка: один ведерный, один двухведерный да один на четверть.

— Ты что это везешь? — спрашивает.

— Вино везу.

— А какое оно?

— Пьянеют люди, когда пьют его, — мальчик отвечает.

— А пу-ка, дай попробую, чем оно пахнет?

Четвертной бочонок взял, пробку вынул, ко рту поднес. Пока пробовал, весь бочонок кончил.

— А ты куда его везешь?

— Да видишь ли, жил здесь раньше Атуман. И ушел он однажды равных себе по силе богатырей искать. С тех пор как ушел, тридцать лет прошло. Теперь Соловара за его жену просватался. Вот для пира вино и везу.

— Ну, пойдем вместе, — Атуман говорит.

Потащили они нарточку вдвоем и скоро в поселок пришли. Когда в дом входили, Атуман тоже в мальчика превратился. Вошел в дом и в сторонке встал. Думает — не признают. Только жена его говорит:

— А, Атуман, ты вернулся! Так зачем шутишь? Думаешь, не признаем?

Обрадовался Атуман, что жена его признала, из дома выскочил. Там из кармана кисет вынул, развязал, дом из него вытащил и рядом со своим домом поставил.

Сестру богатырей он второй женой взял, а другую девушку Соловаре в жены отдал. Устроили они тут пир. И теперь живут, и счастливы.

150. Богатырь Хурынг

Живет богатырь Хурынг. Когда он жил в своей земле, однажды сказал своему народу:

— Съезжу я добыть лишний топор, лишний котел. Съезжу я на беловодную кормилицу Сыгву.

Уселся в лодку и поехал со своими воннами. Приехал он на беловодную кормилицу Сыгву.

В это время возле запора два человека рыбу ловили. Наловили рыбы и стали собираться в обратный путь. Слышат: приближается чья-то лодка. Старший брат говорит младшему брату:

— Слышишь, лодка едет?

Младший брат говорит:

— Что это за лодка? Пусть поближе подъедет.

Показалась лодка. Приблизилась к ним. Узнали лодку богатыря Хурынга. Пустились бежать. Выскочили на берег. Помчались по дороге к поселку. Но тут вспомнили, что свои рукавицы оставили в лодке. Один из них повернул обратно к берегу. Видят: в лодке богатыря Хурынга сидят двое юношей, их племянники, незаметно для него за прибрежные кусты цепляются, ход лодки удерживают. Не успел богатырь Хурынг подчалить к мосткам, как он подбежал к своей лодке, схватил рукавицы и крикнул:

— Я за рукавицами возвращался! В другой раз, когда я приеду к тебе, сумей-ка и ты сделать то же самое!

Богатырь Хурынг повернул лодку и двинулся дальше.

В ту пору в поселке Шомы народ был встревожен приближением богатыря Хурынга с войском, и по почам охраняли поселок. Две девушки сварили уток, мясо съели, а кости собакам высыпали. Собаки начали грызться, поднялся страшный шум, и в это время лодку богатыря Хурынга поднесло к самому поселку. В поселке и в городе люди спокойно спали. Воины богатыря Хурынга вышли на берег и перебили всех спящих людей. В живых остались только богатыри Щёин-старуха со стариком, их не смогли найти. Богатырь Хурынг забрал с собой богатства, накопленные для пупыха, накопленные для Хуля, захватил с собой двух девушек. Отчалил богатырь Хурынг от берега свою лодку, и тронулись в путь. Поплыли в обитаемую ими землю.

В поселке, на который напал богатырь Хурынг, живыми остались два человека — богатыри Щёин-старуха со стариком. Кончилось лето. Лдом покрылись реки. Наступила зима. Прожили зиму. И зима кончилась. Настала следующая весна. Прошел лед. Стали на лодке ездить. Наступило лето. Богатыри Щёин-старуха со стариком собирают войско. Собрали воинов. В начальники подыскивали одного человека, по имени Посалтит-хум¹. Спарили две лодки, воины погрузились в них и поехали.

Едут в верховья Сосьвы, едут искать богатыря Хурынга. Кончилась Сосьва. Подъехали к горам. Высадились на сухом месте. Лодки потащили волоком. Добрались до реки Хурынг-я. Спарили свои лодки. Сели. Поехали по реке Хурынг-я. Приехали к земле богатыря Хурынга. Подчалили к берегу. Богатыря Хурынга на берегу реки не оказалось. Две собаки его дом охраняют. Налили в уши собакам расплавленного свинца. Поднялись на берег. В доме живут две одинокие женщины. Спрашивают их:

— Где живет ваш муж?

Оказывается, богатырь Хурынг живет на болоте в войлочном чуме.

— Какими чарами обладает ваш муж?

— Какими чарами он обладает? Сердце и печенку в лесу хранит. Это и есть его чары. Если не успеет он дойти до сердца и печенки, убьете его. Если успеет дойти, убить вы его не сможете.

Говорят женщины приехавшим воинам:

— С тех пор как он приехал к себе домой, не снимает с себя кольчугу.

Женщины отправились к богатырю Хурыngu. Говорят ему:

— Сними с себя кольчугу. Богатыри Щёин-старуха со стариком не нападут на тебя. Сними кольчугу. Без кольчуги нам будет удобнее с тобой спать.

Богатырь Хурынг снял с себя кольчугу. Легли спать. Когда богатырь Хурынг уснул, женщины взяли кольчугу и плотно зашили ее прочными нитками, у стрел расщепили древки, на луке надрезы сделали.

Пришли воины богатырей Щёин. Богатырь Хурынг в пологе спит, крепко спит, ничего не слышит. Воины приблизились к войлочному чуму. Двое с мечами в руках вплотную подкрались к нему. Хотят они его, спящего в пологе, изрубить мечами. Другие воины приготовились преследовать. Начали они рубить мечами полог, в котором спал богатырь Хурынг. Рубили, рубили — и все по пустому месту. Нет никого в пологе. Пустой полог. И тут заметили, что богатырь Хурынг бежит вдоль озера. Два воина погнались за ним. Оба они быстро бежали. Вот уже и настигают его. Тут богатырь Хурынг в воду нырнул, под воду ушел, под водой плывет и путь свой хорошо знает, знает, где выбраться из воды на берег. Преследовавшие его воины направились к концу дороги. Смотрят: богатырь Хурынг выскочил на сухой берег и прямо перед ними пробежал. Гонят его два воина. Есть у них луки, есть у них стрелы. Вот уже и настигают его. Богатырь Хурынг снова в воду нырнул. Потом из воды выскочил и дальше побежал. Тогда пустили стрелу в богатыря Хурынга. Стрелой перебили ему поджилки. Присел. Больше бежать не может. Подошли к нему. Он умоляет их:

— Сделайте такую великую милость, отпустите меня!

— Нет нам до тебя дела. Если вон тот человек отпустит, пусть отпускает.

Подошел богатырь Щёин. Богатырь Хурынг сидит на упавшем дереве. Богатырь Хурынг умоляет богатыря Щёина: «Отпустите меня!» Богатырь Щёин не отпускает его. У богатыря Хурынга зуб на зуб не попадает. Богатырь Щёин выхватил меч. Грудь у богатыря Хурынга пополам разрубил, сердце и печенку сырыми съел. Память об убитых детях не дает ему покоя.

Оказывается, у богатыря Хурынга столько богатств: и луки, и стрелы, и мечи, и красный зверь, и черный зверь. Все погрузили в две лодки. Туда же посадили и девушек. Плывут по реке Хурынг-я. Подъезжают к другому поселку, слышат.

— Богатырь Хурынг! — кличет его народ через трубочку борщевика.

Дряхлые старики говорят:

— Дети, зачем вы зря время проводите?! Ведь говорили мы вам: «Стрелы и луки держите наготове!» Теперь начинаете вы

его призывать через трубочку борщевика. Пропали, пропали наши головы, наши, наши...

И заплакали.

Воины богатыря Щёна сметают в реку девичий прах, сметают в реку молодецкий прах. Приезжают в другой поселок и там все в прах разносят.

Приехали они к кормилице-Оби, к рыбной Оби. Вниз по Оби поплыли. Добрались до устья своей речки. Вверх по речке поплыли. Приехали в город, обитаемый богатырем Щёном. Поделили между собой черного зверя, красного зверя. Разъехались по своим местам. И теперь благоденствуют, и теперь счастливы.

151. Богатырь Двух Горных Хребтов

Богатырь Двух Горных Хребтов погрузился на дно озера Туман. На середине этого озера росло восемьдесят больших деревьев. Наносил туда земли, наносил туда илу. Построил там деревню. Чтобы построить дом, он нанял тридцать силачей с каменной грудью. Работники пришли, начали рубить деревья; один рубит в середине бора, другие — в середине урмана. Им было приказано срубленные деревья перетаскивать на берег, к самому краю воды. Вершины больших деревьев — толщиной в шесть четвертей, в семь четвертей. Деревья, которые потоньше, они перетаскивают к воде, толстые деревья не трогают, оставляют на месте. Работники говорят друг другу:

— Ну вот, разве хватит у нас силы справиться с такими толстыми, могучими деревьями? Пойдемте домой, скажем ему, чтобы он нас накормил и напоил. Там скажем: «Силой, приобретенной от выпитого, хмельной силой мы волоком перетащим бревна на берег».

Говорят:

— Когда мы будем есть и пить, сумеем его убить, тогда-то он наверняка в наших руках окажется.

Старший богатырь возражает:

— Он могучий богатырь. Разве найдется сила одолеть его?

Другой отвечает:

— Какая в нем неодолимая сила?! Теперь у нас есть могучий богатырь, наш Сармын.

Спрашивают Сармына:

— Сармын, ты в состоянии убить его?

Сармын отвечает:

— Почему не убить? Попробуем бить топорами по гробу. Посмотрим, у кого из нас топор глубже всех врежется.

Начали рубить. У одного лезвие топора углубляется на два-три пальца. У более сильного человека лезвие топора врежется в дерево до самого обуха. У Сармына обух топора скрывается в стволе дерева.

— Сармын, убьешь ты его или нет, но от твоей руки он погибнет.

Потом они отправились домой, говорят Богатырю Двух Горных Хребтов:

— Приготовь угощение! Толстые бревна вымотали все наши силы.

Им приготовили угощение. Едят, пьют, справляют домашнюю трапезу. Они принесли семь жертв небесному богу Нум-Торуму. Устроили игры. Один играет на бандуре, другой наигрывает на журавле¹. Богатырь Двух Горных Хребтов опустил на плечи свой головной убор. Сармын это заметил: «Не сидит небось со снятым головным убором». И тут Сармын спрятался, тайком поднял свой топор и стал подкрадываться. Подкрадывался, подкрадывался. Разве заметит его Богатырь Двух Горных Хребтов?! Он разговаривает со своим народом, смеются, детишки играют. Сармын поднял топор и ударил. Когда он его ударил, череп Богатыря Двух Горных Хребтов повис на шейном хряще. Как только его голова качнулась вперед, Богатырь Двух Горных Хребтов стал скакать на четвереньках. Когда топор коснулся его шеи, Богатырь Двух Горных Хребтов заревел, и где-то на конце света что-то зашумело. В это время кодинская вода стала стоячей, как в курье. Три дня и три ночи стояла она. Когда на третью ночь стемнело, Конда снова потекла. По истечении трех дней и трех ночей стали тыкать Богатыря Двух Горных Хребтов под мышки ножами, мечами; только слышно, как пихают кончики ножей, кончики мечей. Ушли богатыри обратно в свою страну, где они живут, где они почуют. Так и погиб Богатырь Двух Горных Хребтов.

152. Война на Тавде

На Тавде разразилась война. Тридцать мужчин испугались войны, сбежали¹. Тридцать мужчин прихватили с собой семь женщин. Приехали сюда, есть нечего. Они отправились в Елушкино, к устью Тапа. Тут они начали отбирать у людей пищу. Тем и живут. Стали готовить луки и стрелы. Спускаются к озеру Туман охотиться на ливных уток. Так, питаясь добытой дичью, и живут.

Когда они так жили, однажды в этом месте² срубили деревню. Один охотится, другой дома строит. Начали обрабатывать землю. И зажили здесь. Но ничего не могут добыть.

— Сделаем мы божка-пупуха!

— Из чего мы его сделаем?

— Мы сделаем его из русской женщины, сделаем его в образе русской женщины, похожей на русскую куклу, похожей на мансийскую куклу, сделаем женщину с огненными, пламенными руками, нашу бабушку³.

Вот и сделали божка-пупуха.

— Сделаем теперь божка-мужчину, злого сына богатыря-соболя, гневного сына лесного богатыря, доброго сына нашего батюшки, мужчину пяти лесных котлов, мужчину шести лесных котлов ⁴.

И живут в этом месте. У них родился один мужчина, родился могучий мужчина. Они отправились в лесную деревню и соорудили рыболовный забор. Ходят к забору — то один, то другой. Вот так и ходят к нему все тридцать мужчин по очереди. Среди тридцати мужчин есть один человек: где найдет медведей, там их убивает. Недостает только одного медведя до полной сотни. Пошла его мать, повела с собой женщин на сторону лесного мыса собирать ягоды. На поляне лесного мыса собирают ягоды; и тут к женщинам выскочил медведь. Испугались женщины или не испугались, не в этом дело. Мать мужчины, убивающего медведей, стоит и говорит:

— Смотри, смотри, смотри, медведь, почему ты все бесполезно бродишь? Если увидит тебя мой сын, от моего сына тебе не уйти. Он убьет и съест.

Стыдно стало медведю, и он пошел прочь. Хоть и долго переживал медведь, хоть и долго мучился, все-таки говорит:

— Пойду искать ее сына.

В верхних юртах есть гора Кегмыс. Он и направился к середине той горы, галопом помчался в гору. Не добрался до середины горы, вниз свалился. Второй раз разбежался, достиг середины горы и чуть выше, снова упал на землю. Стоит под горой и, жалуясь на свою судьбу, кричит своему отцу Нум-Торуму — Верхнему Небу ⁵.

153. Предание о поселке Леуши

В поселке Лох-Ваны два лесных богатыря жили. Долго так жили, однако дома жить наскучило, на войну идти решили. Собрались и пошли.

До поселка Вахт доехали, на поселок напали, биться стали. Много бились, мало бились, под конец всех перебили. Побитые воины на месте полегли, оставшиеся в живых разбежались, женщины оставили. Два богатыря из Лох-Ваны тех женщин с собой забрали и дальше поехали.

Долго ехали, коротко ехали, добрались однажды до реки Оум-я, на поселок напали, биться начали. Наконец побитые воины на месте полегли, оставшиеся в живых разбежались. Два лесных богатыря из поселка добро разное забрали, дальше отправились. Поплыли они по реке Оум-я, а тем временем оставшиеся в живых в дно реки острых кольев понабили. Берестяные лодки богатырей из Лох-Ваны на колья напоролась, береста порвалась, лодки водой наполнились, на дно пошли. Река на том месте, на их счастье, неглубокая была. Люди сама на

берег вышли и лодки затащили. Вытащили лодки на берег, починили их, на воду спустили и дальше отправились.

Долго ли ехали? Кто их видел! Коротко ли ехали? Кто их видел! Однажды подъехали к поселку Леуши. Когда они подъезжали, Леушинский богатырь дома лежал, спал. Две жены его рядом с ним сидели. На нем хоть и была надета кольчуга, да застежки распущены. Богатыри из Лох-Ваны напали, биться стали, в Леушинского богатыря стрелу пустили. Кольчуга у того расстегнута была, стрела в рукав вошла, в сердце ему вонзилась. Леушинские люди увидели, что богатырь их убит, испугались, сердца их сжались. Биться они не смогли, и все тут на месте полегли. Два лесных богатыря из Лох-Ваны со своими людьми всех леушинских перебили, женщин с собой забрали и домой уехали.

Так Леуши пустые, без людей остались.

Однажды с Огневой стороны, с Черновской стороны¹ тридцать человек пришли. Огневого рода, Черновского рода тридцать сыновей на реку к Леушам вышли. За дорогу изголодались, без пищи остались. В Леуши вышли, еды себе добыть не могут. Стали они тут кротов да мышей ловить. Большой котел полный набили. Воды налили, на огонь повесили, варить стали. Котел закипел, и в эту пору тридцать лосей из лесу к реке вышли. Тридцать человек с мест повскакали, конья да луки похватали, лосей убивать стали. Всех лосей перебили. Вылили они тогда котел с кротами, а мясо лосиное варить повесили. Мясо поспело, вынули его, поели. Как насытились, так стали дома рубить, поселок ставить. Срубили дома и зажили на том месте.

С Огневой стороны, с Черновской стороны тридцать человек пришли, и от них, от домов их Леуши и поныне стоят.

Огневого рода тридцать сыновей,
Пламенного рода тридцать сыновей
Пришли с далекой стороны,
Милая синяя сторона моя,
Лесная Огневая
Родная сторона.
Люди там богато
И радостно живут,
Из шелка кроют женщины одежду.
Сердце мое, славная сторона!

154. Образование островов

Менкв-ойка идет вдоль реки Сосьвы. Так расхаживая, он увидел Ялп-ус-ойку. Ялп-ус-ойка говорит:

— Я его боюсь. Если от него убегу, то больше бояться не стану.

Менкв расхаживает вдоль реки. Ялп-ус-ойка пришел к сосне, потом пошел за реку и смотрит на реку. Видит: Менкв-ойка идет, впереди оказался. А Менкв-ойка про себя думает: «Меня

не видел». Ялп-ус-ойка дальше идет, смотрит: Менкв-ойка серединой реки идет. Ялп-ус-ойка думает: «Не взял меня. Он еще маленький. Теперь я от него убегу. Стрелу свою и лук свой повешу. Больше я не боюсь. Мужчину, которого боялся, остался позади». Менкв-ойка говорит:

— Здесь впереди живет мокрая лягушка, квохчет. Я ее затопчу между кочками.

Названный муж лягушки — это Тайт-котль-ойка¹. Он раньше узнал, что Менкв-ойка идет его убить. Он сидит лицом к реке и делает стрелу. Тайт-котль-ойка говорит сыну:

— Сыночек, завтра вечером придет Менкв-ойка, чтобы убить нас.

Стрелы изготовлены. Отец сыну говорит:

— Сыночек, я схожу на ту сторону Сосьвы, на голову себе поставлю сосновую шишку. Если действительно Сосьва сердитая, то ты пусти стрелу в сосновую шишку.

Отец ушел на другую сторону реки Сосьвы. Сосновую шишку себе на голову поставил, назад смотрит: сын стрелу грызет. Отец думает: «Что же случилось?» Он назад через реку переправился, спрашивает сына:

— Сыночек, ты почему не пустил стрелу?

Сын ему отвечает:

— Стрела крыльев (т. е. оперения) не имеет.

Отец снова уехал на ту сторону реки. Взял сосновую шишку, поставил ее себе на голову. Сын пустил стрелу, попал в сосновую шишку, стоящую на голове отца. Отец обратно переправился через реку, подошел к сыну и говорит ему:

— Сынок, послезавтра придет Менкв. Он идет серединой реки. Под горлом есть кусок человеческого мяса², ты стрелу туда пусти.

Вдвоем живут. Наступил другой день. Вечером сын сидит на берегу и смотрит вниз по реке: правда, Менкв-ойка серединой реки идет. Юноша взял в руки стрелы, подпускает его поближе. Менкв уже близко. Юноша пустил стрелу. Стрела ударилась в человеческое мясо. Менкв-ойка упал, вниз свалился, закричал:

— Охыр, Охыр³!

Тут голос его надломился и заглох. Ножны, кисет, конец пояса, кусок большого сапога, кусок маленького сапога — все унесло вниз по течению. Теперь там река³, и острова имеют названия: Ножны-остров, Кисет-остров, Конец Пояса — устье реки, Большой Сапог-остров, Маленький Сапог-остров. Унесло и бедро Менквы. Из него образовался длинный плес вблизи поселка Алтатумб. До того как Менкву закричать, южнее деревни ехали люди в большой лодке. Когда он закричал, лодка зачерпнула воды и затонула вместе с людьми. На этом месте образовался остров. Его называли остров Погружения Лодки.

155. Скала Сброшенной Лосиной Головы

В старые времена был городок. С каким бы оружием ни пришел враг, в городок тот войти не может. Городок на вершине скалы стоял. Снаружи железным частоколом¹ огорожен был. С какой бы стороны враг с луками и стрелами ни пришел — внутрь не попадает.

Однажды пришли враги с луками и стрелами. Пришли враги, внутрь городка попасть не могут. Под скалой внизу живут, выжидают, когда ворота городские откроют. Сколько ни ждали, ворота не открывают. Так выжидая, голодать стали. Обессилели, а назад все же не уходят. Наконец так изголодались, что сверху из городка еды просить стали. Люди в городке голову лосенка годовалого взяли, грязью всякой обмазали и вниз швырнули. Враги эту голову все же съели. С тех пор ту скалу так и называют: Скала Сброшенной Лосиной Головы. Однажды враги на скалу вверх полезли. Тогда жившие в городке несколько бревен веревкой обвязали, на краю скалы положили. Когда враги на эту скалу полезли, защитники веревки обрубили, бревна вниз покатились и всех нападавших передавили. Эта скала находится в верховьях Сосы, повыше того места, где сливаются ее большой и малый истоки.

156. Сали-урнэ-ойка

Давным-давно, никто из старых манси не помнит — когда, жили-были муж и жена. Жили они очень богато, не знали и не ведали никакой нужды. Было у них несметное количество оленей. Оленей богатой семьи пасли бедные пастухи-манси. День и ночь они смотрели за оленями у подножия Уральских гор.

У богатых оленеводов был единственный сын, они его очень любили и баловали. Одежду он носил из дорогих оленьих шкур, к столу ему подавали дорогие кушанья. Но юноша был ленивым и беззаботным. День проходит, два проходит, а он ни в лес на охоту не сходит, ни в чум дров не занесет. Ни до чего ему дела нет. Лежит на оленьих шкурах и поглядывает на небо через дымовое отверстие чума. Полежит, полежит, выйдет из чума, посчитает звезды на небе и снова ложится на шкуры. Так он и проводил дни. Отец с матерью смотрели, смотрели на любимого сына и однажды сказали ему:

— Сынок, чем так лежать, съездил бы ты проведать наших оленей. Посмотрел бы, как их пасут бедняки-манси.

И вот ленивый юноша задумался. Вышел из чума, посмотрел на небо, посчитал звезды и подумал: «Однако, придется ехать и проведать наших оленей...» Зашел в чум и сказал отцу с матерью:

— Съезжу-ка я проведать наши оленьи стада. Только вы к моему приезду сшейте новую малицу из лучших оленьих шкур.

Запряг ленивый юноша трех оленей в нарту и отправился в путь. Едет, посматривает на горы и думает про себя: «Вот теперь я посмотрю на наши оленье стада. Узнаю у пастухов, сколько у нас оленей». Долго ехал, коротко ехал, стал приближаться к подножию Урала. Подъехал к подножию гор и видит: оленье стада его на месте. Бедные пастухи-манси по-доброму па-сут оленей.

Дальше ленивый юноша не поехал. Поправились ему эти места, остановился здесь. И вот он вдруг стал бодрым и работающим, лень свою отбросил. Стал у подножия горы чум строить. Посреди чума очаг наладил, оленье шкуры на пол постелил. И стал он в этом чуме жить. Долго жил у подножия этой горы, состарился. С тех пор оленеводы-манси и называют эту гору Сали-урнэ-ойка — Оленей Оберегающий Богатырь.

157. На каменном утесе

Жили-поживали старик со старухой. Они ставят чум на вершине высокого утеса. Ставят оленье чум, ненецкий чум. Поставили, подумали: «Попробуй теперь, войди!»

Долго жили, коротко жили. Однажды ночью слышат: кто-то к ним приближается. Это едет оленье нарта. К чуму на каменном утесе ненецкое войско пришло. Дерутся, борются. Ненецкое войско вниз скатилось, с утеса вниз все упали.

Старик со старухой утром встали, смотрят: они все с каменного утеса упали в снег, все умерли. Старик со старухой сняли чум и перекочевали в другое место. И до сих пор живут на другом месте.

158. Сказание о народе Пастэр

Люди Пастэр пошли из селения Пастэр в лес. Звериный след пашли, гнаться принялись. Один был Шагом Менква Обладающий Человек¹, другой человек был Крылатый Пастэр. Еще три человека — обыкновенные люди. Шагом Менква Обладающий Человек впереди идет. Крылатый Пастэр звериный след посохом колет:

— Богом созданный священный зверь, богом созданный отмеченный зверь, из этого места, из которого идешь, Нижний Урал покажи, женщин-родоначальниц неведомую землю покажи, богатырей неведомую землю покажи².

Шагом Менква Обладающий Человек впереди шел, затем Крылатый Пастэр на его лыжи сзади наступать начал. Потом Крылатый Пастэр вперед шагнул. Северного ветра, южного ветра буран поднялся³, когда Крылатый Пастэр бежать принялся.

Долго шел, коротко шел, в одном месте однажды зверь показался. Зверя свалил. До нижнего конца Урала не дошел, как

зверя свалил. Освеживал, сердце да печень взял, затем обратно побрел по той же дороге, по которой пришел. Долго брел, коротко брел, Человека Обладающего Шагом Менква встретил. После того вместе пошли. Пошли, людей своих повстречали. Там и заночевали, сердце да печень ели, Утром встали, затем вниз к Оби подались. К реке пришли, таять начало. Весна настала. В том месте дальше жить стали, дальше спать стали. Там и основались, теперь там живут. Того места имя — Полуй.

159. Сын Полум-Торума

Сын Полум-Торума внезапно пропал¹. Охранявший его человек поблизости искал — духа его нет. Духа его вблизи очага нет. Тогда духа своего искать задумал. Затем отправился духа своего искать. Собаку у бедра привязал, собака его ведет. Собака куда идет, туда и он идет. Все шел, все шел. Ночь настанет — спит. Встанет и опять идет. Собака в это место привела его. Название этого места — Сури. Духа своего здесь и нашел. Место, где был найден дух, — Петькин мыс. Лесной мыс таким именем прозывают. Когда духа своего нашел, в этом месте селение сделал. Мансийский человек² ворожит. У духа своего, ворожа, спрашивает: — Ты как, это место родным сделать думаешь?

Дух его в этом месте и основался. Человек здесь зажил, с духом своим. Тут и стали жить. Пока один мужчина, одна женщина останутся³ дух-предок с человеком здесь зажили.

От мансийского человека род пошел, имя его — Ольсин. Здесь жили, затем половина народа нашего в новый поселок властями устроена была. Новое селение сделали, духа-предка туда перенесли. Род наш три имени имеет: одно — Ольсин, одно — Торосев, одно — Сюмин⁴. В Ильпи-пауль теперь два рода живут. Уже после основания селения в Ильпи-пауль ляпинский человек⁵ пришел, Ярлин имя его. Они Крылатого Старика почитают. Крылатый Старик — Чайка-Старик⁶.

В лесном селении⁷ Петликовы живут. Они — до нашего рода пришедший народ. Они — народ из селения Хангласам, сосвинский народ — Народ Лягушки. Их дух-предок — дочь Великой Женщины из селения Хангласам⁸.

160. Серебряное блюдо

По ту сторону Салехарда ненцы живут. В рыбопромышленных местах без оленей живут. Однажды летом неводят, неводят, ничего совершенно не добывают. А добывают хоть, так немного, лишь на еду добывают. Однажды летом, когда так жили, невод забросили. К берегу подвернули. Тянули, тянули, больше не могут. «Почему он, — думают, — тяжелый?» С лодки смотреть стали — невод полон рыбы. Тогда говорят:

— Маленьким неводом рыбу на берег выберем.

Рыбу понемногу на берег вытащили. На берег, на сухое место, собирают. Всякая, всякая рыба там есть. Потихоньку потихоньку туда, на берег, стащили. Пятьсот пудов добыли. Говорят:

— Ну, делить будем?

— Чего делить?! Сколько можешь, столько и бери.

Среди большого количества рыбы смотрят — тарелка. Немного глиной облеплена. Водой немного обмыли, смотрят — серебряная тарелка. Тогда говорят:

— Кому надо, пусть возьмет.

Один человек говорит: «Мне не надо», другой человек говорит: «Мне не надо». Тогда один человек говорит:

— Я возьму. Возьму, в свой дом отнесу.

Домой сходил, кусок материи принес. Аршинным куском материи с угла на угол тарелку завязал, домой отнес, в переднем углу к шесту привязал. После этого на третий день сам заболел. Три дня жил, потом на третий день как заболел — умер. При смерти он детям и жене сказал:

— Если я умру, эту тарелку в другой дом пусть отнесут.

Верно, в тот день, когда сказал, как свечерело, так и умер. Он умер, серебряную тарелку взяли и в другой чум отнесли. Туда внесли, также к шесту дома привязали. В день похорон того человека в другом доме, куда внесли тарелку, человек заболел. Как заболел, на третий день и умер. Этот человек умер, тарелку взяли и в третий дом отнесли. В третий дом внесли, также в передний угол к шесту дома привязали. В передний угол привязали, в том доме живущий человек тоже заболел. И так же, как заболел, на третий день умер.

После этого еще по четырем домам тарелку носили. Четыре человека еще умерли. Таким образом, в семь домов заносили, семь человек умерло. Тогда говорят:

— Как дальше иметь ее будем? Иметь, видать, нельзя? В семи домах семь человек умерло.

Тогда один ненец поворожил, говорит:

— Домой, в помещение, вносить совершенно нельзя. По заднюю сторону седьмого дома маленькая береза есть. На ту маленькую березу, туда привяжите. Там пусть будет.

Тогда вороживший ненец еще сказал:

— Народ весь пусть соберется, хорошенько ворожить надо. Кому хранить ее, тогда понятно станет. Кому хранить можно.

Тогда народ собрался. Шамана выбирать стали. Очень много в бубен бьющих¹ ненцев было. Между собой хоть и выбирали, ради этого случая в бубен никто не бьет, не соглашается, даже весьма обладающие бубнами². Тогда узнали: девушка есть. Та девушка — самый первый шаман. Тогда люди говорят:

— Ты в бубен бей.

— Буду бить, мне можно.

Из одной нарты бубен принесли. В дом с огнем занесли. Огонь развели, бубен согрели³. Бубен согрелся, говорят:

— Теперь девушка пусть идет. Пусть бубен возьмет.

Позвали, вошла в дом, где бубен согревали. Бубен ей дали. В руки взяла. Взяла, немного погрела. Своими руками заново бубен у огня немного погрела. Тогда поколачивать стала, поет. Петь стала, говорит:

— Эта серебряная тарелка очень дорогая. Очень много духов на ней есть. Топал-ойка там есть, затем Топал-ойки сын там есть. Топал-ойка на лошади сидит, сын тоже на лошади сидит. На самой середине — водяной царь, старик. С одной стороны от него Мир-сусне-хум тоже на лошади сидит, а сбоку от него Мир-сусне-хума сын на лошади сидит. Водяной царь, старик, посередине тарелки из воды поднялся. Плечи и руки из воды только виднеются. Кисти рук только видны. Пятый человек тоже есть — Сяхыл-Торум-ойка⁴, тоже на лошади сидит. Это духа грома, им затеянное дело. Сыновья его убиты. В поисках сыновей он войско созывает.

Дух грома на юге живет. Там надумал рыбу ловить прийти. Ради озерной пищи, обской пищи сюда пришел. На Обь сюда пришел, посмотрел: во всю толщу воды — рыба. Множество всяких рыб там есть. Дна не видно, во всю толщу воды рыба. То место нашел, там и поселился. Был очень теплый день с кучевыми облаками. Гром тогда загремел, лодка на воду упала. В лодке два человека стоят — духа грома сыновья. Когда он загремел, водяной царь услышал.

— Что это тяжелое такое упало?

Взглянул, увидел, двух человек с лодкой увидел. Смотрит: ну-ка, что делать будут? Калданную сеть спустили, вниз по воде плывут. Сами в лодке стоят. Однажды слышат: рыба в сеть пошла. Подняли ее, рыбу, в лодку сложили. Тогда водяной царь своим сыновьям говорит:

— Пойдите поймите их, вместе с лодкой поймите.

Два человека пошли. Пришли туда, лодку поймали, перевернули. Обоих человек поймали в то время. Дух грома сверху вниз в то время смотрит: обоих его сыновей два человека поймали и лодку опрокинули. Сколько ни гремел, сколько ни гремел, как возьмет? Взять их не мог. Вниз смотрит — город. Обоих сыновей вниз, в город, отнесли. Руки у них связаны, ноги связаны. Железными цепями связали, на железную перекладину, чтобы убить, повесили. Смотрит: сыновей убили, на железную перекладину повесили. Тогда он испугался.

— Что я сделаю? Его сила!

Отправился к старику Топал. Он тут поблизости живет, знает ведь он, что делать. Туда пришел, в дом зашел. Топал-ойка дома сидит. Стал спрашивать духа грома:

— Это ты как сюда пришел? Ты никогда здесь не хаживал, сюда не заходил!

— Самые лучшие рыбные места здесь есть, ради промысла рыбы пришел.

— Добыл рыбы?

— Нет. Обоих сыновей только что спустил рыбу промышлять.
— Ловят, а?
— Чего ловят! Два человека на них напали, схватили, лодку перевернули, самих поймали, в подводный город унесли, там убили.

— Вот как! А ты спрашивался? Водяной царь, старик, там живет. Со своим городом там находится.

— Да я и не знал. Как спрашивать буду? Я тебя звать пришел. Если б ты пошел, зову тебя.

Топал-ойка, голову немного опустив, посидел, затем говорит:

— Пойду, почему не пойти, если зовешь меня.

Сыну своему тогда сказал:

— Военных коней наших поймай. Уздечками взнуздай, оседлай.

Взнуздал, оседлал, к отцу пришел:

— Кони наши готовы.

На улицу вышли, на коней сели, поехали. Как тронулись, Топал-ойка говорит:

— К Мир-сусне-хуму завернем, а оттуда уже прямо поедем.

Отправились, туда приехали.

— Мы,— Топал-ойка говорит,— на конях посидим, а ты в дом войди. Мир-сусне-хума позови.

Дух грома в дом вошел.

— Да вон что! — Мир-сусне-хум говорит.— Ты как сюда пришел?

— Я,— говорит,— ради рыбного промысла пришел.

— Добыл?

— Чего добыл?! Оба мои сына убиты! Я тебя с собой зову, может, пойдешь?

— Если зовешь, почему не пойду, пойду.

Сыну сказал:

— Сходи на улицу, военных коней наших поймай.

Сын вышел, обоих поймал, взнуздал, оседлал. В дом когда вошел, отец уже оделся. Говорит отцу:

— Коней наших взнуздал, оседлал.

Наружу вышли, на коней сели. Пять конных человек вместе едут. Однажды водяной царь дома был. Дом его вдруг шевелиться начал. Дом его туда-сюда просто колышется. Из дома выглянул: оказывается, враги идут. Пять конных человек. Их поступь настолько тяжела, что город его чуть не рушится. Тогда на поверхность воды поднялся. Молить начал. Когда из дома выходил, водяной царь семи сыновьям, семи богатырям сказал:

— Вы духу неба говорите. Семь труб наверх выставьте. До какого дня дожили! Водяного царя город наш сегодня весь разнесут. Враги идут! Я их молить стану, вы духа неба молитесь.

Сам наружу высунулся, над водой показался. Врагов умоляет. Руки навстречу протянул. Рот раскрыл. Так-то испугался!

Они тогда смилостивились. Дух неба воевать тоже не допустил. Тогда перестали. Смилоствовали, хотя и отправились ради того, чтобы водяного царя убить. Топал-ойка говорит:

— Водяной царь уже что сделал, то сделал. Зато теперь ты, — духу грома говорит, — порожняком не уходи. Сколько только сможешь, добудь рыбы. Сколько добудешь, в свою землю носи.

Четыре конных человека тогда домой поехали. Назавтра дух грома рыбу промыслить стал. Сколько в голову придет, столько и ловит. Сыновья у него убиты, за них ему рыба назначена была. Водяной царь-старик говорит:

— Теперь каждое лето сюда приходи.

— Больше они не бранятся, так живут.

Девушка пошаманила и еще говорит:

— Когда это блюдо по семи домам носили, семь человек умерло. Зачем в помещение вносили? На ту березку, туда, призвать вам надо было.

Ненецкая девушка еще пошаманила, говорит:

— Этот день здесь пробудет, на березе. Завтра двух человек выберите, в подводы ехать спарядите. Завтра эту тарелку в шкуру годовалого оленя заверните, пусть везут. В Верхне-Нильдинских юртах человек с бревенчатым домом, говорят, живет. Туда на лодке пусть везут. Туда привезут, тот человек возьмет. Место хранения там.

Ненецкая девушка так ворожила, теперь место хранения нашла. Шаманом оно найдено.

Тогда подводами блюдо повезли. Ни в одном селении не сказали: «Я не поеду». В какое селение ни приедут, другие два человека дальше везут. К человеку с бревенчатым домом привезли. Вместе с белой шкурой передали. Теперь в Верхне-Нильдинских юртах хранят.

161. Сонный человек

Два человека в лес пошли. В лес пришли, из веток балаган сделали, промыслить начали. Один человек все время спит. На столько сон его крепок, что даже когда другой человек еду варит, то не слышит. Другой человек сердиться стал:

— Тебе во время промысла поменьше спать надо!

Сонный человек раздумывать начал: «Что делать? А может, душа моя в слопец попадает?»

Однажды днем вместе на охоту ушли. Сонный человек раньше вернулся. Торопясь, в изголовье своем слопец насторожил. После этого поели и спать легли. Другой человек ничего не знал. Сонный человек рано проснулся, пищу готовит, товарищ его все еще спит. Котел поспел, решил слопец посмотреть. Пестрая тетеря попалась. Тогда он тетерю свою в огне сжег. Товарищ его поднялся, есть стали.

— Ты как так рано встал? — один человек спрашивает.

— Я,— говорит,— слопец в изголовье насторожил, тетеря, попала.

Тогда товарищ его говорит:

— Какая из себя, давай посмотрим!

— Я,— сонный человек говорит,— в огне ее сжег, огнем съедена.

— В огне жечь нельзя было,— товарищ его говорит.— Эту тетерю тебе съесть надо было. Тогда душа твоя к тебе пришла бы. Теперь ты скоро умрешь.

— Почему же я умру без болезни? — говорит.

Жить стали. Теперь сонный человек больше непокидаем¹. Домой пошли, бессильным стал. Более непокидаем. Когда домой пришли, отец его говорит:

— Весна если бы была, душу твою спасли бы, теперь же душа не появится. Весна если бы была, тетеревиное яйцо поискали бы, тетеревиное яйцо сырым выпил бы, тогда душа твоя восстановлена была бы.

— Ты как это дело знаешь? — сын говорит.

— А так знаю,— говорит,— тетеревиное яйцо когда съел бы, тогда внутри тебя тетеребенок вырос бы, тогда душой сделлся бы.

Те слова чуть вырвались, сын его умер. Он это дело ради пробы сделал, ему поменьше спать хотелось.

162. Встреча с душами умерших

Один человек ходил осматривать слопцы. Когда шел домой, уже свечерело. Душа младенца ему попалась навстречу. Вперед ползет, люльку за собой волочит. У человека с собой лопата. Лопатой ее в сторону откинул, сам дальше пошел. Поодаль отошел, слышит, умерший ребенок говорит:

Большой лопатой
По затылку я ударен.
Матушка, какую песенную!
Муку я несу!

— Милая матушка с молочной грудью там осталась. Люльку зачем она со мной положила? Где у меня силы, чтобы ее нести!

Человек дальше идет. Три женщины, друг за друга схватившись, бредут, плачут:

— Дела, которые мы делали, до середины не дошли. Дорога, по которой мы шли, до середины не пройдена.

Человек слушает, в стороне от дороги встал. Потом опять пошел. Две старые женщины приближаются. С песней приближаются.

Нам так что!
Век мы свой прожили.
В веселых местах, где водятся
маленькие утки,

Мы веселились.
Дела, которые мы сделали,
Полностью сделаны.
В веселых местах, где водятся
маленькие гуси.
Мы веселились.
Дороги, по которым мы ходили,
Полностью пройдены.

163. На кладбище

Один человек куда-то ездил. По дороге назад затемнял. Вспомнил, что в стороне от дороги есть селение.

— Дай-ка я в это селение заеду.

Заехал. В один дом зашел, народ в бубен бьет, шаманит. Народу полно дом, и все с закрытыми лицами¹. Он вошел, говорит:

— Здравствуйте.

Люди не отвечают. Один человек в бубен бьет. Еще раз говорит:

— Здравствуйте.

Нет, не отвечают. Бьющий в бубен человек говорит:

— Огонь кто-то заставляет свистеть². Нас едящий дух пришел.

Этот человек к выходу повернулся. Теперь в бубен бьющий человек говорит:

— Я сейчас моего меньшого духа позову.

Приезжий вышел, поехал. Дорога мягкая, снежная. К большой дороге приблизился. В это время обернулся — облезлая парка³ за ним гонится. Нагнавшее существо в облезлой парке за задок нарты уцепилось. Человек на большую дорогу попал, хоре-ем назад ткнул. Тогда существо отвалилось, на месте осталось. В селение приехал, в дом вошел:

— Здравствуйте.

Люди говорят:

— Здравствуй.

Спрашивает:

— На моховище порога где?

Оленей отпустил, говорит:

— Селение, оказывается, здесь находится, а я только что в одно место попадал.

— Куда ты попадал?

— Там, в стороне, небольшое селение есть.

— Никакого там селения нет.

— Что же там такое есть?

— Кладбище там.

— Я туда заехал — в бубен бьют. В дом вошел. Говорю: «Здравствуйте». Они говорят: «Что-то заставляет огонь пищать, я меньшого духа позову». Тогда я наружу выскочил. После су-

щество в облезлой парке меня настигло. Когда на большую дорогу попал, хореем его ткнул.

Люди говорят:

— Ты на кладбище к покойникам заезжал.

164. Заблудившаяся женщина

Жили старик со старухой. У них было три сына. Отец их умер. Остались сыновья жить с матерью. Жили они плохо, бедно. Мать говорит однажды:

— Пойду-ка я, старая, ягоды собирать.

Ушла она в лес за ягодами и заблудилась. Вот уже неделя прошла, а ее все нет. Народ собрался. Стали ее искать, из ружей стреляют. Сыновья ее плачут. Пиво сварили, уже поминки по ней сделали.

Вдруг залаяли собаки. Один мужчина вышел на улицу и слушает. Собаки на что-то лают. Видит мужчина: в чистом поле стоит старуха. Тут он закричал сыновьям:

— Эй, мужички, идите на улицу! Ваша мать идет и в руках мясо несет!

Все выскочили на улицу, свистят, кричат, бегают, радуются. Один из сыновей за мать ухватился, плачет. Мать ему говорит:

— Сынок, не плачь!

В дом вошли, сын спрашивает ее:

— Где ты была, мама?

— Заблудилась я, сынок. Есть хочу.

Мать села есть и рассказывает:

— Вот, сынок, села я на кочку. Смотрю в лес. Что-то черное виднеется, ко мне приближается. Я боюсь. Ко мне подошел медведь, сел, лапу положил мне на колени и показывает. Я посмотрела и вижу: в лапе заноза сидит. Вытащила я ее. Медведь поднял лапу, погладил мое плечо и говорит: «Ты посиди здесь». Сам ушел в лес. А я сижу. Вдруг вижу: медведь обратно идет и несет мясо. Положил это мясо мне на колени и говорит: «Вставай, иди домой». Лапой показал и говорит: «Этой дорогой иди. Мясо домой неси». Пошла я, оглянулась назад и вижу: медведь машет лапой. Я ему головой кивнула. Недолго шла и вскоре домой пришла.

165. Предок-спаситель

Один человек в Ялп-ус поехал. По пути заехал к матери своей жены. Она больна. Когда он поехал дальше, мать жены говорит:

— Назад поедешь, буду ли больна, буду ли здорова, заезжай.

На обратном пути заехал. В дом вошел — гроб стоит. Сходил к лодке, принес еды. Бутылку вина взял, в дом вошел.

— Мать моей жены, когда жива была, хорошей пищей меня кормила, хорошим вином поила. Поставлю бутылку вина.

Поставил. Гроб открыт. Мертвая женщина поверх пологом прикрыта. Мать жены поднялась, села, полог сорвала.

— А, зятек пришел?

Зять вином ее поит. Пьет, наконец захмелела, пошатываться стала. Теперь человек думает: «Эта меня этой ночью убьет. Там еще дом есть, к тестю моему пойду». Вскочил, побежал в дом своего тестя. Пришел к нему. В дом вошел, в передний угол глянул: тесть его тонким сукном затянут¹.

— Вот беда какая. Эта ночь — моя последняя ночь, Ну, по-дожди, хоть огонь здесь разведу.

Развел огонь. Огонь разгорелся, человек присел. Мать жены его, слышно, по улице идет, гонится за ним. В дом вот-вот войдет. В это время тесть его в переднем углу с шумом поднялся. Тот человек в это время совсем сознание потерял. Свет из глаз ушел, затем упал. Что потом было, не знает.

Наутро очнулся: как на лавке сидел, так ничком тогда и повалился. В передний угол смотрит — никакого тестя его нет. Из дома вышел, мать жены его лежит, по самые бедра надвое разорвана, по самые лопатки надвое разорвана.

Он думал, тесть его в переднем углу лежит, а это Старик Священного Городка, предок его, был там. Это он его жизнь удержал.

166. Человек с реки Казым

Жил на Казыме человек со своею женой. Родился у них сын. Когда сын родился, Отыру¹ семь пестрых оленей убили, семь белых оленей убили. Отыр мальчика счастьем и удачей трех человеческих жизней наградил. Когда мальчик вырос, отец ему с Оби, из Священного Городка², жену высватал. Поженились они, привез он жену к себе домой. Много жили, мало жили, однажды решили к родителям жены в гости съездить. Собрались и поехали. Когда в городок приехали, там народ праздник играть собирается. Сородичи жены все в общественном доме сидят. Зять туда же пошел. В дом вошел, сел. Вот поднялись семь человек, вышли из дома для пляски приготовиться. Люди зятю говорят:

— Ты в какой-нибудь другой дом пойди. Когда плясать начнут, тебе здесь быть нельзя.

— Да я, — говорит, — лучше здесь останусь. Неужели на меня угощения или мяса жертвенного не хватит?!³

— И то верно, — старик один говорит, — пусть сидит.

Когда семь человек из дома вышли, казымский человек тоже вскоре выйти задумал. Вышел, смотрит: у семи загородок, что вокруг дома, все семь ворот заперты. В это время семь человек с криком и свистом через все семь загородок одним махом внутрь ограды прыгнули. Казымец, торопяся, назад в дом пошел. Вошел, немного там побыл, и вскоре те семь человек появились. Пришли, плясать начали. Один человек играет, семеро пляшут.

Семеро пляшущих шесть кругов сделали. На седьмом круге задний из пляшущих зятя с собой подхватил, и все из дома вышли.

Вскоре назад вернулись. Бывшие в доме говорят:

— Зятя куда увели?

— Да мы его с собой и не брали, здесь где-нибудь сидит.

Стали искать — нет нигде.

— Ведь ты же его с собою утащил, — седьмому из плясавших говорят.

— Нет, — отвечает, — не уводил я его.

В другие дома пошли, ищут везде. Нет нигде зятя.

Ну а теперь снова о нем речь пойдет.

Несут его куда-то вверх, только в ушах свистит. Долго несли, коротко ли несли, однажды примчались к горе, поросшей высокими лиственницами⁴. В тот лиственничный лес вошли, стоит дом. Стены из лиственниц сложены. В стене по две лиственницы да по три лиственницы в длину положено. Такой большой дом. В дом вошли. У одной стены семь медведей в ряд усажены. Перед медведями старик сидит. Говорит старик:

— Зятя принесли? Он пляску смотреть хотел. Теперь пусть смотрит. Расшевелите-ка зятя нашего.

Семь менквов для пляски оделись⁵. Плясать начали. Плясать начали, зятя на руки подхватили. Пляшут, а человека, кверху на руки поднявши, держат да подкидывают. Семь кругов проплясали. Зятя в сторону бросили. Чувствует человек: все его тело ноет, все болит. Подумал тут: «Казыма Великая Мать! Днем и ночью жертвы тебе приносить буду, только спасла бы жизнь мою из рук этих лесных духов-чертей!»

В это время старик говорит:

— Эй, внучек, я ведь слышу все твои просьбы, хоть на верхнем небе, хоть на земле нашей священной! Старик вершины Соракта⁶ — это я. Старик, охраняющий дорогу на Верхний мир, — это я! Твоя крохотная ничтожная бабка, твой крохотный ничтожный дедка со мной ничего не поделают.

— Эй, дети, зятя нашего расшевелите маленько!

Менквы опять поднялись для пляски одеться. Одежды свои взяли. В это время старик говорит:

— Ну-ка, дети, повремените немного. Нашего зятя бабка, которую он звал, сейчас прийти должна. Пусть придет. Она придет, тогда уж попляшете.

Тут смотрят: приехала женщина на упряжке из трех белых быков, в белой ягушке, белым платком шелковым покрытая. Приехала Казыма Великая Мать.

— Вот, дедушка, моего мальчика ты сюда привел. Когда он на свет появился, когда человеком стал, отец его семь белых оленей да семь пестрых оленей перед Отыром поставил. Отыр наградил его жизнью трех человек, богатством трех человек.

— Э-э, доченька, а хоть бы и наградил! Этот человек пляски смотреть хотел. Перед началом первой пляски тестя его из дома хоть и посылали, хоть и говорили ему: «Тебе здесь быть нельзя»,

он не ушел. Тогда я его сюда привел, пусть большую пляску теперь посмотрит!

Старик для гостыи стол приготовил, угощает ее:

— Садись, дочка, поешь, попей!

За едой, за питьем женщина опять говорит:

— Ну, дедушка, мальчика моего отпусти!

— Нет, доченька, не пущу. Он пляски смотреть хотел, так пусть посмотрит!

Есть кончили, опять просит:

— Отпустил бы ты его, дедушка!

— Нет, не отпущу.

— Ну, раз не отпускаешь, что поделаю!

Женщина хорей и вожжу в руки взяла, уехала. После ее отъезда старик говорит:

— Ну, дети, теперь зятя нашего порасшевелите пемного.

Менквы оделись, плясать начали, человека опять подхватили. Наверх поднявши, на руках держат да подкидывают. У одного из рук вырвется, другому в когти попадает. Семь кругов проплясали, остановились. Остановились, человека опять в сторону швырнули. Чувствует он: больше прежнего у него тело и кости болят. Свету не видит — так все болит. Еще если раз с ним спляшут, тут и смерть. Погибнет он! Стал поминать Тэк-отыра⁷:

— Тэк-отыр, когда-то я с вечера до утра жертвы тебе припосил! Теперь вот погибаю в руках лесных духов.

Перед семью медведями сидящий старик тут говорит:

— Эй, внучек, деда своего призываешь будто? На Верхнем мире и на земле нашей священной я один. Говорю тебе: «Дед твой придет и с тем же и уедет. Не отпущу я тебя».

— Эй, дети, поиграйте-ка с зятем!

Менквы плясать поднялись, одеваться начали.

— Обождите маленько, дети, теперь вот этот неладный дед его едет. Обождите.

И верно: на упряжке из трех пестрых быков в пестрой парке человек прпехал⁸. Остановился, вожжу привязал, говорит:

— Эй, дедушка, моего мальчика ты зачем сюда затащил?

— Он пляски смотреть хотел, оттого сюда и притащили его. Теперь пусть посмотрит.

— Отпусти.

— Нет, не отпущу. Пляски смотреть хотел, теперь пусть посмотрит. Ну, иди,— старик продолжает,— стол готов, поедим, поъем.

Есть-пить сели. За едой приехавший опять говорит:

— Эх, дедушка, отпустил бы ты этого мальчика!

— Нет, не отпущу. Пляски да игры смотреть хотел, теперь пусть посмотрит.

Поели, попили, кончили. Гость оделся, выходить собрался.

— Отпусти, дедушка, мальчика,— снова просит.

— Нет, не отпущу.

Человек вышел, хорей и вожжу в руки взял, уехал.

После отъезда человека старик говорит:

— Ну, дети, с зятем нашим опять попляшите!

Менквы снова поднялись, опять пляшут. Зягя подхватили, на руках подняли. Один его из рук выпустит, другому в когти попадет. Этот его выпустит, другой подхватит. Семь кругов проплясали, остановились. Человека в сторону бросили. Ну вот, чувствует он, если еще раз его подхватят, умрет непременно. Вокруг него что есть, едва узнает. Все тело и кости болят. Если опять его возьмут, тут ему и смерть! Думает тогда: «Отыр меня жизнью трех людей наградил, счастьем и богатством трех людей наградил. Теперь вот в руках у этих лесных духов моя смерть приходит. Глаза мои уж не смотрят, уши мои уже не слышат. В руках у этих лесных духов погибаю».

— Ага,— старик говорит,— Отыра призываешь будто? В Верхнем мире и на земле нашей один я! Что же, призывай — с чем придет, с тем и уйдет.

— Эй, дети, сыграйте еще с зятем!

Менквы поднялись, одеваться стали. Как вышли, старик и говорит:

— Обождите, дети. Никак, этот неладный идет, кого зять призывал?! Подождите немного. Он уйдет, тогда уж.

Вскоре ветви у лиственниц качаться начали, иные лиственницы пополам сломались. Менквы снаружи четыре медных котла незаконченных поставили, чтобы лошади не на землю встать⁹. Наконец всадник показался. Черный зверь, красный зверь — пушнина всякая на шее у лошади повешана, качается. Лошадь как встряхнется, шкурки дорожные сыплются. Приехавший говорит:

— Я этого человека жизнью трех человек, богатством трех человек наградил. Зачем его сюда притащили? Отнесите его домой по добру. Если не отнесете, во второй раз приеду, на этом вашем холме лиственничном все лиственницы вершинами вниз, корнями вверх поверну! И семи твоих медведей не будет, и лиственниц не будет. Я слышу, ты тут говоришь: «На Верхнем мире и на земле один я, дорогу в Верхний мир охраняющий старик — я, Вершины Сорахта старик — я». Если этого человека не отнесешь, я во второй раз приду, маленьким станешь!

— Внушек, отнесу, отнесу! Ты жизнью трех человек, богатством трех человек его наградил, я теперь жизнью четырех человек, богатством четырех человек награжу! Ну, иди, внушек, я стол приготовил.

— Нет, дед, я туда не пойду.

Тогда стол на спину лошади поставили. Дед с внуком поели, попили. Внук уехал. После его отъезда старик менквам говорит:

— Откуда принесли, в то место и отнесите.

Понесли его. Несший менкв говорит:

— Когда тебя искали вчера, к Отыру обратились, семь жертвенных животных для него убить обещались. Сейчас эти обещанные жертвы убивать будут. Когда мы туда придем, шаман в бубен бить будет. В бубен бить будет и так скажет: «После того

как мы эти жертвы убьем, если что получится, пусть получится, на глаза человеческие если что появится, пусть появится!» В тот миг мы и придем. Ты тогда за березу покрепче ухватись¹⁰.

Пришли. Человек за березу крепко-накрепко ухватился. Когда принесший его назад поворачиваться стал, с собой чуть не уволок. Только потому и остался, что держался хорошо. В это время шаман говорит:

— После того как жертвы мы наши убьем, если что получится, пусть получится, на глаза человеческие что появится, пусть появится!

В бубен бить перестал, говорит:

— Жертвы убейте!

Ударили, убили. Только убили жертвы, смотрят: позади идолов человек стоит. В этот миг на глаза появился, видимым стал. Начали его тут расспрашивать, куда ходил да где был. То, что от него слышали, теперь люди и рассказывают.

167. Сбор ясака

Люди одного мансийского поселка, одной мансийской деревни пляшут в старом игральном доме¹.

Наступило время платы ясака, а они все пляшут. Семь дней плясали. Денег для выплаты ясака не имеют².

В поселок нарты за ясаком приехали. Стали собирать пушнину. Купец говорит:

— Почему зверя не промышляли?

— Мы запор на реке делали. Поэтому и не промышляли зверя. В лес сходить не успели.

— В каждом поселке все жители выплатили ясак, только вы не уплатили. Кто-то из вас все равно попадет под суд.

— Мы никогда дома не оставались, только в этом году. К новому году мы весь ясак выплатим. До той поры будем промышлять зверя и полностью сможем рассчитаться.

— В течение года я только один раз сюда приезжаю, — отвечает купец жителям поселка.

Люди ему говорят:

— Если ты не приедешь, то мы сами деньги и пушнину как-нибудь тебе пришлем.

Уехали сборщики ясака, уехал и суд. После их отъезда весь народ деревни вместе собрался. Созвали собрание. Вместе решали, как в дальнейшем проводить пляски. Пляски организовать два раза в году: осенью и в первый день мая месяца. Потом подумали, подумали и говорят:

— Играть и плясать один раз в году. Осенью плясать тогда, когда будет плохой промысел зверя.

Но между собой продолжают рассуждать:

— Может быть, один год совсем не плясать, второй год плясать и играть, на третий год опять не плясать?

Тут находился и шаман. Он говорит народу:

— Нет, так нельзя! Если мы так будем делать, то всем дальше не жить! Все умрем!

Народ ему отвечает:

— Если умрем, то мы — взрослые. Дети разве умрут? Они же ничего не знают про это. Ну, довольно, хватит. Пусть останутся живыми дети, а мы, взрослые, пусть умрем. В эту ночь все хорошенько подумаем, а завтра снова соберемся.

Наступило утро. Весь народ поселка, весь народ деревни заболел. Люди стали умирать. Оставшиеся в живых рыли глубокие ямы и клали туда всех умерших. На второй день, как начали люди болеть, в живых остались только два взрослых человека и двое детей. Оставшиеся в живых муж и жена думают: «Как жить? Что делать будем? Мы умрем, пусть наши дети останутся живыми». Жена говорит:

— Давай будем плясать и играть!

Муж сказал:

— Ты бей в железный ковш, как в музыкальный инструмент, а я буду плясать.

Жена говорит:

— Я же говорила, что не надо кончать плясать. Теперь посмотри, сколько людей погибло!

Пляшет муж, жена отдыхает. Жена плясать начнет, муж садится отдыхать. Плясали-плясали, кончили плясать.

Долго жили. коротко жили. Жена просит мужа перекочевать на другое место, в другой поселок. Переехали. На другом месте они построили деревню. Вместе с детьми живут. Но однажды двое их детей ушли ягоды собирать да заблудились. Так и совсем потерялись. Мать с отцом искали, искали своих детей, так и не нашли. Муж говорит жене:

— Ты стремилась переехать на другое место! Теперь дети потерялись.

Жена отвечает:

— Не могут они совсем потеряться. В какое-то время мы услышим их голоса. Они где-то есть.

Муж говорит:

— Откуда же ты их услышишь? Их Ворут съел, теперь они погибли.

Так оно и получилось. Их детей поймал Ворут, привязал детей проволокой. Губы детей проткнуты иголкой, чтобы губы и носы перед смертью детей стали жирными.

Ворут каждый день приходит к детям, припосит им калачи и булки. Ребята все это поедают. Долго так было, коротко так было. Однажды ребята покачались на качелях и говорят Воруту:

— Нас проволокой вместе свяжи, мы не убежим. А ты покачайся на качелях.

Ворут стал качаться на качелях. Дети в это время убежали домой, к отцу и матери. Прибежали домой. Во дворе собака залаяла. Девочка упала и умерла. Мальчик внес ее в дом. Он рассказал отцу и матери, где они были и как жили там.

Тут мальчик стал смотреть на огонь и тоже умер. Умерших девочку и мальчика отец с матерью унесли в лес. Плачут родители. Утром они снова в лес пошли. Но не нашли там умерших детей. Их взял Ворот.

Муж говорит жене:

— Ты стремилась в новый поселок. Если бы мы жили в старом поселке, не потеряли бы детей.

Он стал ругаться:

— Ворута где-нибудь найду и убью!

Жена говорит:

— Где ты его найдешь? Зачем выдумываешь?

Однажды муж ушел к реке на заповедь. Рыбы много добыл, большого налима добыл. Рыбу положил на нарту и нарту сам тащит. Тащит нарту еле-еле, тяжело. Она как будто за гору зацепилась. Тащит нарту и думает: «Почему моя нарта такая тяжелая?»

Оглянулся назад: в нарте Ворот сидит и в лапах огромную рыбину держит. Стал мужчина с Ворутым драться, вырвал с его головы пучок волос и за голенище унтов положил. А Ворута он отпустил на свободу. Сам взял большую рыбину и пошел домой. К жене свое пришел, стал рассказывать:

— Ты говорила, как я расправлюсь с Ворутым! Сегодня я его нашел, как следует «накормил»!

Его жена говорит:

— Не ври! Если что-то хочешь сказать, то правду говори!

Муж говорит:

— Я не вру, правда, я нашел его. Вот его волосы!

Он подает волосы Ворута жене, а они стали как лишайник. Долго жили, коротко жили. Другие дети у них появились. Вырастили их. Появились невестка и зять.

Дети их говорят:

— Мы не будем здесь жить. Лодкой никуда нельзя проехать, воды нет.

Они снова перекочевали в старый поселок. И теперь там живут.

168. В охотничьей избушке

В одном селе, в одном поселке живут двое мужчин. Они пошли в лес, в сторону реки Сосьвы. Но пришли сначала к реке Хура, где живет их двоюродный брат. Вошли в его дом, говорят брату:

— Мы вместе в лес пойдем!

Двоюродный брат говорит:

— Вы сегодня идите. Я еще не готов. Вы идите на другую сторону большого болота. Там есть ветхий домишко. Но в нем вы не ночуйте, идите на противоположную сторону. В этом домишке нельзя почевать — в нем бывает привидение.

Мужчины вдвоем в лес ушли. Пришли к большому болоту, о котором говорил двоюродный брат. Действительно, там домишко стоит. Постояли, подумали. Один из них говорит:

— Послушай, давай мы переночуем здесь.

Второй мужчина отвечает:

— Только что двоюродный брат нам сказал, чтобы мы не оставались на ночлег в этом ветхом доме, в нем привидение бывает.

Первый настаивает на своем, говорит:

— Как сюда придет пугающее чудовище?

И все-таки они здесь остались ночевать. Оленей отпустили, сами уснули. Утром встали, болтушку из муки¹ сварили, поели и пошли промыслить белок. Ходили, ходили, вернулись, семь-восемь белок добыли. Между собой говорят:

— Наш двоюродный брат так и не пришел.

Они снова в домике ночевали. Встали, болтушку сварили, наелись, собрались и пошли белок промыслить. Ходили, ходили, назад в дом вернулись. Один из них раньше в дом вернулся. В домишко вошел, видит: на костре котел висит, заправленный пережаренной мукой. Вскоре вернулся в избушку второй охотник. Первый, кто раньше домой пришел, спрашивает его:

— Слушай, ты в дом не приходил?

Тот ему отвечает:

— Не приходил.

— Наш котел кто-то невареной мукой заполнил.

— Наверное, наш двоюродный брат приходил. Он ради смеха заправил наш котел сырой, невареной мукой.

Переговорили они так между собой. Успокоились. Двоюродный брат не пришел. Они нарубили дров. У одного из них сломалось топорщице. Он домой топор отнес. Сварили еду, поужинали и легли спать. Один просит второго:

— Слушай, расскажи сказку!

Другой к своему боку топор положил. Начал рассказывать сказку про шамана. Рассказывал, рассказывал, вдруг брат ему говорит:

— Тихо! Перестань говорить!

— Что-нибудь слышится?

Прислушались вместе: кто-то приближается, какое-то движение слышится.

— Это наш двоюродный брат, наверное, идет.

Лежат, слушают. Один из них говорит:

— Послушай, лежи спокойно, кто-то к нам идет. Ты лежи тихо, не шевелись. Огонь в очаге еще есть².

Тут быстро двери открылись, в дом входит Ворот. Глаза его как крышки ящика. Один из мужчин схватил топор. Ворот им говорит:

— Эх, как я хотел бы убить вас обоих, но боюсь одного мансийского переводчика³. Вот бы его убить сначала.

Ворот подходит ближе к ним, говорит:

— Как я их убью? Я лягу на них.

Совсем близко к ним подходит. Один из мужчин, лежащий у стенки, в руках топор держит. Ворут приготовился лечь на них. В это время мужчина ударил Ворута топором по голове. Ворут свалился на пол. Мужчина смеется:

— Ха, ха, ха! Теперь я тебя, проклятый, накормлю!

Тут другой мужчина поднялся, схватил топор и давай бить Ворута топором. Ворут на улицу убежал. Двое мужчин перепочевали. Утром встали, наелись, один из них говорит:

— Послушай-ка! Давай выследим его. За ним кровавая тропа есть.

Стали они следить. Из дома след на улицу ушел. На снегу заметна маленькая черта крови. Преследуют его дальше. Впереди видят сплетенные вершины маленьких елей. Туда пошли. Пришли, там ничего не оказалось. Прислушались — стоп слышится. Один из них говорит:

— Это он. Давай закопаем Ворута в землю.

— Ну его, пусть живет.

Они продолжают прислушиваться. Снизу разговор слышится:

— Я тебя вчера так не отпускал, просил не ходить туда. Там могли тебя убить. Теперь ты большим стал.

Мужчина говорит:

— Слушай, давай закопаем Ворута в землю.

— Ну его, не будем закапывать. Там их много, они нас убьют.

Мужчины-охотники пошли к избушке, поймали своих оленей и поехали к реке. Приехали они к двоюродному брату, рассказывают:

— Мы тебя очень ждали! Ты так и не приехал.

— Я заболел.

— Мы жили в старом доме. Нам что-то почудилось, и мы очень напугались.

— Я же вам говорил, чтобы вы там не оставались. В том домике бывают привидения.

Они ему ответили:

— Мы думаем, что не будет привидения. Мы его очень хорошо «накормили»!

169. Мис-пэ

Старик с устья Сижмы пошел ловить рыбу и поймал очень много. Гребет домой, смотрит: впереди в повороте дочь водяного царя, женщина волосы расчесывает. Женщина окунулась, положила гребень, он плывет сверху по воде. Старик, гребя, взял гребень и положил позади себя в лодку. Проехал немного, а когда оглянулся, то там сидела женщина. Он погреб домой. Женщина на берег вышла и вошла в дом. Его жена, бывшая дома, принесла рыбу.

Долго, коротко жили, Мис-пэ родила сыночка. Старика не было дома, он куда-то ушел. Мис-пэ поставила котел на огонь. Человеческая женщина спрятала поварешку. Как ни ищет Мис-

нэ, не находит поварешку. Она спимает котел голыми руками. Потом говорит женщине:

— Если ты не сумела жить в этом доме, богатом черным зверем, красным зверем¹, то оставайся бедной! Если бы мой сыночек начал говорить, тогда только и я бы начала говорить².

После этого она ушла со своим сыночком. Старик пришел домой, Мис-нэ нет. У него не стало силы что-нибудь добывать.

170. Мис-нэ и охотники

Живут трое мужчин. На заре они идут на реку, по которой ездил их отец, радостные от тормовки. Отплывают. Долго ехали, коротко ехали, один мужчина говорит:

— Зарядите винтовки. На следующем повороте реки много зверей-юров ползает.

Зарядили винтовки. Приплыли к следующему повороту реки — никаких зверей-юров нет. Человек говорит:

— Зарядите винтовки. На следующем повороте ходит медведь.

Приехали к следующему повороту — никакого медведя нет. Тот же мужчина говорит:

— Зарядите винтовки. Приедем к следующему повороту — ходит лось.

Приплыли к следующему повороту — никакого лося нет. Говорит человек:

— Зарядите винтовки. На следующем повороте дикий олень ходит.

Приплыли к следующему повороту — никакого оленя нет.

— Мужики, — говорит, — подъедем к следующему повороту, подъедем к яру, где наш отец убивал оленя.

Они подъехали к яру. Пристали, вышли на берег. Смотрят: валяются рога оленей, убитых их отцом. Затем сели в лодки.

Долго ехали, коротко ехали, стоит Мис-нэ. Мис-нэ говорит:

— Посадите меня.

Стали они ее сажать. Она идет к берегу, одна нога лосиная. Говорят:

— Ну ее, пусть остается.

Ну, так и оставили. Долго ехали, коротко ехали, стоит Мис-нэ. Тоже говорит:

— Посадите меня.

Они двинулись к берегу. Начали сажать, она идет, одна нога оленья.

Ну, оставили ее. Долго ехали, коротко ехали, стоит Мис-нэ. Говорит:

— Посадите меня.

Начали они сажать, одна нога лошадиная. Поехали дальше. Мис-нэ говорит:

— Если вы не захотели поссть, то поезжайте.

Говорит:

— Если зажиточный, богатый дом вам не пужен был, то поезжайте.

Они говорят:

— Что нам делать с зажиточным домом? У нас у самих есть зажиточный дом, богатый дом.

Мис-нэ говорит:

— От вашего зажиточного дома, богатого дома только пустые стены остались.

— У нас много полных, безразмерных амбаров.

Мис-нэ говорит:

— Пустые стены остались.

Говорят:

— У нас оленье стадо в сотню быков.

Мис-нэ говорит:

— Лес из сухих деревьев только, — говорит.

Долго ехали, коротко ехали, приехали домой — только пустые стены стоят. У амбаров тоже пустые стены стоят. Идут к оленьему стаду в сотню быков — они превратились в лес из сухих деревьев. Умерли от голоду.

171. Глупый зять

У одного старика есть зять. Зять очень глупый. Однажды старик послал его в лес:

— Пойдешь — придешь к большому озеру. Сюда не оглядывайся, туда не оглядывайся.

Зять пошел. Пришел к тому озеру, остановился. Рассказывает, осматривается. Оглянувшись в сторону озерного берега — огонь горит. Около костра с голыми руками и голыми ногами два менква сидят. Обдирают они черного зверя, обдирают они красного зверя. Обдирая, один из них сказал:

— Чего мы боимся?

Другой говорит:

— Чего мы боимся? Разве есть на этой земле кто-нибудь больше нас?

Первый говорит:

Когда я хожу в лесу, что-то больно сильно березы скрипят.

— Не говори, сердце у меня лопнет. Ну-ка, еще скажи.

— Что-то больно сильно березы скрипят.

— Не говори, сердце у меня лопнет.

Глупый зять срубил березу. Отодрал от бересты пленку. Сделал берестяной нос. Подкрадывается к углу менквов. Подошел туда. Неожиданно сунул его промеж них, крикнул:

— Большой нос берестяной маски. У-гу-гу-у-у!

Менквы в разные стороны убежали. Он взял шкурки. Побегал по дороге вслед за ними. Оказывается, менквы отошли немного и грохнулись. Шкурки домой снес. И теперь живет счастливо и благополучно.

172. Сказка про умного старика

Один старик говорит своей старухе:

— Насуши мне сухарей, завтра я в лес пойду.

Настал следующий день. Старик поел, попил, в путь готовится. Тронулся. Пошел. Пришел в лес, в лесную избушку. Собрал дрова. Поставил чай. Думает: «Убьют меня этой ночью менквы».

Нагрел клещи и рукоятку молотка. Вот слышит — дверь распахнули. Вошел менкв, косяки от дверей с собой в дом втащил. Назад повернулся — туда же их забил. Потом сел. Манси говорит:

— Дедушка, кедровые орехи ешь?

— Ем.

Дал менкву маленьких кампей. Менкв говорит:

— Твои орехи очень жесткие!

Манси говорит:

— Я такие же ем.

Менкв говорит:

— Давай загадки загадывать.

Манси говорит:

— Загадаем.

Менкв говорит:

— За вывороченным стволом дерева серебряная клюшка показывается.

Старик разгадал:

— Нос глухаря.

Теперь манси говорит:

— Я загадаю: знак от руки человека, шедшего из той земли, здесь остался.

Менкв не разгадал. Старик потихонечку молоток и клещи взял. Клещами зажал нос менквы. Молотком бьет его. Отпустил.

Менкв на улицу пошел, кричит:

— Молтэли¹ обжег меня!

Потом к нему один менкв бежит:

— Кто тебя обжег, что тебя обожгло?!

Менкв говорит:

— Молтэли обжег меня.

Менкв так и не догадался. Так и умер. Наступило утро. Манси собрал свою одежду, чтоб домой идти. Думает: «Убьют меня». Домой идет. Пришел. И теперь со старухой живут счастливо и благополучно.

173. Менкв в болоте

Живет один старик. Живет и думает: «Схожу-ка я в лес».

Пошел. Куда повернет голову — туда и идет. Шел, шел и вышел к болоту. Оказывается, в болоте менкв провалился. Старик хоть и повернул обратно, менкв его заметил:

— Внучек, внучек! Сбегай к бабушке. Ее дом там, среди больших лиственниц.

Старик пошел. Пришел туда, через дверь слухает. Слышно — ребенок плачет. Жена менква говорит:

— Не плачь, сынок. Скоро придет твой отец и принесет тебе поесть.

Постояв на улице, старик сразу в дом вбежал. Поспешно молвил:

— Дед провалился!

Старуха сходила в передний угол. Принесла рукав от шелковой шубы, принесла рукав от суконной шубы.

— Покачай моего ребенка.

Старуха пошла.

Когда старик качал ребенка, мальчик пытался из люльки выбраться, чтоб съесть его. Старик на улицу убежал. Смотрит: старуха вырывает целые лиственницы с корнями и бросает их в сторону мужа. Менква говорит:

— Дома ли твой внук? Что мы ему дадим?

Пришедший мужчина думает: «Наверно, убьют меня».

Убежал. Домой пришел. Сделал себе шубу из подаренного ему шелкового рукава, сделал себе суконный гусь из подаренного сукна.

И теперь живет счастливо и благополучно.

174. Заблудившийся охотник

Жил в давние времена охотник-манси. Жил он один. Ходил на охоту. Однажды ушел он на охоту в дальний урман. Охотясь на лесных зверей и птиц, он заблудился. Идет по лесу и слышит чей-то крик. Этот крик похож на человеческий. И охотник отправился на то место, где кричал человек. Мужчина-охотник увидел, как в болоте топчет человек. Тонуший подозвал мансийского охотника ближе и говорит ему:

— Сынок, подойди сюда. Но очень близко не подходи, иначе и ты завязнешь.

После этих слов тонуший человек сказал ему:

— Сынок, у меня есть к тебе просьба: там, в густом лесу, стоит изба, в этой избе живет моя жена. Скажи ей: «На перепутье семи болот отец утонул».

И отправился мансийский охотник разыскивать ту избу. Долго, коротко шел охотник. Вот он увидел избу. Подошел к ней, в дверях стал прислушиваться. А в это время женщина качала и убаюкивала ребенка.

— Сынок, сынок, не плачь. Отец нам привезет жирного мяса.

Мансийский охотник зашел в избу, и женщина перестала качать ребенка. Ребенка она все еще в люльке содержала, а он уже был подростком. Он языком вошедшему мужчине показывает — так есть хочет. И тогда охотник сказал такую весть:

— На перепутье семи дорог отец утонул.

Женщина успокоила своего сына. Потом она отрезала рукав от шелкового платья и отдала доброму человеку за то, что он принес весть. Вышли они из дома и отправились туда, где то-нуул человек. Подошли к болоту. Женщина стала с корнем вырывать деревца и кидать их в болото. Подала один конец дерева и вытащила своего мужа из болота. И муж спросил ее:

— Чем ты, жена, отблагодарила доброго человека?

Жена ответила:

— Я ему отдала рукав от шелкового платья.

И от этих слов у него заболело сердце.

— Почему ты не отдала все платье?!

Муж с женой отблагодарили доброго человека и отправились к себе домой. А мужчина-охотник отправился дальше. Долго, коротко шел, снова заблудился. Никак не может найти дорогу домой. Так неизвестно куда идет по лесу. Видит — вечереет, и луна уже высоко в небе взошла. Слышит он, что кто-то кричит:

— Вверху повис! Помогите!

Мансийский охотник смотрит: крикнувший сидит на верхушке сосны. И тогда охотник вырвал сосну из земли и взвалил себе на плечо. Мужчина прислушивается, а тот покрикивает:

— Кур, кур, кур!

Поставил он сосну на землю, и неведомый черт сыркнул ему на спину. Наш охотник упал в обморок. У этого неведомого черта был берестяной кузов, который зацепился за сук сосны. Кузов был огромный: он был сплит из трех огромных берестяных полотен. Мужчина-охотник очнулся. Взял кузов, взвалил на плечи и отправился искать свою деревню. Долго шел и пришел в свою деревню. Вывалил все из кузова и увидел столько шкурок белки, лисицы, соболя, сколько не видел за всю жизнь. Он раздал все богатство охотникам деревни. И сам стал жить богато. И теперь живет.

175. Человек с Ляпина и человек с Сосьвы

Человек с Ляпина да человек с Сосьвы пошли однажды в лес. Пошли и заблудились. В лесу встретились.

— Послушай,— один говорит,— ты дорогу к себе домой знаешь?

— Нет, не знаю. А ты?

— И я не знаю.

Пошли дальше вместе. Идут, белок промышляют. Ночь настала, спать легли. На другой день дальше идут. Другая ночь прошла. На третий день вышли они на край болота. Видят, дом стоит. Из дома дочь менква вышла, по воду пошла. Домой вернулась, отец ее спрашивает:

— По воду ходила, что видела?

— Ничего я не видела,— дочь отвечает.

Второй раз за водой пошла. Тем временем люди поближе подошли. Увидела она их. Когда домой вернулась, отец опять спрашивает:

— Что видела?

— Ничего не видела.— И в третий раз по воду вышла.

Люди тем временем к самому дому подошли. Дочь менква назад вернулась, отец снова спрашивает:

— Что видела?

— Ничего не видела.

— Не скрывай, что-то видела?

— Два человека пришли.

— Позови их.

Позвала девушка, они не идут. Отец второй раз ее посылает:

— Позови, пусть войдут.

Тогда вошли. Посадили их за стол, накормили. После того сосвинского человека взяли в мужья младшей дочери, а ляпинского — средней дочери. А еще раньше, до их прихода, к менквам человек с Казыма пошел. Тот человек теперь мужем старшей дочери стал. Встретились, казымец говорит:

— Идите ко мне, вместе спать будем. Скажите менквам: «Мы с казымцем спать будем».

Пошли они к менквам, говорят:

— Мы у казымского человека спать будем.

— Спите,— менквы отвечают.

Ночью казымец товарищей своих учит:

— Завтра войдите, скажите: «Мы по дрова пойдем».

Наутро люди к менквам пришли, говорят:

— Мы по дрова пойдем.

— Ну, идите,— менквы отвечают.

Пошли. Казымец три топора с собой взял и брус точильный взял. Пришли на место, спать легли. Наутро казымец ляпинскому говорит:

— Ты здесь останься, а мы дрова рубить будем.

Сосвинский с казымским дрова пошли рубить, а ляпинский сидит, топор точит. До самого их прихода все точил. На другой день сосвинский человек остался топор точить. Пока товарищи его дрова рубили, он все топор точил. Точил, точил, выточил. Товарищи вернулись, казымец топор посмотрел, говорит:

— Этого мало, теперь я еще денек поточу. Вы завтра по дрова идите, а я точить стану.

Наутро товарищи дрова рубить ушли, а казымец топор точить сел. Травинку на лезвие положит — травинка надвое распадается, веточку на лезвие положит — веточка надвое распадается, так выточил!

На другой день домой собрались. Домой пришли, казымец говорит:

— Завтра наши менквы жертву приносить поедут. Нас с собой повезут. На жертвенное место поедем, в тот же день до него не доберемся: далеко очень. На ночлег остановимся. Менквы

уговаривать будут, чтобы с ними ложиться. Не соглашайтесь, мы вместе ляжем.

Как казымец товарищам сказал, так и было. Утром встали, приходят семь менквов. Пришли менквы, велят оленей ловить. Пошли к стаду. Менквы казымцу говорят:

— Белого за шею поймай!

Аркан бросил, белого оленя за шею поймал.

— Пестрого быка за правый рог поймай,— менкв указывает.

Метнул, за правый рог поймал.

— Черного быка за голову поймай, петля дальше ушей чтобы не проскочила!

Метнул, за голову поймал.

— Белого за переднюю ногу поймай!

Аркан метнул, на переднюю ногу петлю накинул.

Семь белых оленей поймали, да семь черных оленей поймали, да семь пестрых оленей поймали. Тогда нарты запрягли, поехали. Долго ехали, коротко ехали, до жертвенного места не добрались. На ночлег остановились. Развели огонь.

— Люди, ложитесь с нами,— менквы говорят.

— Нет,— те отвечают,— мы вместе с казымцем ляжем.

Легли. На менквов смотрят. Те все не засыпают. Лежали, лежали, наконец заснули. Тогда люди свои три топора взяли.

— Я троим менквам головы отрублю,— казымец говорит,— вы мне тогда другой топор дайте. Еще двоим отрублю — третий топор дайте.

Так и сделали. Менквов перебили и бежать бросились. Ночь бегут и день бегут. Вечер настал, на почлег остановились. Дрова для костра рубить стали, слышат: позади тоже кто-то рубит — то дочь менквов за ними гонится. Перепочевали. Утром казымец сосвинскому говорит:

— Твоя жена за нами гонится! Ты в нее стрелу пусти, чтобы в середину груди попала.

После того поднялись, дальше пошли. Вскоре показалась дочь менква, сосвинского человека жена. Тот остановился, стрелу пустил. Стрела в середину груди ей попала. Дочь менква упала. Бегут дальше. Вечер настал, на почлег готовиться стали, дрова рубят. Слышат: позади их тоже рубит кто-то. Это средняя дочь, жена ляпинского человека, за ними гонится, убить их хочет. Казымец ляпинскому говорит:

— Твоя жена пришла. Как встанем утром, она покажется. Ты в нее стрелу пусти, чтобы в середину лба попала. Не попадет — нам всем смерть!

Ночь провели, утром поднялись, дальше пошли. Вскоре дочь менква появилась. Кричит:

— Вы, с сердцами из гнилушек! Всех наших перебили, убейте и меня!

Ляпинский остановился, стрелу пустил. В тот миг, как он стрелу пустил, дочь менква тоже выстрелила. Едва нагнуться успел, все же от стрелы увернулся. Дочери менква стрела в се-

редину лба вопзилась. Дочь менква упала, а они дальше бегут. Целый день шли. Вечер настал, на ночлег готовиться стали. Когда дрова нарубили, слышат: позади их кто-то тоже дрова рубит.

— Моя жена пришла, — казымец говорит. — Ну, теперь нам смерть. Что делать будем?

Когда спать ложиться стали, казымец опять говорит:

— Духов просите, чтобы вам завтра ее убить удалось.

Ночь провели, утром рано встали, дальше идут, вскоре жена казымца показалась, кричит:

— Эй, вы, с сердцами из гнилушек! Всех людей наших перебили, меня теперь тоже убейте!

Казымец остановился, стрелу пустил. В тот миг, как он стрелу пустил, жена его тоже выстрелила. Едва увернуться успел. Стрела его чуть-чуть не зацепила, спину даже задела легонько. Дочери менква стрела в правый бок впиалась. Дочь менква упала. Трое людей тогда дальше пошли. Долго шли, коротко шли, до дома менквов добрались. Все добро менквов забрали, всех оленей забрали. Пошли домой. В прошлый раз как дорогу искали, найти не могли, а теперь сразу нашли. Долго шли, коротко шли, до дому наконец добрались. Как пришли, так все добро, всех оленей разделили и по своим местам разошлись.

Теперь они живут, и счастливы.

176. Сражение менквов

Живут старуха и старик. Настал один день. Старик говорит своей старухе:

— Приготовь мне хлеба, чтоб в лес сходить.

Старуха напекла хлеба. Наступил второй день. Старик в лес пошел. Пришел в лесную избушку. Настала ночь, лег спать. Утром встал. Поел-попил и пошел. Шел, шел — вблизи какой-то треск слышался. Поближе туда подошел. Дерутся двухголовый и трехголовый менквы. Пошел туда. Говорит:

— Вы что делите?

— Мы делим золотую шаль, сыздавна нашему батюшке принадлежавшую.

Потом трехголовый менкв убил двухголового менква.

Менкв говорит манси:

— Не выдавай меня: там есть менкв еще больше меня. Сделай милость, не выдавай меня! Если не выдашь, там у убитого менква есть маленький мешок, сорви его!

Манси сорвал мешок, за пазуху положил. Трехголовый менкв вскочил, уходит — пар от него поднимается.

Манси по дороге вслед за менквом идет. Слышно чье-то дыхание. Оглянулся назад: оказывается, пятиголовый менкв идет. Менкв говорит:

— Убежавшего вора не видел?

Манси говорит:

— Нет, совершенно не видел.

— Нет, ты видел. Лучше скажи. Если не скажешь, саблей зарублю тебя.

Манси говорит:

— Вот сейчас пошел.

Пятиголовый менкв побежал вслед за трехголовым менквом. Манси отошел немного, послышался треск. Поспешно идет туда. Подошел. Оказывается, менквы уже схватились. Деревья ломают. Манси подошел туда поближе:

— Вы что делите?

Менквы говорят:

— Мы делим золотой мешок, сыздавна нашему батюшке принадлежавший.

Потом пятиголовый менкв убил трехголового.

Пятиголовый менкв говорит:

— Не выдавай меня. Если не выдашь, я тебе золотой мешок дам.

Манси сорвал золотой мешок с подбородка убитого менква. Пятиголовый менкв побежал. От менква пар поднимается.

Манси идет сбоку дороги вслед за менквом. Менкв скрылся. Манси немного побыл, прислушался: слышно чье-то дыхание. Оглянулся назад: семиголовый менкв идет. Теперь менкв говорит:

— Убежавшего всра не видел?

— Нет, совершенно не видел.

— Нет, ты его видел. Если не скажешь, здесь же саблей зарублю тебя.

Манси сказал:

— Только что вот здесь пошел.

Семиголовый менкв побежал вслед за пятиголовым менквом. Менкв скрылся. Манси подошел немного — появился какой-то треск. Поспешно идет туда. Пришел. Смотрит: два менква дерутся. Семиголовый менкв убил пятиголового менква. Манси туда пошел. Говорит:

— Вы что делили?

Менкв говорит:

— Мы делили шкатулку, сыздавна нашему батюшке принадлежавшую. Шкатулку он куда-то спрятал, я все же найду ее.

Менкв говорит манси:

— Ты тут побудь, я домой сбегаю, младшего братишку спрошу. Шкатулку куда-то унесли, может быть, он знает.

Потом менкв домой побежал. Манси шкатулку увидел, взял и убежал. Немного отошел. Прислушивается: сзади слышно чье-то дыхание. Оглянулся назад: семиголовый менкв идет. Семиголовый менкв говорит:

— Я тебя саблей зарублю! Зачем шкатулку украл?

Манси назад обернулся: менкв к нему идет. Менкв ближе подошел. Манси менква саблей зарубил. Менкв упал. Манси назад пошел. Пришел в лесную избушку, одежду собрал. Домой

пошел. Пришел. На полученное от менквов золото живут со старухой и пьют-едят.

И теперь живут счастливо и благополучно.

177. Иппыг-ойка

В одном поселке, в одном месте живут муж и жена. Муж в лес ушел, жена дома осталась. В отверстии чувала что-то показалося, ветер что-то потренивает. Это Иппыг-ойка. Женщина впустила Иппыг-ойку и стала с ним любоваться-миловаться, играть. Вернулся муж с охоты. В дом вошел и говорит:

— Самыльти-пальти!¹ В доме чувствуется посторонний человек!

Жена ему отвечает:

— Какой же посторонний? Я повесила в чувале котел. Я надеваю наряд, в котором готовлю еду.

Муж опять ушел в лес. Иппыг-ойка тут как тут — снова появился в устье чувала. Женщина впустила его в дом. Они стали миловаться, играть. Мужа-то дома нет! Вернулся муж и говорит:

— Самыльти-пальти. В доме есть признаки постороннего человека!

— Что за самыльти-пальти? Это я повесила на вешала свое выстиранное платье.

В третий раз муж ушел в лес. Иппыг-ойка снова через отверстие чувала в дом влетел. Опять стал с женщиной веселиться, играть и миловаться. Долго, коротко так жили, однажды Иппыг-ойка уходить собрался. Он оторвал от своей рубашки рукав и отдал его женщине. Сам сказал:

— Если у тебя не будет сына, то шей из рукава себе платье. Если же будет сын, то шей ему рубашку.

Из этого рукава женщина все сшила и даже одеяло сделала. Муж домой пришел. Долго, коротко жили они с женой. Однажды жена родила девочку. Ну а девочка, в песнях воспетая, в сказках прославленная, долго ли растет?! Выросла. Сосватал ее сын Усынг-отыр-ойки и увез к себе в жены.

Долго, коротко жили муж с женой. Жена родила мужу второго ребенка — мальчика. Муж ругает жену:

— Это Иппыг-ойкой принесенный мальчик! Ты ему деньги отдала!

Вышел на улицу мальчик, стоит и плачет. Стоял, стоял и вдруг заметил: пола сахи зашевелилась. Смотрит мальчик вниз — светловолосая женщина. Она говорит мальчику:

— Внушек, почему ты плачешь? Иди, внушек, от дома в лес, по дороге, по тропе. Не спеша иди. Там стоит сосна с гнездом, а в нем находятся деньги.

Пришел туда мальчик. Снова стоит и плачет. Тут показался из гнезда отец Иппыг-ойки, спрашивает мальчика:

— Внушек, почему ты плачешь?

— Почему я плачу? Мой отец на меня очень ругается, так говорит: «Пусть Йипыг-ойка отдаст мне большой ящик с золотыми деньгами, унесенный им».

Отец Йипыг-ойки взял ящик и спустил его вниз к мальчику. Мальчик взял ящик, принес домой и отдал своему отцу. Дальше продолжают жить. Долго жили, коротко жили, снова отец стал ругать мальчика. Говорит ему:

— Скажи отцу Йипыг-ойки, чтобы отдал мне свой наряд, в котором облетает землю.

Вышел на улицу мальчик, плачет. Медленно побрел он по лесной дорожке и пришел к сосне с дуплом. Плачет. Из дупла выглянул отец Йипыг-ойки. Он спрашивает мальчика:

— Внучек, почему ты плачешь?

— Мой отец очень ругается, так говорит: «Пусть отец Йипыг-ойки отдаст мне свой наряд, в котором он облетает землю».

— Зачем я отдам ему наряд Йипыг-ойки, в котором я сам облетаю землю? Ты залезай на сосну в дупло.

Мальчик залез на сосну. Отец Йипыг-ойки говорит ему:

— Семь дней здесь лежи, совершенно не поднимайся!

Мальчик говорит:

— Мать и отца мне очень жаль.

— Никуда они не денутся.

Ушел отец Йипыг-ойки, что-то впризу делает. Мальчик головой чуть пошевелил: что-то шумит и шумит. Исполнилось семь дней, как мальчик лежит в дупле. Отец Йипыг-ойки пришел. Мальчик встал на ноги и видит: весь поселок водой унесен, все огнем сожжено, осталось только три пня. Отец Йипыг-ойки девочку с собой принес. Девочку невестой назвал, а мальчика — ее мужем. Сам себя назвал Мир-сусне-хумом. И теперь они живут, и теперь здравствуют.

178. Маленькая Женщина Брусничный Глаз

Жила-была маленькая женщина по имени Брусничный Глаз. Однажды к ней пришел мужчина, в дом вошел. Маленькая Женщина Брусничный Глаз разожгла огонь, налила в котел воды и говорит мужчине:

— Повесь на огонь большой котел в семь вершков.

Мужчина пошел, чтобы повесить котел на огонь. Смотрит — а котел-то величипой с голову белки. Маленькая Женщина Брусничный Глаз вышла на улицу, чтобы принести домой мяса и сварить его. Говорит мужчине:

— Ты — человек песни, ты — человек сказки, припреси домой бычью ногу.

Мужчина смотрит: это всего-навсего беличья нога. Он думает: «Такая маленькая беличья нога! Что я буду есть?» Маленькая Женщина Брусничный Глаз сварила котел мяса. Мужчина ел, ел и не смог съесть. Так много было мяса! Он досыта наелся. И теперь он живет.

Жил-был старик. У него было три сына. Младшего звали Юваном. Юван был дурачком, избалованным мальчиком. Ущипнет он своих сверстников, и они с криком от него разбегаются. Так они и поживали. Отец однажды говорит им:

— Сыновья, давайте-ка построим новый дом.

И отправились сыновья в лес рубить деревья и готовить бревна для дома. Пришли они в лес. Старшие братья стали пилой спиливать деревья. Юван не спиливает, деревья с корнями из земли вырывает. Бросает их — только корни деревьев трещат. Старшие братья говорят:

— Ты не рви деревья с корнями, а лучше спиленные нами на берег стаскивай. Мы сами будем валить лес.

Старшие братья не успевают дерево от сучьев очистить, как Юван наскоро хватает его и тащит на берег. Поработав, трое братьев бревна оставили и отправились домой. Когда они вернулись, отец спрашивает их:

— Сынки, как вы деревья рубили?

Старшие сыновья отвечают:

— Мы-то рубили, пилили деревья, но Юван их с корнями на берег таскал.

Тогда отец сказал им:

— Пусть будут деревья с корнями, и корни пригодятся нам.

Отец начал спрашивать Ювана:

— Сынок, ты почему такой сильный?

Юван ответил:

— Дерево — это еще что! А если бы у земли было место, за которое держаться, я бы землю перевернул.

Затем Юван отправился в город. Говорит сам себе:

— Пойду искать человека, который сильнее меня.

Долго шел, коротко шел, навстречу ему старый всадник. Всадник приблизился, он был на белом коне¹. Спустился с коня на землю и поздоровался. Юван так крепко пожал ему руку, что он едва выпрямил пальцы. Старик стал говорить с ним. Долго говорил, коротко говорил, о своем житье-бытье рассказывал. Поговорили они, и настало время всаднику дальше путь держать. Сел он на своего коня и сказал:

— Сынок, у меня с собой железный посох, я его на земле забыл. Ты подай его мне.

Юван взялся за посох, хотел его поднять, но никак не может. Тогда старик и говорит ему:

— Ты же землю хотел перевернуть, а теперь один посох поднять не можешь. Земля-то — она такая тяжелая! Больше не хвались своей силой.

Старик нагнулся, поднял свой посох и заткнул его за пояс. Затем он оглянулся и сказал:

— Вернешься к братьям — топором работай, больше не хвались своей силой.

Юван отправился в обратный путь. Пришел к братьям и отцу, а они дом строили. И Юван стал топором работать. Теперь он работает как настоящий мастер, строит дом. Такой прекрасный дом они выстроили, что облако над ним раздвигается. Вот и сказке конец.

180. Окаменевшие братья

В одном поселке, в одном доме живут три брата. Один из них стал куда-то собираться. Стрелы и лук он дома оставил. Братьям говорит:

— Вы следите за стрелами. Если я в какой-то стороне умру, то стрелы и лук в том направлении наклонятся.

Ушел брат. Пришел он к реке, говорит:

— На той стороне реки избушка стоит. Если в ней есть кто-нибудь, то перевезите меня!

Неизвестный человек привел к нему лодку, говорит:

— Не садись на нос лодки. Тут пуных должен сидеть. На другое место садись. Что ты так скрючился?

На другую сторону реки переехали, в дом вошли. Женщина схватила котел, повесила его над огнем. Сама зовет собаку:

— Акарянг сясян¹, пурр-пурр! Возьми, загрызи!

Акарянг сясян появилась, загрызла первого брата. Он стал камнем. Оставшиеся дома братья смотрят на стрелы брата — они наклонились. Средний брат пошел искать своего брата. Стрелы свои и лук тоже оставил дома. Пришел он к той же реке, где был его брат, и кричит:

— Лодку на эту сторону пригони, меня на ту сторону реки перевези!

Привел сюда лодку мужчина, говорит среднему брату:

— Не садись на нос, на место идола. На другое место садись. Что ты так съежился?

Речку переехали, вышли на берег, в дом вошли. Женщина схватила котел и повесила его на костер. А сама зовет:

— Акарянг сясян, пурр-пурр! Возьми, загрызи!

Акарянг сясян появилась, загрызла второго брата. Он тоже стал камнем.

Бедно жили эти три брата. Третий брат ищет в доме что-нибудь надеть на себя, чтобы пойти на поиски своих двух братьев. Снарядился в путь и пошел. Шел, шел и пришел к той же самой реке. Кричит:

— Перевезите меня на ту сторону реки!

За рекой из избушки вышел один мужчина — Горный человек, Лесной человек². Третий брат угрожает ему:

— Горный человек, Лесной человек, я приеду на ту сторону, дам тебе хорошенько!

Мужчина с той стороны отвечает ему:

— Ленивый человек, слабый человек, я тебе дам!

Пришел мужчина к лодке. Опрокинутую лодку перевернул — она величиной в три острова. Лодку на воду толкнул, грести стал. Лодка верткая, туда-сюда качается. Тут третий брат говорит ему:

— Я перееду на ту сторону, тогда покажу тебе верткую лодку!

Мужчина пригнал лодку и говорит третьему брату:

— Не садись на нос, на место идола!

Третий брат прыгнул в лодку, ударил мужчину по уху. А тот все еще рвется к веслам. Тогда третий брат еще раз его ударил. Мужчину замолк, больше не рвется к веслам.

Речку переехали. Лодку затащили на берег, опрокинули ее и стали расхаживать по берегу. Мужчина кричит:

— Ой, меня толкнул ленивый человек, слабый человек! Мой нос в землю врезался!

Третий брат раскрыл двери дома и говорит:

— Горный человек, Лесной человек меня толкнул!

Упал он на середину пола, на полу кровь показалась. Женщина схватила котел с семью ушками, на костер повесила и кричит:

— Акарянг сясян, пурр-пурр! Возьми, загрызи!

Женщина взяла топор, отрубила свой нос. В доме все разрубила. Акарянг сясян на огонь опустила. И сама себя в своем котле на огонь опустила. Мясо кипело, кипело, его на улицу выплеснуло.

Тем временем третий брат расхаживает по улице, смотрит — камни лежат. Это его два брата. Он кончик пальца отрезал, кровь капнула. Братья ожили, кровью плюют.

Все трое они ушли домой. И теперь живут, и теперь здравствуют.

181. Младший брат-гусь

В одном поселке, в одном краю жили-были три брата. Однажды старший брат говорит своим братьям:

— Я в охотничью избушку схожу, где поставлены слопцы.

Ушел старший брат в лес. Братья его ждали, ждали, но он так и не вернулся домой. Тем временем старший брат пришел к избушке, добыл боровую птицу, разделал ее и мясо опустил в котел. Как только мясо в котле упрело, откуда-то появилась Кирт-нёлл-эква. Она говорит:

— Боже мой! Взгляни, внучек, все звезды алеют, как закат!

Старший брат поднял голову вверх, а Кирт-нёлл-эква в это время острием ножа проткнула ему горло, убила его и съела.

Долго живут, коротко живут дома два брата. Как-то средний брат говорит младшему:

— Наш брат так и не пришел домой. Он, наверное, много боровой дичи добыл. Не может один принести. Я тоже туда пойду.

Собрался, снарядился и ушел. Шел, шел и пришел к охотничьей избушке. Потом убил боровую птицу, приготовил мясо, опустил его в котел. Когда мясо сварилось, тут снова появилась Кирт-нелл-эква и сказала среднему брату:

— Боже! Взгляни, внучек, как алеют все звезды!

Средний брат взглянул вверх, а Кирт-нелл-эква в это время проткнула ему горло острием ножа, убила его и съела.

Дома остался один младший брат. Он размышляет:

— Братья мои куда-то ушли. Не возвращаются они домой. Пойду-ка и я туда.

Младший брат тоже пошел к избушке. Пришел туда, вошел в избушку — братьев его в ней нет. Как и его братья, младший брат добыл боровую птицу и поставил варить мясо. Мясо сварилось. Тут же появилась Кирт-нелл-эква. На сей раз она села есть потроха птицы и говорит:

— Боже! Взгляни, внучек, как горят все звезды!

Но младший брат не взглянул на звезды. Схватил он Кирт-нелл-экву и посадил ее на огонь — ее как не бывало, огнем куда-то унесло.

Тут младший брат говорит, пригорюнившись:

— Зачем я сжег старуху? Она могла бы быть мне товарищем. Одному-то жить тоскливо.

Он разжег сильный огонь, лег на костер и сгорел.

В другой стране, в другом городе жил-был один царь. У него было три дочери. Долго, коротко царь жил, однажды он на тридцати кораблях поехал торговать. Далеко ехали, близко ехали, во время плаванья царь кричит своим служилым на кораблях:

— Такой красивый мыс у реки! Пристанем тут.

Корабли причалили к берегу. Царь вышел на берег, расхаживает. Он обнаружил кострище, а в нем человеческие кости нашел. Ходил, ходил царь по берегу, никого не нашел и говорит своему народу:

— Сделайте деревянный ящик.

Сделали деревянный ящик, принесли его к кострищу. Человеческие кости собрали, завернули их тонким сукном, тонким шелком и положили в деревянный ящик. Ящик принесли на корабль, на котором плыл царь. Царь поставил ящик под своим окном. Корабли отчалили, дальше поплыли.

Стемнело. Народ заснул. Лежащие в ящике кости человеком стали. Этот человек поднялся в образе гуся. Летел, летел он и через окно влетел в комнату дочери царя. Говорит ей:

— Тебе было поручено спить шапку. Она, наверное, готова?

— Готова, — отвечает девушка.

— Кольцами обменяемся, — мужчина-гусь ей говорит. — Дай твоё кольцо.

— Человек, с которым я поменяюсь кольцами, далеко живет. Как я с тобой буду меняться?

Мужчина-гусь взял шапку и полетел. Он прилетел на корабль царя, шапку повесил под окном царя, а сам лег в деревянный ящик.

Наступило утро следующего дня. Царь спрашивает свой народ:

— Кто ходил за шапкой?

Отвечают разом все:

— Я ходил, я ходил...

Царские корабли поплыли дальше. Далеко ли плыли, близко ли плыли, снова остановились на ночлег. Царь просит своих служилых:

— В эту ночь кто-нибудь из вас пусть сходит в священный дом. Там мне была заказана шапка, ее надо принести сюда.

Все заснули. Вот слышится какое-то движение, какой-то шорох. Это вновь поднялся в образе гуся молодой мужчина, лежащий в деревянном ящике. Полетел. Летел, летел и прилетел к дочери царя, вошел к ней и говорит:

— Твой отец велел сходить в священный дом и узнать, не готова ли его шапка.

— Шапка готова. Здесь она, — говорит девушка.

— Кольцами обменяемся!

— Человек, с которым я поменяюсь кольцами, далеко живет.

Мужчина-гусь схватил шапку, взлетел и к царю полетел. Прилетел к царю. Шапку повесил над окном царя, а сам лег в деревянный ящик.

Утром царь спрашивает народ:

— Кто ходил за шапкой?

Все отвечают:

— Я ходил, я ходил...

Корабли дальше поплыли. Долго, коротко плыли, царь говорит своему народу:

— Кто в эту ночь пойдет в священный дом? Там мне заказаны сапоги, они, вероятно, готовы? Их взять надо.

Ждал, ждал царь, кто пожелает пойти. Однако все молчат. Стемнело. Лежащий в ящике мужчина опять взлетел в образе гуся. Летел, летел и влетел к дочери царя через окно. Говорит ей:

— Не готовы ли сапоги царя?

— Готовы.

Мужчина-гусь снова стал просить дочь царя обменяться с ним кольцами. Но дочь царя не согласилась. Мужчина-гусь взял сапоги, прилетел на корабль и повесил их над окном царя. Утром царь спрашивает свой народ:

— Кто ходил за сапогами?

— Я ходил, я ходил... — все отвечают.

Долго, коротко плавал царь по различным странам. Наконец собрался он домой возвращаться. В свой город приплыл. Смотрит царь из окна корабля на берег, не идут ли его дочери к реке.

Видит: старшая дочь спускается к реке, идет к отцу. Подошла к нему, обняла отца, поцеловала. Отец ей говорит:

— По земле ездил, водой плавал, но не нашел для тебя ни платья, ни платка! Привез только один ящик. Нужен он тебе?

Старшая дочь отвечает:

— Что привез, то и хорошо!

Они с отцом открыли деревянный ящик, а в нем человеческие кости. Старшая дочь рассердилась:

— Что я буду делать с костями?

Рассердилась, ушла на берег. Отец остался на корабле. Снова он смотрит на берег. Видит: идет к реке его средняя дочь, одетая в платье из тонкого шелка. Подошла к отцу, обнялись и поцеловались. Отец ей говорит:

— Ничего я не привез для тебя. Но есть у меня один ящик. Нужен он тебе?

— Что привез, мне то и пригодится.

Вместе пошли открывать деревянный ящик. Раскрыл царь ящик, а в нем кости. И эта дочь рассердилась на отца:

— Что я буду делать с мертвыми человеческими костями?

Обиделась средняя дочь и ушла на берег. Остался царь на корабле в ожидании прихода младшей дочери. Видит: идет к реке его меньшая дочь, раздетая в тонкие шелка. Пришла дочь, поздоровалась, поцеловалась с отцом. Он и говорит ей:

— Не привез я для тебя хорошего платья, а привез один ящик. Если нужен он тебе, бери!

— Что привез, то и возьму!

Раскрыл отец деревянный ящик, а младшая дочь согласилась унести этот ящик на берег.

— Как ты понесешь на берег такой тяжелый ящик?

Но младшая дочь и не слушает отца. Сама унесла ящик на берег и поставила его у себя в комнате.

Младшая дочь вечером ли ляжет спать, встанет ли утром — в комнате даже в самое темное время светло, как солнце сияет. Вышла она на улицу: там ударится, тут ударится — на улице еще темно. Она думает про себя: какой хороший мужчина! В комнате так светло, будто солнце в доме!

Младшая дочь поцеловала лежащего в ящике, он стал мужчиной. Они вместе стали жить. Долго ли, коротко ли они так жили. Однажды царь пошел к своей средней дочери и говорит ей:

— Иди зови людей, свадьбу будем играть!

Муж средней дочери царя говорит своей жене:

— Не ходи!

Она все-таки пошла. Пришла к старшей сестре и зовет ее:

— Зять на свадьбу приглашает. Иди, иди, Если мы не пойдём, он нам горло перерубит.

Старшая дочь царя оделась и пошла в дом отца. Вошла в дом отца — и бежит и бежит! Вдруг оказалась в печке. Куда-то исчезла и младшая дочь царя. Ее муж злым, сердитым стал: весь народ, живший в городе, убил.

Долго так было, коротко так было. В одном месте появилась младшая дочь царя, смотрит: никого нет, только она одна. И пошла она в путь. Далеко идет, близко идет, смотрит: старуха сидит. Старуха спрашивает ее:

— Младшая дочь царя, как ты сюда пришла? Каким летающим зверем ты сюда принесена?

— Много несущих людей разве одинаково приходят? Я хоть и скажу тебе, но ты же не знаешь.

Дочь царя дальше идти собралась. Старуха дала ей в дорогу один клубок ниток, одно кольцо и один медный шарик. Старуха наказывает ей:

— Отпусти клубок ниток и медный шар. Куда они покатятся, туда и ты иди.

Катится клубок ниток, катится, катится, а за ним царская дочка идет. Долго шла, коротко шла, пришла к дому. Подняла клубок ниток и медный шар. Нашла двери железного дома, вошла в дом. В дом вошла — туда ткнет, сюда ткнет. Бабушка, живущая в этом доме, говорит:

— Тише, тише! Меня не проткни! Ты что-нибудь мне поведишь?

Дочь царя отдала бабушке клубок ниток, а сама отправилась в обратный путь. По пути она увидела четырехэтажный дом. Вошла в дом, смотрит: на столе медовая еда, обильная еда стоит. Но ей не до еды. Спряталась она под столом, слушает, притаившись. Слышит: приближается гусь. Он влетел в дом, снял с себя шкуру маленького гуся, повесил ее на гвоздь, стал человеком и сел есть.

В это время младшая дочь царя тихонько подкралась к нему за спиной и закрыла руками его глаза. Мужчина просит:

— Сделай хорошее дело, отпусти меня! Глаза мои вот-вот лопнут!

Дочь царя его не отпускает. Мужчина продолжает просить:

— Наверное, южным ветром принесенная жепщина, отпусти меня!

Дочь царя не отнимает свои руки с глаз мужчины. Он говорит:

— Наверное, младшая дочь царя, жена моя! Отпусти руки!

Жена отпустила свои руки с глаз мужа. Муж поднялся из-за стола и давай ее бить. Бил, бил, бросил ее и говорит:

— Жить не умеешь! Больше ты не будешь моей женой!

Дочь царя с тех пор стала собирать мусор и воду носить. Так и теперь живет.

182. Волшебная палка

Жили-были мать с сыном. Однажды в их доме еды не оказалось. Сын пошел в лес ставить петли. Вернулся домой, выпался, встал и снова пошел в лес. В петлю попал глухарь. Он говорит юноше человеческим голосом:

— Отпусти меня!

Юноша отвечает:

— Если я тебя отпущу, то что я буду есть?

— Отпусти, я дам тебе еду.

Отпустил юноша глухаря, сам домой пошел. Пришел домой, матери рассказал. Мать ругается:

— Одного глухаря добыл и того отпустил! Чем питаться будем?

На другое утро сын ее встал, надел на спину большой кузов и пошел. Шел, шел. Однажды пришел к семиэтажному дому. В этом доме жил старик. Он и был глухарем. Спрашивает юношу:

— За едой ко мне пришел?

Наложил он полный кузов еды, а сверху положил золотой круг. Отправился юноша домой к матери. Пришел. Кузов с золотым кругом повесил наверху дома. Утром встали, смотрят — золотого круга нет, кузова нет и еды нет. Все выкрали. Это Городской Богатырь-Старик украл.

Снова пошел к старику юноша, рассказал ему о пропаже. Старик-глухарь спрашивает:

— Ко мне за едой пришел?

Старик наполнил едой кузов, сверху положил золотой круг. Юноша отправился к матери. Вернулся домой. Кузов с едой на улице повесил, а золотой круг — в передней комнате.

Городской Богатырь-Старик подменил золотой круг на серебряный. Снова обманут юноша. Снова пошел к старику-глухарю за едой. Тот дал ему хлеба и медный круг. Юноша отправился к своей матери. Пришел домой. Кузов повесил в доме. Разбогатели. Живут с матерью.

Вышел как-то юноша на улицу и видит: Городской Богатырь-Старик удивляется его богатству, как он снова разбогател. Тут юноша стал проворно туда-сюда бегать, приглашает Городского Богатыря-Старика поесть:

— Городской Богатырь-Старик, ешь садись!

Тот отвечает:

— Не хочу. Вот если отдашь мне висящий в горнице медный круг, тогда ешь сяду. Иначе не сяду.

Юноша отдал медный круг, сам вышел на улицу. Там никакой еды не осталось. В четвертый раз пошел юноша к старику-глухарю в семиэтажный дом. Пришел он в дом, ударил старика, схватил и унес с собой лежавшую тут волшебную палку и пошел к Городскому Богатырю-Старику драться. Пришел туда, говорит:

— Выходи на улицу!

Городской Богатырь-Старик вышел на улицу. Стали они драться. Юноша волшебной палкой бил-бил Городского Богатыря-Старика и убил его совсем.

183. Охсар-ойка и Король-ойка

В одном месте, в одной деревне жили двое мужчин. Одного звали Охсар-ойка, другого — Король-ойка¹. Живут они в доме высотой в три бревна. Хорошо живут, во здравии. Охсар-ойка говорит однажды:

— Сегодня мы сходим к царю и попросим у него весы для взвешивания золотых денег.

Король-ойка говорит:

— Послушай! Откуда у нас деньги, чтобы просить весы для взвешивания денег? Царь наши шен перерубит.

Не послушал его Охсар-ойка. Пошел к царю. Пришел, открыл двери царского дома, до середины дошел, на пол лег. Потом он трижды сходил к лесу и снова пошел к царю. Царь за столом сидит. Царь руку вверх приподнял, говорит:

— Охсар-ойка, что за нужда у тебя?

— Маленькие весы я прошу у тебя — деньги взвесить.

— Вон там висят, возьми.

Охсар-ойка взял весы, домой понес. По дороге к дому он нашел одну золотую монету. Весы монетой тер, тер, они стали как золотые деньги. Охсар-ойка весы обратно царю отнес. Весы, как золотые деньги, на доску повесил. Сам вышел на улицу. В это время весы упали. Царь спросил:

— Что упало?

— Что упало, то твое счастье.

Царь рассматривает свои весы, размышляет:

— Я на этих весах золотые деньги взвешивал, они такими не были. Теперь весы как золотые деньги стали. Сколько же денег у него?

На другой день Охсар-ойка снова стал собираться к царю, чтобы попросить весы для взвешивания серебряных денег. Король-ойка сказал:

— У нас нет денег, что будем взвешивать?

Охсар-ойка не слушает его. Пошел к царю. Вошел в дом царя, лег на пол, на самую середину пола лег. Царь руку вверх приподнял, спрашивает:

— Охсар-ойка, какая тебя нужда ко мне привела?

Охсар-ойка говорит:

— Мне нужны весы для взвешивания серебряных денег.

Царь говорит:

— Вон они висят, возьми!

Охсар-ойка схватил весы, вышел на улицу, понес их домой. По пути к дому он нашел одну серебряную монету. Ею весы трет, трет. Весы стали как серебряные деньги. Охсар-ойка весы обратно к царю отнес и повесил их наверху на гвоздь. Сам домой пошел. Тут весы упали. Царь сказал:

— Что там упало?

— Что упало, то твое счастье.

Царь рассматривает весы, размышляет:

— Я серебряные деньги взвешивал, весы такими не были. Теперь они как серебро. Сколько же у него денег?!

Охсар-ойка вернулся в свой дом высотой в три бревна. В доме живет. Но прошло три или четыре дня, он говорит:

— Схожу-ка я еще к царю за весами для взвешивания медных денег.

Король-ойка ему говорит:

— Где у нас с тобой такие деньги?

Охсар-ойка не слушает его. Снова в дорогу отправился. К царю пришел, на середину пола лег. Тут царь свою руку приподнял, спрашивает его:

— Охсар-ойка, что за нужда у тебя?

Охсар-ойка ему отвечает:

— Я прошу у тебя весы для взвешивания медных денег.

Царь говорит:

— Вон там они висят, возьми!

Охсар-ойка весы взял, домой направился. На обратном пути он нашел одну медную монету. Ею весы трет, трет. Весы совсем как медные деньги стали. Охсар-ойка весы отнес в дом царя. Повесил их на место, где они всегда висят, сказал:

— Спасибо! Ты весы мне давал, теперь у меня деньги есть!

Охсар-ойка домой вернулся, говорит своему другу:

— Король-ойка, сегодня мы вместе с тобой к царю сходим свататься.

— Король-ойка говорит:

— У меня одежды нет. Что я надену на себя, как пойду свататься? Мою шею царь все равно перерубит.

Они хорошенько умылись, оделись в лучшую одежду и вместе пошли. Пришли к царскому дому, настежь раскрыли двери дома царя, вошли в него и легли на пол. Затем встали, дошли до середины пола и снова легли.

— Охсар-ойка, — царь говорит, — какая нужда, какая забота у тебя?

— Есть у меня нужда, есть и забота. Мы пришли к тебе сватать твою дочь.

Царь сидит опустив голову. Потом голову поднял и говорит:

— Дочь моя далеко. Так что я ничего не могу сделать. Но если ты дашь мне тридцать полных саней золотых, серебряных и медных денег, то я свою дочь за тебя отдам.

Охсар-ойка говорит:

— Э, такое дело! Разве это много денег? Скажи своему народу, чтобы через эту реку, по которой ездят на лодках с веслами, к утру мост был бы готов. Нам дай мешок, чтобы в него положить груз с тридцати саней.

Царь дал им такой мешок. Они пошли. Пришли к своему дому высотой в три бревна. Король-ойка сказал:

— Разве мы можем наполнить деньгами такой мешок? Где возьмем деньги? Царь отрубил наши головы!

Они вышли из дома. Охсар-ойка идет верхом по берегу, а Король-ойка — низом. Они нашли маленький камень, в мешок его положили. Мешок зашили и принесли домой.

К утру мост через реку уже был готов. Король-ойка и Охсар-ойка пришли туда тайком, до середины моста дошли. Тут они подпилили нижние столбы моста, чтобы мост обвалился, когда по нему пойдут лошади с грузом.

Лошади пришли в обед. Охсар-ойка мешок с маленьким камнем погрузил на тридцать саней. Все тридцать саней поехали по мосту одновременно. Доехали до середины реки Оби — и мост обвалился. Все тридцать лошадей, тридцать саней в воду свалились, утонули. Король-ойка и Охсар-ойка к царю пошли. Пришли, спрашивают царя:

— Почему твои люди даже один мост не могли хорошо построить? Тридцать лошадей с санями, полными золотых, серебряных и медных денег, и тридцать человек с ними утонули. Кого сейчас винить? Ты виноват! Теперь ты отдашь нам свою дочь. Тридцать саней золотых, серебряных и медных денег в твои руки шли, ты не смог их получить. Теперь нас не суди!

Ничего другого делать царю не оставалось. Царь стал созывать всех, живущих в этих местах. Свадьбу делать стал. Три или четыре дня пили и ели. Но однажды Охсар-ойка царю сказал:

— Нам ехать пора.

Дочь царя в путь собралась. У мужчин был неводник. Пришли на берег. Сам Охсар-ойка сел на корме, чтобы лодкой управлять, жена — на середину лодки, а Король-ойка — в гребях. Поплыли. Долго плыли, коротко плыли. Вот уже их дом позади оставаться стал. Король-ойка говорит:

— Наш дом сзади остается!

Охсар-ойка ему отвечает:

— Молчи! Если ты ничего не знаешь, так сиди спокойно!

Дом их остался позади. Они все едут, едут вдоль Оби. Смотрят: лошади пасутся. К берегу пристали. Охсар-ойка на берег поднялся, спрашивает:

— Чьих лошадей пасешь?

— Это лошади Ялпын-ойки и Ялпын-эквы².

— Так не говори. Иначе царь завтра все огнем спалит. Говори, что это лошади Охсар-ойки и Король-ойки.

Спустился Охсар-ойка к реке. Дальше поплыли, смотрят: овцы пасутся. К берегу пристали. Охсар-ойка идет на берег, спрашивает пастуха:

— Чьих овец пасешь?

— Ялпын-ойки и Ялпын-эквы овцы.

— Так не говори, иначе завтра царь огнем все сожжет. Говори, что это овцы Охсар-ойки и Король-ойки.

Спустился к реке Охсар-ойка, и дальше поплыли. Немного съехали. смотрят: дойные коровы пасутся. Пристали к берегу. Охсар-ойка говорит:

— Вы посидите тут. Я на берег схожу.

Поднялся он в гору, спрашивает:

— Чьи коровы?

— Это Ялпын-ойки и Ялпын-эквы коровы.

— Так не говори. Говори, что это коровы Охсар-ойки и Король-ойки.

Охсар-ойка спустился к реке. Они дальше поплыли.

Долго плыли, коротко плыли. Однажды оказался красивый город. Они подъехали туда, смотрят: стоит огромный дом, величиной с город, величиной с деревню. К берегу пристали. Охсар-ойка говорит:

— Вы здесь посидите, я поднимусь на берег.

Поднялся он в гору, вошел в дом. А в доме из людей никого нет. Только в большой денежной чашке на столе сидят, скорчившись, Ялпын-ойка и Ялпын-эква. Охсар-ойка говорит им:

— Дедушка, бабушка, сидите?

— Да, сидим.

— Такой огненный царь едет, что все на пути огнем сжигает! Мы скрылись от него, вот тут и едем.

Ялпын-ойка и Ялпын-эква говорят:

— Мы не можем скрыться. У нас нет силы.

Охсар-ойка взял их вместе с денежной чашкой, унес в лес и большой палкой проткнул их сердца. Сам пошел к реке, к своим. Говорит:

— Идите! Двери дома настежь открыты!

Его жена и Король-ойка поднялись на берег. Все в дом вошли. Красиво и богато оделись в новые пальто, сапоги. Наелись. Легли спать. Стол с едой не убран, так и стоит.

На другой день корабль показался. Охсар-ойка смотрит: это царь со своим народом в гости едет. Охсар-ойка был одет в тонкие сукна, в тонкие шелка. Корабль к берегу причалил. Царь поднялся на берег, думает: «Какой богатый мужчина! Поэтому он и просил весы. Какой счастливый зять!»

Едят гости, а еда не кончается. Гостят, пьют. Охсар-ойка во время угощения говорит гостям:

— Здесь, в нашем поселке, есть очень плохой зверь. Он постоянно кричит, даже спать нельзя. У нас пороха нет. Если ты дашь нам пороха, мы застрелим его.

Царь отвечает:

— Порох у меня есть, дам.

Закончилось угощение. Царь уплыл домой. Охсар-ойка и Король-ойка съездили к царю, порох привезли. Приехали домой. Пошли к тому месту, где лежат проткнутые палкой Ялпын-ойка и Ялпын-эква. Они вырыли под ними яму, положили туда пороха и подожгли. Порох взорвался, все вместе взорвалось, и вот Ялпын-ойки нет, Ялпын-эквы нет.

Охсар-ойка и Король-ойка вернулись домой. Их дом, коровы, овцы, лошади — все остались живы. И теперь они живут, и теперь здравствуют.

184. Ендырский и Низямский

Жили-были двое мужчин — Ендырский и Низямский. Они были манси и давно дружили. Если один из них собирается идти в одну сторону, то второй обязательно пойдет в другую сторону. Однажды Ендырский пришел к Низямскому в гости. Он говорит своему другу:

— Пойдем вместе в лес!

Пришли они в лес. Ендырский спрашивает Низямского:

— Ты что-нибудь знаешь о своей жене?

Его друг Низямский отвечает:

— Ничего не знаю.

— Твоя жена неверна тебе, не любит тебя. Она живет с другим мужчиной.

— Я ничего не замечаю за нею.

— Ты этой ночью иди домой, к жене.

Низямский почью домой пришел. В доме его жена с другим мужчиной за столом сидят. Жена вскочила, своего мужа кнутом ударила. Муж ее превратился в собаку. Ендырский из лесу возвращается, его друг Низямский навстречу собакой бежит.

Долго жили, коротко жили, однажды с верховьев реки купец приехал. Он остановился у Ендырского мужчины. Купец смотрит — какая хорошая собака! Снег выпадет, она на снегу спит, без конуры. Если в сених лежит, то никого близко к ним не подпускает. Купец назвал собаку Ванькой, взял ее с собой. Ехали, они ехали, в Тобольск приехали. Чем сам хозяин питается, тем и собаку кормит.

В городе Свердловске у купца был знакомый губернатор. Однажды губернатор приехал к купцу. Сидят, разговаривают. Купец говорит:

— У меня такая собака есть! Куда ни пошлю, туда она и бежит, что ни попрошу, то и несет. До тех пор лает, пока еду не дам!

Губернатор просит купца:

— Продай собаку!

— Не продам. Собака мне очень пужна. Ты ее так поддержи четыре года, а потом мне обратно ее отдай.

Губернатор собрался везти собаку в Свердловск. Он смотрит: собака действительно очень умная. Все делает, все караулит, даже воду сама черпает. Правда, очень умная собака! Губернатор приехал в Свердловск с собакой. Живут.

Как-то к нему из Москвы приехал император. Губернатор с императором были очень близкими знакомыми, стали разговаривать.

Губернатор хвастается:

— У меня есть очень умная собака! Все делает и все караулит, никого близко не подпускает!

Царь просит губернатора:

— Сделай хорошее дело, отдай мне собаку! У меня было два

сына и оба с малых лет куда-то исчезли. Моя жена скоро родит дитя. Собака хорошо его будет охранять.

— Царь, я эту собаку на четыре года взял у тобольского купца.

Царь говорит:

— Хорошо. Я подержу ее два года, потом верну тебе.

Император стал домой собираться. И собака с ним собирается. Собака поехала с царем. Приехали в Москву. Царь говорит своей жене:

— Я хорошую собаку привез. Зовут ее Ваня. Ты месяца через два родишь маленького. Собака очень хорошо его будет охранять.

Царица родила сына. Куда она мальчика понесет, туда и собака бежит. Царь с женой стали укладываться спать. Царица говорит царю:

— Собака пусть на свободе будет.

Царь возразил ей, говорит:

— Собаку надо привязать. Ночью она будет мешать спать.

Собаку привязали за веревку. Сами уснули. В полночь их сына ворон выкрал. Собака залаяла, с веревки рвется. Веревка лопнула, и собака на улицу выбежала. Но ворон с ребенком уже поверху летит. Собака понизу бежит, прыгает. Ворон устал, спустился отдохнуть. Собака его поймала, сколько-то времени потренировалась, покусала и отпустила. Ворон снова стал подниматься. А собака отобрала ребенка и понесла его в Москву к царю. Пришла собака к царскому дому. Царица бросилась к ней, чтобы взять сына. Однако собака не отдает ей ребенка. Царь впустил собаку с ребенком в дом и сам взял сына. За это он наградил собаку золотой медалью, золотым крестом и золотой цепочкой. Царь отправил собаку обратно губернатору в Свердловск и наказал сопровождающему ее:

— У кого я брал собаку, тому ее и отдай!

Собака вернулась к губернатору. Тот отослал ее купцу. Купец накормил ее и отправил туда, где она жила, — в Нязямы.

Собака вернулась на родину — в поселок Нязямы. Жена хочет отнять у нее царскую награду, драться с ней собирается. Собака в дом вошла. Там сидел один мужчина. Жена схватила кнут и ударила им собаку. Собака в ворону превратилась, полетела вверх по реке.

Долго летела, коротко летела ворона, прилетела однажды в один город. Там стоят две лошади, черная и вороная, накормленные хлебом. Вскоре вышли на улицу двое мужчин, совершенно одинаковые. Они посмотрели, посмотрели на ворону и ушли в дом. Немного погодя из этого дома вышел дед. Он говорит:

— Э, друг, теперь ты попался!

Дед поймал ворону и стал бить. Принес ее в дом, взял кнут и ударил кнутом ворону. Ворона человеком стала. Дед спрашивает:

— Дорогой друг, ты ходил за царским сыном?

Мужчина отвечает:

— Я ходил.

— Царь тебя отпустил, я тебя тоже отпущу. Отсюда ты иди домой.

Дед отдал ему кнут и наказывает:

— Ты домой придешь, в дом войди и сразу же кнутом всех ударяй! Что скажешь, то и будет сделано.

Низямский мужчина собрался идти домой. Пошел. Шел, шел, на родину пришел. В дом вошел, сразу свою жену и мужчину кнутом ударил. Они оба лошадьми стали. Надел на них узду, хомут, запряг и начал ездить на них. Ночью их не кормит, привязывает. Днем лошадей снова запрягает, ездит на них. Семь дней так ездил Низямский мужчина. Лошади и сани не смогли уже возить. Так они и пропали, на костре сгорели.

185. Про орла

Крот и воробей собирали ягоды. Разделили ягоды поровну. Но одна ягодка лишней осталась. Они ее никак не разделят. Драться стали. Тут орел над ними летит и говорит:

— Крот на земле найдет ягодку, а воробей не найдет.

Приземлился орел. Крот к нему пошел. Подошел и крылья орла перегрызает. Орел взлетел и упал на землю. Он ходил, ходил в бору, слопец нашел. У слопца сидит какой-то старик. Старик натянул в сторону орла лук и стрелу, а орел стал величистой с иголку. Орел подошел к старику, просит его:

— Милый человек, добрый человек, накорми меня!

Пожалел старик орла, принес его домой. Жена сердится, не хочет в доме орла держать. Стали они кормить орла: вечером он лошадь съедает, утром корову съедает. Жена кормила, кормила орла и говорит своему мужу:

— Милый муж, добрый муж, выпусти орла на свободу!

Муж выпустил орла. Орел полетал, полетал, обратно вернувшись, просит старика:

— Меня еще неделю покорми!

Прокормили орла еще неделю. Жена снова ругаться стала, говорит:

— Выпусти его на волю!

Муж вынес орла на улицу, отпустил. Тут орел говорит ему:

— Садись на мои крылья!

Сел мужчина на его крылья. Они полетели. Летали, летали, однажды орел сбросил мужчину со своего крыла. Сам сел на землю. Мужчина просит орла:

— Отпусти меня, орел, не мучай!

Орел отвечает ему:

— Еще два раза сброшу.

Снова сел мужчина на крылья орла. Полетели. Летели, летели, высоко поднялись. Орел спрашивает мужчину:

— Земля видна?

— Видна.

Орел сбросил мужчину с высоты, затем снова подхватил его на лету около земли. Снова полетели. Полетели за черное облако, за лохматое облако. Орел спрашивает:

— Впереди что-нибудь видно?

— Видны один дом и один амбар.

Прилетели они туда. Собака залаяла. Сестра орла вышла на улицу, целоваться с братом стала, спрашивает его:

— Где ты был? Уже целый год прошел.

Она внесла орла в дом, накормила, напоила. Орел просит сестру:

— Отдай мне твою шкатулку, окрашенную черной краской, которая лежит под подушкой!

Сестра расплакалась и говорит брату:

— Не отдам! Пусть хоть отец и мать придут — и им не отдам!

Орел говорит мужчине:

— Пойдем на улицу.

Вышли они на улицу. Мужчина сел на крылья орла и полетел дальше. Летели, летели, орел говорит:

— Посмотри назад, что-нибудь видно?

Мужчина взглянул назад и говорит:

— Красная лиса скачет!

— Это я дом своей сестры огнем зажег.

Дальше полетели. Летели, летели, орел говорит мужчине:

— Посмотри вперед, что-нибудь видно?

Мужчина посмотрел и говорит:

— Видны один дом и один амбар.

Прилетели туда. Вторая сестра на улицу вышла, целоваться стала с братом. Она внесла его в дом, накормила, напоила. Тут брат ей говорит:

— Отдай мне под подушкой лежащую твою шкатулку, окрашенную черной краской.

Сестра расплакалась, говорит брату:

— Не отдам! Хоть мать, отец пусть придут — не отдам и им!

Орел говорит мужчине:

— Пойдем на улицу.

Вышли на улицу. Орел говорит:

— Садись на мои крылья.

Сел мужчина ему на крылья, взлетели и дальше полетели. Залетели в черное облако, в мохнатое облако. Орел спрашивает мужчину:

— Позади что-нибудь видно?

Мужчина посмотрел назад и говорит:

— Красная лиса прыгает.

— Это я перед вылетом огнем зажег дом моей сестры!

Дальше полетели. Летели, летели, орел говорит:

— Посмотри вперед, что-нибудь видно? Видно или нет?

Мужчина отвечает:

— Один дом и один амбар видно.

Орел говорит:

— Моя самая младшая сестра из моих старших сестер тут и живет.

Туда прилетели. Собаки залаяли. Сестра на улицу вышла, с братом целуется. Домой его привела, накормила, напоила. Навесившись, брат просит сестру:

— Отдай мне твою шкатулку, лежащую под подушкой, окрашенную черной краской.

Сестра заплакала: жалко ей шкатулку. Говорит брату:

— Отдам!

Отдала она брату шкатулку и ключ отдала. Говорит ему:

— Не открывай шкатулку в пути!

Эту шкатулку орел отдал мужчине. Тот взвалил ее на свое плечо и пошел. Шел по проложенной здесь черной дороге, шел по кротовой тропе. Пришел он на берег озера, думает: «Открою-ка я шкатулку. Почему сестра орла не велела ее открывать?» Открыл шкатулку и упал без сознания. А когда очнулся, то услышал, как в ступе тихонько соль толкут, деревянным вальком тихонько белье колотят. Леший ударил мужчину по спине, говорит ему:

— Если ты хочешь что-то сказать, то говори быстро. Что тебе неизвестное есть, то и отдай мне!

Мужчина сидит и думает: «Что мне не знакомо? Жену свою знаю. Дом свой знаю». Тут леший опять ему говорит:

— Что тебе неизвестное есть, мне отдай!

Мужчина отвечает:

— Возьми.

Леший таким проворным стал, начал быстро все собирать. Все вместе собрал, положил в шкатулку, закрыл ее на ключ и отдал мужчине. Говорит:

— Иди домой.

Мужчина пошел домой. Пришел, вошел в дом. Сын его стоит ростом с него. Он поздоровался с сыном, а сын ему и говорит:

— Меня леший к себе звал. Я туда пойду.

Жена заплакала, запричитала:

— Одного сына вырастила, и того ты лешему отдал!

Сын их собрался и ушел.

186. Семь лебедей

Жили-были брат с сестрой. Жили они без отца и без матери. Брат сколько-то побыл дома и отправился промышлять. Сходил, но ничего не добыл. Сестра ругаться стала:

— Так мы с голоду умрем!

Брат говорит сестре:

— Кузов домой принеси, вещи собери, промышлять пойду.

Брат ушел промыслить. Долго шел, коротко шел, увидел дом, увидел амбар. Подошел к дому, подошел к амбару, ходит взад-вперед. Он вошел в амбар. Там много-много еды было. Какая еда! Какая одежда! Тут и вино. Взял он камень, лежавший на полу в середине амбара, сам за дверь спрятался. Стоит, слушает. Послышался разговор. Это пять богатырей идут. Юноша стоит за дверью, ждет. Тут в амбар вошел первый богатырь. Юноша ударил его камнем по голове. Таким же образом еще троих убил. Один богатырь скрылся.

Юноша взял свой кузов, наполнил его едой и пошел домой. К сестре домой пришел, говорит ей:

— Приготовь еду. Завтра снова пойду промыслить.

Сестра приготовила еду. Утром брат встал и пошел промыслить. После его ухода в дом вошел один богатырь. Он спрашивает девушку:

— Куда ушел твой брат?

Девушка отвечает:

— Он ушел промыслить.

— Когда вернется домой?

— Скоро не придет, только вечером придет.

— Меня накорми! Ты не бойся, я тебя не убью,— говорит ей богатырь.

Девушка накормила, напоила его. Тогда богатырь говорит ей:

— Мы поженимся с тобой.

Девушка отвечает:

— Брат вернется, он нас обоих убьет.

Но богатырь снова ее спрашивает:

— А скоро твой брат вернется?

— Пожалуй, скоро придет.

— Ты меня укрой где-нибудь.

Девушка спрятала его в подполье. Тем временем брат вернулся домой и просит сестру:

— Поддай еду на стол, я есть хочу.

Сестра сидит и говорит ему:

— Если ты живой человек, то надо тебе жениться. До каких пор я для тебя еду буду готовить?

Брат сидит и размышляет:

— Кого же взять в жены?

Тут ему сестра советует:

— Сначала возьми с собой кринку. По дороге увидишь урман, там тебе встретится волк. Ты волка подои, его молоко выпей, и сила твоя увеличится. Свинью по дороге встретишь, ее подои и молоко выпей — в два раза сила твоя увеличится. Медведя встретишь, подои, молоко выпей. Сила твоя в четыре раза увеличится.

Брат ее надел сапоги, взял с собой кринку и отправился в путь. Пришел в далекое место, глухое место. Там на него набросился волк. Но юноша его до смерти запинал, полную кринку молока подои, выпил — сила его прибавилась. Пошел даль-

ше. Свинья навстречу кинулась. Юноша и ее запинал, полную кринку молока надоил, выпил — сила его увеличилась в два раза. Дальше идет. На него медведь набросился. И его насмерть запинал, надоил кринку молока; выпил — сила его вчетверо увеличилась. Вдруг появились собаки. Юноша взял собак, привел их домой и привязал на цепь в сених дома. Сестру спрашивает:

— Теперь куда мне идти за женой?

Сестра ему отвечает:

— Иди в змеиный царский город. Там живут семь лебедей. Одна лебедь рассказывает в золотом оперении. Ее в жены возьми. Брат собрался на поиски лебедей. Говорит сестре:

— Я пошел!

Брат ушел. Долго шел, коротко шел. Однажды перед ним открылась поляна. Был полдень. Уже темнеть стало. Юноша смотрит вперед: берестяной пенек стоит. Пошел он туда, посохом пенек ударил, и тот развалился. Из него появилась старушонка:

— Милый внучек, зачем так ударишь? Мой дом, мою деревню совсем разломал!

— Как ты в таком доме живешь?

— Мне бог велел жить в этом доме. Заходи, внучек!

Вошел юноша в дом, но ничего не видит: темно. Старушка подошла к столу, пальцем до него дотронулась, и всевозможная еда, питье на столе появились. Юноша сел есть. Наелся. Старушка ему постель постелила. Юноша лег, а она его спрашивает:

— Куда ты идешь?

Он отвечает:

— Я жениться иду. Ты, бабушка, не знаешь ли что-нибудь? Научи меня.

Старушка отвечает:

— Завтра расскажу.

Утром встали, старушка и говорит:

— Я дам тебе платок, клубок ниток, чашку с серебряным дном и кольцо. Этим платком ты глаза завяжи. В чашку садись, а ноги наружу опусти. Клубок ниток отпусти, пусть он катится. Кольцо на указательный палец надень. Куда клубок ниток покатится — и ты туда. Долго, коротко так покатишься, время от времени своими ногами землю щупай. Когда окажешься на чистом месте, глаза развяжи.

Юноша отправился в путь. Долго, коротко так двигался, ногами изредка землю щупает. Прибыл на чистое место, развязал глаза. Оказывается, прикатился в чашке к морскому берегу. Старенькая лодка лежит на берегу. Юноша залез под лодку, слушает: около него лебеди летят, семь лебедей. Приземлились лебеди, сняли крылья и начали купаться. Долго, коротко они купались. Юноша выполз из-под лодки, украл одно лебединое крыло и снова спрятался.

Лебеди вышли из воды. Шесть лебедей оделись, взлетели и скрылись. Одна лебедь тут осталась. Походила немного и спрашивает:

— Кто взял мое лебединое крыло?

Юноша лежит и молчит. Лебедь снова спрашивает:

— Если ты — женщина, то сестрой тебя назову. Если ты мужчина, то отцом назову. Отдай мое лебединое крыло!

Юноша молчит. Лебедь продолжает:

— Если ты молодой юноша, мужем тебя назову!

Юноша вышел из укрытия, отдал лебединое крыло. Тогда лебедь-девушка говорит:

— Теперь поженимся. Я полечу домой. А ты как туда доберешься? Как только мои отец и мать заметят нас, они сразу нас съедят!

Юноша ей отвечает:

— Как-нибудь доберусь.

Девушка-лебедь советует:

— Иди, придерживаясь дороги. Будут люди навстречу идти, будут петь и плясать, с тобой здороваться. Ты не здоровайся с ними. Увидишь первый дом — это дом моей сестры, второй дом — это дом моего отца, а третий дом — мой дом. К нему иди. Подойди к углу этого дома, палкой постучи, я тебя впущу.

Девушка-лебедь улетела домой. За ней пошел и юноша. По пути ему люди встречаются, с ним здороваются, а он мимо проходит. Пришел к первому дому, пришел ко второму дому, пришел к третьему дому и палкой постучал. Жена-лебедь открыла окно и через окно впустила его в дом. Они наелись, напились и спать легли.

Однажды к ним пришли служанки. Разбудили их: отец девушки зятя к себе зовет. Они встали, оделись. Пришел туда зять, поздоровался с отцом жены. Тот говорит зятю:

— У меня есть молодой жеребец, его надо обучить. Всем поселком, всем народом с ним не можем справиться.

Зять отвечает:

— Если их силы не хватит, то моей совсем не хватит.

Зять передом повернется — смеется, спиной повернется — плачет. Пошел он домой, пришел к жене. Жена его пол метет. Она спрашивает:

— Ты плачешь?

Он отвечает:

— Я не плачу.

— Твоя слеза в моей ладони, посмотри.

Он смотрит: действительно, на ладони слеза. Жена успокаивает его:

— Не бойся! Сходи к кузнецу, возьми у него смолы, узду, двухпудовый молоток и железный кнут. Как набросится на тебя жеребец, ты выплесни ему в глаза смолу, надень узду и бей молотком по кнуту.

Муж ее сходил к кузнецу. Взял то, что велела жена. Вернулся домой и пошел к отцу жены. Он открыл конюшню, в которой стоит жеребец. Жеребец кинулся на него, хотел фыркнуть. Но муж в глаза коня смолу выплеснул, надел узду, вывел его

из конюшни, вскочил на него и поехал. Долго, коротко ездил, обучая, бил коня двухпудовым молотком и железным кнутом. Жеребец выбился из сил, еле до дому дошел. Муж привязал коня к столбу, сам пошел к отцу жены, говорит:

— Лошадь свою на место поставьте, я ее обучил.

Сам пошел домой к жене. Жена ему говорит:

— Этим вечером спрячемся, иначе нас съедят.

Они приготовились скрыться. Жена плюнула в сторону кровати, плюнула в сторону умывальника, плюнула в сторону стола и в сторону двери плюнула. Скрылись. Однако отец и мать их заметили, вдогонку за ними послали работника. Вот-вот работник их догонит! Тут жена ударила мужа и превратила его в дом, а сама стариком стала.

Работник подошел к старику, спрашивает его:

— Не видел ли ты кого-нибудь?

— Никого нет. Я один здесь живу.

Работник повернул обратно. Вернулся домой, его спрашивают:

— Кого-нибудь видел?

— Один старый старик живет в своем доме.

Отец и мать и говорят:

— Так это они и были.

Отец и мать сами туда направились. Взлетели они в облик кур. Зять с женой снова спрятались. Пришли на берег моря. В воду только зашли, как отец с матерью к морю пришли, говорят им:

— Отсюда вам без нас дальше не уйти!

Дочь отвечает:

— И вам отсюда без нас никуда не уйти!

Отец с матерью хотели было прочь уйти, но с места сдвинуться не смогли. Тогда они просят:

— Идите сюда, дочка и наш зять!

Дочь и зять пришли к ним, помирились с ними, поцеловались с отцом и матерью. Родители говорят:

— Вы домой идите. И мы домой пойдем. Живите с богом!

Пришел вместе со своей женой-лебедью брат к сестре. Сестра смотрит: такую жену брат привел! Красавицу! Брат взял топор, отрубил от лиственницы щепку, через голову ее опустил. Сам уснул. Проснулся утром, смотрит — такая большая деревня возникла, такой город тут возник! Летящая сорока без отдыха из конца в конец долететь не может. Такой большой город вырос.

Свадьбу сыграли. Пили, ели. Брат с женой спать легли. Тут богатырь из подполья появился, спрашивает девушку:

— Брат твой уснул?

Девушка говорит:

— Уснул.

Богатырь вышел из укрытия и говорит девушке:

— Сходи принеси проволоку.

Девушка принесла проволоку. Богатырь обмотал ее брата с головы до ног этой проволокой. Брат проснулся, говорит сестре:

— Вы мою силу не пробуйте!

Он потянулся. Этот зверь — проволока — врезался ему в тело. Брат скончался. Сестра и богатырь взяли его за ноги, за голову, вынесли на улицу, унесли в лес. Там его тело положили в лабаз и засыпали землей.

Жена брата проснулась — мужа нет. Она плачет. Начала искать мужа. Искала, искала, нигде его нет. Вспомнила, как однажды муж наказывал ей: «В сених есть три собаки, спусти их с цепи, если я скончаюсь». Она отпустила собак. Собаки тут же побежали в лес. Она за ними. Когда она прибежала в лес, собаки уже лабаз разворотили. Муж мертвый тут и лежит. Собаки начали его лизать. Проволока стала спадать. Муж пошевелился, ожил. Жена плачет. Он говорит:

— Ты плачешь?

Жена отвечает:

— Как мне не плакать?! Тебя убили.

Муж спрашивает:

— Кто убил?

— Твоя сестра.

Они вместе вернулись домой. Муж говорит жене:

— Ты иди в дом, а я сейчас приду.

Сам пошел в амбар, взял оставленный отцом кинжал, наточил его и вошел в дом. Выдернул одну половину, вытащил из подполья богатыря и отрубил ему голову. Отрубил голову и своей сестре. Сами вдвоем стали жить.

Такая моя песня была. Я там была, ела, чай пила.

187. Кольцо царской дочери

Жили-были старик со старухой. Было у них три сына. Вскоре отец и мать умерли. Отец перед смертью попросил сыновей:

— Когда я умру, пусть каждый из вас придет ко мне ночью.

После смерти отца старшие братья стали плохо относиться к своему младшему брату. Даже собака и то спала в лучшем месте, чем младший брат.

Наступила ночь. Этой ночью к отцу должен был идти старший брат. А он не хочет идти, говорит младшему брату:

— Братишка, ты сходи. Я для тебя что-нибудь хорошее сделаю. Отец что скажет, ты утром придешь и мне расскажешь.

Наступила полночь. Младший брат собрался и пошел. Пришел он на кладбище. Отец поднялся и спрашивает:

— Это ты, старший сын?

— Нет.

— Это ты, средний сын?

— Нет.

— Это ты, младший сын?

— Да, я.

Отец ему говорит:

— На трудный день, на день нужды возьми шерсть белой лошади. Одну шерстинку спичкой зажжешь — белая лошадь появится. Перед тобой будет стоять белая лошадь — из ноздрей костер и огонь видны! Войдешь в одну ноздрию, из другой выйдешь и станешь богатырем, вооруженным саблей и коньем.

Младший сын взял шерсть белой лошади, домой пошел. Пришел домой. Утром встал, старший брат его спрашивает:

— Что сказал отец?

— Пфу! После смерти ты сможешь что-нибудь сказать? Так и он.

Другая ночь наступила. Надо идти среднему сыну. Он тоже не хочет идти к отцу и просит меньшего брата:

— Братишка, ты сходи. А я что-нибудь доброе для тебя сделаю. Отец что скажет, ты утром мне расскажешь.

Наступила полночь. Пошел к отцу младший сын. Пришел он на кладбище. Отец поднялся и спрашивает:

— Старший сын, это ты?

— Нет.

— Средний сын, это ты?

— Нет.

— Младший сын, это ты?

— Да, я.

— На трудный твой день, на день твоей нужды возьми шерсть черной лошади. Одну шерстинку черной лошади спичкой зажжешь — появится черная лошадь. Перед тобой стоит черная лошадь — из ноздрей костер и огонь видны! Ты войдешь в одну ноздрию, а из другой выйдешь и будешь богатырем, вооруженным саблей и коньями!

Младший сын взял шерсть черной лошади и пошел домой. Пришел. Утром средний брат спрашивает его:

— Что отец сказал?

— Если ты умрешь, что ты сможешь сказать? Так и он.

Наступила ночь идти к отцу меньшему сыну. Старшие братья размышляют:

— Эта ночь — его ночь. Пойдет или не пойдет, это его дело.

Меньшой сын пришел на кладбище. Наступила полночь. Отец поднялся и спрашивает:

— Младший сын, ты?

— Я.

— На трудный день, на день нужды, на день тяжелый в твоей жизни я даю тебе шерсть рыжей лошади. Одну шерстинку спичкой зажжешь — рыжая лошадь появится. Перед тобой будет стоять лошадь рыжей масти — из ноздрей костер и огонь видны! Ты в одну ноздрию войдешь, в другую выйдешь и окажешься богатырем, вооруженным саблей и коньями!

Младший сын взял шерсть рыжей лошади, пришел домой. Живут.

В городе царя люди всей земли собрались. Они снимают кольцо царской дочери: кто его схватит и снимет, царь за того отдаст свою дочь в жены.

Про это уже знают все люди земли. Про это слышали и старшие братья. Среди отцовских вещей и богатства, среди животных они выбрали себе лучшую лошадь. Собрались ехать на место сборища людей. Младший брат говорит им:

— Братья мои, я с вами тоже поеду!

— Такому, как ты, куда ехать? Там, во дворе, есть хромая и слепая лошадь. На ней и поезжай.

Уехали старшие братья. Младший брат вывел хромую и слепую лошадь. Повел ее за узду, пока не скрылась из виду деревня. Потом сел на зад лошади. С обеих сторон бьет ее кнутом. Лошадь туда-сюда скачет.

Поселок скрылся. Младший брат зажег спичкой одну шерстинку белой лошади — перед ним стоит белая лошадь. Из ее ноздрей костер и огонь видны. Лошадь спрашивает:

— Мой огненный богатырь, мой божественный богатырь, какая беда, какое богатство? Войди в правую ноздрю, а в левую выйди.

Так и сделал младший брат. Вышел из ноздри на улицу, что тебе богатырь в полном вооружении! Сел на белую лошадь, только один раз кнутом взмахнул и уже догнал своих старших братьев. Когда он проезжал между двумя братьями, то кнутом взмахнул в сторону одного брата и в сторону второго брата. Вот они уже приблизились к месту, где снимали кольцо с царской дочери. Старшие братья меж собой говорят:

— Да с какой земли этот человек? С какого неба он пришел? Он и снимет кольцо царской дочери! Когда он промчался между нами, то насквозь светился!

Младший брат только до места сбора народа домчался, над миром пронесся, как огонь, и скрылся в облаках. До кольца царской дочери оставалось две сажени. Из какого места, из какой страны был этот богатырь, никто не знает.

Старшие братья домой вернулись и говорят между собой:

— Да, из какого места, из какого края был этот мужчина? Такая хорошая лошадь! Конечно, он снимет кольцо и возьмет царскую дочь в жены!

Наступил второй день. Старшие братья уехали. Младший брат снова повел за узду хромую и слепую лошадь до конца поселка. Потом сел на лошадь, бьет кнутом по обоим сторонам, по обоим бокам лошади. Лошадь туда-сюда скачет. Поселок скрылся. Младший брат зажег спичкой одну шерстинку черной лошади — перед ним стоит черная лошадь:

— Мой огненный богатырь, мой божественный богатырь, какая беда, какое богатство? Войди в мою правую ноздрю, а из левой выйди.

Младший брат так и сделал. Вышел из ноздри лошади богатырем, вооруженным саблей и копьём. Сел на черную лошадь,

только один раз взмахнул кнутом и догнал своих братьев. Братья его говорят:

— Из какого места этот мужчина? С какого неба он пришел? Он возьмет кольцо!

А меньшой брат, как огонь, промчался над народом и снова скрылся в облаках. Братья домой вернулись, говорят:

— Э, с какой земли, из какого края этот мужчина? Такая у него лошадь! Он снимет кольцо царской дочери и возьмет ее в жены!

Наступил третий день. Старшие братья снова туда уехали. А меньшой их брат вывел хромую и слепую лошадь, довел ее до конца поселка, потом сел на нее. Бьет лошадь по обоим бокам кнутом. Лошадь туда-сюда скачет. Поселок кончился. Он зажег спичкой одну шерстинку рыжей лошади — и перед ним появилась лошадь рыжей масти, говорит ему:

— Мой огненный богатырь, мой бог-богатырь, какая беда, какое богатство? Войди в правую мою ноздрю, а из левой выйди!

Он так и сделал. Вышел из ноздри рыжей лошади, превратился в богатыря, вооруженного саблей и копьями. Сел он на лошадь рыжей масти, только один раз взмахнул кнутом и догнал своих братьев. Проезжая над народом, он снял кольцо дочери царя и увез его с собой. Только и видели его, когда он снимал кольцо, а потом он скрылся в облаках.

Братья домой вернулись, между собой речь ведут:

— Где же живет этот мужчина? Из какого он края пришел? Он снял кольцо дочери царя. Завтра или послезавтра мы только про это узнаем.

Старшие братья спать легли. Меньшой брат думает:

— Братья мои уснули. Надо посмотреть, каково же кольцо дочери царя.

Он держал кольцо завернутым в тряпки, а сам спал за печкой. Вот он думает: «Ну-ка, разверну тряпки!»

Как только из тряпок показалась маленькая часть кольца, в комнате разлилось сияние. Братья ругаются:

— Что ты играешь со спичками?!

Младший брат ничего на это не сказал, завернул кольцо в тряпки.

Назавтра царь по всей земле разослал приказ: взрослые и маленькие — пусть все соберутся к царю! Когда братья стали собираться идти к царю, их младший брат им говорит:

— Я тоже пойду.

— Зачем нужны такие люди, как ты?

И остался дома меньшой брат. А к царю собрались люди всей земли. Царь с дочерью обходят всех с чаркою из золота. Всех обошли, никто не опустил кольцо в чарку.

На второй день царь опять собрал народ. Но снова никто не опустил кольцо в чарку.

На третий день царь издает приказ: слепые, хромые или какие другие есть люди — пусть все соберутся!

Ничего не остается делать братьям. Взяли они с собой младшего брата. Когда царь и дочь царя стали обходить всех с чаркой, младший брат опустил в чарку ее кольцо. Дочь царя думает: «Что я могу сделать? Богом нареченный мне друг этот!»

После этого весь народ куда-то разошелся. Царь не хотел в зятя этого человека. Он размышлял: «Почему собака спала в хорошем месте, а этот человек — в плохом?»

Дочери и зятю царь отдал небольшой жилой дом. Царь не заходил ни к дочери, ни к зятю.

Но тут началась война. Пришло чужое войско и стало воевать с царем. Когда на город царя напало войско, царь посылает для переговоров одного своего человека. Но тот там и остается. Царь посылает второго человека — и тот не возвращается. Посылает третьего — и его нет. Город царя весь окружен. Вот-вот его враги возьмут! Тогда царь приходит к дочери и к зятю, говорит:

— Герой-зять, богатырь-зять, такое плохое дело случилось! Не сможешь ли ты помочь?

— Э, такое дело! Ты иди домой!

Царь пошел домой. Зять вышел на улицу, зажег спичкой одну шерстинку белой лошади — перед ним возникла белая лошадь. Она ему говорит:

— Какая беда, какая нужда? Войди в правую ноздрю, а в левую выйди!

Вошел он в правую ноздрю, а из левой вышел и стал богатырем в полном вооружении. Сел зять на белую лошадь, только один раз кнутом взмахнул и к войску врага примчался! Туда-сюда саблей рубит. Только головы врагов по полю катятся!

Долго, коротко он дрался, но как птица летал! Когда зять вернулся домой, царь ему говорит:

— За всю мою жизнь я не встречал такого человека, чтобы справился с целым войском всей земли! За победу над врагом, богатырь-зять, герой-зять, я отдаю тебе половину царского добра, а в придачу мой дом вместе с его двором.

Дочь царя и его зять стали богатеть. И теперь так живут, теперь радуются, счастливы.

188. Марфа-царевна

Жил-был царь. Ни дочери у него не было, ни сына не было. Но однажды его жена забеременела. Забеременела и дочь родила. Дочери дали имя Марфа-царевна.

Через три дня после рождения дочь пошла на улицу поиграть. Кого из ребят поймает, тот плачет, кого ударит, тот плачет.

Со всего города, со всего поселка народ вместе собрался. Отправили они к царю старого старика. Пошел он к царю. Вошел в дом царя, поклонился, до середины пола дошел, поклонился.

До царского колена дошел, снова поклонился. Старый старик вперед идет — плачет, назад идет — плачет, хнычет. Старик говорит царю:

— Со всего города, со всего поселка народ собрался, меня к тебе послали. Дочь свою ты выпустил на улицу с ребятишками поиграть. Кого она поймает, у того ногу ломает, руку ломает. Со всего города, со всего поселка народ меня к тебе послал.

Царь выслушал старика, сидит, думает, потом и говорит старику:

— Ни дочери у меня не было, ни сына у меня не было. Дочь заимел — и ту нельзя выпустить на улицу. Ладно, завтра на цепь ее посажу.

Царь посадил свою дочь на цепь на семь лет. А когда исполнилось семь лет, отпустил дочь. Она вышла на улицу поиграть под окно своего дома. Тут вдруг поднялся ветер. И ветром ее унесло.

Спихватился царь, а дочери нет. В один край он людей посылает, в другой край он людей посылает искать свою дочь. А дочери все нет и нет. Поплакали-поплакали царь со своею женою, да и перестали страдать.

Песня и сказка долга ли?! Жена вновь забеременела. Родила сына. Сыну дали имя Петр-царевич.

Спустя три дня после рождения Петр-царевич играл на улице с ребятами. У кого ногу ломает, у кого руку ломает.

Снова со всего города, со всего поселка народ вместе собрался. Отправили к царю старого старика. Пошел старик к царю. Вошел он в дом царя, поклонился. До середины пола дошел, поклонился. До царского колена дошел, опять поклонился. Старик вперед идет — плачет, обратно идет — хнычет. Затем и говорит царю:

— Народом целого города, народом целого поселка я к тебе послан. Сына ты выпустил на улицу с ребятами играть. А он у кого ногу ломает, у кого руку ломает.

Царь думал-думал, потом говорит:

— Дочь была, где-то потерялась. Сына заимел, но народу всего города, всего поселка он не лужен. Завтра на цепь его посажу!

Назавтра царь встал, посадил своего сына Петра-царевича на цепь на три года. Три года сын просидел на цепи. Исполнилось три года, царь отпустил его.

Вышел Петр-царевич на улицу, пнул камень, лежавший посреди города. Камень улетел на конец другого города. Смотрят на него ребята и удивляются его силе. Они ему говорят:

— Такую силу имеешь, а сестру искать не идешь!

Петр-царевич спрашивает у ребят:

— Какая сестра?

Ребята отвечают:

— Твоя сестра Марфа-царевна. Ветер однажды случился и унес ее.

Петр-царевич пошел домой, говорит матери:

— Я болтушку есть хочу!

Мать отвечает:

— Разве у нас другой еды нет? Ты будешь есть болтушку!

Но сын ее настаивает на своем и говорит матери:

— Я болтушку есть хочу!

Мать поставила котелок на огонь. Когда его дно нагрелось, Петр-царевич зовет мать:

— Мама, иди-ка сюда!

Мать прибежала, котелок пощупала — дно горячее. Сын ладонь матери схватил, ко дну котелка ее прижал.

— Ой, ой, ой, ладонь мою сожжешь!

А Петр-царевич матери говорит:

— Скорее же, скорее говори. Быстрее же, быстрее говори: у меня была сестра?

Мать говорит:

— Отпусти же мою руку!

— Пока не скажешь, не отпущу!

Мать говорит:

— Однажды ветер подул, ее ветром куда-то унесло.

Отпустил сын руку своей матери, сам вышел на улицу. В отцовском табуне он стал выбирать себе лошадь. Рукой надавил на спину лошади — спина ее прогибается. Ногую на спину лошади положит — спина ее прогибается. Один неказистый жеребенок, мохнач, все время трется около него. Петр-царевич ему говорит:

— Уходи, мохнач, не тебе чета лошади — и те не выдерживают моей силы! Как щелкну по тебе, так и убью наповал!

Но жеребенок не отходит от него. Тут Петр-царевич рукой надавил на спину жеребенка — тот твердо стоит. Ногой надавил на жеребенка — тот твердо стоит. Среди всех лошадей выбрал Петр-царевич мохнача. Потом он отправился к кузнецу и попросил сделать для жеребенка узду. Узду сделали. Петр-царевич пришел домой. Что ему понравилось и подошло, то взял и надел на себя. Что ему понравилось для дороги, то взял с собой. Пошел к жеребенку. Узду надел на него — жеребенок четырехлетней лошастью стал. Царевич сел на него — жеребенок пятилетней лошастью стал. Выехал он из города, посмотрел на отцовский город: конец города величиной с орла виден.

Долго, коротко ехал Петр-царевич. Стемнело. Смотрит вперед: пень стоит. Царевич спрыгнул с лошади на землю, пень пнул ногой. Из него выскочила старушонка:

— Что ты делаешь, милый внучек? Мой дом, мою деревню разломаешь! Куда ты едешь?

Петр-царевич говорит ей:

— Сначала напои, накорми, а потом уже спрашивай!

Пришли в дом. Старушка накормила, напоила Петра-царевича и спрашивает:

— Милый внучек, куда едешь?

— Милая бабушка, не знаешь ли ты, где находится моя сестра? Ветер однажды случился и унес ее куда-то.

— Милый внучек, ничего о ней не знаю. Завтра кое-что посмекаю.

Встала старуха утром и пошла к озеру, спрашивает рыб:

— Не знаете ли вы что-нибудь про Марфу-царевну?

Рыбы отвечают:

— Ничего про нее не слышали, нигде ее не видели.

Вернулась старуха домой и говорит Петру-царевичу:

— Ничего не знаю. Поезжай дальше. Там моя сестра живет, может быть, она что-то знает.

Вышел Петр-царевич на улицу, сел на лошадь, дальше поехал. Не знает, долго ли ехал, коротко ли ехал. Смотрит: березовый пенек стоит. Спрыгнул с лошади, пень ногой пнул. Из него дряхлая старушонка показалась, говорит:

— Милый внучек, тише! Мой дом, мою деревню разломаешь! Куда, внучек, направился?

— Сперва накорми, напои, а потом спрашивай.

Вошли в дом. Старуха накормила его, напоила и спрашивает:

— Куда едешь, внучек?

— Милая бабушка, не знаешь ли ты, где находится Марфа-царевна? Ветер случился и унес ее куда-то.

Бабушка говорит:

— Завтра посмекаю.

Встала утром старуха и пошла в лес, спрашивает лесных зверей:

— Не знаете ли вы, где находится Марфа-царевна?

Все звери в один голос отвечают:

— Ничего про нее не знаем, нигде о ней ничего не слышали.

Вернулась домой старуха, говорит царевичу:

— Ничего не знаю. Поезжай дальше. Там живет моя старшая сестра. Если кто знает, то только она знает.

Вышел Петр-царевич на улицу, сел на лошадь и поехал дальше. Найдёт кротовую тропу — едет по ней, найдёт заросшую черную дорогу — едет по ней.

Долго ехал, коротко ехал. Стемнело. Вперед смотрит: пень березовый стоит. Спрыгнул с лошади, пнул пень ногой. Из него старушонка выскочила:

— Тише, милый внучек! Мой дом, мою деревню поломаешь! Куда ты едешь?

Петр-царевич говорит:

— Сначала напои, накорми, а затем и спрашивай.

Пришли в дом. Старуха накормила, напоила, спрашивает:

— Куда, внучек, едешь?

— Милая бабушка, не слышала ли ты о Марфе-царевне? Была у меня сестра. Но ветер случился и унес ее куда-то. Ты разузнай!

Старуха говорит:

— Завтра посмекаю.

Утром старуха встала, пошла в лес. Крылатых зверей, пернатых птиц вместе созвала, спрашивает:

— Не знаете ли вы, где находится Марфа-царевна?

Звери-птицы говорят:

— Ничего не знаем!

Потом старуха спрашивает орла:

— Ты не знаешь ли, где она?

Орел отвечает:

— Знаю. Она у старика-ветра. Там она живет. Я только что оттуда сюда прилетел.

Пришла домой старуха и говорит Петру-царевичу:

— Твоя сестра у старика-ветра живет, на той стороне озера. Но путь туда плохой! Если кто на лошади был, то кости лошади там сгниют! Если кто на лодке плыл, то лодка там сгниет. Дам я тебе клубок ниток. Куда покатится клубок, туда и ты иди. Сколько он будет катиться, столько и ты иди. Однажды клубок ниток вкатится в усадьбу старика-ветра. Ты туда и иди. Когда пойдешь обратно, клубок ниток смотай.

Петр-царевич положил клубок ниток в карман, вышел на улицу, сел на лошадь и поехал. Немного отъехал, отпустил клубок ниток.

Долго, коротко так ехал. Однажды клубок закатился во двор старика-ветра. Петр-царевич соскочил с лошади, клубок положил в карман. Лошадь привязал за золотой столб. Сам вошел в избу. Ходит взад и вперед. Тут его увидела сестра Марфа-царевна и спрашивает:

— Милый брат, как ты сюда попал? Твои кости ведь здесь и сгниют!

Она накормила и напоила брата. В это время лежащий у порога мусор вдруг в переднюю комнату унесло. Брат спрашивает сестру:

— Ты почему здесь жила?

Тут опрокинутая посуда вдруг перевернулась. Сестра брату говорит:

— Скоро старик-ветер в дом войдет!

Их разговор еще не закончился, как вошел в дом старик-ветер. Он говорит Марфе-царевне:

— В доме русским духом пахнет! В доме мансийским духом пахнет!

Жена ему отвечает:

— И манси не приходил, и русский не приходил.

Петр-царевич вышел на улицу, смотрит: сестра со стариком целуются. Старик-ветер подошел к порогу, выплюнул три глотка крови, выплюнул четыре глотка крови. Он говорит Марфе-царевне:

— Истопи-ка железную баню!

Марфа-царевна двенадцать аршин дров истопила, тринадцать аршин дров истопила. Наконец железная баня докрасна накалилась. Пришла в дом Марфа-царевна, говорит:

— Баня готова, идите мыться.

Пошел Петр-царевич со стариком-ветром в баню. Старик-ветер вперед убежал. Вошел в баню, разделся и говорит Петру-царевичу:

— Что долго там возишься?

Петр-царевич ему отвечает:

— Сейчас иду!

Старик-ветер выскочил из бани, толкнул туда Петра-царевича, переломал ему кости спины и забросил их за печку. Сам вымылся, пошел домой, говорит Марфе-царевне:

— Сходи в баню, брата посмотри!

Марфа-царевна пошла в баню, вошла. Хоть и нашла брата за печкой, но там только кости его лежали. Вернулась она в дом старика-ветра.

Между тем царь с женой ждут и не дождутся возвращения сына Петра-царевича. Его все нет и нет.

Снова царица забеременела. Родила сына, называли его Иваном-царевичем. Спустя три дня после рождения пошел Иван-царевич на улицу стрелять из лука. Он оказался среди ребят. Кого из них поймают, руку ломает, ногу ломает.

Собрался народ со всего города, со всего поселка. Послали к царю старого старика. Вошел старик к царю, поклонился, до середины пола дошел, поклонился, к коленям царя подошел, снова поклонился. Идет вперед — плачет, идет назад — хнычет. Он говорит царю:

— Со всего города, со всего поселка народ вместе собрался, меня к тебе послали. Сына своего ты на улицу выпустил. Он кого поймают, тому ногу ломает, руку ломает.

Царь сидит и говорит:

— Завтра на цепь его привяжу!

Утром царь встал, привязал сына Ивана-царевича на цепь на десять лет.

Прошло десять лет. Царь отпустил сына. Иван-царевич на улицу вышел, расхаживает. Навстречу ему попалась пожилая женщина, спрашивает:

— Иван-царевич, о чем ты думаешь? Я все знаю.

— Уходи! А то ударю, ты перервешься! Если пну тебя, ты через город перелетишь!

Иван-царевич дальше пошел, а старушка тут осталась стоять. На другом конце города она снова повстречалась царевичу, спрашивает его:

— Иван-царевич, о чем ты думаешь, я все знаю!

Иван-царевич ей отвечает:

— Если что знаешь, то все мне расскажи!

— Ты ищешь лошадь своего отца, которую имел еще дедушка. За домом твоего отца стоят три столба. Ты сходи к кузнецу и попроси его сделать железный молоток, сплести узду. Затем выдерни эти три столба. Из них появится лошадь. Ударь ее железным молотком, надень на лошадь узду, садись на нее и поезжай!

к берегу озера. Пусть лошадь там досыта напьется. Затем, куда мысль падет, туда и поезжай!

Так и сделал Иван-царевич: сходил к кузнецу, там сшили узду, взял железный молоток, сел на лошадь и уехал к озеру. Лошадь напилась воды. Он отвел ее к дому отца, привязал за столб. Сам надел суму с едой, положил с собой, что необходимо в дороге.

Мать говорит ему:

— Сестру искать иди, брата искать иди!

Вышел на улицу Иван-царевич, сел на лошадь и поехал. Долго ли, коротко ли ехал, не знает. Стемнело. Однажды смотрит: дом стоит. Женщина на улице показалась: на эту сторону ударит, на другую сторону ударит. Она говорит:

— Русский сюда не приезжал, и манси сюда не приезжал.

Подъехал к ней Иван-царевич, она его спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

Иван-царевич отвечает:

— Напой и накорми сперва, а потом уж спрашивай!

Вошли они в дом. Напоила, накормила его женщина, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сестру искать еду и брата искать еду. Ты не знаешь ли, где они?

— Я ничего не знаю. Поезжай дальше. Там одна женщина живет, она знает.

Встал утром царевич, дальше поехал. Долго ли, коротко ли ехал, не знает. Свечерело. Вперед смотрит: стоит дом. Приехал он туда, с лошади прыгнул, лошадь привязал. Из дома женщина показалась, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сначала напой и накорми, потом спрашивай.

Они вошли в дом. Женщина накормила и напоила его, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сестру искать еду, брата искать еду. Ты не знаешь ли, где они?

— Ничего не знаю. Дальше поезжай. Впереди живет моя сестра, она знает.

Утром царевич встал, дальше поехал. Долго ли, коротко ли едет, не знает. Стемнело. Вперед смотрит: одинокий дом стоит. Подъехал к нему, прыгнул с лошади. Женщина из дома показала, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сначала накорми и напой меня, а потом уж спрашивай.

Вошли они в дом. Женщина накормила и напоила Ивана-царевича, спрашивает его:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Еду сестру искать, еду брата искать. Где они, ты не знаешь ли?

— Милый Иван-царевич! Если кто на лошади был, то лошадь его там гниет. Если на лодке туда плыл, то лодка его там гниет. Завтра дам тебе клубок ниток. Куда он покатится, туда ты и иди.

Утро настало. Встали. Женщина дала царевичу клубок ниток. Царевич поехал. Немного отъехал, отпустил клубок ниток. Куда он катится, туда и Иван-царевич идет.

Долго ли, коротко ли ехал так, не помнит. Как-то раз клубок во двор старика-ветра закатился. Иван-царевич слез с лошади, взял клубок и положил его в карман. Лошадь привязал. Его сестра на улице показалась, говорит брату:

— Милый мой брат, как ты сюда приехал? Тебя здесь убьют и съедят!

Вошли они в дом. Сестра накормила и напоила брата. Он ее спрашивает:

— Почему, сестра, ты здесь жила?

Тут вдруг у порога лежащий мусор ветром в горницу отнесло. Ветром перевернуло опрокинутую посуду. Ворвался в дом старик-ветер. Здравуются, целуются с женой.

Однажды старик-ветер подошел к порогу, три полных рта крови выплюнул, четыре полных рта крови выплюнул. Он говорит Марфе-царевне:

— Железную баню истопи.

Марфа-царевна двенадцать сажень дров истопила, тринадцать сажень дров истопила. Наконец баня готова. Пришла она домой и говорит:

— Баня готова, идите мыться!

Иван-царевич первым собрался, раньше старика-ветра убежал, вошел в баню и говорит старику-ветру:

— Что ты долго возишься?

— Сейчас иду!

Иван-царевич вышел из бани, втолкнул в нее старика-ветра, переломил ему кости спины и в печку кости затолкал. Ударил идущую сверху искру, ударил вниз идущую искру. Сам на улице выскочил, убежал к берегу озера, лег на землю ничком. Тут над ним летят воронята. Один кричит:

— Я глаз Ивана-царевича съем!

Другой кричит:

— Я глаз Ивана-царевича съем!

Один вороненок сел на землю. Иван-царевич его поймал и разорвал. Ворониха кричит, кричит:

— Моего сына ты разорвал!

Иван-царевич ей говорит:

— Живую воду принеси, оживим.

Быстро слетала ворона, принесла живую воду. Иван-Царевич вороненка помазал живой водой. Тот ожил и взлетел. Иван-царевич быстро побежал в баню, собрал вместе кости брата, помазал их живой водой — кости мясом обросли. Мазал, мазал кости живой водой. Брат ожил, сел.

— Фу, фу, фу, как я долго спал!

Иван-царевич говорит:

— Если бы я здесь не оказался, здесь бы ты и умер.

Пошли они вместе к сестре Марфе-царевне. Наелись, напились. Все трое поехали к отцу и матери.

А когда приехали домой, то увидели: мать и отец очень-очень старые, еле-еле с посохом передвигаются.

Царица с царем приготовили праздничный стол. Собрали народ со всего города, со всего поселка. Неделю ели, неделю пили. Кончили. Я там ела, я там пила. По посу бежало, а в рот не попало.

189. Семь братьев-разбойников

Жили-были брат с сестрой. Брат женился. Брат, куда ни пойдешь, обязательно берет с собой сестру. Однажды жена спрашивает:

— Зачем ты сестру всегда с собой берешь? Почему меня не берешь?

После этого разговора муж рассердился, ни жену, ни сестру не стал с собой брать. Как-то раз пошел один. После его ухода жена вытащила из сундука русское шелковое платье и сожгла на костре. Когда муж вернулся, она говорит ему:

— Не взял с собой сестру. А она с досады сожгла мое платье, лежавшее в сундуке.

В другой раз он поехал гулять и никого из них не взял с собой. После его ухода жена вбежала в конюшню и отрезала кобылице голову. Муж домой пришел, жена ему говорит:

— Сестра твоя у кобылицы голову отрубила!

В третий раз муж пошел гулять. Сестру свою с собой не взял и жену свою не взял. После его ухода жена отрезала голову своему сыну. Муж пришел домой, она ему говорит:

— Сестру свою куда хочешь, туда и девай. Она отрезала голову нашему сыну.

Недолго он думал. Надел на спину кузов и вместе с сестрой пошли в лес. Идут: если дождинка падает — сестренка ее считает, если снежинка падает — она ее считает. В темный лес он ее увел. Поплакали-поплакали и разошлись. Сестра сидит: снежинка падает — ее считает, дождинка падает — ее считает. На нос свой траву повесит, а она не держится, конский волос повесит, а он не держится.

Долго ли, коротко ли она так сидела. Однажды, откуда ни возмись, около девушки появились семь братьев-разбойников. Смотрят на нее — такая девушка сидит! От нее солнце всходит, от нее оно и закатывается.

Один из братьев говорит:

— Я возьму ее в жены!

Другой их брат говорит:

— Я возьму ее в жены!

Тогда старший из братьев-разбойников говорит:

— В жены мы ее не возьмем. В сестры ее возьмем.

Домой привезли девушку и говорят ей:

— Вот наш дом, наши вещи. Живи и управляйся с хозяйством. Что сердцу правится, то и ешь. Из одежды что правится, то и надевай!

Семь братьев-разбойников ночь переспали и пошли промыслить. Их сестра в доме одна осталась. Сидит. Дверь то открывается, то закрывается. Девушка и говорит:

— Если хороший кто будешь, то в дом заходи, а если плохой, то иди мимо дома по своей бродяжьей дороге!

Тут в дом ввалилась колдунья, девушке говорит:

— Тетка твоя вместо привета ботинки тебе прислала. Надень, сестра.

Девушка говорит:

— Не надену! Когда я там жила, я не нужна была, а теперь горько стало! Не надену, уходи!

— Сделай хорошее дело, надень ботинки!

Надела девушка один ботинок, надела второй ботинок и замертво унала. Колдунья выскочила, убежала домой.

Семь братьев-разбойников возвратились домой, смотрят: в доме огня нет, в доме света нет. Вбежали они в дом, целуют и милуют сестру, ищут, что случилось. Сняли с нее ботинки, сестра ожила, села и говорит:

— Ох! Тетя меня усыпила. Долго же я спала!

На другой день братья-разбойники, выспавшись, пошли промыслить. Своей сестре они наказали:

— Что бы тетка тебе ни прислала, ты ничего не бери!

Ушли они в лес. Не прошло и полдня, как колдунья опять появилась, говорит:

— Тетка твоя вместо привета платье тебе послала. Надень!

Девушка один рукав надела, стала надевать второй рукав и упала замертво. Колдунья выскочила на улицу, домой ушла. Вечером домой возвратились братья-разбойники, смотрят: в доме света нет, огня нет. В дом вбежали, сестру целуют, милуют. Как только сняли с нее платье, сестра села. Ей братья говорят:

— Ты ничего присланного теткой не бери!

Перепочевали они и снова отправились в лес промыслить. Но не прошло и полдня, как стала открываться и закрываться дверь. Снова в доме появилась колдунья, говорит девушке:

— Золотым колечком тетка тебя одарила. Возьми, надень на палец!

Девушка на первый сустав пальца кольцо надела, на второй сустав своего пальца кольцо надела и упала. Колдунья выскочила из дома и к себе убежала. Семь братьев-разбойников вечером домой пришли, видят: в доме света нет, нет и огня в доме. Сестренку они целуют, милуются с ней и не знают, что случи-

лось. Поплакали-поплакали, сделали ей стеклянный гроб, унесли сестру на площадь в городе, там поставили гроб. А сами вечером плачут, днем плачут.

Однажды в одной из царских деревень было веселье. Пили, ели. Жена царя с сыном заблудились в лесу. Долго ходили. Случайно они оказались у гроба девушки. Смотрят: в гробу девушка вот-вот засмеется! Смотрели, смотрели на нее и увидели на пальце кольцо. Говорят:

— Снимем кольцо!

Сняли кольцо, девушка ожила, поднялась. Вошли они в дом братьев-разбойников, затопили печку, наелись, напились. Тут вернулись домой семь братьев-разбойников. Целуются, милоются с сестрой. А сестра им говорит:

— Вы не меня целуйте, а эту женщину целуйте. Они меня оживили.

Братья-разбойники наелись, напились, спрашивают женщину:

— Чем мы тебя отблагодарим?

Мать царевича говорит:

— Отдайте девушку в жены моему сыну.

Тут устроили свадебный пир, и сестру свою братья-разбойники просватали.

190. Трое мужчин

Живут трое мужчин. Однажды старший мужчина говорит:

— Схожу куда-нибудь.

Идет. Шел, шел. В одном месте наткнулся на камень. Хоть и ходит около, входа не находит. В другом месте опять нашел камень. Заметил отверстие. Вошел в него. Шел, шел, пришел к реке. Воронята, сорочата выдалбливают запор. Он мимо них проходит. Пришел к домику, заиндевавшему, мхом обросшему. Входит в дом. Мимо него проскакала на улицу маленькая одноногая ворона. Вошел в дом. В доме — старуха. Говорит:

— Не встречал ли ты моих ребятишек, смотрящих запор?

— Нет, не встречал.

— Не встречал ли мою доченьку с сережками в ушах?

— Нет, не встречал. Мимо меня ворона одноногая проскакала.

Женщина ударила его и убила насмерть.

Средний мужчина думает: «Схожу-ка я тоже куда-нибудь!» Идет. Шел, шел — наткнулся на каменную гору. Ход ищет, не находит. В одном месте увидел в камне щель — туда направляются. Шел, шел — к реке явился. Воронята, сорочата запор выклеывают. Мимо проходит. Пришел к заиндевавшему, мхом обросшему домишке. Входит в дом — на улицу проскакала одноногая ворона. Вошел в дом. Старуха говорит:

— Не встречал ли моих детей, смотрящих запор?

— Нет, не встречал. Воронята, сорочата запор выклеывают.

— Не встречал ли мою доченьку с сережками в ушах?

— Нет, не встречал. В одном месте ворона одноногая проскакала.

Старуха ударила его и насмерть убила.

Младший мужчина думает:

— Я тоже куда-нибудь схожу.

Шел, шел — наткнулся на каменную гору. Ищет вход. В одном месте нашел вход. Пошел. Шел, шел — к реке явился: вороны, сорочата запор выдалбливают. Он мимо проходит. Пришел к домишке, заиндевелившему и мхом обросшему. Входит в дом. Мимо него одноногая ворона на улицу проскакала. Вошел в дом. Старуха сказала:

— Встречал моих детей, смотрящих запор?

— Встречал, они уже гимгу заканчивают.

— Не встречал ты мою доченьку с сережками в ушах?

— Встречал. Мимо меня на улицу вышла.

Старуха взяла его в зятя. Потом пришли ее дети, смотревшие запор. И теперь живут все счастливо и благополучно.

191. Ворона и сорока

Давно это было. Однажды настала весна. Ворона с южных краев прилетела. Тут повстречалась ворона с сорокой. Поздоровались они, поцеловались и разговор завели. Вещая ворона стала рассказывать о своем дальнем странствии. А сорока очень внимательно слушала рассказ вороны. Прослушав рассказ мудрой вороны, сорока со вздохом сказала:

— Ворона, ты только и ждешь, когда настанут холода. Улетаешь в теплые края, только хвостом махнешь. Каждый год ты меня здесь оставляешь присматривать за твоими птенцами. Я, бедная сорока, сколько мучений переношу с ними. Никто за это и спасибо мне не скажет, — жалуется сорока.

— Сестрица, откуда мне знать, как вы тут без меня живете — или здравствуете, или бедствуете? — с сожалением отвечала ворона.

— Да я-то живу без нужды, без бедствий, — хвасталась сорока. — Вот детеныши твои после тебя так страдают — ты этого не знаешь.

— Что они так сильно страдают? — спрашивала ворона.

— Детеныши твои чуть с голоду не помирают, покачиваются в разные стороны. Вот мне их жаль становится. Вот я от своей пищи отрываю кусочки и отдаю им, — жаловалась сорока и хвасталась. — Я есть я! Я все могу! Если бы не я, твои дети с голоду бы померли.

— Так, сестрица, они ведь до сих пор живы и невредимы, — сказала ворона. — Если бы они вправду голодали, они бы и до весны не дожили, — удивлялась ворона.

— О великий Торум! Сестрица, зачем ты так говоришь? Ведь твои птенцы едва с утра до вечера доживают, — говорила сорока.

Сорока рассердилась на ворону и закричала:

— Ты же сама знаешь: здесь землю снегом покрывает, земля замерзает! Где же здесь твоим птенцам пищу найти? Если бы не я, они бы голодали. Как-то ведь им надо в живых остаться! И тут ворона возрадила:

— Если ты так за ними ухаживаешь, то скажи, почему при нашем возвращении ты на помойных ямах сидишь? Каждую весну ты на помойных ямах сидишь.

Сорока больше ничего не сказала. Так ей стало стыдно, что она молча улетела от вороны. Ворона с тех пор много земель облетает, много рек облетает и возвращается. А сорока больше никого не ругает. Ни о ком не говорит плохо и больше не хвалит себя перед другими. Ворона больше не садится слушать ее разговоров. Она много земель облетает, много рек облетает. Ворона с сорокой и теперь живут.

192. Мышонок Земляной Братец

Жил мышонок Земляной Братец со своей бабушкой. Однажды говорит мышонок:

— Бабушка, я лодку делать буду.

Бабушка его не пускает, говорит ему:

— У тебя, внучек, руки еще слабы.

Хоть и не пускала она, он не послушал, отправился. Вышел из дома, крапивый стебель срезал, вдоль расколол. Концы вместе связал, между половинками в середине палочку воткнул, распорки сделал. Сделал из крапивы лодку, потом еще стебель срезал. Вдоль расколол, весло сделал. Домой пришел, говорит:

— Готова моя лодка!

— Куда поедешь? — бабушка спрашивает.

— Тормовать поеду.

— Куда тебе, внучек, — бабушка говорит, — руки твои еще слабы, ноги твои еще немощны!

Хоть и не пускала его, отправился. Ехал, ехал, до тормовочной реки добрался. Гребет дальше, видит: олень стоит. Причалил, на берег вышел, говорит:

— Дедушка, что делаешь?

— Внучек, я траву ем.

И дальше ест. Мышонок постоял, молвит:

— Дедушка, поиграем в прятки.

— Внучек, да ведь я не спрячусь, я такой большой! Как дом берестяной, хожу.

— Да нет, — говорит, — дедушка, поиграем!

— Ну что ж, внучек, — олень говорит, — только ты первый прячься.

— Нет, дедушка, ты прячься.

— Ну, как хочешь, — говорит. — Только ты, внучек, не смотри.

Мышонок на землю лег, а олень немного вперед прошел, среди травы улегся. Мышонок Земляной Братец сверху глянул, говорит:

— Дедушка, хвостик твой над травой торчит.

— Вот видишь, внучек, то-то я и говорю: очень уж большой я, не спрячусь.

— А теперь ты прячься,— олень говорит.

Дедушка лег, не смотрит. Мышонок Земляной Братец в стебель травы пролез, по сердцевине вверх поднялся. Сколько ни ищет олень, найти не может. Тот и голос хоть подает — найти не может.

— Довольно,— говорит,— буду траву есть, проголодался.

Ест. Вдруг в животе кто-то молвил:

— Дедушка, меня проглотил!

— Внучек, через рот выходи.

— Нет, слюней очень много.

— Внучек, через поздри выйди.

— Очень грязно.

— Внучек, ну через уши выйди.

— Нет, очень серы много.

— Внучек, через задний конец выйди.

— Нет, дедушка, очень грязно, не выйду.

Потом молвит:

— Дедушка, я тебе живот разрежу.

— Не режь, внучек!

Хоть и просит: не режь, не режь, мышонок Земляной Братец ножом своим оленю живот прорезал. Потом наружу вылез. Олень упал, мышонок говорит:

— Очень уж большой, я один с него шкуру снять не смогу. Дятла позову, вместе снимем.

Дятла позвал. Дятел пришел, говорит:

— Ну, друг, что тебе надо?

— Иди оленя обдирать!

Дятел подошел, вместе обдирать стали. Оленя ободрали, мясо надвое разделили. Одна доля толстая, другая — тонкая. Большую долю мышонок себе взял, меньшую — дятлу, другу своему, отдал. Потом свою часть в лодку погрузил. Дятел говорит:

— У тебя лодка есть, вот ты и погрузил. А у меня лодки нет, так я детей сюда приведу. Мясо здесь поедим.

Мышонок Земляной Братец в лодку сел, гребет. Гребет и поет:

Из крапивного стебля лодочка моя —
Халь, халь, халь.
Как собачий язык, веслишко мое —
Пуль, пуль, пуль.
К бабке своей как приду,
В лодке, полной мяса,
Пригребу.

В одном месте к поселку выехал, ребята на реку бегут, кричат:

— Дедушка, куда ездил?!

— Тормовать ездил.

— Кого убил?!

— Оленя убил.

— Дедушка, иди на берег мясо есть, котел поспел!
 — Пах, пах, пах! Я сам полную лодку мяса везу!
 Дальше едет. Гребет и поет. Однажды к поселку выехал. На берегу ребята играют. Увидели его, кричат:
 — Дедушка, куда ты ездил?!
 — Тормовать ездил.
 — Дедушка, а кого убил?!
 — Оленя убил.
 — Иди, дедушка, на берег рыбу есть, котел поспел!
 Мышонок спиной повернулся, говорит:
 — Пах, пах, пах! Я сам полную лодку оленьего мяса везу!
 Дальше отправился. Гребет и поет. Однажды к поселку выехал. Дети на берегу играют. В сторону реки кричат:
 — Дедушка, куда ездил?!
 — Тормовать ездил.
 — Дедушка, а кого убил?!
 — Одного оленя убил.
 — Дедушка, иди на берег, из икры суп поспел!
 К берегу повернулся, говорит:
 — Ням-ням-ням. Это отца и предков моих любимая, вкусная еда. Иду, иду!

К берегу причалил. Весло воткнул, лодку привязал. Пошел на берег, икрыной суп ест. Ел, ел, кончил, посидел немного, говорит:

— Теперь, дети, пойдемте на берег со мной. Пойдемте на берег, я дам вам мяса.

С детьми на берег идет. В ямку, вырытую собакой, упал. Упал, живот у него и лопнул. Икрыной суп наружу потек. Дети кричат:

— Доску несите, корни¹ несите, шило несите! У деда нашего живот лопнул!

Принесли доску, корни, шило. Живот зашивать стали. Зашили ребята ему живот, встал, с детьми на берег пошел. К лодке пришел, оленью лопатку взял, ребятам отдал. Сам в лодку сел, гребет и поет:

Латаный живот
 К бабке своей
 В лодке, полной мяса,
 Гребет.

Когда он к бабке пришел, у ее дома лишь один угол остался. Три угла завалились. От огня у бабки одна искра только тлест. Мокрым концом весла оставшуюся искру загасил. Бабка говорит:

— Откуда-то пришедший бродяга, лесной ворон, огонь загасил. Тот огонь, при котором мой внучек на свет появился.

Мышонок тут свою бабку из угла выпихнул, бабка в другой угол покатила. Из того угла опять выпихнул, опять в другой угол покатила. Только что родившейся маленькой девочкой стала.

Теперь жить стали. Оленьим мясом питаюсь, силы набрались и теперь там живут, и теперь счастливы.

193. Про двух собак

Жили две собаки. Зима наступила, холодно стало. Хозяин им из костей суп сварил. Хоть и поели, да только от супа из костей какая сытость?! Прижались друг к другу, от голода и холода дрожат.

— Послушай,— одна говорит,— вот лето наступит, давай на маленьких щучек ловушку сделаем. На всю зиму еды запасем!

— Ох, друг, верно! Непременно сделаем! Со своим запасом жить будем.

Ну вот настало лето. Хозяева их рыбу ловят. Рыбу полными лодками возят. У каждого очага рыба лежит. Везде еда. Собаки отъелись, разжирели. Спины их, как доски, широкие стали. Однажды в тенек залегли, беседуют:

— Ну, друг, ловушку на маленьких щучек когда будем делать?

— Что ты, друг, какую еще ловушку! Зачем нам? Видишь мы какие жирные. Мы с этим жиром всю зиму проживем. В такую жару кто станет ловушку делать!

Настала зима. Голодно стало. Опять исхудали, от голода и холода дрожат.

— Ну, друг, я говорила, ловушку сделать надо. Теперь как жили бы! Вот лето придет, сделаем, а?

— Верно, друг, в это-то лето уж непременно сделаем! На маленьких щучек ловушку непременно сделаем.

Настало лето. Хозяева их рыбу ловят, полными лодками ее домой возят. Куда ни глянь — везде рыба лежит. Собаки снова отъелись, опять разжирели. Спины их, как доски, широкие стали. Между собою беседуют:

— Послушай, ну как, ловушку сделаем, а? Помнишь, решили сделать?

— Что ты, в такую жару ловушку делать! Да и к чему нам? Мы и так проживем.

Настала зима, холодно стало. Опять похудели, опять дрожат.

194. Лис

Живет лис. Хвост у него тащится в один край озера, голова у него тащится в другой край озера. Бежал-бежал, видит: один старик лодку делает. Сбоку у него стоит маленький мальчик.

— Ты этого мальчика положи под лодку. Он тебе будет показывать, как пужно делать.

Старик положил мальчика под лодку. Живот у него разрубил. Старик говорит:

— Смотри, ты обманул меня!

Лис пошел. Пришел к протоке. Каюк едет. Люди говорят:

— Зверь, землю-воду знающий, садись в каюк.

Сел, спустился вниз. Нашел связку осетровых жабр. Все съел. Выскочил наверх. Люди говорят:

— Какой плес?

— Связка осетровых жабр.

Опять вниз спустился. Нашел связку калачей. Все съел. Наверх выскочил. Люди говорят:

— Какой плес?

— Связка калачей.

Вниз спустился. Нашел полбуханки хлеба. Все съел. Наверх пришел. Люди говорят:

— Какой плес?

— Полбуханки хлеба.

— Вот хитрые плесы!

Пристали к берегу поесть. Оказывается, нет ни хлеба, ни калачей, ни связки осетровых жабр.

Лис убежал в лес. Шел-шел. Видит: один старик дрова рубит. Лис прыгает туда-сюда, превратился в сопливого, паршивого мальчишку. Старик мальчика домой снес. Говорит старухе:

— Я мальчика нашел.

Настала ночь. Легли спать. Мальчик постучал в окно. Говорят:

— Меня зовут ребенка крестить.

— Иди, милый, иди.

Вышел на улицу. Впереди амбар стоит. Вошел туда. Нашел кринку с жиром. Съел жир в горлышке кринки. Пошел домой. Старуха и старик говорят:

— Какое имя?

— Горлышко.

Снова настала ночь, опять постучал мальчик в окно:

— Меня опять зовут ребенка крестить.

— Иди, милый, иди.

Пошел туда же. Съел жира до середины кринки. Потом пошел домой. Старуха и старик говорят:

— Какое имя?

— Серединка.

Настала третья ночь. Снова постучал в окно:

— Меня опять зовут ребенка крестить.

— Иди, милый, иди.

Туда же пришел. Весь жир в кринке съел. Домой пришел. Старуха и старик говорят:

— Какое имя?

— Донышко.

Наступило утро. Старуха prepares похлебку. Котел посвистывал. Пошла в амбар. Оказывается, весь жир в кринке съеден. Говорит паршивому, сопливому мальчишке:

— Наверно, ты съел. Ведь ты говорил: горлышко, серединка, донышко.

— Ляжем с твоим стариком на печку. На ком жир закипит?

Настала ночь. Легли на печку. На сопливом, паршивом маль-

чишке жир закипел. Он себя обтер трухой, старика жиром натер. Старик утром встал. Оказывается, жир на нем закипел. Паршивый, сопливый мальчишка говорит:

— Старик жир съел.

И живет теперь лис счастливо и благополучно.

195. Лось

Давно это было, никто из старых манси не помнит. Возле самых гор жил-был лосенок. День растет, ночь растет. Превратился в могучего, прекрасного зверя. Любо смотреть на него: могучие ветвистые рога ветви деревьев задевают. Бежит он по лесу, корни и сучья трещат под его могучими копытами — такой он сильный стал.

Долго ли, коротко ли жил лось, стало ему одиноко и грустно одному. Подумал он: «Пойду-ка я искать себе друга». Долго ли, коротко ли думал, отправился в путь. Много лесов обошел он и вот однажды встретил росомаху. Спросил ее:

— Росомаха, скажи, чем ты питаешься? Какую пищу ты любишь?

Росомаха ему ответила:

— Я ем мясо лесных зверей.

Могучий лось, услышав такое, рассердился и убежал. Долго ли, коротко ли бежал, много лесов пробежал, много рек переплыл. Однажды пришел к берегу большого озера. На берегу этого озера лось повстречался с зайцем. И спросил его:

— Чем ты, заяц, питаешься?

Заяц ответил:

— Я щиплю травку и грызу прутья и кору деревьев.

Тут лось очень обрадовался и взял себе в друзья зайца. Теперь они одной пищей питаются и никогда не ссорятся. Вот и сказке конец.

196. Как собака себе товарища искала

Давно это было, поговаривают старые манси. Собака в лесу жила одна. Жить одной ей стало скучно, отправилась собака искать себе товарища. Собака искала такого товарища, который никогда никого не боялся. Она думала: «Наверное, волк самый сильный. Он никого не боится». Собака отправилась искать волка. Нашла волка и сказала ему:

— Волк, будем жить вместе.

— Хорошо, я согласен с тобой жить, — сказал волк.

Стали они вместе жить. Однажды собака услышала шелест трав и залаяла.

— Не лай, собака, — говорит ей волк, — придет всемогущий медведь и нас обоих съест.

«Это как же? — думает собака. — Наверное, медведь самый сильный, если волк его боится». И собака отправилась искать медведя. Долго ли, коротко ли искала, нашла медведя и говорит ему:

— Медведь, будем вместе жить.

— И правда, вместе жить веселее, — соглашается медведь.

И стали они поживать вместе. Однажды собака услышала шелест листьев и залаяла. Медведь испугался и говорит:

— Не лай, собака! Человек услышит нас, придет с ружьем и убьет.

«Я теперь понимаю: если медведь боится человека, значит, человек на земле самый сильный», — подумала собака. Бросила собака медведя и отправилась искать человека. Долго ли, коротко ли искала она, нашла человека. Нашла человека и говорит ему:

— Человек, давай вместе жить будем.

Человек согласился, и стали они жить вместе. Однажды ночью собака стала лаять. Человек проснулся и говорит:

— Так, так! Погромче лай, бросайся, пугай!

Тогда собака поверила, что человек — самый сильный на земле. Он ничего не боится. С тех пор и до сегодняшнего дня собака живет с человеком. Собака — хороший друг человека.

197. Акврись¹

— Акврись, Акврись, мешочек твой где?

— Собакой унесен.

— Собака где?

— В лес убежала.

— Лес где?

— Огонь его сжег.

— Огонь где?

— Дождем погашен.

— А дождь где?

— В землю ушел.

— А следы его где?

— Водяным братцем стерты.

— Водяной братец где?

— Застрелен двумя человечками с луками.

— Два человечка с луками где?

— Под лед провалились.

— Лед где?

— Солнцем растоплен.

— А солнце где?

— За облаком скрылось.

— А облако где?

— Ветром унесено.

— Ветер где?

— Ветер за камень ушел.

Заяц осоку ел. Ел, ел, да губу себе и порезал. Рассердился и побежал к огню:

- Огонь, огонек, сожги осоку!
- А что тебе осока плохого сделала?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- Из-за своей же жадности пострадал!

Бросился заяц к воде:

- Вода, водичка, погаси огонь!
- Огонь тебе что плохого сделал?
- Осоку сжечь не хочет.
- А осока в чем виновата?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- За свою же жадность пострадал.

Заяц к Виткась, водяным братцам, бросился. Прибежал, старуку со старухой Виткась говорит:

- Виткась, Виткась, воду выпейте!
- Вода тебе что худого сделала?
- Она огонь не гасит.
- А огонь что худого сделал?
- Осоку жечь не хочет.
- А осока в чем виновата?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- За свою же жадность наказан!

Заяц к двум мальчикам-ровесникам, у которых были лук и стрелы, к ним побежал. К ним пришел, говорит:

- Виткась, старика и старуху, из своих луков застрелите!
- Виткась, водяные братцы, тебе что плохого сделали?
- Воду выпить не хотят!
- Вода что худого сделала?
- Огонь загасить не хочет!
- Огонь что худого сделал?
- Осоку сжечь не хочет!
- А осока в чем виновата?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- Из-за своей жадности пострадал! — сказали мальчики-ровесники с луками и стрелами.

Заяц к лесной крысе, к водяной крысе побежал. Пришел к ней и говорит:

- Крысанька, крыса, у мальчика-ровесника зарубки на стрелах отгрызи!
- Два мальчика-ровесника с луками и стрелами тебе что плохого сделали?
- Старика и старуху Виткась, водяных братцев, убить не хотят!
- Виткась, водяные братцы, тебе что плохого сделали?
- Воду выпить не хотят!
- Вода что худого сделала?

- Огонь загасить не хочет!
- Огонь что худого сделал?
- Осоку сжечь не хочет!
- Осока в чем виновата?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала!

Лесная крыса, водяная крыса у мальчиков-ровесников зарубки на стрелах грызть стала. Два мальчика-ровесника в старуху и старика Виткась, водяных братцев, стрелять начали. Старуха и старик Виткась воду пить принялись. Вода огонь заливать бросилась. Огонь осоку жечь стал. Осока загорелась и зайцу лапу обожгла. На том и кончилось.

199. Кошечка

Ушки-то — листочки,
 Глазки-то — две плошки,
 Рот мой — палочки с развилкой,
 Язык мой — поднилок.
 Лапки мои — совочки,
 Нос мой — трута кусочек,
 Ноги мои — сапожки меховые,
 Хвостик мой — пруттик,
 Спинка моя — таганок.

200. Стружка, Зоб и Стелька

Стружка от Стрелы, Зоб Куропатки и Стелька в Русском Башмаке — три товарища. В лес пошли. В лес пришли. Настала ночь. Похлебку готовят. Стружка от Стрелы похлебку размешивает. Размешивая похлебку, высохла, воспламенилась и сгорела. Зоб Куропатки и Стелька в Русском Башмаке от смеха взад-вперед катаются.

— Осталось,— мол,— нам добро, добытое Стружкой от Стрелы.

Когда они так катались, живот у Зоба Куропатки насквозь щепой прокололо. Дух из него вышел. Стелька в Русском Башмаке на живот ляжет — смеется, на спину перевернется — смеется. Когда она так смеялась, ее искрами засыпало. Высохшая Стелька в Русском Башмаке сгорела.

Рыбу и зверя, добытых тремя товарищами, и теперь мыши едят, и теперь счастливы.

ПРИМЕЧАНИЯ

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ ХАНТОВ

№ 1

Зап. А. Штернбергом в конце XIX или начале XX в. Опубл.: 59, с. 38. Ср. № 2, 13, 105—107.

Хантыйский миф о происхождении земли, человека, растений и животных, жизненных благ, пищевых запретов, орудий промысла. Наряду с типичными космогоническими мотивами обско-угорской мифологии (жидкая патающаяся первоначальная твердь, добывание огня, обучение промыслам и т. д.) в мифе заметно влияние христианства, например спор о том, кто сильнее — бог-отец или бог-сын, эпизод соблазнения Кулем первых людей, согрешивших после того, как они съели запретный плод (здесь — кедровую шишку). Основной герой — сын Нум-Торума; здесь его имя Торум, в других мифологических сказаниях он известен как Золотой Богатырь, Князь-Старик, За Миром Наблюдающий Человек и др.

¹ Еви — букв. «девочка, девушка». Возможно, жена Нум-Торума названа здесь так из-за созвучия этого хантыйского слова с библейским именем Ева.

² В обско-угорских культовых жанрах часто упоминаются высшие боги, выдающие письменные приказания. Это можно рассматривать как преломление представлений о царской администрации.

³ В мифологии Торум выступает в роли творца, но после сотворения мира он не вмешивается в дела людей.

⁴ «Того и возьмешь» — т. е. тот должен умереть.

№ 2

Зап. В. Кулемзиным в 1974 г. в сел. Каюково на р. Юган от А. Мулатова, 28 лет. Опубл.: 7, с. 17.

Краткий пересказ обско-угорского мифа о происхождении земли. Более развернутый текст см. № 105, 106; ср. также № 1, 107.

¹ Чек-най — «бедственный огонь»; ср. о нем № 11 и коммент. к № 11.

² Под именем Кон-ики или Торум-пах у восточных хантов известен самый значительный дух — Золотой Богатырь (манс. Мир-сусне-хум). Здесь он выступает инициатором создания земли, посылая нырять за ней кулика.

№ 3

Зап. В. Кулемзиным в 1973 г. в сел. Пим на р. Пим от Е. В. Вандымова, 32 лет. Опубл.: 7, с. 69. Ср. № 4, 108.

Краткий пересказ мифа о добывании солнца. Черт — это Куль, бог и его сын — Торум и Кон-ики-пах.

№ 4

Зап. Г. Пелих в 1961 г. в сел. Александровском на р. Обь от М. К. Кымчатиной. Публ. впервые по: 11. Ср. № 3, 5, 6, 108.

¹ У обских угров была широко распространена одежда из сборного меха, сшитого из кусочков или цельных шкурок пушных зверей. В фольклоре

ре (см., например, № 12) нередко упоминается склеивание шкур; здесь эта бытовая реалья остроумно используется для введения мотива создания зверей.

№ 5

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Корлики на р. Вах от С. Каткалева, 15 лет. Опубл.: 6, с. 15. Ср. № 6.

Мотив брака луны с солнцем известен у многих народов, причем, по наблюдению Е. А. Хелимского, чаще имеет место ассоциация луны с женским началом, солнца — с мужским, а их противопоставление входит в ряд оппозиций типа «день/ночь», «положительный/отрицательный» и др. У обских угров эти отношения перевернуты: солнце считается женщиной, а месяц — мужчиной. Здесь (как и в самодийской традиции) месяц ассоциируется с холодом, а солнце — с теплом и югом, хозяйкой которого считалось женское божество.

№ 6

Зап. В. Кулемзиным в 1975 г. в сел. Кочевые на р. Тромъеган от Г. Комтина, 28 лет. Опубл.: 7, с. 16. Ср. № 5.

В отличие от предыдущей версии здесь вместо сестры-людоедки героя преследуют его земные жены.

№ 7

Зап. Н. Лукиной в 1961 г. в сел. Староакасомск на р. Обь от З. Ф. Сигельетовой, 28 лет. Опубл.: 7, 15. Ср. № 109.

Сюжет о людях, идущих по воду и перенесенных на луну, известен у многих народов; данная версия объясняет запрет детям баловаться ночью.

№ 8

Зап. Л. Хонти в 1970-х годах в Ленинграде от студента Е. И. Сопочина, 19 лет, из сел. Тромъеган на р. Тромъеган. Опубл.: 17, с. 164. В русском переводе публ. впервые. Пер. с хантыйского Е. Шмидт. Ср. № 9, 10, 110, см. также № 158.

Миф о шестиногом лосе, у которого сын Торума обрубаёт две ноги, чтобы в будущем люди могли догнать его на охоте. У обских угров, как и у других народов Сибири, с мифическим лосем связывается происхождение созвездий, чаще всего — Большой Медведицы.

¹ «Шестирукий» — параллелизм к слову «шестиногий».

² В мифах события происходят во времена, когда еще не было людей. В них часто указывается на будущий век человека, особенно в таких выражениях: «Когда наступит человеческий век, будет то-то и то-то».

³ «При появлении белых кукол, черных кукол» — т. е. при появлении человека. Одно из толкований термина «куклы»: человек является куклой богов и духов, которой они играют.

⁴ «Чтобы люди видели» — т. е. чтобы люди могли ориентироваться.

⁵ «Он за одним деревом, за двумя деревьями» — т. е. уничтожен и спрятан.

№ 9

Зап. Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Корлики на р. Вах от В. Каткалева, 17 лет. Опубл.: 6, с. 17. Ср. № 8, 10, 110, 158.

В отличие от других вариантов здесь созвездие Большая Медведица — это не лось, а котел, брошенный охотником.

№ 10

Зап. М. Вахрушевой-Баландиной в 1956 г. в Ленинграде от студента Ф. Елескина, 24 лет, из сел. Овгорт на р. Сыня. Пер. М. Вахрушевой-Баландиной и Ф. Елескина. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 8, 9, 110, 158.

¹ «Зверь» — т. е. лось.

² Имеется в виду созвездие Большая Медведица.

№ 11

Зап. И. Папан в 1898—1899 гг. в районе Обдорска. Оpubл.: 37, с. 176; 48, с. 50 В русском переводе публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 2.

Миф о самом младшем, седьмом сыне бога Торума, известном под разными именами (см. Предисловие). Отец держит его взаперти, а затем за проступок спускает с неба и делает повелителем и охранителем людей. Затем, недовольный поклонением людей его сыну, Торум грозит наслать огненный потоп, но сын предотвращает беду.

Эсхатологическая версия этого мифа была записана В. Кулемзиным: «Давно еще был чек-най, потоп, все потонуло. Чек-най — это такое время — будет огонь идти по земле на один метр, в земле и по воздуху сантиметров на двадцать. Он все сожжет, а потом пойдет вода и все смое, и тогда снова начнется вся жизнь. Только *лунки* в молодых превратятся. Один чек-най уже был, старик остался и показал два пальца. Ждали его два дня — нет, два года — нет, двести лет — нет, потом догадались: через две тысячи лет опять будет чек-най» [7, с. 17].

№ 12

Зап. В. Соловар в 1980 г. (см. коммент. к № 84). Пер. В. Соловар. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 111.

¹ Здесь, возможно, намек на ритуальную неподвижность Торума, символизирующую неизбывность миропорядка.

² Одежда у хантов и манси не имела пуговиц, полы шубы соединялись завязками. Обувь (*кисы*) привязывали к поясу, а под коленом или на щиколотках закрепляли подвязками.

№ 13

Зап. В. Кулемзиным (см. коммент. к № 2). Оpubл.: 7, с. 18. Ср. 1, 113. Текст мифа о сотворении человека совмещает две версии: изготовление его из глины и превращение в людей березовых веток (береза считалась у обских угров священным деревом), а также содержит предсказание о том, что люди будут смертны.

¹ Тёрас-най, Чарас-най-анки — букв. «море-огонь», «море-огонь-мать». По воззрениям сургутских хантов, это дочь Торума, живущая в том месте моря, где оно становится огненным; она родила первых людей.

² В другой версии мифа о сотворении человека действуют Торум и его мать: «Мать Торума и Торум подумали, что на земле надо кому-то ягду собирать. Подумали и решили человека сделать. Они только вечером подумали — утром уже готовы мальчик и девочка. Их на проволочке на землю спустили. Мать Торума и Торум видят, как живут люди, им весело. Они ведь людей на землю спустили, дали им ум» [7, с. 18].

№ 14

Зап. Н. Лукиной в 1971 г. в сел. Забегаловка на р. Васюган от А. Н. Ангалиной, 68 лет. Оpubл.: 7, с. 21. Ср. № 114.

В этом мифе происхождение смерти связывается с действиями Куля, подговорившего собаку нарушить распоряжение Торума.

№ 15

Зап. В. Кулемзиным в 1970 г. в сел. Корлики на р. Вах от И. К. Мычниковой, 18 лет. Оpubл.: 7, с. 21.

№ 16

Зап. Е. Титаренко в 1972 г. в сел. Варьеган на р. Аган от Н. Казымкина, 16 лет. Оpubл.: 7, с. 22.

Сюжет о женщине, превратившейся в кукушку из-за непослушных детей, известен у многих народов. Здесь, однако, героиня, обычно безымянная, носит имя, совпадающее с названием одного из наиболее широко почитаемых духов, — Казым-ими. Правда, из текста не вполне ясно, имеется ли здесь в виду дух или обыкновенная женщина, живущая на Казыме.

№ 17

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 5). Опубл.: 6, с. 26.

Фрагмент мифа о происхождении перелетных и зимующих птиц здесь трансформирован в этиологический рассказ о красных глазах глухаря.

№ 18

Зап. В. Кулемзиным в 1973 г. в сел. Нов. Васюган на р. Васюган от П. Н. Синарбина, 43 лет. Опубл.: 6, с. 27.

Сюжет о рябчике, напугавшем бога, обыгрывает бытовую деталь: неожиданное выпархивание птицы из-под ног.

№ 19

Зап. в 1914 г. в сел. Нангки от Я. М. Куйпина. Опубл.: 8, с. 164.

Этиологический рассказ о превращении летучего рыбозверя за его про-
ступки в обыкновенного налива совмещает сказочную стилистику и ми-
фологический мотив уменьшения гигантской рыбы до обычных размеров.
Текст записан у самых северных групп хантов, фольклор которых почти
не публиковался, и потому при всей условности его отнесения к мифам он
все же включен в сборник. Краткий пересказ мифа со сходным мотивом
записан и у хантов р. Васюган: «Раньше ери был большой рыбой. Он од-
нажды напал в воде, в омуте на водяного духа Йент-лунка, и тот заточил
его в темницу, не давал ему есть, потому что Йент-лунк — самый главный
в воде. Ери стал весь худой и маленький» [6, с. 27].

¹ Т. е. с низовьев реки.

² Народы Севера изготавливали детали оленьей упряжки из бивней ма-
монта. Хорей с наконечником в виде копы встречался у ненцев и хантов.

³ Мотив с попом — явно позднее включение в текст.

⁴ В конце рассказчик сделал следующие пояснения:

— Вот, смотрите, две косточки с головы налива, они очень похожи на
анзры (ханзад? «полозья»). — *Примеч. сост.* легкой нарты. Эти косточки
являются доказательством того, что Летучий зверь-налим именно слопал
ненца-ездок с его партой и оленями. Части нарты ездока застряли в па-
сти зверя-налима и, как видно, превратились в кости.

— Дальше вот две косточки. Они весьма похожи на пару рукавиц.
А вот косточка, она похожа на топор первобытного человека. Эти косточки
(рукавицы и топор) являются также доказательством того, что Летучий
зверь-налим действительно сожрал дровосека-ханта. И наконец, этот про-
жорливый зверь-налим действительно слопал и пона-старца с крестом, об
этом свидетельствует наличие у налива четырехконечного креста.

№ 20

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1975 г. в пос. Кочевые на р. Тромъ-
еган от П. К. Сопочина, 60 лет. Опубл.: 7, с. 146.

В текстах № 20 и 21 изложена народная версия происхождения олене-
водства у хантов. Среди исследователей этот вопрос является дискуссион-
ным: одни считают оленеводство обских угров заимствованным у ненцев,
другие говорят о его исконном характере.

¹ Ахыс-ях — букв. «низовой народ». Так восточные ханты называют жи-
телей более северных территорий, низовьев Оби, т. е. северных хантов, пеп-
цев, коми, чукчей. Здесь рассказчик имел в виду ненцев с р. Таз.

² Имеется в виду нарта, у которой одинаково загнуты передние и зад-
ние концы полозьев. На такой нарте помещались изображения духов Ка-
зым-ими у хантов и Сорт-пуных у манси. При перевозке нарты с изобра-
жениями духов было запрещено поворачивать, а в двустороннюю нарту за-
прять олень можно с любой стороны, не поворачивая ее.

№ 21

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 20). Опубл.:
7, с. 146.

Зап. П. Красновым в конце XIX или начале XX в. на р. Васюган. Опубл.: 7, с. 19. Ср. № 117.

Происхождение медведя объясняется превращением в него человека, потерявшего свою одежду и обросшего шкурой. Текст записан священником, вычурный стиль которого сказался на переводе.

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1973 г. в сел. Пим на р. Пим от М. Лемпина, 30 лет. Опубл.: 7, с. 20. Ср. № 116.

Краткий пересказ мифа о небесном происхождении медведя. Здесь он сброшен богом за непослушание; выпадающие из его стнявшего тела черви превращаются в земных медведей различных пород. О черве, из которого возникает человек, см. № 107.

Зап. С. Паткановым в 1888 г. в сел. Красноярском на р. Конда. Пер. С. Патканова. Опубл.: 41, ч. 2, с. 85. Ср. № 118—122.

Из серии исполняемых на медвежьих праздниках песен о спуске «священного зверя» с неба, о его земной жизни и охоте на него. В тексте подчеркнута справедливость медведя: он умерщвляет ребенка той женщины, которая нарушала правила поведения на медвежьем празднике, но не обижает мальчика, мать которого плясала на празднике в нарядных одеждах, убаюкая тем самым медведя. Герой даже пытается успокоить кричащего ребенка, качая его колыбель. Тем самым медведь дает возможность приблизиться к нему охотникам и становится их добычей. Его безынная с этой точки зрения смерть должна вызвать у слушателей сочувствие.

Изложение событий ведется от лица самого медведя. Перевод песни был опубликован без разбивки на строки, и только небольшая часть сохранена в стихотворной форме.

¹ Т. е. Торум.

² Луки хантов и манси были склеены из двух пластин дерева — березовой и сосновой. Последнюю делали из твердой и плотной древесины той части ствола, которая обращена к солнцу и называется кремлевой.

³ Имеются в виду пространства между двумя распорками лодки.

⁴ Здесь имеются в виду два одинаковых лука, каждый из которых состоит из березовой и кремлевой пластин.

⁵ Смысл выражения не вполне ясен; возможно, имеется в виду двухчастная тирада или двухразовое повторение.

⁶ «В берестяном лукошке» — т. е. в берестяной колыбели.

⁷ Здесь локти названы коленями.

⁸ «Для меня плясала» — имеется в виду тапец на медвежьем празднике.

⁹ Хантыйские и мансийские женщины носили набедренную повязку из бересты, кожи или ткани. Кедровая и еловая кора упомянуты в предыдущих строках для параллелизма.

¹⁰ Медведь намерен качать колыбель попеременно то левой, то правой рукой.

¹¹ Смысл предложения таков: если бы стремительно несущаяся лодка не имела хорошего управления, она могла бы опрокинуться.

¹² Т. е. храбрые.

¹³ Т. е. трусливые.

¹⁴ Металлический наконечник был привязан к рукояти ремнем.

¹⁵ «Малица» — подставной термин для обозначения шкуры медведя.

¹⁶ «Облако из массы воды». — Обрызгивание водой или забрасывание снегом — один из обрядов медвежьего праздника.

¹⁷ Душа медведя возвращается на небо, так как он прежде обитал там.

Зап. И. Папан (см. коммент. к № 11). Опубл.: 37, с. 79; 48, с. 26. В русском переводе публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 123—125.

Сюжет об одинокой женщине Мось, живущей в лесу, широко распространен у северных хантов и манси. Он входит в цикл мифов и сказок о двух экзогамных группах северных обских укров — Мось и Пор (подробнее см.

в Предисловии). Согласно установившейся точке зрения [103], медведица была прародительницей фратрии Пор. Женщина Мось в поисках исчезнувшей шубы погибает и превращается в растение или цветок *порых*; медведица его съедает, и у нее рождаются два медвежонка и человеческая девочка. Медведица в предчувствии приближения охотников и неизбежной своей смерти объясняет девочке, что та должна делать, чтобы она и ее детеныши-медвежата могли возродиться в звездах.

¹ Т. е. постель давно остыла.

² Имеется в виду дерево с культовым амбарчиком на жертвенном месте.

³ Медведица просит сохранить когти, так как, по верованиям хантов, без ногтей нельзя перейти через горы высотой до неба, стоящие на пути в потусторонний мир. По этой же причине у хантов существовал обычай хравить свои обрезанные ногти.

⁴ Имеется в виду медвежий праздник.

⁵ Медведица предполагает, что дочь забыла собрать когти и они разбросаны, на них могут наступить. Далее медведица и медвежата находят свои когти и успокаиваются.

⁶ «Дом Медведицы». — Мотив реинкарнирующей медведицы, превратившейся вместе с медвежатами в созвездие, широко распространен у хантов и манси, однако не вполне ясно, какое созвездие имеется в виду. Названия созвездий тоже расходятся. У хантов в одних случаях говорится о семи звездах, из которых седьмая — медведица, а по бокам — двое медвежат [37, с. 79—92], в других — созвездие называется «полный дом (домочадцев) женщины Мось». У манси зафиксировано название Плеяд — «полный дом мужчины Мось» [124, с. 0223]. У северных манси созвездие из семи звезд называется *порне колгата* — «так много, что наполняет дом женщины Пор».

№ 26

Зап. К. Реден в 1964 г. в Ленинграде от аспирантки М. К. Тарлиной из сел. Юильск на р. Казым, 28 лет. Опубл.: 48, с. 97. В русском переводе публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной.

Герой, рожденный из камня в колене женщины, сражается с людоедами Ялянми, чтобы освободить землю от этих чудовищ.

¹ «Когда наступит время человеческих лиц» — т. е. человеческая эра; ср. № 8, примеч. 3.

² Мужчина Мось силен, пока стоит на земле, но теряет силу, если его поднимают в воздух. Когда Ялянь вжимал его в землю, то мужчина Мось становился еще сильнее.

³ Мотив превращения пелла от сожженного людоеда в комаров распространен у обских угров и широко известен у других народов Сибири.

№ 27

Зап. В. Штейницем в 1936 г. в Ленинграде от студента К. И. Маремьянина, 29 лет, из сел. Сугут-курт на Малой Оби. Опубл.: 50, с. 244. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 31, 35.

Эта типичная хантыская героическая (богатырская) сказка помещена в раздел текстов о Мось-хум условно; с не меньшим основанием ее можно отнести к разряду мифологических сказаний об Ими-хиты или к героическим сказаниям о становлении древних богатырей духами-покровителями, если ориентироваться на финал текста.

Сестра мужчины Мось выходит замуж за богатыря, рождает сына, еще в младенчестве отличающегося большой силой. Отец пытается известить героя, подвергая его различным испытаниям. Сначала герой побеждает соперников в метании камня, затем отец отправляет его в город к родственникам своей первой жены, где героя хитростью заманивают в дом для гостей и поджигают. По просьбе героя Торум сбрасывает ему панцирь, и тот спасается из огня и побеждает врагов. После возвращения героя домой брат матери превращает его, свою сестру и себя в духов.

¹ «Наполняет амбары в горном лесу» — т. е. охотится.

² «Поимца у меня в голове» — формула проявления нежности, одновременно преследующая и практическую цель — уничтожение вшей.

³ Брат яростно оббивает лыжи, так как заметил, что здесь был чужой.

⁴ «В твоём доме в глазах рябит, в ушах шумит». — Брат чувствует что-то необычное из-за пребывания в доме чужого.

⁵ Во время менструаций женщины надевали старую, грязную одежду. В ответе сестры необычное отнесено к запаху ее одежды.

⁶ «Обернул голову и глаза, лег спать» — типичная формула в фольклоре хантов и манси; возможно, это параллелизм: накрылся с головой = лег спать.

⁷ «Богатырь Высотой Шесть Соболей» — параллелизм к «Богатырь Высотой Семь Соболей».

⁸ «Герой» — параллелизм к «героиня».

⁹ Женщину сжали, засунули в сумку, затем вытащили, и она снова приняла свои обычные размеры; формула часто встречается в хантыйском и мансийском фольклоре.

¹⁰ «Камень семпыр» — ныне уже неизвестная древняя игра богатырей в кожаный мяч величиной с голову; по другим сведениям, камень семпыр — из особо прочного стекла.

¹¹ Имеется в виду небесный бог Торум; «небо с коньковой балкой и дымоходом» — часть формулы, относящейся к его жилищу (см. № 30, примеч. 26).

¹² «На этом закончилась его песня, его сказка» — т. е. камень семпыр исчез в огненном море навсегда.

¹³ «Каменноглазые богатыри» — часто встречающееся обозначение противников героев. Ниже выясняется, что Богатырь Высотой Семь Соболей уже был женат на женщине из города каменноглазых и имеет от нее семерых сыновей. Он посылает героя в этот город, надеясь избавиться от него с помощью родственников, поскольку камень семпыр не нанес герою никакого вреда.

¹⁴ Ханты пользовались лыжными посохами с крючком на конце.

¹⁵ Полог — обычный атрибут хантйского жилища, его брали также и в дороге. Колокольчики на пологе часто упоминаются в обско-угорском фольклоре, их звон был сигналом прихода чужого человека, врага.

¹⁶ Герой принимает свой зооморфный облик гагары.

¹⁷ «Короткое расстояние он прошел, длинное расстояние прошла навстречу ему мать». — Тот, кто ждал, от радости пробегает много, а тот, кто выходит из лодки или нарты, — немного; часто встречающаяся эпическая формула.

¹⁸ Имеется в виду Богатырь Высотой Семь Соболей, женатый на его сестре.

¹⁹ Жениха или гостя приводят в отдельный (гостевой) дом, дом поджигают, но герой спасается. Этот мотив часто встречается в фольклоре хантов и манси.

²⁰ В старинном доме хантов и манси открытые нары разделялись поперечными досками на несколько отделений — спальные места для семей. Новая семейная пара получала отделение с занавесом.

²¹ «Семидонный котел». — Дно котла забили досками, чтобы замедлить варку и тем временем поджечь дом.

²² Эпизод с маленькой птичкой (синицей, воробьем), трижды предупреждающей героя об опасности, часто встречается в фольклоре хантов и манси.

²³ Имеется в виду панцирь из мелких металлических колец.

²⁴ «Облил его чапкой темной крови, мрачной крови». — Формула означает, что герой охвачен яростью, жаждет крови. Манси в этом случае говорят: «Стал кровожадным».

²⁵ Назымский дух, в которого в конце текста превращается герой, имеет косой лоб. Это объясняется постоянным эпизодом: когда герой снял скальп, а дядя неожиданно окликнул его, он в страхе надел кожу на голову неправильно.

²⁶ Герой разрушил город каменноглазых богатырей, а потом в ярости начал разрушать все вокруг, в том числе и город дяди, поэтому тот высылал на него вшей, чтобы остановить.

²⁷ Возврат сына в дом с обвалившимися тремя углами, потухшей искрой и превращением матери в маленькую девочку — популярный мотив в фольклоре хантов и манси.

²⁸ Дядя, который до этого выступал как человек, здесь оказывается духом-предком, которого можно вызвать посредством колдовства.

²⁹ Дядя называет племянника принимать жертвы. Это означает его превращение в духа, но какого именно — из текста неясно. По мнению рассказчика, речь идет о духе р. Назым. Назымский дух во многих текстах похож на знаменитого Ими-хиты.

³⁰ Сестра становится духом Калтасы-ими. В сказках о племяннике она выступает как его тетя или приемная мать.

³¹ Дядя оказывается духом — Стариком Священного Города. Его зооморфный облик — медведь, поэтому его называют «Медведькогистый Хозяин». В сел. Вежакоры находится его культовый центр, поэтическое название которого — «Город в форме бегущей, несущейся лошади» (оно объясняется тем, что вблизи находится скала, похожая на лошадь). Дух охраняет души людей.

№ 28

Зап. В. Штейнцем в 1936 г. в Ленинграде от студента П. Е. Пырысова, 18 лет, из сел. Ямгорт на р. Сыня. Опул.: 51, с. 80. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 124, 128.

Мифологическая сказка о соперничестве женщин Мось и Пор, в ходе которой ее персонажи имеют то зооморфный, то антропоморфный вид. Как и в других текстах этого рода, люди Мось сначала страдают от преследований людей Пор, но в конце концов выходят победителями.

¹ Имеется в виду дымоход чувала — старинного очага типа камина с широкой трубой.

² «Если нашей песне, нашей сказке продолжаться...» — очень популярное выражение в обско-угорском фольклоре. Употребляется, когда герой попадает в критическое положение. Если ему суждено дальше жить, то и песню-сказку будут о нем рассказывать дальше, но если он должен умереть, то сказка его кончается.

³ Березовый пень, по которому ударила героиня, был трубой чувала.

⁴ С этого эпизода старшая сестра (дочь зайчихи) выступает как женщина Мось. Очевидно, это объясняется тем, что заяц связан с фратрией Мось и женщина-заяц = женщина Мось.

⁵ В фольклоре северных хантов рядом с Городским стариком часто выступает безмолвный Тонто-ойка — бедняк или слуга. В других случаях это хитрец, преследуемый Городским стариком, но в конце побеждающий его.

⁶ Часто встречающийся в хантыйском и мансийском фольклоре мотив: герой приходит к дому, который сторожат животные; женщина изнутри ведет им приветливо встретить желанного ей человека или разорвать на мелкие кусочки нежеланного.

⁷ «Человек песни, человек сказки долго ли растет?» — постоянная формула в обско-угорском фольклоре.

⁸ «Достиг возраста бега» — постоянная формула в фольклоре хантов и манси. Подобные ей формулы: «Достиг возраста убивания зверя» или «Достиг возраста убивания из лука».

⁹ Олени, у которых на спине так много жира, что по обеим сторонам как бы торчат шесты. О жирных оленях говорят: «Его спина подобна доске или шесту». Упряжка из белых оленей считалась почетной, праздничной.

№ 29

Зап. Л. Хонти в 1970-х годах в Ленинграде от студентки А. Песиковой, 25 лет, из сел. Горный на р. Лямин (пимский говор). Опул.: 18, с. 223; 16, с. 166. Русский перевод публ. впервые. Пер. Е. Шмидт.

Текст записан от восточных хантов, у которых сведения о делении народа на две экзогамные половинки, Пор и Мось, не зафиксированы. Не исключено, что эта сказка северных хантов, переселившихся на Пим. По имеющимся данным, восточные ханты считают Пор-из сверхъестественным

существом женского рода, ведьмой, ипогда — женой Сэвс-ики; почитания ее не существует. В сказках Пор-пэ выступает в роли злой жены, а в обыденной речи так называют сварливых женщин. Текст отнесен к группе о Мось — Пор условно.

¹ Мухомор применялся как опьяняющее средство. Обычно им пользовались шаманы и лица, выполняющие функции, близкие шаманским: проводцы, предсказатели и т. д.

№ 30

Зап. Н. Теренкиным в 1947 г. в сел. Ниязмы на р. Обь от В. П. Лыткина, 65 лет. Опубл.: 14, с. 160. В русском переводе публ. впервые. Пер. и комментарии Е. Шмидт.

Недалеко от места записи текста (в устье Иртыша) находилось священное место Золотого Богатыря, или великого бога, самого младшего — седьмого — сына небесного бога Торума. Он фигурирует в разных жанрах хантыйского фольклора. В настоящем мифе герой изображен странником и посредником между различными мирами, между высшими силами и человеком.

После смерти дочери герой отправляется в сторону Северного моря, где находится страна мертвых (отражение горизонтального членения мира). На обратном пути он попадает в верхний мир (отражение вертикального деления мира). Во время этих путешествий он узнает, что люди умирают по предопределению духов, получает наказания, как люди должны вести себя (делиться с соседом, не ссориться и т. д.). В конце мифа небесный бог назначает герою священное место около сел. Троицкого. Они с женой, приняв свой изначальный зооморфный облик — гусей, улетают туда. Он становится главнейшим духом-покровителем всех обских угров, получает культовое имя «царь с данью весенней белки, осенней белки», которое и фигурирует в призывных песнях шеркальско-ниязмских хантов. Охотники в каждом сезоне должны жертвовать ему добычу.

Ниязмские ханты, у которых записан текст, довольно рано соприкоснулись с южными культурами, были затронуты татарским влиянием, находились в торговых отношениях с русскими; этим, вероятно, и объясняются некоторые черты в их верованиях и культуре (например, в настоящем мифе эпизод с карой за вину, ожидающей на том свете). Промежуточное положение этой группы и ее роль посредника между южными и северными хантами сказались и на истолковании главного героя мифа как «купца».

Миф исполнен в форме ритмизованной прозы, теперь уже исчезнувшей. У ниязмских хантов это последний ее образец.

¹ «На земле без травы» — т. е. в безлюдной пустыне.

² «Супруге-утке». — Зооморфный облик героя и его жены — гусь; слово «утка» употребляется в качестве параллелизма.

³ Етым — фольклорное имя главного небесного бога Торума, употребленное в качестве синонима во второй части параллелизма.

⁴ Имеются в виду навесы из жердей для хранения предметов обихода.

⁵ «Северное море» (т. е. Обская губа) и низовья Оби считались царством хозяина болезней и миром мертвых; плывущие оттуда на лодках прислужники умерщвляют жителей «шести обских городов, семи обских городов», т. е. рыбацких поселков, расположенных между устьем Иртыша и разветвлением Оби на Большую и Малую.

⁶ Явившиеся из мира мертвых прислужники забирают души людей, стреляя в них маленькими стрелами — носителями болезней — и сажают в лодки, чтобы увезти на тот свет.

⁷ «Унесли за леса, унесли за поля» — эвфемизм, означающий похороны.

⁸ Мертвец хочет съесть живого человека, попавшего в мир мертвых.

⁹ «Разве я могу вечно носить свою душу?» — т. е. жить вечно.

¹⁰ «До каких пор сушить пот» — т. е. ждать угощения.

¹¹ Старик в доме — хозяин болезней и страны мертвых. Его сын взял в жены дочь героя, поэтому они называют его «тестем».

¹² «Мясное полугодие, костный год» — т. е. радостное, сытое полугодие и тоскливый, голодный год. Выражение означает, что вначале съели мясо,

а затем варили кости. Часто встречающаяся пара атрибутов для определения времени в гостях, на пиру.

¹³ «С добрыми пожеланиями вперед, с добрыми пожеланиями назад» — всевозможные пожелания; ниже встречается вариант этой формулы: «привет вперед, привет назад».

¹⁴ Герой попал в следующий иной мир, но он в отличие от темного мира мертвых такой же, как и человеческий: с солнцем и луной.

¹⁵ Передние ноги животных называются «руками».

¹⁶ «Если на его нос навесить прутик, то он не удержится, если навесить травинку, то она не удержится» — формула для выражения крайней усталости.

¹⁷ Богатый дом с мехами, какой полагается иметь духам.

¹⁸ Возможно, это прародительница Калтась, которая в различных версиях выступает то как тетя, то как мать, то как старшая сестра героя.

¹⁹ Эти березы с большой вероятностью можно отождествить с мировым деревом.

²⁰ Жители металлических городов, о которых дальше идет речь, отождествляются обычно с верхними духами, но определить, с какими именно, затруднительно.

²¹ Олени принадлежали хозяину страны мертвых и не должны были переходить в верхний мир, поэтому верхние духи хотят их уничтожить.

²² «Кто тебя напел сюда, кто тебя наскзал сюда?» — формула обращения к герою, попавшему в иной мир.

²³ Зарубки делаются для того, чтобы олени помнили наказ духов.

²⁴ Этим приказанием верхние духи устанавливают свое право на определение судьбы человека: его смерть будет зависеть не от царя мертвых, а от их воли.

²⁵ «До окончания песни, до окончания сказки» — т. е. до конца времени.

²⁶ «Золотое дымовое отверстие» — архаическая формула, относящаяся к золотому жилищу верхнего бога Торума. Более полная формула включает слова «золотые жерди крыши, золотое дымовое отверстие», но, поскольку эта устаревшая фраза не всем понятна, она часто встречается в усе-
щенном виде.

²⁷ Т. е. наступила пора идти на охоту.

²⁸ Имеются в виду духи-покровители, предки данной социальной группы.

²⁹ По верованиям хантов, звон в ушах означает, что покойник оклика-
ет человека.

³⁰ «Где осенний глухарь роняет перо» — фольклорное название священ-
ного места Золотого Богатыря около Белогорских юрт, недалеко от устья
Иртыша.

³¹ Бог спустил город на цепи.

³² Т. е. радостно машут руками и притапцовывают.

³³ «Царь с данью осенней белки» — фольклорное название Золотого Бо-
гатыря, подразумевающее, что охотники должны жертвовать ему добычу.

³⁴ Все это — животные, назначенные в жертву Золотому Богатырю.

№ 31

Зап. В. Штейницем (см. коммент. к № 27). Опубл.: 50, с. 302. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной.

Из серии рассказов об Или-хиты (Альвали). В отличие от богатырской версии (см. № 27) здесь герой выступает как трюкач и обманщик.

¹ По древнему обычаю, ханты хоронили умершего, положив его на зем-
лю и накрыв лодкой.

² Эти детали похоронного обряда обнаруживают русское влияние.

³ Пришедший человек — это дядя героя, Старик Священного Города, его заморфный облик — медведь.

⁴ Т. е. на предназначенные этим духам священные места.

№ 32

Зап. Н. Терешкиным в 1947 г. в сел. Низямы на р. Обь от П. Уткина, 65 лет. Опубл.: 9, с. 64. Пер. Н. Терешкина.

Из серии рассказов об Ими-хиты (Альвали). Начальный эпизод с охотой героя на зверьков, его просьбой к бабушке изготовить лук и стрелы перекликается с мифами, где культурный герой создает животных (здесь: узнает от бабушки их названия).

¹ У северных обских угров мужчины носили косы (настоящие либо ложные) с бисерными украшениями.

² Хантыйские женщины носили в косах и на поясе металлические подвески, звенящие при движении.

³ Изображения птиц служили накосными украшениями. В фольклоре эти птицы рисуются живыми (см. № 105).

№ 33

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1975 г. (см. коммент. к № 20).
Опубл.: 7, с. 87, Ср. № 34, 139.

Из серии рассказов об Альвали (Ими-хиты).

№ 34

Зап. М. Шатиловым в 1926 г. на р. Вах. Опубл.: 7, с. 80. Ср. № 33, 139.
Из серии рассказов об Альвали (Ими-хиты).

№ 35

Зап. В. Штейницем (см. коммент. к № 27). Опубл.: 50, с. 263. В русском переводе публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 27.

Героическое сказание о Лампаске и его внуке было записано недалеко от сел. Алешкино, покровителем которого считался дух Лампаск-ойка. Отец и дядя героя погибли от рук каменноглазых богатырей, потому что дедушка (отец отца) не дал им свой панцирь. Подросткий герой отправляется в город врагов мстить за отца. Они заманивают героя в гостевой дом, обещая ему в жены свою сестру, поджигают дом, но герой спасается. Он убивает каменноглазых богатырей и женится на их сестре.

¹ Богатыри совершают жертвоприношение богу Торуму, привлекая его внимание громкими криками. Так же поступали при жертвоприношениях и обычные люди.

² Скальпирование врага — распространенный мотив в героических сказаниях обских угров; в качестве подношения Торуму скальп вывешивался на дерево.

³ Герой нанизал рыбу на стрелу, как на вертел для сушки, и дедушка дает ему богатырское имя по этому его подвигу.

⁴ Дедушка говорит, что рубцы накусаны вшами, так как боится, что внук спросит об отце, если дедушка будет рассказывать о сражениях.

⁵ Кровная месть за убитых родственников, особенно за отца, — одна из важнейших тем в героических сказаниях хантов и манси.

⁶ «Кончится мое мясо, пусть мои кости ищут мести» — это часто встречающееся в фольклоре хантов и манси выражение означает, что герой готов мстить до конца.

⁷ «Разрушительную месть за мать» — параллелизм, так как мать героя жива.

⁸ Т. е. герой пришел в ярость.

⁹ Одной из единиц измерения времени у обских угров служил срок, необходимый для того, чтобы закипела вода в котле.

¹⁰ Т. е. преследуя по пятам.

¹¹ Богатыри-силачи согнули листовницу и сели на нее.

¹² «Пусть вас обвевает ветер на месте весенней чайки, осенней чайки» — выражение, часто встречающееся в обско-угорском фольклоре, особенно в обрядовых формулах, связанных с жертвоприношениями.

№ 36

Зап. С. Паткановым (см. коммент. к № 24). Опубл.: 41, ч. II, с. 17.
Пер. С. Патканова. Ср. № 148.

Героическое сказание хантов р. Конда. Городок князей по имени Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской Женщины находился

около юрт Цингалинских на р. Иртыш. Княжество во главе с городком Тяпар-вош было одним из самых крупных в Тобольском округе и фигурирует во многих сказаниях. Термин Тяпар широко известен по всей Западной Сибири: у северных хантов и манси он встречается в названиях городка Щонер-вош, социальной группы Щабермам, в слове «тапыр-алл» и т. д.; топонимы, включающие этот термин, зафиксированы также у ненцев и западносибирских татар. Его выводят из названия древнего населения Сабар, Савыр, Сибир.

К герою прилетает невеста в образе филипа и просит быстрее ехать за ней, так как ее отец собирается отдать ее замуж за «самоеда», т. е. за ненца. Герой с братом снаряжают войско и отправляются в военный поход. Когда они прибывают в город отца невесты, герою пытаются дать в жены вместо княжеской дочери рабыню. Он отвергает ее и отправляется с войском за самоедами, увезшими невесту. Герой с братом догоняют и побеждают самоедских богатырей, отбирают девушку и возвращаются в ее город. Затем они направляются с ней на свою родину, совершая по дороге культурный подвиг: убивают водяных чудовищ, мешающих движению по реке. По пути завязывается новое сражение с самоедами. На помощь братьям спешат духи р. Конда, и богатыри уничтожают врагов. Победители возвращаются домой.

¹ В облике филипа к герою прилетает дочь богатыря Нянк-хуша, городок которого находился в низовьях Оби. «Величиной с деревню» — сокращенный вариант формулы «величиной с деревню, величиной с город»; в фольклоре хантов это излюбленное сравнение для обозначения крупных размеров чего-либо.

² Т. е. «не медли», «не теряй времени».

³ Герой не может уснуть, как будто он лежит на постели, изобилующей насекомыми.

⁴ Для поисков невесты снаряжался военный поход, поэтому войны одновременно и сваты.

⁵ «К мужским водам чужестранцев» — т. е. к водам, по берегам которых живут чужие люди (мужики).

⁶ Т. е. с брагой.

⁷ Жертвоприношения перед походом включали, таким образом, спачала моление на площади, где воины, стоя на коленях с жертвенной пищей в руке, предлагали духам угощение; затем мясо забитых в жертву животных люди съедали в «доме собраний».

⁸ Т. е. пропали, погибли.

⁹ В публикации С. Паткапова стоит слово «хлебобобовые». Хантыйские слова с корнем «тапт» он переводил как «хлеб, жито». Но, по его же данным, этот термин имеет более общее значение: «пища, питание». Мы использовали последнее значение, так как оно больше соответствует реалиям быта хантов.

¹⁰ В хантыйском оригинале вместо слова «золото» стоит записанное С. Паткаповым выражение «серебро тить»; это серебро высшего качества, очень дорогое, из него делали священные предметы (по другим данным, напротив, низкого качества).

¹¹ Т. е. не испытывали ни в чем нужды.

¹² Т. е. до небесного бога Торума.

¹³ Т. е. на многих мысах.

¹⁴ «Неживую пищу» — т. е. вареную.

¹⁵ «Режущее железо с острым клинком» — топор.

¹⁶ В старину ханты добывали огонь вращением палочки в углублении дощечки; дева Тяри — дух огня.

¹⁷ Поездки с целью сватовства нередко кончались войной, а богатырь оставлял свою голову на чужбине. Поэтому поездка за невестой названа здесь «безголовой, безвозвратной».

¹⁸ Т. е. на низких и высоких нотах; герой свистит от избытка удал.

¹⁹ Здесь имеются в виду родственники невесты.

²⁰ Постоянные эпитеты земли — «кожистая земля, волосатая (мохнатая) земля»; по представлениям хантов, дух земли — это женщина.

²¹ Герой возмущен тем, что ему вместо княжны дают в жены рабыню, жениться на которой он считает ниже своего достоинства.

²² Герой грозит разрушить город тестя.

²³ В облике кукушки выступает одна из душ, обитающая на голове или в голове; ее именуют еще «птицей маковки головы». Герой посылает ее узнать, где находится невеста. Далее кукушка выступает в роли вестника.

²⁴ Перевод имени затруднителен; с языка хантов *сос* означает «гор-постай».

²⁵ «Видевший лицо Тярп я лицо рыбы» — т. е. прошедший огонь и воду.

²⁶ У самоедов (ненцев) собака наряду с оленем служила жертвенным животным. Возможно, что слова *Сос-Тору* означают, что он стал духом.

²⁷ Т. е. жив ли он или мертв.

²⁸ Волосы и трава при изготовлении стрел не употреблялись; очевидно, герой стремится принизить силу вражеского оружия.

²⁹ Имеется в виду дырявая кольчуга, которую герой сравнивает с плетеной рыболовной ловушкой.

³⁰ «Золотой рог» — символ радости и счастья.

³¹ Водяные чудовища перекрыли реку, мешая лодкам плыть.

³² Так обычно поступают герои в минуту опасности.

³³ «Черные» означает еще и «плохие», «скверные».

³⁴ Что это за персонажи, неизвестно; ясно только, что они живут в верховьях р. Конда (слово *нум* означает «верх») и спускаются к устью реки на помощь богатырям.

³⁵ В мешке находились души врагов, и потому они снова оживали.

№ 37.

Зап. С. Паткановым в 1888 г. в сел. Шумиловские на р. Конда. Опубл.: 41, ч. II, с. 38. Пер. С. Патканова.

Героическое сказание о богатырях, городок которых — Сонг-хуш — находился на вилке Оби.

У богатыря Сонг-хуша, несмотря на многочисленные подарки духу, пет детей. Разгневанный богатырь сжигает подарки и разрушает изображение духа. Сын Торуна по велению отца дает богатырю три зернышка, от которых у его жены рождается наследник. Во время эпидемии богатырь и его сын умирают. Сын приходит из мира мертвых, превращается в релейника, его съедает самка оленя. У нее рождаются три олененка, которых преследует сын небесного бога в облике волка. По его приказу один из оленят становится добычей охотника. Сердце и язык его съедают княгиня-хозяйка и рабыня; от этого у хозяйки рождаются два сына, у рабыни — один. Старший из сыновей княгини предлагает младшему идти в поход за невестой, они собирают войско и отправляются в путь.

Текст интересен тем, что повествование в нем ведется от лица героя, трижды возрождающегося на земле.

¹ Т. е. пришел в нижний мир.

² Имеется в виду, что амбар переполнен пушпиной.

³ Богатырь уже стар, и ему требуются удобства.

⁴ Старик намеревается сжечь духа (тонха) вместе с подарками, так как он не дал ему детей.

⁵ Изображение духа имело форму столба, прочно вбитого в землю, с лициной наверху. У мужчии не хватает силы выворотить его из земли.

⁶ По представлениям хантов, изображения духов не могли сгореть. Далее С. Патканов излагает сказание прозой.

⁷ Небесный бог спустил своего сына в колыбели на цепи.

⁸ У хантов счет велся по лунным месяцам, состоящим из 28 дней.

⁹ Женщина во время родов считалась нечистой, ее изолировали. Вероятно, в древности таким местом изоляции было подножие дерева, позднее известны специальные «маленькие дома».

¹⁰ Т. е. с помощью гадания.

¹¹ По воззрениям хантов, приход человека из мира мертвых вызывал зевоту.

¹² Вероятно, имеется в виду песня-молитва из трех частей.

¹³ Душа ребенка пытается вновь поселиться в доме матери, но не может есть человеческую пищу.

¹⁴ Олень должен сам пойти под выстрел, чтобы затем получить возможность возродиться человеком.

¹⁵ Это делается для того, чтобы уберечь мясо оленя от собак.

¹⁶ «С хозяйкой» — т. е. с бывшей матерью героя по имени Оленья Самоедка с Иловатыми Глазами.

¹⁷ Имеется в виду сын рабыни, родившийся одновременно с богатырями.

¹⁸ Имеется в виду небольшой топорик, насаженный на длинную рукоять; он применялся в пути для заготовки дров.

¹⁹ Женщины хотят получше рассмотреть князя-богатыря.

²⁰ Герой подумал, что он мог бы жениться на одной из встреченных девушек и тогда не нужно было бы вести горожан в опасный поход. Благ пристыдил его, потому что князь не мог жениться на простой девушке.

²¹ Сказание не закончено.

№ 38

Зап. М. Шатиловым в 1926 г. в сел. Колик-ёган на р. Вах от П. С. Сегельтсера, 56 лет. Опубл.: 105, с. 24.

Предание о гибели хантыйского богатыря-матура из-за измены его жены связывает происхождение деталей ландшафта с эпизодами древних сражений. Географические увязки упоминаемых в тексте мест неизвестны.

¹ Т. е. на берестяной обмотке лука.

№ 39

Зап. Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Криволучное на р. Обь от П. М. Пяличикова, 65 лет. Опубл.: 7, с. 34.

В тексте предания объединено несколько рассказов о богатырях — предках хантов, живущих в бассейне Оби, выше впадения р. Вах.

¹ Река была перегорожена запором для ловли рыбы, и здесь задерживался мусор. По уплывшей из селения щепке богатырь догадался, что там живут люди.

² В исторических источниках так называлось княжество на территории Нарымского края, где жили селькупы. Рассказчик дает иное объяснение.

№ 40

Зап. Н. Лукиной в 1971 г. в сел. Забегаловка на р. Васюган от Н. И. Лесморова, 61 года. Опубл.: 7, с. 36.

Предание о столкновении с селькупамы богатыря — предка хантов р. Васюган, носящих фамилию Ангалиных.

¹ Выен-Анкаля-пэй — «Хитрого Анкаля мыс», Анкаля — предок васюганских хантов, носящих фамилию Ангалиных.

² Ас-ях — «Обской народ»; имеются в виду обские ханты.

³ Женщины хранили в сумках гнилушки для подкладывания в колыбель ребенка. Захваченная врасплох жена богатыря бросает их в воду, чтобы показать мужу, куда ее увозят.

№ 41

Зап. В. Кулемзиным (см. коммент. к № 18). Опубл.: 6, с. 11.

Топонимическое предание, объясняющее происхождение элементов ландшафта междоусобной борьбой двух богатырей, живших некогда в бассейне р. Васюган.

¹ Т. е. хантов р. Нюрольки.

№ 42

Зап. И. Каскиным в 1970-х годах в сел. Цивгалы на р. Иртыш. Публ. впервые по тексту, хранящемуся в архиве Тобольского музея.

Топонимическое предание связывает происхождение реки и горы в низовьях Иртыша с действиями богатырей.

№ 43

Зап. И. Папан (см. коммент. к № 11). Опубл.: 37, с. 166; 48, с. 24. В русском переводе публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 158.

Текст предания был записан около г. Обдорска (современный Салехард), недалеко от которого, в сел. Пель-вош на р. Полуй и в сел. Пашерские (Пастэр-курт) в низовьях Оби, проживают ханты социальной группы Пастэр; социальная группа с тем же названием известна также и у манси р. Ляпин. Своими предками они считали мифических Крылатого Пастэра и Ногастого (нешего) Пастэра. Предание о переселении части этой группы с юга, с верховьев Оби, на р. Полуй перекликается с мифом о космической охоте (см. № 8, 9); те же персонажи фигурируют и в мансийском мифе о происхождении смерти (см. № 115).

№ 44

Зап. М. Шатиловым в 1926 г. в сел. Нагал-юх на р. Вах от Е. С. Пращива. Оубл.: 105, с. 23.

Широко распространенный сюжет о разделении народа на две половины и уходе одной из них на новые территории приурочен к рассказу о происхождении Лар-ях и Ват-ях — социальных групп хантов р. Вах.

№ 45

Зап. В. Кулемзиным (см. коммент. к № 18). Оубл.: 6, с. 24.

Рассказ о возникновении локальных священных мест на небольшой речушке Тух-сиге перекликается со сведениями о святилищах в бассейне р. Нюролки, куда впадает Тух-сига. Главным нюрольским духом в низовьях реки считался старик Элле-юнг (Большой дух); святилища двух его сыновей были выше по течению, ближе к впадению Тух-сиги. Согласно публикуемому тексту, святилища на Тух-сиге создавала старуха, «отделяя» или «закладывая» (т. е. принося в жертву) своего мужа и детей. На обеих речках существовали культовые места, где приносили в дар деревянные молоты-дубины, которыми, как считалось, духи забивают колья заповоров, а также святилища лося, где устраивались лосиные праздники и приносились жертвы в честь этого животного. Большинство культовых мест расположены именно там, где они упоминаются в тексте, и до недавнего времени почитались местными хантами.

№ 46

Зап. Е. Титаренко в 1971 г. в сел. Летне-Киевском на р. Обь от В. И. Васькина, 38 лет. Оубл.: 7, с. 38.

Предание о междоусобных стычках древних богатырей-предков объясняет происхождение названий местностей и хантыйских имен, которые позднее были положены в основу официальных фамилий.

¹ Имеются в виду подземные жилища.

² Яль-велям-пий — букв. «На Войне Убитых мыс».

№ 47

Зап. Е. Титаренко (см. коммент. к № 16). Оубл.: 7, с. 33.

Предание об освоении новой территории обитания группой казымских хантов, переселившихся на р. Аган.

№ 48

Зап. Е. Титаренко в 1972 г. в сел. Варьеган на р. Аган от П. Н. Казыкина, 76 лет. Оубл.: 7, с. 32. Ср. № 49, 50.

Предание о столкновении хантов р. Аган с народом ахыс-ях (точная этническая принадлежность которого не установлена) из-за оленей. Текст строится вокруг состязаний хантыйских богатырей и пришельцев в силе, а также включает рассказ о неудачном камлании вражеских шаманов об успехе или неуспехе их набеге.

¹ Имеется в виду покрытие чума, шитое из шкур.

№ 49

Зап. Н. Лукиной в 1978 г. в сел. Юбилейный на р. Тромъеган от М. Кечимова, 16 лет. Публ. впервые по: 11.

Еще одно предание о набеге народа ахыс-ях на хантов. Здесь мирный его исход объясняется могуществом хантыйского шамана, напугавшего врагов своими шаманскими фокусами.

¹ Т. е. двух оленей.

№ 50

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 20). Оpubл.: 7, с. 103. Ср. № 48.

Это предание о столкновении хантов с ахыс-ях построено на теме места за убитых сородичей и отражает различные перипетии их борьбы.

¹ В данном случае рассказчик считает, что Ахыс-яс — это народ коми.

№ 51

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1974 г. в сел. Каюково на р. Юган от П. Т. Каюкова, 66 лет. Оpubл.: 7, с. 41.

Историческое предание о «царе» хантов по имени Тонья включает мотив его чудесного рождения по воле одного из главных духов-покровителей — Кон-ики; эпизоды столкновения героя с казаками переплетаются с рассказами о его женитьбе и смерти.

¹ Дух Кон-ики опускает камешек, от которого рождается богатырь. Этот же эпизод см. в № 37, 106.

² По воззрениям хантов, душа (илес) может принять облик насекомого, в данном случае слепня. Вылет души-слепня означает окончательную смерть, после чего поминки не нужны.

³ У хантов убийство собаки приравнивалось к убийству человека. Бог наказывает героя смертью за то, что он заменил недостающие головы врагов собачьими.

№ 52

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 40). Оpubл.: 7, с. 40.

В предании Ермак олицетворяет русских казаков; в действительности, он не был у Колпашево.

№ 53

Зап. П. Красновым (см. коммент. к № 22). Оpubл.: 7, с. 144.

№ 54

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1970 г. в сел. Корлики на р. Вах от Е. Н. Куниной, 27 лет. Оpubл.: 7, с. 176.

¹ По воззрениям хантов, дух огня Пугос-анки — это женщина, а каждый конкретный огонь — дочь Пугос-анки. С огнем следовало обращаться очень бережно: не бросать в него мусор, не прикасаться к очажному устройству острыми предметами, чтобы не поранить духа огня. Матери огня приносили в дар одежду красного цвета.

² У обских угров различались люльки дневные и ночные.

³ Ребенок был пожертвован духу огня.

№ 55

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1970 г. в пос. Корлики на р. Вах от К. Ф. Прасина, 39 лет. Оpubл.: 7, с. 148.

¹ В другом варианте этой легенды старуха названа «шаманкой по имени Вели-кур» (Оленья Нога).

² Под гитарой имеется в виду смычковый музыкальный инструмент (хант. *кугель-юх*) с выемками по бокам корпуса, под домброй — щипковый инструмент типа цитры (хант. *наркас-юх*, *нанан-юх*). Игра на музыкальных инструментах, в том числе на бубне, говорит о сверхъестественных способностях сыновей, которые в другом тексте прямо названы шаманами.

№ 56

Зап. Н. Лукиной в 1970 г. в сел. Айполово на р. Васюган от А. Н. Анжиной, 64 лет. Оpubл.: 7, с. 149.

¹ *Нюкуль-вель*, *нюкультя-ку* — гипнотизер, ворожей, ясновидец, организатор своеобразного представления, описанного в тексте. В отличие от шамана он не обращается к Торуму, не совершает молитв, не путешествует в иные миры, не имеет специального костюма, и его атрибут — не бубен, а музыкальный инструмент.

Зап. Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Озерном на р. Васюган от П. Колмакова, 37 лет. Оубл.: 7, с. 152. Ср. № 58—59.

Бытовой рассказ о двух расположенных рядом священных местах в бассейне р. Васюган. Одно из них считалось местом инициации музыкантов (умение играть на музыкальных инструментах расценивалось как дар, полученный от духов; ср. № 55, 66). Второе озеро считалось местом обитания водяного чудовища Вэс, которое ханты называют «мамонтом».

¹ Очевидно, место древней кузницы; имеются устные сведения о других кузницах неподалеку от места записи текста — в пос. Айполово, Салаги-чи и др.

Зап. В. Кулемзиним (см. коммент. к № 23). Оубл.: 7, с. 156. Ср. № 57, 59.

Две следующие былички — рассказы очевидцев о столкновении с Вэс — водяным чудовищем, местами обитания которого считались не замерзающие зимой участки рек и водоемы, куда не садились перелетные птицы. По поверьям, в Вэс превращаются очень старые щуки, у которых вырастают рога; в него могут превратиться также заяц или собака. Рассказы о Вэс широко распространены среди хантов. О том, как они представляли себе его внешность, можно судить, например, по следующему рассказу: «Ханты рассказывают, что в реках и омутах живут какие-то животные Вэс. В озерах не живут. Животные сами роют себе яму в реке, видимо, землекоп. Старик Прохор Пыгатов видел, как всплыло это животное. Рога у него двадцати сантиметров толщиной, на спину отходят два длинных рога. Концы их заглажены, это ледоход их сглаживает. Туловище длинное, покрытое шерстью. Это в воде мамонт живет. В сороковых годах один старый хант нашел рог такого зверя и привез в поселок. Ханты просили его отдать рог на упряжь для оленей, но тот решил продать подороже какому-то приезжему начальнику — за пять рублей. Ханты смеялись, что он продал очень дешево. Некоторые успели тайком отрезать куски от этого рога на упряжь» [7, с. 156].

Зап. В. Кулемзиним (см. коммент. к № 2). Оубл.: 7, с. 156. Ср. № 57, 58.

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 39). Оубл.: 7, с. 169.

Быличка о столкновении людей со сверхъестественным существом По-чак. По поверьям, в него превращается выкидыш или ребенок, умерший в возрасте нескольких дней. Чтобы избежать этого, ребенка следовало похоронить либо в общей со взрослыми могиле, либо на специальном кладбище, либо в дупле.

Зап. В. Кулемзиним и Н. Лукиной в 1973 г. в сел. Пим на р. Пим от Ф. Д. Вандымовой, 25 лет. Оубл.: 7, с. 165.

Быличка о приходе маячки — умершего (души умершего) — в дом к родственникам обосновывает необходимость неуоснительно соблюдать обычаи. В этом рассказе женщина «видит» свою покойную бабушку. По другим сообщениям, маячки невидимы для людей; ср.: «Я один раз еду на лошадях, никого кругом нету, ничего не видно, а лошади в сторону шарахаются. Это они увидели маячек. Олени, лошади, собаки лучше видят, чем человек. И другие звери тоже. Человек не видит маячек, а звери видят, вст и шарахаются в сторону» [7, с. 165].

¹ Ефим — муж рассказчицы.

² У некоторых групп хантов медвежья голова считалась защитником дома, семьи (ср. № 165) и хранилась в той части жилища, где было место хозяев.

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 61). Оубл.: 7, с. 166.

Сообщение о том, как дух умершего (маячка) взял в жены девушку, включает рассказ о шаманском сеансе, во время которого дух девушки приходит к живым и рассказывает о своей судьбе.

¹ Исчезновение человека объяснялось хантами тем, что его похитил какой-либо дух или он сам превратился в духа; в последнем случае место его предполагаемого обитания становилось священным. Ср.: «Из Ларино девка потерялась, искать поехали, видят: она сидит на горе, поги до реки свесила и волосы чешет. Сказал другим: она исчезла. Называется Намэста-ох (Девичья гора). Когда туда приедешь, стреляешь, сколько у тебя людей. Если у тебя осечка, то этот человек, на которого стреляешь, заболит; если выстрелишь и дробь в дупле останется, он умрет. Денег на той горе вокруг сосны — гора целая. Положишь деньги — каждый сам свою часть — и обойдешь дерево по солнцу. Это когда мимо горы едешь. Если обратно едешь, то можно класть, а можно и не класть» [7, с. 151].

² По поверьям, маячку, как и злого духа, могла убить только молния, поэтому они прячутся от грозы.

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 61). Оубл.: 7, с. 57.

В этом тексте девушку берет в жены лесной дух; более развернутые рассказы о браках между лесными духами и охотниками см. № 69—71.

¹ По обычаю избегания, женщина не должна показывать лица мужу дочери.

Зап. Е. Титаренко (см. коммент. к № 16). Оубл.: 7, с. 171.

¹ По воззрениям хантов, умерший (его душа) мог возвратиться к родственникам и забрать их (увести душу) в мир мертвых. Для предотвращения этого принимали различные меры, в том числе переселение на новое место.

² У хантов не было принято завязывать волосы в узел. Выполнение этой операции женой говорит о том, что она — из иного мира.

³ Волосы считались одним из вместилищ души, и их обрезание приводит героя к смерти.

Зап. У. Сирелиусом в 1898 г. в сел. Ларьяк на р. Вах. Оубл.: 128, с. 229. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 168.

Распространенный у хантов и манси сюжет о запрете почевать в заброшенных домах, амбарах.

¹ У обских угров считалось, что на кладбище почевать можно, а в заброшенных домах и амбарах пользы, так как там водятся злые сверхъестественные существа.

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1974 г. в сел. Каюково на р. Юган от Н. Г. Чалтомова, 23 лет. Оубл.: 7, с. 163.

Рассказ о посещении подземного мира живым человеком и о помощи, которую умерший оказывает своему другу, давая советы, как обмануть обитающих там духов.

¹ Иль-канлах-от — «непроявляющееся, неосознаваемое существо».

² Имеются в виду традиционные музыкальные инструменты хантов: *наркас-юх* — щипковый музыкальный инструмент, похожий на финский кантеле, и *нин-юх* — смычковый музыкальный инструмент, похожий на скрипку, но больший по размеру.

Зап. А. Алквистом в 1858 или 1877 г. в Обдорске от А. Сорбина. Опубл.: 12, с. 3. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной.

¹ Ханты считали, что во время сна глаза человека уходят и бродят по тем местам, которые он видит во сне. Эпизод с вынутыми глазами см. в № 68.

№ 68

Зап. Н. Лукиной в 1983 г. в сел. Каюково на р. Юган от Н. Г. Чалтова, 32 лет. Публ. впервые по: 11.

¹ Женщины у хантов и манси закрывали лицо платком и соблюдали другие запреты в присутствии мужчин — старших родственников мужа.

² По обычаю, пельзя было спрашивать у охотника, сколько он добыл.

№ 69

Зап. Н. Лукиной в 1961 г. в сел. Староакасомск на р. Обь от З. Ф. Калиной, 31 года. Опубл.: 7, с. 168. Ср. № 70, 71.

Из серии рассказов о лесных людях, известных у хантов и манси под разными названиями: Вонт-ку, Унху, Вор-хум, Мис-хум (лесной мужчина), Вор-нэ, Мис-нэ (лесная женщина), Мис-махум (лесной народ) и т. д. В отличие от духов лесные люди не являются объектами почитания, культа, хотя их иногда называют на русском языке «духами».

В данном случае рассказ о том, как человек побывал у лесных людей, привязан к родственникам рассказчика и обрисовывает лишь общую ситуацию их контакта.

¹ Очевидно, выдры «посланы» лесными людьми в подарок за пребывание у них человека (ср. № 71).

№ 70

Зап. Г. Старцевым в 1925 г. от Лоншакова. Опубл.: 94, с. 137. Ср. № 69, 71.

В отличие от предыдущего варианта, представляющего собой быличку, здесь при всей топографической определенности места встречи текст более развернут: Унху уносит охотника в свое жилище и готов отдать за него дочь, но человек не хочет оставаться, и его отпускают с подарками.

¹ Огонь и свет мира лесных духов губителен для человека. После посещения их мира опасен и свет человеческого жилья; поэтому лесные люди предупреждают попавшего к ним, что ему следует находиться в темноте (см. финал рассказа; ср. также № 167).

² Лесные люди по отчуждению от бересты сближаются с мепквами (см. коммент. к № 171).

№ 71

Зап. Г. Старцевым в 1925 г. от Вогулькина. Опубл.: 94, с. 141. Ср. № 69, 70.

Еще один рассказ о пребывании человека в доме лесных людей; здесь лесная женщина в наказание за то, что охотник отвергает ее, проклинает и его, и его потомство.

¹ «Все жилище было обложено мехом». — Обычное описание жилища лесных людей.

² Передняя часть жилища (дальняя от двери) предназначалась для гостей.

³ Лесная женщина посылает зверей семье охотника.

⁴ Имеется в виду Агатяттэ-пугос — «людей делающий дух»; он хранит души будущих людей в люльке.

⁵ Слезы человека, попавшего к лесным людям, возвращаются ему здесь в виде зверьков, а в других случаях — в виде градинок (см. № 69).

⁶ Т. е. имели богатую добычу.

№ 72

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 57). Опубл.: 7, с. 159. Ср. № 171. Рассказ о встрече человека с лесным духом, происходящей в охотничь-

ей избушке самого охотника; находчивость и хитрость героя спасают его. В рассказе ощущается иноэтническое влияние: упоминание о двенадцати часах как времени появления духа (черта); название духа — шайтан; нехарактерное для хантов изображение бога и земли, которое отпугивает черта.

¹ Соболь с золотым кольцом на шее — это собака лесных людей. Убив такого соболя, человек в обмен на него может получить от лесного человека охотничью удачу.

² Шайтан — заимствованное у татар название духа. Здесь имеется в виду лесной человек или дух.

№ 73

Зап. В. Кулемзипым и Н. Лукиной (см. коммент. к № 61). Опувл.: 7, с. 77.

Рассказ о встрече охотников с менквами призвав обосновать запрет мучить животных.

№ 74

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 68). Публ. впервые по: 11.

Из серии рассказов о лесных сверхъестественных существах — менквах (Сэвс-ики). Здесь менкв выступает как дружественное по отношению к человеку существо, помогая молодому охотнику добыть лосей.

¹ Менк-ики откидывает пищу назад, где у него находится рот; это наводит на мысль о хоботе. На вопрос о мамонтах рассказчик, известный сказочник хантов р. Юган Н. Чалтомов, ответил как само собой разумеющееся: «Менк-ики — это и есть мамонт».

№ 75

Зап. Н. Лукипой (см. коммент. к № 68). Публ. впервые по: 11.

В этой версии менкв изображен великаном, который мешает людям передвигаться по Югану, и те роют ему яму-ловушку.

¹ Т. е. на собственных лодках. Сейчас ханты-рыбаки являются членами государственных или кооперативных артелей, и их доставляют к отдаленным рыбным угодьям на государственном транспорте.

² В эпизоде с охотой на Менк-ики дано описание древних ловушек на крупных животных, зафиксированных в наскальных писаницах Урала и сохранявшихся до конца XIX в. Ловушки представляли собой ямы внутри загорожок.

№ 76

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукипой (см. коммент. к № 61). Опувл.: 7, с. 78. Ср. № 77, 172.

Этот рассказ о встрече охотника с менквом представляет собой диалог — состязание в загадывании и отгадывании загадок. Диалогическая форма довольно часто встречается в фольклоре обских угров (см., например, № 10, 101, 102, 172, 192, 197, 198).

№ 77

Зап. Е. Титаренко (см. коммент. к № 16). Опувл.: 7, с. 91.

Еще один текст о состязании человека с духом в остроумии. Здесь героем выступает сказочник Манть-ку, который рассказывает лесному человеку сказку с таким концом, что тот остается в полном недоумении.

№ 78

Зап. Е. Титаренко (см. коммент. к № 46). Опувл.: 7, с. 159. Ср. № 172, 175.

Рассказ о состязании двух великанов между собой, о помощи, которую человек оказывает одному из них, и о богатстве, полученном им в награду. В данном случае великан назван *арых-лунк*, т. е. «дух из старинной культовой песни», «старинный дух».

¹ Эпизод с подарком в виде клочка от одежды духа, послужившего началом богатства, часто встречается в фольклоре обских угров (см., например, № 173, 177).

№ 79

Зап. П. Хатанзеевым в 1953 г. на нижней Оби от Г. Талигина. Опубл.: 8, с. 157.

Таинственный вор, спрятавшийся в доме старика и старухи, ворует у них еду. Они решают переехать в другое место и по дороге сбрасывают мешок с прищельцем в воду.

№ 80

Зап. П. Хатанзеевым (см. коммент. к № 79). Опубл.: 8, с. 152. Ср. № 175.

Рассказ о победе людей (хапта и ненца) над лесными демонами, мешающими промыслу и стремящимися погубить героев-побратимов, включает эпизоды поединков, сказочный мотив чудесного оружия, но в целом явно сохраняет установку на достоверность.

¹ Т. е. кто-то проверил запор и вынул рыбу.

² Имеется в виду Менк-ики.

³ Вапокап — одно из родовых подразделений европейских ненцев.

№ 81

Зап. В. Кулемзинным и Н. Лукиной в 1970 г. в сел. Корлики на р. Вах от Н. Н. Каминой, 21 года. Опубл.: 7, с. 79.

Широко распространенный в Сибири сюжет о приходе людоедов в стойбище, о предусмотрительности одной из женщин и легкомыслии другой.

¹ Мягкие наструганные гнилушки, на которых ребенок лежит в колыбели; когда они промокают, их выбрасывают и заменяют новыми.

№ 82

Зап. В. Кулемзинным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 61). Опубл.: 7, с. 75.

Шесть людоедок встречают человеческую женщину; все семеро выходят замуж за семерых братьев. Людоедки съедают своих детей и хотят сожрать ребенка женщины, по чудесным образом спустившаяся сверху люлька уносит его. Вернувшиеся с охоты братья справляются с людоедками.

№ 83

Зап. А. Алквистом в 1858 или 1877 г. от Лазарева из сел. Большой Атлым на р. Обь. Опубл.: 12, с. 13. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 84, 85, 180.

Рассказы о встрече героя со злой колдуньей-людоедкой Кирп-нюлупми (манс. Кирпынг-нёл-эква, Кирт-нёлп-эква) очень популярны в фольклоре обских угров (см. также № 105, примеч. 16; № 139, 181). Ее изображают сопливой, имеющей очень длинный нос паподобие такого, какой делают на берестяных масках для медвежьего праздника (этих масок боятся менквы). В данном случае сюжет перекликается с текстами, где охотник обманывает пришедшего в лесную избушку менква (см. № 72, 171, 172).

¹ Т. е. собрались возвращаться.

№ 84

Зап. В. Соловар в 1979 г. в сел. Казым на р. Казым от А. Н. Ремезановой, 45 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. В. Соловар. Ср. № 83, 85, 172.

Бытовой рассказ о столкновении охотника с лесной ведьмой, которую ему удается обмануть.

¹ Одна из сезонных охотничьих избушек.

№ 85

Зап. И. Ерныховым в 1961 г. в сел. Казым на р. Казым от Н. И. Ерныхова, 66 лет. Пер. В. Соловар. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 83, 180.

Сказка о трех братьях, младший из которых побеждает людоедку, добывает с помощью орла живую воду и оживляет братьев.

¹ Ратпархо-Хишпархо — человек, который целыми днями сидит у костра и копается в золе; хантыйский вариант «низкого» героя.

№ 86

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 56). Опул.: 6, с. 41. Ср. № 127.

Сказка о двух девушках, одна из которых делает все работы в доме лесной старухи, выполняет ее советы и получает хорошего мужа, а вторая нарушает предписания и выходит замуж за старого Сэвс-ики.

№ 87

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 66). Опул.: 7, с. 108.

Герой-силач защищает город тестя от людоеда-менква, срезает у него ус, ранит и затем по его следу отправляется на поиски. Придя к его жилищу, он подслушивает разговор дочерей умершего менква, которые грозят уничтожить героя. Дважды ему удается избежать опасности и убить старших сестер, но младшая сбрасывает его в яму. Оттуда герой выбирается с помощью жены по усу менква, находит его младшую дочь и убивает ее.

№ 88

Зап. С. Паткановым (см. коммент. к № 24). Опул.: 41, ч. 2, с. 47. Пер. С. Патканова.

У бездетных старика со старухой по велению небесного бога рождается сын-герой. Он получает сказочное богатырское имя и копы. Отец сватал ему в жены дочь священника, но она отталкивает его. Герой отправляется искать купца-странника, о котором говорила его жена. По дороге он получает от трех старух волшебные предметы, с их помощью попадает в город купца-странника. Герой женится на его сестре. Мать жепы хитростью отправляет героя в нижний мир. Там он побеждает менквов и возвращает глаза слепым старику и старухе, за что они помогают герою возвратиться на землю. Вместе с женой он идет на свою родину.

¹ Прозрачность тела считалась у древних хантов признаком красоты.

² Купец, Странник — см. коммент. к № 30.

³ Намек на равного Мир-сусне-хума героя, конь которого, как и конь Мир-сусне-хума, должен становиться копытами не на землю, а на серебряные подставки (во время призывания Мир-сусне-хума на землю ставили серебряные тарелки).

⁴ «Я не пролью и капельки его крови, сколько ее помещается на дощечке ложки» — формула угрозы возможному противнику.

⁵ По воззрениям хантов и манси, человек (его душа) после смерти обходит те места, где он бывал при жизни. Здесь то же происходит после оживления человека.

⁶ Об игре в каменный мяч см. № 27, примеч. 10.

№ 89

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 56). Опул.: 6, с. 37. Ср. № 186.

Хантыйская версия сказки «Неверная сестра»; в качестве любовника сестры здесь выступает Сэвс-ики, а зверь-помощники — это медвежонок, лосенок и собака.

№ 90

Зап. В. Соловар в 1978 г. в сел. Казым на р. Казым от В. А. Молданова, 73 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. В. Соловар, Ср. № 185, 186.

Сказка заимствована у русских; лишь начало и концовка содержат типичные мотивы обско-угорского фольклора.

№ 91

Зап. В. Соловар в 1978 г. в сел. Казым на р. Казым от А. Н. Ерышовой, 50 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. В. Соловар.

В тексте контаминированы различные сюжеты европейских сказок с эпизодами и образами хантыйского фольклора.

¹ Эпизод с конем, которому герой обматывает части тела берестой или тканью, встречается во многих текстах обско-угорского фольклора.

№ 92

Зап. И. Ерныховым в 1961 г. в сел. Казым на р. Казым от А. И. Ерныховой, 34 лет. Пер. В. Соловар. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 179.

Сказка на сюжет о поисках богатырем равного себе по силе противника.

№ 93

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 56). Опувл.: 6, с. 49.

Сказка преломляет различные мифологические мотивы обско-угорского фольклора.

¹ У восточных хантов, где записан текст, на березу вешали дары Тору, на небе же, как говорится в шаманских текстах, течет золото и серебро.

№ 94

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 57). Опувл.: 7, с. 49. Ср. № 193. Очень распространенный сюжет в фольклоре многих народов.

№ 95

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Корлики на р. Вах от П. Прасина, 12 лет. Опувл.: 6, с. 57.

Детская сказка на сюжет, известный у манси.

¹ «Шпагой» рассказчик назвал орудие охоты на медведя — большой нож на длинной рукоятке (хант. *пал*).

№ 96

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 69). Опувл.: 7, с. 50. Детская сказка.

№ 97

Зап. Е. Титаренко (см. коммент. к № 16). Опувл.: 7, с. 51.

Детская сказка.

№ 98

Зап. В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Корлики от Г. Каталева, 10 лет. Опувл.: 6, с. 53.

Детская сказка.

№ 99

Зап. Н. Лукиной в 1978 г. в сел. Юбилейном на р. Тромъеган от М. Кечимова, 15 лет. Публ. впервые по: 11. Ср. № 100.

Детская сказка.

№ 100

Зап. И. Ерныховым (см. коммент. к № 85). Публ. впервые из личного архива собирателя. Пер. В. Соловар. Ср. № 99.

Детская сказка.

№ 101

Зап. Н. Лукиной в 1970 г. в сел. Айполово на р. Васюган от У. Н. Бардиной, 77 лет. Публ. впервые по: 11. Ср. № 102, 197, 198. Детский стишок-диалог.

№ 102

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 69). Публ. впервые по: 11. Ср. № 101, 197, 198.

№ 103

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 99). Публ. впервые по: 11.
Детская сказка.

№ 104

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 99). Публ. впервые по: 11. Ср.
№ 200.
Детская сказка.

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ МАНСИ

№ 105

Зап. Б. Мункачи в 1889 г. в сел. Луи-хорум-пауль на р. Ляпин от Е. И. Волкова. Опубл.: 29, с. 1. В русском переводе публ. впервые. Пер. и коммент. Е. Шмидт. Ср. № 1, 2, 106, 107, 135.

Текст представляет собой сакральное мифологическое сказание северных манси о наиболее важных событиях мифической эры — сотворении земли, очищении ее от чудовищ, приобретении основных благ для человека.

Сотворение земли фигурирует здесь в наиболее архаичном варианте, где верховный бог не упоминается, а землю поднимают из-под воды птицы. Сын прародителей в отличие от более поздней мифологии, где у главного бога семь сыновей, здесь единственный. Он получает чудесного коня и отправляется в путь. Как и в других мифах о Мир-сусе-хуме — «За Миром Наблюдающем Человеке», герой совершает далекие странствия, посещая различные миры. Свою посредническую функцию он осуществляет самым архаичным способом — путем женитьбы. Первая женитьба связана с борьбой за невесту с ее похитителем Паранарсехом. Эпизоды их противостояния содержат много южных элементов (например, степь, крупные табуны, войлочная юрта), а сама структура эпических элементов напоминает мотивы европейских сказок (южные элементы тем более примечательны, что миф записан у самой северной группы манси). Далее герой преодолевает с помощью коня различные препятствия и добывает себе еще одну жену — дочь ведьмы Кирт-нелп-эквы. Затем герой совершает поездку в вертикальном направлении. Женившись на дочери царя подводного мира, он получает доступ к рыбным богатствам. Потом он обвешивает светила. Месяц представлен в виде мужчины, символизирующего темноту, холод и северную культуру с собачьими упряжками. Солнце — это женщина, символ света и тепла, имеющая атрибуты южной культуры, например трехконную упряжку. После успешного преодоления прохода в скале у горизонта герой принимает свой зооморфный облик — гуся. Женившись на дочери Южной женщины, он добывает для людей перелетных птиц. В конце раскрываются функции главных персонажей: отец и мать героя отождествляются с Торумом и прародительницей Калтась, а сам он получает звание «Наблюдателя за Будущими Людями».

Миф был исполнен в прозе лучшим сказителем ляписских манси в конце XIX в. Это сказание считалось особенно священным, некоторые его части были запретны для женщин, например эпизод с дочкой Кирт-нелп-эквы. В отдельных районах весь миф был запрещен для женщин.

¹ «Живут старуха и старик тундрового холма». — В обско-угорском фольклоре много намеков на то, что когда-то женщины играли более важную роль в обществе: в параллелизмах, например, женщина обычно называется первой. «Тундровый холм» — название точки, вокруг которой возникает земля, а выражение «старуха и старик тундрового холма» может означать «люди первоначальной земли», «прародители».

² Запрет может объясняться тем, что он символизирует миропорядок, который не должен быть нарушен движением и внешним воздействием.

³ Этим объясняется красновато-коричневый цвет перьев на горле краснозобой гагары (*Gavia stellata*).

⁴ Имеется в виду рогатая, или красношейная, поганка из отряда гагар (*Podiceps auritus*). В поверьях обе птицы относятся к Нижнему миру и являются зооморфными ипостасями духа — хозяина болезней и страши мертвых.

⁵ Весной на голове у красношейной поганки появляется украшение из рыжих и черных перьев. В мифах оно объясняется как след крови на лопнувшей макушке.

⁶ Кедр — одно из священных деревьев у обских угров, возможно, здесь мировое древо.

⁷ Мужчинам запрещено присутствовать при родах, а женщина с ребенком может возвратиться в дом только через определенный срок после обряда очищения.

⁸ Тарыг-пещ-нималы-сов — название Мир-сусне-хума в мифическую эпоху, архаизм с разными неуточненными истолкованиями. Перевод «Журавлиное-бедро-лыжи-шкура» может быть связан с тем, что один из образов Мир-сусне-хума — белый журавль. Первая часть имени в форме Тарыгпесник в живом мансийском языке переводится на русский язык как «трапезник». О других именах героя см. в Предисловии.

⁹ Если в реке живет какой-нибудь дух, то из нее нельзя пить воду, бросать туда сор и т. д.

¹⁰ Герой впадает в сон, ниспосланный ему тетей (образ которой близок, а иногда и сливается с образом прародительницы Калтась). Духи могут наслать сон на человека, когда хотят пообщаться с его душой. Тетя живет в дереве и укрывается листьями, один из которых герой прострелил.

¹¹ Первый компонент этого имени «Парап» условно можно связать с названием Бараба, т. е. Барабинской степью между Обью и Иртышом. В другом варианте (см. № 106) Паратарсех назван «пупухом» (т. е. духом), которому поклоняются и которому приносят жертвы.

¹² «Тихонько вспоминай» — т. е. осторожно, имеется в виду предупреждение

²³ Формула, передающая ощущение полного уюта, когда герой спит на постели из собольих шкур.

²⁴ Т. е. не на небе, а на земле.

№ 106

Зап. А. Баландиным в 1937 г. в сел. Вежакоры на р. Обь от И. Я. Мони́на. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Баладина. Ср. № 1, 2, 105, 107, 135.

Первая часть текста почти полностью совпадает с № 105, а далее следует рассказ о том, как по окончании работы по добыванию культурных благ для будущих людей герой поднимается на небо к Торуму, где ведет борьбу за богатырское имя с Полум-Торумом. Финальные эпизоды происходят уже в человеческую эпоху: уцелевшие после мора брат и сестра получают от героя, ставшего духом-покровителем, три зернышка, и девушка рождает ребенка; происходит установление обычая подносить изображению богатыря шкурки пушных зверей.

¹ Имеется в виду угощение духов по поводу рождения ребенка.

² Семисуставные, семиколенные металлические столбы для привязывания коней и оленей часто упоминаются в фольклоре обских ургов.

³ Вероятно, имеется в виду короб из бересты, стенки которого снаружи разделены на зоны накладными древесными планками.

⁴ Совместная трапеза жениха и невесты означает согласие на брак.

⁵ По представлениям обских ургов, для возрождения животных нужно сохранить целыми их кости.

⁶ «И охватил его великий стыд Торума, великий стыд Пуныха» — выражение, символизирующее половой акт.

⁷ Полум-Торум — младший брат (или старший сын) Нум-Торума. Другое его имя — Топал-ойка. По представлениям манси, он живет на р. Пелым, дает добычу на земле и воде, помогает при болезни. Его зооморфный облик — красношейная поганка.

№ 107

Зап. А. Каннисто в 1904 г. в сел. Нахрачи на р. Конда от Афанасия. Опубл.: 21, с. 2. На русском языке публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 1, 2, 105, 106.

Миф о создании мира был записан у южных манси одним из лучших знатоков фольклора, А. Каннисто, и открывает первый том его коллекции.

¹ «Светлый муж-отец» — эпитет верховного бога Нум-Торума.

² Очевидно, здесь имеет место намек на ссору между отцом и сыном (ср. № 11), после которой сын был спущен на землю и совершает там свои культурные подвиги (в данном случае создает землю и человека).

³ В оригинале эта фраза стоит после эпизода о победе гагар над чертом; для восстановления логики изложения она перенесена сюда редактором настоящего издания.

⁴ В хантыйской мифологии также имеется мотив происхождения всего живого, в том числе и человека, от червя (см., например, № 23, где из червей вырастают медведи).

⁵ Сосьвинские манси различают два слоя земли — древний и более поздний. Первый слой — это тундровая земля черного цвета, она существует со времени потопы. Позднее возник слой земли, на котором живем мы сейчас.

№ 108

Зап. А. Баландиным (см. коммент. к № 106). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Баладина. Ср. № 3, 6.

Почти дословно совпадающий вариант опубл.: 10, с. 28, и переиздан: 5, с. 107.

В этом мансийском тексте упоминаются духи хантов р. Казым. Это можно объяснить связями, в том числе брачными, хантов Казыма и манси Сев. Сосьвы (судя по фамилии рассказчика, он сам родом с Сев. Сосьвы),

¹ Имеется в виду Казым-ими, дух хаптов р. Казым. Изложенному ниже эпизоду о сражении героя с Казым-ими посвящено отдельное сказание (см. № 144).

² Желтая трясогузка почиталась хантами р. Казым, ее изображение татуировали на плече. У манси считалась предком жителей сел. Манья-пауль. Недалеко от него находилось святилище с амбарчиком, в котором хранились изображения Ворсик-ойки — «Трясогузки-богатыря» и его жены Ворсик-эквы (первое — деревянное антропоморфное, второе — в виде свертка со свинцовыми фигурками животных).

№ 109

Зап. Н. Сайнаховой в 1983 г. в сел. Щекурья на р. Ляпин от М. К. Албиной, 68 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой.

Мифологическая сказка о приходе луны на землю перекликается с мифом о происхождении пятен на луне.

¹ «Съела безвинных детей» — ср. № 7.

№ 110

Зап. В. Чернецовым в 1926 г. в сел. Сартынья на р. Сев. Сосьва. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 8, 9.

Краткий вариант мифа о происхождении созвездия Большая Медведица и Млечного Пути.

¹ Мось-хум — здесь мифический предок фратрии Мось, в обыденной речи — мужчина из этой фратрии.

№ 111

Зап. В. Чернецовым в 1931 г. в сел. Ворья-пауль на р. Сев. Сосьва от А. Анемгурова. Опубл.: 10, с. 33. Пер. В. Чернецова. Ср. № 12.

№ 112

Зап. А. Баладиным (см. коммент. к № 106). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Баладина.

Почти дословно совпадающий вариант опубл.: 10, с. 25, и переиздан: 5, с. 104.

¹ Йоли-Торум-сянь — «Нижнего Мира (Земли) Мать». В мансийской мифологии старшая сестра Нум-Торума; она же Калтась-эква. Крылатая Калм — божий вестник, дочь Торума.

№ 113

Зап. А. Баладиным (см. коммент. к № 106). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 1, 13.

Миф о создании людей двумя братьями — Топал-ойкой и Хуль-отыром. Первый делает их из дерева, второй — из глины и предлагает брату поменяться; из-за этого, когда изображения были одушевлены Нум-Торумом и Калтась-эквой, более долговечные деревянные превратились в менквов, а недолговечные глиняные — в людей. Почти дословно совпадающий вариант опубл.: 10, с. 25, и переиздан: 5, с. 104.

№ 114

Зап. А. Каннисто в 1906 г. в сел. Вершина на р. Пелымка от Ф. Л. Ебланкова. Опубл.: 21, с. 10. На русском языке публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 14.

Миф о сотворении человека богом и неудачном подражании ему черта, который испортил изображения, соблазнив сторожившую их собаку. По словам сказителя, этот рассказ есть в Библии, но он слышал его от дедушки.

№ 115

Зап. А. Каннисто (см. коммент. к № 114). Опубл.: 21, с. 26. На русском языке публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной.

¹ Рассказчик объяснил, что если бы гробы с умершими людьми Пастэр поставили на землю, то через семь лет они могли бы воскреснуть,

и тогда люди тоже умирали бы лишь на семь лет; но их жены были ленивы, им надоело таскать домой добычу мужей, и, чтобы навсегда избавиться от этой работы, они похоронили мужей в земле.

№ 116

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. в сел. Яныг-пауль на р. Сев. Сосьва от К. Сампильталова, 28 лет. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 23.

Северомансийский вариант песни о происхождении медведя. В ней медведица — дочь Верхнего Духа, который воспитал ее в доме, в меховом гнезде. Уходя на охоту, отец запретил дочери выходить наружу, но она вышла, увидела в загоне коней и захотела поиграть с ними. Коня погнались за ней, и, убегая, медведица попала в яму. Через дыру она увидела землю, которая ей очень понравилась. Медведица упростила отца отпустить ее на землю. Верхний Дух после ее долгих просьб выковал золотую колыбель и опустил в ней медведицу на землю. Он наказал дочери не трогать амбарчиков (лабазов) людей, но она нарушила запрет. На вину она устроила берлогу, где ее нашел сын Городского Князя. Медведицу убивают, люди устраивают праздник.

¹ «Верхний Дух, отец мой» — Нум-Торум.

² Т. е. в задней комнате дома.

³ Обычно у хантов и манси лыжи были подклеены пикурой с ног лоса, но в старину для этой цели использовались и шкуры выдры.

⁴ Отец наказывает медведице, чтобы она не трогала лабазы охотников, где у них хранятся запасы пищи.

⁵ В обрядке тетери манси представляли душу сна (см. № 161).

⁶ Медведь послан Верхним Духом следить за перушимостью клятвы. У хантов и манси было принято давать клятву над лапой или мордой медведя.

⁷ Шкура медведя считается его шубой, которую «снимают», развязывая завязки или расстегивая пуговицы. Во время свеживания их символизируют палочки, которые кладут медведю на живот, а затем разламывают. Число завязок или пуговиц связано с числом душ: у медведицы — их четыре, у медведя — пять. От пола животного зависит и упоминающееся ниже число дней медвежьего праздника.

⁸ Для доставки медведя из леса делали «колыбель»: сгибали черемуховый прут дугой и соединяли концы дуги тремя поперечными брусками.

⁹ Во время медвежьего праздника медведю прикрепляли на глаза монеты либо кружки из жести или бересты.

¹⁰ «Кайыг-уви́г, кай-уйи́» — типичный возглас, обычно в начале и конце медвежьей песни.

№ 117

Зап. В. Чернецовым в 1935 г. в сел. Ломым-ус на р. Сев. Сосьва от М. Алпина. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 22, 23.

Из серии песен о происхождении медведя. Здесь он сын бедной женщины Мось, которая с трудом его вырастила. Мать просит сына не ходить на дальний конец поселка, но его привлекли игры детей, и он нарушил запрет. Дети принимают его в игру, но затем в испуге разбегаются, когда у него появляются когти, клыки и медвежья шкура. Он покидает мать и уходит в лес.

№ 118

Зап. И. Авдеевым в 1933—1934 гг. в сел. Хурум-пауль на р. Ляпин от Г. Лясмапова, 35 лет. Опу́бл.: 1, с. 51. Пер. И. Авдеева. Ср. № 24, 119—122.

Из серии медвежьих песен о знаменитых охотниках на медведя. Здесь описана первая добыча медведя Золотым Богатырем, Мир-сусне-кумом.

¹ «Звезда» — глаз медведя.

² «Понек» — ухо медведя.

³ «Человек, сидящий на лошади белого цвета» — Золотой Богатырь, Мир-сусне-хум.

⁴ «Святилище» — сердце медведя.

№ 119

Зап. И. Авдеевым в 1933—1934 гг. в сел. Оурьинские на р. Ляпин от Н. Гындыбина, 35 лет. Опул.: 1, с. 45. Пер. И. Авдеева. Ср. № 24, 118, 120—122.

Из серии медвежьих песен о знаменитых охотниках на медведя. Здесь это Усын-отыр-ойка — Городской Богатырь. Он нарушает ряд запретов, установленных Нум-Торумом по отношению к медведю: грубо выбрасывает его на берег, отдает мясо собакам, бросает шкуру с головой в «печистый» чум, где женщины топчут ее и обливают водой от стирки своей одежды, которая считалась особенно «печистой» (для женщин вообще был ограничен доступ к убитому медведю). Дух оскорбленного зверя призывает других медведей для отмщения Городскому Богатырю.

¹ Имеется в виду мифический медведь-предок, который был спущен с неба.

№ 120

Зап. И. Авдеевым (см. коммент. к № 119). Опул.: 1, с. 83. Пер. И. Авдеева. Ср. № 24, 118, 119, 121, 122.

Из серии медвежьих песен — описание охоты на медведя. Здесь медведь разоряет запасы пищи старика Филина (о нем см. коммент. к № 131 и 177), и тот добывает его в берлоге.

¹ Здесь слово Торум имеет значение «погода».

² Семь менквов в связи с медведем действуют в № 166.

³ У северных обских угров изготавливались орнаментированные весла.

⁴ «Болезнетворный сучок с острым концом» — стрела или пуля.

⁵ Горючая чага — средство для «очищения» предметов во время культовых действ. в том числе и на медвежьем празднике.

⁶ См. № 24, примеч. 17.

№ 121

Зап. И. Авдеевым (см. коммент. к № 119). Опул.: 1, с. 69. Пер. И. Авдеева. Ср. № 24, 118—120, 122.

Из серии медвежьих песен о добывании медведя.

¹ «Неваполненную посудину» — т. е. желудок.

² «Лодочка» — грудь медведя.

³ При перевозке убитого медведя в поселок охотники часто останавливаются, стреляют из ружей и кричат «Утчувапэ-э» или «Сели волююм ох-о-оо»; значение этих возгласов неизвестно.

⁴ «Оуццен» — т. е. убит.

⁵ Медведю стыдно, что его добыла простая старуха.

№ 122

Зап. И. Авдеевым (см. коммент. к № 119). Опул.: 1, с. 74. Пер. И. Авдеева. Ср. № 24, 118—121.

Из серии медвежьих песен о добывании медведя.

¹ «Весело играют в водяную игру» — см. № 24, примеч. 17.

№ 123

Зап. В. Чернецовым в 1937 г. на р. Сев. Сосьва от Тызьянова. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 25, 124.

Из серии сказаний о предках фратрий Мось и Пор. Здесь дано только начало сказания, где наиболее четко высказан запрет на брак между братом и сестрой.

№ 124

Зап. В. Чернецовым в 1937 г. в сел. Хомрат-пауль на р. Сев. Сосьва от Я. Н. Тасманова, 60 лет. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 25, 28, 123, 125.

Из серии сказаний о предках фратрий Мось и Пор. В нашем сборнике это наиболее полный вариант. Мось-хум живет с сестрой. Он женится на дочери Городского Богатыря, но Мось-нэ убивает ее, приходит в дом брата и выдает себя за его жену. У них рождается ребенок, тайна сожительства раскрывается. Брат убивает сестру и ребенка. Из крови Мось-нэ вырастает растение порых. Медведица съедает растение, у нее рождаются медвежонок и человеческая девочка. Сын Городского Богатыря убивает медведицу с медвежонком, женится на дочери медведицы. Дочь по время медвежьего праздника выполняет наказания матери — не ест медвежьего мяса, сохраняет кости и др. Медведица и медвежонок превращаются в звезды.

¹ «Когтистый» — одно из подставных названий медведя.

² У хантов и манси наиболее древним и популярным способом украшения бересты было выскабливание. Медведица обучает этому мастерству девочку, чтобы впоследствии спасти ее от гибели.

³ Осенью по молодому снегу охотники шли в лес пешком в сопровождении собак.

⁴ Один из способов охоты на медведя: выход из берлоги загораживали стволами деревьев, а внутрь засовывали жердь. Раздразнивший зверь высовывал голову, и в него стреляли.

⁵ Девушка не должна была показывать лицо старшим братьям и отцу будущего мужа, поэтому в первую очередь получила платок и лишь затем остальную одежду.

⁶ Имеется в виду медвежий праздник.

⁷ «Вещи» — подставное название для мяса медведя.

№ 125

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль на р. Ляпин от У. М. Хозумовой, 33 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и У. М. Хозумовой. Ср. № 25, 119, 124.

Еще один вариант рассказа о рождении медведицей девочки Мось, о соблюдении ею запрета есть медвежье мясо и о превращении медведей в звезды.

¹ Имеется в виду медвежий праздник. По правилам в честь медведицы должны были плясать не пять, а четыре ночи.

² Девочка не ела предложенного ей медвежьего мяса, поэтому медведи чувствуют себя хорошо.

№ 126

Зап. А. Пика в 1978 г. в сел. Няксимволь на р. Сев. Сосьва от А. Сампильталова. Публ. впервые, из личного архива собирателя.

Из серии рассказов о Мось и Пор. Здесь женщины — предки фратрий спорят о том, надо ли, чтобы на земле было много людей.

№ 127

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Алтатумб на р. Сев. Сосьва от П. В. Сянклипой, 76 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и П. В. Сянклипой. Ср. № 86, 180.

Из серии сказок о соперничестве Мось и Пор: Мось-нэ оказывает услугу старушке и получает мужа-богатыря, а Пор-нэ оскорбляет старушку и погибает.

№ 128

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Алтатумб на р. Сев. Сосьва от А. П. Гоголевой, 90 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. П. Гоголевой. Ср. № 28.

Из серии сказок о соперничестве Мось и Пор: Пор-нэ хитростью убивает Мось-нэ и преследует ее детей; текст включает наряду со сказочными мотивами мифологическую тему спрятанного и освобожденного солнца (ср. № 4).

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Алтатумб на р. Сев. Сосьва от А. Д. Челдановой, 76 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. Д. Челдановой.

Из серии сказок о соперничестве Мось и Пор: Мось-нэ оживляет мужчину, умерщвленного его женой Пор-нэ; в наказание за измену мужчины убивает Пор-нэ и жепится на Мось-нэ.

№ 130

Зап. Е. Кузаковой (см. коммент. к № 125). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и У. М. Хозумовой.

Из серии сказок о соперничестве Мось и Пор: Пор-нэ пытается уничтожить сына Мось-нэ, сын Пор-нэ помогает Мось-нэ и ее сыну. Текст включает мотивы европейских сказок.

№ 131

Зап. Н. Сайнаховой в 1980 г. в сел. Шекурья на р. Ляпин от Р. А. Сайнахова, 84 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой. Ср. № 132.

В этом и последующем рассказах главным героем выступает Филипп, ищущий жену. В первом случае он жепится на Мось-нэ, но брак неудачен, во втором — удачный брак с Пор-нэ. Если учитывать экзогамные нормы заключения брака, существующие у обских угров, то Филипп должен относиться к братии Мось; это же вытекает из текста № 177, где отцом Филиппа назван Мир-сусве-хум — мифический предок Мось. Однако имеются сообщения с том, что Филипп — одна из ипостасей мифического предка братии Пор (см. также коммент. к № 177).

¹ По поверьям манси, Филипп своим криком вызывает снег. Охотник, ожидающий снега, может вызвать его, подражая крику Филиппа. Существовала особая песня Филиппа — о том, как он засыпал дом семьи Мось-нэ (см. № 132 — то же, но о Пор-нэ). Этот сюжет исполнялся также в виде представления на медвежьем празднике.

№ 132

Зап. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой. Ср. № 131.

№ 133

Зап. В. Чернецовым в 1931 г. (см. коммент. к № 116). Опубл.: 10, с. 34; переиздано: 5, с. 110. Пер. В. Чернецова.

Из большой серии сказок о герое по имени Эква-пырьис. Здесь он выступает как сын Верхнего Духа, но живет на земле вместе с другими духами небесного происхождения.

¹ Согласно представлениям обских угров, человек, «внутри которого находится болезнь», уже в какой-то мере мертв, это «внутренне мертвый человек». Поэтому и деревья с сухой сердцевиной тоже мертвые.

² С этого момента мать Эква-пырьиса отступает на задний план и ее заменяет тетка. В большинстве сказок об Эква-пырьисе он живет с тетей или бабушкой. Тетя — это Калтась-эква.

№ 134

Зап. В. Чернецовым в 1934 г. в сел. Тапыс-сунт-пауль на р. Сев. Сосьва от Мишеньки-пыг. Опубл.: 10, с. 47. Пер. В. Чернецова. Ср. № 93.

Из серии сказок об Эква-пырьисе. В основную сюжетную линию (встреча с мифической птицей Карс и добывание для нее перьев у мамонта) вплетается широко распространенный у манси мотив с одурачиванием сыновей Усынг-отыра.

¹ У хантов и манси существовала примета: видеть родственников во сне — к смерти.

² «Унтвос-лайпм-ими-хиты» — хантыйское название волшебного топора, которое становится здесь именем Эква-пырьиса; компонент ими-хиты соответствует мансийскому Эква-пырьис. В предыдущей публикации этого

текста имя героя транскрибировалось в варианте «Уитвос-Лайи-Мяи-Хилы», но позднее в архиве собирателя обнаружено более точное написание «Уитвос-Лайим-Ими-Хилы»; в последнем слове «л» заменено на «т», поскольку эта форма принята в качестве нормы для нашего сборника.

³ Манси считают клыки мамонта ветвистыми рогами.

№ 135

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. в сел. Тапыс-сунт-пауль на р. Сев. Сосьва. Оubl.: 10, с. 57. Пер. В. Чернецова. Как эпизод см. в № 105, 106.

Из серии сказок об Эква-пырисе. Здесь излагается один из мифологических сюжетов — полет героя в южную страну Мортим-ма. В данном варианте Эква-пырись живет не с родителями, а с сестрой. Этот древний элемент характерен также для рассказов о Мось-нэ и Мось хум.

¹ На этом месте герой делает неоднократные остановки, здесь же его ищет супруга-гусыня. Возможно, имеется в виду крупное садбище гусей в устье Иртыша, где паходилось также культовое место героя-духа и хранилось изображение гуся.

№ 136

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. в сел. Хал-пауль на р. Сев. Сосьва от П. Алментьева, 30 лет. Оubl.: 10, с. 62. Пер. В. Чернецова. Ср. № 137.

Из серии сказок об Эква-пырисе. Здесь в центре сюжета — колдовские трюки героя, добывающего себе жену в подводном мире; ему неудачно подражают сыновья Усынг-ойки.

¹ Стрела из человеческой кости считалась наиболее смертоносной.

² Эпизоды с откалыванием голени и, далее, с отрубанием себе рук, ног и туловища интерпретируются иногда как символ шаманской инициации.

№ 137

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 136). Оubl.: 10, с. 68. Пер. В. Чернецова. Ср. № 136.

Из серии сказок об Эква-пырисе. Сюжет построен на противопоставлении ума и ловкости Эква-пыриса и глупости сыновей Усынг-отыра. Начальные эпизоды — встречи с менквом и мнимая смерть героя — ср. с № 31, 138, 140.

¹ Кладбище, могилу и гроб манси называли обычно подставными терминами.

² Речь идет о выкупе за убитого сородича.

³ У манси считалось недостойным мужчины сразу же входить в дом и показывать тем самым, что он устал с дороги.

⁴ Имеются в виду «живуны» — незамерзающие участки рек и ручьев, в которых есть родники, приносящие свежую воду. В некоторых реках зимой вода портится, и тогда у «живунов» собирается много рыбы.

№ 138

Зап. В. Чернецовым в 1933—1936 гг. в сел. Рактыя-пауль от Ф. Омано-ва. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Эква-пырись учится охоте: сначала герой охотится около дома, узнавая от бабушки названия зверей (ср. № 32); затем он идет в лес, где вместе с менквами, которые здесь выступают дружелюбно по отношению к нему, добывает много пушнины.

¹ В старину у хантов и манси для изготовления некоторых видов одежды использовались рыбы кожи.

² Имеется в виду мешок, в котором хранятся изображения духов.

³ У хантов и манси было принято измерять расстояние на реке количеством плесов.

⁴ «Тропа» здесь символизирует уголья отца Эква-пыриса, на которых другие не имеют права охотиться.

⁵ У охотника в лесу могло быть несколько избушек на разных участках охотничьей территории.

Зап. В. Чернецовым в 1936 г. на р. Сев. Сосьва. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 33, 34.

Эква-пырьсь попадает в руки злого мифического существа женского рода, обманывает и убивает его дочерей, а затем с помощью зверей и собственной хитрости побеждает его.

¹ «Женщина с железным кузовом» — то же, что Кирт-нёлп-эква.

Зап. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой.

Эква-пырьсь побеждает погубившего его родителей великана, привязав его цепью к дереву.

¹ Великан Сьюбей — персонаж, близкий менквям.

Зап. А. Баландиным в 1933—1934 гг. в сел. Оурья на р. Ляпин от М. Гындыбина, 35 лет, или в сел. Шекурья на р. Ляпин от И. Сайнахова, 28 лет, или в сел. Нарыкары на р. Малая Обь от И. Яркина, 65 лет. Опул.: 3, с. 98. Пер. А. Баландина.

Из серии сказок об Эква-пырьсе: герой помогает работникам освободиться от купца, женится на царевне и становится царем своей земли.

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. в сел. Яны-пауль на р. Сев. Сосьва от В. Сампильталова. Опул.: 10, с. 59. Пер. В. Чернецова. Ср. № 151.

Эква-пырьсь хитростью убивает Русского Богатыря.

Зап. А. Баландиным (см. коммент. к № 141). Опул.: 3, с. 139. Пер. А. Баландина.

Эква-пырьсь ворожит во сне, как освободить свой народ от поборов; он отправляется в Березов, получает от царя княжеское звание и расправляется с начальником, явившимся непрошеным в его землю.

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 116). Опул.: 10, с. 93. Пер. В. Чернецова.

Героическое сказание сосвинских манси о богатырях-предках, детях Торума, которые в конце повествования превращаются в местных духов-покровителей. Центральный персонаж — женщина-богатырша, в которой можно усмотреть непобедимую дочь Нум-Торума (ср. эпизод борьбы с ней героя в № 108). К ней сватаются сразу два богатыря — с верховий и с низовий Оби. Их сражениям и колдовскому соперничеству с героиней кладет конец Верхний Дух, и они расходятся каждый в свою землю.

¹ «Верховым» Уралом манси называют Южный Урал, а «низовым» — Северный.

² Аут-отыр — четвертый сын Нум-Торума; живет в низовьях Оби, имеет вид щуки и ведает морской рыбой.

³ «Тэ-э!» — восклицание удивления.

⁴ «Ац!» — восклицание порицания, насмешки.

⁵ У северных обских угров женщины носили платок с бахромой в развернутом виде, прикрывая им верхнюю часть лица.

⁶ «Кэй!» — восклицание досады, удивления.

⁷ По объяснению рассказчика, Верхнеобский Богатырь был братом героини.

⁸ Топал-ойка (младший брат или старший сын Нум-Торума) здесь выступает в роли Верховного Духа.

⁹ У хантов и манси существовал обычай захоронения детей под корнями и в дуплах деревьев; чаще это практиковалось по отношению к мертворожденным детям.

Зап. А. Каннисто (см. коммент. к № 107). Опубл.: 22, с. 202. На русском языке публ. впервые. Пер. М. Вахрушевой-Баладиной. Ср. № 146.

Героическое сказание манси р. Конда. Два брата забирают в жены дочь Трехсаженного Лесного Идола и побеждают преследователей. Их город подвергается нападению ненецкого богатыря, который забирает в плен старшего брата, но не может его победить и заключает с братьями мир. Новая серия сражений с ненецким богатырем начинается из-за дочери старшего брата; старший брат погибает, а младший просит Торума назначить ему культовое место и превращается в Ас-ях-Торума — духа-хозяина низовий Оби.

¹ Образ Сибирской Женщины Резаное Железо связан с Уралом, где манси добывали железо.

² Это предложение отсутствует в тексте, но оно необходимо для понимания содержания.

³ «Глазные звери» и «глазные птицы» (а также «ротовые звери» и «ротовые птицы») — помощники ворожея, которых он заставляет летать в отдаленные места. Они могут видеть то, что недоступно обычным людям, и беседовать с глазами-ротовыми птицами тех людей, к которым они посланы хозяином. По представлениям сосвинских манси, у некоторых людей в правом глазу имеется глазной зверь, предсказывающий погоду. На нижней Конде считалось, что человек может перенять способности умершего ворожея, если возьмет из его брови три волоска.

⁴ «Ваша тетка» — имеется в виду дочь Трехсаженного Лесного Идола.

⁵ «Городской столб» — столб для привязывания жертвенных животных. Перед выступлением в поход герои-богатыри обычно совершают около городского столба жертвоприношение духам и испрашивают силу.

⁶ Имеются в виду манси, которые, согласно мифологии, созданы верховным богом из слюней или стружек.

⁷ Очевидно, имеется в виду дух Ас-толах-Торум, или Ас-ях-Торум, который живет вместе с семьей в низовых Оби, где сливается много рукавов. Это второй сын Торума, ведающий всей обской рыбой, птицей и зверем.

№ 146

Зап. Е. Кузаковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Конда от А. А. Чукутаевой, 55 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. А. Чукутаевой. Ср. № 145.

Более поздний по сравнению с предыдущим вариант сказания о Трехсаженном Лесном Идоле. Здесь вместо матери похищенной невесты против героя выступает мужчина — сам Трехсаженный Лесной Богатырь; нет финального эпизода с превращением героя в духа-предка в т. д.

¹ У хантов и манси колыбель с ребенком зашпуровывалась.

² В космологических представлениях манси фигурируют три неба: Пут-Торум, Корс-Торум и Кошар-Торум. Здесь под «нижним» небом имеется в виду земля.

³ В фольклоре обских угров часто упоминается семпушковый котел.

⁴ Нижнекондинский Младший Богатырь — предок социальной группы манси в пос. Нахрачи на р. Конда. Знаменитый пахрачинский герой, главная фигура в эпике и культовой жизни кондинских манси.

⁵ «Мясо с палыца уже сорвано» — от многократного натягивания лука.

⁶ «Живые существа» — т. е. духи.

⁷ «Князь, живущий в нижнем мире» — хозяин нижнего мира, мира мертвых.

⁸ Обский Царь-Старик — хант. Ас-ики, пятый сын Торума, особенно почитаемый у хантов Иртыша, устье которого считается его местожительством. Хозяин рыб, значительный дух.

№ 147

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль от В. Г. Хозумова, 59 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и В. Г. Хозумова.

Героическое сказание о Хонт-Торуме, боге войны, предке социальной группы в сел. Мункес на р. Ляпин. Здесь он назван внуком Богатыря Невелички.

¹ Патум-пирва-люлит-ойка — букв. «Богатырь Ростом с Липного Чир-ка», или Богатырь Невеличка.

² Вероятно, трансформация эпизода с игрой в камень семпыр (см. № 27, примеч. 10).

³ Символика этих иносказаний не вполне ясна («бычья нога, звериная нога» — это лосиная нога); по-видимому, женщина дразнит, оскорбляет богатыря.

№ 148

Зап. А. Баландиным в 1937 г. на р. Ляпин. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Баландина. Ср. № 36.

Ворон сообщает герою о далекой суженой. Вместе с двумя своими братьями он отправляется в поход. Встреченные по дороге богатыри помогают братьям добыть невесту.

¹ Т. е. совсем молодой, добывший своего первого соболя.

² Т. е. здесь его родина.

№ 149

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 136). Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Герой хочет встретить богатыря, равного себе по силе. Узнав о тридцати богатырях за семью морями, он отправляется туда, но нарушает запрет жены и попадает в подземелье; выбраться оттуда ему удается благодаря мастерской игре на музыкальном инструменте. Победив богатырей и забрав их сестру, он возвращается домой, где попадает на свадьбу своей жены; жена узнает героя.

¹ Атуман — от рус. «атаман».

№ 150

Зап. А. Баландиным (см. коммент. к № 148). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Баландина.

Хурынг — в переводе с мансийского языка «узорчатый, красивый». Возможно и другое объяснение: казымские ханты называли так хантов, живущих у разветвления Оби на Большую и Малую. Судя по тексту, здесь впадала в Обь р. Хурынг-я, на которой жил герой. Реальные поселки Шомы и Посалтит, упоминаемые в рассказе, находились недалеко от впадения р. Ляпин в Сев. Сосьву. У пос. Шомы имеется городище, в котором, согласно устной традиции, жил другой герой предания — богатырь Щёин.

Повествование, явно претендующее на достоверность и топографическую конкретность, включает сказочный мотив вызнания у жён богатыря, где находится его смерть.

¹ Посалтит-хум — букв. «Устья Протоки Мужчина»; местный дух.

№ 151

Зап. А. Каннисто (см. коммент. к № 107). Опубл.: 22, с. 36. Русский перевод публ. впервые. Пер. М. П. Вахрушевой-Баландиной.

Предание о стычке богатырей приурочено к оз. Туман в бассейне р. Конда. Сюжет перекликается со сказкой о победе Эква-пырися над пригиспителем (ср. № 142).

¹ Имеются в виду пятиструнный музыкальный инструмент (манс. *сал-кыльгап*) и девятиструнная арфа в форме птицы.

№ 152

Зап. А. Каннисто в 1904 г. в сел. Леуши на р. Конда от С. Алагулова. Опубл.: 22, с. 4. Русский перевод публ. впервые. Пер. М. П. Вахрушевой-Баландиной. Ср. № 153.

Предание о переселении группы манси с р. Тавда на р. Конда, в сел. Леуши, и об установлении здесь культовых мест.

¹ По преданию, в войне на Тавде участвовала тысяча человек. Потомки сбежавших тридцати человек жили в начале XX в. в сел. Леуши и Паппа на р. Конда; их называли «тридцать человек из тавдинской тысячи».

² Т. е. в сел. Леуши, где записано предание.

³ Имеется в виду женский дух-покровитель в Леушах.

⁴ Имеется в виду мужской дух — защитник пос. Леуши, почитаемый в лесу. «Лесной котел», вероятно, лес из очень высоких деревьев, в котором охотник бродит, как на дне котла.

⁵ Текст не закончен.

№ 153

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. на р. Конда. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 152.

Еще одна версия предания о заселении сел. Леуши переселенцами с Тавды.

¹ «Черновская сторона» — имеется в виду местность по р. Черная, правому притоку р. Тавда.

№ 154

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль на р. Ляпп от И. Г. Хозумова, 38 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и И. Г. Хозумова.

Топонимическая легенда связывает происхождение островов на р. Сосьва с борьбой мифических персонажей — менква и одного из сыновей Торума, почитаемого в этих местах.

¹ Тайт-котль-ойка — шестой сын Нум-Торума, среднесосьвинский богатырь, здесь выступает в качестве мужа лягушки, по другим сведениям, он брат лягушки или сам вырос из лягушки (о ней см. № 159, примеч. 8).

² «Кусок человеческого мяса» — уязвимое место под шеей менква.

³ От крика менква разверзлась земля и потекла река Оур-я.

№ 155

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. на р. Ссв. Сосьва. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Предание об обороне городка, располагавшегося в верховьях р. Сосьвы, объясняет происхождение находящейся здесь скалы.

¹ «Железным частоколом» — метафора; городки огораживались деревянным частоколом.

№ 156

Зап. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой.

Топонимическое предание, объясняющее название горы в верховьях р. Маньи тем, что когда-то там жил богатый оленевод.

№ 157

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль на р. Ляпп от Е. К. Сайнаховой, 45 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и Е. К. Сайнаховой.

Рассказ о военных стычках с ненцами.

№ 158

Зап. В. Чернецовым в 1930-х годах у северных манси. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Предание о переселении народа Пастэр на Полуй (см. коммент. к № 43).

¹ Т. е. обладающий гигантским шагом, каким ходят великаны-менквы.

² Магическое действо, состоящее из заклинания с прокалыванием следа, в результате которого зверь должен начать бег.

³ «Северного ветра, южного ветра буран поднялся» — выражение, передающее чрезвычайную быстроту бега, от которого вокруг поднимается ветер и начинается буран.

№ 159

Зап. В. Чернецовым в 1937 г. в сел. Сури на р. Обь от С. Ольсина. 75 лет. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Рассказ о переселении мансийских семей с р. Сев. Сосьва на р. Обь и о почитаемых ими духах.

¹ Имеется в виду исчезновение из святилища изображения духа — одного из сыновей Полум-Торума, почитаемого в сел. Ильпи-пауль на Малой Оби и в сел. Сури на Оби. Другой его сын почитался в сел. Ремизовские, а третий — в сел. Нильдинские на р. Сев. Сосьва.

² Т. е. пришедший сюда хранитель.

³ Т. е. до окончания века.

⁴ Т. е. Чумин.

⁵ Т. е. житель р. Ляпин.

⁶ Имеется в виду сын Ай-Ас-Торума (Малой Оби Торума). Почитался на р. Сев. Сосьва.

⁷ Т. е. на горной стороне Оби.

⁸ Имеется в виду дочь Торума, имеющая вид лягушки, дух-предок одного из подразделений братии Мось, носящего название Пирас-махум (букв. «лягушкин народ»).

№ 160

Зап. В. Чернецовым в 1938 г. в сел. Тошемка, в районе Ивделя, от Н. Бахтиярова. Опул.: 98, с. 126. Пер. В. Чернецова.

Рассказ о происхождении культового блюда, которое В. Чернецов видел у манси. На блюде изображено пять всадников, которые, по воззрениям манси, представляют собой Топал-ойку с сыном, Мир-суспе-хума с сыном и Сяхыл-Торум-ойку; центральная фигура обозначает, по-видимому, водяного духа, высунувшегося из воды.

¹ Имеются в виду люди, способные шаманить.

² Т. е. обладающие большой шаманской силой.

³ Бубен нагревали перед шаманским актом.

⁴ Сяхыл-Торум-ойка — бог грома (он же Ай-Ас-Торум), пятый сын Нум-Торума; один из духов-покровителей сосьвинских манси. Его культовое место — недалеко от Березово.

№ 161

Зап. В. Чернецовым в 1930-х годах на р. Ляпин от Л. Сайпахона. Опул.: 102, с. 135. Пер. В. Чернецова.

Рассказ о «сонной» душе человека, имеющей вид тетери, которую он поймал в ловушку и потому умер.

¹ Т. е. не засыпает.

№ 162

Зап. В. Чернецовым в 1934 г. в сел. Яны-пауль на р. Сев. Сосьва от А. Сампильталовой. Опул.: 102, с. 132. Пер. В. Чернецова. Ср. № 60.

Рассказ, отражающий воззрения о том, что испытывают души умерших, идущие в загробный мир: души детей страдают, а души людей, отживших свой век, идут спокойно и весело.

¹ Т. е. не передаваемую простыми словами.

№ 163

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 162). Опул.: 102, с. 120. Пер. В. Чернецова. Ср. № 65.

Широко распространенный в Сибири сюжет о посещении живым человеком селения мертвых, где он оказывается невидим для тамошних жителей, его голос принимают за треск огня и т. д.

¹ Имеются в виду покойники, которым, по обычаю, закрывали лицо.

² По представлениям обских угров, огонь в очаге своим свистом предупреждает о появлении злых духов или грядущем несчастье.

³ Имеется в виду злое существо Пауль-йорут (букв. «деревня существ»), появляющееся из старой, выброшенной одежды и обуви.

№ 164

Зап. Е. Кузаковой в 1955 г. в сел. Левдым на р. Юконда от А. Е. Нертымовой, 77 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и Д. Е. Нертымовой.

№ 165

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 162). Опубл.: 102, с. 119. Пер. В. Чернецова. Ср. № 64, 164.

Дух-покровитель спасает своего потомка от преследования умерших родственников его жены.

¹ Т. е. умер.

№ 166

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. в сел. Яны-пауль на р. Сев. Сосьва от Н. Г. Сампильталова. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Человек из фратрии Мось приезжает с женой — женщиной из фратрии Пор — к ее сородичам. Там идет медвежий праздник. Медвежья обряды запрещены для представителей другой фратрии, поэтому герои предлагают выйти, но он остается. За нарушение запрета его увозят менквы на «пляску семи медведей». Герой едва не погибает и спасается только благодаря вмешательству предка-покровителя Мир-сусне-хума.

¹ Имеется в виду Мир-сусне-хум.

² Т. е. из сел. Вежакоры. В нем проводились периодические медвежьи обряды, связанные с почитанием предка фратрии Пор — медведя.

³ Во время периодических медвежьих обрядов устраивались жертвоприношения животных.

⁴ Лиственница — священное дерево фратрии Пор, постоянный атрибут менквов и медведя.

⁵ На медвежьем празднике исполняется танец «Семь Утчи с верховьев реки Сорахт». Утчи — это существо, подобное менкву; в песнях названные термины являются параллелизмами.

⁶ «Старик вершины Сорахт» — одно из имен Ялы-ус-ойки. Он считается сторожем лестницы, ведущей на небо, в Верхний мир.

⁷ Тэк-отыр — богатырь сел. Теги. Один из духов-покровителей сосвинских и лозвинских манси.

⁸ Имеется в виду Тэк-отыр.

⁹ Приехавший всадник — это Мир-сусне-хум. Его священная лошадь не могла ступить на землю, и ей под копыта ставили четыре серебряных блюда, здесь — чистые медные котлы.

¹⁰ Береза спасает героя, так как это священное дерево фратрии Мось.

№ 167

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль от А. С. Хозумовой, 50 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. С. Хозумовой.

Из-за нарушений в проведении медвежьего праздника жители поселка умирают. Оставшаяся в живых семья переселяется в другое место, где подвергается нападению лесного демона Вору́та, который похищает их детей. Отец семейства, встретив Вору́та, вступает с ним в драку и побеждает.

¹ Имеется в виду общественный дом для проведения собраний, игр, обрядов, медвежьих праздников.

² Участие в медвежьем празднике, особенно в длительных зимних периодических празднествах, отвлекало от охоты на пушного зверя. В данном случае это привело к неуплате ясака. После отъезда его сборщиков люди стали решать, когда проводить праздники, чтобы это не мешало охоте. Изменения в периодичности медвежьих обрядов приводят к вымиранию поселка.

№ 168

Зап. Е. Кузаковой (см. коммент. к № 154). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и И. Г. Хозумова. Ср. № 65, 72, 84.

Из-за нарушения запрета почевать в заброшенных домах герои подвергаются нападению Воруа, но им удается победить его.

¹ Традиционное блюдо хантов и манси.

² По поверьям хантов и манси, огонь отпугивает злых духов, поэтому герои надеются, что злое существо не войдет.

³ Возможно, имеется в виду шаман из сказки, которую рассказывал один из охотников.

№ 169

Зап. А. Каннисто в 1903 г. в сел. Никито-Ивдель на р. Лозьва от М.И. Укладовой. Опубл.: 21, с. 200. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной.

Из серии рассказов о Мис-нэ: охотник привозит ее к себе в дом, у них рождается сын; из-за ревности первой жены Мис-нэ уходит, и человек тернет охотничью удачу.

¹ Имеется в виду пушнина, которой Мис-нэ наградила хозяина дома, ставшего ее супругом.

² Эпизод с поварешкой имеет следующий смысл: согласно традиционным нормам поведения молодая жена должна вести себя очень сдержанно и не разговаривать со старшими, пока у нее не родится (здесь — не начнет говорить) ребенок; поэтому Мис-нэ не посмела спросить, где поварешка, а сняла горячий котел голой рукой. Сходный эпизод см. в № 81.

№ 170

Зап. А. Каннисто в 1905 г. в сел. Сартынья на р. Сев. Сосьва от К. Атына. Опубл.: 21, с. 201. Русский перевод публ. впервые. Пер. с мансийского Е. Шмидт.

Из серии рассказов о Мис-нэ: пренебрежительное отношение к пей охотников оборачивается для них бедой. Текст исполнялся в виде испевировки на медвежьем празднике (число исполнителей — четыре).

№ 171

Зап. В. Чернецовым в 1936 г. на р. Сев. Сосьва или Обь. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Из серии рассказов о менквах. Согласно представлениям хантов и манси, менквы тесно связаны с лиственницей (священное дерево фратрии Пор) и боятся березы (дерево фратрии Мось). Герой пугает их берестяной маской. Эта сцена разыгрывалась на медвежьем празднике.

№ 172

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 76, 84.

Из серии рассказов о менквах: состязание в отгадывании загадок.

¹ Молтэли — букв. «прошлый год». В этом варианте пропущен эпизод, в котором говорится, как герой назвал себя именем Молтэли, чтобы обмануть менквов.

№ 173

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 174.

Из серии рассказов о менквах: человек оказывает ему услугу и получает награду.

№ 174

Зап. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой. Ср. № 173.

Из серии рассказов о менквах: охотник оказывает ему услугу и богатеет.

№ 175

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. на р. Сев. Сосьва, или Конда, или Лозьва. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 80.

Три человека оказываются во власти менквов, побеждают их, подвергаются преследованию их дочерей, но спасаются и забирают все их богатство.

¹ «С сердцами из гнилушек» — т. е. трусливые.

№ 176

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11. Пер. Чернецова. Ср. № 78.

Герой обманывает дерущихся между собой менквов и овладевает их богатством.

№ 177

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль на р. Ляния от Д. Г. Хозумовой, 20 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и Д. Г. Хозумовой.

Текст сочетает в себе черты мифологической сказки и мифа о становлении героя духом-покровителем местности. В данном случае это Иппыг-ойка — «Филин-старик». В Хурум-пауле, где записан рассказ, поселился Филин-старик и Филин-старуха. Филин — одна из ипостасей мифического предка братрии Пор, к которой относились мужичины Хурум-паули. Однако в конце рассказа Иппыг-ойка называет себя Мир-суспехумом, который считался предком братрии Мось (см. коммент. к № 131). У манси известны два святилища филина Иппыг-ойки. Первое — у сел. Хал-пауль, в верховьях р. Сев. Сосьва, на священном месте рода Тасмановых. Там в амбарчике хранилась небольшая медная фигурка филина, которую сторожит серебряная фигурка слона. Здесь же на березе «сидели» Иппыг-ойка, его пять братьев и Тохлынг-ойка (Орел). Другое культовое место филина — на р. Лянии, у сел. Хурум-пауль. Деревянное изображение, сочетающее черты человека и филина, хранилось здесь перед деревянным амбарчиком, как и изображение Иппыг-аквы, а также антропоморфные фигурки их сыновей.

¹ «Самыльти-пальти» — видимо, формула, близкая по значению «в глазах рыбит, в ушах шумит» (см. № 27, примеч. 4).

№ 178

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Проточные на р. Обь от А. В. Шадринной, 80 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. В. Шадринной.

№ 179

Зап. П. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой. Ср. № 92.

Сказка о младшем брате, который кичится своей силой, но, встретив всадника на белом коне и выслушав его наставления, становится примерным работником.

¹ Имеется в виду Мир-суспехум.

№ 180

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Ломбовож на р. Ляния от В. В. Албина, 16 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и В. В. Албина. Ср. № 83—85, 181.

Мансийская интерпретация европейской сказки о трех братьях, старшие из которых погибают у лесного демона, а младший побеждает ведьму и оживляет братьев.

¹ Акяринг сясин — маленькая домашняя собачка с висющими ушами.

² Имеется в виду менкв.

№ 181

Зап. Е. Кузаковой (см. коммент. к № 157). Пер. Е. Кузаковой и Е. К. Сайнаховой. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 83—85, 180.

Первая часть текста — вариант предыдущей сказки, но затем герой, убив ведьму, не оживляет старших братьев, а умерщвляет себя. Его

кости подбирает царь; герой в облике гуся выполняет его задачи и становится мужем младшей царевны. Царевна исчезает, ищет мужа, находит его, но тот от нее отказывается.

№ 182

Зап. Е. Кузаковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от А. А. Нертымовой, 65 лет (русская, хорошо владеет мансийским языком). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и М. К. Нертымовой.

Герой щадит глухаря, который в награду трижды дает ему кузов с едой и драгоценность, но завистливый сосед похищает подарки. Наконец герой берет у глухаря волшебную палку и убивает соседа.

№ 183

Зап. Е. Кузаковой (см. коммент. к № 147). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и В. Г. Хозумова.

Герои хитростью заставляют царя отдать им дочь, обманом завладевают богатым домом, где и остаются жить, разделившись с бывшими хозяевами.

¹ Охсар — букв. «лиса»; король — букв. «самец».

² Ялпын-ойка и Ялпын-эква — «Священный старик» и «Священная старуха». Эпизод с этими персонажами — вариант эпизода с Паранарсехом в сказании о возникновении земли (ср. № 105, 106).

№ 184

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Проточные на р. Обь от Н. Н. Шадрина, 79 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и Н. Н. Шадрина.

Мансийская версия сказки по сюжет «Царская собака», по основной герой, объехавший в облике собаки Тобольск, Свердловск и Москву, назван жителем пос. Низямы.

№ 185

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Шугур на р. Конда от А. А. Нертымовой, 49 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. А. Нертымовой. Ср. № 90.

№ 186

Зап. Е. Кузаковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от А. И. Нертымова, 25 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. И. Нертымова. Ср. № 89, 90.

Текст представляет собой контаминацию нескольких сюжетов европейских сказок: «Неверная сестра», «Лебединая дева», «Магическое бегство».

№ 187

Зап. Е. Кузаковой в 1951 г. в сел. Кимкъясуи на р. Сев. Сосьва от И. И. Номина, 24 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и И. И. Номина.

№ 188

Зап. Е. Кузаковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от А. М. Нертымова, 25 лет (см. коммент. к № 186). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и А. М. Нертымова.

Сказка заимствована у русских.

№ 189

Зап. Е. Кузаковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от М. А. Нертымовой, 23 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузаковой и М. А. Нертымовой.

Сказка заимствована у русских.

№ 190

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11. Пер. Чернецова.

Сказка для детей.

№ 191

Зап. Н. Сайнаховой в 1980 г. в сел. Сосьва на р. Сев. Сосьва от П. Е. Шенкина, 48 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой.

№ 192

Зап. В. Чернецовым в 1930-х годах на р. Сев. Сосьва, или Конда, или Лозьва. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Очень распространенный у хантов и манси сюжет о мышонке с лопающим животом. Герой отождествляется с Эква-пырисем.

¹ Корни, расщепленные на пластины, применяются для спивания изделий из дерева и бересты.

№ 193

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. в сел. Яны-пауль на р. Сев. Сосьва от Н. Сампильталова. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Сказка для детей.

№ 194

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 94.

Сюжет широко распространен у разных народов.

№ 195

Зап. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой.

Сказка для детей.

№ 196

Зап. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой.

Сказка для детей на широко распространенный у разных народов сюжет.

№ 197

Зап. В. Чернецовым в 1936 г. на р. Сев. Сосьва или Обь. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 101, 102, 198.

Вариант широко известного у манси детского стишка-диалога.

¹ Акврись — «бабушонка». В фольклоре фигурирует также под именем Акв-эква или Акв (бабушка, тетушка). Вероятно, это Калтась-эква, но в детских сказках этот персонаж лишен мифологической основы.

№ 198

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. на р. Конда или Сев. Сосьва. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 101, 102, 197.

Вариант широко распространенной у манси детской сказки в форме диалога.

№ 199

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 165). Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Детский стишок-диалог.

№ 200

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 104.

Сказка для детей.

СВЕДЕНИЯ О РАССКАЗЧИКАХ

Записи публикуемых текстов производились в разное время — с конца XIX в. по 1980-е годы. К сожалению, подробных сведений обо всех рассказчиках нет, поэтому самые необходимые данные о них приведены в комментариях к текстам, а здесь излагается более подробная информация лишь о некоторых из них. Все сведения даны на момент записи, в скобках указан источник информации — публикация или сообщение собирателя.

Вандымова Федосья Даниловна, 1948 г. рождения, хантыйка с р. Лямин. Окончила Ханты-Мансийское медучилище, работала фельдшером. В 1973 г. переехала в пос. Пим по месту работы мужа — председателя сельсовета. Федосья Даниловна — очень мягкий по натуре человек, добра и отзывчива. Она охотно рассказывает сказки на родном и на русском языке, который очень любит и которым прекрасно владеет. Ей хотелось и самой записать то, что она слышала от бабушки, но план этот пока не осуществился. Записи от нее производились на русском языке в 1973 г., один текст она затем прислала в письме; всего получено 17 текстов, из них в настоящем издании представлены № 61, 73, 76, 82, 86 [Н. В. Лукина].

Ернихова Анастасия Ильинична, 1928—1985, хантыйка с р. Казым. Жила в сел. Казым и Юильск. Образование — семь классов, работала всю жизнь в совхозе «Казымский». Добрый, отзывчивый человек с уравновешенным характером. Сказки слышала от деда и отца — Ернихова Никиты Ивановича (его рассказы см. № 85, 100). Рассказывала, записывала и готовила к публикации произведения устного народного творчества и ее сестра Анна Никитична, окончившая Ханты-Мансийское педучилище и работавшая в том же совхозе учительницей. От них научилась рассказывать сказки В. Н. Соловар, записи которой вошли в наш сборник. Рассказы А. Н. Ерниховой записывали и другие лица. В настоящее издание вошли тексты в переводе В. Соловар № 91, 92 [В. Соловар].

Маремьянин Кирилл Илларионович, 1907 г. рождения, хант из сел. Вэс-тор Шеркальского сельсовета. Маремьянины относились к роду Шухтыр-ях, живущему на Малой Сосьве. Отец занимался рыболовством и охотой, а также работал у русского купца в сел. Шеркалы. Кирилл был старшим из 19 детей и в 9 лет был отдан в работники. Во время гражданской войны пострадал от белых, помогал в подавлении их мятежа. Вступил в комсомол. Занимался охотой, рыболовством и работал в рыбтресте, госторге. В 1931 г. был послан на курсы в Березово, где вступил в Коммунистическую партию. Позднее работал продавцом в системе кооперации. В 1932 г. его направили в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока, а на следующий год он стал студентом Института народов Севера в Ленинграде. Учение давалось ему с трудом, но тем заметнее была его художественная одаренность. Он организовал из студентов-хантов театральную группу, часто выступавшую с национальным репертуаром в институте, в заводских клубах и даже в Московском театре народного искусства. В институте он познакомился с техникой жи-

вописи и затем самостоятельно нарисовал несколько замечательных картин на родные сюжеты; одна из них экспонировалась на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.

Сказки К. Маремьянин слышал от матери, но основной его «школой» устного народного творчества были товарищи по охоте и рыбной ловле. Он стал прекрасным певцом и актером (танцором) на медвежьих праздниках, хотя ни отец, ни дед не владели этим искусством. В. Штейниц работал с ним в 1934—1937 гг. в Ленинграде, а в 1935 г. был две недели на его родине. Под влиянием интереса В. Штейница он стал сам записывать сказки и песни. От него (или им самим) записаны 11 сказок, 21 песня, 1 молитва, 33 загадки, много рассказов из жизни, пересказов русских текстов и др. В настоящее издание включены в переводе Н. Лукиной с немецкого языка тексты № 27, 31, 35 [51, с. 305].

Нертымов Александр Иванович, 1930 г. рождения, манси, родился и жил в сел. Шугур на р. Юконда. Образование — два класса, комсомолец, работал рыбаком и охотником. Интересный и веселый молодой человек, но к родному языку и фольклору относился несколько несерьезно, удивляясь, зачем его записывают и кому это нужно. От него записан и переведен совместно с Е. Кузаковой текст настоящего сборника № 186 [Е. Кузакова].

Нертымова Александра Евдокимовна, 1878 г. рождения, мансийка, родилась в сел. Леуши на р. Конда, но с детства жила в сел. Левдым на р. Юконда и овладела местным (восточным) диалектом мансийского языка. Самостоятельно обучилась грамоте и в 1930-х годах работала по ликвидации безграмотности. В момент записи ей было 77 лет, но она сохраняла ясность мысли и была прекрасным рассказчиком. В настоящее издание вошел текст, совместно переведенный ею и Е. Кузаковой, № 164 [Е. Кузакова].

Пырысев Прокоп Ермолович, 1918 г. рождения, хант из рода Посланых (Люди рукава реки), сел. Ямгорт на р. Сыня. Из семьи охотников-рыболовов. Окончил школу и в 1935 г. поступил в Институт народов Севера в Ленинграде. Комсомолец, принимал активное участие в общественной работе. Очень спокойный, интеллигентный, прилежный, с широкими интересами. Проявлял глубокий интерес и к родному языку, обладал хорошим слухом и пониманием фонетики. Как член краеведческого студенческого кружка записывал в институте по памяти хантыйские сказки и песни, а на каникулах записывал их у родственников. Он и сам сочинял рассказы, сказки, а также переводил с русского на хантыйский язык (вместе с Н. И. Терешкиным они перевели Конституцию СССР). В. Штейниц работал с ним в 1936—1937 гг. и записал либо получил в собственной записи П. Пырысева 12 сказок, 6 песен, 52 загадки. Одна из его сказок в переводе Н. Лукиной с немецкого языка вошла в настоящий сборник, № 28 [51, с. 303].

Сампильталов Кирилл, 1906 г. рождения, манси из поселка Яны-пауль на р. Сев. Сосьва. Малограмотный, два месяца учился на курсах в Березово. В 1930-х годах был на советской работе. Одаренный человек, один из лучших рассказчиков. Его рассказы о случаях из жизни отличались исключительной живостью и непринужденностью. Рассказывал очень выразительно, оттеняя слова героев в диалогах. У него в 1930-е годы записано 16 текстов, из них включены в настоящий сборник переведенные В. Чернецовым № 116, 144 [10, с. 11].

Хозумов Василий Гаврилович, 1892 г. рождения, манси, родился и жил в сел. Хурум-пауль на р. Ляпин, неграмотный. Его отец был уважаемым человеком, все члены этой семьи были передовыми работниками, в трудные времена к ним шли за советом. В семье часто рассказывались сказки, и их хорошо знали не только старший Василий, но и его брат Илья, сестра Дарья (см. ниже). Василий жил отдельно, своей семьей, в его доме в годы Великой Отечественной войны находилась школа. Он знал многое из прошлого своего народа, был интересным рассказчиком. У него в 1951 г. записан и при его участии переведен Е. Кузаковой текст нашего сборника № 147 [Е. Кузакова].

Хозумов Илья Гаврилович, 1913 г. рождения, манси, родился и жил в сел. Хурум-пауль на р. Ляпин (брат Хозумова Василия — см. выше). Образование — четыре класса. Как передовой охотник-рыбак, он имел бронь и не участвовал в Великой Отечественной войне. Интересный собеседник, но не очень охотно рассказывал сказки. У него в 1951 г. записаны и при его участии переведены Е. Кузаковой тексты настоящего издания № 154, 168 [Е. Кузакова].

Хозумова Дарья Гавриловна, 1931 г. рождения, мансийка, родилась и жила в сел. Хурум-пауль на р. Ляпин. Образование — четыре класса, комсомолка. Работала дояркой в колхозе. У нее в 1951 г. записан и с ее помощью переведен Е. Кузаковой текст настоящего сборника № 177 [Е. Кузакова].

Чалтомов Николай Григорьевич, 1951 г. рождения, хант с р. Большой Юган. Живет в сел. Калоково, грамотный. Имеет очень слабое зрение, выполняет ручные работы для рыболовецкой кооперации. Отличный рассказчик и охотно рассказывает как на родном, так и на русском языке. Спокойный, уравновешенный человек, что отражается и на его манере рассказывания. У него в 1974 и 1983 гг. записаны на русском языке 7 сказок и несколько рассказов, в настоящее издание вошли тексты № 66, 68, 74, 75, 87 [Н. Лукина].

Шешкип Петр Ефимович, 1932—1982, манси из сел. Ломбовож на р. Ляпин. Жил там до 36 лет, затем до конца жизни в пос. Сосьва на р. Сев. Сосьва. Окончил семь классов, работал художником-оформителем в Сосьвинском доме культуры. Член КПСС, неоднократно избирался депутатом районного и окружного Советов народных депутатов. Резчик по дереву, заслуженный работник культуры РСФСР, награжден медалью ВЦСПС. Добрый, веселый человек. Рассказывать научился у матери, сам сочинял песни и сказки; последние знал очень хорошо и охотно рассказывал по-мансийски и по-русски, многое записывал. Выступал с исполнением мансийских фольклорных произведений на праздниках. В настоящий сборник вошел текст в переводе Н. Сайнаховой № 191 [Н. Сайнахова].

СЛОВАРЬ ИМЕН *, ТОПОНИМОВ, МЕСТНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Агап — правый приток р. Обь.

Ай-Ас-Торум (хант.) — букв. «бог Малой Оби»; один из сыновей Нум-Торума, местный дух-покровитель.

Айподово — населенный пункт на р. Васюган.

Аквирсь (манс.) — уменьш. от акв («бабушка»).

Александровское — село в среднем течении р. Обь.

Алешкино — населенный пункт на р. Обь, немного выше ее разветвления на Большую и Малую.

Алтатумб — населенный пункт на р. Сев. Сосьва.

Альвали (хант.) — один из имен главного героя сказок (он же Золотой Богатырь, Ими-хиты, Кон-ики, Мир-сусне-хум; Много Странствовавший, Много Блуждавший Муж, Орт-ики, Тарыг-пещ-нималы-сов, Эквапырьсь и др.).

Анки (хант.) — мать.

Аргиш — обоз из оленей, запряженных в нарты.

Арых-лунк (хант.) — букв. «старинный дух» или «песенный дух»; дух из старинной культовой песни.

Ас-ики (хант.) — букв. «Обской старик»; дух-хозяин рыбы, местом обитания которого считалось устье Иртыша.

Ас-ях (хант.) — букв. «обской народ»; этноним, под которым имеются в виду ханты.

Ас-ях-Торум — букв. «Обского народа бог»; дух-хозяин низовой Оби.

Аут-отыр (манс.) — один из сыновей Нум-Торума; дух-покровитель, местом обитания которого считалась Обская губа.

Ахыс-ях (хант.) — букв. «низовой народ»; этноним без точной привязки.

Балаган — летнее временное жилище, шалам.

Быстрык — шест для закрепления сена при перевозке на санях.

Белогорские юрты, Белогорье — населенный пункт на р. Обь, недалеко от устья Иртыша.

Березово — поселок в нижнем течении р. Обь.

Беткаш — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.

Большой Алтым — населенный пункт на р. Обь, ниже впадения Иртыша.

Большой Ларьяк — поселок на р. Вах.

Борщевик — растение.

Вапокан — хантыйское название ненецкого рода Нганекап.

Варка (местн. рус.) — блюдо из вытопленных рыбьих внутренностей.

Варьеган — село на р. Агап.

Васюган — левый приток р. Обь.

Ват-пугол (ю. Вачпугольские) — населенный пункт на р. Обь, выше впадения Ваха.

* В словаре дается буквальный перевод имен основных мифологических и фольклорных персонажей; более полная их характеристика дана в Предисловии и в комментариях к соответствующим текстам.

Ват-ях (хант.) — букв. «с города народ»; самоназвание группы хантов р. Вах.

Вах — правый приток р. Обь.

Вахт — населенный пункт, местонахождение не установлено.

Вежакоры — населенный пункт на Большой Оби; то же — Йем-вош (хант.), Ялп-ус (манс.).

Вертикос — населенный пункт на р. Обь, выше впадения Ваха.

Верхне-Нильдинские — населенный пункт на р. Сев. Сосьва.

Виткась, Виткащ (манс.) — мифическое водяное животное, отождествляемое с мамонтом; то же — Вэс (хант.).

Волково — населенный пункт на р. Васюган.

Вон-юнг, Вонт-лунк, Вор-лунк (хант.) — лесной дух.

Ворут (манс.) — лесное сверхъестественное существо, иногда уподобляемое мепкву.

Вор-я-пауль — бывший населенный пункт на р. Вор-я, правом притоке р. Таусуй.

Вурес (хант.) — мифическое водяное чудовище, обитающее в устье Оби и не пропускающее рыбу в реку.

Вэс (хант.) — см. Виткась.

Вээн-эмтор (хант.) — озеро в верховьях р. Тухсигат.

Гимга — разновидность морды (см.).

Городской Богатырь (старик, князь), Городской Деревенский старик — популярный персонаж обско-угорского фольклора, часто противостоящий основному герою; он же Усынг-отыр (ойка).

Гусь — верхняя мужская одежда без разреза спереди.

Еви (хант.) — девочка, девушка.

Елушкино — населенный пункт на р. Конда.

Ендыр — населенный пункт на р. Ендыр, левом притоке р. Обь, ниже впадения Иртыша.

Ерган-ях (хант.) — пенцы.

Забегаловка — населенный пункт на р. Нюрюлька.

Запор — сооружение для лова рыбы, перегораживающее водоем.

Ивдель — город в Свердловской области.

Ивэх-пугол — бывший населенный пункт на р. Васюган.

Ики (хант.) — название месяца; классификационный термин родства для старших мужчин, а также «муж, старик».

Илес (хант.) — душа.

Ильпя-пауль (Новицкие) — населенный пункт на Малой Оби.

Ими (хант.) — классификационный термин родства для старших женщин, а также «жена, старуха» (манс. эвва).

Ими-хиты, Ими-хилы (хант.) — букв. «Бабушкин внук», или «Тетин племянник» (он же Альвали, Золотой Богатырь, Кон-ики, Мир-сусис-хум, Много Блуждавший, Много Страпствовавший Муж, Тарыг-пещ-нималисов, Эква-пырись и др.).

Йем-вош (хант.) — Священный город (см. Вежакоры).

Йенк-ики, Йенк-тонх, Йент-лунк (хант.) — дух-хозяин воды.

Ипыг-ойка (манс.) — букв. «Филин-старик»; один из мифических предков в дух-покровитель манси, почитаемый в сел. Хал-пауль на р. Сев. Сосьва и в сел. Хурум-пауль на р. Ляпин.

Ияр — кровавое жертвоприношение, заклание животных.

Йоли-Торум-сянь (манс.) — букв. «Нижнего мира (земли) мать»; см. Калтасть.

Касм — пастбище диких оленей, лосей.

Казым — правый приток р. Обь и поселок на нем.

Казым-ими — букв. «Казымская женщина»; дух, покровительница хантов р. Казым, почитаемая и в других районах обско-угорской территории.

Казым-ях (хант.) — ханты р. Казым.

Калганак — населенный пункт на р. Васюган.

Калдан (колыдан) — рыболовное орудие в виде мешка из мережи.

Калтасть-анки, Калтасть-ими (хант.), Калтасть-эква (манс.) — один из важнейших духов северных обских угров, дарующий детей и определяющий срок жизни человека (она же Йоли-Торум-сянь, Ма-анкв).

- Калтасянские — бывший населенный пункт у разветвления Оби на Большую и Малую.
- Камень — Урал.
- Камсар (хант.) — фольклорное слово, означающее необитаемый дом без света.
- Камус — шкура с ног копытных животных, идущая на изготовление обуви, сумок и др.
- Капграс (хант.) — инструмент для выделки кож.
- Каптага-ях (хант.) — ханты.
- Карамо (селькуп.) — землянка.
- Карс, Карыс, Кярэс (манс., хант.) — мифическая гигантская птица (она же — Товлынг-карс).
- Каслять — перекошевывать.
- Катыльга — левый приток р. Васюган и населенный пункт на нем.
- Какюк — большая крытая лодка.
- Каюково — населенный пункт на р. Большой Юган.
- Кимкъясьуй — населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
- Кири-нюлуи-ими (хант.), Кирынг-пёл-эква, Кирт-пёл-эква (манс.) — букв. «Длинноногая, Сопливноногая женщина»; злая колдунья.
- Кисы (местн. рус.) — длинная обувь из шкур с ног оленя или лося (то же — унты).
- Кокора — поперечина на дне лодки из дерева с корнем.
- Колик-ёган-пугол — населенный пункт на р. Вах.
- Колпашево — город на р. Обь.
- Колыдан — см. Калдан.
- Конда — левый приток Иртыша.
- Кон-ики, Кон-ики-пах (хант.) — букв. «Господин-старик», «Госпожина-старика сын»; одно из имен седьмого сына Торума (он же Альвали, Золотой Богатырь, Ими-хиты, Кон-ики, Мир-сусне-хум, Много Странствовавший, Много Блуждавший Муж, Тарыг-лещ-нималы-сов, Эква-пы-рись и др.).
- Корлики — село на р. Вах.
- Корс-Торум (манс.) — дух-хозяин второго, Верхнего мира, отец Нум-Торума.
- Кот-кули-ко (хант.) — сверхъестественное существо, поселяющееся в заброшенных домах.
- Кочевые — населенный пункт на р. Тромъеган.
- Красноярские юрты — бывший населенный пункт на р. Конда.
- Кремлевый — сделанный из части дерева, обращенной на юг, к солнцу.
- Криволуцкое — село на р. Обь, выше устья Ваха.
- Крылатая (ый) Калм — мифический персонаж, передающий приказы верховного божества, божий вестник.
- Ку, ху (хант.) — мужчина (то же — хум).
- Куженек, куженька (местн. рус.) — сосуд из бересты.
- Куль (манс., хант.) — 1) злой дух — властитель Нижнего мира (он же Кыль-лунк, Пэхт-ики, Хуль-отыр); 2) ругательство.
- Куноват — правый приток р. Обь и остров на Оби, к северу от Березово.
- Курья (местн. рус.) — узкий продолговатый залив, старая протока.
- Кун-юх (хант.) — липа.
- Кыль-лунк (хант.) — Дух-хозяин мира мертвых (он же Куль, Пэхт-ики, Хуль-отыр).
- Лабаз (местн. рус.) — амбар на сваях (то же — сомьях, чамья).
- Лампаск, Вампаск (хант.) — дух-покровитель хантов сел. Алешкино.
- Ларино — населенный пункт на р. Обь, выше впадения Ваха.
- Ларьеган — небольшой левый приток р. Обь в среднем течении.
- Ларьяк — село на р. Вах.
- Лар-ях (хант.) — букв. «низины народ»; самоназвание группы хантов р. Вах и Обь.
- Левдым — населенный пункт на р. Юконда.
- Лесоват — охотиться.
- Летне-Киевские — населенный пункт в бассейне Оби, выше впадения Ваха.
- Леуши — село на р. Конда.
- Ломбовож — населенный пункт на р. Ляпин.

Лор-ус — бывший населенный пункт на р. Обь, ниже села Березово.
 Лох-ваны — бывший населенный пункт на р. Конда.
 Луи-хурум-пауль — бывший населенный пункт на р. Ляпин.
 Лупк (хант.) — дух и его изображение (то же — нуми, тонх).
 Лунк-ауль (хант.) — парта духа.
 Лыва — топкое, влажное место, низина.
 Лямин — правый приток р. Обь.
 Ляпин — левый приток р. Сев. Сосьва (то же — Сыгва).
 Ма-анкв (манс.) — букв. «Земли-мать» (см. Калтась).
 Малица (местн. рус.) — мужская одежда из шкур без разреза спереди.
 Малый Юган — правый приток Большого Югана.
 Манть-ку (хант.) — букв. «человек сказки»; сказочник или герой сказки.
 Манть-лункат (хант.) — букв. «сказочные духи».
 Манья-пауль — бывший населенный пункт на р. Манья, левом притоке р. Ляпин.
 Материк — возвышенная местность, увал.
 Матур (хант.) — богатырь; то же — отыр (манс.).
 Маячки (от «маячить») — привидения, посланники Кынь-лунка (см.).
 Менкв, Менк-ики (манс. и хант.) — мифическое лесное существо, великан-людоед; он же Сэвс-пки (вост.-хант.).
 Мережа — сеть для неводо- ставных и плавных орудий рыбной ловли.
 Мир-сусне-хум (манс.) — букв. «За Миром Наблюдающий Человек», младший, седьмой сын Торума, один из важнейших мифологических персонажей обских угров (он же Альвали, Золотой Богатырь, Ими-хиты, Кон-ики, Много Страстновавший, Много Блуждавший Муж, Орт-ики, Тарыг-пещ-нимали-сов, Эква-пырьсь и др.).
 Мис, Миш (манс. и хант.) — мифические существа, близкие лесным людям или духам, дают охотничье счастье; в обыденной речи «мужчина Мис» означает также «хороший охотник».
 Много Страстновавший, Много Блуждавший Муж — одно из имен младшего сына Торума (он же Альвали, Золотой Богатырь, Ими-хиты, Кон-ики, Мир-сусне-хум, Орт-ики, Тарыг-пещ-нимали-сов, Эква-пырьсь и др.).
 Морда — сплетенная из прутьев ловушка для рыбы в форме цилиндра, сужающегося на одном конце.
 Морт, Мортим-ма (манс.) — мифическая южная земля (страна), откуда прилетают птицы.
 Морьяка — птица из семейства уток.
 Мось, Мошь (манс., хант.) — название одной из фратрий, между которыми заключались браки (ср. Пор).
 Мултаново — населенный пункт на р. Большой Юган.
 Мункес — бывший населенный пункт на р. Ляпин.
 Назым — небольшой приток р. Обь в районе Ханты-Мансийска.
 Най (манс.) — героиня, богатырша, владычица.
 Напги — населенный пункт в устье р. Обь.
 Наркас-юх, нарс-юх (хант.) — музыкальный щипковый инструмент продолговатой формы, раздваивающийся на одном конце; то же — санкиль-тап (манс.).
 Нарыкары — населенный пункт на р. Малая Обь.
 Нахрачи — бывший населенный пункт на р. Конда.
 Неводник — большая дощатая лодка.
 Нёрам-ях (хант.) — селькупы.
 Нижне-Лумпокольская волость — находилась в районе сел. Александровское.
 Низымы — населенный пункт на р. Обь, выше впадения Иртыша.
 Нилим — небольшая река, возможно, в бассейне р. Лозьва.
 Нип-юх (хант.) — смычковый музыкальный инструмент, напоминающий скрипку.
 Нир (хант.) — обувь.
 Нум, Нуми (манс., хант.) — букв. «верх», верховное божество.
 Нурики (хант.) — род обуви.
 Нэ, ни (манс., хант.) — женщина.

Ньюкуль-вель, нюкульта-ку (хант.) — ворожей, ясповидец.
 Нюролька — правый приток р. Васюган.
 Нягал-ях (Нижние Ромкины) — населенный пункт на р. Вах.
 Няксимволь — село на р. Сев. Сосьва.
 Няры (манс.) — род обуви.
 Няша — жидкое, топкое дно озера; вязкая глина, ил.
 Обдорск — ныне Салехард.
 Облас, обласок (местн. рус.) — долбленая лодка, челнок.
 Овгорт — населенный пункт на р. Сыня.
 Ойка (манс.) — мужчина, богатырь, дух-покровитель.
 Орт-ики, Орт-лунк (хант.) — букв. «Богатырь-старик (дух)»; одно из имен седьмого сына Торума (он же Альвали, Золотой Богатырь, Ими-хиты, Кои-ики, Мир-сусне-хум, Много Странствовавший, Много Блуждавший Муж, Тарыг-пеш-нималы-сов, Эква-пырьсь и др.).
 Остяки — старое название хантов.
 Отыр (манс.) — богатырь, герой, дух; то же — матур (хант.).
 Оум-я — приток р. Конда и р. Сев. Сосьва.
 Оур-я — река и населенный пункт в среднем течении р. Сев. Сосьва.
 Охтеурье — село на р. Вах.
 Пайва (манс, пайп) — заплечный кузов из бересты.
 Пальма — копье для охоты на медведя.
 Парка — короткая одежда из оленьих шкур без разреза спереди.
 Пасол (хант.) — протока.
 Пастэр — группа хантов низовьев р. Обь и манси р. Ляпин.
 Пауль (манс.) — селение.
 Пах (хант.) — сып.
 Пашерские (Пастэр-курт) — населенный пункт в низовьях р. Обь.
 Пашия — бывший населенный пункт на р. Конда.
 Пелым (ка) — левый приток р. Тавда.
 Пель-вож — населенный пункт в нижнем течении р. Обь.
 Пеля — увал, холм.
 Перевес — сеть для ловли птиц.
 Пим — правый приток р. Обь и селение на нем.
 Подволоки — лыжи, подклеенные снизу шкурами.
 Полуй — небольшой правый приток в нижнем течении р. Обь.
 Полум-ойка, Полум-Торум (манс.) — букв. «Пельмский старик (бог)»; дух, почитаемый хантами р. Пелым (он же Топал-ойка).
 Пор (манс., хант.) — название одной из половин народа (ср. Мось).
 Поры (хант.) — бескровное жертвоприношение, угощение духа пищей, подношение ему вещей, денег и т. д.
 Порых — растение (*Heracleum Sibiricum*), с которым связано название фратрии Пор.
 Посалтит — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Посалтит-хум (манс.) — букв. «Мужчина Устья Протоки»; местный дух.
 Почак (хант.) — мифическое существо, в которое превращается выкидыш или ребенок, умерший в возрасте нескольких дней.
 Поших (хант.) — детеныш.
 Проточные — бывший населенный пункт на р. Обь, выше ее разветвления на Большую и Малую.
 Пупи, пупых (манс.) — см. лунк.
 Пэхт-ики (хант.) — букв. «Черный старик» (он же Кынь-лунк, Куль, Хуль-отыр).
 Рактя-пауль — бывший населенный пункт на р. Ляпин.
 Резимовские — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Ропжа — птица кедровка.
 Рыскины — населенный пункт на р. Большой Юган.
 Сажень печатная — царская, казенная сажень, равная 213 см.
 Савк — манс. название р. Ляпин (см. также Сыгва).
 Савк-талях-нёр-эква (манс.) — горная вершина в верховьях р. Ляпин, почитаемая манси.
 Салагичи — пос. на р. Васюган.

Сали-урна-ойка (манс.) — гора в верховьях р. Маңы на Приполярном Урале.
 Самоеды — старое название ипцев.
 Санкыльтап, сангквалтап (манс.) — см. паркас-юх.
 Сапар-ях (хант.) — род князя Тайшина, жившего около Обдорска.
 Сарга — гибкие пластинки из расщепленного черемухового прута.
 Сартыньинские, Сартынья — населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Сахи (манс.) — шуба (то же — местн. рус. ягушка).
 Северная Сосьва — левый приток р. Обь (манс. название — Тайт).
 Сежа — ловушка, применяемая в заборном рыболовстве.
 Сижма — приток р. Печора.
 Слопец — давящая ловушка для птиц и мелких зверей.
 Сомьях (манс.) — см. лабаз.
 Сор — пизина, заливаемое место в поймах рек.
 Сорахта — приток р. Лямин.
 Сорожка — рыба плотичка.
 Сорт-вэс (хант.) — букв. «Старая щука-мамонт»; мифическое существо, в которое превращаются очень старые щуки.
 Сорт-пупых — букв. «щука-дух»; дух-предок одного из подразделений фратрии Мось, носящего название Сорт-махум («щуки народ») или Ер-кольн-махум («ери-махум») — пенцы).
 Сосьва — см. Сев. Сосьва.
 Старик Священного города — один из важнейших духов северных обских угров, обитающий в сел. Вежакоры и воплощающийся в облике медведя (он же Яли-ус-ойка).
 Струг — ручной инструмент для обработки дерева.
 Сугут-курт — бывший населенный пункт на р. Малая Обь.
 Сур (коми) — пиво.
 Сургут — город на р. Обь.
 Сури-пауль — бывший населенный пункт в низовьях р. Обь.
 Сыгва — местное название р. Ляпин, от манс. Сакв.
 Сыня — левый приток р. Обь.
 Сырок — морская рыба, заходящая в Обь; имеет мелкую чешую.
 Сэвс-ики (хант.) — восточнохантыйское название великана, см. также менкв.
 Тавда — левый приток р. Тобол.
 Тайт, Тахт — см. Сев. Сосьва.
 Тайт-котль-ойка (Торум) (манс.) — букв. «Среднесосьвинский богатырь (бог)»; один из сыновей Нум-Торума, местный дух-покровитель.
 Тамга — знак собственности или принадлежности к социальной группе.
 Тап — левый приток р. Конда.
 Тапсуй (Тапыс) — левый приток р. Сев. Сосьва.
 Тапыс-сунт-пауль (Усть-Тапсуй) — бывший населенный пункт на р. Тапсуй.
 Тарко-сале — населенный пункт на р. Пур, впадающей в Тазовскую губу.
 Тарыг-пец-нималы-сов — одно из имен младшего сына Торума (он же Альвали, Золотой Богатырь, Ими-хиты, Кон-ики, Мир-сусне-хум, Много Странствовавший, Много Блуждавший Муж, Эква-пырьсь и др.).
 Теги — населенный пункт на р. Малая Обь.
 Тёрас-най (хант.) — букв. «море — огонь»; жепципа-дух, обитающая в огненном море.
 Тимельга — пос. на р. Васюган.
 Тиска — полотнище из вываренной бересты для покрытия жилища.
 Тобол — левый приток Иртыша.
 Товлынг-Карс (хант.), Тухлаи-Карс (манс.) — букв. «Крылатый Карс» (см. Карс).
 Тойлои-ики (хант.) — один из духов подземного мира.
 Топтон-ойка (манс.) — сказочный персонаж, часто хитрый бедняк, противостоящий Городекому Богатырю (см.).
 Тонх (хант.) — см. лунк.
 Топал-ойка (манс.) — см. Полум-Торум.
 Тормовать — охотиться на оленей или лосей с лодки.

Торум (Тором, Турым, Торем) (манс., хант.) — многозначный термин. обозначает верховное божество, небо, вселенную, край, погоду, эпоху.
 Тошемка — населенный пункт на р. Ивдель.
 Троегородское — бывший населенный пункт в среднем течении р. Обь.
 Троица, Троицкие — населенный пункт на р. Обь, у устья Иртыша.
 Тромъеган — левый приток р. Аган.
 Туман — озеро в бассейне р. Конда.
 Тухсигат, Тух-сигэ — левый приток р. Нюролька.
 Тух-эмтор — озеро в бассейне р. Васюган.
 Тым — правый приток р. Обь.
 Тэк-ойка (отыр, Торум) (манс.) — букв. «Богатырь (бог) селения Теги»; дух-покровитель манси р. Сев. Сосьва и Лозьва.
 Тярн (хант.) — букв. «война»; злой дух или дух огня.
 Тяпар (хант.) — название местности на р. Конда и этноним.
 Угут — село на р. Большой Юган.
 Унты — см. кисы.
 Унху (хант.) — мифическое существо, обитающее в лесу.
 Урас (манс.) — мифическое существо, приносящее беду.
 Урман — лес, тайга.
 Урья — см. курья.
 Усын-отыр (ойка) (манс.) — см. Городской Богатырь.
 Утас-пугол — бывший населенный пункт в среднем течении р. Обь.
 Утчи (манс.) — см. Унху, менкв.
 Фут — старинная мера длины, равная 30, 48 см.
 Хал-пауль — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Хангасам — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Хапторка (ненец.) — неплодоносящая самка оленя.
 Хомрат-пауль — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Хор — некастрированный олень, производитель.
 Хорей — шест, которым погоняют оленей при езде.
 Хулга — правый приток р. Лияни.
 Хуль-отыр (манс.) — см. Куль.
 Хум (манс.) — мужчина (то же — ку).
 Хура — правый приток р. Сев. Сосьва.
 Хурум-пауль — населенный пункт на р. Лияни.
 Хурын-я — вероятно, небольшой приток Оби вблизи впадения в нее р. Сев. Сосьва.
 Цингалы, Цингалинские — село в низовьях Иртыша.
 Чамья — см. лабаз.
 Чворовые — населенный пункт на р. Нюролька.
 Чебачья — левый приток р. Тухсигат.
 Черки — короткая обувь.
 Черная — правый приток р. Тавда.
 Чернеть, чернядь — птица из семейства гаг.
 Чечергино — озеро и населенный пункт в бассейне р. Васюган.
 Чипэн-ку (хант.) — колдун, ворожей.
 Широ́к — птица из семейства уток.
 Чомга — птица из отряда поганок, или нырцов.
 Чувал — очаг типа камина.
 Чукрей — узкий нож.
 Чум — коническое жилище из жердей, крытое берестой или шкурами.
 Чуман — берестяной сосуд с плоским дном.
 Шабур — распахная одежда из грубой ткани.
 Шайтан (тюрк.) — злой дух.
 Шеркалы — населенный пункт в низовьях Оби.
 Шилохвость — птица из семейства уток.
 Шомы — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Шугур — населенный пункт на р. Юконда.
 Шумиловские — бывший населенный пункт на р. Конда.
 Щекурья — населенный пункт на р. Лияни.

Щутья — небольшая речка, впадающая в Надымскую Обь (Обскую губу).

Ыл-лунк (хант.) — букв. «Нижний (Низовой) дух».

Эква (манс.) — женщина; то же — ими (хант.).

Эква-пырись (пыгрищ, пырищ) (манс.) — букв. «Женщины сынок» (ов же Альвади, Золотой Богатырь, Ими-хиты, Кон-ики, Мир-сусне-хум, Много Странствовавший, Много Блуждавший Муж, Орт-ики, Тарыг-пец-пи-маля-сов и др.).

Юбилейный — населенный пункт на р. Тромъеган.

Югав (Большой) — левый приток р. Обь.

Юильск — населенный пункт на р. Казым.

Юкола — сушеная рыба.

Юконда — левый приток р. Конда.

Юр (хант.) — мифическое водяное животное.

Юрта — населенный пункт и дом, жилище.

Ягун-ики (хант.) — букв. «Юганский старик»; дух-покровитель хангов р. Юган.

Ягушка (местн. рус.) — см. сахи.

Ялп-ус (манс.) — букв. «Священный город» (то же — Пежакоры, Йем-вош).

Ялп-ус-ойка (манс.) — букв. «Старик Священного города» (см.).

Ялянь (хант.) — сверхъестественное существо, подобное менкау.

Ямгорт — населенный пункт на р. Смыя.

Яны-пауль — населенный пункт на р. Сев. Сосьва.

Записки хантыйского и мансийского фольклора

1. *Авдеев И. И.* Песни народа манси. Омск, 1936 [рус. пер.].
2. *Баландина-Вазрушева М. П.* Богатырь Двух Горных Хребтов.— Фольклор народов Севера СССР. Сборник научных трудов. Л., 1980 [манс. текст с рус. пер.].
3. *Баландин А.* Маньси мойтыт (Мансийские сказки). Л., 1938 [манс. тексты с рус. пер.].
4. *Баландин А.* Маньси мойтыт ос эргыт (Мансийские сказки и песни). Л., 1939 [манс. тексты с рус. пер.].
5. Легенды и мифы Севера. Сост., примеч. В. М. Санги. М., 1985 [рус. пер.].
6. Легенды и сказки хантов. Запись, предисл. и примеч. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. Томск, 1973 [рус. пер.].
7. Материалы по фольклору хантов. Запись, предисл. и примеч. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. Томск, 1978 [рус. пер.].
8. Северные россыпи (сборник творчества северян). Сост. Л. С. Лаптева. Салехард, 1962 [хант. тексты с рус. пер.].
9. Сказки народов Севера. Сост., предисл. и примеч. М. Г. Воскобойникова и Г. А. Меновщикова. М.—Л., 1959 [рус. пер.].
10. *Чернецов В. Н.* Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л., 1935 [рус. пер.].
11. Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ф. В. Н. Чернецова, № 869, д. 38 [рус. пер. мансийских текстов], а также материалы В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной).
12. *Ahlquist A.* Forschungen auf dem Gebiete der uralaltaischen Sprachen. T. 3. Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlungen und Grammatik. 1. Abt. Sprachtexte und Wörtersammlungen. Helsingfors, 1880 [хант. тексты с нем. пер.].
13. *Ahlquist A.* Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik. Hrsg. von Y. Wichman. Helsinki, 1894 [манс. тексты с нем. пер.].
14. *Finngor-szamojéd (uráli) regék és mondák.* II. Budapest, 1984 [венг. пер.].
15. *Gulya J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1966 [приложение: хант. тексты с англ. пер.].
16. *Honti L.* Chrestomathia Ostiaca. Budapest, 1984 [приложение: хант. тексты с венг. пер.].
17. *Honti L.* Tromagani osztják szövegek.— Nyelvtudományi Közlemények. 1978, 80 köt [хант. тексты с венг. пер.].
18. *Honti L., Rusvai Ju.* Pimi osztják szövegek.— Nyelvtudományi Közlemények. 1977, 79 köt [хант. тексты с венг. пер.].
19. *Kálmán B.* Chrestomathia Vogulica. Budapest, 1963 [приложение: манс. тексты с нем. пер.].
20. *Kálmán B.* Wogulische Texte mit einem Glossar. Budapest, 1976 [манс. тексты с нем. и венг. пер.].
21. *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 1. Texte mythischen Inhalts. Helsinki, 1951 [манс. тексты с нем. пер.].
22. *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 2. Kriegs- und Heldensagen. Helsinki, 1955 [манс. тексты с нем. пер.].
23. *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 3. Märchen. Helsinki, 1956 [манс. тексты с нем. пер.].
24. *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 4. Bärenlieder. Helsinki, 1958 [манс. тексты с нем. пер.].
25. *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 5. Aufführungen beim Bärenfest. Helsinki, 1959 [манс. тексты с нем. пер.].

26. *Kannisto A., Litmola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 6. Schicksalslieder, Kinderreime, Rätsel, Verschiedenes. Helsinki, 1963 [манс. тексты с нем. пер.].
27. *Kannisto A., Litmola M., Eiras V.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 7. Wörterverzeichnis zu den Bänden 1—6. Helsinki, 1982 [словарь к комментариям 1—6 томов].
28. *Karjalainen K. F., Vértes E.* Südostjakische Textsammlungen. Bd. 1. Helsinki, 1975 [хант. тексты с нем. пер.].
29. *Munkácsi B.* Vogul népköltési gyűjtemény. I. Regék és énekek a világ teremtéséről. Vogul szövegek és fordításaik tárgyi és nyelvi magyarázatokkal. Budapest, 1892—1902 [манс. тексты с венг. пер.].
30. *Munkácsi B.* Vogul népköltési gyűjtemény. II/1 Istenek hősi énekei, regéi és idéző igéi. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest, 1892 [манс. тексты с венг. пер.].
31. *Munkácsi B.* Vogul népköltési gyűjtemény. II/2. Istenek hősi énekei, regéi és idéző igéi. Vogul szövegek és fordításaik. Tárgyi és nyelvi magyarázatok. Szómutató. Budapest, 1892—1921 [комментарии и словарь].
32. *Munkácsi B.* Vogul népköltési gyűjtemény. III/1. Medveénekek. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest, 1893 [манс. тексты с венг. пер.].
33. *Munkácsi B., Kálmán B.* Manyisi (vogul) népköltési gyűjtemény. III/2. Medveénekek. Az obi-ugor medvetisztelet. Tárgyi és nyelvi magyarázatok. Szómutató. Budapest, 1952 [комментарии и словарь].
34. *Munkácsi B.* Vogul népköltési gyűjtemény. IV/1. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest, 1896 [манс. тексты с венг. пер.].
35. *Munkácsi B., Kálmán B.* Manyisi (vogul) népköltési gyűjtemény. IV/2. Fejezetek az obi-ugor népköltésről. Nyelvi és tárgyi magyarázatok. Szómutató. Budapest, 1963 [комментарии и словарь].
36. *Paasonen H., Vértes E.* Südostjakische Textsammlungen. Bd. I — IV. Helsinki, 1980 [хант. тексты с нем. пер.].
37. *Pápay J.* Északi-osztják nyelvtanulmányok. Budapest, 1910 [хант. тексты с венг. пер.].
38. *Pápay J.* Osztják népköltési gyűjtemény. Budapest — Leipzig, 1905 [хант. тексты с венг. и нем. пер.].
39. *Pápay J., Erdélyi I.* Ostjakische Heldenlieder. Budapest, 1972 [хант. тексты с нем. пер.].
40. *Pápay J., Fazekas J.* Északi-osztják medveénekek. Adalékok az obi-ugor népek medve kultuszához. Budapest, 1934 [хант. тексты с венг. пер.].
41. *Patkanov S.* Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. T. 1, 2. St.-Pbg., 1897, 1900 [ч. 2: хант. тексты с нем и рус. пер.].
42. *Rédei K.* Nord-ostjakische Texte (Kazym-Dialekt) mit Skizze der Grammatik. Göttingen, 1968 [приложение: хант. тексты с нем. пер.].
43. *Rédei K.* Norten Ostjak Chrestomathy. Bloomington, 1965 [хант. тексты с англ. пер.].
44. *Reguly A., Pápay J., Zsirai M.* Osztják (chanti) hősénekek. I. Budapest, 1944 [хант. тексты с венг. и нем. пер.].
45. *Reguly A., Pápay J., Zsirai M.* Osztják (chanti) hősénekek. II. Budapest, 1951 [хант. тексты с венг. и нем. пер.].
46. *Reguly A., Pápay J., Zsirai M.* Osztják (chanti) hősénekek. III. Budapest, 1965 [хант. тексты с венг. и нем. пер.].
47. *Romhangyeieva Je. I., Kálmán B.* Északi-vogul szövegek. — Nyelvtudományi Közlemények. 1974, 76 köt [манс. тексты с венг. пер.].
48. *Sibirische Märchen.* Bd. 1. Wogulen und Ostjaken. Hrsg. von J. Gulya. Köln, 1968 [нем. пер.].
49. *Steinitz W.* Ein ostjakisches Märchen in M. A. Castrén's handschriftlichem Nachlass. — Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963 [хант. текст с нем. пер.].
50. *Steinitz W.* Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. T. 1. Grammatikalische Einleitung und Texte mit Übersetzung. Tartu, 1939. Переиздано: *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 1. B., 1975 [хант. тексты с нем. пер.].

51. *Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. T. 2 Zur ostjakischen und wogulischen Volksdichtung.* Stockholm, 1941. Переиздан: *Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 2.* Budapest, 1976 [комментарии].

Исследования

52. *Алексеев Е. А. Этнокультурные аспекты изучения шаманства у кетов.— Этнокультурные контакты народов Сибири.* Л., 1984.
53. *Баландин А. Мансийские сказки.— Омская область.* 1937, № 7.
54. *Баландин А. И. Язык мансийской сказки.* Л., 1939.
55. *Богданов И. А. Хантыйская и мансийская музыка.— Музыкальная энциклопедия.* Т. 5. М., 1984.
56. *Гемьев И. Н., Сагаалеев А. М. Религия народа манси. Культовые места XIX — начала XX в. Новосибирск, 1986.*
57. *Гондatti Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири.* М., 1888.
58. *Григорьевский Н. Предания нарымских инородцев о созвездиях «Лось».— Томские губернские ведомости.* 1892, № 31.
59. *Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев.* Тобольск, 1911.
60. *Иванов Вяч. Вс. Кетско-американские связи в области мифологии.— Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика.* Л., 1982.
61. *Иванов Вяч. Вс. О возможности реконструкции литературы как совокупности текстов.— Исследования по структуре текста.* М., 1987 со ссылкой: N. S. Trubetzkoy's letters and notes. Prepared for publication by Roman Jakobson with the assistants of N. Baran, O. Ronen and Marsha Taylor. The Hague — Paris, 1975, с. 29—30.
62. *Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник.* М.— Л., 1963.
63. *Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири.* Л., 1970.
64. *Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск, 1987.
65. *Косарев М. В. Предпосылки сложения и специфика раннеклассовых обществ в таежном Обь-Иртышье.— От доклассовых обществ к раннеклассовым.* М., 1987.
66. *Кузакова Е. А. О новых записях фольклора манси.— Искусство и фольклор народов Западной Сибири.* Томск, 1984.
67. *Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов.* Томск, 1984.
68. *Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов.— Из истории шаманства.* Томск, 1976.
69. *Куприянова З. Н. К вопросу о жанровом составе фольклора угро-самодийских народностей.— Проблемы изучения финно-угорского фольклора.* Саранск, 1972.
70. *Куприянова З. Н. Собрание и изучение фольклора народов Севера в советскую эпоху.— Языки и фольклор народов Крайнего Севера.* Л., 1969.
71. *Лукина Н. В. Зарубежные публикации фольклора обских угров.— Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма.* Таллин, 1982.
72. *Лукина Н. В., Шмидт Е. О классификации прозаических жанров в фольклоре обских угров.— XVII Всесоюзная конференция финно-угроведов.* Т. 2. Секция этнографии. Ижевск, 1987.
73. *Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа.* М., 1958.
74. *Мелетинский Е. М. Миф и сказка — Фольклор и этнография.* Л., 1970.
75. *Мелетинский Е. М. Об архетипе инцеста в фольклорной традиции.— Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов.* Л., 1984.
76. *Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники.* М., 1963.

77. Мигусова Р. Медвежий праздник у аганских остяков Сургутского района Тобольского округа.— Тобольский край. 1926, № 1.
78. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980; т. 2. М., 1982.
79. Мошинская В. И., Лукина Н. В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров.— Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.
80. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.
81. Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком, сочиненное... в 1715 г. СПб., 1884.
82. Носилов К. Д. У вогулов. М., 1904.
83. Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям.— Живая старина. 1891, № 3, 4.
84. Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
85. Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки.— Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
86. Пропп В. Я. Фольклор и действительность.— Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
87. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник.— Одежда народов Сибири. Л., 1970.
88. Ромбандеева Е. И. Некоторые сведения о культе предков духов-покровителей пай-отыров.— Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск. 1985.
89. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974.
90. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. М., 1974.
91. Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси).— Этническая история народов Севера. М., 1982.
92. Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов.— Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.
93. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы рода и фратрии. М., 1983.
94. Старцев Г. А. Остяки. Л., 1926.
95. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976.
96. Топоров В. Н. Две заметки об иранском влиянии в мифологии народов Сибири.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1981, вып. 558.
97. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
98. Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье.— Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 1. М., 1947.
99. Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров.— Советская этнография. 1947, № 6, 7.
100. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала (ч. 2). М., 1971.
101. Чернецов В. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем.— Congressus Secundus Internationalis Fenno-ugristarum. Pars. 2. Budapest, 1965.
102. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров.— Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 51. М., 1959.
103. Чернецов В. Н. Фпатриальное устройство обско-угорского общества.— Советская этнография. 1929, № 2.
104. Чернецов В. Н., Мошинская В. И. О некоторых общих чертах в древних культурах народов Западной Сибири и Северной Америки.— Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск. 1974.
105. Шатилов М. Б. Ваховские остяки. Томск, 1931.
106. Шатилов М. Б. Драматическое искусство ваховских остяков.— Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.
107. Шмидт Е. Проблемы современного фольклора северных обских угров.— Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984.
108. Шмидт Е. Соотношение музыки, стихосложения и стиля в народной поэзии северных хантов.— CUFU 6. Studia Hungarica. Syktyvkar, 1985. Acta Sessionum. Sectio archeologica, anthropologica et historica. Sectio ethnologica. Sectio folkloristica Sectio litteraria. Budapest, 1985.

109. Шмидт Е. Улилар. Попытка к определению жанровых отношений северомансийского текста песни — *Acta Ethnographica*. 1979. Т. 28 (1—4).
110. Яшин В. Б. О возможных истоках некоторых обско-угорских космологических представлений. — *Источники по истории Западной Сибири. История и археология*. Омск, 1987.
111. Bakró-Nagy M. Sz. Die Sprache des Bärenkultes im Obugrischen. Budapest, 1979.
112. Demény I. P. Az északi-osztják hős énekek tipológiai elemzése. — *Nyelv és irodalomtudományi közlemények*. Cluj-Napoca. 1977. XXI évf., 1 szám; 1978, XXII évf., 2 szám.
113. Demény I. P. A vogul hős epika. I, II. — *Nyelv-és irodalomtudományi közlemények*. Cluj-Napoca. 1983, XXVII évf., 2 szám; 1984, XXVIII évf., 1 szám.
114. Gehrts H. Schamanistische Elemente im Zaubermärchen. — *Schamanentum und Zaubermärchen*. Kassel, 1986.
115. Kannisto A., Lümla M. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki, 1958.
116. Kannisto A. Ueber die Bärenzeremonien der Wogulen. — *Opetatud Eesti Seltsi Toimetused*. Tartu, 1938, 19, 1.
117. Kannisto A. Ueber zwei ostjakische Benennungen des Bären im Wogulischen. — *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 7. Helsingfors-Leipzig, 1907.
118. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. I. Helsinki-Porvoo, 1921.
119. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. II. Helsinki-Porvoo, 1922.
120. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker, III. Helsinki-Porvoo, 1927.
121. Karjalainen K. F. Dem Andenken Anton Regulys. — *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 8. Helsingfors-Leipzig, 1908.
122. Korenchy E. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.
123. Lehtisalo T. Der Tod und Wiedergeburt des künftigen Schamanen. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. XLVIII (3). Helsinki, 1937.
124. Munkácsi B. Vogul népköltési gyűtemény. II/2, 3. Istenek hős énekei, regéi és idező igei. Budapest, 1910—1921.
125. Paasonen H. Ueber die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. — *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 2, Heft 2. Helsingfors-Leipzig, 1902.
126. Pápay J. Die ostjalkischen Heldenlieder Regulys. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. XXX (36). Helsinki, 1913—1918.
127. Rombangyejeva Je. I. Adatok az ösök szelleminek kultuszához a voguloknál (szigvai vogul anyag alapján). — *Nyelvtudományi Közlemények*, 86 köt. 1 szám. Budapest, 1984.
128. Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken. Helsinki, 1983.
129. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lief. 8. B., 1978.
130. Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. — *Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten*. Bd. 4. Budapest, 1980.
131. Tschernetzow V. N. Bärenfest bei den Ob-Ugriern. — *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 23 (2—4). Budapest, 1974.
132. U.-Köhalmi K. Der sibirische Hintergrund des Bärenfestes der Wogulen. — *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Pars IV. Budapest, 1981.
133. Vértés E. Beiträge zur Metodik der ostjakischen Personennamenforschung. — *VI Internationaler Kongress für Namenforschung*, Bd. 3. München, 1961.
134. Vértés E. Ostjakisches Material im Archiv der finnisch-ugrischen Gesellschaft. — *Acta Linguistica*. T. 26, fasc. 1/2. Budapest, 1976.
135. Vértés E. Volksepen der Ob-Ugrier. — *Volksepen der uralischen und altaiischen Völker*. Wiesbaden, 1968.
136. Wogulische und ostjakische Melodien. Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K. F. Karjalainen, hrsg. von A. O. Väisänen. Helsinki, 1937.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

5

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ ХАНТОВ

1. Сотворение мира	60
2. Как кулик землю достал	63
3. Черт и бог	64
4. Сюнькап-икиган	64
5. Дочери солнца и месяца	65
6. Происхождение месяца	65
7. О людях солнца и месяца	66
8. Шестиногий лось	66
9. Происхождение созвездий	69
10. Старичок Торстор	69
11. Огненный потоп	70
12. Дом с закрытой дверью	73
13. Происхождение человека	74
14. Как человек стал смертным	75
15. Происхождение скопы	75
16. Происхождение кукушки	75
17. Почему у глухаря глаза красные	76
18. Белое мясо рябчика	76
19. Летучий зверь-палим	76
20. О появлении оленей	78
21. Первая оленья нарта	79
22. Богатырь-медведь	79
23. Происхождение медведей	80
24. Медвежья смерть	80
25. Женина Мось	84
26. Мужчина Мось, рожденный из колена женщины	90
27. Камень семпыр	94
28. Женина Мось и женщина Пор	101
29. Три Пор-из	104
30. Священное сказание о Желанном Богатыре — Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света	105
31. Мнимоумерший племянник	125
32. Ими-хиты	127
33. Бабушкин внук	132
34. Альвали и Сэвс-ики	134
35. Старик Лампак и его внук	136
36. Сыновья Мужчины с Размапистой Рукой и Типарской женщины	141
37. Богатыри города Сонг-хуша	160
38. Золотоволосый Царь	167
39. О богатырях-предках	168
40. Богатырь и связной	169
41. Битва богатырей	170
42. Семья Чугас	170
43. Происхождение народа Пастэр	170

44. О народе Лар-ях	172
45. Происхождение священных мысов	172
46. О происхождении фамилий	173
47. Заселение Агана	174
48. Борьба с народом Ахыс-ях	174
49. Чипэн-ку	174
50. Месть за отца	175
51. Тонья-богатырь	177
52. Приход Ермака	179
53. Почему у остяков нет своей грамоты	179
54. Обиженный огонь	180
55. Путешествие на небо	180
56. О ворожеях	181
57. Музыкальный мыс	181
58. О мамонте (вариант А)	182
59. О мамонте (вариант Б)	182
60. Почак	182
61. Случай в доме	183
62. Поиски девушки	183
63. Пропавшая девушка	184
64. Покинутые юрты	185
65. Кладбище и амбар	185
66. У подземных духов	186
67. Человек, оставшийся под землей	187
68. Охотник без глаз	189
69. У лесных людей	192
70. Унху	192
71. У лесной женщины	195
72. Соболь с золотым кольцом	197
73. Наказание	198
74. Охотник и Менк-ики	198
75. Ловушка для Менк-ики	200
76. Кто умнее	200
77. Манть-ку	202
78. Арых-лунк	202
79. Налимьи печенки	203
80. Леший	204
81. На речке Нинкан-ёган	207
82. Шесть коварных женщин	208
83. Кирп-нюлуп-ими	209
84. В прошлую весну уехавший	211
85. Три брата	211
86. Две сестры и баба-яга	213
87. Дочери Менк-ики	215
88. Подобно Осиновому Листу Верткий Муж	220
89. Золотоволосая девочка	237
90. Орел	240
91. Золотой конь	244
92. Богатырь, росший три дня	246
93. Птица Карс	249
94. Лиса в лодке	251
95. Воробышек с сестренкой	251
96. Зайчик и лягушка	252
97. В доме бурундука	252
98. Старик и медведь	254
99. Жирный глухарь	254
100. Жирный кулик	255
101. Пташечка	255
102. Итичка	255
103. Красный платок и черный платок	255
104. Ягодка, клюква и сено	256

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ МАНСИ

105. Священное сказание о возникновении земли	258
106. Сказание о сотворении земли	272
107. Создание мира	291
108. Как достали солнце и месяц, как на земле появились птицы и звери	293
109. Как луна на землю приходила	296
110. Охота на шестиноного лося	297
111. Про Северный ветер	297
112. Поясывание земли	297
113. Как создали человека (вариант А)	298
114. Как создали человека (вариант Б)	300
115. Первые смертные	301
116. Медвежья песня о спуске с неба	301
117. Медвежья песня о сыне женщины Мось	307
118. Медвежья песня о трех всадниках	312
119. Медвежья песня о Городском Богатыре	315
120. Медвежья песня о старике Филипе	317
121. Медвежья песня о храброй старухе	321
122. Медвежья песня о старухе Ронаске	323
123. Сказка о маленькой Мось-нэ	326
124. Маленькая Мось-нэ — дочь медведицы	327
125. Мось-нэ и ее дочь	332
126. Спор между Пор-нэ и Мось-нэ	333
127. Как Мось-нэ и Пор-нэ искали себе мужей	333
128. Дети Мось-нэ	334
129. Мось-нэ и менкв	336
130. Мось-нэ, Пор-нэ и их дети	338
131. Мось-нэ и Филин	339
132. Семь Пор-нэ и Филин	341
133. Как Эква-пырьсь на свет появился	342
134. Как Эква-пырьсь встретился с птицей Товлынг-карс	346
135. Как Эква-пырьсь в страну Мортим-ма летал	352
136. Как Эква-пырьсь у Водяного дочь сватал	354
137. Как Эква-пырьсь Усынг-отыра морочил	358
138. Как Эква-пырьсь на охоту ходил	366
139. Эква-Пырьсь и женщина с кузовом	373
140. Как Эква-пырьсь перехитрил великана	376
141. Эква-пырьсь и купец	377
142. Как Эква-пырьсь Русского Богатыря победил	384
143. Сказка о Миленьком	385
144. Женщина-богатырь	388
145. Два сына Сибирской Женщины Резаное Железо	401
146. Трехсаженный Лесной Идол	406
147. Богатырь Невеличка	411
148. Сказание о походе Богатыря Соболиного Волоса, Зверипого Волоса Домашнего Друга	415
149. Агуман и Соловара	421
150. Богатырь Хурынг	423
151. Богатырь Двух Горных Хребтов	426
152. Война на Тавде	427
153. Предание о поселке Леуши	428
154. Образование островов	429
155. Скала Сброшенной Лосиной Головы	431
156. Сали-урна-ойка	431
157. На каменном утесе	432
158. Сказание о парде Пастэр	432
159. Сын Полум-Торума	433
160. Серебряное блюдо	433
161. Сонный человек	437
162. Встреча с душами умерших	438

163. На кладбище	439
164. Заблудившаяся женщина	440
165. Предок-спаситель	440
166. Человек с реки Казым	441
167. Сбор ясака	445
168. В охотничьей избушке	447
169. Мис-нэ	449
170. Мис-нэ и охотники	450
171. Глухой зять	451
172. Сказка про умного старика	452
173. Менкв в болоте	452
174. Заблудившийся охотник	453
175. Человек с Ляпина и человек с Сосьвы	454
176. Сражение менквов	457
177. Иипыг-ойка	459
178. Маленькая Женщина Брусничный Глаз	460
179. Сильный Юван	461
180. Окаменевшие братья	462
181. Младший брат-гусь	463
182. Волшебная палка	467
183. Охсар-ойка и Король-ойка	469
184. Ендырский и Низямский	473
185. Про орла	475
186. Семь лебедей	477
187. Кольцо царской дочери	482
188. Марфа-царевна	486
189. Семь братьев-разбойников	494
190. Трое мужчин	496
191. Ворона и сорока	497
192. Мышонок Земляной Братец	498
193. Про двух собак	501
194. Лис	501
195. Лось	503
196. Как собака себе товарища искала	503
197. Акврись	504
198. Заяц	505
199. Кошечка	506
200. Стружка, Зоб и Стелька	506
Примечания	507
Сведения с рассказчиков	549
Словарь имен, топонимов, местных и специальных терминов	552
Литература	560

Научно-художественное издание

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ ХАНТОВ И МАНСИ

Редактор *И. Л. Елевич*. Младший редактор *Н. О. Хотинская*. Художник *Л. С. Эрман*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректоры *Л. Н. Дегтярева, Л. Ф. Орлова*.

ИБ № 16403

Слано в набор 28.11.89. Подписано к печати 04.09.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. п. л. 35,5. Усл. кр.-отт. 35,5. Уч.-изд. л. 42,64. Тираж 50 000 экз. Изд. № 6773. Зак. № 1000. Цена 5 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы. 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25